1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников

1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников

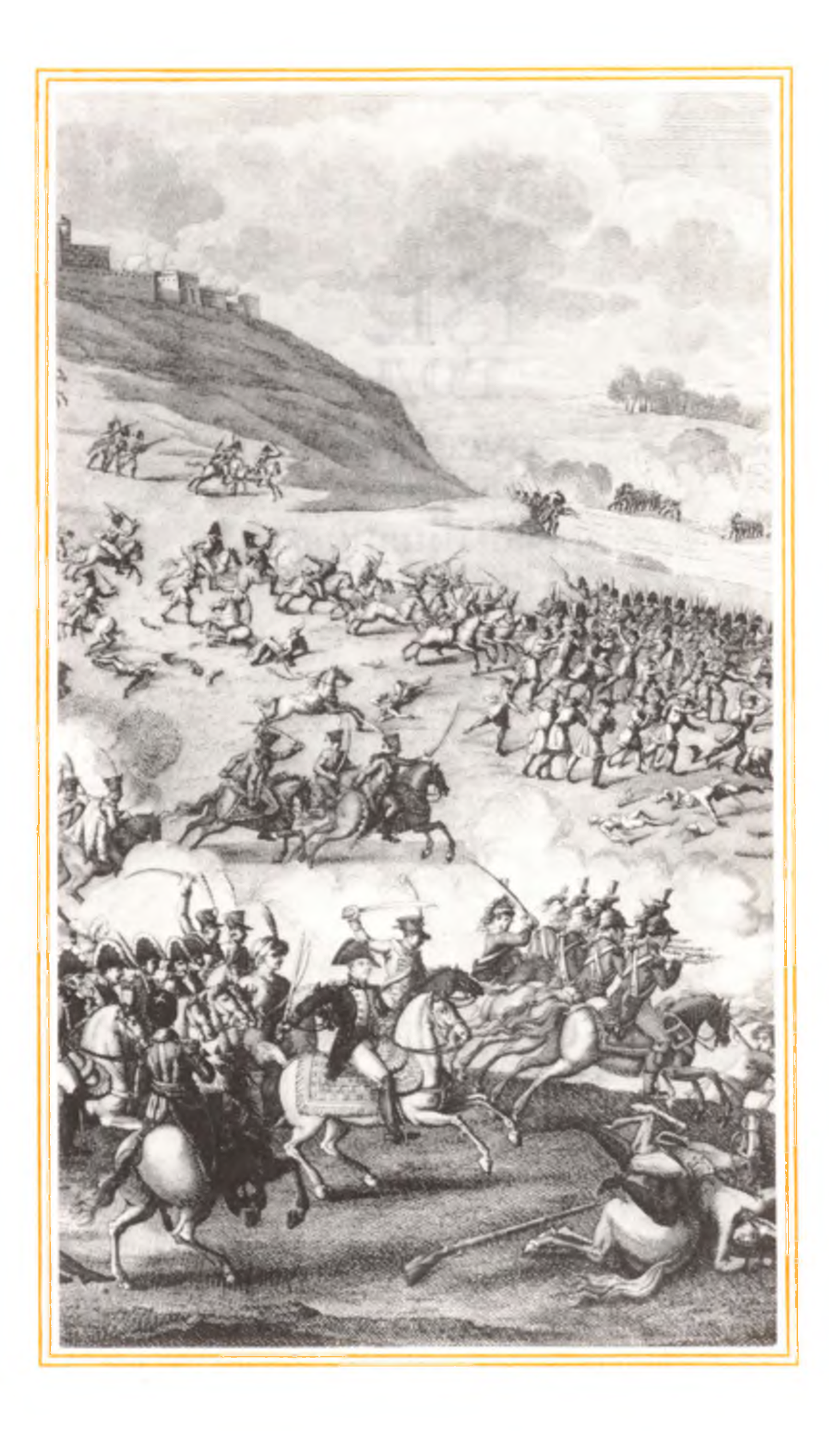

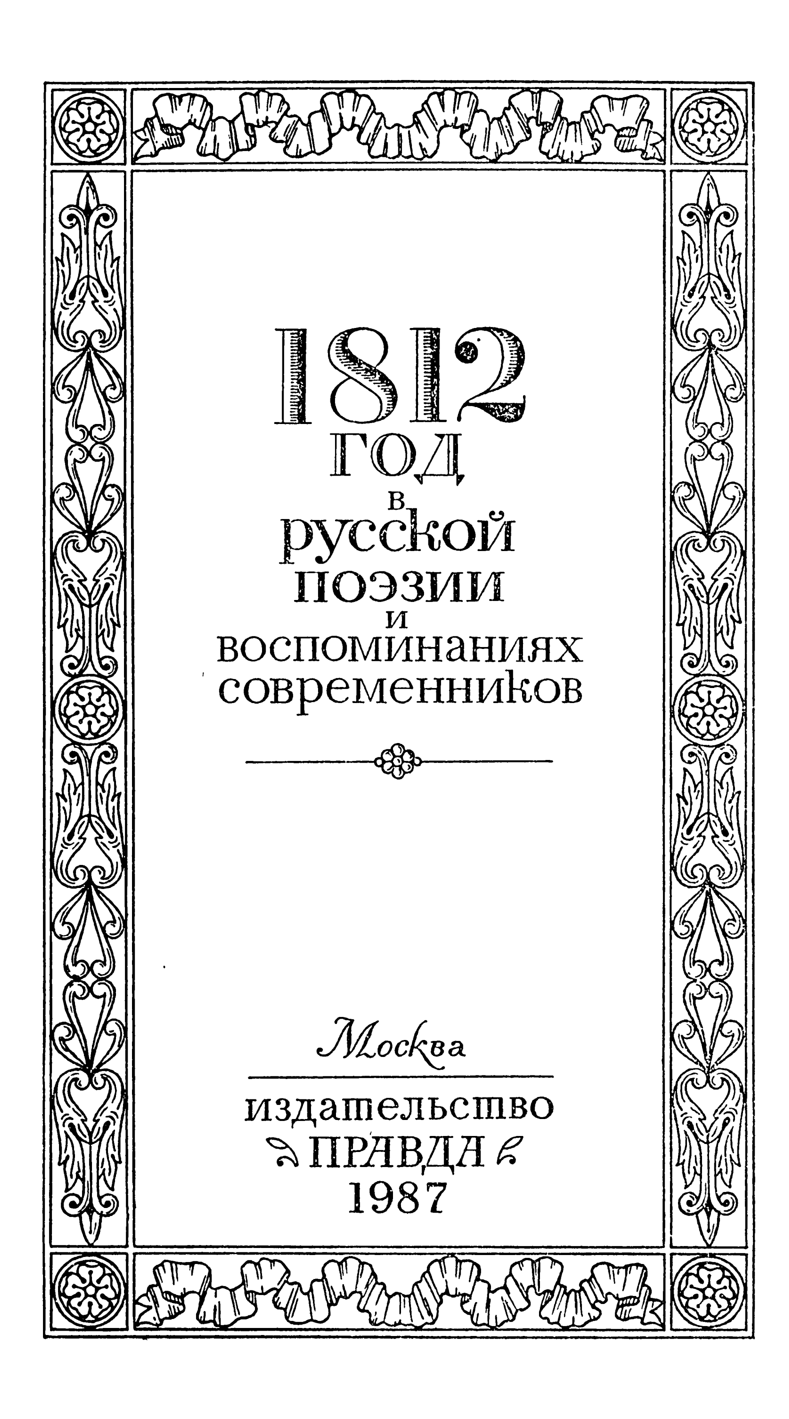

1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников

1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников

Москва
издательство
ПРАВДА
1987

84 Р 1
Т 93

Составление
Н. Н. Акоповой и В. В. Бережкова

Вступительная статья
О. Н. Михайлова

Примечания
М. А. Бойцова

Т $\frac{4702010100-1387}{080\ (02)\ -87}$ 1387—87

«НЕДАРОМ ПОМНИТ ВСЯ РОССИЯ...»

Битва на Чудском озере, Куликово поле, Бородино, Сталинград — они остались навечно в исторической памяти нашей страны. Как символы победы и возрождения, как воплощение священного народного гнева против захватчиков, посягнувших на родные земли, на мирные очаги, на само существование Русского, а затем и Советского государства. Наконец, как неиссякаемый источник горячего патриотического чувства, связывающего прошлое с настоящим. О неразрывности этих двух начал — прошлого и настоящего — Пушкин сказал:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

(На них основано от века,
По воле бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.)

Патриотизм всегда воспринимался передовыми умами России как могучая сила, способная преобразовать и двинуть дальше, к социальному переустройству великую страну.

«Я всеми фибрами своей души принадлежу русскому народу,— писал А. И. Герцен,— я работаю на него, он работает во мне, и это вовсе не историческая реминисценция, не слепой инстинкт и не кровная связь, а следствие того, что я сквозь кору и туман, сквозь кровь и зарево пожаров, сквозь невежество народа и цивилизацию царя вижу огромную силу, важный элемент, вступающий в историю рядом с социальной революцией, к которой старый мир пойдет волей-неволей, если он не хочет погибнуть или окостенеть».

Лучшие умы России завещали нам любовь и уважение ко всему, что помогало выстоять нашей Родине и способствовало ее превращению в великое государство. Славные «птенцы гнезда Петрова» в XVIII веке успешно выполнили начатую волею Петра историческую миссию по укреплению страны в ее теперешних границах. Деятельность Суворова, Румянцева, Потемкина, Державина связана исторической преемственностью со спасителем Отечества М. И. Голенищевым-Кутузовым, с певцом 1812 года В. А. Жуковским, с юным Пушкиным и, наконец, «Войной и миром» Л. Н. Толстого. Какое же событие могло подвигнуть в XIX веке на столь грандиозный труд, как не Отечественная война 1812 года?

Вторжение неприятеля в пределы России, кульминационное Бородинское сражение, пожар Москвы, напряженная — и победная наконец! — борьба с армиями Наполеона вызвали могучий подъем в народе.

«Народ этот,— заметил, говоря о России, Герцен,— убежден, что у себя дома он непобедим; эта мысль лежит в глубине сознания каж-

дого крестьянина, это — его политическая религия. Когда он увидел иностранца на своей земле в качестве неприятеля, он бросил плуг и схватился за ружье. Умирая на поле битвы «за белого царя и пресвятую богородицу»,— как он говорил,— он умирал на самом деле за неприкосновенность русской территории».

Нашествие «двунадесяти языков» было следствием в ряду множества причин — экономических, политических, дипломатических, военных. Следует, хотя бы коротко, вспомнить предысторию событий, в результате которых воинство Наполеона оказалось под стенами Москвы, а затем русская армия — в Париже.

Ее начало — в бессмысленной для России кампании 1805 года, завершившейся Аустерлицким поражением. Разваливавшаяся под ударами Франции Римская империя — этот искусственный реликт средневековья и ее пронырливый британский союзник, так любивший загребать жар чужими руками, постарались добиться своего: выманить русских солдат в Центральную Европу и столкнуть с Францией Россию.

Вместе с тем именно в этой войне громко заявил о себе будущий победитель Наполеона — М. И. Кутузов. Его искусный марш-маневр от Браунау до Ольмюца (с разгромом маршала Мортье под Кремсом) — образец отступательного ведения войны на изматывание с превосходящим в силах противником. Недаром другой наполеоновский маршал — Мармон назвал его «классически-героическим». Здесь мы видим первый отблеск кутузовского гения.

Военные успехи французской армии в Аустерлицком сражении, при Йене (1806) и под Ваграмом (1809) привели к необычайному расширению империи Наполеона. Он стал повелителем всей Западной и Центральной Европы, исключая островную Великобританию. После неудачи в битве при Фридланде (1807) и выхода Пруссии из антинаполеоновской коалиции русское правительство вынуждено было заключить с Францией Тильзитский мир, присоединиться к имевшей целью экономическое удушение Англии континентальной блокаде и объявить Англии войну.

Однако, пойдя на эти меры, Россия настороженно относилась к экспансии Франции и оставалась главной силой на континенте, препятствовавшей Наполеону в осуществлении его планов завоевания мирового господства. Это понимал и сам Наполеон, говоря: «Без разгрома России континентальная блокада — пустая мечта». К 1810 году между Францией и Россией не существовало уже ни одного вполне независимого государства. Все они покорились одной воле, воле завоевателя, который еще после заключения Тильзитского мира сказал своим приближенным: «Через пять лет я буду господином мира, остается одна Россия, но я раздавлю ее...»

К этой поре Франция представляла собой агрессивное государство, в котором ничего не оставалось от революционных идеалов 1789 года.

Наполеон с первых шагов предал забвению революционные лозунги и последовательно шел к личной диктатуре: сначала стал первым консулом, потом итальянским королем, а затем императором Франции. Он создал новую аристократию с пышными титулами: сын трактирщика Иоахим Мюрат сделался королем Неаполитанским, сын бочара Мишель Ней — герцогом Эльхингемским и князем Московским «Отравленный воздух дворца», по словам Стендаля, «вконец развратил Наполеона». Одновременно менялась и армия. По словам того же Стендаля, «по мере того, как шитье на мундирах делалось богаче... сердца под ними черствели». Это уже были ландскнехты, жаждавшие только обогащения и наживы.

Разгромив революцию внутри страны, Наполеон продолжил прогрессивные преобразования только в одной области — ведении войны. Борьба за рынки сбыта и рост промышленного развития Франции заставили его вести в течение многих лет кровопролитные войны.

Уже вся Европа дрожала перед Наполеоном, французская империя ненасытно готовилась к новым завоеваниям. В начале 1812 года число войск, скапливавшихся у западных границ России, достигло 600 тысяч строевых; в многочисленном и разношерстном воинстве участвовали все народы континентальной Европы, за исключением англичан и турок (в начале XIX века турки еще господствовали на обширных пространствах юго-восточной Европы).

Армия Наполеона была уже на Висле. Французский император и его маршалы не сомневались в победе, обрекали уже мысленно Россию на верную гибель и смотрели на предстоящий поход, как на торжественный марш в Петербург и Москву. 12 июня 1812 года передовые части неприятеля перешли Неман.

Начиная русскую кампанию, Наполеон фальшиво предлагал императору Александру I вести ее по-рыцарски и в перерывах между боями, на ничейной земле, за дружеским обедом обсуждать проявленное военное искусство. Но с первых же шагов «великая армия» показала себя как армия захватчиков и грабителей. Молва о насилиях и реквизициях быстро передавалась из деревни в деревню, из города в город. Одни жители уходили в леса, другие следовали за русской армией со всем своим имуществом, семействами и скотом, предавая пламени все, что могло быть полезным неприятелю. Оставаться дома никто из русских жителей не хотел. «Умрем, а рабами не будем!» — говорили в народе.

Наполеон впервые после Испании, но в гораздо больших масштабах столкнулся с тем, что за Пиренеями именовалось «гверильей» — народной войной. К этому добавилось невиданное упорство русских солдат. Перед Смоленском отставший гренадер был окружен, но продолжал отстреливаться, отвечал отказом на предложения сдаться в плен, и, чтобы его уничтожить, пришлось выдвинуть пушку. А сколько таких гренадеров было еще перед Смоленском и после Смоленска?

Уже повсюду, где только ступила нога захватчиков, занялся пожар войны народной. В селениях запирали ворота и ставили в них караулы; у околиц устраивали шалаши в виде будок, а подле них — сошки для пик. Никому из посторонних не дозволялось приближаться к деревням, даже русским курьерам: на уверения, что они свои, первым ответом был выстрел или пущенный с размаха топор. Лишь после переговоров, убедившись, что нет обмана, крестьяне объясняли причину своей осторожности: «Да ведь у злодея всякого сброда люди...»

Соединяясь в крупные партии, ведомые кем-либо из отставных солдат или отважных товарищей и старост, крестьяне нападали на неприятеля, становясь страшнее врагам, по мере того как привыкали к кровавым встречам. А после Бородинского сражения, потрясшего до основания французскую армию, и сдачи Кутузовым Москвы заполыхало пламя партизанской войны.

К этой поре Москва была окружена плотным партизанским кольцом. «Малая» война, истощавшая неприятеля, грозно перерастала в большую. Началось отступление Наполеона, мало-помалу перешедшее в беспорядочное бегство.

Отечественная война 1812 года явила славную плеяду выдающихся полководцев и военачальников. Это прежде всего военный министр и главнокомандующий 1-й армией Барклай-де-Толли, избравший с

самого начала единственно верную тактику отступления перед страшной массой вторгнувшихся войск. Его не понимали, о нем злословили в придворных кругах и в армии, но он молча выполнял свой долг. Огромной любовью солдат и офицеров пользовался блестящий ученик Суворова главнокомандующий 2-й армией князь Багратион, который с боями, выходя из окружений, соединился с 1-й армией у Смоленска. В числе героев двенадцатого года мы называем и генералов Дохтурова, Милорадовича, Коновницына, Раевского, Ермолова, братьев Тучковых... и легендарного казачьего атамана Платова (о котором народ сложил множество песен), и партизанских вожаков — Дениса Давыдова, Сеславина, Фигнера, и бесчисленных простых людей, вплоть до знаменитой старостихи Василисы Кожиной.

Однако среди всех них выделяется одна фигура. Это спаситель Отечества М. И. Кутузов. Его роль тщательно принижалась официальными дореволюционными историками: политически опасно было вспоминать о том, что Кутузов в 1812 году пользовался неограниченной властью и опирался на полное доверие народа.

Уникальная фигура Кутузова, главного героя двенадцатого года, заставляет нас пристальнее вглядеться в него — полководца, государственного деятеля, дипломата.

Он был предусмотрителен до такой степени, что не только многочисленные недоброжелатели — граф Ланжерон, князь Долгоруков, английский полковник Вильсон, генерал Беннигсен, московский генерал-губернатор Ростопчин, великая княгиня Екатерина Павловна, наконец, сам Александр I,— но даже соратники и ученики, не понимая его дальновидной мудрости, упрекали полководца в медлительности, бездействии, а враги — даже и в трусости. Там, где он рассчитывал стратегическую партию на пятнадцать ходов вперед, их хватало лишь на два-три. За видимым бездействием и леностью безостановочно работал, перебирая варианты, мощный мозг. Так складывалась военная философия Кутузова, выраженная им в простой, но емкой формуле:

«Лучше быть слишком осторожным, нежели оплошным и обманутым».

Соединение огромного жизненного опыта с редкостной интуицией, расчета с даром предвидения не может не изумлять. 19 августа из-под Гжатска посылает он дочери Анне Михайловне Хитрово одно, а затем и второе письмо, настойчиво требуя, чтобы та покинула свое имение в Тарусе и из Калужской губернии уехала с семьей в Нижний Новгород. Какой перелет мысли! Еще не найдено поле для генерального сражения, и исход этого сражения непредугадываем, а, кажется, ум Кутузова уже обращен к Калужской дороге, где он отразит Наполеона и погонит его вспять, по опустошенному Смоленскому тракту...

Упрекавшие Кутузова в бездеятельности и пассивности не подозревали, какой огромный темперамент скрыт, спрятан у него под маской благодушия и спокойствия. Натуре его с младых ногтей свойственны были необыкновенный артистизм, театральность — с притворствами, игрой, лукавством. Это не бытовая хитрость, которая принимает вид ума, а рядом с умом оказывается сама глупа; такая хитрость — ум для глупых. Нет, это род мудрости, аналог которой, если брать примеры из отечественной истории, можно найти разве что в характере Ивана Андреевича Крылова, не случайно обращавшегося в своих баснях к образу Кутузова «Дедушка Крылов» и «дедушка Кутузов» обнаруживают глубокое внутреннее родство в их особенном, народном уме, медленном упорстве, скрытой силе...

«Старый лис Севера»,— сказал о Кутузове Наполеон. «Умен, умен, его и сам Рибас не обманет»,— тридцатью двумя годами рань-

ше в своей излюбленной «припечатывающей» манере отозвался о нем Суворов. Наполеон хорошо помнил, как обманул его Кутузов в 1805 году, сперва у Кремса, а затем у Шенграбена, хотя и не сделал из этого должных выводов.

Стратегия Кутузова, как показывает опыт войны 1805 года, кампании против турок в 1811—1812 годах, наконец, Отечественной войны, очевидно, заключалась, помимо прочего, в том, что он не рассматривал генеральное сражение в качестве главного или единственного условия в достижении конечного успеха. В отличие, скажем, от Наполеона, для которого именно решающий бой автоматически предоставлял возможность диктовать условия победоносного мира. Нет, тысячи других, даже на поверхностный взгляд посторонних причин брались Кутузовым в расчет. Известна фраза, которую он сказал, отправляясь в августе 1812 года в действующую армию, в ответ на неосторожный вопрос племянника: «Неужели, дядюшка, вы думаете разбить Наполеона?» — «Разбить? Нет...— произнес тогда Михаил Илларионович.— Но обмануть — да, рассчитываю!» Если девизом Наполеона было: «Ввяжемся, а там посмотрим», то Кутузов мог бы противопоставить ему иной: «Выпутаемся, а там посмотрим». Именно то, чего не мог предусмотреть его грозный противник, предвидел Кутузов, когда сказал на совете в Филях: «Москва, как губка, всосет в себя французов...»

Его упрекали в нерешительности и пассивности австрийские генералы в 1805 году в Браунау, граф Ланжерон в 1811 году под Рущуком и Слободзеей, Беннигсен, Вильсон, Армфельд, сам Александр I — в 1812-м. Врагов он нажил столько, что их, верно, достало бы и на десятерых. Лень, сибаритство, обжорство, женолюбие, сонливость, будто бы безразличие и покорность судьбе — в чем только не обвиняли Кутузова! Но посреди всего этого, словно крыловский Слон в окружении своры мосек, он спокойно шел вперед. Не объясняясь и не оправдываясь, Кутузов выполнял свою нелегкую миссию.

Иногда, из сегодняшнего «далека», даже кажется, что в течение ряда лет он как бы «тренировал», отрабатывал будущую кампанию против наполеоновского нашествия. Когда в 1805 году Александр I, поддерживаемый своими чрезмерно пылкими «молодыми друзьями» и императором австрийским Францем, самонадеянно торопился развязать генеральное сражение, Кутузов предложил свой план. «Дайте мне отвести войска к границам России,— сказал он,— и там, в полях Галиции, я погребу кости французов». Разве это не напоминает «черновик» будущих действий в 1812 году? Кутузова, как известно, не послушались, и произошла злосчастная Аустерлицкая битва.

Или кампания против турок в 1811—1812 годах. Опрокинув под Рущуком армию великого визиря Ахмеда-паши, Кутузов, ко всеобщему недоумению, приказал войскам не преследовать противника, а воротиться на левый берег Дуная. Позднее он объяснит, что мало проку разбить турок, которые уйдут за Балканы, а весною явятся снова, как это не раз бывало прежде. Ведь России жизненно необходимо было заставить беспокойного южного соседа пойти на мировую: Наполеон стоял у западных рубежей. Рождается знаменитый план: притворным отступлением выманить Ахмеда-пашу на левую сторону, окружить и уничтожить. Чем не репетиция истребления малой кровью «великой армии»? Как и французы в 1812 году, турки съедают собственных лошадей, гибнут в окружении от голода и болезней и, наконец, сдаются.

Однако одна, главная черта отделяет войну 1812 года от всех предыдущих: ее *народный* характер.

Кутузов с его мудростью и широтой взгляда до конца понял это. Именно о священном праве народа защищаться против захватчиков любыми средствами говорил он присланному Наполеоном Лористону, который сетовал, что война-де ведется «не по правилам». По отношению к супостатам, посягнувшим на само существование России как государства, у Кутузова, кстати, очень чувствительного и даже чуть сентиментального по натуре, не могло быть жалости. Когда, окруженные вооружившимся народом и партизанами, терпя жестокие лишения от лютого холода и голода, французы удирали из России, Кутузов писал своей любимой дочери Елизавете Михайловне Хитрово:

«Вот Бонапарт,— этот гордый завоеватель, этот модный Ахиллес, бич рода человеческого, или, скорее, бич божий,— бежит передо мной более трехсот верст, как дитя, преследуемое школьным учителем... Говорят, что солдаты, офицеры, даже генералы едят лошадиную падаль. Некоторые мои генералы уверяли, что они видели двух несчастных, жаривших на огоньке части тела своего третьего товарища. При таких зрелищах человек, отбросив в сторону и генеральство, и государственное свое сановничество, поневоле содрогнется. Неужели это мое несчастное назначение, чтобы заставить визиря питаться лошадиным мясом, а Наполеона еще более гадкими веществами? Я часто плакал из-за турок, но, признаюсь, из-за французов не проливал ни одной слезы».

И, идя наперекор сложившейся легенде о Наполеоне, которой суждено будет надолго владеть умами людей («угас великий человек»), Кутузов задается простым вопросом в письме к своей жене Екатерине Ильинишне: «Да был ли он подлинно велик?»

Сама Россия вещала устами Кутузова и действовала его именем. И вот, исполнив свой долг, он вдруг слабеет и после легкой простуды угасает в чужой Силезии. Кутузов уже все сделал: Россия спасена. История как бы «отозвала» его со сцены — роль сыграна.

«Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории,— сказал Пушкин.— Его титло: спаситель России; его памятник: скала святой Елены! Имя его не только священно для нас, но не должны ли мы еще радоваться, мы, русские, что оно звучит русским звуком?.. Один Кутузов мог предложить Бородинское сражение; один Кутузов мог отдать Москву неприятелю, один Кутузов мог оставаться в этом мудром деятельном бездействии, усыпляя Наполеона на пожарище Москвы и выжидая минуты роковой: ибо Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал!»

Память о войне двенадцатого года жила, формировала общественное мнение, рождала события и книги, отозвалась дальним эхом в исторический день 14 декабря 1825 года на Сенатской площади и воплотилась в строки «Войны и мира».

«В половине 1812 года грянул гром,— отмечал обозреватель в журнале «Сын Отечества» за 1815 год,— и литература наша сначала остановилась совершенно, а потом обратилась к одной цели — споспешествованию Отечественной войне. В продолжение второй половины 1812 года и первой 1813 года не только не вышло в свет, но и не написано ни одной страницы, которая не имела бы предметом тогдашних происшествий».

Не только взрослые — дети жадно следили за событиями. Как вспоминал декабрист И. И. Пущин, «жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой народной жизни русской: приготовлялась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве... мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили

мимо самого Лицея, мы всегда бывали тут при их появлении, выходили даже во время классов, напутствовали воинов сердечной молитвой, обнимались с родными и знакомыми. Усатые гренадеры из рядов благословляли нас крестами. Не одна слеза была тут пролита... Когда начались военные действия, всякое воскресенье кто-нибудь из родных привозил реляции. Читались наперерыв русские и иностранные журналы при неумолкаемых толках и прениях, всему живо сочувствовалось у нас...» В толпе лицеистов стоял и юный Пушкин,—

Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

Закономерным было патриотическое одушевление всех писателей того времени. Сорокашестилетний Карамзин, благословив на войну поэта В. Жуковского и историка К. Калайдовича, сказал последнему: «Если бы я имел взрослого сына, в это время ничего бы не мог пожелать ему лучшего». Когда французские войска приблизились к Москве, он покинул ее одним из последних. Уничтожая вторгнувшегося неприятеля, русские, по его словам, исполнили «закон государственный, который не принадлежит религии, но также дан богом: закон естественной обороны, необходимый для существования всех земных тварей и гражданских обществ».

Разбуженный громом Отечественной войны, к патриотической лирике обращается В. Жуковский. «Тишайший» русский поэт становится — «потому что в это время всякому должно быть военным» — поручиком московского ополчения, пишет красноречивые приказы за адъютанта Кутузова генерала И. Н. Скобелева (деда знаменитого полководца), наконец, создает главный свой памятник патриотического воодушевления — «Певец во стане русских воинов», где звенящими похвалами осыпаны русские герои:

Друзья, прощанью кубок сей!
И смело в бой кровавый
Под вихорь стрел, на ряд мечей,
За смертью иль за славой...

Популярность этого произведения была огромна. «Часто в обществе читаем и разбираем «Певца во стане», новейшее произведение г. Жуковского,— говорит в «Походных записках русского офицера» И. Лажечников.— Почти все наши выучили сию пиесу наизусть... Какая поэзия! Какой неизъяснимый дар увлекать за собой души воинов!»

Если уж совершенно далекий от ратных дел Жуковский надел военный мундир, то что говорить о Денисе Давыдове, проведшем большую часть жизни в армии — он выдвинулся уже в финляндском походе и в турецкую войну, а впоследствии принимал участие в персидском и польском походах. «Жизни баловень счастливый, два венка ты заслужил...» — писал, обращаясь к нему, Н. Языков. Один венок — как партизан, увековечивший свое имя наравне с крупнейшими полководцами славной кампании; другой — как автор живых и кипучих «гусарских стихов», проникнутых пафосом национального самосознания и патриотизма («За тебя на черта рад, наша матушка Россия!..»). И все же существует еще «третий венок» Дениса Давыдова — его «Военные записки».

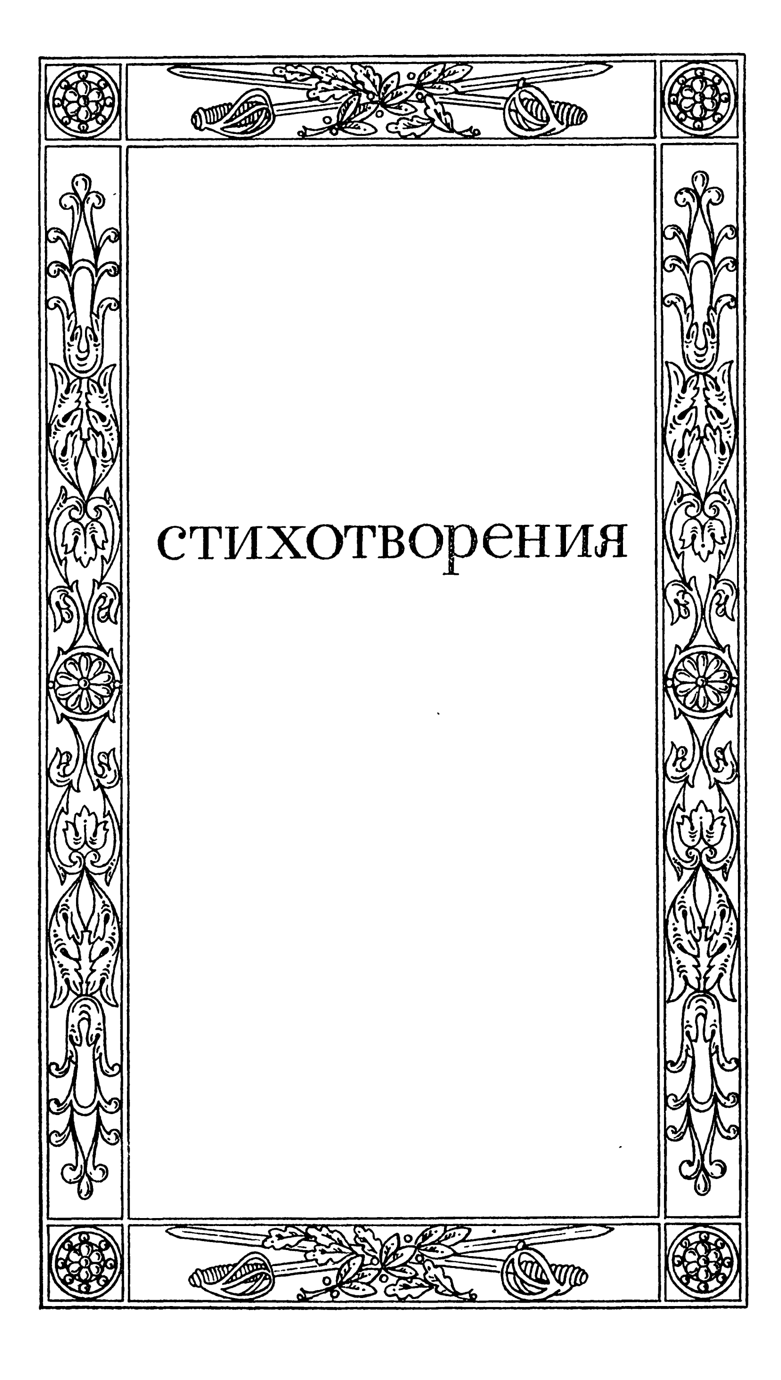
Написанные, по словам Пушкина, «неподражаемым слогом», «Записки» Д. Давыдова поднимают огромный пласт жизни русского общества, русской армии и дают серию блестящих очерков, в которых

раскрывается подвиг русского народа в борьбе с наполеоновским нашествием. Впрочем, лучшие «Записки» Д. Давыдова были лишь одними из многих. Гигантская мемуарная литература в России (и за рубежом) посвящена этому феномену в отечественной истории.

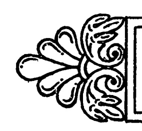
В наши дни документ обрел особое значение, порою оттесняя «художественное», «вымысел» на второй план. Но в откликах на войну 1812 года литература и документ как бы смыкаются. Что такое, скажем, стихотворение К. Батюшкова «Переход через Рейн» — поэтический вымысел, вольность? Нет, отлитые в стихотворные строки воспоминания незабываемых дней. А дальше, с определенной уже временнóй дистанции, осмысление происходившего, к которому обращались и первые поэты России, и их ученики и продолжатели: Пушкин, Лермонтов, Крылов, Тютчев, Полонский, Хомяков, Никитин.

Из многих художественных произведений и воспоминаний в эту книгу были отобраны стихи и мемуарные фрагменты (Ф. Н. Глинки, С. Н. Глинки и др.), которые складываются в единое мозаичное панно, передающее общую картину двенадцатого года. Словно оттаяли звуки давно замерзшей битвы (как это было описано в знаменитом эпизоде у Рабле) и заговорили живые голоса. Они учат нас восхищаться славным прошлым России, любить свою Отчизну и беречь ее

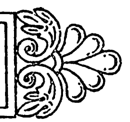
Олег Михайлов

стихотворения

Г·Р·ДЕРЖАВИН

ГИМН ЛИРО-ЭПИЧЕСКИЙ НА ПРОГНАНИЕ ФРАНЦУЗОВ ИЗ ОТЕЧЕСТВА

(отрывки)

. . . .
Что ж в сердце чувствую тоску
И грусть в душе моей смертельну?
Разрушенну и обагренну
Под пеплом в дыме зрю Москву,
О страх! о скорбь! Но свет с эмпира
Объял мой дух,— отблещет лира;
Восторг пленит, живит, бодрит
И тлен земной забыть велит,
«Пой! — мир гласит мне горний, дольний,—
И оправдай судьбы господни».

Открылась тайн священных дверь!
Исшел из бездн огромный зверь,
Дракон иль демон змеевидный;
Вокруг его ехидны
Со крыльев смерть и смрад трясут,
Рогами солнце прут;
Отенетяя вкруг всю ошибами сферу,
Горящу в воздух прыщут серу,
Холмят дыханьем понт,
Льют ночь на горизонт
И движут ось всея вселенны.
Бегут все смертные смятенны
От князя тьмы и крокодильных стад.
Они ревут, свистят и всех страшат;
А только агнец белорунный,
Смиренный, кроткий, но челоперунный,
Восстал на Севере один,—
Исчез змей-исполин!

Что се? Стихиев ли борьба?
Брань с светом тьмы? добра со злобой?

Раздел «Стихотворения» составлен В. В. Бережковым.

Иль так рожденныя утробой
Коварств крамола, лесть татьба
В ад сверглись громом с князем бездны,
Которым трепетал свод звездный,
Лишались солнца их лучей?
От пламенных его очей
Багрели горы, рдело море,
И след его был плач, стон, горе!..

И бог сорвал с него свой луч:
Тогда средь бурных, мрачных туч
Неистовой своей гордыни,
И домы благостыни
Смердя своими надписьми,
А алтари коньми
Он поругал. Тут все в нем чувства закричали,
Огнями надписи вспылали,
Исслали храмы стон,—
И обезумел он.
Сим предузнав свое он горе,
Что царство пройдет его вскоре,
Не мог уже в Москве своих снесть зол,
Решился убежать, зажег, ушел;
Вторым став Навходоносором,
Кровавы угли вкруг бросая взором,
Лил пену с челюстей, как вепрь,
И ринулся в мрак дебрь.

Но, Муза! тайнственный глагол
Оставь,— и возгреми трубою,
Как твердой грудью и душою
Росс, ополчась, на галла шел;
Как Запад с Севером сражался,
И гром о громы ударялся,
И молньи с молньями секлись,
И небо и земля тряслись
На Бородинском поле страшном,
На Малоярославском, Красном.

Там штык с штыком, рой с роем пуль,
Ядро с ядром и бомба с бомбой,
Жужжа, свища, сшибались с злобой,
И меч, о меч звуча, слал гул;
Там всадники, как вихри бурны,
Темнили пылью свод лазурный;
Там бледна смерть с косой в руках,

Скрежещуща, в единый мах
Полки, как класы, посекала
И трупы по полям бросала...

Какая честь из рода в род
России, слава незабвенна,
Что ей избавлена вселенна
От новых Тамерлана орд!
Цари Европы и народы!
Как бурны вы стремились воды,
Чтоб поглотить край росса весь;
Но буйные! где сами днесь?
Почто вы спяща льва будили,
Чтобы узнал свои он силы?

Почто вмешались в сонм вы злых
И, с нами разорвав союзы,
Грабителям поверглись в узы
И сами укрепили их?
Где царственны, народны правы?
Где, где германски честны нравы?
Друзья мы были вам всегда,
За вас сражались иногда;
Но вы, забыв и клятвы святы,
Ползли грызть тайно наши пяты.

О новый Вавилон, Париж!
О град мятежничьих жилищ,
Где бога нет, окроме злата,
Соблазнов и разврата;
Где самолюбью на алтарь
Все, все приносят в дар!
Быв чуждых царств не сыт, ты шел с Наполеоном,
Неизмеримым небосклоном
России повратить,
Полсвета огорстить.
Хоть прелестей твоих уставы
Давно уж чли венцом мы славы;
Но, не довольствуясь слепить умом,
Ты мнил попрать нас и мечом,
Забыв, что северные силы
Всегда на Запад ужас наносили...
О росс! о доблественный народ,
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изящностью своих доброт!

По мышцам ты неутомимый,
По духу ты непобедимый,
По сердцу прост, по чувству добр,
Ты в счастьи тих, в несчастьи бодр,
Царю радушен, благороден,
В терпеньи лишь себе подобен.

Красуйся ж и ликуй, герой,
Что в нынешнем ты страшном бедстве
В себе и всем твоем наследстве
Дал свету дух твой знать прямой!
Лобзайте, родши, чад, их — чада,
Что в вас отечеству ограда
Была взаимна от врагов;
Целуйте, девы, женихов,
Мужей супруги, сестры братья,
Что был всяк тверд среди несчастья.

И вы, Гесперья, Альбион,
Внемлите: пал Наполеон!
Без нас вы рано или поздно,
Но понесли бы грозно,
Как все несут, его ярмо,—
Уж близилось оно;
Но мы, как холмы, быв внутрь жуплом наполненны,
На нас налегший облак черный
Сдержав на раменах,
Огнь дхнули,— пал он в прах.
С гиганта ребр в Версальи трески,
А с наших рук вам слышны плески:
То в общем, славном торжестве таком
Не должны ли и общих хвал венцом
Мы чтить героев превосходных,
Душою россов твердых, благородных?
О, как мне мил их взор, их слух!
Пленен мой ими дух!

И се, как въяве вижу сон,
Ношуся вне пределов мира,
Где в голубых полях эфира
Витает вождей российских сонм.
Меж ими там в беседе райской
Рымникский, Таврский, Задунайский
Между собою говорят:

«О, как венец светлей стократ,
Что дан не царств за расширенье,
А за отечества спасенье!

Мамай, Желковский, Карл путь свят
К бессмертью подали прямому
Петру, Пожарскому, Донскому;
Кутузову днесь — Бонапарт.
Доколь Москва, Непрядва и Полтава
Течь будут, их не умрет слава.
Как воин, что в бою не пал,
Еще хвал вечных не стяжал;
Так громок стран пусть покоритель,
Но лишь велик их свят спаситель».

По правде вечности лучей
Достойны войны наших дней.
Смоленский князь, вождь дальновидный,
Не зря на толк обидный,
Великий ум в себе являл,
Без крови поражал
И в бранной хитрости противника, без лести,
Превысил Фабия он в чести.
Витгенштейн легче бить
Умел, чем отходить
Средь самых пылких, бранных споров,
Быв смел как лев, быстр как Суворов.
Вождь не предзримый, гром как с облаков,
Слетал на вражий стан, на тыл — Платов.
Но как исчислить всех героев,
Живых и падших с славою средь боев?
Почтим Багратионов прах —
Он жив у нас в сердцах!

Се бранных подвигов венец!
И разность меж Багратионом
По смерти в чем с Наполеоном?
Не в чувстве ль праведных сердец?
Для них не больше ль знаменитый
Слезой, чем клятвами покрытый?
Так! мерил мерой кто какой,
И сам возмерен будет той.
Нам правда божия явила,
Какая галлов казнь постигла.
О полный чудесами век!
О мира колесо превратно!

Давно ль страшилище ужасно
На нас со всей Европой тек!
Но где днесь добычи богаты?
Где мудрые вожди, тристаты?
Где победитель в торжествах?
Где гений, блещущий в лучах?
Не здесь ли им урок в ученье,
Чтоб царств не льститься на хищенье?
    О, так! блаженство смертных в том,
Чтоб действовать всегда во всем
Лишь с справедливостью согласно,
    Так мыслить беспристрастно,
Что мы чего себе хотим,
    Того желать другим...

Отца отечества несметны попеченьи
Скорбей прогонят наших тени;
    Художеств сонм, наук,
    Торгов, лир громких звук,
Все возвратятся в их жилищи;
Свое и чуждо племя пищи
Придут, как под смоковницей, искать
И словом: быв градов всех русских мать,
Москва по-прежнему восстанет
Из пепла, зданьем велелепным станет,
    Как феникс, снова процветать,
        Венцом средь звезд блистать.
    ...И из страны Российской всей
Печаль и скорби изженутся,
В ней токи крови не прольются,
Не канут слезы из очей;
От солнца пахарь не сожжется,
От мраза бедный не согнется;
Сады и нивы плод дадут,
Моря чрез горы длань прострут,
Ключи с ключами сожурчатся,
По рощам песни огласятся.

    Но солнце! мой вечерний луч!
Уже за холмы синих туч
Спускаешься ты в темны бездны,
    Твой тускнет блеск любезный
Среди лиловых мглистых зарь,
    И мой уж гаснет жар;
Холодна старость — дух, у лиры — глас
                                        отъемлет,

Екатерины Муза дремлет:
То юного царя
Днесь вслед орлов паря,
Предшествующих благ виденья,
Что мною в день его рожденья
Предречено, достойно петь
Я не могу; младым певцам греметь
Мои вверяю ветхи струны...

1812—1813

ОДА
НА СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА
КНЯЗЯ СМОЛЕНСКОГО
апреля в 16 день 1813 года

(в сокращении)

Отколе пал внезапно гром
И молния покрылась паром?
Грохочет всюду гул кругом!
Каким гордится смерть ударом,
Что дрогнула твоя коса?

Давно ль, давно ль, страна преславна,
В блаженстве царствовала ты!
Где ж красота твоя державна?
Не тот и взор, не те черты!
Отколь там грусть, где дух великий?

Военный гений твой в слезах.
В густом тумане ратна сила,
Всеобща скорбь слышна в речах,
По лаврам ты идешь уныло!
Где сын твой, где бессмертный вождь?..

Откликнись, вождь наш несравненный!
Осиротел твой меч в ножнах!
На твой лежащий шлем священный
Уже валятся ржа и прах!
Не спишь ли ты в сияньи славы?..

Проснись... Но что?.. Желанья тщетны!
Молчит весь мир на голос мой!
Ссеченный дуб наш кратколетний
Не тмит уже лучей собой,
И шум вокруг лишь в листьях мертвых.

Вот гения блестящий век!
Где ум? где дух? где блеск и сила?
И что такое человек,
Когда вся цель его — могила,
А сущность — горсть одна земли!

И свет и прах он здесь мгновенно,
Но скрытый сей небесный гром
Единым мигом в жизни тленной
Быть может вечности лучом.
О призрак света непостижный!..

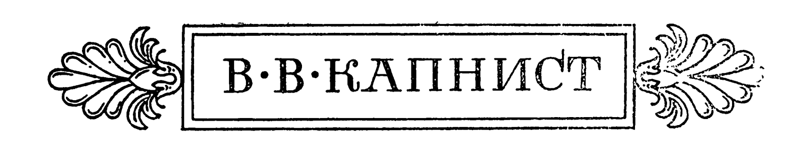
1813

КНЯЗЬ КУТУЗОВ-СМОЛЕНСКОЙ

Когда в виду ты всей вселенны
Наполеона посрамил,
Языки одолел сгущенны,
Защитником полсвета был;
Когда тебе судьбы предвечны
Ум дали — троны царств сберечь,
Трофеи заслужить сердечны,
Усилить Александров меч;
Злодеев истребить враждебных,
Обресть бессмертный лавр побед,
В вратах Европы растворенных
Смыть кровью злобы дерзкий след;
Москву освободить попранну,
Отечество спасти от зол,
Лезть дале путь пресечь тирану,
Един основывать престол,—
Не умолчит потомств глагол!
Се мать твоя, Россия,— зри —
Ко гробу руки простирает,
Ожившая тобой, рыдает,
И плачут о тебе цари!

<1813(?)>

ВИДЕНИЕ
ПЛАЧУЩЕГО НАД МОСКВОЮ РОССИЯНИНА, 1812 ГОДА ОКТЯБРЯ 28 ДНЯ

Как грохот грома удаленна,
Несется горестна молва:
«Среди развалин погребенна
Покрылась пепелом Москва!
Дымятся теремы, святыни;
До облак взорваны твердыни,
Ниспадши грудами, лежат,
И кровью обагрились реки.
Погиб, увы! погиб навеки
Первопрестольный россов град!»
Уже под низменный мой кров усдиненный
Домчался сей плачевный слух.
Он поразил меня, как в сердце нож вонзенный,
И ужасом потряс мой дух.
Застыла кровь; чело подернул пот холодный.
Как древоточный червь голодный,
Неутолима скорбь проникла томну грудь.
Унынье душу омрачило,
На перси жернов навалило
И пересекло вздохам путь.

С поры той, с той поры злосчастной
Повсюду горесть лишь мне спутницей была
И пред очами ежечасно
Картину бедств, и слез, и ужасов несла.
Постылы дня лучи мне стали.
Везде разящие предметы зря печали,
От света отвращал я зрак.
Делящих скорбь друзей, детей, жены чуждаясь,
Как вран ночный в лесах скитаясь,
Душевный в них сугубил мрак.
В едину ночь, когда свирепо ветр ревущий
Клонил над мной высокий лес

И вихрь, ряд черных туч от севера несущий,
Обвесил мраком свод небес,
На берег Псла, волной ярящейся подмытый,
Под явор, мхом седым покрытый,
Тоскою утомлен, возлег я отдохнуть;
Тут в горести едва забылся,
Внезапу легкий сон спустился
И вежды мне спешил сомкнуть.
Мечты предстали вдруг: казалося, средь нощи
Сидел я на краю огнем пожранной рощи;
Вблизи развалины пустого града зрел:
Там храма пышного разбитый свод горел:
Под пеплом тлелися огромные чертоги.
Тут стен отломками завалены дороги.
Медяны башен там, свалясь, верхи лежат
И кровы к облакам взносившихся палат.
Падущих зданий тут зубчаты видны стены;
Здесь теремы к земле поникли разгромленны,
Могилы жупеля и пепла кажут там
Обитель иноков и их смиренный храм.
Нагие горны здесь до облаков касались,
Как сонм недвижимых гигантов представлялись,
Которых опалил молниеносный гром.
На остовы их там слякался гордый дом.
Тут кровля на шалаш низрынулась железна.
Хранилища, куда промышленность полезна,
Любостяжанья дщерь, а трудолюбья мать,
Избытки дальних стран обыкла собирать,
Стоят опалые, отверсты, опустелы.
Голодны гложут псы здесь кости обгорелы;
На части бледный труп терзают там; а тут
Запекшуюся кровь на алтарях грызут.
Из окон, из дверей луч света не мелькает;
Под пеплом вспыхнув, огнь мгновенно потухает.
Над зданьем тлеющим куряся, только дым
Окрестность заражал зловонием своим.
И кучи сих костров, развалин сих громада
Гробницу пышного лишь представляли града.
Не слышался нигде народный вопль, ни клик;
Лишь вой привратных псов и хищных вранов крик
В сей мертвой юдоли молчанье прерывали
И слабый жизни в ней остаток возвещали.
Толь страшным, горестным позорищем смущен,
Я сам сидел как мертв, недвижим, изумлен.
Власы от ужаса на голове вздымались,
И вздохи тяжкие в груди моей спирались.

Безмолвну тишину потряс вдруг громкий треск,
И яркий озарил мои зеницы блеск.
Пристрашен, с трепетом к нему я обратился;
И зрю: чертога кров до облак возносился:
Как вихрь из адского исторгся пламень дна;
И развалившаясь граненая стена
Открыла кремленски соборы златоглавы,
Столь памятные мне в дни торжества и славы!

О, какая горесть грудь мою пронзила,
Как узнал я древню русскую столицу,
Что главу над всеми царствами взносила
И, простря со скиптром мощную десницу,
Жребий стран решала сильных, отдаленных!
Как ее узнал я предо мной лежащу,
На громаде пепла, среди сел возжженных,
Горесть ту несносну, сердце мне разящу,
Смертному неможно выразить словами!
Бледен, бездыханен я упал на землю.
Слезы полилися быстрыми ручьями;
В исступленье руки к небесам подъемлю
И, собрав остаток истощенной силы,
«Боже всемогущий! — возопил я гласно,—
Ах, почто не сшел я в мрак сырой могилы
Прежде сей минуты гибельной, злосчастной!
Где твоя пощада, боже милосердый?
Где уставы правды, где любви залоги?
Как возмог ты град сей, в чистой вере твердый,
Осудить жестоко жребий несть столь строгий?»

Едва в неистовстве упрек,
Хулу на промысл я изрек,
Гора под мною потряслася.
Гром грянул, молний луч сверкнул,
Завыла буря, пыль взвилася,
Внутри холмов раздался гул,
Подвигнулись корнями рощи,
Разверзлась хлябь передо мной,—
И се из недр земли сырой
Поднялся призрак бледный, тощий.
Покрыв высоки рамена,
Первосвященническа риза,
Богато преиспещрена
От верха бисером до низа,
В алмазах, в яхонтах горя,
На нем блистала, как заря,

Чело покрыто митрой было,
Брада струилася до чресл.
Потупя долу взор унылый,
На пастырский склоняся жезл,
Стоял сей призрак сановитый.
Печалью вид его покрытый,
На коем слезный ток блистал,
Глубокое души страданье,
Упреки и негодованье,
Смешенны с кротостью, казал.
Виденьем грозным пораженный,
Едва я очи мог сомкнуть,
Как мертвы, цепенели члены,
Трепещуща хладнела грудь,
Дыханье слабо в ней спирая,
Лежал я страхом одержим.
Вдруг призрак, жезл ко мне склоняя,
Вещал так гласом гробовым:
«Продерзкий! Как ты смел хулу изречь на бога?

Карающая нас его десница строга
Правдивые весы над миром держит сим
И гневом не тягчит безвинно нас своим.
Ты слезны токи льешь над падшей сей столицей;
И я скорблю с тобой, увы! скорблю сторицей.

В другий я вижу раз столь строгий суд над ней:
Два века к вечности уж протекли с тех дней,
Как в пепле зрел ее сарматами попранну;
И, чтоб уврачевать толь смертоносну рану,
Из бездны зол и бедств отечество известь,
На жертву не жалел и жизни я принесть.
Исполнил долг любви. Но и тогда, как ныне,
Не столь о гибельной жалел ее судьбине,
Как горько сетовал и слезы лил о том,
Что праведным она наказана судом.
Дерзай; пред правдой дай ответ о современных:
Падение они сих алтарей священных
Оплакивают все и горестно скорбят,
Что оскверненными, пустыми днесь их зрят;
Но часто ли они их сами посещали?
Не в сходбища ль кощунств дом божий превращали,
Соблазн беседою, неверием скверня?
Служители его, обету изменя,

Не о спасенье душ, о мзде своей радели,
Порока в знатности изобличать не смели
И превратили, дав собой тому пример,
В злоподражание терпенье чуждых вер;
Молитва, праздник, пост — теперь уж все химеры,
И, с внешности начав, зерно иссякло веры,—
Начто ж безверному священны алтари?
Правдивый судия рек пламеню: «Пожри!»
И пламень их пожрал,— и, днесь дымяся, храмы
Зловерию курят зловонны фимиамы.
Но обратим наш взор.— Тут пал чертог суда:
Оплачь его,— но в нем весы держала мзда;
Неправдою закон гнетился подавленный.
Как бледны жесткие повапленные стены,
Так челы зрелися бессовестных судей.
Там истина вопи, невинность слезы лей;
Не слышат и не зрят: заткнуты златом уши;
Взор ослеплен сребром. Растленны лихвой души
Не могут истины вещанию внимать.
Там злу судья — злодей; возмездник татю — тать,
Крепило приговор ехидно ябед жало,—
И пламя мстительно вертеп неправд пожрало.
Над падшими ли здесь чертогами скорбишь?
Иль гнезд тлетворныя в них роскоши не зришь?
В убогих хижинах похитя хлеб насущный,
Питала там она сластями жертвы тучны.
Вседневны пиршества, веселий хоровод
Сзывали к окнам их толпящийся народ,
В мраз лютый холодом и голодом томимый
И с наглостью от сих позорищ прочь гонимый.
Когда, на лоне нег лежа, Сарданапал
В преизобилии богатства утопал
И, сладострастия испивши чашу полну,
На легкий пух склонясь, облекшись в мягку волну,
Под звуком нежных арф вкушал спокойный сон,
О старце, о вдове заботился ли он?
Хоть пенязь отдал ли, хоть лепту он едину,
Чтоб в скорби облегчить их строгую судьбину?
Призрел ли нищего? От трапезы крохой
Он поделился ли с голодной сиротой?
Нет,— в недоступном сем для бедного чертоге
Не помнил он об них и позабыл о боге,
Который с тем ему вручил талант сребром,
Чтобы, деля его, умножил мзду — добром.
Но он на роскошь лишь менял дары богаты,—
И, в пепле падшие, их погребли палаты.

Зри в слабых сих чертах развратные сердца;
И справедливый чти над ними суд творца.
Но в граде ль сем одном развраты коренились?
Нет, нет; во все концы России расселились;
И от источника пролившееся зло
Ручьями быстрыми повсюду потекло:
Как в сердце остроты недужные скопленны
Влияньем пагубным все заражают члены.
Повсюду и порок и слабости равны;
И души и умы равно отравлены.
Заботы, доблести и предков строги нравы:
Алканье истинной отечественной славы,
Похвальны образцы наследственных доброт —
В презрение, в посмех уж ставит поздний род.
Мудрейший меж царей, потомок Филарета,
Сей вырод из умов и удивленье света,
Невинно ввел меж вас толь пагубный разврат;
Целебный сок по нем преобратился в яд:
Российски просветить умы желая темны,
Переселял он к вам науки чужеземны,
Но слепо чтившие пути бессмертных дел,
Презрев разборчивость благоискусных пчел,
Широкие врата новизнам отворили
И чуждой роскошью все царство отравили.
Вельможи по ее злопагубным следам,
Смесясь с языками, навыкли их делам
И, язвой заразя тлетворною столицу,
Как мулы, впряглися под чужду колесницу,
На выи вздев свои прельщающий ярем,—
За то карает бог Москву чужим бичом.
Но ободрись: господь сей казнью укротился
И в гневе не в конец на вас ожесточился.
Восстань и отложи тебя объявший страх,
Мой сын! Судьбу врагов читай на небесах».
Тогда, подняв меня он сильною рукою,
На ноги трепетны поставил пред собою.
Едва смущенный взор я к облакам возвел,
Внезапу дивное явление узрел:

Носимый облаком на юге,
В златом, пернатом шишаке,
В чешуйной, сребряной кольчуге,
С блистающим мечом в руке,
Мне некий витязь представлялся.
Свирепым вид его казался:

Ярчее молнии лучей
Сверкало пламя из очей.
Налегши тягостию тела
На черну тучу, он летел.
Пред ним вдруг буря заревела,
Сгущенный вихрем снег белел.
Вдали его предупреждали
Два призрака: из них один,
Как некий зрелся исполин,
Змеи в руках его зияли,
Взор грозный наносил всем страх.
Другий же бледностью в чертах
Страдальца вид казал сляченна,
Болезнью, гладом изнуренна.
Они сокрылись в мрак густой:
Там слышались победны клики,
Сражающейся рати крики,
И томный раздавался вой.

«Ты зришь,— мне с кротостью вещало привиденье,—
России торжество, врагов ее паденье.
То щит отечества, его военный дух
Пожарский, ревностный сотрудник мой и друг,
Летит вслед извергов, оставивших столицу.
Он мстительну на них уже вознес десницу.
Пред ним свирепый мраз, страх бледный, тощий глад
На истребление враждебных сил спешат.
Уж в бегстве гибельном, их лютостью томимый
И гневом божиим невидимо гонимый,
Неистовый гордец, забыв позор и стыд,
Окровавленной им дорогой вспять бежит.
На каждом он шагу народну месть встречает;
Рать сильна, рать его толпами низлагает;
И кровью буйного упьется русский меч:
От острия его не может он утечь.
Тогда в свою чреду сей мира нарушитель,
Сей бич вселенныя, Москвы опустошитель,
Покажет царствам всем, простерт у наших ног,
Сколь в гневе праведном велик российский бог;
Сколь истинен в судах над нами справедливых
Отец раскаянных, каратель злочестивых».
Та́к рек; и, пастырска надвершием жезла
Коснувшись моего пристрашного чела,
Исчез. Внезапу гром по небу прокатился.

Объятый трепетом, от сна я пробудился
И Гермогена в сем видении познал:
Надеждой скорбному он сердцу отдых дал.
Утих бурливый ветр; луна над мной блистала,
В дрожащих Псла струях себя изображала.
Восхитилася мысль, и вспламенился дух.
Казалось, старца речь еще разила слух,
Еще по воздуху слова его носились.
Неволею тогда уста мои открылись,
Воображением я в будущем парил
И, в полноте души, с восторгом возопил:

«Дерзайте, россы! Гнет печали
С унылых свергните сердец:
Враги пред нами в бегстве пали,
Победы нам отдав венец.
Рассыпаны строптивых силы!
Воззрите на сии могилы,
Устлавшие бегущих след;
На обагренны кровью реки:
Над ними поздни узрят веки
Трофей наш,— мщенья и побед.
Неправды спеющих дорогой
Творец наш гневом посетил;
Но бич, орудье казни строгой,
Над нашей выей сокрушил.
На суд ли вышнего возропщем?
Никак; но в умиленье общем
Благодаренье воздадим
За милосердную пощаду,
Что яростному не дал аду
Нас зевом поглотить своим.

Теперь, несчастьем наученны,
Отвергнем иноземный яд:
Да злы беседы отравленны
Благих обычаев не тлят;
И, на стезю склоняся праву,
Лишь в доблести прямую славу,
Существенну поставим честь.
Престанем чуждым ослепленьям
Развратам и предубежденьям
Подобострастно дани несть.
Отечество ждет нашей дани.
Протоптаны врагом поля,
Простием к убогой братье длани,

Избыток с нею наш деля;
Взнесем верхи церквей сожженных;
Да алтарей опустошенных
С весной не порастит трава;
Пожаров след да истребится,
И, аки феникс, возродится
Из пепла своего Москва!»

1812

НА СМЕРТЬ НАПОЛЕОНА

Высокомерный дух, смирися!
Склони взнесенный буйства рог!
Внемли прещенью и страшися:
«Противится гордыне бог».
Игралище всемощна рока,
Не мни: нет власти, счастью срока.
Се меч над выей уж висит.
Се край отверзся небосклона;
Зри вдаль: там прах Наполеона
В пустыне каменистой скрыт.

Пришлец,— свободныя державы
Главой он был, пленив сердца.
Почто ж чрез умыслы лукавы
Искал он царского венца?
Почто, воздев злату порфиру,
Всеобщим самовластьем миру
Безумно угрожать хотел? —
Се казнь; и жрец всеалчный страсти,
Предела не познавший власти,
Ничтожества познал предел.

Так с юга вихрь поднявшись бурный,
Погибель наносил странам;
Застлавши прахом свод лазурный,
Размчал он жатвы по полям;
Коснулся зданий — зданья пали;
Ударил в лес — древа трещали,
И ниц полег дремучий лес:
Все буйным он громил стремленьем;
Но вдруг,— с сильнейшим разъяреньем,
В столп взвился к небу — и исчез.

Исчез и славы метеора
Блестящий луч так в миг один!
Где верх торжеств, там верх позора:
И в узах — грозный властелин!
Какий преврат! простой породы,
И всем безвестный,— юны годы
Едва средь брани протекли,—
Уж равного не зрел он боле;
На велелепном сел престоле
И жезл приял судьи земли.

К подножью ног счастливца пали
Народы, царства и цари:
Цари от взора трепетали;
Мечом решая мир и при,
Он все подверг убийств законам;
Ступал по раздробленным тронам,
И след трофеями устлал;
Но манье вышнего десницы —
И с громоносной колесницы
Строптивый победитель пал.

Давно ли на гиганта с страхом
Взирал весь изумленный мир?
Престолы покрывались прахом
И вретищами блеск порфир.
Все рушила десница люта;
Но грозна сближилась минута —
И тот, кто троны все потряс,
Преткнулся, шед в победном лике;
И роковой царей владыке
На севере ударил час.

Бежит он по снегам стезею,
Окровавленный им,— и росс
Могущей дланию своею
Низринул страшный сей колосс.
Вотще отважная измена,
Надеждой буйной ослепленна,
Опять на трон его взвела:
Он пал — судьба его свершилась,
И в трон тирана превратилась
Кремниста средь морей скала.

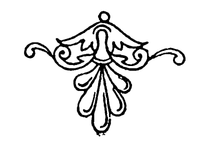
Куда ни обращал он очи,
Безбрежну зыбь везде встречал;

Постылы дни, бездремны ночи
В унынье мрачном провождал;
Терзали дух воспоминанья;
Престол, победны восклицанья,
Все было, как призраки сна;
Пробудок — ссылочна пустыня,
И в ней смиренная гордыня
Жива навек погребена.

Теперь там труп титана кроет
Лишь персти чужеземной горсть,
И в черепе останки роет
Презренный червь, гробницы гость;
А тень, блуждая вкруг могилы,
Лишь воплей слышит гул унылый
И клятвы жертв убийств, крамол:
Потомство клятв сих не забудет
И в нем Наполеон пребудет
Бессмертен слухом буйств и зол!..

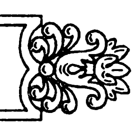
Вожди надменны! вразумитесь!
Он был пример вам и глава;
Священны всем сердцам страшитесь
Насильством нарушать права.
Чем боле счастье вас ласкает,
Тем неприметней приближает
К стремнине, с коей должно пасть.
Судьба к неправде буйной строга:
Вам срочна власть дана от бога;
Его всевечну чтите власть.

1822

Н·М·ШАТРОВ

ПОЖАР МОСКВЫ В 1812 ГОДУ

Пою пожар Москвы несчастной!
Нагрянул новый Тамерлан
И бранью тяжкою, ужасной
Вломился в Кремль, как ураган;
И нет от сильных обороны;
Повсюду страх, повсюду стоны,
Здесь горький плач, там страшный бой,
Везде насильство, притесненье,
Везде убийство, истребленье,
Везде грабеж, везде разбой.

Летят под небом с воем, с блеском
По грозным тучам смерть и гром
И разливают пламень с треском
На каждый храм, на каждый дом.
Зияют страшные зарницы
Над высотами всей столицы,
И загорается Москва.
Дым черный стелется, клубится,
И се перестает светиться
Москвы блестящая глава.

Москва несчастная пылает,
Москва горит двенадцать дней;
Под шумным пламем истлевает
Несметное богатство в ней:
Все украшенья храмовые,
Сокровища их вековые,
Великолепия дворцов,
Чудесных редкостей собранья,
Все драгоценности ваянья,
Кистей искусных и резцов.

Еще двенадцать дней дымилась
Столица славы и отрад.
Пожара искра в пепле тлилась,
Курился нестерпимый смрад.

Повсюду ужасы встречались,
От гибели не исключались
Ни хижины, ни алтари;
От переулка до гульбища
Все претворилось в пепелища,
В развалины и пустыри.

Все истребилось, и сожглися
Гостиный двор и Арсенал,
Сам Кремль с Китаем сотряслися,
И сам царь-колокол упал;
Взорвались башни, сокрушились,
Зубчаты стены развалились,
Скатилися с бойниц главы;
Повсюду ужас, разрушенье,
Пять взрывов — и в одно мгновенье
Не стало на земле Москвы.

Меж тем от голода и хлада
И от насилия врагов
На смрадном пепелище града
Толпы детей, толпы отцов
И сонмы матерей несчастных.
Под сумраками дней ненастных,
Скорбей сердечных не стерпев,
Без всякой помощи страдают
И разной смертью погибают,
Приютной кровли не имев.

Между развалин закоптелых,
Карнизов падших и колонн,
Домов и лавок обгорелых
Глухой, унылый слышен стон:
Там умирающий и мертвый,
Меча иль глада ставший жертвой,
Одни под ветрами лежат;
Никто им не закроет очи,
И только звезды полуночи
Тела усопших сторожат.

Все стогны полны мертвецами
Различных полов, лиц и лет;
Враги с железными сердцами —
И никому пощады нет;
А там толпы полуживые,
Главы седые, вековые,

Как тени с Стиксовых брегов,
Без обуви и без одежды,
Без помощи и без надежды,
Рабами стали для врагов.

И, помня доброе былое,
Свою свободу и покой,
Клянут плененья время злое,
Томясь под страшною рукой
Ужасного Наполеона;
И полны пепелища стона,
И камни смочены слезой;
Страшна спасенья невозможность:
Все превратилося в ничтожность,
Как под содомскою грозой.

Москвы под пеплом погреблися
Седьми веков и труд и ум,
По всей вселенной раздалися
Ее паденье, треск и шум.
Все вопрошали в удивленьи,
Кому Москва себя в забвеньи
Такую жертву принесла,
Которой не было примера,
И страшная такая мера
Кого и от чего спасла...

Отечество? Но без пожара
Великой из земных столиц
Довольно смелого удара
Бесчисленных ее десниц
На пораженье супостата:
Россия храбрыми богата,
Полки ее богатырей
Видали в поле Тамерлана.
Ужель Европу от тирана
И от бесславия царей?

Тебе венец и почитанья,
Царица русских городов.
Твой плен, твой пепел и страданья
Есть тайна божеских судов;
Не человеческой злой воле
На бранном кроволитном поле
Была должна ты уступить;

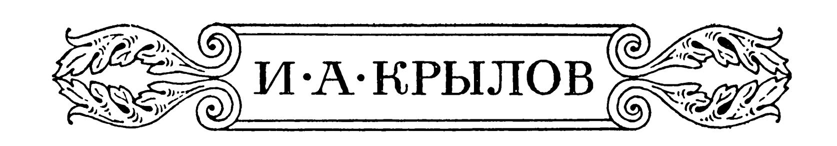
Но бог, казня Наполеона,
Хотел Европу от дракона
Твоим пожаром искупить.

Узря Европы сотрясенье,
Ты длань ей дружбы подала,
Охотно для ее спасенья
Себя всю в жертву отдала;
От уз постыдных искупила;
Но чем Европа заплатила
Союзнице своей Москве?
Москва сама собой восстала,
И снова слава заблистала
На царственной твоей главе.

И следствием твоих страданий
Есть мир и царство тишины.
Уже волканы всех мечтаний,
Завоеваний и войны
Твоим пожаром потушились,
Ужасных силы сокрушились,
Исчез, исчез всемирный трон:
Надежды гордых перестали,
Кумиры слепоты упали,
И пал наш враг Наполеон.
Свобода! Пойте гимн свободы,
Европы славные певцы,
И вы, германские народы,
Сплетайте в честь Москвы венцы;
Сроднитесь с русскими сердцами
И будьте все ее певцами:
Пускай векам передадут
Пожар московский песни ваши
И поздние потомки наши
Венец для ней, как вы, сплетут.

Я духом речь потомков внемлю,
Как отклик радостной молвы:
«Подвигнем океан и землю
Для прославления Москвы,
И в память жертвы незабвенной,
На поклоненье всей вселенной,
Как всех столиц земных главе,
Воздвигнем памятник!» — сказали,
Воздвигнули — и написали:
«Спасительнице царств Москве».

1814

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку.
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.
«Огня! — кричат,— огня!» Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом
И что приходит наконец
Ему расчесться за овец,—
Пустился мой хитрец
В переговоры
И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад.
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...»— «Послушай-ка, сосед,—
Тут ловчий перервал в ответ,—
Ты сер, а я, приятель, сед,
И Волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Октябрь 1812

ОБОЗ

С горшками шел Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понес,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень. Косо! криво!
Смелее! Вот толчок опять!
А тут бы влево лишь принять.
Какой осел! Добро бы было в гору
Или в ночную пору;
А то и под гору и днем!
Смотреть, так выйдешь из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнем!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезем, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под гору она перевалилась —
Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает взад, коня кидает вбок,
Пустился конь со всех четырех ног
На славу;
По камням, рытвинам пошли толчки,
Скачки,
Левей, левей, и с возом — бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:
Все кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

Октябрь 1812

ВОРОНА И КУРИЦА

Когда Смоленский Князь,
Противу дерзости искусством воружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,
Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? —
Ей с возу Курица кричит.—
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат».—
«Мне что до этого за дело? —
Вещунья ей в ответ.— Я здесь останусь смело.
Вот ваши сестры — как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостьми не мудрено ужиться,
А может быть, еще удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей —
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несешься:
А как на деле с ним сочтешься —
Попался, как ворона в суп!

Ноябрь 1812

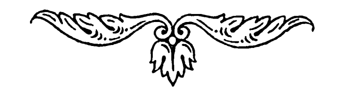
ЩУКА И КОТ

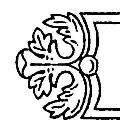
Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник:
И дело не пойдет на лад,
Да и примечено стократ,
Что кто за ремесло чужое браться любит,
Тот завсегда других упрямей и вздорней:

Он лучше дело все погубит
И рад скорей
Посмешищем стать света,
Чем у честных и знающих людей
Спросить иль выслушать разумного совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль ее лукавый мучил,
Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
Но только вздумала Кота она просить,
Чтоб взял ее с собой он на охоту,
Мышей в анбаре половить.
«Да полно, знаешь ли ты эту, свет, работу? —
Стал Щуке Васька говорить,—
Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Недаром говорится,
Что дело мастера боится».—
«И, полно, куманек! Вот невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей».—
«Так в добрый час, пойдем!» Пошли, засели.
Натешился, наелся Кот,
И кумушку проведать он идет;
А Щука чуть жива, лежит, разинув рот,
И крысы хвост у ней отъели.
Тут, видя, что куме совсем не в силу труд,
Кум замертво стащил ее обратно в пруд.
И дельно! Это, Щука,
Тебе наука:
Вперед умнее быть
И за мышами не ходить.

1813

В·А·ЖУКОВСКИЙ

ПЕВЕЦ ВО СТАНЕ РУССКИХ ВОИНОВ

Певец

На поле бранном тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здесь светит нам луна,
Здесь кров небес над нами.
Наполним кубок круговой!
Дружнее! руку в руку!
Запьем вином кровавый бой
И с падшими разлуку.
Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О, всемогущее вино,
Веселие героя!

Воины

Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О, всемогущее вино,
Веселие героя!

Певец

Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья, уже могущих нет;
Уж нет вождей победы;
Их домы вихорь разметал;
Их гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожрал
Их шлемы и кольчуги;
Но дух отцов воскрес в сынах;
Их поприще пред нами...
Мы там найдем их славный прах
С их славными делами.

Смотрите, в грозной красоте,
Воздушными полками,

Их тени мчатся в высоте
Над нашими шатрами...
О Святослав, бич древних лет,
Се твой полет орлиной.
«Погибнем! мертвым срама нет!» —
Гремит перед дружиной.
И ты, неверных страх, Донской,
С четой двух соименных,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменных.

И ты, наш Петр, в толпе вождей.
Внимайте клич: Полтава!
Орды пришельца снедь мечей,
И мир взывает: слава!
Давно ль, о хищник, пожирал
Ты взором наши грады?
Беги! твой конь и всадник пал!
Твой след — костей громады;
Беги! и стыд и страх сокрой
В лесу с твоим сарматом;
Отчизны враг сопутник твой;
Злодей владыке братом.

Но кто сей рьяный великан,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящий вражий стан
Вперил он страшны очи;
Его завидя в облаках,
Шумящим, смутным роем
На снежных Альпов высотах
Взлетели тени с воем;
Бледнеет галл, дрожит сармат
В шатрах от гневных взоров...
О горе! горе, супостат!
То грозный наш Суворов.

Хвала вам, чада прежних лет,
Хвала вам, чада славы!
Дружиной смелой вам вослед
Бежим на пир кровавый;
Да мчится ваш победный строй
Пред нашими орлами;
Да сеет, нам предтеча в бой,
Погибель над врагами;

Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебе, губитель!

Воины

Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебе, губитель!

Певец

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Там всё — там родших милый дом;
Там наши жены, чада;
О нас их слезы пред творцом;
Мы жизни их ограда;
Там девы — прелесть наших дней,
И сонм друзей бесценный,
И царский трон, и прах царей,
И предков прах священный.
За них, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

Воины

За них, за них всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

Певец

Тебе сей кубок, русский царь!
Цвети твоя держава;

Священный трон твой нам алтарь;
Пред ним обет наш: слава.
Не изменим; мы от отцов
Приялн верность с кровью;
О царь, здесь сонм твоих сынов,
К тебе горим любовью;
Наш каждый ратник славянин;
Все долгу здесь послушны;
Бежит предатель сих дружин,
И чужд им малодушный.

Воины

Не изменим; мы от отцов
Приялн верность с кровью;
О царь, здесь сонм твоих сынов,
К тебе горим любовью.

Певец

Сей кубок ратным и вождям!
В шатрах, на поле чести,
И жизнь и смерть — всё пополам;
Там дружество без лести,
Решимость, правда, простота,
И нравов непритворство,
И смелость — бранных красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низких уз;
К венцам стезею правой!
Опасность — твердый наш союз;
Одной пылаем славой.

Тот наш, кто первый в бой летит
На гибель супостата,
Кто слабость падшего щадит
И грозно мстит за брата;
Он взором жизнь дает полкам;
Он махом мощной длани
Их мчит во сретенье врагам,
В средину шумной брани;
Ему веселье битвы глас,
Спокоен под громами:
Он свой последний видит час
Бесстрашными очами.

Хвала тебе, наш бодрый вождь,
Герой под сединами!

Как юный ратник, вихрь, и дождь,
И труд он делит с нами.
О, сколь с израненным челом
Пред строем он прекрасен!
И сколь он хладен пред врагом
И сколь врагу ужасен!
О, диво! се орел пронзил
Над ним небес равнины...
Могущий вождь главу склонил;
Ура кричат дружины.

Лети ко прадедам, орел,
Пророком славной мести!
Мы тверды: вождь наш перешел
Путь гибели и чести;
С ним опыт, сын труда и лет;
Он бодр и с сединою;
Ему знаком победы след...
Доверенность к герою!
Нет, други, нет! не предана
Москва на расхищенье;
Там стены!.. в россах вся она;
Мы здесь — и бог наш мщенье.

Хвала сподвижникам-вождям!
Ермолов, витязь юный,
Ты ратным брат, ты жизнь полкам,
И страх твои перуны.
Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.
Наш Милорадович, хвала!
Где он промчался с бранью,
Там, мнится, смерть сама прошла
С губительною дланью.

Наш Витгенштеин, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!.. Он щит стране родной,
Он хищных истребитель.
О, сколь величественный вид,
Когда перед рядами,
Один, склонясь на твердый щит,
Он грозными очами

Блюдет противников полки,
  Им гибель устрояет
И вдруг... движением руки
  Их сонмы рассыпает.

Хвала тебе, славян любовь,
  Наш Коновницын смелый!..
Ничто ему толпы врагов,
  Ничто мечи и стрелы;
Пред ним, за ним перун гремит,
  И пышет пламень боя...
Он весел, он на гибель зрит
  С спокойствием героя;
Себя забыл... одним врагам
  Готовит истребленье;
Пример и ратным и вождям
  И смелым удивленье.

Хвала, наш Вихорь-атаман,
  Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан
  Гроза для супостатов.
Орлом шумишь по облакам,
  По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
  Бедой им в уши свищешь;
Они лишь к лесу — ожил лес,
  Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту — мост исчез;
  Лишь к селам — пышут селы.

Хвала, наш Нестор-Бенигсон!
  И вождь и муж совета,
Блюдет врагов не дремля он,
  Как змей орел с полета.
Хвала, наш Остерман-герой,
  В час битвы ратник смелый!
И Тормасов, летящий в бой,
  Как юноша веселый!
И Багговут, среди громов,
  Средь копий безмятежный!
И Дохтуров, гроза врагов,
  К победе вождь надежный!

Наш твердый Воронцов, хвала!
  О други, сколь смутилась

Вся рать славян, когда стрела
В бесстрашного вонзилась,
Когда полмертв, окровавлен,
С потухшими очами,
Он на щите был изнесен
За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
К постеле пригвожденный,
Он страждет, братскою толпой
Увечных окруженный.

Ему возглавье бранный щит;
Незыблемый в мученье,
Он с ясным взором говорит:
«Друзья, бедам презренье!»
И в их сердцах героя речь
Веселье пробуждает,
И, оживясь, до полы меч
Рука их обнажает.
Спеши ж, о витязь наш! воспрянь;
Уж ангел истребленья
Горе подъял ужасну длань,
И близок час отмщенья.

Хвала, Щербатов, вождь младой!
Среди грозы военной,
Друзья, он сетует душой
О трате незабвенной.
О витязь, ободрись... она
Твой спутник невидимый,
И ею свыше знамена
Дружин твоих хранимы.
Любви и скорби оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувших возмутить
Покой ее могилы.

Хвала, наш Пален, чести сын!
Как бурею носимый,
Везде впреди своих дружин
Разит, неотразимый.
Наш смелый Строганов, хвала!
Он жаждет чистой славы;
Она из мира увлекла
Его на путь кровавый...

О храбрых сонм, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна к вам взывает: месть!
Вселенная: спасенье!

Хвала бестрепетным вождям!
На конях окрыленных
По долам скачут, по горам
Вослед врагов смятенных;
Днем мчатся строй на строй; в ночи
Страшат, как привиденья;
Блистают смертью их мечи;
От стрел их нет спасенья;
По всем рассыпаны путям,
Невидимы и зримы;
Сломили здесь, сражают там
И всюду невредимы.

Наш Фигнер старцем в стан врагов
Идет во мраке ночи;
Как тень прокрался вкруг шатров,
Всё зрели быстры очи...
И стан еще в глубоком сне,
День светлый не проглянул —
А он уж, витязь, на коне,
Уже с дружиной грянул.
Сеславин — где ни пролетит
С крылатыми полками,
Там брошен в прах и меч и щит
И устлан путь врагами.

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире счастливый певец
Вина, любви и славы.
Кудашев скоком через ров
И лётом на стремнину;
Бросает взглядом Чернышов
На меч и гром дружину,
Орлов отважностью орел;
И мчит грозу ударов
Сквозь дым и огнь, по грудам тел,
В среду врагов Кайсаров.

Воины

Вожди славян, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна к вам взывает: месть!
Вселенная: спасенье!

Певец

Друзья, кипящий кубок сей
Вождям, сраженным в бое.
Уже не придут в сонм друзей,
Не станут в ратном строе,
Уж для врага их грозный лик
Не будет вестник мщенья,
И не помчит их мощный клик
Дружину в пыл сраженья;
Их празден меч, безмолвен щит,
Их ратники унылы;
И сир могучих конь стоит
Близ тихой их могилы.

Где Кульнев наш, рушитель сил,
Свирепый пламень брани?
Он пал — главу на щит склонил
И стиснул меч во длани.
Где жизнь судьба ему дала,
Там брань его сразила;
Где колыбель его была,
Там днесь его могила.
И тих его последний час:
С молитвою священной
О милой матери угас
Герой наш незабвенный.

А ты, Кутайсов, вождь младой...
Где прелести? где младость?
Увы! он видом и душой
Прекрасен был, как радость;
В броне ли, грозный, выступал —
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударял —
Одушевлялись струны...
О горе! верный конь бежит
Окровавлен из боя;
На нем его разбитый щит...
И нет на нем героя.

И где же твой, о витязь, прах?
Какою взят могилой?..
Пойдет прекрасная в слезах
Искать, где пепел милый...
Там чище ранняя роса,
Там зелень ароматней,
И сладостней цветов краса,
И светлый день приятней,
И тихий дух твой прилетит
Из таинственной сени;
И ропот сердца возвестит
Ей близость дружней тени.

И ты... и ты, Багратион?
Вотще друзей молитвы,
Вотще их плач... во гробе он,
Добыча лютой битвы.
Еще дружин надежда в нем;
Всё мнит: с одра восстанет;
И робко шепчет враг с врагом:
«Увы нам! скоро грянет».
А он... навеки взор смежил,
Решитель бранных споров,
Он в область храбрых воспарил,
К тебе, отец Суворов.

И честь вам, падшие друзья!
Ликуйте в горней сени;
Там ваша верная семья —
Вождей минувших тени.
Хвала вам будет оживлять
И поздних лет беседы.
«От них учитесь умирать!» —
Так скажут внукам деды;
При вашем имени вскипит
В вожде ретивом пламя;
Он на твердыню с ним взлетит
И водрузит там знамя.

Воины

При вашем имени вскипит
В вожде ретивом пламя;
Он на твердыню с ним взлетит
И водрузит там знамя.

Певец

Сей кубок мщенью! други, в строй!
И к небу грозны длани!
Сразить иль пасть! наш роковой
Обет пред богом брани.
Вотще, о враг, из тьмы племен
Ты зиждешь ополченья:
Они бегут твоих знамен
И жаждут низложенья.
Сокровищ нет у нас в домах;
Там стрелы и кольчуги;
Мы села — в пепел; грады — в прах;
В мечи — серпы и плуги.

Злодей! он лестью приманил
К Москве свои дружины;
Он низким миром нам грозил
С Кремлевския вершины.
«Пойду по стогнам с торжеством!
Пойду... и всё восплещет!
И в прах падут с своим царем!..»
Пришел... и сам трепещет;
Подвигло мщение Москву:
Вспылала пред врагами
И грянулась на их главу
Губящими стенами.

Веди ж своих царей-рабов
С их стаей в область хлада;
Пробей тропу среди снегов
Во сретение глада...
Зима, союзник наш, гряди!
Им заперт путь возвратный;
Пустыни в пепле позади;
Пред ними сонмы ратны.
Отведай, хищник, что сильней:
Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в родине своей;
За правых провиденье!

Воины

Отведай, хищник, что сильней:
Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в родине своей;
За правых провиденье!

Певец

Святому братству сей фиал
От верных братий круга!
Блажен, кому создатель дал
Усладу жизни, друга;
С ним счастье вдвое; в скорбный час
Он сердцу утешенье;
Он наша совесть; он для нас
Второе провиденье.
О! будь же, други, святость уз
Закон наш под шатрами;
Написан кровью наш союз:
И жить и пасть друзьями.

Воины

О! будь же, други, святость уз
Закон наш под шатрами;
Написан кровью наш союз:
И жить и пасть друзьями.

Певец

Любви сей полный кубок в дар!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жар:
Любовь — одно со славой.
Кому здесь жребий уделен
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцем сердцу обручен,
Тот смело, с бодрой силой
На всё великое летит;
Нет страха; нет преграды;
Чего-чего не совершит
Для сладостной награды?

Ах! мысль о той, кто всё для нас,
Нам спутник неизменный;
Везде знакомый слышим глас,
Зрим образ незабвенный!
Она на бранных знаменах,
Она в пылу сраженья;
И в шуме стана и в мечтах
Веселых сновиденья.
Отведай, враг, исторгнуть щит,
Рукою данный милой;
Святой обет на нем горит:
Твоя и за могилой!

О сладость тайныя мечты!
Там, там за синей далью
Твой ангел, дева красоты,
Одна с своей печалью,
Грустит, о друге слезы льет;
Душа ее в молитве,
Боится вести, вести ждет:
«Увы! не пал ли в битве?»
И мыслит: «Скоро ль, дружний глас,
Твои мне слышать звуки?
Лети, лети, свиданья час,
Сменить тоску разлуки».

Друзья! блаженнейшая часть:
Любезных быть спасеньем.
Когда ж предел наш в битве пасть —
Погибнем с наслажденьем;
Святое имя призовем
В минуту смертной муки;
Кем мы дышали в мире сем,
С той нет и там разлуки:
Туда душа перенесет
Любовь и образ милой...
О други, смерть не всё возьмет;
Есть жизнь и за могилой.

Воины

В тот мир душа перенесет
Любовь и образ милой...
О други, смерть не всё возьмет;
Есть жизнь и за могилой.

Певец

Сей кубок чистым музам в дар!
Друзья, они в героя
Вливают бодрость, славы жар,
И месть, и жажду боя.
Гремят их лиры — стар и млад
Оделись в бранны латы:
Ничто им стрел свистящих град,
Ничто твердынь раскаты.
Певцы — сотрудники вождям;
Их песни — жизнь победам,
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам.

О радость древних лет, Боян!
  Ты, арфой ополченный,
Летал пред строями славян,
  И гимн гремел священный.
Петру возник среди снегов
  Певец — податель славы;
Честь Задунайскому — Петров;
  О камские дубравы,
Гордитесь, ваш Державин сын!
  Готовь свои перуны,
Суворов, чудо-исполин,—
  Державин грянет в струны.

О старец! да услышим твой
  Днесь голос лебединый;
Не тщетной славы пред тобой,
  Но мщения дружины;
Простерли не к добычам длань,
  Бегут не за венками —
Их подвиг свят: то правых брань
  С злодейскими ордами.
Пришло разрушить их мечам
  Племен порабощенье;
Самим губителя рабам
  Победы их спасенье.

Так, братья, чадам муз хвала!..
  Но я, певец ваш юный...
Увы! почто судьба дала
  Незвучные мне струны?
Доселе тихим лишь полям
  Моя играла лира...
Вдруг жребий выпал: к знаменам!
  Прости, и сладость мира,
И отчий край, и круг друзей,
  И труд уединенный,
И всё... я там, где стук мечей,
  Где ужасы военны.

Но буду ль ваши петь дела
  И хищных истребленье?
Быть может, ждет меня стрела
  И мне удел — паденье.
Но что ж... навеки ль смертный час
  Мой след изгладит в мире?

Останется привычный глас
    В осиротевшей лире.
Пускай губителя во прах
    Низринет месть кровава —
Родится жизнь в ее струнах,
    И звучно грянут: слава!

Воины

Хвала возвышенным певцам!
    Их песни — жизнь победам,
И внуки, внемля их струнам,
    В слезах дивятся дедам.

Певец

Подымем чашу!.. Богу сил!
    О братья, на колена!
Он искони благословил
    Славянские знамена.
Бессильным щит его закон
    И гибнущим спаситель;
Всегда союзник правых он
    И гордый истребитель.
О братья, взоры к небесам!
    Там жизни сей награда!
Оттоль отец незримый нам
    Гласит: мужайтесь, чада!

Бессмертье, тихий, светлый брег;
    Наш путь — к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег!
    Вы, странники, терпенье!
Блажен, кого постигнул бой!
    Пусть долго, с жизнью хилой,
Старик трепещущей ногой
    Влачится над могилой;
Сын брани мигом ношу в прах
    С могучих плеч свергает
И, бодр, на молнийных крылах
    В мир лучший улетает.

А мы?.. Доверенность к творцу!
    Что б ни было — незримой
Ведет нас к лучшему концу
    Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслед!
    Прочь, низкое! прочь, злоба!

Дух бодрый на дороге бед,
До самой двери гроба;
В высокой доле — простота;
Нежадность — в наслажденье;
В союзе с ровным — правота;
В могуществе — смиренье.

Обетам — вечность; чести — честь;
Покорность — правой власти;
Для дружбы — всё, что в мире есть;
Любви — весь пламень страсти;
Утеха — скорби; просьбе — дань,
Погибели — спасенье;
Могущему пороку — брань;
Бессильному — презренье;
Неправде — грозный правды глас;
Заслуге — воздаянье;
Спокойствие — в последний час;
При гробе — упованье.

О! будь же, русский бог, нам щит!
Прострешь твою десницу —
И мститель-гром твой раздробит
Коня и колесницу.
Как воск перед лицом огня,
Растает враг пред нами...
О страх карающего дня!
Бродя окрест очами,
Речет пришлец: «Врагов я зрел;
И мнил: земли им мало;
И взор их гибелью горел;
Протек — врагов не стало!»

Воины

Речет пришлец: «Врагов я зрел;
И мнил: земли им мало;
И взор их гибелью горел;
Протек — врагов не стало!»

Певец

Но светлых облаков гряда
Уж утро возвещает;
Уже восточная звезда
Над холмами играет;
Редеет сумрак; сквозь туман
Проглянули равнины,

И дальний лес, и тихий стан,
И спящие дружины.
О други, скоро!.. день грядет...
Недвижны рати бурны...
Но... Рок уж жребии берет
Из таинственной урны.

О новый день, когда твой свет
Исчезнет за холмами,
Сколь многих взор наш не найдет
Меж нашими рядами!..
И он блеснул!.. Чу!.. вестовой
Перун по холмам грянул;
Внимайте: в поле шум глухой!
Смотрите: стан воспрянул!
И кони ржут, грызя бразды;
И строй сомкнулся с строем;
И вождь летит перед ряды;
И пышет ратник боем.

Друзья, прощанью кубок сей!
И смело в бой кровавой
Под вихорь стрел, на ряд мечей,
За смертью иль за славой...
О вы, которых и вдали
Боготворим сердцами,
Вам, вам все блага на земли!
Щит промысла над вами!..
Всевышний царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
В завет: здесь верныя любви,
Там сладкого свиданья!

Воины

Всевышний царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
В завет: здесь верныя любви,
Там сладкого свиданья!

1812

ВОЖДЮ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Писано после сражения под Красным

ПОСЛАНИЕ

О вождь славян, дерзнут ли робки струны
Тебе хвалу в сей славный час бряцать?
Везде гремят отмщения перуны,
И мчится враг, стыдом покрытый, вспять,
И с россом мир тебе рукоплескает...
Кто пенью струн средь плесков сих внимает?
Но как молчать? Я сердцем славянин!
Я зрел, как ты, впреди своих дружин,
В кругу вождей, сопутствуем громами,
Как божий гнев, шел грозно за врагами.
Со всех сторон дымились небеса;
Окрест земля от громов колебалась...
Сколь мысль моя тогда воспламенялась!
Сколь дивная являлась мне краса!
О старец-вождь! я мнил, что над тобою
Тогда сам Рок невидимый летел;
Что был сокрыт вселенныя предел
В твоей главе, венчанной сединою.

Закон Судьбы для нас неизъяснѝм.
Надменный сей не ею ль был хранѝм?
Вотще пески ливийские пылали —
Он путь открыл среди песчаных волн;
Вотще враги пучину осаждали —
Его промчал безвредно легкий челн;
Ступил на брег — руке его корона;
Уж хищный взор с похищенного трона
Вселенную в неволю оковал;
Уж он царей-рабов своих созвал...
И восстают могущие тевтоны,
Достойные Арминия сыны;
Неаполь, Рим сбирают легионы;
Богемец, венгр, саксон ополчены;
И стали в строй изменники сарматы;
Им нет числа; дружины их крылаты;
И норд и юг поток сей наводнил!
Вождю вослед, а вождь их за звездою,
Идут, летят — уж всё под их стопою,
Уж росс главу под низкий мир склонил...
О, замыслы! о, неба суд ужасной!

О, хищный враг!.. и труд толиких лет,
И трупами устланный путь побед,
И мощь, и злость, и козни — всё напрасно!
Здесь грозная Судьба его ждала;
Она успех на то ему дала,
Чтоб старец наш славней его низринул.
Хвала, наш вождь! Едва дружины двинул —
Уж хищных рать стремглав бежит назад;
Их гонит страх; за ними мчится глад;
И щит и меч бросают с знаменами;
Везде пути покрыты их костями;
Их волны жрут; их губит огнь и хлад;
Вотще свой взор подъемлют ко спасенью...
Не узрят их отечески поля!
Обречены в добычу истребленью,
И будет гроб им русская земля.
И скрылася, наш старец, пред тобою
Сия звезда, сей грозный вождь к бедам;
Посол Судьбы, явился ты полкам —
И пред твоей священной сединою
Безумная гордыня пала в прах.
Лети, неси за ними смерть и страх;
Еще удар — и всей земле свобода,
И нет следов великого народа!
О, сколь тебе завидный жребий дан!
Еще вдали трепещет оттоман —
А ты уж здесь! уж родины спаситель!
Уже погнал, как гений-истребитель,
Кичливые разбойников орды;
И ряд побед — полков твоих следы;
И самый враг, неволею гнетомый,
Твоих орлов благословляет громы:
Ты жизнь ему победами даришь...
Когда ж, свершив погибельное мщенье,
Свои полки отчизне возвратишь,
Сколь славное тебе успокоенье!..
Уже в мечтах я вижу твой возврат:
Перед тобой венцы, трофеи брани;
Во сретенье бегут и стар и млад;
К тебе их взор; к тебе подъемлют длани;
«Вот он! вот он! сей грозный вождь, наш щит;
Сколь величав грядущий пред полками!
Усейте путь спасителя цветами!
Да каждый храм мольбой о нем гремит!
Да слышит он везде благословенье!»

Когда ж, сложив с главы своей шелом
И меч с бедра, ты возвратишься в дом,
Да вкусишь там покоя наслажденье
Пред славными трофеями побед —
Сколь будет ток твоих преклонных лет
В сей тишине величествен и ясен!
О, дней благих закат всегда прекрасен!
С веселием водя окрест свой взор,
Ты будешь зреть ликующие нивы,
И скачущи стада по скатам гор,
И хижины оратая счастливы,
И скажешь: мной дана им тишина.
И старец, в гроб ступивший уж ногою,
Тебя в семье воспомянув с мольбою,
В семействе скажет: «Им сбережена
Мне мирная в отечестве могила».
«Его рука мне милых сохранила».
На пиршествах, в спокойствии семей,
Пред алтарем, в обители царей,
Везде, о вождь, тебе благословенье;
Тебя предаст потомству песнопенье.

1812

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Русский царь созвал дружины
Для великой годовщины
На полях Бородина.
Там земля окрещена:
Кровь на ней была святая;
Там, престол и Русь спасая,
Войско целое легло
И престол и Русь спасло.

Как ярилась, как кипела,
Как пылила, как гремела
Здесь народная война
В страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы в громах загорались,
Бомбы падали дождем,
И земля тряслась кругом.

А теперь пора иная:
Благовонно-золотая
Жатва блещет по холмам;
Где упорней бились, там
Мирных инокинь обитель [1];
И один остался зритель
Сих кипевших бранью мест,
Всех решитель браней — крест.

И на пир поминовенья
Рать другого поколенья
Новым, славным уж царем
Собрана на месте том,
Где предместники их бились,
Где столь многие свершились
Чудной храбрости дела,
Где земля их прах взяла.

Так же рать числом обильна;
Так же мужество в ней сильно;
Те ж орлы, те ж знамена
И полков те ж имена...
А в рядах другие стали;
И серебряной медали,
Прежним данной ей царем,
Не видать уж ни на ком.

И вождей уж прежних мало:
Много в день великий пало
На земле Бородина;
Позже тех взяла война;
Те, свершив в Париже тризну
По Москве и рать в отчизну
Проводивши, от земли
К храбрым братьям отошли.

Где Смоленский, вождь спасенья?
Где герой, пример смиренья,
Введший рать в Париж, Барклай?
Где, и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дививший

---

[1] Спасо-Бородинский монастырь, основанный близ села Семеновского вдовой генерала А. А. Тучкова на той батарее, где он убит, сражаясь храбро. Тело его не было отыскано. Все кости, найденные на сем месте, были зарыты в одну могилу, над которой теперь возвышается церковь, и в этой церкви гробница Тучкова.— *Прим. автора.*

И под старость сохранивший
Все, что в молодости есть,
Коновницын, ратных честь?
Сколько славных с ним пропало
Боевых преданий нам!
Как в нем друга жаль друзьям!
И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который трон и нас
Твердым царским словом спас,
Вождь вождей, царей диктатор,
Наш великий император,
Мира светлая звезда,
И твоя пришла чреда!

О, година русской славы!
Как теснились к нам державы!
Царь наш с ними к чести шел!
Как спасительно он ввел
Рать Москвы к врагам в столицу!
Как незлобно он десницу
Протянул врагам своим!
Как гордился русский им!

Вдруг... от всех честей далеко,
В бедном крае, одиноко,
Перед плачущей женой,
Наш владыка, наш герой,
Гаснет царь благословенной;
И за гробом сокрушенно,
В погребальный слившись ход,
Вся империя идет.

Неподкупный, неизменный,
Хладный вождь в грозе военной,
Жаркий сам подчас боец,
В дни спокойные мудрец,
Где Раевский? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Неприятелю аркан,
Где наш Вихорь-Атаман?

Где наездник, вождь летучий,
С кем врагу был страшной тучей
Русских тыл и авангард,

Наш Роланд и наш Баярд,
Милорадович? Где славный
Дохтуров, отвагой равный
И в Смоленске на стене
И в святом Бородине?

И других взяла судьбина:
В бое зрев погибель сына,
Рано Строганов увял;
Нет Сен-При; Ланской наш пал;
Кончил Тормасов; могила
Неверовского сокрыла;
В гробе старец Ланжерон;
В гробе старец Бенингсон.

И боец, сын Апполонов...
Мнил он гроб Багратионов
Проводить в Бородино...
Той награды не дано:
Вмиг Давыдова не стало!
И *его* как не бывало,
Перед кем все трепетало!..
Есть далекая скала;
Вкруг скалы морская мгла;
С морем степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
К той скале путь загражден...
Там зарыт Наполеон.

Много с тех времен, столь чудных,
Дней блистательных и трудных
С новым зрели мы царем;
До Стамбула русский гром
Был доброшен по Балкану;
Миром мстили мы султану;
И вскатил на Арарат
Пушки храбрый наш солдат.

И все царство Митридата
До подошвы Арарата
Взял наш северный Аякс;
Русской гранью стал Аракс;
Арзерум сдался нам дикий;
Закипел мятеж великий;
Пред Варшавой стал наш фрунт,
И с Варшавой рухнул бунт.

И, нежданная ограда,
Флот наш был у стен Царьграда;
И с турецких берегов,
В память северных орлов,
Русский сторож на Босфоре.
Отразясь в заветном море,
Мавзолей наш говорит:
«Здесь был русский стан разбит».

Всходит дневное светило
Так же ясно, как всходило
В чудный день Бородина;
Рать в колонны собрана,
И сияет перед ратью
Крест небесной благодатью,
И под ним ввиду колонн
В гробе спит Багратион.

Здесь он пал, Москву спасая,
И, далеко умирая,
Слышал весть: Москвы уж нет!
И опять он здесь, одет
В гробе дивною бронею,
Бородинскою землею;
И великий в гробе сон
Видит вождь Багратион.

В этот час тогда здесь бились!
И враги, ярясь, ломились
На холмы Бородина;
А теперь их тишина,
Небом полная, объемлет,
И как будто бы подъемлет
Из-за гроба голос свой
Рать усопшая к живой.

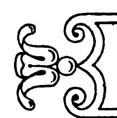
Несказанное мгновенье!
Лишь изрек, свершив моленье,
Предстоявший алтарю:
Память вечная царю!
Вдруг обгрянул залп единый
Бородинские вершины,
И в один великий глас
Вся с ним армия слилась.

Память вечная, наш славный,
Наш смиренный, наш державный,
Наш спасительный герой!
Ты обет изрек святой;
Слово с трона роковое
Повторилось в дивном бое
На полях Бородина:
Им Россия спасена.

Память вечная вам, братья!
Рать младая к вам объятья
Простирает вглубь земли;
Нашу Русь вы нам спасли;
В свой черед мы грудью станем;
В свой черед мы вас помянем,
Если царь велит отдать
Жизнь *за общую нам мать.*

1839

Д·В·ДАВЫДОВ

ПАРТИЗАН

(Отрывок)

Умолкнул бой. Ночная тень
Москвы окрестность покрывает;
Вдали Кутузова курень
Один, как звездочка, сверкает.
Громада войск во тьме кипит,
И над пылающей Москвою
Багрово зарево лежит
Необозримой полосою.

И мчится тайною тропой
Воспрянувший с долины битвы
Наездников веселый рой
На отдаленные ловитвы.
Как стая алчущих волков,
Они долинами витают:
То внемлют шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжают.

Начальник, в бурке на плечах,
В косматой шапке кабардинской,
Горит в передовых рядах
Особой яростью воинской.
Сын белокаменной Москвы,
Но рано брошенный в тревоги,
Он жаждет сечи и молвы,
А там что будет — вольны боги!

Давно незнаем им покой,
Привет родни, взор девы нежный.
Его любовь — кровавый бой,
Родня — донцы, друг — конь надежный.
Он чрез стремнины, чрез холмы
Отважно всадника проносит,
То чутко шевелит ушьми,
То фыркает, то удил просит.

Еще их скок приметен был
На высях, за преградной Нарой,
Златимых отблеском пожара,
Но скоро буйный рой за высь перекатил,
И скоро след его простыл...

. . . .
. . . .
. . . .

1826

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ

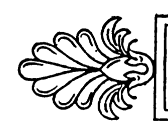
ЭЛЕГИЯ

Умолкшие холмы, дол некогда кровавый,
Отдайте мне ваш день, день вековечной славы,
И шум оружия, и сечи, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал, мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь гомерический, Багратион великий!
Простри мне длань свою, Раевский, мой герой!
Ермолов! я лечу — веди меня, я твой:
О, обреченный быть побед любимым сыном,
Покрой меня, покрой твоих перунов дымом!

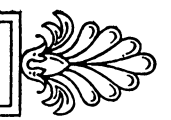
Но где вы?.. Слушаю... Нет отзыва! С полей
Умчался брани дым, не слышен стук мечей,
И я, питомец ваш, склонясь главой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга.

1829

Ф·Н·ГЛИНКА

ВОЕННАЯ ПЕСНЬ,
написанная во время приближения неприятеля к Смоленской губернии

Раздался звук трубы военной,
Гремит сквозь бури бранный гром:
Народ, развратом воспоенный,
Грозит нам рабством и ярмом!
Текут толпы, корыстью гладны,
Ревут, как звери плотоядны,
Алкая пить в России кровь.
Идут, сердца их — жесткий камень,
В руках вращают меч и пламень
На гибель весей и градов!

В крови омоченны знамена
Багреют в трепетных полях,
Враги нам вьют вериги плена,
Насилье грозно в их полках.
Идут — влекомы жаждой дани.
О страх! срывают дерзки длани
Со храмов божьих лепоту!
Идут, и след их — пепл и степи!
На старцев возлагают цепи,
Влекут на муки красоту!

Теперь ли нам дремать в покое,
России верные сыны!
Пойдем, сомкнемся в ратном строе,
Пойдем — и в ужасах войны
Друзьям, отечеству, народу
Отыщем славу и свободу
Иль все падем в родных полях!
Что лучше: жизнь — где узы плена,
Иль смерть — где русские знамена?
В героях быть или в рабах?

Исчезли мира дни счастливы,
Пылает зарево войны.
Простите, веси, паствы, нивы!
К оружью, дети тишины!
Теперь, сей час же мы, о други,
Скуем в мечи серпы и плуги:
На бой теперь — иль никогда!
Замедлим час — и будет поздно!
Уж близко, близко время грозно:
Для всех равно близка беда!

И всех, мне мнится, клятву внемлю:
Забав и радостей не знать,
Доколе враг святую землю
Престанет кровью обагрять!
Там друг зовет на битву друга,
Жена, рыдая, шлет супруга
И матерь в бой своих сынов!
Жених не мыслит о невесте,
И громче труб на поле чести
Зовет к отечеству любовь!

Июль 1812

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЬ,
сочиненная и петая во время соединения войск у города Смоленска в июле 1812 года

На голос: Веселяся в чистом поле.

Вспомним, братцы, россов славу
И пойдем врагов разить!
Защитим свою державу:
Лучше смерть — чем в рабстве жить.

Мы вперед, вперед, ребята,
С богом, верой и штыком!
Вера нам и верность свята:
Победим или умрем!

Под смоленскими стенами,
Здесь, России у дверей,
Стать и биться нам с врагами!..
Не пропустим злых зверей!

Вот рыдают наши жены,
Девы, старцы вопиют,
Что злодеи разъяренны
Меч и пламень к ним несут.

Враг строптивый мещет громы,
Храмов божьих не щадит;
Топчет нивы, палит домы,
Змеем лютым в Русь летит!

Русь святую разоряет!..
Нет уж сил владеть собой:
Бранный жар в крови пылает,
Сердце просится на бой!

Мы вперед, вперед, ребята,
С богом, верой и штыком!
Вера нам и верность свята:
Победим или умрем!

Июль 1812

ПЕСНЬ СТОРОЖЕВОГО ВОИНА ПЕРЕД БОРОДИНСКОЮ БИТВОЮ

(в сокращении)

Друзья! Мы на брегах Колочи,
    Врагов к нам близок стан;
Мы сну не покоряем очи,
    Не слышим боли ран!..

Друзья, бодрей! Друзья, смелей!
    Не до покоя нам!
Идет злодей, грозит злодей
    Москвы златым верхам!

Там в пепле край, вот в божий храм
    С конем вломился враг!
Тут лечь костьми, тут биться нам:
    До града предков — шаг!

Славян сыны! Войны сыны!
    Не выдадим Москвы!
Спасем мы честь родной страны
    Иль сложим здесь главы!..

Уж гул в полях, уж шум слышней!
    День близок роковой...
Заря светлей, огни бледней...
    Нас кличет враг на бой!

Идет на нас, к нему пойдем
    В широкие поля;
Прими ты нас, когда падем,
    Родимая земля!..

...Так воин на брегах Колочи
    Друзьям пред боем пел;
И сон не покорял их очи,
    И дух в них пламенел!

Между 1812—1816

* * *

«Добрый воин, что с тобой?
    Кровь из ран струится!..
Где и с кем кровавый бой?
    Кто на Русь стремится?

Счастью кто грозит сих стран
    И царю-надежде?
Расскажи... Но кровь из ран
    Дай унять нам прежде».

— Ах! счастливым тишиной,
    Други! вам безвестно,
Что давно горит войной
    Край наш повсеместно!

Лютый враг вломился к нам
    С грозными полками:
Гром пред ним, и по стопам
    Кровь течет реками!

Всюду ужас, смерть и страх!
    Свежие могилы!
Запылал в моих глазах
    Родины край милый!

Пусты хижины стоят,
Брошены чертоги,
Громы всех равно разят,
Небеса всем строги!

Ах, я зрел и отчий дом,
В пепел обращенный;
Враг везде бросал свой гром —
В град и в храм священный!

Там — о страшный сердцу час!
Мне легко ль то было? —
На груди моей погас
Взор супруги милой!

Той, кем был мне красен свет,
Нет на свете боле:
Месть врагам! был мой обет,
И летел я в поле.

Где слились Москвы струи
И струи Колочи,
В битвах там прошли три дни
И без сна три ночи.

Жадно кровь пила земля;
Мы не уступали
И широкие поля
Трупами устлали.

И теперь кровавый пар
Над полями дремлет,
И теперь еще пожар
Те поля объемлет...

Но звучит, я слышу, дол:
Вот гремят бойницы!
Ах! то враг к стенам пошел
Древния столицы!

Полетим! — «Пожди хоть час,
Отдохни доколе...»
— Нет! я слышу трубный глас,
Глас, зовущий в поле!..

Можно ль боль мне помнить ран
И остаться с вами,
Если всем грозит тиран
Рабством и цепями!..

Вот пожар — и дым столпом!
Даль зажглася битвой:
Сладко пасть в руках с мечом
И в устах с молитвой!

Дети мирной тишины!
Нам ли до покоя?
Всех за честь родной страны
Кличет голос боя!

Будь ты вождь, бог браней, им
Наш обет: отмщенье! —
Так сказал — и все за ним
Дружно на сраженье!

Между 1812—1816

ПЕСНЬ РУССКОГО ВОИНА ПРИ ВИДЕ ГОРЯЩЕЙ МОСКВЫ

Темнеет бурна ночь, темнеет,
И ветр шумит, и гром ревет;
Москва в пожарах пламенеет,
И русский воин песнь поет:

«Горит, горит царей столица;
Над ней в кровавых тучах гром
И гнева божьего десница...
И бури огненны кругом.

О Кремль! Твои святые стены
И башни горды на стенах,
Дворцы и храмы позлащенны
Падут, уничиженны, в прах!..

И всё, что древность освятила,
По ветрам с дымом улетит!
И град обширный, как могила
Иль дебрь пустынна, замолчит!..

А гордый враг, оставя степи
И груды пепла вкруг Москвы,
Возвысит грозно меч и цепи
И двигнет рать к брегам Невы...

Нет, нет! Не будет пить он воды
Из славных невских берегов:
Восстали рати и народы,
И трон царя стрежет любовь!

Друзья, бодрей! Уж близко мщенье:
Уж вождь, любимец наш седой,
Устроил мудро войск движенье
И в тыл врагам грозит бедой!

А мы, друзья, к творцу молитвы:
О, дай, всесильный, нам, творец,
Чтоб дивной сей народов битвы
Венчали славою конец!»

Вещал — и очи всех подъяты,
С оружьем длани к небесам:
Блеск молний пробежал трикраты
По ясным саблям и штыкам!

Между 1812—1816

АВАНГАРДНАЯ ПЕСНЬ

Друзья! Враги грозят нам боем,
Уж села ближние в огне,
Уж Милорадович пред строем
Летает вихрем на коне.
Идем, идем, друзья, на бой!
Герой! нам смерть сладка с тобой.

Зарделся блеск зари в лазури;
Как миг, исчезла ночи тень!
Гремит предвестник бранной бури,
Мы будем биться целый день.
Идем, идем, друзья, на бой!
Герой! нам смерть сладка с тобой.

Друзья! Не ново нам с зарями
Бесстрашно в жаркий бой ходить,
Стоять весь день богатырями
И кровь врагов, как воду, лить!
Идем, идем, друзья, на бой!
Герой! нам смерть сладка с тобой.

Пыль вьется, двинет враг с полками,
Но с нами вождь сердец — герой!
Он биться нам велит штыками,
Штыками крепок р у с с к и й строй!
Идем, идем, друзья, на бой!
Герой! нам смерть сладка с тобой.

Здесь М и л о р а д о в и ч пред строем,
Над нами бог, победа с ним;
Друзья, мы вихрем за героем
Вперед... умрем иль победим!
Идем, идем, друзья, на бой!
Герой! нам смерть сладка с тобой.

Хор

Идем, идем, друзья, на бой!
Герой! нам смерть сладка с тобой.

Между 1812—1816

АВАНГАРДНАЯ ПЕСНЯ

1

Скоро зов послышим к бою
И пойдем опять вперед;
Милорадович с собою
Нас к победам поведет!

2

Над дунайскими брегами
Слава дел его гремит;
Где ни встретится с врагами,
Вступит в бой — врагов разит.

3

Вязьма, Красный, Ней разбитый
Будут век греметь у нас;
Лавром меч его обвитый
Бухарест от бедствий спас.

4

Чтоб лететь в огни, в сраженье,
И стяжать побед венец,
Дай одно лишь мановенье,
Вождь полков и вождь сердец!

5

Друг солдат! служить с тобою
Все желанием горят;
И к трудам готовясь, к бою,
Общим гласом говорят:

6

«Милорадович где с нами,
Лавр повсюду там цветет;
С верой, с ним и со штыками
Русский строй весь свет пройдет!..»

16 марта 1813

ПАРТИЗАН СЕСЛАВИН

Он в юности своей весь отдался наукам,
Дышал мечтой о жизни боевой;
И чтением он ум обогащая свой,
И душу приучал к волшебным славы звукам...
Но вдруг... Двенадцатый, с его войною, год!
Пожар! Отечество горит — и весь народ
К оружью от сохи... И косы на защиту...

Кто там на дереве сидит
И, пепельной золой покрыту,
Москву святую сторожит?
Кто так искусно нам дает правдивы вести?
Он храбр и прям, как меч! Ни трусости, ни лести!..

Вот Вильна, польский град, французами кипит!
        Двадцатиградусный мороз трещит!
И русские сердца трещат от правой мести!
        Кто ж воин сей с отвагою такой,
В крови, с подвязанной рукой,
        С дружиной ломится в вороты?
Вот груды золота в разбитых сундуках:
        Пусть гинет золото в снегах,
        Ему важнее есть заботы,
Чтоб славу скользкую держать в своих руках...
Героям древности он благородством равен,
        Душой прямой россиянин,
О нем вещал бы нам и предок-славянин:
        «Се — славен!»

Между 1812—1825

ПАРТИЗАН ДАВЫДОВ

Усач. Умом, пером остер он, как француз,
        Но саблею французам страшен:
Он не дает топтать врагам нежатых пашен
        И, закрутив гусарский ус,
Вот потонул в густых лесах с отрядом —
И след простыл!.. То невидимкой он,
                                                    то рядом,
        То, вынырнув опять, следом
Идет за шумными французскими полками
И ловит их, как рыб, без невода, руками.
Его постель — земля, а лес дремучий — дом!
И часто он, с толпой башкир и с козаками,
И с кучей мужиков, и конных русских баб,
В мужицком армяке, хотя душой не раб,
Как вихорь, как пожар, на пушки, на обозы,
И в ночь, как домовой, тревожит вражий стан.
Но милым он дарит, в своих куплетах, розы.
Давыдов! Это ты, поэт и партизан!..

Между 1812—1825

1812 ГОД

(Отрывок из рассказа)

Посвящено людям XII года

Дошла ль в пустыни ваши весть,—
Как Русь боролась с исполином?
Старик отец вел распри с сыном:
Кому скорей на славну месть
Идти? — И, жребьем недовольны,
Хватая пику и топор,
Бежали оба в полк напольный;
Или в борах, в трущобах гор
С пришельцем бешено сражались.
От запада к нам бури мчались:
Великий вождь Наполеон
К нам двадцать вел с собой народов.
В минувшем нет таких походов:
Восстал от моря к морю стон
От топа конных, пеших строев;
Их длинная, пустая рать
Всю Русь хотела затоптать;
Но снежная страна героев
Высоко подняла чело
В заре огнистой прежних боев:
Кипело каждое село
Толпами воинов брадатых:
«Куда ты, нехристь?.. Нас не тронь!»
Все вопили, спустя огонь
Съедать и грады и палаты
И созиданья древних лет.
Тогда померкнул дневный свет
От курева пожаров рьяных,
И в небесах, в лучах багряных,
Всплыла погибель; мнилось, кровь
С них капала... И, хитрый воин,
Он скликнул вдруг своих орлов
И грянул на Смоленск... Достоин
Похвал и песен этот бой:
Мы заслоняли тут собой
Порог Москвы — в Россию двери;
Тут русские дрались как звери,
Как ангелы! — Своих голов
Мы не щадили за икону
Владычицы. Внимая звону
Душе родных колоколов,

В пожаре тающих, мы прямо
В огонь метались и упрямо
Стояли под дождем гранат,
Под взвизгом ядер: все стонало,
Гремело, рушилось, пылало;
Казалось, выхлынул весь ад:
Дома и храмы догорали,
Калились камни... И трещали
Порою волосы у нас
От зноя!.. Но сломил он нас:
Он был сильней!.. Смоленск курился,
Мы дали тыл. Ток слез из глаз
На пепел родины скатился...
Великих жертв великий час,
России славные годины:
Везде врагу лихой отпор;
Коса, дреколье и топор
Громили чуждые дружины.
Огонь свой праздник пировал:
Рекой шумел по зрелым жатвам,
На селы змеем налетал.
Наш бог внимал мольбам и клятвам,
Но враг еще... одолевал!..
На Бородинские вершины
Седой орел с детьми засел,
И там схватились исполины,
И воздух рделся и горел.
Кто вам опишет эту сечу,
Тот гром орудий, стон долин?
Со всей Европой эту встречу
Мог русский выдержать один!
И он не отстоял отчизны,
Но поле битвы отстоял,
И, весь в крови,— без укоризны —
К Москве священной отступал!
Москва пустела, сиротела,
Везли богатства за Оку;
И вспыхнул Кремль,— Москва горела
И нагнала на Русь тоску.
Но стихли вдруг враги и грозы —
Переменилася игра:
К нам мчался Дон, к нам шли морозы —
У них упала с глаз кора!
Необозримое пространство
И тысячи пустынных верст

Смирили их порыв и чванство,
И показался божий перст.
О, как душа заговорила!
Народность наша поднялась:
И страшная России сила
Проснулась, взвихрилась, взвилась:
То конь степной, когда с натуги,
На бурном треснули подпруги,
В зубах хрустели удила,
И всадник выбит из седла!
Живая молния, он, вольный
(Над мордой дым, в глазах огонь),
Летит в свой океан напольный;
Он весь гроза — его не тронь!..
Не трогать было вам народа,
Чужеязычны наглецы!
Кому не дорога свобода?..
И наши смурые жнецы,
Дав селам весть и богу клятву,
На страшную пустились жатву...
Они — как месть страны родной —
У вас, непризванные гости:
Под броней медной и стальной
Дощупались, где ваши кости!
Беда грабителям! Беда
Их конным вьюкам, тучным ношам:
Кулак, топор и борода
Пошли следить их по порошам...
И чей там меч, чей конь и штык
И шлем покинут волосатый?
Чей там прощальный с жизнью клик?
Над кем наш Геркулес брадатый —
Свиреп, могуч, лукав и дик —
Стоит с увесистой дубиной?..
Скелеты, страшною дружиной,
Шатаяся, бредут с трудом
Без славы, без одежд, без хлеба,
Под оловянной высью неба,
В железном воздухе седом!
Питомцы берегов Луары
И дети виноградных стран
Тут осушили чашу кары:
Клевал им очи русский вран
На берегах Москвы и Нары;
И русский волк и русский пес
Остатки плоти их разнес.

И вновь раздвинулась Россия!
Пред ней неслись разгром и плен
И Дона полчища лихие...
И галл и двадесять племен,
От взорванных кремлевских стен
Отхлынув бурною рекою,
Помчались по своим следам!..
И, с оснеженной головою,
Кутузов вел нас по снегам;
И все опять по Неман, с бою,
Он взял — и сдал Россию нам
Прославленной, неразделенной.
И минул год — год незабвенный!
Наш Александр благословенный
Перед Парижем уж стоял
И за Москву ему прощал!

1839

МОСКВА

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах...
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит.

На твоих церквах старинных
Вырастают дерева;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это матушка Москва!

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У Ивана-звонаря?

Кто царь-колокол подымет?
Кто царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе,—
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!

Ты, как мученик, горела,
    Белокаменная!
И река в тебе кипела
    Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
    Полоненною,
И из пепла ты восстала
    Неизменною!

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат,
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!

1841

СЛАВНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

Битва на поле гремела — битвы такой не бывало:
День и взошел и погас в туче нависнувшей дыма;
Медные пушки, дрожа, раскалялись от выстрелов
    частых,
Стоном стонала земля; от пальбы же ружейной
    весь воздух
Бурей сдавался сплошной... Там, по холмам
    Бородинским,
Юноша нес на плечах тело, пробитое пулей:
Свежая кровь по мундиру алой тянулась дорожкой.
«Друг, ты куда же несешь благородную ношу?»
    В ответ он:
«Братцы! товарищ убит! Я местечка ищу
    для могилы,—
Видите ль, взад и вперед колесистые бегают пушки,

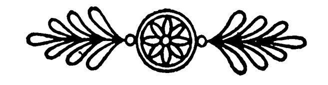
Кони копытом клеймят поле; боюсь я: собрата
Конница ль, пушки ль сомнут...
не доищешься после и членов!..
Грустно подумать и то, что, как поле затихнет
от битвы,
Жадный орел налетит — расклевать его ясные очи,
Очи, в которые мать и сестра так любили глядеться!..
Вот почему я квартиры тихой ищу постояльцу!»
«Ладно!» — сказали сквозь слез усачи-гренадеры
и стали,
Крест сотворивши, копать, на сторонке, могилу
штыками...
Только что кончили труд, закипела беда за бедою:
Буря за бурей пошла... и метелью и градом картечи,
Черепом бомб и гранат занесло, завалило могилу!..

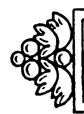
1841

СТИХИ ГЕНЕРАЛУ РАЕВСКОМУ

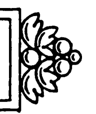
(в сокращении)

Опять с полками стал своими
Раевский, веры сын, герой!..
Горит кровопролитный бой.
Все россы вихрями несутся,
До положенья глав дерутся;
Их тщетно к отдыху зовут:
«Всем дайте умереть нам тут!» —
Так русски воины вещают,
Разят врага — не отступают:
Не страшен россам к смерти путь.
И мы, о воины! за вами
Из градов русских все пойдем;
За нас вы боретесь с врагами,
И мы, мы вас в пример возьмем.
Или России избавленье,
Иль смерть врагу и пораженье!..
К победе с вами мы пойдем
Иль *с верой — верными* умрем.

К·Н·БАТЮШКОВ

К Д<АШКО>ВУ

Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары:
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных,
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаяньи рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священный
Слезами скорби омочил.
И там, где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, где с миром почивали
Останки иноков святых,
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;
И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады,—
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..
А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость,

Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирныя цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы
Армид и ветреных Цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..
Нет, нет! талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем,—
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды музы и хариты,
Венки, рукой любови свиты,
И радость шумная в вине!

1813

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ РЕЙН
1814

Меж тем как воины вдоль идут по полям,
Завидя вдалеке твои, о Реин, волны,
Мой конь, веселья полный,
От строя отделясь, стремится к берегам,
На крыльях жажды прилетает,
Глотает хладную струю
И грудь, усталую в бою,
Желанной влагой обновляет...

О радость! я стою при Реинских водах!
И, жадные с холмов в окрестность брося взоры,
Приветствую поля и горы,
И замки рыцарей в туманных облаках,
И всю страну, обильну славой,

Воспоминаньем древних дней,
Где с Альпов вечною струей
Ты льешься, Реин величавый!

Свидетель древности, событий всех времен,
О Реин, ты поил несчетны легионы,
Мечом писавшие законы
Для гордых Германа кочующих племен;
Любимец счастья, бич свободы,
Здесь Кесарь бился, побеждал,
И конь его переплывал
Твои священны, Реин, воды.

Века мелькнули: мир крестом преображен,
Любовь и честь в душах суровых пробудились.
Здесь витязи вооружились
Копьем за жизнь сирот, за честь прелестных жен;
Тут совершались их турниры,
Тут бились храбрые — и здесь
Не умер, мнится, и поднесь
Звук сладкой трубадуров лиры.

Так, здесь под тению смоковниц и дубов,
При шуме сладостных нагорных водопадов,
В тени цветущих сел и градов
Восторг живет еще средь избранных сынов.
Здесь всё питает вдохновенье:
Простые нравы праотцов,
Святая к родине любовь
И праздной роскоши презренье.

Всё, всё — и вид полей, и вид священных вод,
Туманной древности и бардам современных,
Для чувств и мыслей дерзновенных
И силу новую, и крылья придает.
Свободны, горды, полудики,
Природы верные жрецы,
Тевтонски пели здесь певцы...
И смолкли их волшебны лики.

Ты сам, родитель вод, свидетель всех времен,
Ты сам, до наших дней, спокойный, величавый,
С падением народной славы,
Склонил чело, увы! познал и стыд и плен...
Давно ли брег твой под орлами
Атиллы нового стенал

И ты уныло протекал
Между враждебными полками?

Давно ли земледел вдоль красных берегов,
Средь виноградников заветных и священных,
Полки встречал иноплеменных
И ненавистный взор зареинских сынов?
Давно ль они, кичася, пили
Вино из синих хрусталей
И кони их среди полей
И зрелых нив твоих бродили?

И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы с свободой и с громами!..
Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..

Стеклись, нагрянули за честь твоих граждан,
За честь твердынь, и сел, и нив опустошенных,
И берегов благословенных,
Где расцвело в тиши блаженство россиян,
Где ангел мирный, светозарный
Для стран полуночи рожден
И провиденьем обречен
Царю, отчизне благодарной.

Мы здесь, о Реин, здесь! ты видишь блеск мечей!
Ты слышишь шум полков и новых коней ржанье,
«Ура» победы и взыванье
Идущих, скачущих к тебе богатырей.
Взвивая к небу прах летучий,
По трупам вражеским летят
И вот — коней лихих поят,
Кругом заставя дол зыбучий.

Какой чудесный пир для слуха и очей!
Здесь пушек светла медь сияет за конями,
И ружья длинными рядами,
И стяги древние средь копий и мечей,
Там шлемы воев оперенны,
Тяжелой конницы строи
И легких всадников рои —
В текучей влаге отраженны!

Там слышен стук секир,— и пал угрюмый лес!
Костры над Реином дымятся и пылают!
И чаши радости сверкают,
И клики воинов восходят до небес!
Там ратник ратника объемлет;
Там точит пеший штык стальной;
И конный грозною рукой
Крылатый дротик свой колеблет.

Там всадник, опершись на светлу сталь копья,
Задумчив и один, на береге высоком
Стоит и жадным ловит оком
Реки излучистой последние края.
Быть может, он воспоминает
Реку своих родимых мест —
И на груди свой медный крест
Невольно к сердцу прижимает...

Но там готовится, по манию вождей,
Бескровный жертвенник средь гибельных трофеев,
И богу сильных Маккавеев
Коленопреклонен служитель алтарей:
Его, шумя, приосеняет
Знамен отчизны грозный лес;
И солнце юное с небес
Алтарь сияньем осыпает.

Все крики бранные умолкли, и в рядах
Благоговение внезапу воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь, и ратники чело склонили в прах:
Поют владыке вышней силы,
Тебе, подателю побед,
Тебе, незаходимый свет!
Дымятся мирные кадилы.

И се подвигнулись — валит за строем строй!
Как море шумное, волнуется всё войско;
И эхо вторит крик геройской,
Досель не слышанный, о Реин, над тобой!
Твой стонет брег гостеприимный,
И мост под воями дрожит!
И враг, завидя их, бежит,
От глаз в дали теряясь дымной!..

1816—1817

ПЕРЕХОД РУССКИХ ВОЙСК ЧЕРЕЗ НЕМАН
1 января 1813 года

(Отрывок)

Снегами погребен, угрюмый Неман спал.
Равнину льдистых вод и берег опустелый
И на брегу покинутые селы
Туманный месяц озарял.
Все пусто... Кое-где на снеге труп чернеет,
И брошенных костров огонь, дымяся, тлеет,
И хладный, как мертвец,
Один среди дороги,
Сидит задумчивый беглец
Недвижим, смутный взор вперив на мертвы ноги.
И всюду тишина... И се, в пустой дали
Сгущенных копий лес возникнул из земли!
Он движется. Гремят щиты, мечи и брони,
И грозно в сумраке ночном
Чернеют знамена, и ратники, и кони:
Несут полки славян погибель за врагом,
Достигли Немана — и копья водрузили.
Из снега возросли бесчисленно шатры,
И на брегу зажженные костры
Все небо заревом багровым обложили.
И в стане царь младой
Сидел между вождями,
И старец-вождь пред ним, блестящий сединами
И бранной в старости красой.

<1813(?)>

М·В·МИЛОНОВ

К ПАТРИОТАМ

Писано в 1812 г.
по занятии французами Смоленска

Цари в плену — в цепях народы!
Час рабства, гибели приспел!
Где вы, где вы, сыны свободы?
Иль нет мечей и острых стрел?
Иль мужество в груди остыло,
И мстить железо позабыло?
В России враг... и спит наш гром!
Почто не в бой? он нам ли страшен?
Уже верхи смоленских башен
Виются пламенным столбом.

Се вестник кары — вражьей траты:
Их кровь жар мести утолит!
К мечам! Вперед! Блажен трикраты
Кто первый смертью упредит!
Развейтесь, знамена победны,
Героев-предков дар наследный!
За их могилы биться нам!
На гибель злым и малодушным,
Сам браней бог вождем воздушным
Летит святым сим знаменам.

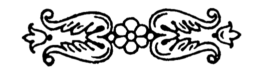
Их слава нарекла своими —
И носим имя мы славян!
Вперед, рядами — вместе с ними
Перуном грянем в вражий стан!
Сразим иль всяк костями ляжет
И гробный холм потомству скажет:
Здесь скрыт бестрепетных собор,
И скажут веки и стихии:
Он славу защищал России,
Он мстил вселенныя позор!

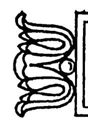
Стыдом, проклятием покрытый,
Сей царь земли, сей бог побед,
В ров гибели, для нас изрытый,
С высот честей своих падет!
Не сонм наемников иль пленных,
К алчбе, корысти устремленных,
Предателей страны своей,
Которы в страхе рабском пали,
В добычу все врагам отдали —
И прах отеческих костей!

Он встретит в нас героев славы,
Известных свету россиян,
Спасавших чуждые державы,
Которых суша, океан
В победах громких созерцали,
Которых царства трепетали,
Кого дрожал и храбрый швед,
И прус, и галл непостоянный,
Сам вождь его, в боях венчанный
И спящий в гробе Магомед!

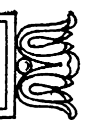
Восстань, героев русских сила!
Кого и где, в каких боях
Твоя десница не разила?
Днесь брань встает в родных полях —
Где персть, древа и камни хладны
Возжгут твой дух по славе жадный!
Один, один врагу удар —
И вся Европа отомстится:
Здесь Бельт от крови задымится —
А там — вспылает Гибралтар!

1812

П·А·ВЯЗЕМСКИЙ

ПОСЛАНИЕ К ЖУКОВСКОМУ ИЗ МОСКВЫ, В КОНЦЕ 1812 ГОДА

Итак, мой друг, увидимся мы вновь
В Москве, всегда священной нам и милой!
В ней знали мы и дружбу и любовь,
И счастье в ней дни наши золотило.
Из детства, друг, для нас была она
Святилищем драгих воспоминаний;
Протекших бед, веселий, слез, желаний
Здесь повесть нам везде оживлена.
Здесь красится дней наших старина,
Дней юности, и ясных и веселых,
Мелькнувших нам едва — и отлетелых.
Но что теперь твой встретит мрачный взгляд
В столице сей и мира и отрад? —
Ряды могил, развалин обгорелых
И цепь полей пустых, осиротелых —
Следы врагов, злодейства гнусных чад!
Наук, забав и роскоши столица,
Издревле край любви и красоты
Есть ныне край страданий, нищеты.
Здесь бедная скитается вдовица,
Там слышен вопль младенца-сироты;
Их зрит в слезах румяная денница,
И ночи мрак их застает в слезах!
А там старик, прибредший на клюках
На хладный пепл родного пепелища,
Не узнает знакомого жилища,
Где он мечтал сном вечности заснуть,
Склонив главу на милой дщери грудь;
Теперь один, он молит дланью нищей
Последнего приюта на кладбище.
Да будет тих его кончины час!
Пускай мечты его обманут муку,
Пусть слышится ему дочерний глас,
Пусть, в гроб сходя, он мнит подать ей руку!

Счастлив, мой друг, кто, мрачных сих картин,
Сих ужасов и бедствий удаленный
И строгих уз семейных отчужденный,
Своей судьбы единый властелин,
Летит теперь, отмщеньем вдохновенный,
Под знамена карающих дружин!
Счастлив, кто меч, отчизне посвященный,
Подъял за прах родных, за дом царей,
За смерть в боях утраченных друзей;
И, роковым постигнутый ударом,
Он скажет, свой смыкая мутный взор:
«Москва! я твой питомец с юных пор,
И смерть моя — тебе последним даром!»
Я жду тебя, товарищ милый мой!
И по местам, унынью посвященным,
Мы медленно пойдем, рука с рукой,
Бродить, мечтам предавшись потаенным.
Здесь тускл зари пылающий венец,
Здесь мрачен день в краю опустошений;
И скорби сын, развалин сих жилец,
Склоня чело, объятый думой гений
Гласит на них протяжно: нет Москвы!
И хладный прах, и рухнувшие своды,
И древний Кремль, и ропотные воды
Ужасной сей исполнены молвы!

1813

ЭПЕРНЕ

(Денису Васильевичу Давыдову)

II

Так из чужбины отдаленной
Мой стих искал тебя, Денис!
А уж тебя ждал неизменный
Не виноград, а кипарис.

На мой привет отчизне милой
Ответом скорбный голос был,
Что свежей братскою могилой
Дополнен ряд моих могил.

Искал я друга в день возврата,
Но грустен был возврата день!
И собутыльника и брата
Одну я с грустью обнял тень.

Остыл поэта светлый кубок,
Остыл и партизанский меч;
Средь благовонных чаш и трубок
Уж не кипит живая речь.

С нее не сыплются, как звезды,
Огни и вспышки острых слов,
И речь наездника — наезды
Не совершает на глупцов.

Струей не льется вечно новой
Бивачных повестей рассказ
Про льды Финляндии суровой,
Про огнедышащий Кавказ,

Про год, запечатленный кровью,
Когда под заревом Кремля,
Пылая местью и любовью,
Восстала русская земля,

Когда, принесши безусловно
Все жертвы на алтарь родной,
Единодушно, поголовно
Народ пошел на смертный бой.

Под твой рассказ народной были,
Животрепещущий рассказ,
Из гроба тени выходили,
И блеск их ослеплял наш глаз.

Багратион — Ахилл душою,
Кутузов — мудрый Одиссей,
Сеславин, Кульнев — простотою
И доблестью муж древних дней!

Богатыри эпохи сильной,
Эпохи славной, вас уж нет!
И вот сошел во мрак могильный
Ваш сослуживец, ваш поэт!

Смерть сокрушила славы наши,
И смотрим мы с слезой тоски
На опрокинутые чаши,
На упраздненные венки.

Зову,— молчит припев бывалый;
Ищу тебя,— но дом твой пуст;
Не встретит стих мой запоздалый
Улыбки охладевших уст.

Но песнь мою, души преданье
О светлых, безвозвратных днях,
Прими, Денис, как возлиянье
На прах твой, сердцу милый прах!

1854

ПОМИНКИ ПО БОРОДИНСКОЙ БИТВЕ

I

Милорадовича помню
В битве при Бородине:
Был он в шляпе без султана
На гнедом своем коне.

Бодро он и хладнокровно
Вел полки в кровавый бой,
Строй за строем густо, ровно
Выступал живой стеной.

Только подошли мы ближе
К средоточию огня,
Взвизгнуло ядро и пало
Перед ним, к ногам коня,

И, сердито землю роя
Адским огненным волчком,
Не затронуло героя,
Но осыпало песком.

«Бог мой! — он сказал с улыбкой,
Указав на вражью рать,—
Нас завидел неприятель
И спешит нам честь отдать».

II

И Кутузов предо мною,
Вспомню ль о Бородине,
Он и в белой был фуражке,
И на белом был коне.

Чрез плечо повязан шарфом,
Он стоит на высоте,
И под старцем блещет ярко
День в осенней красоте.

Старца бодрый вид воинствен,
Он сред полчищ одинок,
Он бесстрастен, он таинствен,
Он властителен, как рок.

На челе его маститом,
Пролетевшею насквозь
Смертью раз уже пробитом,
Пламя юное зажглось.

Пламя дум грозой созревших,
В битве закаленных дум,
Он их молча вопрошает
Сквозь пальбу, огонь и шум.

Мыслью он парит над битвой,
И его орлиный взгляд
Движет волею и силой
Человеческих громад.

И его молниеносцы
Ждут внимательно кругом,
Чтоб по слову полководца
Зарядить крылатый гром.

От вождя к вождю обратно
Мчатся быстрые гонцы,
Но иного безвозвратно
Смерть хватает на лету!

Против нас дружины, ужас
Завоеванных земель,
Записавшие победу
С давних лет в свою артель;

Славой блещущие лица
И в главе их — вождь побед,
Гордым солнцем Аустерлица
Загоревшее лицо.

Но бледнеет это солнце
И течет на запад свой,
А взойдет другое солнце
Над пылающей Москвой.

И впервые в грудь счастливца
Недоверья хлад проник:
Так с учителем заспорил
Седовласый ученик.

К острову Святой Елены
Здесь проложен первый шаг,
И Кремля святые стены
В казнь себе усвоит враг.

День настал! Мы ждали битвы,
Все возрадовались ей:
Шли давно о ней молитвы
Приунывших усачей.

И на пир веселый словно
Каждый радостно летит,
Будь у каждого три жизни,
Он всех трех не пощадит.

Никогда еще в подлунной
Не кипел столь страшный бой:
Из орудий ад чугунный,
Разразившись, поднял вой;

Целый день не умолкает,
Извергая смерть кругом;
Строй за строем исчезает
Под убийственным огнем.

Но пылают мщенья гневом
Снова свежие ряды,
Свежей кровью и посевом
Смерть плодит свои бразды.

Словно два бойца во злобе,
Набежала рать на рать;
Грудью в грудь вломились обе,
Чтоб противника попрать.

Но победа обоюдно
То дается нам, то им;
В этот день решить бы трудно,
Кто из двух непобедим.

Крепнет боевая вьюга,
Все сильней растет она,
И вцепившихся друг в друга
Разнимает ночь одна.

Грозный день сей Бородинский
Им и нам в почет равно.
Славься битвой исполинской,
Славься ввек, Бородино!..

1869

К СТАРОМУ ГУСАРУ

Ай да служба! ай да дядя!
Распотешил, старина!
На тебя, гусар мой, глядя,
Сердце вспыхнуло до дна.

Молодые ночи наши
Разгорелись в ярких снах;
Будто пиршеские чаши
Снова сохнут на губах.

Будто мы не устарели,—
Вьется локон вновь в кольцо;
Будто дружеской артели
Все ребята налицо.

Про вино ли, про свой ус ли,
Или прочие грехи
Речь заводишь: словно гусли
Разыграются стихи.

Так и скачут, так и льются,
Крупно, звонко, горячо,
Кровь кипит, ушки́ смеются,
И задергало плечо.

Подмывают, как волною,
Душу грешника, прости!
Подпоясавшись, с тобою
Гаркнуть, топнуть и пойти.

Черт ли в *тайнах идеала,*
В романтизме и в луне,—
Как усатый запевала
Запоет о старине!

Буйно рвется стих твой пылкий,
Словно пробка в потолок,
Иль Моэта из бутылки
Брызжет хладный кипяток.

С одного хмельного духа
Закружится голова,
И мерещется старуха,
Наша сверстница Москва.

Не Москва, что ныне чинно,
В шапке, в теплых сапогах,
Убивает дни *невинно*
На *воде* и на *водах,*

Но двенадцатого года
Весела́я голова,
Как сбиралась непогода,
А ей было трын-трава!

Но пятнадцатого года
В шумных кликах торжества
Свой пожар и блеск похода
Запивавшая Москва!

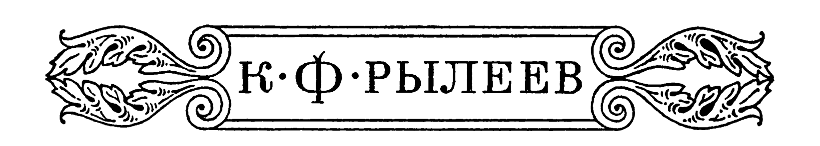
Весь тот мир, вся эта шайка
Беззаботных молодцов
Ожили, мой ворожайка,
От твоих волшебных слов!

Силой чар и зелий тайных
Ты из старого кремня
Высек несколько случайных
Искр остывшего огня.

Бью челом, спасибо, дядя!
Спой еще когда-нибудь,
Чтобы мне, тебе подладя,
Стариной опять тряхнуть!

1832

ЛЮБОВЬ К ОТЧИЗНЕ

ОДА

Где алтарей не соружают
Святой к отечеству любви?
<нрзб> где не почитают
Питать святой сей жар в крови?
Друзья! Меня вы уличите
И тот народ мне укажите,
Который бы ее не знал,
Оставивши страну родную
И удалясь во всем в чужую,
Тоски в себе не ощущал?

Нет, нет везде равно пылает
В сердцах святой любви сей жар:
Ее хотя не понимает,
Но равно чувствует дикарь —
Необразованный индеец,
Как и ученый европеец.
Всегда и всюду ей был храм:
И в отдаленнейшие веки
От чиста сердца человеки
Несли ей жертву, как богам.

Хвали́тся Греция сынами,
Пылавшими любовью к ней,
А Рим такими же мужами
Встарь славен к чести был своей.
Нас уверяют: Термопиллы,
Осада Рима,— что любили
Отчизну всей тогда душой.
Там храбрый Леонид спартанин,
Здесь изгнанный Камилл римлянин —
Отчизне жертвуют собой.

Но римских, греческих героев
В любви к отечеству прямой

Средь мира русские, средь боев,
Затмили давнею порой.
Владимир, Минин и Пожарской,
Великий Петр и Задунайской,
И нынешних герои лет,
Великие умом, очами,
Между великими мужами,
Каких производил сей свет.

Суворов чистою любовью
К своей отчизне век пылал,
И, жертвуя именьем, кровью,
Ее врагов он поражал:
Его поляки трепетали,
Французы с турками дрожали.
Повсюду завсегда с тобой
Любовь к Отчизне, россиянин!
А с нею, с ней велик гражданин,
Ужасный для врагов герой.

Гордынею вновь полн, решился
Галл росса покорить себе,—
Но вдруг Кутузов появился —
И галлов замысел — не бе!
Так русские всегда любили
И так Отечество хранили
От всяких бед и от врага.
Тот здравого ума лишился,
Кто росса покорить решился,—
Он ломит гордому рога!..

Народ отчизну обожающ,
К царю, к религии святой
Всем сердцем, всей душой пылающ,
Средь бурь всегда стоит горой,
Никем, ничем не раз <разимый>
Покойною и горделивой.
Тому являет днесь пример
Держава славная Россия,—
Ее врага попранна выя,
Погибнет, гибнет изувер.

Хвала, отечества спаситель!
Хвала, хвала, отчизны сын!
Злодейских замыслов рушитель,
России верный гражданин,

И бич и ужас всех французов! —
Скончался телом ты, Кутузов,
Но будешь вечно жив, герой,
И в будущие веки славен,
И не дерзнет уж враг злонравен
России нарушать покой!..

1813

КНЯЗЮ СМОЛЕНСКОМУ

ОДА

Герой, отечества спаситель!
Прими от сердца должну дань;
Бог наш защитник, покровитель,
Тебя нам ниспослал на брань!
Уже враги торжествовали,
Уж в злобной ярости мечтали
Здесь русский покорить народ!
Но ты лишь в стан успел явиться,
Как гордый стал тебя страшиться
И ощупью пошел вперед!

Пошел вперед и гибель верну
Мечтал ли он найти себе?
Но казнь ужасну, беспримерну
Определил творец тебе
Свершить над сонмом кровопийцев,
Грабителей, ехидн, убийцев,
Грехами, гнусностью своей
Давно уж всех превосходивших
И тем достойно заслуживших
Ужасный гнев царя царей!

Врагов презрел ты все коварства,
На бога верой уповал,
И, мня лишь о спасенье царства,
Ты оное всяк час спасал!
На страшном поле Бородинском,
В бою кровавом, исполинском,
Ты показал, что может росс!
На бога веру возлагая,
Врагов все силы презирая,
Он всюду, завсегда колосс.

С своими чувствами сражаясь,
Решился ты Москву отдать;
Но, духом паче укрепляясь,
Един лишь ты возмог сказать:
«Столицы царств не составляют!»
И се — уж россы низлагают
Наполеонов буйный рог!
Тарутин, Красный доказали,
Где россы галлов поражали,
Что правым есть защита — бог!

И что доколь славян потомки
Царя и веру будут чтить,
Дотоль дела их будут громки,
Дотоль их будет бог хранить!
Скажи, Кутузовым попранный,
О галл, грехами обуянный,
Что он есть ангел пред тобой,
Скажи, что он Алкид российский,
Что ты — дух злобный, лютый, низкий,
Исчадье ада, не герой!

Вселенная давно страдала
От честолюбия врага,
Уже одна ее стояла
У краю гибели нога;
Как вдруг, герой, ты появился,
И мир надеждой озарился,
Что ты спасешь его от бед,
Уже висевших над главою!
И се — уж мир спасен тобою,
Сразил врагов — и где их след?

Их след остался на равнинах,
Навек кичливому во срам!
А кости их в лесах, в долинах —
Во славу памятники нам!
Ты сих, Кутузов, дел творитель!
Где царств надменный покоритель,
Где сей ужасный бич людей,
Кого страшились земны боги?
Его умчали быстры ноги
С венчанных храбростью полей!

Ты шел за ним вослед — и слава
Летела быстро на крылах.
Кичлива, гордая Варшава
Упала пред тобой во прах!
Несчастна Пруссия стенала
От ига злобна, алчна галла,
Но ты, сразя ее врагов,
Сразя французов, злобных, ярых,
Друзей царю доставил старых,
Извел из тягостных оков.

Такою славой осиянный,
Среди великих дел, побед,
Стократ ты лаврами венчанный
Пришел, Кутузов, в лучший свет!
Твои дела, защитник трона,
Священной веры и закона,—
Из века паче будут в век
Все с новой силой преливаться
И гласно в мире отзываться,
Что ты великий человек!

1814

НА ПОГИБЕЛЬ ВРАГОВ

Да ведает о том вселенна,
Как бог преступников казнит,
И как он росса, сына верна,
От бед ужаснейших хранит.
Да ведают отныне царства,
Сколь мощь России велика,
Да знают люди, что коварства
Всевышний зрит издалека
И гибель злобным устрояет
Его десная завсегда.

Невинных в бедстве бог спасает,
Злодеев лютых — никогда.
Кто впал в порок хотя однажды,
Того уж трудно поднимать;
Да зная то, страшится каждый
Неправо с ближним поступать.

Наполеон до царска сана
Взнесен всевышнего рукой;
Забыл его — и се попранна
Души кичливость гордой, злой!

Желая овладеть вселенной,
Он шел Россию покорить.
О враг кичливый, дерзновенный!
Булатный меч тебя смирит.
Пришел, и всюду разоряя,
Опустошения творя
И грады, веси попаляя,
Ты мнил тем устрашить царя:
Но, о исчадье злобно ада,
Российской царь велик душой;

А все его полнощны чада
Как бы взлелеяны войной.
Героев тени, низлетите!
Оставьте райский свой чертог
И на потомков днесь воззрите,
Ликуйте с нами: «Силен бог!»
Смотрите: нет врагов кичливых,
Пришедших россов покорить;
Подобно стаду зайц строптивых,
Наполеонов полк бежит!»

Подобно бурному потоку,
Страну он нашу наводнил,
Подобно тигру он жестоку,
Невинну кровь россиян пил.
Здесь слезы льет девица красна,
Своей невинности лишась,
Там рвется, стонет мать злосчастна,
Навеки с сыном разлучась.
А там — а там Москва пылает,
Вожженная рукой врага! —

Там пламя древность пожирает;
Москва там лепоты нага!
Уж слава росская мрачится,
Уж гибель кажется близка!
Но се перун — Кутузов мчится!
Блестит герой издалека
И меч булатный изощряет!

Дрожит, немеет галлов вождь
И думы спасться напрягает.
Но сей герой, как снег, как дождь,

Как вихрь, как молния паляща
Врагов отечества казнит!
И вот ужасно цепь звеняща
С Москвы раздробленна летит!
Еще перун героя грянул —
И враг бежит со срамом вспять,
За ним и мраз, и глад воспрянул,
И уменьшают его рать!
Россиян силы удвоились,
Бог с правыми вступил в союз;

С лица земли враги истнились —
Европа спасена от уз.
Хвала тебе, монарх российский!
Хвала, муж дивный, Михаил!
Днесь вам не нужны обелиски,
Вас бог бессмертьем наградил.
Дела благие век сияют,
А не благие — никогда;
Наполеона проклинают,
Отнынь вам слава навсегда!

1813 или 1814

ПАРТИЗАНЫ

В лесу дремучем, на поляне
Отряд наездников сидит.
Окрестность вся в седом тумане;
Кругом осенний ветр шумит,
На тусклый месяц набегают
Порой густые облака;
Надулась черная река,
И молнии вдали сверкают.

Плащи навешаны шатром
На пиках, вглубь земли вонзенных;
Биваки в сумраке ночном,
Вокруг костров воспламененных;
Средь них толпами удальцы:
Ахтырцы, бугцы и донцы.

Пируют всадники лихие,
Свершив отчаянный набег;
Заботы трудны боевые,
Но весел шумный их ночлег;
Живой беседой сокращают
Они друг другу час ночной;
Дела вождей страны родной
Воспоминаньем оживляют
И лес угрюмый и густой
Веселым пеньем пробуждают.

ПЕСНЯ ПАРТИЗАНСКАЯ

Вкушает враг беспечный сон;
Но мы не спим, мы надзираем —
И вдруг на стан со всех сторон,
Как снег внезапный, налетаем.

В одно мгновенье враг разбит,
Врасплох застигнут удальцами,
И вслед за ними страх летит
С неутомимыми донцами.

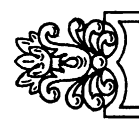
Свершив набег, мы в лес густой
С добычей вражеской уходим
И там, за чашей круговой,
Минуты отдыха проводим.

С зарей бросаем свой ночлег,
С зарей опять с врагами встреча,
На них нечаянный набег
Иль неожиданная сеча.

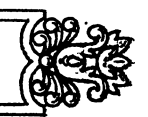
Так сонмы ратников простых
Досуг беспечный провождали.

1825

В·Ф·РАЕВСКИЙ

ПОСЛАНИЕ Г. С. БАТЕНЬКОВУ

Когда над родиной моей
Из тучи молния сверкала,
Когда Москва в цепях страдала
Среди убийства и огней,
Когда губительной рукою
Война носила смерть и страх
И разливала кровь рекою
На милых отческих полях,—
Тогда в душе моей свободной
Я узы в первый раз узнал
И, видя скорби глас народной,
От соучастья трепетал...
Как быстро гибнет блеск зарницы,
Так из разрушенной столицы
Тиран стремительной стопой
Вспять хлынул с хищною ордой!
И вслед ему бог бранный мщенья,
Во мзду насильств и преступленья,
Перуны грозные бросал
И путь гробами застилал...
Орудие сей грозной мести,
Я взор печальный отвратил
От поприща кровавой чести
И острый меч в ножны вложил...
Но ты, мой друг! при шуме славы —
Среди триумфов и побед,
Среди громов борьбы кровавой
Стремясь за разрушеньем вслед,
Свидетель россов смелых силы,
Смиренья их и правоты,—
Поведай мне, что мыслил ты,
Зря цепь изрытую могилы?
Скажи, ужель увеселял
Тебя трофей, в крови омытый,

Ужель венок, корыстью свитый,
Рассудка силу заглушал?..
И мрачная завеса пала!
Атропа гибельным резцом
Едва нить жизни не прервала
Твою под роковым мечом.
Простясь с неласковой судьбою,
С печальным опытом, с мечтою,
Ты удалился на покой
Туда, где Лена, Обь волной
В гранитные брега плескают
И по седым во мгле лесам
К Гиперборейским берегам,
Во льдах волнуясь, протекают,—
Где все в немых пустынях спит,
Где чуть приметен блеск природы,
Но где живут сыны свободы,
Где луч учения горит!..
Твои там отческие лары,
Там мир и радости с тобой,
Туда кровавою рукой
Войну, убийства и пожары
Не понесет никто с собой!..
В беседе там красноречивой
С тобой великий Архимед,
Декарт и Кант трудолюбивый
И Гершель с циркулом планет!
И все в гармонии с душою,
И чужд клевет и злобы слух...
Почто ж зовешь меня, мой друг,
Делить все радости с тобою?
Могу ль покоем обладать?
Пловец над пропастью бездонной
В отчизне милой, но безродной,
Не ведая, куда пристать,
Я в море суеты блуждаю,
Стремлюсь вперед, ищу пути
В надежде пристань обрести
И — снова в море уплываю.

1818

ПЕСНЬ ВОИНОВ ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ

Заутра грозный час отмщенья,
Заутра, други, станем в строй,
Не страшно битвы приближенье
Тому, кто дышит лишь войной!..
Сыны полу́ночи суровой,
Мы знаем смело смерть встречать,
Нам бури, вихрь и хлад знакомы.
Пускай с полсветом хищный тать
Нахлынул, злобой ополченный,
В пределы наши лавр стяжать.
Их сонмы буйные несчетны,
Но нам не нужно их считать.
Пусть старец вождь прострет рукою
И скажет: *«Там упорный враг!»*
Рассеем громы пред собою —
И исполин стоглавый — в прах!

Сей новый Ксеркс стопою силы,
Как огонь всежгучий, к нам притек
Узреть Батыевы могилы,
Сарматов плен и шведов рок;
Узреть поля опустошенны,
Прах мирных сел и городов,
И небо, заревом возженно,
И вкруг — изрытый ряд гробов,
А пред собой — перуны мести
И твердокаменную грудь
С хоругвью: *«Смерть на поле чести*
Или свершим опасный труд».
Ужель страшиться нам могилы?
И лучше ль смерти плен отцов,
Ярмо и стыд отчизны милой
И власть надменных пришлецов?

Нет, нет! Судьба нам меч вручила,
Чтобы покой отцов хранить.
Мила за родину могила,
Без родины поносно жить!
Пусть дети неги и порока
С увялой, рабскою душой
Трепещут гибельного рока,
Не разлучимого с войной,
И спят на ложе пресыщенья,
Когда их братья кровь лиют.

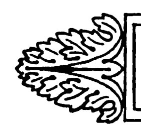
Постыдной доле их — презренье!
Во тьме дни слабых протекут!
А нам отчизны взор — награда
И милых по сердцу привет,—
Низвергнем сонмы супостата,
И с славой нам восплещет свет!..

Краса певцов, наш бард любимый,
Жуковский в струны загремит,
И глас его непобедимых
Венком бессмертья отличит.
И юный росс, приникши слухом
К его цевнице золотой,
Геройским вспыхивает духом
И, как с гнезда орел младой,
Взлетит испить добычи бранной
Вослед испытанным вождям...
О други! близок час желанный,
И близок грозный час врагам.
Певцы передадут потомству
Наш подвиг, славу, торжество.
Устроим гибель вероломству,
Дух мести — наше божество!

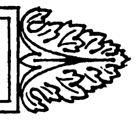
Но, други, луч блеснул денницы,
Туман редеет по полям,
И вестник утра, гром, сторицей
Зовет дружины к знаменам.
И мощный вождь перед полками
И с ним вождей бесстрашных сонм
Грядут!.. с победными громами
И взором ищут стан врагов...
К мечам!.. Там ждет нас подвиг славы,
Пред нами смерть, и огнь, и гром,
За нами горы тел кровавых,
И враг с растерзанным челом
В плену ждет низкого спасенья!..
Труба, сопутник наш, гремит!..
Друзья! В пылу огней сраженья
Обет наш: *«Пасть — иль победить!»*

Между 1812 и 1821

А·А·ДЕЛЬВИГ

* * *

Дщерь хладна льда! Богиня разрушенья,
Тебя, россиян мать, на лире воспою,
Зима! к тебе летит мое воображенье;
Желаю изразить волшебну красоту.
Когда, последуя холодному Борею,
Опустошаешь ты зеленые луга,
Ложася на весь мир, десницею твоею
Повсюду сеются пушистые снега.
Дотронешься к водам — и воды каменеют
И быстрый ручеек, окован, не журчит;
Дотронешься к лесам — и древеса пустеют,
Не зефир между их, но бурный ветр свистит.
Не любишь песен ты, не знаешь хоровода,
Унылый соловей вдали отсель поет.
В унынии, цепях печалится природа,
И солнце красное тебя страшится зреть.
Но любишь ты народ, с которым обитаешь,
Лиешь в него любовь и грудь его крепишь,
Блюдешь, как нежных чад, от бури укрываешь
И храбрость на боях в душе его живишь.
Недавно с запада, как тучи громоносны,
Стремилися враги россиян поразить,
Шагнули в их предел — гремят перуны грозны,
И зарево Москвы багровое горит.
Воззрела мрачно ты — метели зашумели
И бури на врагов коварных понеслись.
Ступила на луга — и мразы полетели,
И, как от ветра прах, враги от нас взвились.

О муза, возвести хотя на слабой лире
Её все прелести, которы видим мы,
Когда одеянна во ледяной порфире,
Вселенную тягчит алмазными цепьми.
Еще лиется дождь, и листья пожелтелы
С дерев развесистых шумя на дол летят,

Стоят в безмолвии дождем омыты селы,
И в роще хоры птиц, в гнездах сидя, молчат.
Вдруг снежны облака над полем понесутся,
И снег луга и лес звездчатый обелит,
И мразы бурные от дремоты проснутся,
И ратовать Борей на землю полетит.
Все будто оживет, и вранов стая с криком
Чернеющим крылом покроет небеса,
И с воем серый волк, со взором мрачным, диком,
Помчится по холмам с добычею в леса.

1812 или 1813

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как разнесся слух по Петрополю,
Слух прискорбнейший россиянину,
Что во матушку Москву каменну
Взошли варвары иноземныи.
То услыхавши, отставной сержант
Подозвал к себе сына милого,
Отдавал ему свой булатный меч
И, обняв его, говорил тогда:
«Вот, любезный сын, сабля острая,
Неприятелей разил коей я,
Бывал часто с ней во сражениях,
Умирать хотел за отечество
И за батюшку царя белого.
Но тогда уже перестал служить,
Как при Требио калено ядро
Оторвало мне руку правую.
Вот еще тебе копье меткое,
С коим часто я в поле ратовал.
Оседлай, мой друг, коня доброго,
Поезжай разить силы вражески
Под знаменами Витгенштеина,
Вождя славного войска русского.
Не пускай врага разорити Русь
Иль пусти его через труп ты свой».

7 сентября 1812

ОТСТАВНОЙ СОЛДАТ

(Русская идиллия)

Солдат

Нет, не звезда мне из лесу светила:
Как звездочка, манил меня час целый
Огонь ваш, братцы! Кашицу себе
Для ужина варите? Хлеб да соль!

Пастухи

Спасибо, служба! Хлеба кушать.

Солдат

Быть так,
Благодарю вас. Я устал порядком!
Ну, костыли мои, вам роздых! Рядом
Я на траву вас положу и подле
Присяду сам. Да, верст пятнадцать
Ушел я в вечер.

1-й пастух

А идешь откуда?

Солдат

А из Литвы, из Виленской больницы.
Вот как из матушки России ладно
Мы выгнали гостей незваных,— я
На первой заграничной перестрелке,
Беда такая, без ноги остался!
Товарищи меня стащили в Вильну;
С год лекаря и тем и сем лечили
И вот каким, злодеи, отпустили.
Теперь на костылях бреду кой-как
На родину, за Курск, к жене и сестрам.

2-й пастух

На руку, обопрись! Да не сюда,
А на тулуп раскинутый ложися!

Солдат

Спасибо, друг, господь тебе заплатит! —
Ах, братцы! Что за рай земной у вас
Под Курском! В этот вечер словно чудом
Помолодел я, вволю надышавшись
Теплом и запахом целебным! Любо,

Легко мне в воздухе родном, как рыбке
В реке студеной! В царствах многих был я!
Попробовал везде весны и лета!
В иных краях земля благоухает,
Как в светлый праздник ручка генеральши —
И дорого, и чудно, да не мило,
Не так, как тут! Здесь целым телом дышишь,
Здесь все суставчики в себя впивают
Простой, но сладкий, теплый воздух; словом,
Здесь нежишься, как в бане старых бар!
И спать не хочется! Играл бы все
До солнышка в девичьем хороводе.

3-й пастух

И мы б, земляк, играть не отказались!
Да лих нельзя! Село далеко! Стадо ж
Покинуть без присмотра, положившись
Лишь на собак, опасно, сам ты знаешь!
Как быть! Но вот и кашица поспела!
Перекрестяся, примемся за ужин.
А после, если к сну тебя не клонит,
То расскажи нам (говоришь ты складно)
Про старое свое житье-бытье!
Я чай, везде бывал ты, все видал!
И домовых, и водяных, и леших,
И маленьких людей, живущих там,
Где край земли сошелся с краем неба,
Где можно в облако любое вбить
Крючок иль гвоздь и свой кафтан повесить.

Солдат

Вздор мелешь, милый! Уши вянут! Полно!
Старухи врут вам, греясь на печи,
А вы им верите! Какие черти
Крещеному солдату захотят
Представиться? Да ныне ж человек
Лукавей беса! Нет, другое чудо
Я видел, и не в ночь до петухов,
Но днем оно пред нами совершилось!
Вы слышали ль, как заступился бог
За православную державу нашу,
Как сжалился он над Москвой горящей,
Над бедною землею, не посевом,
А вражьими ватагами покрытой —
И раннюю зиму послал нам в помощь,

Зиму с морозами, какие только
В Николин день да около Крещенья
Трещат и за щеки и уши щиплют?
Свежо нам стало, а французам туго!
И жалко и смешно их даже вспомнить!
Окутались от стужи чем могли,
Кто шитой душегрейкой, кто лохмотьем,
Кто ризою поповской, кто рогожей,
Убрались все, как святочные хари,
И ну бежать скорее от Москвы!
Недалеко ушли же. На дороге
Мороз схватил их и заставил ждать
Дня судного на месте преступленья:
У божьей церкви, ими оскверненной,
В разграбленном амбаре, у села,
Сожженного их буйством! — Мы, бывало,
Окончив трудный переход, сидим,
Как здесь, вокруг огня и варим щи,
А около лежат, как это стадо,
Замерзлые французы. Как лежат!
Когда б не лица их и не молчанье,
Подумал бы, живые на биваке
Комедию ломают. Тот уткнулся
В костер горящий головой, тот лошадь
Взвалил, как шубу на себя, другой
Ее копыта гложет; те ж, как братья,
Обнялись крепко и друг в друга зубы
Вонзили, как враги!

Пастухи

Ух! страшно, страшно!

Солдат

А между тем курьерский колокольчик,
Вот как теперь, и там гремит, и там
Прозвякнет на морозе; отовсюду
Везут известья о победах в Питер
И в обгорелую Москву.

1-й пастух

Э, братцы,
Смотрите, вот и к нам тележка скачет,
И офицер про что-то ямщику
Кричит, ямщик уж держит лошадей;
Не спросят ли о чем нас?

Солдат

Помоги
Мне встать: солдату вытянуться надо....

Офицер *(подъехав)*

Огня, ребята, закурить мне трубку!

Солдат

В минуту, ваше благородье!

Офицер

Ба!
Товарищ, ты как здесь?

Солдат

К жене и сестрам
Домой тащуся, ваше благородье!
За рану в чистую уволен!

Офицер

С богом!
Снеси ж к своим хорошее известье:
Мы кончили войну в столице вражьей,
В Париже русские отмстили честно
Пожар московский! Ну, прости, товарищ!

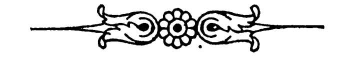
Солдат

Прощенья просим, ваше благородье!

Офицер уезжает.

Благословение господне с нами
Отныне и вовеки буди! Вот как
Господь утешил матушку Россию!
Молитесь, братцы, божьи чудеса
Не совершаются ль пред нами явно!

1829

А·С·ПУШКИН

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Навис покров угрюмой нощи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листах,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в сребристых облаках.

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.
Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы росской храм?

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?
Промчались навсегда те времена златые,
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою великая Россия,
Цветя под кровом тишины!

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет;
Воззрев вокруг себя, со вздохом росс вещает:
«Исчезло все, великой нет!»
И, в думу углублен, над злачными брегами
Сидит в безмолвии, склоняя ветрам слух.
Протекшие лета мелькают пред очами,
И в тихом восхищенье дух.

Он видит: окружен волнами,
Над твердой, мшистою скалой
Вознесся памятник. Ширяяся крылами,
Над ним сидит орел младой.
И цепи тяжкие и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикратно обвились;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись.

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.
О, сколь он для тебя, кагульский брег, поносен!
И славен родине драгой!
Бессмертны вы вовек, о росски исполины,
В боях воспитанны средь бранных непогод!
О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдет молва из рода в род.

О, громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!
Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,
Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам страшась, дивился мир;
Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

И ты промчался, незабвенный!
И вскоре новый век узрел
И брани новые и ужасы военны;
Страдать — есть смертного удел.
Блеснул кровавый меч в неукротимой длани
Коварством, дерзостью венчанного царя;
Восстал вселенной бич — и вскоре новой брани
Зарделась грозная заря.

И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля.
Пред ними мрачна степь лежит во сне глубоком,
Дымится кровию земля;
И села мирные, и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделося вокруг,
Леса дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит плуг.

Идут — их силе нет препоны,
Все рушат, все свергают в прах,
И тени бледные погибших чад Беллоны;
В воздушных съединясь полках,
В могилу мрачную нисходят непрестанно
Иль бродят по лесам в безмолвии ночи...
Но клики раздались!.. идут в дали туманной! —
Звучат кольчуги и мечи!..

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За Русь, за святость алтаря.

Ретивы кони бранью пышут,
Усеян ратниками дол,
За строем строй течет, все местью, славой дышат,
Восторг во грудь их перешел.
Летят на грозный пир; мечам добычи ищут,
И се — пылает брань; на холмах гром гремит,
В сгущенном воздухе с мечами стрелы свищут,
И брызжет кровь на щит.

Сразились. Русский — победитель!
И вспять бежит надменный галл;
Но сильного в боях небесный вседержитель
Лучом последним увенчал,
Не здесь его сразил воитель поседелый;
О бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости пределы!
Увы! на башнях галл Кремля!..

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!
И в жертву не принес я мщенья вам и жизни;
Вотще лишь гневом дух пылал!..

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь русскому твой зрак унылый страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Все пламень истребил. Венцы затмились башен,
Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.
В часы безмолвные прекрасной, летней нощи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях брега и светлы рощи:
Все мертво, все молчит.

Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая творца.
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престает в снегах реками течь;
Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть сретают,
А с тыла гонит русский меч.

О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! и вы с могилы пали.
О страх! о грозны времена!
Где ты, любимый сын и счастья и Беллоны,
Презревший правды глас, и веру, и закон,
В гордыне возмечтав мечом низвергнуть троны?
Исчез, как утром страшный сон!

В Париже росс! — где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в отдаленье,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он — несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.

О скальд России вдохновенный,
Воспевший ратных грозный строй,
В кругу товарищей, с душой воспламененной,
Греми на арфе золотой!
Да снова стройный глас героям в честь прольется,
И струны гордые посыплют огнь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

1814

АЛЕКСАНДРУ

Утихла брань племен; в пределах отдаленных
Не слышен битвы шум и голос труб военных;
С небесной высоты, при звуке стройных лир,
На землю мрачную нисходит светлый мир.
Свершилось!.. Русский царь, достиг ты славной цели!
Вотще надменные на родину летели;
Вотще впреди знамен бесчисленных дружин
В могущей дерзости венчанный исполин
На гибель грозно шел, влек цепи за собою:
Меч огненный блеснул за дымною Москвою!
Звезда губителя потухла в вечной мгле,
И пламенный венец померкнул на челе!
Содрогся счастья сын, и, брошенный судьбою,
Он землю русскую не взвидел под собою.
Бежит... и мести гром слетел ему вослед;
И с трона гордый пал... и вновь восстал... и нет!

Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки врагов покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложив пернатый шлем,
Колена преклонив пред вышним алтарем,
Ты браней меч извлек и клятву дал святую
От ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятве сей; и гордые сердца
В восторге пламенном летели вслед отца
И местью роковой горели и дрожали;
И россы пред врагом твердыней грозной стали!..

«К мечам!» — раздался клик, и вихрем понеслись,
Знамена, восшумев, по ветру развились;
Обнялся с братом брат; и милым дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились. Воспылал свободы ярый бой,
И смерть хватала их холодною рукой!..
А я... вдали громов, в сени твоей надежной...
Я тихо расцветал, беспечный, безмятежный!
Увы! мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!
Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом наутре не почил?
Почто великих дел свидетелем не был?

О, сколь величествен, бессмертный, ты явился,
Когда на сильного с сынами устремился;
И, челы приподняв из мрачности гробов,
Народы, падшие под бременем оков,
Тяжелой цепию с восторгом потрясали
И с робкой радостью друг друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?.. Ужели грозный пал?..
Кто смелый? Кто в громах на севере восстал?..»
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колена окружила
Освобожденною от рабских уз рукой,
И власть мятежная исчезла пред тобой!

И ныне ты к сынам, о царь наш, возвратился,
И край полуночи восторгом озарился!
Склони на свой народ смиренья полный взгляд —
Все лица радостью, любовию блестят,
Внемли — повсюду весть отрадная несется,
Повсюду гордый клик веселья раздается;
По стогнам шум, везде сияет торжество,
И ты среди толпы, России божество!
Встречать вождя побед летят твои дружины.
Старик, счастливый век забыв Екатерины,
Взирает на тебя с безмолвною слезой.
Ты наш, о русский царь!
оставь же шлем стальной,
И грозный меч войны, и щит — ограду нашу;

Излей пред Янусом священну мира чашу,
И, брани сокрушив могущею рукой,
Вселенну осени желанной тишиной!..
И придут времена спокойствия златые,
Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые,
В колчанах скрытые, забудут свой полет;
Счастливый селянин, не зная бурных бед,
По нивам повлечет плуг, миром изощренный;
Суда, летучие, торговлей окриленны,
Кормами рассекут свободный океан,
И юные сыны воинственных славян
Спокойной праздности с досадой предадутся,
И молча некогда вкруг старца соберутся,
Преклонят жадный слух, и ветхим костылем
И стан, и ратный строй, и дальний бор с холмом
На прахе начертит он медленно пред ними,
Словами истины, свободными, простыми,
Им славу прошлых лет в рассказах оживит
И доброго царя в слезах благословит.

1815

НАПОЛЕОН

Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.
Исчез властитель осужденный,
Могучий баловень побед,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.

О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет полн,
Приосенен твоею славой,
Почий среди пустынных волн.
Великолепная могила!..
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почила
И луч бессмертия горит.

Давно ль орлы твои летали
Над обесславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громах силы роковой?

Послушны воле своенравной,
Бедой шумели знамена,
И налагал ярем державный
Ты на земные племена?

Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир,
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир;
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал,
И день великий, неизбежный —
Свободы яркий день вставал,—

Тогда в волненье бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел.
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленного народа
Ты буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил;
Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил,
Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил.

И Франция, добыча славы,
Плененный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.
Ты вел мечи на пир обильный;
Все пало с шумом пред тобой:
Европа гибла; сон могильный
Носился над ее главой.

И се, в величии постыдном
Ступил на грудь ее колосс.
Тильзит... (при звуке сем обидном
Теперь не побледнеет росс) —

Тильзит надменного героя
Последней славою венчал,
Но скучный мир, но хлад покоя
Счастливца душу волновал.

Надменный! кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал...

Россия, бранная царица,
Воспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие.
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война по гроб — наш договор!

Оцепенелыми руками
Схватив железный свой венец,
Он бездну видит пред очами,
Он гибнет, гибнет наконец.
Бежат Европы ополченья!
Окровавленные снега
Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.

И все, как буря, закипело;
Европа свой расторгла плен;
Во след тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.
И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан:
И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоскою душного изгнанья
Под сенью чуждою небес.

И знойный остров заточенья
Полнощный парус посетит,
И путник слово примиренья
На оном камне начертит,

Где, устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей,
И льдистый ужас полуночи,
И небо Франции своей;
Где иногда, в своей пустыне
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один о милом сыне
В унынье горьком думал он.

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

1821

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
Тот отрок Библии, безумный расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

В пылу восторгов скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты,
И долго я блуждал, и часто, утомленный,
Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
Я думал о тебе, предел благословенный,
Воображал сии сады.

Воображал сей день счастливый,
Когда средь вас возник лицей,
И слышу наших игр я снова шум игривый
И вижу вновь семью друзей.
Вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым,
Мечтанья смутные в груди моей тая,
Скитаясь по лугам, по рощам молчаливым,
Поэтом забываюсь я.

И въявь я вижу пред собою
Дней прошлых гордые следы.
Еще исполнены великою женою,
Ее любимые сады
Стоят населены чертогами, вратами,
Столпами, башнями, кумирами богов,
И славой мраморной, и медными хвалами
Екатерининских орлов.

Садятся призраки героев
У посвященных им столпов,
Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев,
Перун кагульских берегов.
Вот, вот могучий вождь полунощного флага,
Пред кем морей пожар и плавал и летал.
Вот верный брат его, герой Архипелага,
Вот наваринский Ганнибал.

Среди святых воспоминаний
Я с детских лет здесь возрастал,
А глухо между тем поток народной брани
Уж бесновался и роптал.
Отчизну обняла кровавая забота,
Россия двинулась, и мимо нас волной
Шли тучи конные, брадатая пехота,
И пушек медных светлый строй.

. . . .
На юных ратников взирали,
Ловили брани дальний звук,
И детские лета и . . . . проклинали
И узы строгие наук.
И многих не пришло. При звуке песней новых
Почили славные в полях Бородина,
На кульмских высотах, в лесах Литвы суровых,
Вблизи Монмартра . . . .

1829

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Отрывки из романа

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Вот, окружен своей дубравой,
Петровский замок. Мрачно он
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе, в думу погружен,
Глядел на грозный пламень он.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.
. . . .

Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра.
. . . .

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?
. . . .

Но бог помог — стал ропот ниже,
И скоро силою вещей
Мы очутилися в Париже,
А русский царь главой царей.
. . . .

1827—1830

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

1831

* * *

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Все спит кругом; одни лампады
Во мраке храма золотят
Столпов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

В твоем гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той година,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас...

Внемли ж и днесь наш верный глас,
Встань и спасай царя и нас,
О старец грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой,
Явись, вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой!

Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей,
Кто твой наследник, твой избранный!
Но храм — в молчанье погружен,
И тих твоей могилы бранной
Невозмутимый, вечный сон...

1831

ПОЛКОВОДЕЦ

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот,— а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой...

Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда остановлюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.
Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье,—
Но Доу дал ему такое выраженье.

О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Все в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоем звук чуждый невзлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденьем;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманный глубоко,—
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там, устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца веселый свист заслышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти,—
Вотще! —
. . . .
. . . .

О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиленье!

1835

* * *

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем Лицея день заветный.
Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!
Недаром — нет! — промчалась четверть века!
Не сетуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вкруг человека,—
Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Металися смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

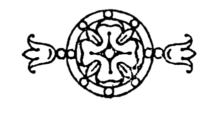
Вы помните: когда возник Лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.
Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

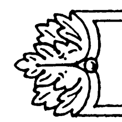
Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался,
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните — как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

И нет его — и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным,
И на скале изгнанником забвенным,
Всему чужой, угас Наполеон.
И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
И над землей сошлися новы тучи,
И ураган их...

1836

Н·М·ЯЗЫКОВ

Д. В. ДАВЫДОВУ

Жизни баловень счастливый,
Два венка ты заслужил;
Знать, Суворов справедливо
Грудь тебе перекрестил!
Не ошибся он в дитяти:
Вырос ты — и полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати,
Горд, и радостен, и смел.

Грудь твоя горит звездами:
Ты геройски до́был их
В жарких схватках со врагами,
В ратоборствах роковых;
Воин смлада знаменитый,
Ты еще под шведом был,
И на финские граниты
Твой скакун звучнокопытый
Блеск и топот возносил.

Жизни бурно-величавой
Полюбил ты шум и труд:
Ты ходил с войной кровавой
На Дунай, на Буг и Прут.
Но тогда лишь собиралась
Прямо русская война;
Многогромная скоплялась
Вдалеке — и к нам примчалась
Разрушительно-грозна.

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебе надменный зов!
Вспомяни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Созови из стран далеких
Ты своих богатырей,

Со степей, с равнин широких,
С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей!

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет;
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!
Громче буря истребленья,
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксов костер!

Где же вы, незванны гости,
Сильны славой и числом?
Снег засыпал ваши кости!
Вам почетный был прием!
Упилися, еле живы,
Вы в московских теремах,
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодных пустырях!

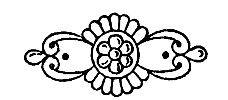
Вы отведать русской силы
Шли в Москву: за делом шли!
Иль не стало на могилы
Вам отеческой земли?
Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу,
У врагов ты отнял славы,
Ты, боец чернокудрявый,
С белым локоном на лбу!

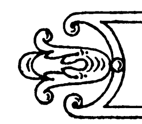
Удальцов твоих налетом
Ты, их честь, пример и вождь,—
По лесам и по болотам,
Днем и ночью, в вихрь и дождь,
Сквозь огни и дым пожара
Мчал врагам, с твоей толпой,
Вездесущ, как божья кара,
Страх нежданного удара
И нещадный, дикий бой!

Лучезарна слава эта,
И конца не будет ей;
Но такие ж многи лета
И поэзии твоей:
Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.

Ныне ты на лоне мира:
И любовь и тишину
Нам поет златая лира,
Гордо певшая войну.
И как прежде громогласен
Был ее воинский лад,
Так и ныне свеж и ясен,
Так и ныне он прекрасен,
Полный неги и прохлад.

Август 1835

П·А·КАТЕНИН

ИНВАЛИД ГОРЕВ

БЫЛЬ

(Отрывок)

Тысяча восемьсот четвертого года
Рекрут брали по всей Руси. Бонапарте,
Брезгая консульством, молвил:
«Я — император».
Сытая бунтами Франция иго надела;
Слабым соседям не спорить: признали с поклоном;
Сильные ж с гневом отвергли, злое предвидя.

Англия, враг коренной, поднялась кораблями,
Цезарь — ратью на суше; царь православный
К ним пристал, и с той поры началася
Нá десять лет война: великие сечи,
Сходки нáсмерть безвестных друг другу народов,
Смены царств и владык, гульбы по столицам —
С юга на север, с востока на запад; от моря
Бурным приливом к Москве и отливом к Парижу.

Вдоволь стоило денег, и крови, и плача
Всем, покуда Бог виновника скóрбей,
Свергнув с престола, по смерть не запер в неволю.
Видели мы чудеса; с трудом им поверят
Внуки. В начале никто их не чаял; но просто
Воинов новых, взамен отставных и умерших
Двух с пятисот, по всей Руси набирали.
Волости Спасской крестьянин Макар Еремеев,
Горев по прозвищу, младший в семье из трех братьев,
В город губернский свезен. В присутствие: годен!
«Лоб!» Забрили. Пошел он на царскую службу,
Биться с врагом. Поплакал он на прощанье.
Есть и о чем: жена у него молодая,
Сын по девятому году, парень отменный,
Умный, красавец, весь в матушку Мавру Петровну.

Вот на нее поглядеть, так сам надорвешься:
Словно вдова безмужняя, голосом во́пит,
Слезы ручьем! А сколько слов причитает
Ласковых — мужу, колючих — себе с сиротою!
Вспомнить невмочь, а где пересказывать? Деверь,
В сани ее посадив, увез уж насильно.

Горев с другими пошел в свой полк
гренадерский.
В полгода там обучился приемам ружейным,
Шагу, заряду, пальбе, глазам, поворотам,
Словом, всему, что знает исправный служивый.
В пору как раз. Полкам поход за границу.
Спешно в Австрию звали на выручку русских.
Всем не вдруг поспеть. Кругом на передних
Враг налег. Пробились штыками навстречу
Братьи, идущей к ним с отцом-государем.
Стали лицом к лицу противники в битву:
Тут цветки созрели в ягоды волчьи,
Тут легло людей, что в жатву колосьев,
Кровь лилась, что брага на свадебном пире.

Горев сражался, покуда ноги держали:
Рана в плече от осколка гранаты; другая —
Пулей в ляжку; пикой в левую руку —
Третья; в голову саблей — четвертая; с нею
Замертво пал. Разъезд неприятельский утром
Поднял, а лекарь вылечил. Пленных погнали
Всех во Францию. Ми́нул год с половиной;
Мир заключили, вечный, до будущей ссоры.
С миром размен; и многих оттоль восвояси
Русских услали. Забыли о бедном Макаре!

Беден всяк вдали от родины милой;
Горек хлеб, кисло вино на чужбине:
Век живи, не услышишь русского слова!

. . . .

Наполеон меж тем взять новое царство
Вздумал: Гишпанию алчному надо вдобавок!
С сыном король не ладил. «Милости просим
В гости! — сказал Бонапарте.— Соседнее дело,
Мир». Те спро́ста приехали; он их, лукавый,
В ссылку обоих за стражей; и землю с народом,
Брата, как куклу, им в короли, и присвоил.

Ладно бы все, да лиха беда: не даются!
Силой бери! И, полк за полком, через горы
Рать повалила, всякое племя земное.
С прочими вечные слуги французов — поляки.
С ними наши, кто был в полону. И Макару
Велено вновь под ружье, под ранец в полпуда:
Бейся на́смерть, а не за матушку Русь,
а уж бог весть
За что! На́ смех играет судьба человеком!

Люто стал за святыню народ богомольный:
С ядом, не только с мечом. И даром что Горев,
Истый наш брат христиа́нин, не грешен в кощунстве,
Не драл икон, не сквернил церковных сосудов,
Даже других унимал, не боясь насмешки,—
Всё бы плохо попасть чернецам либо черни.

В том и зло, что правый вравне́ с виноватым
Гибнет в смуте войны и горячек мятежных:
Где разбирать? Господь на том свете рассудит!
Но бог милостив был и вывел Макара
Жива-здорова, немногих в числе, как пришельцев
Дочиста смел с земли своей полуостров.

В то же время другую войну на противном
Света краю завел губитель; и войска
Столько с ним, что в месяц двадцать пять тысяч
Тратить мог: его ж окаянное слово!
Шли к Москве напролом, и дорого стоил
Каждый шаг на Руси, но вождь не жалеет:
Много в запасе! Пусть лягут на приступах тьмами,
Две под Смоленском, четыре в полях москворецких,
Лишь бы нам величаться в Кремле златоверхом.

Бог попустил, на кару гордыни. Кутузов,
Вечная память ему, сшепнулся с морозом;
Выбрал крепкое место, так, чтобы мимо
Взад ни вперед ступить нельзя супостату;
Выждал, и стал вымораживать, словно хозяин
Из дому вон тараканов. Недруги в драку:
Нет удачи! Погреться? — Заперты двери.
Съесть бы! — Па́дерой конской лакомись вволю.
Бегство пошло; тут меч, и голод, и холод —
Все против них: живые шатались как тени;
Мертвыми путь усеян: на́ версту сотня!

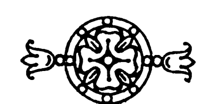
Вождь ускакал восвояси за новою ратью;
Наша вперед, а немцы к ней приставали:
Первый — преемник Фридриха; после и цесарь;
Там и все. Числом встречались уж равным;
Либо, как в Кульме, малым великое дело
Делалось, к диву военных, к спасенью мирных.
Царь хвалил, чужие сказали спасибо:
Лестно было назваться воином русским.

Бедный Макар! где ты был? что делал? Он жадно
Слушал вести, носимые шумной молвою;
Скрыть бы хотели, но шило в мешке не таится.
Рейн перешли, во Франции русские. Сильно
Сердце забилось у Горева; птицей из клетки
Рвется в стан земляков: «Не стыд ли, не грех ли
Здесь злодею служить? Палит он из пушек
В наших, а я за него ружье заряжаю!
Надо бежать; лишь ноги становятся хилы,
Бок от раны болит и ломит к ненастью.
Ну! да с богом: авось дойду». И сберется.

После раздумье возьмет: «С ума ли я спятил?
Сто ли верст пути? Нет! — тысяча будет.
Схватят, воротят, судом расстреляют, как труса:
Англинских пуль испугался-де; русское имя
Втянут в поклеп; а там одному мне не много
Сделать: Гореву взять Париж не под силу!
Волей разве служу не по долгу присяги?
Рад бы в Сибирский, да в рай грехи не пускают».

Он бы решился; но не было воли господней,
Новый искус судивший долготерпенью,—
Пятую рану, в ногу пониже колена,
Меткий Ростбиф хватил его под Тулузой.
Кончилась тут и война. Бонапарте на остров
Эльбу уплыл, а новый король из Бурбонов,
Умный старик и русским давно благодарный,
Всех велел отыскать, снабдить и отправить
В родину: так возвратился Горев в Россию.
. . . .

1835

Ф·И·ТЮТЧЕВ

НЕМАН

Ты ль это, Неман величавый?
Твоя ль струя передо мной?
Ты, столько лет, с такою славой,
России верный часовой?..
Один лишь раз, по воле бога,
Ты супостата к ней впустил —
И целость русского порога
Ты тем навеки утвердил...

Ты помнишь ли былое, Неман?
Тот день годины роковой,
Когда стоял он над тобой,
Он сам — могучий южный демон,
И ты, как ныне, протекал,
Шумя под вражьими мостами,
И он струю твою ласкал
Своими чудными очами?..

Победно шли его полки,
Знамена весело шумели,
На солнце искрились штыки,
Мосты под пушками гремели —
И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними
И двигал всем и все стерег
Очáми чудными своими...

Лишь одного он не видал...
Не видел он, воитель дивный,
Что там, на стороне противной,
Стоял Другой — стоял и ждал...
И мимо проходила рать —
Все грозно-боевые лица,
И неизбежная Десница
Клала на них свою печать...

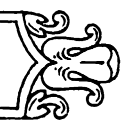
И так победно шли полки,
Знамена гордо развевались,
Струились молнией штыки,
И барабаны заливались...
Несметно было их число —
И в этом бесконечном строе
Едва ль десятое чело
Клеймо минуло роковое...

1853

А·Н·МАЙКОВ

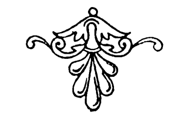
СКАЗАНИЕ О 1812 ГОДЕ

Ветер гонит от востока
С воем снежные метели...
Дикой песнью злая вьюга
Заливается в пустыне...
По безлюдному простору,
Без ночлега, без привала,
Точно сонм теней, проходят
Славной армии остатки,
Егеря и гренадеры,
Кто окутан дамской шалью,
Кто церковною завесой,—
То в сугробах снежных вязнут,
То скользят, вразброд взбираясь
На подъем оледенелый...
Где пройдут — по всей дороге
Пушки брошены, лафеты;
Снег заносит трупы коней,
И людей, и колымаги,
Нагруженные добычей
Из святых московских храмов...
Посреди разбитой рати
Едет вождь ее, привыкший
К торжествам лишь да победам...
В пошевнях на жалких клячах,
Едет той же он дорогой,
Где прошел еще недавно
Полный гордости и славы,
К той загадочной столице
С золотыми куполами,
Где, казалось, совершится
В полном блеске чудный жребий
Повелителя вселенной,
Сокрушителя империй...
Где ж вы, пышные мечтанья!

Гордый замысел!.. Надежды
И глубокие расчеты
Прахом стали, и упорно
Ищет он всему разгадки,
Где и в чем его ошибка?
Все напрасно!..
И поник он, и, в дремоте,
Видит, как в приемном зале —
Незадолго до похода —
В Тюльери стоит он, гневный;
Венценосцев всей Европы
Перед ним послы: все внемлют
С трепетом его угрозам...
Лишь один стоит посланник,
Не клонив покорно взгляда;
С затаенною улыбкой...
И, вспыливши, император:
«Князь, вы видите,— воскликнул,—
Мне никто во всей Европе
Не дерзает поперечить:
Император ваш — на что же
Он надеется, на что же?»
«Государь! — в ответ посланник.—
Взять в расчет вы позабыли,
Что за русским государем
Русский весь стоит народ!»
Он тогда расхохотался,
А теперь — теперь он вздрогнул...
И глядит: утихла вьюга,
На морозном небе звезды,
А кругом на горизонте
Всюду зарева пожаров...

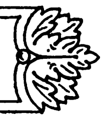
Вспомнил он дворец Петровский,
Где бояр он ждал с поклоном
И ключами от столицы...
Вспомнил он пустынный город,
Вдруг со всех сторон объятый
Морем пламени... А мира —
Мира нет!.. И днем, и ночью
Неустанная погоня
Вслед за ним врагов незримых...
Справа, слева — их мильоны
Там, в лесах... «Так вот что значит —
Весь народ!..»

И безнадежно
Вдаль он взоры устремляет:
Что-то грозное таится
Там, за синими лесами,
В необъятной этой дали...

М·Ю·ЛЕРМОНТОВ

ПОЛЕ БОРОДИНА

1

Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.
Шумела буря до рассвета;
Я, голову подняв с лафета,
Товарищу сказал:
«Брат, слушай песню непогоды:
Она дика, как песнь свободы».
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищ не слыхал.

2

Пробили зорю барабаны,
Восток туманный побелел,
И от врагов удар нежданный
На батарею прилетел.
И вождь сказал перед полками:
«Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали».
И мы погибнуть обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

3

Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я, вспомня, леденею весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь.
Безмолвно мы ряды сомкнули,
Гром грянул, завизжали пули,
Перекрестился я.

Мой пал товарищ, кровь лилася,
Душа от мщения тряслася,
И пуля смерти понеслася
Из моего ружья.

4

Марш, марш! пошли вперед, и боле
Уж я не помню ничего.
Шесть раз мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена, как тени,
Я спорил о могильной сени,
В дыму огонь блестел,
На пушки конница летала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

5

Живые с мертвыми сравнялись,
И ночь холодная пришла,
И тех, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали,
Противник отступил;
Но день достался нам дороже!
В душе сказав: помилуй боже!
На труп застывший, как на ложе,
Я голову склонил.

6

И крепко, крепко наши спали
Отчизны в роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали!
Но этим не могли помочь.
Однако же в преданьях славы
Всё громче Рымника, Полтавы
Гремит Бородино.
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
Изгладится оно.

1830—1831

ДВА ВЕЛИКАНА

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

1832

БОРОДИНО

— Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!

Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
    Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
    Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
    О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
    Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
    Французы тут как тут.

Забил снаряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
    Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
    За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
    Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
    Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
    Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
    Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...

Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

1837

К·К·ПАВЛОВА

МОСКВА

День тихих грез, день серый и печальный;
На небе туч ненастливая мгла,
И в воздухе звон переливно-дальний,
Московский звон во все колокола.

И, вызванный мечтою самовластной,
Припомнился нежданно в этот час
Мне час другой,— тогда был вечер ясный,
И на коне я по полям неслась.

Быстрей! быстрей! и у стремнины края
Остановив послушного коня,
Взглянула я в простор долин: пылая,
Касалось их уже светило дня.

И город там палатный и соборный,
Раскинувшись широко в ширине,
Блистал внизу, как бы нерукотворный,
И что-то вдруг проснулося во мне.

Москва! Москва! что в звуке этом?
Какой отзыв сердечный в нем?
Зачем так сроден он с поэтом?
Так властен он над мужиком?

Зачем сдается, что пред нами
В тебе вся Русь нас ждет любя?
Зачем блестящими глазами,
Москва, смотрю я на тебя?

Твои дворцы стоят унылы,
Твой блеск угас, твой глас утих,
И нет в тебе ни светской силы,
Ни громких дел, ни благ земных.

Какие ж тайные понятья
Так в сердце русском залегли,
Что простираются объятья,
Когда белеешь ты вдали?

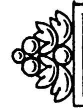
Москва! в дни страха и печали
Храня священную любовь,
Не даром за тебя же дали
Мы нашу жизнь, мы нашу кровь.

Не даром в битве исполинской
Пришел народ сложить главу
И пал в равнине Бородинской,
Сказав: «Помилуй бог, Москву!»

Благое было это семя,
Оно несет свой пышный цвет,
И сбережет младое племя
Отцовский дар, любви завет.

1844

Е·А·БАРАТЫНСКИЙ

Д. ДАВЫДОВУ

Пока с восторгом я умею
Внимать рассказу славных дел,
Любовью к чести пламенею
И к песням муз не охладел,
Покуда русский я душою,
Забуду ль о счастливом дне,
Когда приятельской рукою
Пожал Давыдов руку мне!
О ты, который в пыл сражений
Полки лихие бурно мчал
И гласом бранных песнопений
Сердца бесстрашных волновал!
Так, так! покуда сердце живо
И трепетать ему не лень,
В воспоминанье горделиво
Хранить я буду оный день!
Клянусь, Давыдов благородный.
Я в том отчизною свободной,
Твоею лирой боевой
И славный год войны народной
В народе славной бородой!

1825

И·С·НИКИТИН

РУСЬ

Под большим шатром
Голубых небес —
Вижу — даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше темных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям, в моря
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг:
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу:
Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее.
И горами лед
Ходит по морю.

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную...

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?..

И давно ль было,
Когда с Запада
Облегла тебя
Туча темная?

Под грозой ее
Леса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася.

И зловещий дым
От горевших сел
Высоко вставал
Черным облаком!

Но лишь кликнул царь
Свой народ на брань,—
Вдруг со всех концов
Поднялася Русь.

Собрала детей,
Стариков и жен,
Приняла гостей
На кровавый пир.

И в глухих степях,
Под сугробами,
Улеглися спать
Гости навеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!..

И теперь среди
Городов твоих
Муравьем кишит
Православный люд.

По седым морям,
Из далеких стран,
На поклон к тебе
Корабли идут.

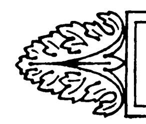
И поля цветут,
И леса шумят,
И лежат в земле
Груды золота.

И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.

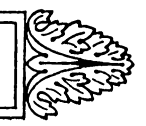
Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью.

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

1851

А·Ф·ВОЕЙКОВ

К ОТЕЧЕСТВУ

О русская земля, благословенна небом,
Мать бранных скифов, мать воинственных славян
Юг, запад и восток питающая хлебом:
Коль выспренний удел тебе судьбою дан!
Твой климат, хлад и мраз, для всех других столь грозный,
Иноплеменников изнеженных мертвит,
Но крепку росса грудь питает и крепит.
Твои растения не мирты — дубы, сосны;
Не злато, не сребро — железо твой металл,
Из коего куем мы плуги искривленны
И то оружие, с которым сын твой стал
Освободителем Европы и вселенны.
Не производишь ты алмазов, жемчугов:
Седой гранит, кремень — твой драгоценный камень,
В которых заключен струей текущий пламень,
Как пламень мужества в сердцах твоих сынов.

О русская земля! ты ввек не производишь
Ни тигров яростных, ни алчных крови львов,
Ни злых крамольников, страшнейших тех чудовищ.
Нет, матерь! не твоей утробою рожден
Сей лютый крокодил, короны похититель,
Чертогов, алтарей, престолов сокрушитель,
Не уважающий законов естества,
Враг человечества, враг дерзкий божества,
Которого рука полмира оковала
И угрожать тебе неволею дерзала,
Которого алчбе подлунный тесен круг! —
Твой росс есть ада враг, твой росс есть неба друг!
Великосердая решительница споров
Меж царствами земли! тобой рожден Суворов,
Петр — диво, Александр — краса земных владык,
И Задунайский вождь, и Крымский, и Чесменский,
И громом свергший в ад Денницу князь Смоленский.

О, да прильпнет навек к гортани мой язык,
Десная пусть рука моя меня забудет,
Когда не ты, не честь твоя и слава будет
Восторгов, хвал моих единственный предмет!
О русская земля, отечество героев!
С благоговением тебе дивится свет.
Не драгоценностей ты ищешь среди боев,
Не царства, не града прияла мздой побед,
Но благодарность лишь единую стяжала
И, лавроносная! едино удержала
Из прав, присвоенных над слабыми мечом,
Лишь право быть царям и царствам образцом
Великодушия; народам показала,
Как независимость и веру защищать,
Как жизни не щадить, как смерть предпочитать
Ярму железному, цепям позорным рабства.
В сердцах сынов твоих пылает бранный жар,
И пусть пылает он! еще один удар —
И идол сокрушен, наказано коварство,
И в преисподнюю низвергнуто тиранство!

О росс! вся кровь твоя отчизне — довершай!
Не Риму — праотцам великим подражай.
Смотри, перед тобой деяний их зерцало;
Издревле мужество славян одушевляло;
Царица скифская, рассеяв персиян,
Несытного кровей главу отъемлет Кира;
Опустошителю Персеполя и Тира
Вещают их послы: «Богами скифам дан
Плуг — чтоб орать поля, меч — биться за свободу;
Будь другом, не врагом ты храброму народу,
Женоподобных нет меж нами индиян;
Нет тканей пурпурных, смарагдов, перл и злата,
Стрелами, копьями и бронями богата
Лишь Скифская земля. Мужей увидишь здесь —
За независимость все, все мы ополчимся,
Или смирим твою неистовую спесь,
Иль ляжем все костьми; тебе ж не покоримся!»
Мамай с ордой татар, как волк на верный лов,
Зубами скрежеща, бежит из нырищ, гладный;
Но, развернув хоругвь свободы, на врагов
Димитрий с громами — и варвар кровожадный
Нашел не добычу, а вечный срам и смерть.
Лев скандинавский, Карл, грозит Россию стереть,
Мечтает увенчать себя бессмертной славой,
Но погребает честь и гордость под Полтавой,

Стремится Фридерик Европу возмутить,
По воле править мнит вселенныя судьбою;
Но равновесие меж царств восстановить
С полками Салтыков едва выходит к бою —
И низложен других народов покоритель,
Непобедимости исчезнула мечта.
И се восстал еще ужаснейший губитель!
И вновь обеты всех к тебе: «Гряди, спаситель!
Гряди, о росс! вина такой войны свята;
Но, возвратив покой отчизне, миру кровью,
Над миром царствуй ты не ужасом — любовью».

1812

КНЯЗЮ ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ СМОЛЕНСКОМУ[1]

Князь славы! именем народов и царей,
Иноплеменничья избавившихся плена,
Объемлю я твои священные колена —
О, будь благословен, верховный вождь вождей,
Завоевавший гроб священныя свободы,
Расторгший рабства цепь и сокрушивший бич!
Тебе со плесками воскликнули народы;
Тебе звук арф, глас труб, торжеств и славы клич:
Ты не отечества — вселенныя спаситель!

Уже, господствуя, Европу зря в цепях,
В цареубийственных вращая скиптр руках,
Играл судьбою царств коварный похититель;
Уже, пронырствами и дерзостью велик,
На троны возводил и низводил владык;
Безверный потоптал законы и святыню,
Мнил мир весь положить в безлюдную пустыню,
Мнил видеть славы храм вдали уже отверст,
Мнил свой поставить трон высоко, выше звезд,
И тьмы тем, всадники, кони и колесницы,
Тристаты и пешцы по манию десницы
Готовы ринуться. Как сонмы вешних вод,
Свирепые, сломив спасительный оплот,
Уносят хижины и затопляют нивы,

---

[1] Написано до получения плачевного известия о кончине великого нашего полководца.

Пастух, оцепенев, зрит прежде край счастливый
И плод рачения лет многих и трудов
Добычей жалкою свирепости валов,—
Так галлов полчища несметны, нечестивы,
В Россию хлынули и полились в Москву,
Успехом упоен, враг верит горделивый:
«Росс склонит под ярмо позорное главу!»
Но гибельны пути лукавы и строптивы;
И справедливый бог не тако совещал;
Он перстом на тебя монарху указал.
О, вид торжественный! о, зрелище прекрасно!
Доверенностию полсвета окружен,
Поник седым челом, коленопреклонен,
Не в лыстех мужеских, не в силе войск ужасной,
Не в конской крепости — слезящий взор простер,
Ты в боге положил сердечно упованье
И молишь, в бой идя за веру, за царя,
Благословить твое святое начинанье.
И не умедлил бог! кто сильный постоит?
Ты стал в лице врагам, как ангел-истребитель:
Все вспять! полки, вожди, сам мира победитель...
Вослед им мразы, глад, отчаяние, стыд
И твой губящий гром — посол твоей десницы,
Как вышнего глагол, несущий казнь для злых,
От коего дрожит в основах мир своих;
И где Сеннахериб? где кони, колесницы?
Проклятый господом, исторгнут корень злых;
И на распутиях их трупы воссмердели,
Как жабы мерзкие, излезшие из блат.
И россы цепи рвать германцев полетели:
Ликуют небеса и стонет мрачный ад.
Теки, о исполин! рази, карай злодейство;
Мир миру славными победами даруй
И раны сограждан спокойством уврачуй.
Да будет целый мир — единое семейство!
Да обнимаются, как братия, цари!
Да встанут новые для Феба алтари!
Под Александровой счастливою державой
Дадут науки плод, искусства процветут;
Тебе обязаны спокойствием и славой,
Отчизне и тебе дань сердца принесут.
Уже бессмертие от муз тебе готово:
Векам провозгласит дела твои Платон,
Хвалами возгремит об оных Цицерон,
Созвездье в небесах откроет Гершель ново
И именем твоим великим наречет;

Рафаэль оживит твой образ на холстине,
В меди и мраморе твой вид — гроза гордыне.
Я зрю: твой обелиск до облак восстает,
И восседит орел полночный на вершине.
Я слышу гласы лир: славнейшие певцы,
Державин, Дмитриев, плетут тебе венцы;
Коломбы российские вкруг света обтекают,
Дела твои в концах вселенной возвещают,
И имя славное твое из рода в род
В благословениях к потомству перейдет.

1812—1813

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ О ВОЙНЕ 1812 ГОДА

ЗАПЛАКАЛА РОССИЯ ОТ ФРАНЦУЗА

Как заплакала Россиюшка от француза.
Ты не плачь, не плачь, Россиюшка, бог тебе поможет!
Собирался сударь Платов да со полками,
Со военными полками да с казаками.
Из казаков выбирали да есаулы;
Есаулы были крепкие караулы,
На часах долго стояли да приустали:
Белые ручушки, резвы ножечки задрожали.
Тут спроговорил-спромолвил да князь Кутузов:
«Ай вы вставайте ж, мои деточки, утром поранее,
Вы умывайтесь, мои деточки, побелее,
Вы идите, мои деточки, в чистое поле,
Вы стреляйте же, мои деточки, не робейте,
Вы своего свинца-пороха не жалейте,
Вы своего же французика побеждайте».

Не восточная звезда в поле воссияла —
У Кутузова в руках сабля заблистала.

КАК И ПИШЕТ ПИСЬМО ФРАНЦУЗСКИЙ КОРОЛЬ

Ой как и пишет письмо
Вот французский король,
Пишет-то он ко российскому:
«Ой ну прошу я тебя,
Прошу тебя, российский царь,
Прошу не прогневаться,—
Ой распиши ты мне
В своей кременной Москве
Квартирушки на семьсот тысяч,—

Ой господам-то моим,
Моим генералушкам,
Квартирушки что ни лучшие,
Ой ну как мне-то, королю,
Квартирушку самолучшую —
Во царских твоих палатушках!»

Ой как и тут-то был царь,
Крепко царь наш призадумался,
Да повесил буйну голову.
Ой вот Кутузов-генерал,
Сам он вышел, речь возговорил,
Ровно, братцы, во трубу трубил:
— Ой ну мы встретим его,
Французского императора,
Середи поля Можайского,
Мы поставим ему
Столы — пушки медные,
Скатерочки — востры шашечки;
Мы пошлем-то ему
Наедочки дюже горькие —
Ядрочки ему чугунные;
Ну еще-то мы пошлем
Напиточки дюже крепкие —
Вот пулечки ему быстрые;
Ой на закусочку ему —
Донских-то казачушков
Да со пиками длинными!

РАЗОРЕНА ПУТЬ-ДОРОЖКА

Разорена путь-дорожка от Можая до Москвы,—
Разорил-то путь-дорожку неприятель вор-француз.
Разоривши путь-дорожку, во свою землю пошел,
Во свою землю пошел, ко Парижу подошел.
Не дошедши до Парижа, стал на месте, постоял,
Стал на месте, постоял,— сам головкой покачал;
Покачавши головою, стал он речи говорить,
Стал он речи говорить, стал Париж-город хвалить:
«Ты Париж ли, Парижок, Париж славный городок!»
— Не хвалися, вор-француз, своим славным Парижом!
Как у нас ли во России есть получше города,
Есть получше, пославней, есть покраше, почестней,
Есть получше, есть покраше, распрекрасна
жизнь-Москва,

Распрекрасная Москва — всему свету голова,
Всему свету голова — все земельки собрала!
Распрекрасная Москва в путь-дорожку широка,
В путь-дорожку широка, диким камнем выстлана,
Диким камнем выстлана, желтым песком сыпана,—
Что приют-город Москва всей России честь-хвала!

КАК НА ГОРОЧКЕ СТОЯЛА МОСКВА

Как на горочке было, на горе,
На высокой было, на крутой,
Тут стояла нова слобода,
По прозваньицу матушка Москва,
Разоренная с краю до конца.

Кто, братцы, Москву разорил?
Разорил Москву неприятель злой,
Неприятель злой, француз молодой.

Выкатал француз пушки медные,
Направлял француз ружья светлые,
Он стрелял-палил в матушку Москву.
Оттого Москва загорелася,
Мать сыра земля потрясалася,
Все божьи церкви развалилися,
Златы маковки покатилися.

ПРИВИДЕЛСЯ БЕССЧАСТНЫЙ СОН

Привиделся бессчастный сон —
Дуют ветры со вихрями,
С хором верхи сорывают
По самые по окна,
По хрустальные по стекла:
Француз Москву разоряет,
С того конца зажигает,
В полон девок забирает.

Одна девка слезно плачет,
Француз девку унимает:
«Не плачь, девка, не плачь, красна!
Куплю тебе три подарка:

Первый подарок — алу ленту в косу,
А другую — голубую,
А третью — разноцветну!»

— Не надо мне твоих подарков:
Пусти меня в свою землю,
Мне с батюшкой повидаться,
Мне с матушкой распроститься!

КУТУЗОВ И ФРАНЦУЗСКИЙ МАЙОР

Что ни красное солнце да воссияло —
Воссияла у Кутузова острая сабля.

Выезжает князь Кутузов в чисто поле,
Он берет с собою силу да гренадеров,
Гренадеров он и есаулов.

Гренадеры и есаулы да не сробели,
Что французского майора в полон взяли,
Повели они майора ко фельдмаршалу,
Ко тому же князю да ко Кутузову,
Ко Михайлу его да к Ларивоновичу.

Начинает князь Кутузов его спрашивать:
«Ты скажи, скажи, майорик, сущую правду,—
Еще много ли у вас да во Париже,
У вас много ль во Париже стоит силы?»

— Стоит силы во Париже сорок тысяч,
По приступу генеральскому сметы нету.—

На то князь Кутузов да рассердился,
Уж как бьет-то он майора да по роже,
Он по роже да во правую во щеку:
«Уж ты врешь, ты врешь, майорик, врешь — плутуешь,
Меня, князя Кутузова, все проводишь,
Все проводишь меня ты да стращаешь!
Я вашей силы-то не боюся,
За генеральские приступы я примуся!»

ФРАНЦУЗЫ НА ДЕСНЕ

Как на речке на Деснушке
Стоял вор-французик.
Поутру рано вставает,
Коня он, вор, седлает,
Оседлавши, в поле выезжает.
Он по фронту разъезжает,
Он указушки читает.
Глядит-смотрит вор-французик
В подзорную-то в трубу:
Валит сила российская
Со всех четырех сторон.
Не успел и сказать речи —
Запалили французам в плечи
А из пушек-то картечью.
Огни русские очень жарки —
Французик утекает
За Черную речку.

ПЛАТОВ-КАЗАК

От своих чистых сердец
Совьем Платову венец.
На головушку наденем,
Сами песни запоем,
Сами песни запоем,
Как мы в армии живем.

Мы в армеюшке бывали,
Провианты получали,
Провианты получали,
Ни в чем горя мы не знали.
У нас много пуль-картечь,
Нам их некуда беречь.

Наши начали палить,
Только дым столбом валит,—
Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму,
Во солдатскиим пылу.

Не ясен сокол летает —
Казак Платов разъезжает,
Он по горке, по горе,
Сам на вороном коне.
Он проехал-поскакал,
Три словечушка сказал:
«Ой вы воины-казаки,
Разудалы молодцы!
Вы пейте-ка без мерушки
Зеленое вино,
Получайте-ка без расчету
Государевой казны!»

Как не пыль в поле пылит —
Француз с армией валит,
Генералушкам грозит:
— Уж и я вас, генералы,
Во ногах всех вотопчу,
В каменну Москву взойду,
Стену каменну пробью,
Стену каменну пробью,
Караулы все сменю,—
Караулы крепки,
Перемены редки,
Свои новы становлю!

ПЛАТОВ У ФРАНЦУЗОВ

Ты, Рассея, ты, Рассея,
Ты, Рассейская земля,
Много крови пролила,
Много силы забрала!

Платов-казак воин был,
Себе бороду не брил.
Когда бороду побрил,
У француза в гостях был.
Француз его не узнал,
За купчину признавал,
Со добра коня снимал,
Во палату зазывал,
За дубовый стол сажал,
Рюмку водки наливал
И купчине подносил,

Об стаканочке просил:
«Ты, купчина, ты, купец,
Ты, рассейский молодец!
Выпей рюмку, выпей две,
Скажи всею правду мне
Про Платова-казака!
Он в разор нас разорил.
Я уж золото сорил,
Много золота терял,
Про Платова узнавал».
— На что золото терять?
Его так можно узнать:
Он — одно лицо со мной,
Ровно брат мене родной! —

Дочь француза догадалась,
Портрет начала смотреть.
Платов-казак догадался —
Из палаты выходить,
На крылечко выбегать,
Будто письмецо бросать.
Он не письмецо бросал,
Громким голосом вскричал:
«Ой вы, слуги, мои, други,
Вы, донские казаки,
Вы подайте-ка коня
Под Платова-казака!»

На коня Платов садится
И французу говорит:
«Ах, ворона, ты, ворона,
Загуменная карга!
Не сумела ты, ворона,
Ясна сокола поймать,
Сизы перышки щипать,
По чисту полю пускать,
Не сумела ты Платова
У себя в гостях держать!»
Тут француз возбунтовался,
А Платов-казак помчался,
Только пыль столбом пошла
От французова двора.

ОЙ ДА ОТЧЕГО ЖЕ АРМИЯ ПОТРЕВОЖИЛАСЬ?

Ой да отчего же, али отчего
Вот наша да армеюшка,
Да она же, она потревожилась?
Потревожилась армеюшка
Вот наша казачая,
Потревожилась темной ночею.

Как и ходит по армеюшке
Вот наш атаманушка,
Эй да ходит, вот он пробуждает:
«Ой да вставайте да вы пробуждайтеся,
Вот мои казаченьки,
Эй, вставайте, пробуждайтеся:
Бонапарт-то, вот и он злодей наш,
Вот он ходит-гуляет,—
Поразбил он, вот и разорил,
Вот он, француз-варвар,
Разорил всю кременну Москву!»

Что не чернь-то будто во поле,
Не чернь, она, во чистом поле,
Да что там в поле зачернелося?
Зачернелося это полюшко,

Да вспахано это полюшко,
Вот полюшко российское,
Не коневыми оно копытами;
Ну засеяно это полюшко,
Вот поле российское,
Не всхожими оно семенами,
Ну усеяно это полюшко,
Вот поле российское,
Эй, казацкими оно головами;
Заборонено это полюшко,
Вот поле российское,
Не дубовыми оно боронами;
Заволочено это полюшко,
Полюшко российское,
Оно цветным казацким платьем.

Как и тут наш атаманушка
Ездит по армеюшке,
Ездит, сам он разъезжает;

Да и сам наш атаманушка
Он своих казаченьков
Речью сам-то утешает:
«Как и вы-то, мои казаченьки,
Вот мои станишнички,
Эй, дети мои, малолеточки!
Кабы бог-то бы послал,
Вот мои станишнички,
Эй, послал бы нам вора поймать,—
Ну тогда-то бы, тогда,
Мои малолеточки,
Ну спустил бы вас на батюшку
тихий Дон!»

КАК ВО НЫНЕШНЕМ ГОДУ

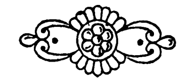
Как во нынешнем году
Объявил француз войну,
Да объявил француз войну
На Россиюшку на всю,
Да на Россиюшку на всю,
На матушку на Москву.

Вот мы под Ригою стояли,
Много голоду приняли,—
Нам и тридцать и два дня
Да не давали класть огня.
А мы с того со мороза
Мы не можем говорить,—
Стали водкой нас поить.
Да мы по кружке водки пьем,
Во поход сейчас идем.

Мы походы проходили,
К Дунай-речке подходили.
К нам матросы подъезжали,
Легку лодку подгоняли.

Мы во лодочку посели,
Слезну песенку запели.
Дунай-речку проезжали,
Ко бережку подъезжали,

Ко большому ко двору,
Да на французскую землю.
Наш майор да Копылов
По ту сторону стоит:
«Уж вы, братцы, скиньте ранцы,
Вы ложитесь отдыхать,
А я буду воевать!»

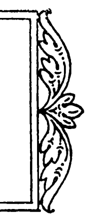

ВОСПОМИНАНИЯ

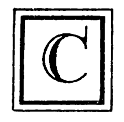

Д·В·ДАВЫДОВ
1812 ГОД

II

ДНЕВНИК ПАРТИЗАНСКИХ ДЕЙСТВИЙ 1812 ГОДА[1]

С 1807 по 1812 год я был адъютантом покойного князя Петра Ивановича Багратиона. В Пруссии, в Финляндии, в Турции, везде близ стремя сего блистательного полководца. Когда противные обстоятельства отрывали его от действовавших армий, тогда он, по желанию моему, оставлял меня при них; так я прошел курс аванпостной службы при Кульневе в 1808 году в Северной Финляндии и при нем же в Турции в 1810 году, во время предводительства графа Каменского.

В 1812 году поздно было учиться. Туча бедствий налегла на отечество, и каждый сын его обязан был платить ему наличными сведениями и способностями. Я просил у князя позволение стать в рядах Ахтырского гусарского полка. Он похвалил мое рвение и писал о том к военному министру. 8-го апреля я был переименован в подполковники с назначением в Ахтырский гусарский полк, расположенный тогда близ Луцка. 18-го мая мы выступили в поход к Бресту-Литовскому.

Около 17-го июня армия наша находилась в окрестностях Волковиска; полк наш находился в Заблудове, близ Белостока.

Семнадцатого июня началось отступление. От сего числа до назначения меня партизаном я находился при

Раздел «Воспоминания» составлен Н. Н. Акоповой.

[1] В книгу включены вторая и третья части записок Д. В. Давыдова.

полку; командовал первым баталионом оного [1], был в сражениях под Миром, Романовым, Дашковкой и во всех аванпостных сшибках, до самой Гжати.

Видя себя полезным отечеству не более рядового гусара, я решился просить себе отдельную команду, несмотря на слова, произносимые и превозносимые посредственностию: *никуда не проситься и ни от чего не отказываться.* Напротив, я всегда уверен был, что в ремесле нашем тот только выполняет долг свой, который переступает за черту свою, не равняется духом, как плечами, в шеренге с товарищами, на все напрашивается и ни от чего не отказывается.

При сих мыслях я послал к князю Багратиону письмо следующего содержания:

«Ваше сиятельство! Вам известно, что я, оставя место адъютанта вашего, столь лестное для моего самолюбия, и вступя в гусарский полк, имел предметом партизанскую службу и по силам лет моих, и по опытности, и, если смею сказать, по отваге моей. Обстоятельства ведут меня по сие время в рядах моих товарищей, где я своей воли не имею и, следовательно, не могу ни предпринять, ни исполнить ничего замечательного. Князь! Вы мой единственный благодетель; позвольте мне предстать к вам для объяснений моих намерений; если они будут вам угодны, употребите меня по желанию моему и будьте надежны, что тот, который носил звание *адъютанта Багратиона пять лет сряду,* тот поддержит честь сию со всею ревностию, какой бедственное положение любезного нашего отечества требует. Денис Давыдов».

Двадцать первого августа князь позвал меня к себе [2]; представ к нему, я объяснил ему выгоды партизанской войны при обстоятельствах того времени: «Неприятель идет одним путем,— говорил я ему,— путь сей протяжением своим вышел из меры; транспорты жизненного и боевого продовольствия неприятеля покрывают пространство от Гжати до Смоленска и далее. Между тем обширность части России, лежащей на юге Московского пути, способствует изворотам не только партий, но и целой нашей армии. Что делают толпы казаков при авангарде?

---

[1] В то время гусарские полки состояли из двух баталионов, каждый баталион в военное время заключал в себе четыре эскадрона. (*Здесь и далее, кроме переводов с французского,— примечания Д. Давыдова.*)

[2] Это было при Колоцком монастыре, в овине, где была его квартира.

Оставя достаточное число их для содержания аванпостов, надо разделить остальное на партии и пустить их в средину каравана, следующего за Наполеоном. Пойдут ли на них сильные отряды? — Им есть довольно простора, чтобы избежать поражения. Оставят ли их в покое? — Они истребят источник силы и жизни неприятельской армии. Откуда возьмет она заряды и пропитание? — Наша земля не так изобильна, чтобы придорожная часть могла пропитать двести тысяч войска; оружейные и пороховые заводы — не на Смоленской дороге. К тому же обратное появление наших посреди рассеянных от войны поселян ободрит их и обратит войсковую войну в народную. Князь! откровенно вам скажу: душа болит от вседневных параллельных позиций! Пора видеть, что они не закрывают недра России. Кому не известно, что лучший способ защищать предмет неприятельского стремления состоит не в параллельном, а в перпендикулярном или, по крайней мере, в косвенном положении армии относительно к сему предмету? И потому, если не прекратится избранный Барклаем и продолжаемый светлейшим род отступления,— Москва будет взята, мир в ней подписан, и мы пойдем в Индию сражаться за французов!..[1] Я теперь обращаюсь к себе собственно: если должно непременно погибнуть, то лучше я лягу здесь! В Индии я пропаду со ста тысячами моих соотечественников, без имени и за пользу, чуждую России, а здесь я умру под знаменами независимости, около которых столпятся поселяне, ропщущие на насилие и безбожие врагов наших... А кто знает! Может быть, и армия, определенная действовать в Индии!..»

Князь прервал нескромный полет моего воображения; он пожал мне руку и сказал: «Нынче же пойду к светлейшему и изложу ему твои мысли».

Светлейший в то время отдыхал. До пробуждения его вошли к князю Василий и Дмитрий Сергеевичи Ланские, которым он читал письмо, полученное им от графа Ростопчина, в котором сказано было: «Я полагаю, что вы будете драться, прежде нежели отдадите столицу; если вы будете побиты и подойдете к Москве, я выйду из нее к вам на подпору со ста тысячами вооруженных жителей; если и тогда неудача, то *злодеям вместо Москвы*

---

[1] Общее мнение того времени, низложенное твердостию войска, народа и царя.

один ее пепел достанется». Это намерение меня восхитило. Я видел в исполнении оного сигнал общего ополчения.

Весь тот день светлейший был занят, и потому князь отложил говорить ему обо мне до наступающего дня. Между тем мы подошли к Бородину. Эти поля, это село мне были более, нежели другим, знакомы! Там я провел и беспечные лета детства моего и ощутил первые порывы сердца к любви и к славе. Но в каком виде нашел я приют моей юности! Дом отеческий одевался дымом биваков; ряды штыков сверкали среди жатвы, покрывавшей поля, и громады войск толпились на родимых холмах и долинах. Там, на пригорке, где некогда я резвился и мечтал, где я с алчностию читывал известия о завоевании Италии Суворовым, о перекатах грома русского оружия на границах Франции,— там закладывали редут Раевского[1]; красивый лесок перед пригорком обращался в засеку и кипел егерями, как некогда стаею гончих собак, с которыми я носился по мхам и болотам. Все переменилось! Завернутый в бурку и с трубкою в зубах, я лежал под кустом леса за Семеновским, не имея угла не только в собственном доме, но даже и в овинах, занятых начальниками. Глядел, как шумные толпы солдат разбирали избы и заборы Семеновского, Бородина и Горок для строения биваков и раскладывания костров... Слезы воспоминания сверкнули в глазах моих, но скоро осушило их чувство счастия видеть себя и обоих братьев своих вкладчиками крови и имущества в сию священную лотерею!

---

[1] Некоторые военные писатели приняли в настоящее время за правило искажать события, в которых принимал участие генерал Ермолов, они умалчивают о заслугах сего генерала, коего мужество, способности, бескорыстие и скромность в донесениях слишком всем известны. Так как подобные описания не могут внушить никакого доверия, я решился либо опровергать вымыслы этих господ, либо сообщать моим читателям все то, о чем им не угодно было говорить. Так, например, в описании Бородинского сражения никто не дал себе труда собрать все сведения о взятии нами редута Раевского, уже занятого неприятелем. Почтенный Николай Николаевич Раевский, именем которого назван этот редут, описывая это событие, упоминает слегка об Ермолове, выставляя лишь подвиги Васильчикова и Паскевича. Отдавая должную справедливость блистательному мужеству этих двух генералов и основываясь на рапорте Барклая и на рассказах очевидцев и участников этого дела, все беспристрастные свидетели этого побоища громко признают Ермолова главным героем этого дела; ему принадлежит в этом случае и мысль и исполнение.

Так как 2-я армия составляла левый фланг линии, то князь остановился в Семеновском. Вечером он прислал за мною адъютанта своего Василья Давыдова и сказал мне: «Светлейший согласился послать для пробы одну партию в тыл французской армии, но, полагая успех предприятия сомнительным, назначает только пятьдесят гусар и сто пятьдесят казаков; он хочет, чтобы ты сам взялся за это дело». Я отвечал ему: «Я бы стыдился, князь, предложить опасное предприятие и уступить исполнение этого предприятия другому. Вы сами знаете, что я готов на все; надо пользу — вот главное, а для поль-

---

Это блистательное дело происходило при следующих обстоятельствах: получив известие о ране князя Багратиона и о том, что 2-я армия в замешательстве, Кутузов послал туда Ермолова с тем, чтобы, ободрив войско, привести его в порядок. Ермолов приказал храброму полковнику Никитину (ныне генерал от кавалерии) взять с собой три конные роты и не терять его из виду, когда он отправится во 2-ю армию. Бывший начальник артиллерии 1-й армии граф Кутайсов решился сопровождать его, несмотря на все представления Ермолова, говорившего ему: «Ты всегда бросаешься туда, куда тебе не следует, давно ли тебе был выговор от главнокомандующего за то, что тебя нигде отыскать не могли. Я еду во 2-ю армию, мне совершенно незнакомую, приказывать там именем главнокомандующего, а ты что там делать будешь?» Они следовали полем, как вдруг заметили вправо на редуте Раевского большое смятение: редутом овладели французы, которые, не найдя на нем зарядов, не могли обратить противу нас взятых орудий; Ермолов рассудил весьма основательно: вместо того чтобы ехать во 2-ю армию, где ему, может быть, с незнакомыми войсками не удастся исправить ход дела, не лучше ли восстановить здесь сражение и выбить неприятеля из редута, господствующего над всем полем сражения и справедливо названного Беннигсеном ключом позиции. Он потому приказал Никитину поворотить вправо к редуту, где они уже не нашли Паскевича, а простреленного полковника 26-й дивизии Савоини с разнородной массой войск. Приказав ударить сбор, Ермолов мужественно повел их на редут. Найдя здесь баталион Уфимского полка, последний с края 1-й армии, Ермолов приказал ему идти в атаку развернутым фронтом, чтобы линия казалась длиннее и ей легче было бы захватить большее число бегущих. Для бо́льшего воодушевления войск Ермолов стал бросать по направлению к редуту Георгиевские кресты, случайно находившиеся у него в кармане; вся свита Барклая мужественно пристроилась к ним, и в четверть часа редут был взят. Наши сбрасывали с вала вместе с неприятелем и пушки; пощады не было никому; взят был в плен один генерал Бонами, получивший двенадцать ран (этот генерал жил после долго в Орле; полюбив весьма Ермолова, он дал ему письмо в южную Францию к своему семейству, которое он просил посетить При получении известий о победах французов раны его закрывались, и он был добр и спокоен, при малейшем известии о неудачах их — раны раскрывались, и он приходил в ярость).

Так как вся масса наших войск не могла взойти на редут, многие в пылу преследования, устремившись по глубокому оврагу, по-

зы — людей мало!» — «Он более не дает!» — «Если так, то я иду и с этим числом; авось либо открою путь большим отрядам!» — «Я этого от тебя и ожидал,— сказал князь,— впрочем, между нами, чего светлейший так опасается? Стоит ли торговаться несколькими сотнями людей, когда дело идет о том, что, в случае удачи, он может разорить у неприятеля и заведения, и подвозы, столь для него необходимые, а в случае неудачи лишится горстки людей? Как же быть! Война ведь не для того, чтобы целоваться».— «Верьте, князь,— отвечал я ему,— ру-

---

крытому лесом и находящемуся впереди, были встречены войсками Нея. Ермолов приказал кавалерии, заскакав вперед, гнать наших обратно на редут. Мужественный и хладнокровный до невероятия, Барклай, на высоком челе которого изображалась глубокая скорбь, прибыв лично сюда, подкреплял Ермолова войсками и артиллерией. В это время исчез граф Кутайсов, который был убит близ редута; одна лошадь его возвратилась. Один офицер, не будучи в состоянии вынести тела, снял с него знак св. Георгия 3-го класса и золотую саблю. (Этот молодой генерал, будучи полковником гвардии [в] пятнадцать лет и генералом — [в] двадцать четыре года, был одарен блистательными и разнообразными способностями. Проведя вечер 25-го августа с Ермоловым и Кикиным, он был поражен словами Ермолова, случайно сказавшего ему: «Мне кажется, что завтра тебя убьют». Будучи чрезвычайно впечатлителен от природы, ему в этих словах неизвестно почему послышался голос судьбы.) Ермолов оставался на редуте около трех часов, пока усилившаяся боль, вследствие сильной контузии картечью в шею, не вынудила его удалиться.

Барклай написал Кутузову следующий рапорт о Бородинском сражении: «Вскоре после овладения неприятелем всеми укреплениями левого фланга сделал он, под прикрытием сильнейшей канонады и перекрестного огня многочисленной его артиллерии, атаку на центральную батарею, прикрываемую 26-ю дивизиею. Ему удалось оную взять и опрокинуть вышесказанную дивизию, но начальник главного штаба генерал-маиор Ермолов с свойственною ему решительностью, взяв один только третий баталион Уфимского полка, остановил бегущих и толпою, в образе колонны, ударил в штыки. Неприятель защищался жестоко; батареи его делали страшное опустошение, но ничто не устояло... третий баталион Уфимского полка и Восемнадцатый егерский полк бросились прямо на батарею, Девятнадцатый и Сороковой егерские полки по левую сторону оной, и в четверть часа наказана дерзость неприятеля; батарея во власти нашей, вся высота и поле около оной покрыты телами неприятельскими. Бригадный генерал Бонами был один из снискавших пощаду, а неприятель преследован был гораздо далее батареи. Генерал-маиор Ермолов удержал оную с малыми силами до прибытия 24-й дивизии, которой я велел сменить расстроенную атакой 26-ю дивизию». Барклай написал собственноручное представление, в котором просил князя Кутузова удостоить Ермолова орденом св Георгия 2-го класса; но так как этот орден был пожалован самому Барклаю, то Ермолов был лишь награжден знаками св. Анны 1-го класса.

чаюсь честью, что партия будет цела; для сего нужны только при отважности в залетах — решительность в крутых случаях и неусыпность на привалах и ночлегах; за это я берусь... только, повторяю, людей мало; дайте мне тысячу казаков, и вы увидите, что будет».— «Я бы тебе дал с первого разу три тысячи, ибо не люблю ощупью дела делать, но об этом нечего и говорить; фельдмаршал сам назначил силу партии; надо повиноваться».

В Бородинском сражении принимал участие и граф Федор Иванович Толстой, замечательный по своему необыкновенному уму и известный под именем Американца; находясь в отставке в чине подполковника, он поступил рядовым в московское ополчение. Находясь в этот день в числе стрелков при 26-й дивизии, он был сильно ранен в ногу. Ермолов, проезжая после сражения мимо раненых, коих везли в большом числе на подводах, услыхал знакомый голос и свое имя. Обернувшись, он в груде раненых с трудом мог узнать графа Толстого, который, желая убедить его в полученной им ране, сорвал бинт с ноги, откуда струями потекла кровь. Ермолов исходатайствовал ему чин полковника.

После Бородинского сражения Ермолов отправился с Толем и полковником (русским, австрийским и испанским) Кроссаром с Поклонной горы к Москве отыскивать позицию, удобную для принятия сражения. Войска были одушевлены желанием вновь сразиться с неприятелем; когда, после Бородинского сражения, адъютант Ермолова Граббе объявил войскам от имени светлейшего о новой битве, это известие было принято всеми с неописанным восторгом. Отступление наших войск началось лишь по получении известия с нашего правого фланга, которого неприятель стал сильно теснить и обходить. Князь Кутузов, не желая, однако, оставить столицу без обороны, имел одно время в виду вверить защиту ее со стороны Воробьевых гор — Дохтурову, а со стороны Драгомиловской заставы — принцу Евгению Виртембергскому. Граф Ростопчин, встретивший Кутузова на Поклонной горе, увидав возвращающегося с рекогносцировки Ермолова, сказал ему: «Алексей Петрович, зачем усиливаетесь вы убеждать князя защищать Москву, из которой уже все вывезено; лишь только вы ее оставите, она, по моему распоряжению, запылает позади вас». Ермолов отвечал ему, что это есть воля князя, приказавшего отыскивать позицию для нового сражения. Кутузов, узнав, что посланные не нашли хорошей позиции, приостановил движение корпуса Дохтурова к Воробьевым горам. На Поклонной горе видны доселе следы укреплений, коих надлежало защищать принцу Виртембергскому. Кутузов отправил в другой раз к Москве Ермолова с принцем Александром Виртембергским, Толем и Кроссаром; принц, отличавшийся большою ученостью, сказал: „En faisanf chéneler les murs des couvents, on aurait pu y tenir plusieurs jours" (Если бы сделать бойницы в стенах монастырей, то можно было бы продержаться несколько дней *(фр.)* Возвратившись в Главную квартиру, Ермолов доложил князю, что можно было бы, не заходя в столицу, совершить в виду неприятельской армии фланговое движение на Тульскую дорогу, что было бы, однако, не совсем безопасно. Когда он стал с жаром доказывать,

Тогда князь сел писать и написал мне собственною рукой инструкцию, также письма к генералам Васильчикову и Карпову: одному, чтобы назначил мне лучших гусаров, а другому — лучших казаков; спросил меня: имею ли карту Смоленской губернии? У меня ее не было. Он дал мне свою собственную и, благословя меня, сказал: «Ну, с богом! Я на тебя надеюсь!» Слова эти мне очень памятны!

Двадцать третьего рано я отнес письмо к генерал-адъютанту Васильчикову. У него много было генералов.

что невозможно было принять нового сражения, князь, пощупав у него пульс, сказал ему: «Здоров ли ты, голубчик?» — «Настолько здоров,— отвечал он,— чтобы видеть невозможность нового сражения».

Хотя на знаменитом военном совете в Филях Ермолов, как видно из предыдущего, был убежден, что новое сражение бесполезно и невозможно, но, будучи вынужден подать свой голос одним из первых, дорожа популярностью, приобретенною им в армии, которая приходила в отчаяние при мысли о сдаче Москвы, и не сомневаясь в том, что его мнение будет отвергнуто большинством, он подал голос в пользу новой битвы. Беннигсен, находившийся в весьма дурных сношениях с Кутузовым, постоянно предпочитавшим мнения, противоположные тем, кои были предложены этим генералом, требовал того же самого; неустрашимый и благородный Коновницын поддержал их. Доблестный и величественный Барклай, превосходно изложив в кратких словах материальные средства России, кои были ему лучше всех известны, требовал, чтобы Москва была отдана без боя; с ним согласились граф Остерман, Раевский и Дохтуров. По мнению сего последнего, армия, за недостатком генералов и офицеров, не была в состоянии вновь сразиться с неприятелем. Граф Остерман, питавший большую неприязнь к Беннигсену с самого 1807 года, спросил его: «Кто вам поручится в успехе боя?» На это Беннигсен, не обращая на него внимания, отвечал: «Если бы в этом сомневались, не состоялся бы военный совет и вы не были бы приглашены сюда». Вернувшись после совета на свою квартиру, Ермолов нашел ожидавшего его артиллерии поручика Фигнера, столь знаменитого впоследствии по своим вполне блистательным подвигам. Этот офицер, уже украшенный знаками св. Георгия 4-го класса за смелость, с которою он измерял ширину рва Рущукской крепости, просил о дозволении остаться в Москве для собрания сведений о неприятеле, вызываясь даже убить самого Наполеона, если только представится к тому возможность. Он был прикомандирован к штабу, и снабжен на Боровском перевозе подорожною в Казань. Это было сделано затем, чтобы слух о его намерениях не разгласился бы в армии.

На втором переходе после выступления из Москвы армия наша достигла так называемого Боровского перевоза. Здесь арьергард был задержан столпившимися на мосту в страшном беспорядке обозами и экипажами частных лиц; тщетны были просьбы и приказания начальников, которые, слыша со стороны Москвы пушечные выстрелы и не зная об истинном направлении неприятеля, торопились продви-

Не знаю, как узнали они о моем назначении; чрез окружавших ли светлейшего, слышавших разговор его обо мне с князем, или чрез окружавших князя, стоявших пред овином, в котором он мне давал наставления? Как бы то ни было, но господа генералы встретили меня шуткою: «Кланяйся Павлу Тучкову[1],— говорили они,— и скажи ему, чтобы он уговорил тебя не ходить в другой раз партизанить». Однако если некоторым из них гибель моя представлялась в любезном виде, то некоторые соболезновали о моей участи, а вообще все понимали,

---

нуть арьергард; но обозы и экипажи, занимая мосты и не пропуская войск, нисколько сами не подвигались. В это время подъехал к войскам Ермолов; он тотчас приказал командиру артиллерийской роты, здесь находившейся, сняться с передков и обратить дула орудий на мост, причем им было громко приказано зарядить орудия картечью и открыть по его команде огонь по обозам. Ермолов, сказав на ухо командиру, чтобы не заряжал орудий, скомандовал: «Пальба первая». Хотя это приказание не было приведено в исполнение, но испуганные обозники, бросившись частью в реку, частью на берег, вмиг очистили мост, и арьергард благополучно присоединился к главной армии. Лейб-медик Вилье, бывший свидетелем всего этого, назвал Ермолова: «Homme aux grands moyens» (Человек больших возможностей *(фр.)*

Бывший дежурный генерал 2-й армии Марин, автор весьма многих комических стихотворений, часто посещал Ермолова, о котором он говорил: «Я люблю видеть сего Ахилла в гневе, из уст которого никогда не вырывается ничего оскорбительного для провинившегося подчиненного».

[1] Генерал-маиор Тучков (он ныне сенатором в Москве), отлично сражавшийся, был изранен и взят в плен в сражении под Заболотьем, что французы называют Валутинским. Это сражение, называемое также Лубинским, описано генералом Михайловским-Данилевским, который даже не упомянул о рапорте, поданном Ермоловым князю Кутузову. Я скажу несколько слов о тех обстоятельствах боя, которые известны лишь весьма немногим. Распорядившись насчет отступления армии из-под Смоленска, Барклай и Ермолов ночевали в арьергарде близ самого города. Барклай, предполагая, что прочие корпуса армии станут между тем выдвигаться по дороге к Соловьевой переправе, приказал разбудить себя в полночь для того, чтобы лично приказать арьергарду начать отступление. Когда наступила полночь, он с ужасом увидел, что второй корпус еще вовсе не трогался с места; он сказал Ермолову: «Nous sommes en grand danger; comment cela a-t-il pu arriver?» (Мы в большой опасности, как это могло произойти? *(фр.)* К этому он присовокупил: «Поезжайте вперед, ускоряйте марш войск, а я пока здесь останусь». Дурные дороги задержали корпус Остермана, который следовал потому весьма медленно. Прибыв на рассвете в место, где корпуса Остермана и Тучкова 1-го располагались на ночлег, Ермолов именем Барклая приказал им следовать далее. Князь Багратион, Ермолов и Толь утверждают, что Тучкову 3-му надлежало не только занять перекресток дорог, но и придвинуться ближе к Смоленску на подкрепление

что жить посреди неприятельских войск и заведений с горстью казаков — не легкое дело, особенно человеку, который почитался ими и *острякам*, и *поэтом*, следственно, ни к чему не способным. Прошу читателя привести на память случай сей, когда я сойдусь с армиею под Смоленском.

Вышедши от Васильчикова, я отправился за гусарами к Колоцкому монастырю, куда тот день отступал арьергард наш под командою генерала Коновницына.

Карпова и смену князя Горчакова. Услыхав пушечные выстрелы, Ермолов писал отсюда Барклаю: «Если выстрелы, мною слышанные,— с вашей стороны, мы можем много потерять; если же они со стороны Тучкова 3-го,— бо́льшая часть нашей артиллерии может сделаться добычей неприятеля; во всяком случае прошу ваше высокопревосходительство не беспокоиться, я приму все необходимые меры».

В самом деле, сто восемьдесят орудий, следуя медленно и по дурным дорогам, находились еще в далеком расстоянии от Соловьевой переправы. К величайшему благополучию нашему, Жюно, находившийся на нашем левом фланге, не трогался с места; Ермолов обнаружил здесь редкую деятельность и замечательную предусмотрительность. По его распоряжению граф Кутайсов и генерал Пассек поспешили к артиллерии, которой приказано было следовать как можно скорее; здесь в первый раз была употреблена команда: «На орудие садись». Ермолов, достигнув перекрестка, поехал далее по направлению к Соловьевой переправе и возвращал назад встречаемые им войска. Принц Александр Виртембергский, не имевший команды, просил Ермолова поручить ему что-нибудь; придав принцу сведущего штаб-офицера с солдатами, он просил его заняться улучшением дорог. Возвратившись к перекрестку, Ермолов узнал здесь от генерала Всеволожского, что Тучков 3-й находится лишь в трехстах саженях отсюда. Князь Багратион в письме своем Ермолову от 8-го августа, между прочим, пишет: «Надо примерно наказать офицера квартирмейстерской части, который вел Тучкова 3-го; вообрази, что за восемь верст вывел далее, а Горчаков дожидался до тех пор, пока армия ваша пришла». Взяв в плен двух вестфальцев корпуса Жюно, Тучков 3-й препроводил их к Ермолову, которому они объявили, что у них шестнадцать полков одной кавалерии Ермолов писал отсюда с капитаном квартирмейстерской части Ховеном (впоследствии тифлисским военным губернатором) великому князю Константину Павловичу, следовавшему в колонне Дохтурова, что надо поспешить к Соловьевой переправе, перейти там реку и, расположившись на позиции, покровительствовать переправе прочих войск. Приказав именем Барклая Остерману и Тучкову 1-му подкрепить Тучкова 3-го, Ермолов направил графа Орлова-Денисова к Заболотью, где он, однако, не мог бы выдержать натиска неприятеля, если бы вместе с тем не велено было командиру Екатеринбургского полка князю Гуриелю занять рощу; во время нападения неприятеля на графа Орлова-Денисова Гуриель поддерживал его батальным огнем из рощи.

Получив записку Ермолова, Барклай отвечал: «С богом, начинайте, а я между тем подъеду». Прибыв вскоре к колонне Тучкова 3-го и найдя, что здесь уже были приняты все необходимые меры, Барклай дозволил Ермолову распоряжаться войсками Между тем

Проехав несколько верст за монастырь, мне открылась долина битвы. Неприятель ломил всеми силами, гул орудий был неразрывен, дым их мешался с дымом пожаров, и *вся окрестность была как в тумане.* Я с арьергардом ночевал у монастыря, полагая назавтра отобрать назначенных мне гусаров и ехать за казаками к Карпову, находившемуся на оконечности левого фланга армии.

Но 24-го, с рассветом, началось дело с сильнейшею яростью. Как оставить пир, пока стучат стаканами? Я остался. Неприятель усиливался всеминутно. Грозные тучи кавалерии его окружали фланги нашего арьергарда, в одно время как необозримое число орудий, размещенных пред густыми пехотными громадами, быстро подвигались прямо на него, стреляя беглым огнем беспрерывно. Бой ужасный! Нас обдавало градом пуль и картечей, ядра рыли колонны наши по всем направлениям... Кости трещали! Коновницын [1] отослал назад пе-

---

неприятель, заняв одну высоту несколькими орудиями, наносил нам большой вред; Ермолов приказал Желтухину с своими лейб-гренадерами овладеть этой высотой. Желтухин, не заметив, что высота весьма крута, повел слишком быстро своих гренадер, которые, будучи весьма утомлены во время подъема, были опрокинуты неприятелем. Неприятель, заметив, что этот храбрый полк, здесь сильно потерпевший, намеревается вновь атаковать высоту, свез свои орудия. Между тем Наполеон навел пять понтонов, чрез которые французы могли атаковать наши войска с фланга и тыла; если б Тучков 3-й придвинулся бы ближе к Смоленску, он бы мог быть отрезан. Все наши войска и артиллерия, благодаря неутомимой деятельности, энергии и распорядительности Ермолова, но в особенности бездействию Жюно, достигли благополучно Соловьевой переправы. Барклай, оценив вполне заслуги Ермолова, поручил ему представить от своего имени рапорт о том князю Кутузову.

Однажды Барклай приказал Ермолову образовать легкий отряд. Шевич был назначен начальником отряда, в состав которого вошли и казаки под начальством генерала Краснова. Хотя атаман Платов был всегда большим приятелем Ермолова, с которым он находился вместе в ссылке в Костроме в 1800 году, но он написал ему официальную бумагу, в которой спрашивал, давно ли старшего отдают под команду младшего, как, например, Краснова относительно Шевича, и притом в чужие войска? Ермолов отвечал ему официальною же бумагою, в которой находилось, между прочим, следующее: «О старшинстве Краснова я знаю не более вашего, потому что в вашей канцелярии не доставлен еще формулярный список этого генерала, недавно к вам переведенного из Черноморского войска; я вместе с тем вынужден заключить из слов ваших, что вы почитаете себя лишь союзниками русского государя, но никак не подданными его». Правитель дел атамана Смирной предлагал ему возражать Ермолову, но Платов отвечал: «Оставь Ермолова в покое, ты его не знаешь, он в состоянии сделать с нами то, что приведет наших казаков в сокрушение, а меня в размышление».

хоту с тяжелою артиллерией и требовал умножения кавалерии.

Уваров прибыл с своею и великодушно поступил под его начальство. Я сам слышал, как он сказал ему: «Петр Петрович, не то время, чтобы считаться старшинством; вам поручен арьергард, я прислан к вам на помощь,— приказывайте!» Такие черты забываются, зато долго помнят каждую погрешность против правил французского языка истинного россиянина! Но к славе нашего отечества, это не один пример: Багратион, после блистательного отступления своего без ропота поступивший под начальство Барклая в Смоленске; Барклай, поступивший под начальство Витгенштейна в Бауцене; Витгенштейн, поступивший снова под начальство Барклая во время и после перемирия; и прежде сего, в Италии, под Лекко,— Милорадович, явившийся под команду младшего себя по службе Багратиона,— представляют возвышенность в унижении, достойную геройских времен Рима и Греции!

Я прерываю описание жестоких битв армии. Не моя цель говорить о сражениях, представленных уже во многих сочинениях, известных свету; я предпринял описание поисков моей партии, к ним и обращаюсь.

Получа пятьдесят гусаров и вместо ста пятидесяти — восемьдесят казаков и взяв с собою Ахтырского гусарского полка штабс-ротмистра Бедрягу 3-го, поручиков Бекетова и Макарова и с казацкой командой — хорунжих Талаева и Григория Астахова, я выступил чрез село Сивково, Борис-Городок — в село Егорьевское, а оттуда на Медынь — Шанский завод — Азарово — в село

---

[1] П. П. Коновницын был в полном смысле слова благородный и неустрашимый человек, отличавшийся весьма небольшими умственными способностями и еще меньшими сведениями. Будучи назначен дежурным генералом всех армий, он вначале посылал бумаги, им получаемые, к Ермолову, прося его класть на них резолюции. Ермолов исполнил на первый раз его просьбу, но, выведенный из терпения частыми присылками большого количества бумаг, он возвращал их в том виде, в каком получал, с адъютантом своим Фонвизиным, который будил ночью Коновницына и обратно возвращал ему бумаги. Коновницын, прочитав однажды записку Ермолова, в которой было, между прочим, сказано: «Вы напрасно домогаетесь сделать из меня вашего секретаря», сказал Фонвизину: «Алексей Петрович ругается и ворчит». Он приобрел отличного руководителя и наставника в квартирмейстерском полковнике Говардовском, авторе знаменитого письма графа Буксгевдена к графу Аракчееву. Этот даровитый штаб-офицер погиб в Бородинском сражении. Впоследствии Толь совершенно овладел Коновницыным.

Скугорево. Село Скугорево расположено на высоте, господствующей над всеми окрестностями, так что в ясный день можно обозревать с нее на семь или восемь верст пространства. Высота сия прилегает к лесу, простирающемуся почти до Медыни. Посредством сего леса партия моя могла скрывать свои движения и, в случае поражения, иметь в нем убежище. В Скугореве я избрал первый *притон*.

Между тем неприятельская армия стремилась к столице. Несчетное число обозов, парков, конвоев и шаек мародеров следовало за нею по обеим сторонам дороги, на пространстве тридцати или сорока верст. Вся эта сволочь, пользуясь безначалием, преступала все меры насилия и неистовства. Пожар разливался по сей широкой черте опустошения, и целые волости с остатком своего имущества бежали от сей всепожирающей лавы, куда — и сами не ведали. Но чтобы яснее видеть положение моей партии, надобно взять выше: путь наш становился опаснее по мере удаления нашего от армии. Даже места, не прикосновенные неприятелем, немало представляли нам препятствий. Общее и добровольное ополчение поселян преграждало путь нам. В каждом селении ворота были заперты; при них стояли стар и млад с вилами, кольями, топорами и некоторые из них с огнестрельным оружием. К каждому селению один из нас принужден был подъезжать и говорить жителям, что мы русские, что мы пришли на помощь к ним и на защиту православныя церкви. Часто ответом нам был выстрел или пущенный с размаха топор, от ударов коих судьба спасла нас[1]. Мы могли бы обходить селения; но я хотел распространить слух, что войска возвращаются, утвердить поселян в намерении защищаться и склонить их к немедленному извещению нас о приближении к ним неприятеля, почему с каждым селением продолжались переговоры до вступления в улицу. Там сцена переменялась; едва сомнение

---

[1] За два дня до моего прихода в село Егорьевское, что на дороге от Можайска на Медынь, крестьяне ближней волости истребили команду Тептярского казачьего полка, состоящую из шестидесяти казаков. Они приняли казаков сих за неприятеля от нечистого произношения ими русского языка. Сии же самые крестьяне напали на отставшую мою телегу, на коей лежал чемодан и больной гусар Пучков. Пучкова избили и оставили замертво на дороге, телегу разрубили топорами, но из вещей ничего не взяли, а разорвали их в куски и разбросали по полю. Вот пример остервенения поселян на врагов отечества и, вместе с сим, бескорыстия их.

уступало место уверенности, что мы русские, как хлеб, пиво, пироги подносимы были солдатам.

Сколько раз я спрашивал жителей *по заключении между нами мира:* «Отчего вы полагали нас французами?» Каждый раз отвечали они мне: «Да вишь, родимый (показывая на гусарский мой ментик), это, бают, на их одёжу схожо».— «Да разве я не русским языком говорю?» — «Да ведь у них всякого сбора люди!» Тогда я на опыте узнал, что в Народной войне до́лжно не только говорить языком черни, но приноравливаться к ней и в обычаях и в одежде [1]. Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена св. Анны повесил образ св. Николая [2] и заговорил с ними языком народным.

Но сколь опасности сии были ничтожны перед ожидавшими нас на пространстве, занимаемом неприятельскими отрядами и транспортами! Малолюдность партии в сравнении с каждым прикрытием транспорта и даже с каждою шайкой мародеров; при первом слухе о прибытии нашем в окрестности Вязьмы, сильные отряды, нас ищущие; жители, обезоруженные и трепещущие французов, следственно, близкие нескромности,— все угрожало нам гибелью.

Дабы избежать ее, день мы провождали на высотах близ Скугорева, скрытно и зорко; перед вечером, в малом расстоянии от села, раскладывали огни; перейдя гораздо далее, в месте, противном тому, где определяли ночлег, раскладывали другие огни и наконец, войдя в лес, провождали ночь без огня. Если случалось в сем последнем месте встретить прохожего, то брали его и содержали под надзором, пока выступали в поход. Когда же он успевал скрыться, тогда снова переменяли место. Смотря по расстоянию до предмета, на который намеревались учинить нападение, мы за час, два или три до рассвета подымались на поиск и, сорвав в транспорте неприятеля, что по силе, обращались на другой; нанеся еще удар, возвращались окружными дорогами к спаси-

---

[1] Но не писать слогом объявлений Ростопчина. Это оскорбляет грамотных, которые видят презрение в том, что им пишут площадным наречием, а известно, что письменные люди немалое имеют влияние над безграмотными, даже и в кабаках.

[2] Во время войны 1807 года командир лейб-гренадерского полка Мазовский носил на груди большой образ св. Николая-чудотворца, из-за которого торчало множество маленьких образков.

тельному нашему лесу, коим мало-помалу снова пробирались к Скугореву.

Так мы сражались и кочевали от 29-го августа до 8-го сентября. Так, полагаю я, начинал Ермак, одаренный высшим против меня дарованием, но сражавшийся для тирана, а не за отечество. Не забуду тебя никогда, время тяжкое! И прежде, и после я был в жестоких битвах, провождал ночи стоя, приклонясь к седлу лошади и рука на поводьях... Но не десять дней, не десять ночей сряду, и дело шло о жизни, а не о чести.

Узнав, что в село Токарево пришла шайка мародеров, мы 2-го сентября на рассвете[1] напали на нее и захватили в плен девяносто человек, прикрывавших обоз с ограбленными у жителей пожитками. Едва казаки и крестьяне занялись разделением между собою добычи, как выставленные за селением скрытные пикеты наши дали нам знать о приближении к Токареву другой шайки мародеров. Это селение лежит на скате возвышенности у берега речки Вори, почему неприятель нисколько не мог нас приметить и шел прямо без малейшей осторожности. Мы сели на коней, скрылись позади изб и за несколько саженей от селения атаковали его со всех сторон с криком и стрельбою, ворвались в средину обоза и еще захватили семьдесят человек в плен.

Тогда я созвал *мир* и объявил ему о *мнимом* прибытии большого числа наших войск на помощь уездов Юхновского и Вяземского; роздал крестьянам взятые у неприятеля ружья и патроны, уговорил их защищать свою собственность и дал наставление, как поступать с шайками мародеров, числом их превышающих. «Примите их,— говорил я им,— дружелюбно, поднесите с поклонами (ибо, не зная русского языка, поклоны они понимают лучше слов) все, что у вас есть съестного, а особенно питейного, уложите спать пьяными и, когда приметите, что они точно заснули, бросьтесь все на оружие их, обыкновенно кучею в углу избы или на улице поставленное, и совершите то, что бог повелел совершать с врагами христовой церкви и вашей родины. Истребив их, закопайте тела в хлеву, в лесу или в каком-нибудь непроходимом месте. Во всяком случае, берегитесь, чтобы место, где тела зарыты, не было приметно от свежей, недавно вскопанной земли; для того набросайте на него кучу камней, бревен, золы или другого чего. Всю добычу во-

[1] День вступления французской армии в Москву. Но мы о том не знали.

енную, как мундиры, каски, ремни и прочее,— все жгите или зарывайте в таких же местах, как и тела французов. Эта осторожность оттого нужна, что другая шайка басурманов, верно, будет рыться в свежей земле, думая найти в ней или деньги, или ваше имущество; но, отрывши вместо того тела своих товарищей и вещи, им принадлежавшие, вас всех побьет и село сожжет. А ты, брат староста, имей надзор над всем тем, о чем я приказываю; да прикажи, чтобы на дворе у тебя всегда были готовы три или четыре парня, которые, когда завидят очень многое число французов, садились бы на лошадей и скакали бы врознь искать меня,— я приду к вам на помощь. Бог велит православным христианам жить мирно между собою и не выдавать врагам друг друга, особенно чадам антихриста, которые не щадят и храмы божии! Все, что я вам сказал, перескажите соседям вашим».

Я не смел дать этого наставления письменно, боясь, чтобы оно не попалось в руки неприятеля и не уведомило бы его о способах, данных мною жителям для истребления мародеров.

После сего, перевязав пленных, я определил к ним одного урядника и девять казаков, к которым присоединил еще двадцать мужиков. Весь этот транспорт отправлен был в Юхнов для сдачи городскому начальству под расписку[1]. Казакам сим я приказал дождаться партии в Юхнове, уверясь, что по ее малолюдству мне нельзя будет оставаться долго в местах, неприятелем наполненных. Однако мне хотелось испытать еще судьбу с горстью моих товарищей и побороться с невозможностью; а так как обязанность моя не состояла в поражении бродяг, но в истреблении транспортов жизненного и военного продовольствия французской армии, то я, по распространении наставления, данного мною токаревским крестьянам, по всем селениям, чрез которые проходила партия моя, взял направление к Цареву-Займищу, лежащему на столбовой Смоленской дороге.

Был вечер ясный и холодный. Сильный дождь, шедший накануне, прибил пыль по тропинке, коею мы следовали связно и быстро. В шести верстах от села попался нам разъезд неприятельский, который, не видя нас, шедших лощиною вдоль опушки леса, беззаботно продолжал путь свой. Если бы я не имел нужды в верном

---

[1] Я всегда сдавал пленных под расписки. Валовая сделана была по окончании моих поисков, в окрестностях Вязьмы, и подписана юхновским дворянским предводителем Храповицким.

известии о Цареве-Займище, занимаемо ли оно войском и какой оно силы, я бы пропустил разъезд этот без нападения, опасаясь, в случае упущения одного из разъездных, встревожить отряд или прикрытие транспорта, в селе находившегося. Но мне нужен был *язык,* и потому я нарядил урядника Крючкова с десятью доброконными казаками наперехват вдоль по лощине, а других десять — прямо на разъезд. Разъезд, видя себя окруженным, остановился и сдался в плен без боя. Он состоял из десяти рядовых при одном унтер-офицере. Мы узнали, что в Цареве-Займище днюет транспорт с снарядами и с прикрытием двухсот пятидесяти человек конницы.

Дабы пасть как снег на голову, мы свернули с дороги и пошли полями, скрываясь опушками лесов и по лощинам; но за три версты от села, при выходе на чистое место, встретились с неприятельскими фуражирами, числом человек в сорок. Увидя нас, они быстро обратились во всю прыть к своему отряду. Тактические построения делать было *некогда,* да и *некем.* Оставя при пленных тридцать гусаров, которые, в случае нужды, могли служить мне резервом, я с остальными двадцатью гусарами и семьюдесятью казаками помчался в погоню и почти вместе с уходившими от нас въехал в Царево-Займище, где застал всех врасплох. У страха глаза велики, а страх неразлучен с беспорядком. Все рассыпалось при нашем появлении: иных мы захватили в плен, не только без оружия, но даже без одежды, иных вытащили из сараев; одна только толпа в тридцать человек вздумала было защищаться, но была рассеяна и положена на месте. Сей наезд доставил нам сто девятнадцать рядовых, двух офицеров, десять провиантских фур и одну фуру с патронами. Остаток прикрытия спасся бегством.

Добычу нашу мы окружили и повели поспешно чрез село Климово и Кожино в Скугорево, куда прибыли в полдень 3-го числа.

Партия моя, быв тридцать часов беспрерывно в походе и действии, требовала отдохновения, почему она до вечера 4-го числа оставалась на месте. Для облегчения лошадей я прибегнул к способу, замеченному мною на аванпостах генерала Юрковского еще в 1807 году. Исключив четыре казака для двух пикетов и двадцать — для резерва (который, хотя должен был находиться при партии, но всегда был в готовности действовать при первом выстреле пикетов), остальных девяносто шесть человек я разделил надвое и приказал в обеих частях рас-

седлывать по две лошади на один час для промытия и присыпки ссадин и также для облегчения. Чрез час сии лошади вновь седлались, а новые расседлывались; таким образом в двадцать четыре часа освежалось девяносто шесть лошадей. В тот же день, по просьбе резерва, я позволил и оному расседлывать по одной лошади на один час.

Пятого числа мы пошли на село Андреевское, но на пути ничего не взяли, кроме мародеров, числом тридцать человек.

Шестого мы обратились к Федоровскому (что на столбовой Смоленской дороге), рассеевая везде наставление, данное мною токаревским крестьянам. На пути встретили мы бежавшего из транспорта наших пленных Московского пехотного полка рядового, который нам объявил, что транспорт их из двухсот рядовых солдат остановился ночевать в Федоровском и что прикрытие оного состоит из пятидесяти человек. Мы удвоили шаг и едва показались близ села, как уже без помощи нашей все в транспорте сем приняло иной вид: пленные поступали в прикрытие, а прикрытие — в пленных.

Вскоре после сего я извещен был о пребывании в Юхнове дворянского предводителя, судов и земского начальства, также и о бродящих без общей цели двух слабых казачьих полках в Юхновском уезде. Известие сие немедленно обратило меня к Юхнову, куда чрез Судейки, Луково и Павловское я прибыл 8-го числа.

Пришедши туда, я бросился к двух привлекавшим меня предметам: к образованию поголовного ополчения и к присоединению к партии моей казацких полков, о коих я упомянул выше.

До первого достиг беспрепятственно: дворянский предводитель Семен Яковлевич Храповицкий подал мне руку помощи со всею ревностию истинного сына Отечества. Сей почтенный старец не только оказал твердость духа, оставшись для примера дворянам с семейством своим на аванпостах Калужской губернии, но ознаменовал особенную силу воли и неусыпную строгость в надзоре за принятыми им мерами к подъятию оружия жителями Юхновского уезда. Отставной капитан Бельский назначен был ими начальствовать. К нему присоединились двадцать два помещика; сто двадцать ружей, партиею моей отбитые, и одна большая фура с патронами поступили для употребления первым ополчившимся, которым сборное место я показал на реке Угре, в селе Знаменском.

Второе требовало со стороны моей некоторой хитрости: означенные казацкие полки были в ведении начальника калужского ополчения, отставного генерал-лейтенанта Шепелева[1]. Личное добродушие и благородство его мне были давно известны, но я знал, что такое начальник ополчения, которому попадается в руки военная команда! Сколь таковое начальство льстит его самолюбию! На сем чувстве я основал предприятие мое. Уверен будучи, что требование сих полков в состав моей партии, если она останется от него независимою, будет без успеха, я сам будто бы добровольно поступил под его начальство. Еще из села Павловского я отправил к нему с рапортом поручика Бекетова. В рапорте я говорил, что, «избрав для поисков моих часть, смежную с губерниею, находящеюся под ведением его превосходительства относительно военных действий, я за честь поставляю служить под его командою и за долг — доносить о всем происходящем». Из Юхнова я послал другого курьера с описанием слабых успехов моих и с испрошением ходатайства его об отличившихся (истинные рапорты мои посылаемы были прямо к дежурному генералу всех российских армий Коновницыну). Добрый мой Шепелев растаял от восхищения. Он уже возмечтал, что я действую по его плану, что он поражает неприятеля! 9-го числа я послал к нему нового курьера с *красноречивейшим* описанием пользы *единства в действии* и, как следует, заключил рапорт покорнейшею просьбою об усилении меня казацкими полками, находящимися, подобно партии моей, под его командою.

Во время продолжения дипломатической переписки моей я занимался рассылкою чрез земское начальство предписаний о поголовном ополчении.

Между тем из двухсот отбитых нами пленных я выбрал шестьдесят не рослых, а доброхотных солдат; за неимением русских мундиров одел их во французские мундиры и вооружил французскими ружьями, оставя им для приметы русские фуражки вместо киверов.

Еще мы были в неведении о судьбе столицы, как 9-го числа прибыл в Юхнов Волынского уланского полка маиор Храповицкий[2], сын юхновского дворянского предводителя, и объявил нам о занятии Москвы французами.

---

[1] Покойного Василия Федоровича.

[2] Он отряжен был в Москву для вербования уланов. Волынский уланский полк находился в западной армии, под командою генерала Тормасова на Волыни.

Я ожидал события сего и доказывал неминуемость оного, если продолжится отступление по Смоленской дороге, но при всем том весть сия не могла не потрясти душу, и, сказать правду, я и товарищи мои при первых словах очень позадумались! Однако, так как все мы были *неунылого десятка,* то и начали расспрашивать Храповицкого о подробностях. Он уверил нас, что оставил армию в Красной Пахре; что она продолжает движение свое для заслонения Калужской дороги; что Москва предана огню[1] и что никто в армии не помышляет о мире... Я затрепетал от радости и тут же всем находившимся тогда в городе помещикам и жителям предсказал спасение отечества, если Наполеон оставит в покое армию нашу между Москвою и Калугою до тех пор, пока она усилится следуемыми к ней резервными войсками и с Дону казаками. Кто мало-мальски сведущ был в высшей военной науке, тому последствие превосходного движения светлейшего в глаза бросалось. Я счел за лишнее учить стратегии юхновских помещиков, как некогда Колумб не заблагорассудил учить астрономии американских дикарей, предсказывая им лунное затмение. Вечером я получил письмо калужского гражданского губернатора, от 8-го сентября, следующего содержания:

«Все свершилось! Москва не наша: она горит!.. Я от 6-го числа из Подольска. От светлейшего имею уверение, что он, прикрывая Калужскую дорогу, будет действовать на Смоленскую. Ты не шути, любезный Денис Васильевич! Твоя обязанность велика! Прикрывай Юхнов, и тем спасешь средину нашей губернии; но не залетай далеко, а держись Медыни и Масальска; мне бы хотелось, чтобы ты действовал таким образом, чтобы не навлечь на себя неприятеля».

Я принял уверенность на меня с самолюбием смертного, но робкий совет не навлекать *на себя* (то есть на Калугу и на калужского губернатора) неприятеля — оставил без внимания.

---

[1] Вопреки многим, я и тогда полагал полезным истребление Москвы. Необходимо нужно было открыть россиянам высший предмет их усилиям, оторвать их от *города* и обратить к *государству.*

Слова *«Москва взята»* заключали в себе какую-то необоримую мысль, что Россия завоевана, и это могло во многих охладить рвение к защите того, что тогда только надлежало начинать защищать. Но слова *«Москвы нет»* пересекли разом все связи с нею корыстолюбия и заблуждение зреть в ней Россию. Вообще все хулители сего превосходства мероприятия ценят одну гибель капиталов московских жителей, а не поэзию подвига, от которого нравственная сила побежденных вознеслась до героизма победительного народа.

Десятого, вечером, я получил от начальника калужского ополчения предписание принять в мою команду требуемые мною казачьи полки и приставшего к партии моей маиора Храповицкого.

Одиннадцатого мы отслужили молебен в присутствии гражданских чиновников и народа и выступили в поход с благословениями всех жителей. С нами пошли: отставной мичман Николай Храповицкий, титулярный советник Татаринов, шестидесятилетний старец, и землемер Макаревич; прочие помещики остались дома, довольствуясь ношением охотничьих кафтанов, препоясанные саблями и с пистолетами за поясом. К вечеру мы прибыли в Знаменское и соединились с полками 1-м Бугским и Тептярским. Первый состоял из шестидесяти человек, а второй — из ста десяти.

Прежде нежели описывать действия войск, чрез неожиданное умножение поступивших из, так сказать, *разбойнической шайки в наездничью партию,* не лишнее будет познакомить читателя с частными начальниками оной.

Волынского уланского полка маиор Степан Храповицкий [1] — росту менее среднего, тела тучного, лица смуглого, во́лоса черного, борода клином; ума делового и веселого, характера вспыльчивого, человек возвышенных чувств, строжайших правил честности и исполненный дарований как для поля сражения, так и для кабинета; образованности европейской.

Состоявший по кавалерии ротмистр Чеченский [2] — черкес, вывезенный из Чечни младенцем и возмужавший в России. Росту малого, сухощавый, горбоносый, цвету лица бронзового, волосу черного, как *крыло ворона,* взора орлиного. Характер ярый, запальчивый и неукротимый; явный друг или враг; предприимчивости беспредельной, сметливости и решимости мгновенных.

Ахтырского гусарского полка штабс-ротмистр Николай Бедряга [3] — малого росту, красивой наружности, блистательной храбрости, верный товарищ на биваках; в битвах — впереди всех, *горит, как свечка.*

Того же полка поручик Дмитрий Бекетов [4] — росту более нежели среднего, тела тучного, круглолицый, златокудрый. Сердцем — *малый,* как говорится, *рубаха,* весельчак, с умом объемистым, тонким и образованным;

---

[1] Ныне генерал-маиором в отставке.
[2] Умер генерал-маиором по кавалерии.
[3] Ныне полковником в отставке.
[4] Ныне в отставке.

офицер весьма храбрый и надежный даже и для отдельных поручений.

Того же полка поручик Макаров[1] — росту высокого, широкоплечий и силы необыкновенной, без образования, но с умом точным. Агнец между своими, тигр на поле битвы.

1-го Бугского полка сотник Ситников, шестидесятилетний старец, и Мотылев, молодой офицер. Оба отличной храбрости и неутомимой деятельности офицеры.

Хорунжий Талаев и Григорий Астахов — офицеры обыкновенные.

Иловайского 10-го полка урядник Крючков[2] — молодой парень, ездок отличный и неутомимый, храбрости чистой, сметливости черкесской.

Шкляров[3] — старший вахмистр отряда гусаров моей партии, храбрый исполнитель приказаний без размышления.

Иванов — вахмистр Ахтырского гусарского полка. Головорез, за буянство и разврат несколько раз разжалованный мною в рядовые и за храбрость несколько раз пожалованный в вахмистры.

Скрыпка и Колядка — надежные вахмистры.

Гусары все были отличного военного поведения. Наименую тех из них, коих не забыл имена: Федоров, Зворич, Мацыпура, Жирко, Форост, Гробовой, Мацырюк, Пучков, Егоров, Зола, Шкредов, Крут, Бондарев, Куценко, Приман, Осмак, Лишар.

Урядники Донского войска, кои остались у меня в памяти, были: Тузов, Логинов, Лестов; казаки: Афонин, Антифеев, Волков, Володька. Сожалею, что забыл остальных, ибо бо́льшая часть из них достойны быть известными.

На 12-е [сентября] я предпринял поиск в самой Вязьме. Сердце радовалось при обзоре *вытягивавшихся полков моих.* С ста тридцатью всадниками я взял триста семьдесят человек и двух офицеров, отбил своих двести и получил в добычу одну фуру с патронами и десять провиантских фур... Тут же я командовал тремястами всадников; какая разница! какая надежда! К тому же ревность обывателей, деятельность дворянского предводителя в разглашении о поголовном ополчении, в про-

---

[1] Ныне в отставке маиором.

[2] Был хорунжим и убит 1813 года, во время преследования неприятеля, после победы под Лейпцигом.

[3] Ныне прапорщиком Екатеринославского гарнизонного баталиона.

довольствии моей партии, в устроении на собственное иждивение лазарета в Юхнове и, наконец, спасительное движение армии на Калужскую дорогу — все улыбалось моему воображению, всегда быстро летящему навстречу всему соблазнительному для моего сердца!

На рассвете мы атаковали в виду города неприятельский отряд, прикрывавший транспорт провианта и артиллерийских снарядов. Отпор не соответствовал стремительности натиска, и успех превзошел мое ожидание: двести семьдесят рядовых и шесть офицеров положили оружие, до ста человек легло на месте; двадцать подвод с провиантом и двенадцать артиллерийских палубов с снарядами достались нам в добычу. Немедленно две фуры с патронами и триста сорок ружей поступили в распоряжение командовавшего поголовным ополчением отставного капитана Бельского; и таким образом, с первых дней я имел уже в Знаменском почти на пятьсот человек готового оружия.

Четырнадцатого мы подошли к селению Теплухе, что на столбовой Смоленской дороге, и остановились на ночлег со всею военною осторожностью. Там явился ко мне крестьянин Федор из Царева-Займища с желанием служить в моей партии. Этот удалец, оставя жену и детей, скрывшихся в лесах, находился при мне до изгнания неприятеля из Смоленской губернии и только после освобождения оной возвратился на свое пепелище. По возвращении моем из Парижа, в 1814 году, я нарочно останавливался в Цареве-Займище, с тем чтобы посетить моего храброго товарища, но мне сказали, что его уже нет на свете. Он умер от заразы со многими поселянами, скрывавшимися в лесах во время его ратования. Какое поучение! И те, кои избегают смерти, и те, кои на нее отваживаются,— всем равная участь; каждому определен срок неминуемый!.. Стоит ли прятаться и срамиться!

Четырнадцатого, к вечеру, начали подходить мародеры, а так как мы были скрыты и во всей осторожности, то брали их без малейшего с их стороны сопротивления и почти поодиночке. К десяти часам ночи число пленных дошло до семидесяти человек и двух офицеров; у одного из них все карманы набиты были грабленными печатками, ножичками и прочим. Надобно, однако, сказать, что офицер сей был не француз, а вестфалец.

Пятнадцатого, около восьми часов утра, пикетные открыли шедшее от села Тарбеева большое количество фур, покрытых белым холстом. Некоторые из нас сели

на коней и, проскакав несколько шагов, увидели их, подобно флоту, на парусах подвигавшемуся. Немедленно штабс-ротмистр Бедряга 3-й, поручики Бекетов и Макаров с гусарами и казачьи полки помчались к ним наперерез. Передние ударили на прикрытие, которое, после нескольких пистолетных выстрелов, обратилось в бегство; но, быв охвачено Бугским полком, бросило оружие. Двести шестьдесят рядовых разных полков, с лошадьми их, два офицера и двадцать фур, полных хлебом и овсом, со всею упряжью, попались нам в руки.

До сего времени все предприятия мои были направлены между Гжатью и Вязьмою. Успех их пробудил деятельность французского губернатора[1]. Он, собрав все конные, чрез город сей следующие, команды, составил сильный отряд (из двух тысяч рядовых, восьми офицеров и одного штаб-офицера) и предписал ему[2] очистить от набегов моих все пространство между Вязьмою и Гжатью, разбить непременно мою партию и привезти меня в Вязьму живого или мертвого[3]. О таковой *неучтивости* я извещен был еще 13-го сентября, а 15-го, по взятии транспорта, уведомился чрез конного крестьянина, что отряд сей подошел уже к Федоровскому. Я старался, сколь возможно, чтобы случайность не мешалась в предприятия и извороты мои, вследствие чего вся моя партия выступила сейчас из Теплухи и пошла по дороге к селу Шуйскому. Пройдя некоторое расстояние, она по лощине, покрытой лесом, повернула круто вправо, перешла вне вида Теплухи столбовую дорогу и отступила чрез Румянцево в Андреевское. Там, проведя ночь в строжайшей осторожности, пошла усиленным шагом на село Покровское, находившееся в пяти верстах от столбовой дороги.

---

[1] Генерал Бараге-Дельер был губернатором Смоленской губернии и имел пребывание свое в Вязьме.

[2] Другие уверяли меня, что на сие отважился сам начальник отряда, проходившего тогда из Смоленска в Москву; он только истребовал от губернатора позволение действовать против моей партии.

[3] По взятии 22-го октября города Вязьмы генералом Милорадовичем, адъютант его, Кавалергардского полка поручик (что ныне генерал-адъютант) Киселев, отыскал в разбросанных бумагах один из циркуляров, рассылаемых тогда генералом Бараге-Дельером по войскам, в команде его находившимся и проходившим чрез Смоленскую губернию, и подарил мне оный. В сем циркуляре описаны были приметы мои и изложено строгое повеление *поймать и расстрелять меня;* я долго хранил его как лучший аттестат действий моих под Вязьмою, но, к сожалению, затерял его в походе 1813 и 1814 годов.

Перемещение мое основывалось на трех предположениях: или отряд, назначенный против меня действовать, потеряв меня из виду, обратится к первому назначению своему, то есть продолжать будет путь свой к Москве; или, гоняясь за мною от Дорогобужа до Гжати и от Гжати к Дорогобужу, и изнурит лошадей своих, и представит мне случай поразить его с меньшим затруднением или, разделясь, чтобы охватить меня, подвергнет себя разбитию по частям.

Восемнадцатого, вечером, по прибытии нашем в село Покровское, крестьянин, пришедший с большой дороги, объявил нам, что он видел пехотного солдата, бежавшего из транспорта пленных наших, которые остановились на ночлег в селе Юреневе, и что сей солдат ночует в селе Никольском, между Юреневом и Покровским. Я спросил крестьянина, может ли он привести ко мне солдата сего? Он отвечал, что может, но что так как одному ему идти туда страшно, то просит казака проводить его. Я ему дал известного урядника Крючкова, и они отправились.

Девятнадцатого, за два часа перед рассветом, посланные мои возвратились и привели этого солдата. Он объявил мне, что, точно, тысяча человек наших пленных остановилась в Юреневе, что часть их заперта в церкви, а часть ночует в селе по избам, где расположена и часть прикрытия, состоящего всего из трехсот человек. Я велел садиться на коней, и, пока партия вытягивалась, Крючков при крестьянине и солдате рассказал мне, как, подъехав к Никольскому, они встретили прохожего, который объявил им, что при нем вошла в оное село шайка мародеров, как крестьянин оробел и не смел войти в село, но что он, Крючков, расспрося его подробно о месте, где ночует солдат, надел на себя кафтан крестьянина, вошел в село, наполненное французами, прямо пришел к сенному сараю, где, по рассказу крестьянина, должен был ночевать солдат, разбудил и вывел его оттуда. Такой отважный поступок усугубил большое уважение к нему всех его товарищей, а меня поставил в приятную обязанность донести о том самому светлейшему.

Мы обошли Никольское и остановились за четверть версты от Юренева; еще было час времени до рассвета. К несчастью, пока партия была на марше, транспорт пленных поднялся и пошел далее по Смоленской дороге, оставя место свое трем баталионам польской пехоты, шедшим от стороны Смоленска в Москву. Один из них

расположился в селе, а два за церковью, на биваках. Войска сии были в совершенной оплошности, что доказывает неумышленность сего перемещения.

Основываясь на рассказе солдата и полагая, что в самом селе не более половины прикрытия, ибо другую половину я полагал около церкви, заключавшей в себе другую часть наших пленных, я с рассветом осмотрел местоположение и приказал шестидесяти человекам пехоты, прокравшись лощиною к селу, вторгнуться в средину улицы, закричать: «*Ура, наши, сюда!*» — и на штыках вынести вон неприятеля. Сею пехотою командовал отставной мичман Николай Храповицкий.

В одно время Бугский полк должен был объехать село и стать на чистом месте, между деревнею и церковью, дабы отрезать дорогу оставшимся от поражения. Прежний мой отряд и Тептярский полк я оставил в резерве и расположил полускрытно около леса, приказав им открывать разъездами столбовую дорогу к Вязьме.

Распоряжение мое было исполнено со всею точностию, но не с той удачею, каковую я ожидал. Пехота тихо пробралась лощиною и, бросясь в село, вместо пленных наших и слабого их прикрытия попалась в средину хотя оплошного, но сильного неприятельского баталиона. Огонь затрещал из окон и по улице... Герои! Они опирались брат на брата и штыками пробили себе путь к Бугскому полку, который подал им руку. В пять минут боя из шестидесяти человек тридцать пять легло на месте или было смертельно ранено.

Между тем Чеченский с Бугским полком совершенно пресек путь атакованному баталиону, который, ожидая подкрепления, мнил до прибытия его удержаться в селе и усилил огонь по нас из изб и огородов. Кипя мщением, я вызвал охотников зажечь избы, в коих засел неприятель... Первыми на то отважились оставшиеся мои двадцать пять героев! Избы вспыхнули, и более двухсот человек охватилось пламенем. Поднялся крик ужасный, но было поздно! Видя неминуемую гибель, баталион стал выбегать из села врассыпь. Чеченский сие приметил, ударил и взял сто девятнадцать рядовых и одного капитана в плен. Тогда баталион столпился, был несколько раз атакован и отступил с честью к двум вышеупомянутым баталионам, которые уже шли от церкви к нему на помощь. Когда они показались, я, видя, что нам нечего с ними будет делать, приказал понемногу отступать. Огонь, ими по нас производимый, причинил

мало вреда, и мы, подобрав наших раненых, вскоре вышли из выстрелов. В это время один из посланных разъездов к стороне Вязьмы уведомил меня о расположенном артиллерийском парке версты за три от места сражения, за столбовою дорогою. Я, отправя раненых в Покровское под прикрытием Тептярского полка, помчался с остальными войсками к парку и овладел оным без малейшего сопротивления. Он состоял в двадцати четырех палубах, в ста сорока четырех волах для перевозки их употребленных и двадцати трех фурманщиках; прочие скрылись в лесах. Возвратясь после сего полууспешного поиска в Покровское, я был, по крайней мере, утешен тем, что опыт поисков, сделанных мною с первою моей командою на Смоленской дороге, обратил светлейшего к предложению моему, и легкие отряды назначены были действовать на путь сообщения неприятеля.

Едва мы успели расположиться в Покровском, как известился я, что новый транспорт пленных наших, числом четыреста человек, остановился неподалеку от нас. Быв уже раз наказан за отвагу штурмовать селение, занятое пехотою, я отрядил вперед урядника Крючкова с шестью отборными казаками: Ластевым, Афониным, Володькой, Волковым и еще двумя, коих забыл имена, и велел ему, подъехав к деревне, выстрелить из пистолетов и поспешно скрыться, дабы тем, встревожа прикрытие, принудить его искать себе покойнее для привала место. Партия же следовала за Крючковым скрытно и оставалась в засаде, ожидая выхода транспорта из селения.

Совершенный успех увенчал мое предприятие. Едва Крючков и казаки его, выстреля, удалились от деревни, как весь транспорт стал вытягиваться из оной. Дав ему отойти на расстояние около двухсот саженей, партия моя поднялась на высоту и часть ее бросилась по долу в атаку. Пленные помогли атакующим, и прикрытие, в сто шестьдесят шесть человек и четыре офицера состоявшее, мгновенно было обезоружено. С добычею сей я воротился на ночлег в Покровское, откуда 20-го, поутру, пошел в село Городище как для доставления покоя моей партии, так и для личного осмотра поголовного ополчения в Знаменском. К тому же я был отягчен добычею. Поиск сей мне доставил девятьсот восемь рядовых, пятнадцать офицеров, тридцать шесть артиллерийских палубов и сорок провиантских фур, сто сорок четыре вола, которых определил я на порцию, и около двухсот лошадей, из коих, выбрав лучшие для худоконных казаков,

остальные роздал крестьянам. Так как Городище в пятидесяти верстах от столбовой Смоленской дороги и, следственно, вне опасности от внезапного неприятельского нападения, то партия моя разделилась надвое. Бугский полк занял деревню Луги, в трех верстах от Городища, где я остался с другою частью моей команды. Пикеты были выставлены на двух главных дорогах, и разъезды посылаемы не далее как за три и четыре версты, каждый день по два раза.

Между тем из четырехсот отбитых наших пленных я выбрал двести пятьдесят человек и присоединил к ним остаток моей пехоты, которую назвал *«Геройским полувзводом»*[1]. В полувзвод сей я переводил только за отличие и, таким образом, мало-помалу умножил его до двух взводов. Остальных сто пятьдесят человек я отправил в Знаменское и, наименовав их *«Почетною полуротою»,* брать с них пример предписал всему поголовному ополчению.

Двадцать первого, рано, я ездил в Знаменское, где нашел уже до пятисот человек под ружьем. Бельский мне объявил, что прочие тысяча пятьсот, вооруженные также неприятельскими ружьями, находятся по деревням и в готовности при первой повестке собраться в Знаменское. Он уверял, что рвение поселян так велико, что, в случае нужды, можно набрать в весьма короткое время до шести тысяч народа; но те уже будут вооружены копьями и топорами, а не ружьями. Потрясение в умах возымело действие, направление было показано... Ежели бы мы угрожаемы были миром! Я желал бы более; но тогда и тем был доволен.

К славе нашего народа, во всей той стороне известными изменниками были одни дворовые люди отставного маиора Семена Вишнева и крестьяне Ефим Никифоров и Сергей Мартынов. Первые, соединясь с французскими мародерами, убили господина своего; Ефим Никифоров с ними же убил отставного поручика Данилу Иванова, а Сергей Мартынов наводил их на известных ему богатых поселян, убил управителя села Городища, разграбил церковь, вырыл из гробов прах помещицы села сего и стрелял по казакам. При появлении партии моей в ту сторону все первые разбежались и скрылись,

---

[1] Я вначале намерен был каждому из них поручить в командование по полусотне человек в поголовном ополчении, но они на это сказали: «Когда-то еще бог приведет им подраться, а здесь мы всегда на тычку!» Как жаль, что в походах я затерял записку с именами сих почтенных воинов!

но последнего мы захватили 14-го числа. Эта добыча была для меня важнее двухсот французов! Я немедленно рапортовал о том начальнику ополчения и приготовил примерное наказание.

Двадцать первого пришло мне повеление расстрелять преступника, и тот же час разослано от меня объявление по всем деревням на расстоянии десяти верст, чтобы крестьяне собирались в Городище. Четыре священника ближних сел туда же приглашены были. 22-го, поутру, преступника исповедали, надели на него белую рубашку и привели под караулом к самой той церкви, которую он грабил с врагами отечества. Священники стояли перед нею лицом в поле; на одной черте с ними — взвод пехоты. Преступник был поставлен на колена, лицом к священникам, за ним народ, а за народом вся партия — полукружием. Его отпевали... живого. Надеялся ли он на прощение? До верхней ли степени вкоренилось в нем безбожие? Или отчаяние овладело им до бесчувственности? Но во время богослужения он ни разу не перекрестился. Когда служба кончилась, я велел ему поклониться на четыре стороны. Он поклонился. Я велел народу и отряду расступиться. Он глядел на меня глазами неведения; наконец, когда я велел отвести его далее и завязать глаза, он затрепетал... Взвод подвинулся и выстрелил разом. Тогда партия моя окружила зрителей, из коих хотя не было ни одного изменника и грабителя, но были ослушники начальства. Я имел им список, стал выкликать виновных поодиночке и наказывать нагайками.

Когда кончилась экзекуция, Степан Храповицкий читал: «Так карают богоотступников, изменников отечеству и ослушников начальству! Ведайте, что войско может удалиться на время, но государь, наш православный царь, знает, где зло творится, и при малейшем ослушании или беспорядке мы снова явимся и накажем предателей и безбожников, как наказали разбойника, перед вами лежащего; ему и места нет с православными на кладбище; заройте его в Разбойничьей долине»[1].

Тогда священник Иоанн, подняв крест, сказал: «Да будет проклят всякий ослушник начальства! Враг бога и предатель царя и отечества! Да будет проклят!»

После сего я читал народу наставление, данное мною токаревским крестьянам, и распустил всех по домам, а вечером послал курьера с донесением как об успехе моих поисков, так и о наказании помянутого преступника.

[1] Так называется и искони называлась долина в трех верстах от Городища.

Двадцать третьего, поутру, известился я о кончине благодетеля моего, героя князя Петра Ивановича Багратиона. Судьба, осчастливя меня особою его благосклонностью, определила мне и то счастие, чтобы отдать первую почесть его праху поражением врагов в минуту сего горестного известия. Один пикет, стоявший на проселочной дороге, которая ведет из Городища к Дорогобужу, дал знать, что две большие неприятельские колонны идут к Городищу. Я приказал кавалерии поспешнее седлать и садиться на коней, послал с тем же к Чеченскому в Луги, а сам бросился с пехотою к выезду из села на Дорогобужскую дорогу. Намерение мое состояло в том, чтобы удержать пехотою вход неприятеля в деревню и тем дать время кавалерии изготовиться, собраться и, объехав деревню, ударить неприятелю в тыл.

До выезда — более версты расстояния. Я ехал рысью, и клянусь честью, что пехотинцы мои не только от меня не отставали, но несколько человек из них даже опередили меня. Такова была алчность их к битвам. Подъехав к дальним избам, я остановил мою команду, рассыпал между избами и огородами пятьдесят стрелков, а остальных двести двадцать пять человек, построя в две колонны, показал головы колонн и скрыл хвосты оных за строением. По учреждении всего касательно до защиты села, я поехал вперед увериться сам собою, достоин ли неприятель столь великолепного приема. Вскоре мне открылась толпа пехоты человек в четыреста. Вначале она направлялась к Городищу, но, получа несколько выстрелов от стрелков и увидя колонны мои, потянулась мимо. Тогда я уверился, что эта толпа никакого против меня дерзкого намерения не имеет. И подлинно, она была не что иное, как сильная шайка мародеров. Я велел стрелкам напирать на отступающих, а всей пехоте—следовать за стрелками. В это время мы увидели маиора Храповицкого, несущегося вихрем с кавалериею. Неприятель бросился в ближнюю рощу; пехота моя — за ним. Гул выстрелов и крик *«ура!»* загремели и слились вместе. Роща примыкала к реке Угре, на которой есть броды; за рекою же тянулся сплошной лес почти до Масальска; добыча вырывалась. Храповицкий, уроженец и житель Городища[1], с отличнейшими военными дарованиями соединял на этот случай и вернейшее местное познание. Он немедленно обскакал рощу и стал между нею и рекою, в одно время как пехота ворвалась в рощу.

---

[1] А ныне и владетель оного.

Неприятель, видя неминуемую гибель, стал бросать оружие и сдаваться; я велел щадить, уверенный, что приличнейшая почесть праху великодушного — есть великодушное мщение. Тут мы увидели Чеченского, скачущего с полком своим к нам на помощь. Ему донесли, что мы разбиты и приперты к реке. Удивление его было наравне с радостью, найдя нас победителями. Неожиданное дело сие доставило нам триста тридцать рядовых и пять офицеров. Отставной мичман Николай Храповицкий, командовавший пехотою, в этом деле отличился. Возвратясь в Городище, мы отпели панихиду по нашем герое, моем благодетеле — князе Петре Ивановиче Багратионе,— и выступили в село Андреяны.

В то самое время я получил повеление отделить от себя Тептярский полк к Рославлю и Брянску для содействия отряду калужского ополчения, назначенному прикрывать Орловскую губернию. Как ни тяжко мне было исполнить сие повеление, но, чувствуя важность Рославльского пункта, угрожаемого отрядами, посылаемыми из Смоленска на Орловскую дорогу, я без прекословия приказал маиору Темирову идти чрез Мутищево в Рославль.

Двадцать четвертого мы узнали, что неприятельский отряд, определенный против нас действовать, проходя несколько дней без успеха между Вязьмою и Гжатью, показался между Семлевым и Вязьмою, в селе Монине. Не отступая от моего намерения, я обратился к Федоровскому и вечером прибыл в Слукино.

Двадцать пятого от Федоровского мы поворотили вправо к Вязьме столбовой дорогой. Я хотел посредством сильной перестрелки вокруг города притянуть снова неприятельский отряд в сию сторону и тогда обратиться к Семлеву, где местоположение гораздо удобнее для действия слабым партиям.

Передовые мои открыли перестрелку под самой Вязьмою; а партия, разделясь на три колонны, по обыкновению моему, показала голову и скрыла хвосты оных. Вскоре мы услышали барабанный бой и увидели неприятельскую пехоту, которая стала отвечать на наши выстрелы, но не смела отходить от города. Я был доволен. Простояв на сем месте до вечера, мы зажгли бивачные огни и ночью скрытно отступили в Лосмино, а 26-го — в Андреяны. Прибыв туда, я послал двух крестьян в Покровское разведать о неприятельском отряде. Не прошло четырех часов, как прискакали два парня из Лос-

мина с донесением, что известный отряд тянулся между сим селом и Вязьмою и идет в направлении к Гжати. Желание мое исполнилось. Немедленно партия поднялась и выступила к Монину. Под вечер она подошла к селу и застала в нем сорок две провиантские фуры и десять артиллерийских палубов под прикрытием ста двадцати шести конных егерей и одного офицера. Сия команда принадлежала отряду, ушедшему за мною к Гжати усиленным маршем в полном уверении найти меня в сем направлении. Пленный офицер объявил мне, что противник мой, в исступлении от неудачи своей, пошел к Гжати и что, в случае нового неуспеха, он намерен сделать решительный поиск вдоль Угры, дабы отрезать меня от Юхнова и Калуги.

Я заметил, что некоторые партизаны, командуя отдельною частию войск, думают командовать не партиею, а армиею, и считают себя не партизанами, а полководцами. Оттого-то господствующая их мысль состоит в том только, чтобы *отрезать* противную партию от армии, к коей принадлежит она, и занимать позиции подобно австрийским методикам. Надобно один раз навсегда знать, что лучшая позиция для партии есть непрестанное движение оной, причиняющее неизвестность о месте, где она находится, и неусыпная осторожность часовых и разъездных, ее охраняющих; что партию отрезать нет возможности,— и держаться русской пословицы: *убить да уйти* — вот сущность тактической обязанности партизана. Мой противник этого не ведал, и потому мне легко было с ним управиться. Отправя добычу в город прежде мной употребляемым способом, мы продолжали путь к столбовой дороге, около которой проходили до 29-го числа с малою пользою.

Двадцать девятого партия прибыла в Андреяны, где встретил нас курьер мой, возвратившийся из главной квартиры. Он привез мне разные бумаги и известил меня о следовании, на подкрепление моей партии, казачьего Попова 13-го полка, который и прибыл в Андреяны 31-го.

Сей полк, невзирая на усиленные переходы от самого Дона, представился мне в отличнейшем положении и усилил партию мою пятью сотнями доброконных казаков. Тогда я перестал опасаться нападения искавшего меня отряда и взял намерение самому атаковать его. Но прежде сего мне хотелось и. наметать и натравить сии новые войска, составлявшие бóльшую половину моей

партии. К тому же, если малочисленным отрядом можно было управлять, так сказать, разбойнически, без предварительного устройства, а братски и крутою строгостью, то сего не можно уже было продолжать с семьюстами человек. Итак, до 3-го октября я принужден был заняться образованием постановлений внутреннего управления партии, показанием лучшего, по моему мнению, построения оной в боевой порядок. Сделав несколько практических примеров для нападения, отступления и преследования, я в первый раз испытал *рассыпное отступление,* столь необходимое для партии, составленной из одних казаков, в случае нападения на нее превосходного неприятеля. Оно состояло, во-первых, чтобы по первому сигналу вся партия рассыпалась по полю, во-вторых, чтобы по второму сигналу каждый казак скакал сам из вида неприятеля и, в-третьих, чтобы каждый из них, проехав по своевольному направлению несколько верст, пробирался к предварительно назначенному в десяти, а иногда и в двадцати верстах от поля сражения сборному месту.

Третьего мы выступили и пришли в село Покровское.

Четвертого я предпринял общий поиск и разделил партию на три части так, чтобы в каждой из них находилась часть Попова полка.

Две сотни оного и старую команду сборных казаков моих, под начальством Попова, я определил идти на речку Вязьму в лес, что между столбовой дорогою и селением, кажется, Лузинцовым. При сей части я находился.

Первый Бугский полк и сотня Попова полка с ротмистром Чеченским — чрез столбовую дорогу, на речку Вязьму, к селениям Степанкову и Вопке.

Две сотни Попова полка с ахтырскими гусарами, под командою маиора Храповицкого,— к Семлеву; пехота оставалась в Покровском. За два часа пред рассветом все отделения были в движении. Первый отряд остановился в лесу за несколько саженей от мостика, лежащего на речке Вязьме. Два казака взлезли на дерева для наблюдения.

Не прошло часу, как казаки слабым свистом подали знак. Они открыли одного офицера, идущего пешком по дороге с ружьем и с собакою. Десять человек сели на коней, бросились на дорогу, окружили его и привели к отряду. Это был 4-го Иллирийского полка полковник Гётальс[1], большой охотник стрелять и *пороть дичь,* и опе-

[1] Ныне один из важнейших генералов бельгийской армии и, кажется, не главнокомандующий ли?

редивший расстроенный баталион свой, который шел формироваться в Смоленск. С ним была лягавая собака и в сумке — убитый тетерев. Отчаяние сего полковника более обращало нас к смеху, нежели к сожалению. После расспроса его обо всем, что нужно было, он отошел в сторону и ходил, задумчивый, большими шагами; но каждый раз, когда попадалась ему на глаза лягавая собака его, улегшаяся на казачьей бурке,— каждый раз он брал позицию Тальмы в «Эдипе» и восклицал громким голосом: «Malheureuse passion!»[1]; каждый раз, когда бросал взгляд на ружье свое,— увы! — уже в руках казаков, или на тетерева, повешенного на пику, как будто вывеской его приключения,— он повторял то же и снова зачинал ходить размеренными шагами.

Между тем стал показываться и баталион. Наши приготовились, и, когда подошел он в надлежащее расстояние, весь отряд бросился на него: передние казаки вроссыпь, а резерв — в колонне, построенной в шесть коней. Отпор был непродолжителен. Бóльшая часть рядовых побросала оружие, но многие, пользуясь лесом, рассыпались по оному и спаслись бегством.

Добыча состояла в двух офицерах и в двухстах нижних чинах.

В одно время ротмистр Чеченский встретил фуры с провиантом, ночевавшие в лесу на дороге от Вопки к Вязьме. Неприятель, приметя казаков, торопился становить обоз полукружием, дабы из-за него защищаться. Но Чеченский не дал им времени исполнить сего построения, ударил и овладел транспортом.

Тогда прикрытие, состоявшее из пехоты, бросилось в средину леса, продолжая огонь беспрерывный... Ярый Чеченский спѐшил своих, бросился в лес и ударил на неприятеля в дротики. Сей удалой поступок довершил поражение, но стоил пятнадцати лучших бугских казаков, которые пали тяжело ранеными и убитыми.

С своей стороны, маиор Храповицкий, выбравшись на столбовую дорогу, обратился к Семлеву. Пользуясь родом войска, составлявшим отряд его, он приказал шедшим впереди отряда ахтырским гусарам надеть флюгера на пики[2], а казакам скрываться за ними, взяв дротики наперевес. Таким образом, отряд сей казался изда-

---

[1] Пагубная страсть! *(фр.)*

[2] В то время некоторые гусарские полки были вооружены пиками с флюгерами, как уланы. Из числа сих полков был и Ахтырский.

ли польскою кавалериею, идущею от неприятельской армии к Смоленску.

Долго Храповицкий никого не встречал, но около Семлева он увидел многочисленный транспорт огромных бочек, подвигавшийся к нему навстречу с прикрытием и без малейшей осторожности, полагая отряд Храповицкого польским отрядом. Наши допустили неприятеля на пистолетный выстрел и разом, приклонив пики, закричали *«ура!»* и ударили со всей возможной стремительностью на него. Бо́льшая часть прикрытия рассыпалась, но поручик Тилинг с горстию своих защищался до тех пор, пока не был ранен; тут и оставлен последними его окружавшими товарищами.

Сей транспорт состоял в новой одежде и обуви на весь 1-й Вестфальский гусарский полк и (по накладной, найденной у Тилинга) стоил семнадцать тысяч франков в Варшаве.

Возвращаясь с добычею к селу Покровскому, Храповицкий был атакован сильною шайкою мародеров, засевшею в лесу, чрез который надлежало ему проходить. Видя, что нельзя пробиться сквозь неприятеля, столь выгодно расположенного, он объехал его чащею леса и благополучно прибыл в Покровское вечером, где соединился с отрядами Попова 13-го и ротмистра Чеченского.

В сем сложном поиске Попова полк не уступил ни в чем войскам, партию мою составлявшим. В оном оказались казаки отличной меткости и отважности. Лучший офицер сего полка или, лучше сказать, один из отличнейших офицеров всего донского войска был сотник Бирюков; после его заметны были хорунжие Александров и Персианов.

Пленные (коих число простиралось до четырехсот девяноста шести рядовых, одного штаб- и четырех обер офицеров) были немедленно отправлены в Юхнов, так как и сорок одна фура, отбитые Чеченским. Лошади, взятые из-под конвойных, частию были разделены между опешившими и худоконными казаками, а частию розданы жителям. В тот же день поехал от меня курьер в главную квартиру. Я описал дежурному генералу сей последний поиск и просил награждения как отличившимся в действии, так и юхновскому дворянскому предводителю Храповицкому, коего попечением партия моя ни одного дня ни в чем нужды не имела, раненые получали пользование, покой и облегчение.

Окончa историческое, подошло и романическое: пред отъездом своим вошел ко мне поручик Тилинг. Он говорил мне, что казаки взяли у него часы и деньги, но что он, зная право войны, на это не в претензии, а просит только, чтобы ему возвратили кольцо им любимой женщины. Увы! и ах! — я всегда склонен был к чувствам, обуревавшим душу г. Тилинга! Сердце мое может включить в каждую кампанию свой собственный журнал, независимый от военных происшествий. Смешно сказать, но *любовь* и *война* так разделили наравно прошедшее мною поприще, что и поныне я ничем не поверяю хронологию моей жизни, как соображением эпох службы с эпохами любовных чувствований, стоящими, подобно геодезическим вехам, на пустынной моей молодости. В то время я пылал страстью к *неверной,* которую полагал *верною.* Чувства узника моего отозвались в душе моей! Легко можно вообразить взрыв моей радости при встрече с человеком, у одного алтаря служившим одному божеству со мной. Я обещал ему стараться удовлетворить его желание, и по отправлении его в Юхнов, когда возвратился разъезд, в котором были казаки, взявшие его в плен, я был столько счастлив, что отыскал не только кольцо, но и портрет, волосы и письма, ему принадлежавшие, и немедленно отослал их к нему при сей записке: «Recevez, monsieur, les effets, qui vous sont si shers; puissent-ils, en vous rappellant l'objet aimé, vous prouver, qie, le couraqe et le malheur sont respectés en Russie, comme partout ailleurs. Denis Davidoff, Partisan»[1].

Сей Тилинг жил до 1814 года в Орле, где всегда с благодарностью, но еще больше с удивлением рассказывал о сем приключении, как рассказывают о великодушии некоторых атаманов разбойников. Впоследствии я узнал, что, устав, подобно мне, менять предметы любви с каждой кампаниею, он при заключении общего мира заключил законный союз с последней им любимою женщиною и променял кочующую жизнь гусарскую на философическое уединение, променял фантасмагорию на существенность.

Пятого числа партия пошла в Андреяны. Там я узнал, что неприятельский отряд разделился надвое. Одна часть

---

[1] Примите, государь мой, вещи, столь для вас драгоценные. Пусть они, напоминая о милом предмете, вместе с тем докажут вам, что храбрость и несчастье так же уважаемы в России, как и в других землях. Денис Давыдов, партизан *(фр.).*

находилась в одной деревушке в направлении к селению Крутому, а другая — в Лосмине, что возле Вязьмы. Мы немедленно выступили к Крутому.

Отряд в сто человек, с хорунжиим Бирюковым, отправлен был к селу Белыщину. Ему велено было остановиться у этого села скрытно и посылать разъезды вправо и влево, чтобы заслонить нападение мое на неприятеля, расположенного близ Крутого. Вся же партия пошла поспешно к последнему селу, забирая влево, чтобы сохранить сообщение с Бирюковым и, в случае удачи, отбросить неприятеля в противную сторону той, где находилась другая часть оного. Неопределительность в расстоянии от Андреян до деревушки, находящейся близ Крутого, была причиною, что вместо того, чтобы нам прибыть часа за два перед вечером, мы прибыли тогда, как уже было темно. Надо было решиться: или отложить нападение до утра, или предпринять ночную атаку, всегда неверную, а часто и гибельную для атакующего. Всякое войско сильно взаимным содействием частей, составляющих *целое,* а как содействовать тому, чего не видишь К тому же мало таких людей, которые исполняют долг свой, *не глядя* на то, что на них *не глядят.* Бóльшая часть воинов лучше воюет при зрителях. Сам Аякс требовал денного света для битвы. Я знал сию истину, но знал также и неудобства отлагать атаку до утра, когда ржание одной лошади, лай собаки и крик гуся, спасителя Капитолия,— не менее ночной атаки могут повредить успеху в предприятии. Итак, с надеждой на бога, мы полетели в бой.

Мелкий осенний дождь моросил с самого утра и умножал мрак ночи. Мы ударили. При резервном полку оставалась пехота. Передовая неприятельская стража, запрятанная под шалашами, спокойно спала... и не проснется! Между тем Храповицкий и Чеченский, вскакав в деревушку, спешили несколько казаков и с криком *«ура!»* открыли огонь по окнам. Подкрепя их сотней человек пехоты и взяв две сотни казаков из резерва, я бросился с ними чрез речку Уду, чтобы воспретить неприятелю пробраться к Вязьме окружною дорогою. Мрак ночи был причиною, что проводник мой сбился с пути и не на то место привел меня, где обыкновенно переезжают речку. Это принудило нас спуститься как попало с довольно значительной крутизны и кое-как перебраться на ту сторону. Не зная и не видя местоположения, я решился, мало-помалу подвигаясь, стрелять как можно чаще из пистолетов и во всю мочь кричать *«ура!».* К счастию, непри-

тель не пошел в сию сторону, а, обратясь к Кикину, побежал в расстройстве по дороге, которая лежит от Юхнова к Гжати.

Мы гнали его со всею партиею версты четыре. Тут я отрядил сотню казаков вслед за бегущими и велел преследовать их как можно далее, забирая влево, дабы быть ближе к партии, и потом держаться дороги между Вязьмою и Царевым-Займищем, куда я намеревался прибыть после поиска на Лосмино.

В сем деле мы взяли в плен одного ротмистра, одного офицера и триста семьдесят шесть рядовых. А так как по случаю ночной атаки я велел как можно менее заниматься забиранием в плен, то число убитых было не менее пленных.

Перевязав последних и отослав их, по обыкновению, в Юхнов, я дал вздохнуть лошадям и, отправя пехоту в Ермаки, выступил к Лосмину. Направление мое было на Белыщино, дабы, *во-первых,* соединясь с Бирюковым, заменить отрядом его сотню казаков, посланных в преследование неприятеля; *во-вторых,* получить от него сведения о неприятеле, находившемся в Лосмине, и, *в-третьих,* обратясь к Деревещину и Красному Холму, прийти от стороны Вязьмы в тыл к неприятелю и пасть на него как снег на голову.

Предположение мое совершилось бы во всей точности, если б неприятельские фуражиры, находившиеся в селе Сергенкове, не приметили моей партии и не бросились бы в Лосмино для уведомления своего начальника о шествии моем. Доброконные наездники мои погнались за этою сволочью, но так как мы были двадцать четыре часа в походе, из коих два часа — в драке, то лошади наши весьма ослабели, что дозволило нескольким фуражирам уйти и встревожить отряд, обреченный на гибель. Между тем мы подвигались рысью к дороге, что идет из Вязьмы в Лосмино. Рассветало; дождь не переставал, и дорога сделалась весьма скользкою. Противник мой имел неосторожность забыть о ковке лошадей своего отряда, которого половина была не подкована. Однако, по приходе моем к Лосмину, он меня встретил *твердою ногою.* Дело завязалось. В передовых войсках произошло несколько схваток, несколько приливов и отливов, но ничего решительного. Вся партия построилась в боевой порядок и пустилась на неприятеля, построенного в три линии, одна позади другой. Первая линия при первом ударе была опрокинута на вторую, а вторая — на третью. Все обрати-

лось в бегство. Надо было быть свидетелем этого происшествия, чтобы поверить замешательству, которое произошло в рядах французов. Сверх того половина отряда стала вверх ногами: лошади, не быв подкованы, валились, как будто подбитые картечами; люди бежали пешком в разные стороны без обороны. Эскадрона два построились и подвинулись было вперед, чтобы удержать наше стремление, но при виде гусаров моих, составлявших голову резерва, немедленно обратились назад без возврата. Погоня продолжалась до полудня; кололи, рубили, стреляли и тащили в плен офицеров, солдат и лошадей; словом, победа была совершенная. Я кипел радостью! Мы остановились. Пленных было: четыреста три рядовых и два офицера, все раненые. Полковник всего отряда, как уверяли, пал на поле битвы, и с ним легло до полутораста рядовых; прочие все рассыпались по полям и лесам или достались в добычу обывателям. В обоих сих делах с нашей стороны убито четыре казака, ранено пятнадцать [казаков] и два гусара; лошадей и убито и ранено до пятидесяти.

Нужно ли говорить, с каким нетерпением я спешил похвалиться пред фельдмаршалом сим лучшим моим подвигом? Немедленно полетел курьер с теплым еще от огня битвы донесением, и я остался в полной уверенности, что двойная сия победа получит одобрение от самых строгих знатоков военного искусства. Между тем новые замыслы, новые тревоги, новые битвы затерли прошедшее. Я не осведомлялся в главной квартире о деле моем, полагая, что оному нельзя остаться под спудом и что там молчат от недосуга. Мне не отвечали потому, что я не спрашивал, и таковое взаимное молчание продолжалось до перемирия 1813 года. Тогда только все прояснилось: я узнал, что курьер мой захвачен был мародерами на пути к Юхнову и погиб вместе с донесением. Чрез неудачу сию подвиг, без хвастовства сказать, несущий на себе отпечаток превосходства и в соображении, и в исполнении, остался известным только моей партии, неприятельскому губернатору Вязьмы и оставшимся от поражения войскам, со мною сражавшимся. Я уверен, что это скрыли и самому Наполеону, от опасения гнева его за своевольное употребление войск, для другого предмета предназначенных.

Такова бывает участь отдельных начальников, тогда как у линейного *каждое лыко в строку становится!* Впоследствии несколько подобных дел заглохло в неизвест-

ности, но по другим причинам. В тот день и в следующие два дня разъезды мои маячили около столбовой дороги между Вязьмою и Федоровским, где удалось им перехватить три курьера. На 8-е число партия подошла к последнему селению и соединилась с сотнею, посланною в погоню из окрестностей Крутого.

В самое то время французская армия пробудилась от продолжительного своего усыпления в Москве и двинулась на Фоминское. Намерение Наполеона состояло в том, чтобы, обойдя левый фланг нашей армии, находившейся при Тарутине, предупредить ее в занятии Боровска и Малоярославца [1] и, достигнув прежде ее до Калуги, открыть сообщение с Смоленском чрез Мещовск и Ельню. Вследствие чего, прибыв в Фоминское 11-го числа, он повелел корпусу Жюно, занимавшему Можайск, отступить в Вязьму, отряду генерала Эверса, в четырех тысячах состоявшему,— выступить из Вязьмы чрез Знаменское и Юхнов, а маршалу Викто́ру с дивизиями Жирарда и легкою кавалерийскою — идти усиленными маршами из Смоленска туда же. Стоит взглянуть на карту, чтобы увидеть, в каком положении я вскоре должен был находиться.

---

[1] В описаниях знаменитого Тарутинского сражения многие обстоятельства, предшествовавшие сражению и во время самого боя, выпущены из виду военными писателями. Главная квартира Кутузова находилась, как известно, в Леташевке, а Ермолов с Платовым квартировали в расстоянии одной версты от этого села. Генерал Шепелев дал 4-го числа большой обед, все присутствовавшие были очень веселы, и Николай Иванович Депрерадович пустился даже плясать. Возвращаясь в девятом часу вечера в свою деревушку, Ермолов получил чрез ординарца князя Кутузова, офицера Кавалергардского полка, письменное приказание собрать к следующему утру всю армию для наступления против неприятеля. Ермолов спросил ординарца, почему это приказание доставлено ему так поздно, на что он отозвался незнанием, где находился начальник главного штаба. Ермолов, прибыв тотчас в Леташевку, доложил князю, что, по случаю позднего доставления приказания его светлости, армию невозможно собрать в столь короткое время. Князь очень рассердился и приказал собрать все войска к 6-му числу вечером; вопреки уверениям генерала Михайловского-Данилевского, князь до того времени и не выезжал из Леташевки. В назначенный вечер, когда уже стало смеркаться, князь прибыл в Тарутино. Беннигсену, предложившему весь план атаки, была поручена вся колонна, которая была направлена в обход; в этой колонне находился и 2-й корпус. Кутузов со свитой, в числе которой находились Раевский и Ермолов, оставался близ гвардии; князь говорил при этом: «Вот просят наступления, предлагают разные проекты, а чуть приступишь к делу, ничего не готово, и предупрежденный неприятель, приняв свои меры, заблаговременно отступает». Ермолов, понимая, что эти слова относятся к нему, толкнул коленом Раевского, которому сказал: «Он на мой счет забавля-

Между тем генерал Дорохов, занимая отрядом своим Котово[1], что близ дороги, идущей от Москвы к Боровску, намеревался атаковать вице-короля Итальянского, прибывшего 9-го числа в Фоминское, и требовал на то подкрепления, не зная, что за сим корпусом следовала вся французская армия.

Князь Кутузов, получив известие чрез Дорохова о приближении сильной неприятельской колонны, отправил из Тарутина к Фоминскому корпус Дохтурова с начальником главного штаба 1-й армии Ермоловым. Перед выступлением своим Ермолов приказал Фигнеру и Сеславину следовать по направлению к Фоминскому с тем, чтобы собрать сведения о неприятеле. Фигнеру не удалось перейти Лужу, тщательно охраняемую неприятельскими пикетами. Сеславин успел перейти речку и приблизиться к Боровской дороге; здесь оставив назади свою партию, он пешком пробрался до Боровской дороги сквозь лес, на котором еще было немного листьев. Достигнув дороги, он увидал глубокие неприятельские колонны, следовавшие одна за другою к Боровскому; он заметил самого Наполеона, окруженного своими маршалами и гвардией. Неутомимый и бесстрашный Сеславин, выхватив из колонны старой гвардии унтер-офицера, связал его, пере-

---

ется». Когда стали раздаваться пушечные выстрелы, Ермолов сказал князю: «Время не упущено, неприятель не ушел, теперь, ваша светлость, нам надлежит с своей стороны дружно наступать, потому что гвардия отсюда и дыма не увидит». Кутузов скомандовал наступление, но чрез каждые сто шагов войска останавливались почти на три четверти часа; князь, видимо, избегал участия в сражении. Место убитого ядром Багговута заступил мужественный принц Евгений Виртембергский, который стал у головного полка. Ермолов послал сказать через капитана квартирмейстерской части Ховена графу Остерману, чтобы он следовал с своим корпусом быстрее. Остерман выслал к назначенному месту лишь полковые знамена при ста рядовых. Беннигсен, выведя войска к месту боя, вернулся назад; если б князь Кутузов сделал с своей стороны решительное наступление, отряд Мюрата был бы весь истреблен. Фельдмаршал, окруженный многими генералами, ехавшими верхом, возвратился вечером в коляске в Леташевку. Он сказал в это время Ермолову: «Голубчик, неприятель понес большую потерю, им оставлено много орудий в лесу». Кутузов, не расспросив о ходе дела у главного виновника победы Беннигсена, послал государю донесение, в котором вместо девятнадцати орудий, взятых у неприятеля, показано было тридцать восемь. С этого времени вражда между Беннигсеном и Кутузовым достигла крайних размеров и уже никогда не прекращалась.

[1] Отряд сей состоял из одного баталиона 19-го егерского полка, двух баталионов Полоцкого пехотного полка, двух баталионов Вильманстрандского пехотного полка, из Мариупольского гусарского полка, четырех эскадронов Елисаветградского гусарского полка, из донских полков Иловайского 11-го и восьми орудий.

кинул чрез седло и быстро направился к корпусу Дохтурова.

Между тем Дохтуров с Ермоловым, не подозревая выступления Наполеона из Москвы, следовали на Аристово и Фоминское. Продолжительный осенний дождь совершенно испортил дорогу; большое количество батарейной артиллерии, следовавшей с корпусом, замедляло его движение. Ермолов предложил Дохтурову оставить здесь эту артиллерию, не доходя верст пятнадцати до Аристова; отсюда, находясь в близком расстоянии от Тарутина и Малоярославца, она могла быстро поспеть к пункту, где в ее действии могла встретиться надобность, а между тем утомленные лошади успели бы отдохнуть. Дохтуров не замедлил изъявить свое на то согласие, и корпус его к вечеру прибыл в Аристово; сам Дохтуров расположился на ночлег в деревне, а Ермолов с прочими генералами остался на биваках. Уже наступила полночь, и чрез несколько часов весь отряд, исполняя предписание Кутузова, должен был выступить к Фоминскому. Вдруг послышался конский топот и раздались слова Сеславина: «Где Алексей Петрович?» Явившись к Ермолову, Сеславин, в сопровождении своего пленника, рассказал все им виденное; пленный подтвердил, что Наполеон, выступив со всею армиею из Москвы, должен находиться в довольно близком расстоянии от нашего отряда. Это известие было столь важно, что Ермолов, приказав тотчас отряду подыматься и становиться в ружье, лично отправился на квартиру Дохтурова. Этот бесстрашный, но далеко не проницательный генерал, известясь обо всем этом, пришел в крайнее замешательство. Он не решался продолжать движение к Фоминскому из опасения наткнуться на всю неприятельскую армию и вместе с тем боялся отступлением из Аристова навлечь на себя гнев Кутузова за неисполнение его предписания.

В этот решительный момент Ермолов, как и во многих других важных случаях, является ангелом-хранителем русских войск. Орлиный взгляд его превосходно оценил все обстоятельства, и он, именем главнокомандующего и в качестве начальника главного штаба армии, приказал Дохтурову спешить к Малоярославцу. Приняв на себя всю ответственность за неисполнение предписаний Кутузова, он послал к нему дежурного штаб-офицера корпуса Болховского, которому было поручено лично объяснить фельдмаршалу причины, побудившие изменить направление войск, и убедительно просить его поспешить

прибытием с армией к Малоярославцу. Ермолов советовал Дохтурову захватить с собою, во время движения своего на Малоярославец, всю оставленную батарейную артиллерию; сам Ермолов с 1-м кавалерийским корпусом барона Меллера-Закомельского и с конною ротой полковника Никитина, желая лично удостовериться в справедливости показаний Сеславина, двинулся по направлению к селу Котову, где был расположен отряд генерала Дорохова. Услыхав перестрелку, которую Дорохов завязал с неприятельскими пикетами, Ермолов послал ему сказать, чтобы он тотчас ее прекратил. На это Дорохов отвечал: «Если бы Алексей Петрович находился сам здесь, он бы поступил точно так же, как и я». Опрокинув неприятельские пикеты, Дорохов наткнулся на сильные резервы; Ермолов, увидав это и боясь быть разбитым сильным неприятелем, придвинул конную роту Никитина. Подтвердив свое приказание Дорохову, он, следуя через небольшой лес, достиг обширной поляны, которая простирается от Боровска до самого Малоярославца.

Здесь он увидел обширный лагерь итальянской армии и узнал от пленных, что Наполеон должен был обедать в тот день в Боровске.

Решившись быстро спешить к Малоярославцу, Ермолов приказал одному отважному офицеру Сысоева казачьего полка, следуя по прямому пути к Малоярославцу, хотя бы в самом близком соседстве с неприятелем, достигнуть города, собрать все возможные сведения как о нем, так и о неприятеле; ему было приказано, по исполнении поручения, отыскать начальника главного штаба по направлению к Малоярославцу. Этот смелый офицер донес вскоре Ермолову, что перед городом находились уже три баталиона итальянцев, которые были задерживаемы жителями, успевшими разобрать мост; власти городские выехали весьма недавно из города, куда приезжал атаман Платов, который по отъезде своем оттуда оставил там казаков. Ермолов прибыл на рассвете к Малоярославцу, перед которым уже находилась вся армия вице-короля; Дохтуров, расположившись лагерем позади города, поручил защиту его Ермолову, которого подкрепил своею пехотою. Войска наши были два раза выбиты из города, хотя рота храброго полковника Никитина, действиями которой руководил сидевший на колокольне адъютант Ермолова Поздеев, жестоко поражала неприятеля.

Между тем фельдмаршал, придя с армиею в село

Спасское, не в далеком расстоянии от Малоярославца, приказал войскам отдохнуть. Ермолов отправил в Спасское генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова с убедительнейшею просьбой спешить к городу; не получив никакого ответа, он отправил туда одного германского принца, находившегося в то время при наших войсках, с настоятельнейшей просьбой о скорейшем прибытии армии. Фельдмаршал, недовольный этою настойчивостью, плюнул. Тогда корпус Раевского выступил к Малоярославцу, и за ним тронулась вся армия. Сам Раевский, в качестве зрителя, уже давно находился близ Малоярославца, где наблюдал за ходом сражения. Выбитый в последний раз из города превосходным неприятелем, Ермолов расположил против главных его ворот сорок батарейных орудий; он намеревался, за неимением войска, встретив неприятеля жестокою канонадой, начать отступление, но прибытие армии изменило весь ход дела. Неустрашимый Коновницын выбил неприятеля из города. Князь Кутузов, приобретший большую опытность в войне с турками, прибегнул к весьма странному средству для удержания неприятеля, если бы он решился продолжать наступление. Он приказал приступить к возведению нескольких редутов в расстоянии выстрела от города; но, после нескольких выстрелов неприятеля из города, тысяча пятьсот человек рабочих, бросив здесь весь свой инструмент, рассеялись. Город был, однако, оставлен нашими и занят неприятельскими войсками.

После битвы князь Кутузов имел весьма любопытный разговор с Ермоловым, который я здесь лишь вкратце могу передать. *Князь:* «Голубчик, ведь надо идти?» *Ермолов:* «Конечно, но только на Медынь». *Князь:* «Как можно двигаться в виду неприятельской армии?» *Ермолов:* «Опасности нет никакой: атаман Платов захватил на той стороне речки несколько орудий, не встретив большого сопротивления. После этой битвы, доказавшей, что мы готовы отразить все покушения неприятеля, нам его нечего бояться». Когда князь объявил о намерении своем отступить к полотняным заводам, Ермолов убеждал его оставаться у Малоярославца по крайней мере на несколько часов, в продолжение которых должны были обнаружиться намерения неприятеля [1]. Но князь остался непреклонным и отступил. Если б Наполеон, дойдя до Боровска, поспешил бы направить всю армию к Малоярославцу, он не-

[1] Весь этот разговор был тотчас доведен до сведения государя находившимся в то время при нашей армии бароном Анштетом.

минуемо и весьма легко овладел бы этим городом; предупредив здесь нашу армию, он, без сомнения, не встречая больших затруднений, дошел бы до Юхнова, откуда безостановочно продолжал бы свое обратное шествие по краю изобильному и не разоренному.

Ермолову выпал завидный жребий оказать своему отечеству величайшую услугу; к несчастию, этот высокий подвиг, искаженный историками, почти вовсе не известен.

В самое то время партизан князь Кудашев, находившийся между Лопаснею и Вороновом, пошел в преследование неприятельского авангарда, заслонявшего движение своей армии и двинувшегося уже от берегов Мóчи для примкнутия к хвосту оной.

Всякий военный человек, сведущий в своем деле, увидит ясно, что неприятельская армия, облепленная, так сказать, отрядами Дорохова, Сеславина, Фигнера и князя Кудашева, не могла сделать шагу потаенно, хотя спасение оной зависело от тайного ее движения, мимо левого фланга нашей армии и от внезапного появления ее в Малоярославце. Чрез сие Наполеон выпутался бы из сетей, расставленных ему фельдмаршалом при Тарутине, открыл бы себе беспрепятственный путь к Днепру, по неприкосновенному краю обеими воюющими армиями; мог бы, соединясь с Эверсом, Жюно и Виктóром, возобновить наступательное действие без малейшей опасности, имея фланги и тыл свободными. Если спустимся от следствия до причины, то удостоверимся, что извещением Сеславина решилась участь России; но для сего нужен был решительный Ермолов, взявший на себя ответственность при своевольном обращении корпуса Дохтурова к Малоярославцу, и прозорливый главнокомандующий, проникший всю важность Малоярославского пункта и немедленно поднявшийся и прибывший туда со всею армиею восемь часов после Дохтурова [1].

---

[1] Ермолов, следуя после Малоярославского сражения с войсками Милорадовича, отдавал именем Кутузова приказы по отряду; отправляя его, Кутузов сказал ему: «Голубчик, не все можно писать в рапортах, извещай меня о важнейшем записками». Милорадович, имея под своим начальством два пехотных и два кавалерийских корпуса, мог легко отрезать арьергард или другую часть французской армии. Ермолов приказал потому именем Кутузова наблюдать головным войскам возможную тишину и порядок, дабы не встревожить неприятеля, который мог бы расположиться вблизи на ночлег. Однажды главные силы французов оставались для ночлега близ корпуса принца Евгения Виртембергского, у самой дороги, по обеим сторонам которой тянулись насыпи. Эта узкая и длинная дорога, значительно испортившаяся вследствие продолжительных дождей,

Ничего не ведая о происшествиях в окрестностях Боровска и Малоярославца, мы 9-го вечером, перехватя еще одного курьера недалеко от Федоровского, отошли в Спасское. Подойдя к селу, разъездные привели несколько неприятельских солдат, грабивших в окружных селениях. Так как число их было невелико, то я велел сдать их старосте села Спасского для отведения в Юхнов. В то время как проводили их мимо меня, один из пленных показался Бекетову, что имеет черты лица русского, а не француза. Мы остановили его и спросили, какой он нации? Он пал на колени и признался, что он бывший Фанагорийского гренадерского полка гренадер и что уже три года служит во французской службе унтер-офицером. «Как! — мы все с ужасом возразили ему.— Ты — русский и проливаешь кровь своих братьев!» — «Виноват! — было ответом его.— Умилосердитесь, помилуйте!» Я послал несколько гусаров собрать всех жителей, старых и молодых, баб и детей, из окружных деревень и свести к Спасскому. Когда все собрались, я рассказал как всей партии моей, так и крестьянам о поступке сего изменника, потом спросил их: находят ли они виновным его? Все единогласно сказали, что он виноват. Тогда я спросил их: какое наказание они определяют ему? Несколько человек сказали — засечь до смерти, человек десять — повесить, некоторые — расстрелять, словом, все определили смертную казнь. Я велел подвинуться с ружьями и завязать глаза преступнику. Он успел сказать: «Господи! прости мое согрешение!» Гусары выстрелили, и злодей пал мертвым.

Еще странный случай. Спустя несколько часов после казни преступника крестьяне окружных сел привели ко мне шесть французских бродяг. Это меня удивило, ибо до того времени они не приводили ко мне ни одного пленного, разведываясь с ними по-свойски и сами собою. Несчастные сии, скрученные веревками и завлеченные в ров,

---

представляла как бы дефиле, чрез которое неприятелю и нам надлежало следовать. Войска бесстрашного принца Виртембергского, всегда находившегося при головных своих полках, открыли сильный огонь противу неприятеля, который, снявшись с позиции, двинулся поспешно далее в ужаснейшем беспорядке; это лишало нас возможности, атаковав его на рассвете, отрезать какую-либо колонну. Французы, побросав на дороге много орудий, значительно задержали тем наши войска, которые были вынуждены заняться на другой день в продолжение нескольких часов расчищением пути, по коему им надлежало продолжать свое дальнейшее движение. Милорадович ограничился лишь весьма легким замечанием принцу, но Ермолов объявил ему именем Кутузова весьма строгий выговор.

не избегли бы такого же роду смерти, как предшественники их, если бы топот лошадей и многолюдный разговор на русском языке не известили крестьян о приходе моей партии. Убийство было уже бесполезным; они решились представить узников своих на мою волю. Дело тем кончилось, что велел их включить в число пленных, находившихся при моей партии, и отослать всех в Юхнов, откуда они отправлены были в дальние губернии и, вероятно, погибли или на пути, или на месте с тысячами своих товарищей, которые сделались жертвою лихоимства приставов и равнодушия гражданских начальств к страждущему человечеству.

Но сколь провидение чудесно в определениях своих! Между ними находился барабанщик молодой гвардии, именем Викентий Бод (Vincent Bode), пятнадцатилетний юноша, оторванный от объятий родительских и, как ранний цвет, перевезенный за три тысячи верст под русское лезвие на русские морозы! При виде его сердце мое облилось кровью; я вспомнил и дом родительский, и отца моего, когда он меня, почти таких же лет, поручал судьбе военной! Как предать несчастного случайностям голодного, холодного и бесприютного странствования, имея средства к его спасению? Я его оставил при себе, велел надеть на него казачий чекмень и фуражку, чтобы избавить его от непредвидимого тычка штыком или дротиком, и, таким образом, сквозь успехи и неудачи, через горы и долы, из края в край, довез его до Парижа здоровым, веселым, и почти возмужалым передал его из рук в руки престарелому отцу его.

Что же вышло? Спустя два дня после этого являются

Ермолов просил не раз Кутузова спешить с главною армиею к Вязьме и вступить в этот город не позже 22-го ноября; я видел у него записку, писанную рукою Толя, следующего содержания: «Мы бы давно явились в Вязьму, если бы получали от вас более частые уведомления и с казаками, более исправными; мы будем 21-го близ Вязьмы». Князь, рассчитывавший, что он может довершить гибель французов, не подвергая поражению собственных войск, подвигался весьма медленно; хотя он 21-го находился близ Вязьмы, но, остановившись за восемь верст до города, он не решался приблизиться к нему. Желая, однако, убедить государя в том, что он лично находился во время битвы под Вязьмой, он выслал к этому городу гвардейскую кавалерию с генерал-адъютантом Уваровым, который, чтобы не подвергать батарею Козена напрасной потере, отвел ее назад, ограничившись ничтожною канонадой по городу чрез речку. Федор Петрович Уваров, отличавшийся рыцарским благородством и мужеством, пользовался всегда полным благоволением государя, которому он не раз говаривал: «Выслушайте, ваше величество, со вниманием все то, что я вам скажу; это принадлежит не мне, а людям, несрав-

ко мне отец с сыном и просят об аттестате. «С радостью,— отвечал я им.— Вот тебе, Викентий, аттестат в добром твоем поведении».— «Нет,— сказал отец,— вы мне спасли сына, довершите же ваше благодеяние,— дайте ему аттестат в том, что он находился при вас и поражал неприятеля».— «Но неприятели были ваши соотечественники?» — «Нужды нет»,— возразил старик. «Как нужды нет? Ты чрез то погубишь сына, его расстреляют, и дельно...» — «Нынче другие времена,— отвечал он,— по этому аттестату он загладит невольное служение свое хищнику престола и получит награждение за ратоборствование против людей, за него сражавшихся, следовательно, служивших против законного своего монарха».— «Если это так, господин Бод, жалка мне ваша Франция! Вот тебе аттестат, какого ты требуешь». И подлинно, я в оном налгал не хуже правителя канцелярии какого-либо главнокомандующего, сочиняющего реляцию о победе, в коей он не участвовал. Старик был прав: чрез неделю он снова пришел ко мне с сыном благодарить за новое мое благодеяние. Викентий имел уже в петлице орден Лилии!!!

Десятого и 11-го мы продолжали ходить на правой стороне Вязьмы, между Федоровским и Теплухой. Под вечер разъездные дали знать, что открыли большой транспорт с прикрытием, идущий от Гжати. Мы немедленно двинулись к нему навстречу по обеим сторонам дороги и, вышедши на пригорок, увидели весь караван сей,— увидели и ударили. Наши ворвались в середину обоза, и в короткое время семьдесят фур, двести двадцать пять рядовых и шесть офицеров попались к нам в руки.

ненно меня умнейшим». Ермолов, потеряв весьма много по службе в последние годы царствования императора Павла, был даже несколько старее в чине Уварова и князя Багратиона во время штурма Праги в 1794 году; они были потому в близких между собою сношениях, и во время Отечественной войны Уваров не раз говаривал Ермолову: «Мне скучно, ты меня сегодня еще не приласкал».

Прибыв из отряда Милорадовича в главную квартиру, находившуюся в Ельне, Ермолов застал Кутузова и Беннигсена за завтраком; он долго и тщетно убеждал князя преследовать неприятеля с большею настойчивостью. При известии о том, что, по донесениям партизанов, Наполеон с гвардией уже близ Красного, лицо Кутузова просияло от удовольствия, и он сказал ему: «Голубчик, не хочешь ли позавтракать?» Во время завтрака Ермолов просил Беннигсена, на коленях которого он не раз в детстве сиживал, поддержать его, но этот генерал упорно молчал. Когда князь вышел из комнаты, Беннигсен сказал ему: «Любезный Ермолов, если б я тебя не знал с детства, я бы имел полное право думать, что ты не желаешь наступления; мои отношения к фельдмаршалу таковы, что мне достаточно одобрить твой совет, чтобы князь никогда бы ему не последовал».

В прибавок к сему мы отбили шестьдесят шесть человек наших пленных и двух кирасирских офицеров раненых: Соковнина и Шатилова. Сии последние сидели в закрытой фуре и, услыша выстрелы вокруг себя, приподняли крышу и дали знать казакам, что они русские офицеры. Кто не выручал своих пленных из-под ига неприятеля, тот не видал и не чувствовал истинной радости!

Двенадцатого партия отошла в Дубраву. Едва мы расположились на ночлег, как увидели едущих к нам коляску и телегу. Это был юхновский дворянский предводитель Храповицкий и обратный курьер мой из главной квартиры. Пакетов была куча; один из них был с печатью светлейшего на мое имя. В сем пакете находился рескрипт от него ко мне с рескриптом Храповицкому и особый пакет с извещением о разбитии неприятельского авангарда 6-го числа. Хотя некоторые бумаги были от 10-го, в оных ничего не было положительного об отступлении французской армии, выступившей из Москвы уже 7-го числа. При этих пакетах было много писем от *старых* и *новых* приятелей и друзей, которые осыпали меня такими похвалами, что я едва не возмечтал быть вторым Спартакием...

К умалению обратили меня проклятый генерал Эверс, посланный из Вязьмы к Юхнову, и непростительная собственная моя оплошность. Вот как дело было: 13-го мы пришли к Кикино, где праздновали награждения, привезенные курьером, и слишком рано вздумали отдыхать на недозрелых лаврах. Пикеты следовали примеру партии, а разъезды доезжали лишь до бочки вина, выставленной посредине деревни.

Четырнадцатого мы отправили обратно в Юхнов дворянского предводителя и перешли в село Лосмино в том же *расположении духа и разума,* как и накануне; но едва успели мы сделать привал, как вчетверо сильнее нас неприятель подошел в виду деревни. Будь он отважнее, поражение наше было бы неизбежно. Но вместо того чтобы авангарду его ударить с криком в деревню, где все мы были в разброде, неприятель открыл по нас огонь из орудий и стал занимать позицию! Первое подняло нас на ноги, а второе — исправило следствие постыдного моего усыпления, ибо хотя я видел две густые колонны, но, уверен будучи, что в таковых обстоятельствах *наглость* полезнее *нерешимости,* называемой трусами *благоразумием,* я пошел в бой без оглядки. Когда же пленные, взятые передовыми наездниками, удостоверили нас, что отряд

сей не что иное, как сволочь всякого рода [1], тогда казаки мои так ободрились, что преступили меру нужной отважности и едва не причинили более вреда, нежели пользы.

Авангард мой ударил на авангард неприятеля и опрокинул его, но, быв в свою очередь опрокинут бросившимися вперед неприятельскими двумя эскадронами, он, вместо того чтобы уходить врассыпь на один из флангов подвигавшейся вперед моей партии (как всегда у меня водилось), перемешался с неприятелем и скакал в расстройстве прямо на партию: если б я не принял круто вправо, то вся сия толпа вторглась бы в средину ее и замешала бы ее без сомнения. К счастию, означенный поворот партии, вовремя исполненный, поправил дело, ибо неприятель, гнавшийся за авангардом, был принят одною частию партии во фланг и в свою очередь обращен вспять. Тогда воспаленные и успехом, и вином, и надеждою на добычу, едва все полки мои не бросились в преследование. Нужно было все старание, всю деятельность моих товарищей — Храповицкого, Чеченского, Бедряги, Бекетова, Макарова и казацких офицеров, — чтобы разом обуздать порыв их и осадить на месте.

Видя, что неприятель не только не смутился отражением своего авангарда, но, получив новое подкрепление со стороны Вязьмы, двинулся вперед с решимостию, я решился не противиться его стремлению и отступить тем порядком или, лучше сказать, тем беспорядком, который я испробовал в Андреянах. Вследствие чего я объявил рассыпное отступление и назначил сборным местом село Красное, за рекою Угрою, известное уже казакам моим. По данному сигналу все рассыпалось и исчезло! Одна сотня, оставленная с хорунжиим Александровым для наблюдения за неприятелем, продолжала перестреливаться и отступать на Ермаки к Знаменскому, дабы заманить неприятеля в другую сторону той, куда партия предприняла свое направление. На рассвете все уже были в Красном, кроме сотни Александрова, которая, соединясь в Ермаках с моей пехотой, отступила с нею вместе в Знаменское, занимаемое поголовным ополчением.

Шестнадцатого в ночь я получил известие от начальника сего ополчения капитана Бельского о том, что 16-го, поутру, неприятель, подошедши к последнему селу, намеревался его занять, но, увидя в нем много пехоты, выстрелил несколько раз из орудий и отступил в Ермаки.

---

[1] Отряд сей состоял из четырех тысяч человек, принадлежавших разным полкам. Поручение, данное командиру его, видно выше.

Тогда только я узнал от пленных, приведенных ко мне со стороны сел Козельска и Крутого, что неприятельская армия выступила из Москвы, но, по какому направлению и с каким предположением, мне было неизвестно.

Семнадцатого я выступил на Ермаки, в том намерении, чтобы, продолжая поиски к стороне Вязьмы, всегда находиться на дороге к Юхнову, откуда я получал все известия из армии, ныне, по выступлении неприятеля из Москвы, сделавшиеся столь для меня необходимыми. Я рассчитывал так, что, ежели армия наша возьмет поверхность над неприятельской армией, то последняя не минует того пространства земли, на коей я находился; и что, будучи впереди ее, я всегда буду в состоянии, сколько возможно, преграждать ее отступлению. Если же армия наша потерпит поражение, то непременно отступит к Калуге, вследствие чего и я отступлю к Юхнову или к Серпейску.

Перейдя через Угру, авангард мой дал мне знать, что, будучи атакован неприятелем под Ермаками, он с поспешностию отступает и что неприятель в больших силах за ним следует с чрезмерною наглостию. Я рассудил послать к нему на подмогу одну сотню, а всю партию переправить обратно через Угру.

Едва успел я перебраться на левый берег оной, как увидел вдали дым выстрелов и скачку кавалерии. Это была погоня за моим авангардом. Вскоре показались на горизонте две черные колонны неприятельские, идущие весьма быстро. Авангард мой прибыл к берегу, бросился вплавь и соединился с партией, а неприятельские передовые войска, остановясь на той стороне реки, стали стрелять из ружей и пистолетов, в одно время как часть оных искала броду выше того места, где находилась партия моя. Я увидел по сему, что стремление неприятеля не ограничится рекою, и потому взял меры к отступлению на Федотково. Вследствие чего и дабы совершить оное безопаснее, я немедленно послал три разъезда, по десяти казаков каждый: один на Кузнецово к селу Козельску для открытия левой стороны, дабы никакой другой неприятельский отряд не мог сбоку помешать моему отступлению, второй — в Федотково, для открытия дороги, которую партия избрала, и для приготовления оной продовольствия, а третий — в Знаменское, с повелением Бельскому оставить немедленно сие село с поголовным ополчением и с моею пехотою и поспешнее следовать по Юхновской дороге к селу Слободке. Сам же, желая выиграть

время, пока неприятель дойдет до реки и будет чрез оную переправляться, двинулся рысью в три колонны и в два коня, чтобы по средству длины колонн показаться сильнее, нежели я был действительно. Сначала все шло удачно: перестрелка умолкла, и мы продолжали путь беспрепятственно, но едва успели пройти около семи верст, как оба первые разъезда во всю прыть прибыли к нам навстречу и уведомили меня, первый: что другая конная неприятельская колонна идет на дорогу, по коей я следую, а второй: что и в Федотково вступил неприятель. В доказательство первому известию неприятель стал уже показываться с левой стороны, а последнее подтвердил мне прибывший из Федоткова конный крестьянин, который сам видел неприятеля, вступившего в село, и с тем оттуда выехал, чтобы меня уведомить. Обстоятельства представлялись не в розовом цвете! Долгое размышление было неуместно; я немедленно, поворотя вправо на Борисенки и переправясь чрез Угру при Кобелеве, прибыл в Воскресенское, находящееся на границе Медынского уезда, возле дороги из Юхнова в Гжать.

На марше моем один урядник и два казака были посланы к Бельскому с повелением не останавливаться уже в Слободке, отступить к Климовскому заводу; сим же посланным велено было поспешнее проехать в Юхнов для уведомления дворянского предводителя, что партия отступает в Воскресенское и чтобы все бумаги, которые будут адресованы на мое имя из главной квартиры, были посылаемы прямо в означенное село.

Двадцатого, поутру, я получил уведомление от дежурного генерала об отступлении неприятеля из Малоярославца и о следовании его на Гжать и Смоленск [1]. Этого надлежало ожидать: внезапное умножение неприятельских отрядов и обозов с некоторого времени между Вязьмою и Юхновом достаточно могло удостоверить в незамедленном отступлении всей неприятельской армии. Несмотря на это, я не мог бы тронуться с места, если бы светлейший не отрядил после Малоярославского дела всю легкую свою конницу наперерез неприятельским колоннам, идущим к Вязьме. Появление большой части легкого войска с атаманом Платовым и с графом Орловым-Денисовым на пространстве, где я шесть недель действовал и которое в сие время находилось уже во власти не-

[1] В то время Наполеон особою своею был уже в Вязьме, ибо он прибыл туда 19-го, в четыре часа пополудни. Генерал же Эверс не пошел далее и, вследствие полученного им повеления, прибыл 18-го к вечеру обратно в Вязьму.

приятельских отрядов, принудило их удалиться частию к Вязьме, а частию к Дорогобужу, и тем освободило меня из заточения в Воскресенском. Без сомнения, я лично много обязан сей спасительной мысли; но если бы уважили неоднократные представления мои об умножении на сем пространстве числа легких войск с начала занятия Тарутина, тогда отряды, потеснившие меня почти до Юхнова, или не смели бы явиться на пространстве, столь впоследствии необходимом для нашей армии, и опустошать оное, или попались бы немедленно в руки нашим партиям. Как бы то ни было, исправлять прошедшее было поздно; следовало пользоваться настоящим, и я немедленно послал Бельскому повеление поспешнее двинуться в Знаменское, где соединился с ним того же числа вечером.

Двадцать первого я оставил поголовное ополчение на месте и, присоединяя регулярную пехоту к партии, выступил в два часа утра по Дорогобужской дороге на село Никольское, где, сделав большой привал, продолжал следовать далее. От направления сего я попался между отрядами двух генерал-адъютантов: графа Ожаровского и графа Орлова-Денисова[1]; первый прислал ко мне гвардии ротмистра (что ныне генерал-лейтенант) Палицына, дабы выведать, не можно ли ему прибрать меня к рукам, а последний еще от 19-го числа прислал офицера отыскивать меня для объяснения, что если я не имею никакого повеления от светлейшего после 20-го октября, то чтобы немедленно поступил в его команду.

Уверен будучи, что звание партизана не освобождает от чинопослушания, но с сим вместе и позволяет некоторого рода хитрости, я воспользовался разновременным приездом обоих присланных и объявил первому о невозможности моей служить под командою графа Ожаровского по случаю получения повеления от графа Орлова-Денисова поступить под его начальство, а второго уверил, что я уже поступил под начальство графа Ожаровского и, вследствие повеления его, иду к Смоленской дороге.

Между тем я не счел не только предосудительным, но даже приличным солдатской гордости — просить генерала Коновницына довести до сведения светлейшего неприятность, которою я угрожаем. «Имев счастие,— писал я ему,— заслужить в течение шестинедельного

[1] Первого отряд состоял из шести казачьих полков и Нежинского драгунского, а второго — из 19-го егерского, Мариупольского гусарского, двух донских, двух малороссийских казачьих полков и шести орудий конной артиллерии.

моего действия особенное его светлости внимание, мне чрезмерно больно, при всем уважении моем к графу Орлову-Денисову и к графу Ожаровскому, поступить в начальство того или другого, получив сам уже некоторый навык к партизанской войне, тогда как я вижу, что в то же время поручают команды людям, хотя по многим отношениям достойным, но совершенным школьникам в сем роде действия». Я заключал письмо мое изложением выгод размножения, а не сосредоточивания партий при тогдашних обстоятельствах, и послал урядника Крючкова с пятью казаками в главную квартиру, находившуюся, по известиям, около Вязьмы. Я приказал ему искать меня к 23-му числу около села Гаврикова, чрез которое я намерен был следовать после поиска моего к селу Рыбкам.

Того же числа, то есть 21-го, около полуночи, партия моя прибыла за шесть верст от Смоленской дороги и остановилась в лесу без огней, весьма скрытно. За два часа пред рассветом мы двинулись на Ловитву. Не доходя за три версты до большой дороги, нам уже начало попадаться несметное число обозов и туча мародеров. Все мы били и рубили без малейшего сопротивления. Когда же достигли села Рыбков, тогда попали в совершенный хаос! Фуры, телеги, кареты, палубы, конные и пешие солдаты, офицеры, денщики и всякая сволочь — все валило толпою. Если б партия моя была бы вдесятеро сильнее, если бы у каждого казака было по десяти рук, и тогда невозможно было бы захватить в плен десятую часть того, что покрывало большую дорогу. Предвидя это, я решился, еще пред выступлением на поиск, предупредить в том казаков моих и позволить им не заниматься взятием в плен, а, как говорится, *катить головнею* по всей дороге. Скифы мои не требовали этому подтверждения; зато надо было видеть ужас, объявший всю сию громаду путешественников! Надо было быть свидетелем смешения криков отчаяния с голосом ободряющих, со стрельбою защищающихся, с треском на воздух взлетающих артиллерийских палубов и с громогласным *«ура»* казаков моих! Свалка эта продолжалась с некоторыми переменами до времени появления французской кавалерии, а за нею и гвардии [1].

[1] По сочинению г. Шамбре видно, что при французской армии шло 605 орудий, 2455 палубов и более 5000 фур, карет и колясок.

Порядок марша неприятеля от Вязьмы был следующий: корпус Жюно, молодая гвардия, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса, старая гвардия, корпус Понятовского, корпус принца Евгения, корпус Даву и корпус Нея, который составлял арьергард армии.

Тогда я подал сигнал, и вся партия, отхлынув от дороги, начала строиться. Между тем гвардия Наполеона, посредине коей он сам находился, подвигалась. Вскоре часть кавалерии бросилась с дороги вперед и начала строиться с намерением отогнать нас далее. Я весьма уверен был, что бой не по силе, но страшно хотелось погарцевать вокруг его императорского и королевского величества и первому из отдельных начальников воспользоваться честью отдать ему прощальный поклон за посещение его. Правду сказать, свидание наше было недолговременно; умножение кавалерии, которая тогда была еще в положении довольно изрядном, принудило меня вскоре оставить большую дорогу и уступить место громадам, валившим одна за другою. Однако во время сего перехода я успел, задирая и отражая неприятельскую кавалерию, взять в плен с бою сто восемьдесят человек и двух офицеров и до самого вечера конвоевал императора французов и протектора Рейнского союза с приличной почестью.

Двадцать третьего числа я, перешед речку Осму, предпринял поиск на Славково, где снова столкнулся с старою гвардиею. Часть оной расположена была на биваках, а часть в окрестных деревушках. Внезапное и шумное появление наше из скрытного местоположения причинило большую сумятицу в войсках. Все бросились к ружью; нам сделали даже честь стрелять по нас из орудий. Перестрелка продолжалась до вечера без значительной с нашей стороны потери. Вечером прибыло несколько эскадронов неприятельской кавалерии, но с решительным намерением не сражаться, ибо, сделав несколько движений вправо и влево колоннами, они, выслав фланкеров, остановились, а мы, забрав из оных несколько человек, отошли в Гаврюково. Поиск сей доставил нам со взятыми фланкерами сто сорок шесть человек фуражиров, трех офицеров и семь провиантских фур с разною рухлядью; успех не важный относительно добычи, но важный потому, что опроверг намерение Наполеона внезапно напасть со всею армиею на авангард наш; по крайней мере, так можно заключить по циркуляру, посланному от Бертье ко всем корпусным командирам. Нападение сие, будучи основано на тайне и неведении с нашей стороны о местопребывании всех сил неприятеля, не могло уже быть приведено в исполнение, коль скоро завеса была сорвана моею партиею.

Поутру 24-го числа я получил от генерала Коновницына разрешение действовать отдельно и повеление поспешно следовать к Смоленску. Посланный сей уведомил меня о счастливом сражении при Вязьме 22-го числа и о шествии вслед за мной партий Сеславина и Фигнера, в одно время как Платов напирал на арьергард неприятеля с тыла. Получа повеление сие, я не мог уже тащить за собою храбрую пехоту мою, состоявшую еще в ста семидесяти семи рядовых и двух унтер-офицерах; почему я расстался с нею на дороге от Гаврюкова и отправил ее в Рославль к начальнику ополчения Калужской губернии.

Теперь я касаюсь до одного случая с прискорбием, ибо он навлекает проклятие на русского гражданина. Но долг мой говорить все то, что я делал, в чем кому содействовал, кто в чем мне содействовал и чему я был свидетелем. Пусть время поставит каждого на свое место.

Около Дорогобужа явился ко мне вечером Московского гренадерского полка отставной подполковник Маслеников, в оборванном мужичьем кафтане и в лаптях. Будучи знаком с Храповицким с детства своего, свидание их было дружеское; вопросы следовали один за другим, и, как вопросы того времени, все относились к настоящим обстоятельствам. Он рассказывал свое несчастие: как не успел выехать из села своего и был захвачен во время наводнения края сего приливом неприятельской армии, как его ограбили и как он едва спас последнее имущество свое — испрошением себе у *вяземского* коменданта охранного листа. Знав по опытам, сколько охранные листы бесполезны к охранению, мы любопытствовали видеть лист сей, но как велико было наше удивление, когда мы нашли в нем, что г. Маслеников освобождается от всякого постоя и реквизиций в уважение обязанности, добровольно принятой им на себя, *продовольствовать* находившиеся в Вязьме и проходившие чрез город сей французские войска. Приметя удивление наше, он хотя с замешательством, но спешил уверить нас, что эта статья поставлена единственно для спасения его от грабительства и что он никогда и ничем не снабжал войска французского в Вязьме.

Сердца наши готовы были извинить его: хотя русский, он мог быть слабее другого духом, прилипчивее другого к интересу и потому мог ухватиться за всякий способ для сохранения своей собственности. Мы замолчали, а он, приглася нас на мимоходный завтрак, отправился в село свое, расстоящее в трех верстах от деревни, в коей мы ночевали.

На рассвете изба моя окружилась просителями; более ста пятидесяти крестьян окрестных сел пали к ногам моим с просьбою на Масленикова, говоря: «Ты увидишь, кормилец, село его, ни один *хранц* (то есть франц, или француз) до него не дотронулся, потому что он с ними же грабил нас и посылал все в Вязьму,— всех разорил; у нас ни синь-пороха не осталось по его милости!» Это нас все взорвало.

Я велел идти за мною как окружившим избу мою, так и встретившимся со мною на дороге просителям.

Приехав в село Масленикова, я поставил их скрытно за церковью и запретил им подходить ко двору прежде моего приказания. Казалось, мы вступили на благословенный остров, оставшийся от всеобщего потопления! Село, церковь, дом, избы и крестьяне — все было в цветущем положении! Я уверился в справедливости доноса и, опасаясь, чтобы после ухода моего страдальцы сами собой управы не сделали и тем не подали пример другим поселянам к мятежу и безначалию, что в тогдашних обстоятельствах было бы разрушительно и совершенно пагубно для России, я решился обречь себя в преступники и принять ответственность за подвиг беззаконный, хотя спасительный!

Между тем товарищи мои сели за сытный завтрак... Я не ел, молчал и даже не глядел на все лишние учтивости хозяина, который, чувствуя вину свою и видя меня сумрачным и безмолвным, усугублял их более и более. После завтрака он показал нам одну горницу, нарочно, как кажется, для оправдания себя приготовленную: в ней все мебели были изломаны, обои оборваны и пух разбросан по полу. «Вот,— говорил он,— вот что эти злодеи французы наделали!»

Я, продолжая молчание, подал потаенно от него знак вестовому моему, чтобы позвал просителей, и вышел на улицу будто бы садиться на конь и продолжать путь мой. Когда на улице показалась толпа просителей, я, будто не зная, что они за люди, спросил: «Кто они такие?» Они отвечали, что окрестные крестьяне, и стали жаловаться на Масленикова, который уверял, что они изменники и бунтовщики, но бледнел и трепетал. «Глас божий — глас народа!» — отвечал я ему и немедленно велел казакам разложить его и дать двести ударов нагайками.

По окончании экзекуции я спросил крестьян, довольны ли они? И когда передний из них начал требовать возвращения похищенного, то, чтобы прервать все пре-

тензии разом, я его взял за бороду и, ударив нагайкою, сказал сердито и грозно: «Врешь! Этого быть не может. Вы знаете сами, что похищенное все уже израсходовано французами,— где его взять? Мы все потерпели от нашествия врагов, но что бог взял, то бог и даст. Ступайте по домам, будьте довольны, что разоритель ваш наказан, как никогда помещиков не наказывали, и чтобы я ни жалоб и ни шуму ни от одного из вас не слыхал. Ступайте!»

После сего сел на конь и уехал.

Теперь обратимся к военным действиям.

Размещение отдельных отрядов около 24-го и 25-го чисел, то есть во время нахождения главной квартиры французской армии в Дорогобуже, было следующее:

Князь Яшвиль, командовавший отрядом калужского ополчения, встретя в Ельне дивизию Бараге-Дильера, находился на обратном марше в Рославль. Генерал-лейтенант Шепелев с калужским ополчением, шестью орудиями и тремя казачьими полками — в Рославле.

Отряд графа Орлова-Денисова был на марше от Вязьмы чрез Колпитку и Волочок к Соловьевой переправе. Партия моя — вслед за оной на марше из Гаврюкова чрез Богородицкое и Дубовище к Смоленску.

Отряд графа Ожаровского от Юхнова и Знаменского — на марше чрез Балтутино в Вердебяки. Партии Фигнера и Сеславина — от Вязьмы к Смоленску, вслед за моею партией, но ближе к главным колоннам неприятельской армии. Отряд атамана Платова — вслед за арьергардом неприятеля, около Семлева.

Отряд генерала Кутузова[1] — между Гжатью и Сычевкой, в направлении к Николе-Погорелову и к Духовщине. По тому же направлению, но ближе к неприятелю,— партия Ефимова.

Пока покушался я занять большую дорогу у села Рыбков и производил поиск на Славково, граф Орлов-Денисов опередил меня, так что едва усиленными переходами я мог достичь его 25-го числа в селе Богородицком и то уже в минуту выступления его к Соловьевой переправе. Оставя мою партию на марше, я явился к графу с рапортом. Он меня принял хотя и ласково, но при всем том весьма приметно было, сколь тревожил его вид подполковника, ускользнувшего от владычества генерал-

[1] Сей генерал поступил на место генерала Винценгероде, взятого в плен посреди Москвы во время выступления из сей столицы французской армии.

адъютанта и пользовавшегося одинакими с ними правами. Дабы хотя на время исправить противоестественное положение сие, он пригласил меня идти вместе с ним к Соловьевой переправе, предсказывая и обещая мне, если я не последую за ним, несчастные успехи. Но я, помня лесистые места около Соловьева и быв убежден в бесполезности сего поиска, отказался, представив ему полученное мною повеление идти к Смоленску. К тому же, прибавил я, изнурение лошадей принуждает меня дать отдых моей партии, по крайней мере часа на четыре. На сие граф, усмехнувшись, сказал: «*Желаю вам спокойно отдыхать!*» — и поскакал к своему отряду, который уже вытягивался по дороге.

Я расчел верно. Покушение графа Орлова-Денисова не принесло ожидаемой им пользы, и он принужденным нашелся обратиться к прежнему пути своему. Если б партия моя была сильнее, дорого бы он заплатил за свою усмешку и долго бы помнил залет свой к Соловьеву, ибо в продолжение сего времени я открыл отряд генерала Ожеро́ в Ляхове и смог бы сделать один то, что сделал под командою графа. 26-го, на марше к Дубовищам, я приметил, что авангард мой бросился в погоню за конными французами. Вечернее время и туманная погода не позволили ясно рассмотреть числа неприятеля, почему я, стянув полки, велел взять дротики наперевес и пошел рысью вслед за авангардом. Но едва вступил в маленькую деревушку, которой я забыл имя, как увидел несколько авангардных казаков моих, ведущих ко мне лейб-жандармов французских (Gendarmes d'élite). Они объявили мне о корпусе Бараге-Дильера, расположенном между Смоленском и Ельнею, и требовали свободы, поставляя на вид, что дело их не сражаться, а сохранять порядок в армии. Я отвечал им: «Вы вооружены, вы французы, и вы в России; следовательно, молчите и повинуйтесь!»

Обезоружа их, я приставил к ним стражу и приказал при первом удобном случае отослать их в главную квартиру; а так как уже было поздно, то мы расставили посты и остановились на ночлег.

Спустя час времени соединились со мною Сеславин и Фигнер [1].

---

[1] Фигнер и Сеславин, как артиллеристы, были безгранично преданы А. П. Ермолову, к которому в армии, а особенно в артиллерии, питали глубокое уважение и любовь за его замечательный ум, постоянно веселый нрав и ласковое со всеми обращение. На запис-

Я уже давно слышал о варварстве сего последнего, но не мог верить, чтобы оно простиралось до убийства врагов безоружных, особенно в такое время, когда обстоятельства отечества стали исправляться и, казалось, никакое низкое чувство, еще менее мщение, не имело места в сердцах, исполненных сильнейшею и совершеннейшею радостью! Но едва он узнал о моих пленных, как бросился просить меня, чтобы я позволил *растерзать* их каким-то новым казакам его, которые, как говорил он, еще *не натравлены.* Не могу выразить, что почувствовал я при противуположности слов сих с красивыми чертами лица Фигнера и взором его — добрым и приятным! Но когда вспомнил превосходные военные дарования его, отважность, предприимчивость, деятельность — все качества, составляющие необыкновенного воина,— я с сожалением сказал ему: «Не лишай меня, Александр Самойлович, заблуждения. Оставь меня думать, что великодушие есть душа твоих дарований; без него они — вред, а не польза, а как русскому, мне бы хотелось, чтобы у нас полезных людей было побольше».

Он на это сказал мне: «Разве ты не расстреливаешь?» — «Да,— говорил я,— расстрелял двух изменников отечеству, из коих один был грабитель храма божия».— «Ты, верно, расстреливал и пленных?» — «Боже меня сохрани! Хоть вели тайно разведать у казаков моих».— «Ну, так походим вместе,— он отвечал мне,— тогда ты покинешь все предрассудки».— «Если солдатская честь и сострадание к несчастию — предрассудки, то их предпочитаю твоему рассудку! Послушай, Александр Самойлович,— продолжал я.— Я прощаю смертоубийству, коему причина — заблуждение сердца огненного; возмездие души, гордой за презрение, оказанное ей некогда спесивой ничтожностию; лишняя страсть к благу общему, часто вредная, но очаровательная в великодушии своем! И пока вижу в человеке возвышенность чувств, увлекающих его на подвиги отважные, безрассудные и да-

---

ку Ермолова, заключавшую в себе: *«Смерть врагам, преступившим рубеж России»,* Фигнер отвечал: *«Я не стану обременять пленными».* Фигнер и Сеславин, приезжая в главную квартиру, останавливались у Ермолова, который, шутя, не раз говорил: «Вы, право, обращаете мою квартиру в вертеп разбойников». В самом деле, близ его квартиры часто находились партии этих партизанов в самых фантастических костюмах. При Тарутине Фигнер не раз показывал ту точку в средине неприятельского лагеря, где он намеревался находиться в следующий день. В самом деле, на другой день, он, переодетый во французский мундир, находился в средине неприятельского лагеря и обозревал его расположение. Это повторялось не раз.

же бесчеловечные,— я подам руку сему благородному чудовищу и готов делить с ним мнение людей, хотя бы чести его приговор написан был в сердцах всего человечества! Но презираю убийцу по расчетам или по врожденной склонности к разрушению».

Мы замолчали. Однако, опасаясь, чтобы он не велел похитить ночью пленных моих, я, под предлогом отдавать приказания партии, вышел из избы, удвоил секретно стражу, поручил сохранение их на ответственность урядника, за ними надзиравшего, и отослал их рано поутру в главную квартиру.

Мы часто говорим о Фигнере — сем странном человеке, проложившем кровавый путь среди людей, как метеор всеразрушающий. Я не могу постичь причину алчности его к смертоубийству! Еще если бы он обращался к оному в критических обстоятельствах, то есть посреди неприятельских корпусов, отрезанный и теснимый противными отрядами и в невозможности доставить взятых им пленных в армию. Но он обыкновенно предавал их смерти не во время опасности, а освободясь уже от оной; и потому бесчеловечие сие вредило ему даже и в маккиавеллических расчетах его, истребляя *живые грамоты* его подвигов. Мы знали, что он истинно точен был в донесениях своих и действительно забирал и истреблял по триста и четыреста нижних и вышних чинов, но посторонние люди, линейные и главной квартиры чиновники, всегда сомневались в его успехах и полагали, что он только бьет на бумаге, а не на деле. Ко всему тому таковое поведение вскоре лишило его лучших офицеров, вначале к нему приверженных. Они содрогнулись быть не токмо помощниками, но даже свидетелями сих бесполезных кровопролитий и оставили его с одним его *сеидом* — Ахтырского гусарского полка унтер-офицером Шиановым, человеком неустрашимым, но кровожаждущим и по невежеству своему надеявшимся получить царство небесное за истребление неприятеля каким бы то образом ни было.

В ночь возвратились разъездные мои, посланные к селу Ляхову, и уведомили меня, что как в нем, так и в Язвине находятся два сильных неприятельских отряда, что мне подтвердил и приведенный ими пленный, уверяя, что в первом селе стоит генерал Ожеро́ с двумя тысячами человек пехоты и частью кавалерии.

Мы решились атаковать Ляхово. Но так как все три партии не составляли более тысячи двухсот человек раз-

ного сбора конницы, восьмидесяти егерей 20-го егерского полка и четырех орудий, то я предложил пригласить на удар сей графа Орлова-Денисова, которого партия состояла из шести полков казачьих и Нежинского драгунского полка, весьма слабого, но еще годного для *декорации какого-нибудь возвышения.*

Немедленно я послал к графу письмо пригласительное: «По встрече и разлуке нашей я приметил, граф, что вы считаете меня непримиримым врагом всякого начальства; кто без властолюбия? И я, при малых дарованиях моих, более люблю быть первым, нежели вторым, а еще менее четвертым. Но властолюбие мое простирается до черты общей пользы. Вот пример вам: я открыл в селе Ляхове неприятеля, Сеславин, Фигнер и я соединились. Мы готовы драться. Но дело не в драке, а в успехе. Нас не более тысячи двухсот человек, а французов две тысячи и еще свежих. Поспешите к нам в Белкино, возьмите нас под свое начальство — и ура! с богом!»

Двадцать седьмого числа мы были на марше. Вечером я получил от графа ответ. Он писал: «Уведомление о движении вашем в Белкино я получил. Вслед за сим и я следую для нападения на неприятеля; но кажется мне, что атака наша без присоединения ко мне командированных мною трех полков, которые прибыть должны через два часа, будет не наверное; а потому не худо бы нам дождаться и действовать всеми силами».

Двадцать восьмого, поутру, Фигнер, Сеславин и я приехали в одну деревушку, занимаемую полком Чеченского, верстах в двух от Белкина. Вдали было видно Ляхово, вокруг села биваки; несколько пеших и конных солдат показывались между избами и шалашами, более ничего не можно было заметить. Спустя полчаса времени мы увидели неприятельских фуражиров в числе сорока человек, ехавших без малейшей осторожности в направлении к Таращину. Чеченский послал в тыл им лощиною сотню казаков своих. Фуражиры приметили их, когда уже было поздно. Несколько спаслось бегством, бóльшая часть, вместе с офицером (адъютантом генерала Ожерó), сдалась в плен. Они подтвердили нам известие о корпусе Бараге-Дильера и об отряде генерала Ожерó, кои невзирая на следование отряда графа Ожаровского, прошедшего 27-го числа Балтутино на Рославльскую дорогу, остались неподвижными, хотя Балтутино от Ляхова не более как в семнадцати, а от Язвина в девяти верстах.

Вскоре из Белкина подошла ко мне вся партия моя,

и граф Орлов-Денисов явился на лихом коне с вестовыми гвардейскими казаками. Он известил нас, что командированные им три полка прибыли и что вся его партия подходит. Поговоря со мною, как и с которой стороны будем атаковать, он повернулся к Фигнеру и Сеславину, которых еще партии не прибыли на место, и сказал: «Я надеюсь, господа, что вы нас поддержите». Я предупредил ответ их: «Я за них отвечаю, граф; не русским — выдавать русских». Сеславин согласился от всего сердца, но Фигнер с некоторою ужимкой, ибо один любил опасности, как свою стихию, другой — не боялся их, но любил сквозь них видеть собственную пользу без раздела ее с другими. Спустя час времени все партии наши соединились, кроме восьмидесяти егерей Сеславина; а так как мне поручена была честь вести передовые войска, то я, до прибытия егерей, велел выбрать в стрелки казаков, имевших ружья, и пошел к Ляхову, следуемый всеми партиями.

Направление наше было наперерез Смоленской дороге, дабы совершенно преградить отряду Ожеро́ отступление к Бараге-Дильеру, занимавшему Долгомостье.

Коль скоро начали мы вытягиваться и подвигаться к Ляхову, все в селе этом пришло в смятение; мы услышали барабаны и ясно видели, как отряд становился в ружье; стрелки отделялись от колонн и выбегали из-за изб к нам навстречу. Немедленно я спе́шил казаков моих и завязал дело. Полк Попова 13-го и партизанскую мою команду развернул на левом фланге спешенных казаков, чтобы закрыть движение подвигавшихся войск наших, а Чеченского с его полком послал на Ельненскую дорогу, чтобы пресечь сообщение с Ясминым, где находился другой отряд неприятеля. Последствия оправдали эту меру.

Сеславин прискакал с орудиями к стрелкам моим, открыл огонь по колоннам неприятельским, выходившим из Ляхова, и продвинул гусар своих для прикрытия стрелков и орудий. Партии его и Фигнера построились позади сего прикрытия. Граф Орлов-Денисов расположил отряд свой на правом фланге партий Фигнера и Сеславина и послал разъезды по дороге в Долгомостье.

Неприятель, невзирая на пушечные выстрелы, выходил из села, усиливал стрелков, занимавших болотистый лес, примыкающий к селу, и напирал на правый фланг наш главными силами. Сеславин сменил пеших казаков моих прибывшими егерями своими и в одно время при-

казал ахтырским гусарам, под командою ротмистра Горскина находившимся, ударить на неприятельскую конницу, покусившуюся на стрелков наших. Горскин атаковал,— опрокинул сию конницу и вогнал ее в лес, уже тогда обнаженный от листьев и, следственно, неспособный к укрытию пехоты, стрелявшей для поддержания своей конницы. Стрелки наши бросились за Горскиным и вместе с ним начали очищать лес, а стрелки неприятельские — тянуться из оного чистым полем к правому флангу отряда своего. Тогда Литовского уланского полка поручик Лизогуб, пользуясь их смятением, рассыпал уланов своих и ударил. Проезжая в то время вдоль по линии с правого на левый фланг, я попался между ними и был свидетелем следующего случая.

Один из уланов гнался с саблею за французским егерем. Каждый раз, что егерь прицеливался по нем, каждый раз он отъезжал прочь и преследовал снова, когда егерь обращался в бегство. Приметя сие, я закричал улану: «Улан, стыдно!» Он, не отвечав ни слова, поворотил лошадь, выдержал выстрел французского егеря, бросился на него и рассек ему голову.

После сего, подъехав ко мне, он спросил меня: «Теперь довольны ли, ваше высокоблагородие?» — и в ту же секунду охнул: ка́кая-то бешеная пуля перебила ему правую ногу. Странность состоит в том, что сей улан, получив за подвиг сей Георгиевский знак, не мог носить его... Он был бердичевский еврей, завербованный в уланы. Этот случай оправдывает мнение, что нет такого рода людей, который не причастен был бы честолюбия и, следовательно, не способен был бы к военной службе.

Приехав на левый фланг, мне представили от Чеченского взятого в плен кривого гусарского ротмистра, которого я забыл имя, посланного в Ясмино с уведомлением, что ляховский отряд атакован и чтобы ясминский отряд поспешал к нему на помощь. Между тем Чеченский донес мне, что он прогнал обратно в село вышедшую против него неприятельскую кавалерию, пресек совершенно путь к Ясмину, и спрашивал разрешения: что прикажу учинить с сотнею человек пехоты, засевшей в отдельных от села сараях, стрелявших из оных и не сдающихся? Я велел жечь сараи — исчадье чингисханово, — сжечь и сараи и французов.

Между тем граф Орлов-Денисов уведомлен был, что двухтысячная колонна спешит по дороге от Долгомостья в тыл нашим отрядам и что наблюдательные войска его,

на сей дороге выставленные, с поспешностию отступают. Граф, оставя нас продолжать действие против Ожеро́, взял отряд свой и немедленно обратился с ним на кирасиров, встретил их неподалеку от нас, атаковал, рассеял и, отрядив полковника Быхалова с частию отряда своего для преследования оных к Долгомостью, возвратился к нам под Ляхово.

Вечерело. Ляхово в разных местах загорелось; стрельба продолжалась...

Я уверен, что если бы при наступлении ночи генерал Ожеро́ свернул войска свои в одну колонну, заключа в средину оной тяжести отряда своего, и подвинулся бы таким порядком большою дорогою к Долгомостью и к Смоленску,— все наши покушения остались бы тщетными. Иначе ничего сделать мы не могли, как конвоировать его торжественно до корпуса Бараге-Дильера и откланяться ему при их соединении.

Вместо того мы услышали барабанный бой впереди стрелковой линии и увидали подвигавшегося к нам парламентера. В это время я ставил на левом моем фланге между отдельными избами присланное мне от Сеславина орудие и готовился стрелять картечью по подошедшей к левому моему флангу довольно густой колонне. Граф Орлов-Денисов прислал мне сказать, чтобы я прекратил действие и дал бы о том знать Чеченскому, потому что Фигнер отправился уже парламентером — к Ожеро́ в Ляхово.

Переговоры продолжались не более часа. Следствие их было — сдача двух тысяч рядовых, шестидесяти офицеров и одного генерала военнопленными.

Наступила ночь; мороз усилился; Ляхово пылало; войска наши, на коне, стояли по обеим сторонам дороги, по которой проходили обезоруженные французские войска, освещаемые отблеском пожара. Болтовня французов не умолкала: они ругали мороз, генерала своего, Россию, нас; но слова Фигнера: «Filez, filez» [1] — покрывали их нескромные выражения. Наконец Ляхово очистилось, пленные отведены были в ближнюю деревеньку, которой я забыл имя, и мы вслед за ними туда же прибыли.

Тут мы забыли слова Кесаря: *«Что не доделано, то не сделано»*. Вместо того чтобы немедленно идти к Долгомостью на Бараге-Дильера, встревоженного разбитием кирасиров своих, или обратиться на отряд, стоявший в Ясмине, мы все повалились спать и, проснувшись в четы-

[1] Пошел, пошел *(фр.)*.

ре часа утра, вздумали писать реляцию, которая, как будто в наказание за лень нашу, послужила в пользу не нам, а Фигнеру, взявшему на себя доставление пленных в главную квартиру и уверившему светлейшего, что он *единственный* виновник сего подвига. В награждение за оный он получил позволение везти известие о сей победе к государю императору, к коему он немедленно отправился. После сего можно догадаться, в славу кого представлено было дело, о котором сам светлейший своеручно прибавил:

«Победа сия тем более знаменита, что в первый раз в продолжение нынешней кампании неприятельский корпус положил пред нами оружие».

Двадцать девятого партия моя прибыла в Долгомостье и тот же день пошла к Смоленску. Поиск я направил между дорогами Ельненской и Мстиславской, то есть между корпусами Жюно и Понятовского, которые на другой день долженствовали выступить в Манчино и Червонное. Этот поиск доставил нам шесть офицеров, сто девяносто шесть артиллеристов без орудий и до двухсот штук скота, употребляемых для возки палубов; но дело шло не о добыче. В сем случае намерение мое переступало за черту обыкновенных партизанских замыслов. Я предпринял залет свой единственно в тех мыслях, чтобы глазами своими обозреть расположение неприятельской армии и по сему заключить о решительном направлении оной. Мнение мое всегда было то, что она пойдет правым берегом Днепра на Катань, а не левым на Красный; единственный взгляд на карту покажет выгоду одного и опасность другого пути при движении нашей армии к Красному.

Корпуса Жюно и Понятовского, хотя весьма слабые, но были для меня камнем преткновения; да если бы я мог и беспрепятственно пробраться до Красненской дороги, и тогда я не открыл бы более того, что уже я открыл на дорогах Ельненской и Мстиславской, ибо впоследствии я узнал, что в то время бо́льшая часть неприятельской армии находилась еще между Соловьевой переправой, Духовщиной и Смоленском, на правом берегу Днепра. На сию же сторону прибыли только старая и молодая гвардия, занявшие Смоленск, четыре кавалерийские корпуса, слитые в один и расположенные за Красненской дорогой у селения Вильковичей, и два корпуса, между коими я произвел свой поиск.

Так как оружие ни к чему уже служить не могло, то я обратился к дипломатике и старался всеми возможны-

ми изворотами выведать от пленных офицеров о сем столь важном решении Наполеона; но и дипломатика изменила мне, ибо по ответам, деланным мне, казалось, что все сии офицеры были не что иное, как бессловесные исполнители повелений главного начальства, ничего не зная о предначертаниях оного...

Соименный мне покоритель Индии (Вакх, иначе Дионисий) подал мне руку помощи. Чарка за чаркою, влитые в глотки моих узников, возбудили их к многоглаголанию. Случилось так, что один из них был за адъютанта при каком-то генерале и только что воротился из Смоленска, куда он ездил за приказаниями и где он видел все распоряжения, принимаемые гвардиею к выступлению из Красного. «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке» — говорит пословица; откровенность хлынула через край, и я все узнал, что мне нужно было узнать, даже и лишнее, ибо к столь любопытному известию он не мог не припутать и рассказы о своих любовных приключениях, которые я принужден был слушать до тех пор, пока мой вития не упал с лошади.

Это известие слишком было важно, чтобы не поспешить доставлением оного к главнокомандующему. Почему я в ту же минуту послал курьера с достаточным прикрытием по Мстиславской дороге, на коей или в окрестностях коей я полагал главную квартиру. Сам же я остался против встреченных мною войск, отвечая на стрельбу их до тех пор, пока превосходство сил не принудило меня отступить по Мстиславской дороге и провести ночь верстах в пятнадцати от Смоленска. В сии сутки мы прошли, по крайней мере, пятьдесят верст.

Неожиданная встреча и отпор, сделанный мне на ходу к Смоленску, внушили мне мысль достигнуть до Красного [1] посредством большого обхода; к тому же, быв отяг-

---

[1] Сражение под Красным, носящее у некоторых военных писателей пышное наименование трехдневного боя, может быть по всей справедливости названо лишь трехдневным поиском на голодных, полунагих французов; подобными трофеями могли гордиться ничтожные отряды вроде моего, но не главная армия. Целые толпы французов, при одном появлении небольших наших отрядов на большой дороге, поспешно бросали оружие. В самом Красном имел пребывание Милорадович, у которого квартировал Лейб-гусарского полка полковник Александр Львович Давыдов. Толпа голодных французов, в числе почти тысячи человек, под предводительством одного единоплеменника своего, служившего некогда у Давыдова в должности повара, подступила к квартире Милорадовича. Появление этой толпы, умолявшей лишь о хлебе и одежде, немало всех сначала встревожило. Храбрый командир Московского драгунского полка полковник Николай Владимирович Давыдов, называемый torse (кривой *(фр.)*)

чен пленными и двумястами штуками скота, я хотел сдать первых и не оставить без употребления последних в такое время, когда войска наши столь нуждались в пропитании. Вследствие чего я решился коснуться армии и потом продолжать путь мой к Красному. Грубая ошибка! Можно сказать, что расчет мой от дифференциального исчисления при поиске к Смоленску упал в *четвертое* правило арифметики при обратном движении, предпринятом мною *для раздела мясной порции!* И подлинно, взяв направление на Червонное и Манчино, где еще не было неприятеля, я мог быть у Красного 1-го ноября, в самый тот день, как дивизия Клапареда, прикрывшая транспорт трофеев, казну и обозы главной квартиры Наполеона, выступила из Смоленска по сему направлению. Правда, что известие о том дошло до меня весьма поздно; к тому же сколько дивизия сия ни была слаба, все она числом своим превышала мою партию, к тому же она была пехотная, а партия моя — конная. Однако это не отговорка! Господствующая мысль партизанов той эпохи долженствовала состоять в том, чтобы теснить, беспокоить, томить, вырывать, что по силам, и, так сказать, жечь малым огнем неприятеля без угомона и неотступно. Все в прах для сей мысли — и пленных, и коров!.. Я сберег первых, накормил некоторые корпуса последними,— и виноват постыдно и непростительно.

Итак, пройдя несколько верст по Мстиславской дороге, я встретил лейб-гусарский эскадрон, командуемый штабс-ротмистром Акинфьевым, а в восьми верстах далее нашел несколько пехотных корпусов, расположенных для дневки. Как *корсар,* который после долговременного крейсирования открывает курящиеся берега родины, так воззрился я в биваки товарищей, так давно мною оставленных. Берег! Берег! — подумал я и бросился во всю прыть к избе генерала Раевского. Прием сего с детства моего уважаемого мною и в пылу боев всегда изумляв-

---

по причине большого количества полученных им ран, ворвался в средину французского баталиона, которому приказал положить оружие. Утомленная лошадь его упала от истощения среди баталиона, который тотчас исполнил его требование. Близ Красного адъютант Ермолова Граббе взял в плен мужественного и ученого артиллерийского полковника Marion, который очень полюбил Ермолова. Когда в 1815 году Ермолову было приказано обезоружить гарнизон Меца или, в случае его сопротивления, овладеть штурмом этой крепостью, комендантом был Marion. Почитая бесполезным обороняться, когда уже вся Франция была занята союзниками, он сдал Мец, где, принимая Ермолова как старого приятеля, он познакомил его с своим семейством.

шего меня героя был таков, какого я ожидал; но посетители его встретили меня иначе; случилось так, что некоторые из них были те самые, которые при вступлении моем в партизаны уверяли меня, что я берусь не за свое дело, полагая оное чрезмерно опасным и не соответствующим моим способностям. Продолжать атаку на пункт, сделавшийся уже неприступным, было бы безрассудно, и потому они переместили батареи свои. Едва я поздоровался с Раевским и некоторыми приятелями моими, как начались улыбки, полунасмешливые взгляды и вопросы насчет двухмесячных трудов моих. Боже мой! Какое напряжение — поравнять службу мою с переездами их от обеда на обед по Тарутинской позиции! Иные давали мне чувствовать, что нет никакой опасности действовать в тылу неприятеля; другие — что донесения мои подвержены сомнению; те безмерно хвалили партизанов прошедших войн с тем, чтобы унизить мои поиски; некоторые осуждали светлейшего за то, что дает место в реляциях делам, не достойным внимания; словом, видно было, сколь имя мое, выставленное во всех объявлениях того времени, кололо глаза людям, искавшим в тех же объявлениях имена свои от Немана до Москвы, а от Москвы до Смоленска, и осужденным видеть оные в одних расписаниях нашей армии. Огражденный чистой совестью и расписками на три тысячи пятьсот шестьдесят рядовых и сорок три штаб- и обер-офицера, взятых мною от 2-го сентября до 23-го октября[1], я смеялся над холостым зарядом моих противников и желал для пользы России, чтобы каждый из них мог выручить себя от забвения подобными расписками.

Наделив находившиеся там голодные войска отбитыми мною двумястами штуками скота, я ночевал не помню в какой-то деревушке, у генерала Раевского, и перед рассветом выступил по направлению к Красному.

---

[1] Атаман Платов загремел в Европе чрез кампанию 1807 года. Начальствуя отрядом, составленным из полков: десяти казачьих, 1-го егерского, Павлоградского гусарского и двенадцати орудий донской конной артиллерии, он взял в плен в течение всей вышеозначенной кампании сто тридцать девять штаб- и обер-офицеров и четыре тысячи сто девяносто шесть рядовых. Соразмеряя силу его отряда с моей партией, мне следовало бы взять только семьсот рядовых и двадцать три офицера. Что же причиною, что число пленных, взятых моими двумя полками, почти равняется с числом пленных, взятых двенадцатью полками атамана? Не что иное, как действие двух полков моих на *сообщение* неприятеля, а двенадцати полков атамана — на *фронт боевой линии* оного. В «Опыте партизанского действия», мною изданном, представляется превосходство первого действия над последним.

Первого ноября на походе я догнал колонну генерала Дохтурова и графа Маркова, которые в то время заезжали в какой-то господский дом для привала. Намереваясь вскоре дать отдых партии моей, я указал Храповицкому на ближнюю деревню и приказал ему остановиться в ней часа на два; сам же заехал к генералу Дохтурову, пригласившему меня на походный завтрак. Не прошло четверти часа времени, как Храповицкий прислал мне казака с известием, что светлейший меня требует.

Я никак не полагал столкнуться с главною квартирою в сем направлении; но хо́литься было некогда, я сел на конь и явился к светлейшему немедленно.

Я нашел его в избе; перед ним стояли Храповицкий и князь Кудашев. Как скоро светлейший увидел меня, то подозвал к себе и сказал: «Я еще лично не знаком с тобою, но прежде знакомства хочу поблагодарить тебя за молодецкую твою службу». Он обнял меня и прибавил: «Удачные опыты твои доказали мне пользу партизанской войны, которая столь много вреда нанесла, наносит и нанесет неприятелю».

Я, пользуясь ласковым его приемом, просил извинения в том, что осмелился предстать пред ним в мужицкой моей одежде. Он отвечал мне: «В народной войне это необходимо, действуй, как ты действуешь: головою и сердцем; мне нужды нет, что одна покрыта шапкой, а не кивером, а другое бьется под армяком, а не под мундиром. Всему есть время, и ты будешь в башмаках на придворных балах».

Еще светлейший полчаса говорил со мною, расспрашивал меня о способах, которые я употребил образовать сельское ополчение, об опасностях, в каких я находился, о мнении моем насчет партизанского действия и прочем. В это время вошел полковник Толь с картою и бумагами, и мы вышли из избы.

Я думал, что все кончено, и пошел обедать к знаменитому сладкоеду и обжоре — флигель-адъютанту графу Потоцкому. Но едва успели мы сесть за стол, как вошел в избу лакей фельдмаршала и объявил мне, что светлейший ожидает меня к столу. Я немедленно явился к нему, и мы сели за стол. Нас было шесть человек: сам светлейший, Коновницын, князь Кудашев, Толь, я, недостойный, и один какой-то генерал, которого я забыл и имя, и физиономию. За обедом светлейший осыпал меня ласками, говорил о моих поисках, о стихах моих, о литературе вообще, о письме, которое он в тот день пи-

сал к госпоже Сталь в Петербург[1], спросил о моем отце и о моей матери; отца он знал по его остроумию и рассказал некоторые его шутки, мне даже не известные. Мать мою он не знал, но много говорил об отце ее, генерал-поручике Щербинине, бывшем наместником трех губерний при Екатерине. После обеда я напомнил ему о моих подчиненных; он отвечал мне: «Бог меня забудет, если я вас забуду»,— и велел подать о них записку. Я ковал железо, пока горячо, и представил каждого офицера к двум награждениям. Светлейший беспрекословно все подписал, и я, откланявшись ему, поехал в корчму села сего, где ожидали меня партия моя и брат мой Евдоким, которого я не видал от самого Бородина.

Спустя два часа времени мы выступили в Волково. Извещенный мною из-под Смоленска, а может, вместе со мною и другими партиями о решительном направлении всей французской армии к Красному, светлейший намеревался атаковать ее на марше и поспешил к окрестностям сего города.

Между 1-м и 4-м ноября расположение партизанов было следующее.

Второго граф Орлов-Денисов, соединясь со мною, коснулся корпуса Раевского в Толстяках; мы продолжали путь в Хилтичи, куда прибыли к ночи. Отдохнув три часа, мы пошли к Мерлину.

Третьего отряд графа Ожаровского подошел к Куткову, а партия Сеславина, усиленная партиею Фигнера[2],— к Зверовичам.

Сего числа, на рассвете, разъезды наши дали знать, что пехотные неприятельские колонны тянутся между Никулиным и Стеснами. Мы помчались к большой дороге и покрыли нашею ордою все пространство от Аносова до Мерлина. Неприятель остановился, дабы дождаться хвоста колонны, бежавшего во всю прыть для сомкнутия. Заметив сие, граф Орлов-Денисов приказал нам атаковать их. Расстройство сей части колонны неприятельской способствовало нам почти беспрепятственно затоптать ее и захватить в плен генералов Альмераса и Бюрта, до двухсот нижних чинов, четыре орудия и множество обоза. Наконец подошла старая гвардия, посреди

[1] Князь Кутузов, отличавшийся необыкновенным даром слова, не умел, однако, хорошо излагать на бумаге свои мысли.

[2] Фигнер еще не прибыл в то время из Петербурга, куда, как уже я сказал, он послан был курьером с донесением о деле при Ляхове.

коей находился сам Наполеон. Это было уже гораздо за полдень. Мы вскочили на конь и снова явились у большой дороги. Неприятель, увидя шумные толпы наши, взял ружье под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя одного рядового от сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегали все усилия наши и остались невредимыми... Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов! Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых ремнях с красными султанами и эполетами, они казались как маков цвет среди снежного поля! Будь с нами несколько рот конной артиллерии и вся регулярная кавалерия, бог знает для чего при армии влачившаяся, то как передовая, так и следующие за нею в сей день колонны вряд ли отошли бы с столь малым уроном, каковой они в сей день потерпели.

Командуя одними казаками, мы жужжали вокруг сменявшихся колонн неприятельских, у коих отбивали отстававшие обозы и орудия, иногда отрывали рассыпанные или растянутые по дороге взводы, но колонны оставались невредимыми.

Видя, что все наши азиатские атаки рушатся у сомкнутого строя европейского, я решился под вечер послать Чеченского полк вперед, чтобы ломать мостики, находящиеся на пути к Красному, заваливать дорогу и стараться всяким образом преграждать шествие неприятеля; всеми же силами, окружая справа и слева и пересекая дорогу спереди, мы перестреливались с стрелками и составляли, так сказать, авангард авангарда французской армии.

Я как теперь вижу графа Орлова-Денисова, гарцующего у самой колонны на рыжем коне своем, окруженного моими ахтырскими гусарами и ординарцами лейбгвардии казацкого полка. Полковники, офицеры, урядники, многие простые казаки бросались к самому фронту,— но все было тщетно! Колонны валили одна за другою, отгоняя нас ружейными выстрелами, и смеялись над нашим вокруг них безуспешным рыцарством.

В течение дня сего мы еще взяли одного генерала (Мартушевича), множество обозов[1] и пленных до семи-

[1] В числе оных взята была моими казаками карета господина Фена с картами топографического кабинета Наполеона, с рукописями и с бумагами. К несчастью, я узнал о том вечером, когда, подошед к бивачному огню, я увидел все сии сокровища пылающими в

сот человек; но гвардия с Наполеоном прошла посреди толпы казаков наших, как стопушечный корабль между рыбачьими лодками.

В сумерках Храповицкий едва не попался в плен шедшей близ дороги неприятельской кавалерии. Приняв ее за нашу, он подъехал к самому фронту неприятельскому так близко, что, будучи весьма близорук, мог уже приметить медные *одноглавые* орлы на киверах солдат и офицеров и услышать шепот их. Он бросился прочь во всю прыть; офицеры — за ним, стреляя из пистолетов, и хотя ранили лошадь его, но так легко, что он успел невредимо перелететь, так сказать, чрез яр, в сем месте находящийся, и соединиться с нами. В сем деле у Бекетова была убита лошадь ядром и несколько казаков было ранено.

После сего поиска мы отошли в Хиличи, где граф Орлов-Денисов сдал отряд свой присланному на его место генерал-маиору Бороздину. Из Хиличи я пошел в Палкино и послал сильный разъезд к Горкам с повелением пробираться в Ланники, куда я взял свое направление. В день дела нашего под Мерлином Сеславин напал на Боево и Ляды, где отбил два магазина и взял много в плен; но в ту же ночь Ожаровский поражен был в селе Куткове. Справедливое наказание за бесполезное удовольствие глядеть на тянувшиеся неприятельские войска и после спектакля ночевать в версте от Красного, на сцене между актерами. Генерал Роге, командовавший молодою гвардиею, подошел к Куткову во время невинного усыпления отряда Ожаровского и разбудил его густыми со всех сторон ружейными выстрелами. Можно вообразить свалку и сумятицу, которая произошла от сего внезапного пробуждения! Все усилия самого Ожаровского и полковника Вуича, чтобы привести в порядок дрогнувшие от страха и столпившиеся в деревне войска их, были тщетны! К счастью, Роге не имел с собою кавалерии, что способствовало Ожаровскому, отступя в Кутково, собрать отряд свой и привести оный в прежде бывший порядок, с минусом половины людей.

Четвертого, в ночи, он прибыл в Палкино, откуда по прибытии его я выступил чрез Боево к Лядам. Около сего места партия моя снова столкнулась с французами.

костре. Все, что я мог спасти, состояло в карте России господина Самсона, в кипе белой веленевой бумаги и в визитных карточках, с которыми господин Фен намеревался разъезжать с визитами по Москве, и по коим я узнал, что все сие ему принадлежит

Тогда подходил к Лядам корпус вице-короля Италианского. Расстройство, понесенное оным на Вопе и между Смоленском и Красным, дозволило нам отбить большое число обозов и взять четыреста семьдесят пять пленных, между коими находилось несколько офицеров. Ночью на 6-е число явились ко мне в Боево Вильманстрандского пехотного полка маиор Ванслов и капитан Тарелкин, ушедшие из плена. Они объявили мне, что Наполеон при них въехал в Дубровну. Я их отослал в главную квартиру и в три часа пополуночи выступил в Ланники.

От самой Вязьмы образ нашей жизни совершенно изменился. Мы вставали в полночь. В два часа пополуночи обедали так плотно, как горожане обедают в два часа пополудни, и в три часа выступали в поход.

Партия шла всегда совокупно, имея авангард, арьергард и еще один отряд со стороны большой дороги, но все сии отделения весьма близко от самой партии. Я ехал между обоими полками иногда верхом, иногда в пошевнях, которые служили мне ночью вместо квартиры и кровати.

Когда не было неприятеля, то за полчаса до сумерков оба полка спешивались и от того приходили на ночлег с выгулявшимися лошадьми, коих немедленно становили к корму. По приведении в устройство всей военной предосторожности мы немедленно ложились спать и во втором часу садились снова за трапезу, на конь и пускались в погоню.

Кочевье на соломе под крышею неба! Вседневная встреча со смертию! Неугомонная, залетная жизнь партизанская! Вспоминаю о вас с любовью и тогда, как покой и безмятежие нежат меня, беспечного, в кругу милого моего семейства! Я счастлив... Но отчего тоскую и теперь о времени, когда голова кипела отважными замыслами и грудь, полная обширнейших надежд, трепетала честолюбием изящным, поэтическим?

По отступлении неприятеля от Красного размещение партизанов было следующее. Отряд Бороздина, заняв Ляды 7-го и Дубровну 8-го, шел к Орше. Отряд графа Ожаровского, пройдя возле большой дороги от Нейкова до Козяков, обращен был к Горкам. 9-го Сеславин из селения Грехова, что около Корытни, шел в направлении к Копысу. Как тот, так и другой — в намерении атаковать кавалерийское депо, о коем я узнал только в Ланниках чрез разъездных, посланных мною из Палкина в Горки.

В ночь на 6-е число разъездные мои, посланные в селение Сыву, перехватили рапорт к маршалу Бертье от начальника означенного депо — маиора Бланкара. Узнав о числе войск его по ведомости, приложенной при рапорте, я рассудил, что поиски, предпринимаемые партизанами против отступающих колонн главной армии, могут без осуждения быть неудачными (плетью обуха не перешибешь), но что нападение на отдельную часть, столь необходимую французской армии, каково кавалерийское депо, надлежит произвести с полною уверенностию в успехе, дабы тем лишить кавалерию неприятельскую лучших всадников и почти всего имущества — генералов, штаб- и обер-офицеров армии.

Рассуждение сие понудило меня, во-первых, отсрочить нападение на депо, ровно вшестеро сильнее моей партии, во-вторых, немедленно отослать перехваченные мною бумаги в главную квартиру, подходившую тогда к Романову (в шестнадцати верстах от меня, то есть от Ланников, где я находился), в-третьих, просить у светлейшего одного полка пехоты и двух орудий на подкрепление и, наконец, в-четвертых, употребить все способы до прибытия требуемых мною войск, чтобы не спускать с глаз означенное депо, дабы, в случае движения его за Днепр, напасть на него с тем, чем бог послал.

В ночь на 8-е число засада, поставленная мною на дороге, из Орши в Горки лежащей, перехватила прежде курьера, а через два часа жида[1], посланных от маршала Бертье к Бланкару с повелением идти наипоспешнее за Днепр. В ту же минуту дали мне знать, что один из разъездов моих, ходивший из Савы к Горкам, вступил беспрепятственно в сие местечко, что вместо депо встретил там отряд графа Ожаровского и что, по известиям от жителей, неприятель пошел к Копысу. Немедля мы пустились, чрез Горяны и Бабиники, к сему же городу.

На походе узнал я, что депо прибыло в Копыс и заняло его, со всею воинской предосторожностию, половинным числом пеших кавалеристов, дабы назавтра прикрыть ими переправу тягостей, защищаемых другою половиною сей сволочи. Обстоятельство это понудило меня остановиться скрытно в шести верстах от Копыса, при селе Сметанке, с намерением не прежде предпринять нападение, как по переправе половины депо чрез

---

[1] Этот жид имел на себе дубликат, ибо такое же повеление нес на себе другой жид, которого перехватил Сеславин.

реку, и тогда разбить поодиночке: одну часть на сей, а другую — на той стороне Днепра. Река сия не была еще схвачена льдом, одни края оной были легко замерзшими.

Девятого, поутру, мы помчались к Копысу. Почти половина депо была уже на противоположном берегу; другая половина, оставшаяся на сей стороне, намеревалась вначале защищаться против вскакавших в главную улицу гусаров моих и донского полка Попова 13-го; но коль скоро Чеченский с Бугским своим полком пробрался вдоль берега и явился в тылу оной, среди города, у переправы,— тогда все стало бросать оружие, отрезывать пристяжки у повозочных лошадей и переправляться где попало вплавь на противоположный берег. Мгновенно река покрылась плывущими и утопающими людьми и лошадьми. Берега оной и сама она завалилась фурами, каретами и колясками. В улицах началась погоня и резня беспощадная, а с противного берега открылся по нас сильный ружейный огонь. Желая дать время рассыпанным по городу казакам моим окончательно очистить улицы от неприятеля, я остановился с резервом на площади у самого берега и велел привести ко мне мэра (городничего), определенного в город сей французами. По дошедшим ко мне слухам, он притеснял и даже убивал пленных наших в угождение полякам. Привели пред меня какого-то рябого и среднего роста человека. Он на чистом русском языке просил у меня позволения объясниться, в одно время как жена его с престарелой матерью своей бросились к ногам моим и просили ему помилования. Пули осыпали нас. Я им сказал, что тут не их место, и просил удалиться, дав честное слово, что господин Попов (так звали сего мнимого мэра) нимало не пострадает, если он невиновен, и отдал его под стражу до окончания дела.

Вскоре наездники мои очистили от неприятеля улицы. Я собрал полки и, невзирая на стрельбу, производимую с противного берега, пустился двумя толпами вплавь чрез Днепр, оплывая, так сказать, справа и слева линию стрелков, защищавших переправу. Еще мы не коснулись до берега, как бо́льшая часть сих стрелков пришла в смятение, стала бросать оружие и кричать, что они сдаются. Мы переправились. Я отрядил сотню казаков для забрания сдавшихся в плен, скрывавшихся в Александрии[1] и бежавших в разброде чрез столбовую Белорусскую дорогу. Вся партия пустилась за остатками депо, направление которого показывали нам брошенные фуры, повозки и от-

[1] Село, отделенное Днепром от Копыса.

ставшие пехотинцы от главной массы, состоявшей уже не более как в двести пятьдесят рядовых и офицеров, ибо все разбрелось по лесам, погибло в реке, поколото казаками и захвачено ими в плен. Сих последних было шестьсот рядовых и, помнится, около десяти офицеров.

Окончa преследование в нескольких верстах от берега, я послал поручика Макарова со ста казаками по дороге к Толочину, а подполковника Храповицкого со ста пятьюдесятью казаками в Шклов. Сам же с остальною частью партии воротился в Копыс, где удостоверился, что господин Попов не только не исполнял должности мэра, но даже скрывался с семьею своею в лесах во время властвования в сем краю неприятеля. Видя невинность сего чиновника, я поручил ему временное управление городом и велел открыть магистрат по-прежнему. Истинного же мэра отыскал и отослал в главную квартиру с описанием его неистовств с русскими пленными и лихоимства с жителями.

Не прошло двух часов, как прибыл в Копыс Шамшева казачий полк с ста пятьюдесятью Мариупольского полка гусарами, под командою подполковника Павла Ржевского. Сей офицер известил меня, что граф Ожаровский, не застав неприятеля в Горках и видя невозможность догнать его целым отрядом, отрядил часть оного к Копысу, а сам обратился к Шклову, занимаемому, по слухам, дошедшим до графа, сильным неприятельским отрядом. Хотя я верно знал, что в Шклове было не более шестидесяти человек неприятеля, при всем том не мог я чрез Ржевского не пожелать графу Ожаровскому победы и славы тем чистосердечнее, что сражение с шестьюдесятью человеками исполняло если не все, то по крайней мере первую часть моего желания. Обеты мои остались втуне, но когда 10-го числа отряд генерала сего готовился уже переправляться чрез Днепр для атаки на Шклов, Храповицкий явился к нему из сего местечка и объявил, что он накануне еще занял оное своими казаками без сопротивления.

Спустя несколько часов после прибытия Ржевского в Копыс, прибыл туда же и Сеславин. Он немедленно переправился чрез Днепр и, простояв в Александрии до 11-го числа, выступил оттуда чрез Староселье, Круглое и Кручу вслед за французскою армиею.

В ожидании отряда, посланного с поручиком Макаровым к Толочину, я принужден был пробыть в Копысе день более, нежели Сеславин. Тут меня оставили мичман

Храповицкий, титулярный советник Татаринов, землемер Макаревич и Федор, приставший ко мне из Царева-Займища. Отдав долг свой отечеству, они возвратились на родину с торжествующей совестию после священного дела! Исключая Храповицкого, два последние были бедные дворяне, а Федор — крестьянин; но сколь возвышаются они пред потомками тех древних бояр, которые, прорыскав два месяца по московскому бульвару с гремучими шпорами и с густыми усами, ускакали из Москвы в отдаленные губернии, и там,— пока достойные и незабвенные соотчичи их подставляли грудь на штык врагов родины,— они прыскались духами и плясали на могиле отечества! Некоторые из этих бесславных беглецов до сих пор воспоминают об этой ужасной эпохе, как о счастливейшем времени их жизни! И как быть иначе? Как действительному статскому советнику забыть генеральские эполеты, а регистратору — усы и шпоры?

Двенадцатого я получил повеление оставить прикомандированный ко мне 11-й егерский полк на переправе при Копысе. Хотя по сей только бумаге узнал я, что, вследствие просьбы моей, полк сей был ко мне назначен,— при всем том я с сожалением переслал оному данное мне повеление. Мы подходили к лесистым берегам Березины; пехота была необходима, а пехоту у меня отнимали; что было делать? Я прибегнул к прибывшему в город генералу Милорадовичу, который на время одолжил меня двумя орудиями конной артиллерии и тем несколько исправил мое положение.

С вышесказанной бумагой я получил другую следующего содержания: «Полагая генерал-адъютанта Ожаровского весьма слабым, чтобы одному предпринять поиски на Могилев без генерал-лейтенанта Шепелева, имеете, ваше высокоблагородие, немедленно присодиниться к нему и состоять в команде его до овладения Могилевом. По овладении же, отделясь от него, идти форсированными маршами к местечку Березине, где остановиться, ибо вероятно, что около сего места удастся вам многое перехватить, и для того, прибыв туда, отрядить партию в сторону Бобра и Гумны. Генерал-лейтенант Коновницын. 11-го ноября. На марше к деревне Лещи».

Сия бумага довершила неприятность! Я всегда был готов поступить под начальство всякого того, кого вышняя власть определяла мне в начальники; скажу более: под Ляховым и Мерлином я сам добровольно поступил в команду к графу Орлову-Денисову, потому что я видел

в том пользу службы; но тут обстоятельства были иные. Отряд графа Ожаровского достаточен был по силе своей для овладения Могилевом, хотя бы город сей и не был 9-го оставлен отрядом неприятельским, состоявшим в тысячу двести человек польских войск[1]. Я видел ясно, что направление, данное мне к местечку Нижнему Березину, и предписание наблюдать за неприятельскою армиею к Бобру и Гумнам основывались на предположении, что армия эта склонится к Нижнему Березину и Гумнам и чрез то совершенно прекратит фланговое преследование наше, столько пользы нам принесшее! Конечно, я не в состоянии был преградить путь целой армии слабым моим отрядом, если бы дело пришло до драки; но при бедственном положении неприятеля необходимо нужно было считать и на расстройство нравственной силы оного: часто сто человек, которые нечаянно покажутся на дороге, по коей отступает неприятельская армия, напугают ее более, нежели несколько тысяч, когда дух ее еще не потрясен неудачами. Рассуждение сие решило меня идти прямо на Шклов, Головнино и Белыничи, о чем я предварительно известил как графа Ожаровского, так и Коновницына, и принял на себя ответственность за непослушание.

Тринадцатого, к ночи, партия моя прибыла в Головнино. Я узнал, что местечко Белыничи занято отрядом польских войск, прикрывающих гошпиталь, прибывший туда из Нижнего Березина, по причине появления у местечка сего отряда графа Орурка от Чичагова армии.

Рано 14-го числа мы выступили к Белыничам. На походе встретили мы Ахтырского гусарского полка поручика Казановича, который, полагая край сей очищенным от неприятеля, ездил из полка к родителям своим для свидания с ними и во время скрытного двухдневного пребывания у них видел дом родительский, посещаемый несколько раз грабителями из Белыничей. Он, узнав о приближении моем к сему местечку, сел на конь и поскакал ко мне навстречу, чтобы уведомить меня о пребывании неприятеля в местечке, о числе оного и вместе с тем чтобы быть вожатым моим по дорогам, более ему, нежели мне, известным.

Местечко Белыничи, принадлежащее князю Ксаверию Огинскому, лежит на возвышенном берегу Друцы, имеющей течение свое с севера к югу. По дороге от Шклова

[1] Дивизионный генерал маркиз Илорно, или Алорно, португалец родом, бывший губернатор в Могилеве, оставил город сей 9-го ноября и отошел в Бобр.

представляется поле плоское и обширное. За местечком — один мост чрез Друцу, довольно длинный, потому что берега оной болотисты. За мостом, на пути к местечку Эсмонам, частые холмы, покрытые лесом; от Эсмонов до Березины лес почти беспрерывный.

Мы подвигались рысью. Неприятельская кавалерия выехала из Белыничей и была подполковником Храповицким и маиором Чеченским немедленно опрокинута в местечко, занятое двумя сильными баталионами пехоты. Ярость в преследовании увлекла нас на баталионы. Они встретили нас, как следует встречать нападающих, когда хочешь защищаться с честью. Видя затруднение пробиться сквозь местечко, я думал, что можно обойти его справа от стороны фольварка Фойны, но вскоре уверился, что, по причине несколькодневной оттепели и болотистых берегов реки, еще более найду затруднения в обходе, нежели в прямом ударе. Обстоятельство это решило меня вломиться в главную улицу. Чтобы облегчить мое предприятие, я велел открыть огонь из орудий вдоль по оной улице. Неприятельская колонна расступилась направо и налево, но, пользуясь местностию, не переставала преграждать вступлению нашему в улицу густым ружейным огнем из-за изб, плетней и заборов. Я не умею отчаиваться, но было отчего прийти в отчаяние. Тщетно я умножал и усиливал покушения мои, чтобы вытеснить неприятеля из засады, им избранной: люди и лошади наши падали под смертоносным огнем, но ни на шаг вперед не подавались. Это был мой Аркольский мост! Однако медлить было некогда: с часа на час граф Ожаровский мог прийти от Могилева и, посредством пехоты своей, вырвать у меня листок лавра, за который уже я рукой хватался! Мы разрывались с досады! Брат мой Лев [1], будучи моложе всех, менее других мог покоряться препятствиям. Он пустился с отборными казаками вдоль по улице и, невзирая на град пуль, осыпавших его и казаков, с ним скакавших, ударил на резерв, показавшийся в средине оной, и погнал его к мосту. Но и удар этот ни к чему не послужил! Получа две пули в лошадь, он принужден был возвратиться к партии, которой я удержал стремление за ним, ибо долг ее был вытеснить неприятеля из местечка, а не проскакивать чрез оное, оставляя его полным неприятельскою пехотою.

[1] Он был тогда подпоручиком 26-го егерского полка и адъютантом генерала Бахметева. Когда генерал сей лишился ноги в Бородинском сражении, он пристал к генералу Раевскому, а потом служил в моей партии.

Между тем подполковник Храповицкий с отрядом гусар и казаков занял с боя гошпиталь и магазин, возле мастечка находившиеся, и ожидал дальнейшего повеления. К счастью, я его не отозвал назад по совершении данного ему препоручения, ибо прибывший из графа Ожаровского отряда казачий полковник Шамшев, желая впутаться в дело, стал уже занимать гошпиталь и магазин в славу собственную. Храповицкий выгнал его вон, как хищника чужой добычи. Он оставил оную и остановился с полком своим в поле, не желая нисколько помогать нам и содействовать к овладению местечком.

Неприятель продолжал упорствовать в главной улице. Отдавая должную справедливость храбрости противников моих, но кипя желанием истребить их прежде прибытия всего отряда графа Ожаровского, коего авангардом был вышесказанный казачий полк, я решился зажечь избы брандкугелями. В самое то время неприятель начал собирать стрелков своих и строиться на улице в колонну, как казалось, для ухода. Оставя намерение зажигать избы, я немедленно приказал садить в него картечами, что ускорило выступление его из местечка. Он потянулся чрез мост по дороге к Эсмонам.

Пропустя колонну далее в поле, мы объехали оную со всех сторон, не переставая разрывать ее пушечными выстрелами. Командующий артиллериею моею поручик Павлов стрелял из одного орудия картечами и ядрами, а из другого гранатами. Хвост колонны лоском ложился по дороге, но сама она смыкалась и продолжала отступление, отстреливаясь. Наконец, в намерении воспользоваться закрытым местоположением, дабы вовсе от нас отделаться, хотя с пожертвованием части своих товарищей, начальник колонны отделил в стрелки около половины колонны. Едва войска сии успели отделиться, как командовавший отборными казаками брат мой Лев ударил на оных из-за леса, обратил их в бегство, отхватил в плен подполковника, двух капитанов и девяносто шесть рядовых, прочих частию поколол, а частию вогнал обратно в колонну,— и запечатлел кровию отважный свой подвиг[1].

Как ни прискорбно было мне видеть брата моего жестоко раненным на поле битвы, но, победя чувство род-

---

[1] Он был ранен в левую ляжку пулею, от которой освободился только в 1818 году, что, однако же, не воспретило ему служить с честью в 1813 и 1814 года кампании. Он ныне генерал-маиором в отставке.

ства и дружбы высшим чувством, я продолжал преследование. Еще от села Мокровичей я отрядил сотню казаков к Эсмонам с повелением разобрать столько моста на реке Ослике, сколько время позволит, и потом скрыться в засаде у переправы. Намерение мое было сделать решительный натиск у сего пункта и тем прекратить бой, стоящий уже мне весьма дорого. И подлинно, неприятель, подшед к Эсмонам, встретил и препятствие для переправы и ружейный огонь казаков, засевших у моста. Выстрелы оных были сигналом для нашего нападения: мы со всех сторон ударили. Колонна разделилась: одна половина оной стала бросать оружие, но другая, отстреливаясь из-за перилов моста и из-за ив, растущих вокруг оного, набросала несколько досок, разбросанных казаками моими, переправилась чрез реку и отступила лесами к Нижнему Березину.

В сем деле мы овладели магазином и гошпиталем в Белыничах. В первом найдено четыреста четвертей ржи, сорок четвертей пшеницы, двести четвертей гречихи и пятьдесят четвертей коноплей, а в последнем взяли двести девяносто человек больных и пятнадцать лекарей. Взят один подполковник, четыре капитана и сто девяносто два рядовых, весь обоз и сто восемьдесят ружей.

Справедливость велит мне сказать, что брат мой Лев был героем сего дела.

Возвратясь в село Мокровичи, я немедленно послал выбрать лучших двух хирургов из пятнадцати лекарей, отбитых нами в белыничевском гошпитале, приставил одного из них к брату, другого — к раненым казакам, и отправил весь сей караван в Шклов 15-го поутру.

Грустно мне было расставаться с страждущим братом моим и отпускать его в край, разоренный и обитаемый поляками, чуждыми сожаления ко всякому, кто носит имя русское! К тому же, если б урядник Крючков не ссудил меня заимообразно двадцатью пятью червонными, я принужден был бы отказать брату и в денежном пособии, ибо казна моя и Храповицкого никогда не превышала двух червонных во все время наших *разбоев:* вся добыча делилась между нижними чинами.

Я велел в тот же день сдать под расписку пана Лепинского, управителя графа Огинского имения, отбитые нами у неприятеля магазин, гошпиталь, ружья, обоз и пленных, послал с рапортом об сем деле курьера в главную квартиру, находившуюся в Круглом, и выступил сам по данному мне направлению.

Между тем на берегах Березины совершались громадные события. Наполеону, в первый раз испытавшему неудачу, угрожала здесь, по-видимому, неизбежная гибель. В то время как обломки некогда грозной его армии быстро следовали к Березине, чрез которую им надлежало переправиться, сюда стремились с разных сторон три русские армии и многие отдельные отряды. Казалось, конечная гибель французов была неминуема, казалось, Наполеону суждено было здесь либо погибнуть с своей армией, либо попасться в плен. Но судьбе угодно было здесь еще раз улыбнуться своему прежнему баловню, которого присутствие духа и решительность возрастали по мере увеличения опасности. С трех сторон спешили к Березине Чичагов, Витгенштейн, Кутузов и отряды Платова, Ермолова, Милорадовича, Розена и другие. Армия Чичагова, которую Кутузов полагал силою в шестьдесят тысяч человек, заключала в себе лишь тридцать одну тысячу человек, из которых около семи тысяч кавалерии; она была ослаблена отделением Сакена с двадцатью семью тысячами человек против Шварценберга и неприбытием Эртеля с пятнадцатью тысячами человек, отговаривавшегося незнанием, следовать ли ему с одной пехотой или вместе с кавалериею. Грустно думать, что в столь тяжкое для России время могли в ней встречаться генералы, столь легко забывающие священные обязанности свои относительно отечества.

Чичагов, занимая правый берег Березины, господствующий над левым, должен был наблюдать большое пространство по течению реки, близ которой местность была весьма пересечена и болотиста. Армия Витгенштейна следовала также по направлению к Березине; утомленная, по-видимому, одержанными успехами, она подвигалась медленно и нерешительно. Мужественный, но недальновидный защитник Петрополя, гордившийся одержанием победы в каких-то десяти генеральных сражениях, был совершенно обманут французским генералом Legrand. В одном из донесений Витгенштейна сказано, что против него находилась дивизия стрелков; это были лишь стрелки, вызванные из пехотной дивизии. Генерал Legrand, ослабленный отделением значительных сил, соединившихся с Наполеоном, отступил весьма искусно от Чашников и Череи. Если бы Витгенштейн преследовал его деятельно и теснил бы французов не ощупью и не так слабо, Legrand, имея лишь весьма мало пехоты, мог бы быть совершенно истреблен или, по крайней мере, значительно

ослаблен. Витгенштейн должен был понять, что развязка кровавой драмы должна была воспоследовать на берегах Березины, а потому он должен был, уничтожив или, по крайней мере, значительно ослабив войска Legrand, быстро двинуться к этой реке. Впоследствии Витгенштейн уверял, что он лишь потому не соединился с войсками адмирала, что ему надлежало преследовать баварцев, которые, как известно, выступили из окрестностей Полоцка [1].

Прибыв весьма поздно с одним своим штабом в Борисов, Витгенштейн обнаружил впоследствии большую нерешительность относительно войск Викто́ра, которые, после переправы Наполеона чрез Березину, могли быть легко уничтожены. Между тем князь Кутузов писал адмиралу из Копыса от 13-го ноября, за № 562: «Если Борисов занят неприятелем, то вероятно, что оный, переправясь чрез Березину, пойдет прямейшим путем к Вильне, идущим чрез Зембино, Плещеницы и Вилейку. Для предупреждения сего необходимо, чтобы ваше высокопревосходительство заняли отрядом дефилею при Зембине, в коей удобно удержать можно гораздо превосходнейшего неприятеля. Главная наша армия от Копыса пойдет чрез Староселье, Цегержин, к местечку Березино, во-первых, для того, чтобы найти лучше для себя продовольствие, а во-вторых, чтобы упредить оного, если бы пошел от Бобра чрез Березино на Игумен, чему многие известия дают повод к заключениям». Кутузов, с своей стороны, избегая встречи с Наполеоном и его гвардией, не только не преследовал настойчиво неприятеля, но, оставаясь почти на месте, находился во все время значительно позади. Это не помешало ему, однако, извещать Чичагова о появлении своем на хвосте неприятельских войск. Предписания его, означенные задними числами, были потому поздно доставляемы адмиралу; Чичагов делал не раз весьма строгие выговоры курьерам, отвечавшим ему, что они, будучи посланы из главной квартиры гораздо позднее чисел, выставленных в предписаниях, прибыли к нему в свое время.

Пока князь Кутузов оставался в Копысе и его окрестностях, Наполеон, усиленный войсками Викто̀ра, Удино̀ и остатками отряда Домбровского, подошел к Березине.

---

[1] Граф Витгенштейн обязан был взятием Полоцка ополчению, коим предводительствовал действительный статский советник Мордвинов, которому здесь неприятельское ядро раздробило ногу. Уже было послано войскам приказание отступать, но ратники воспротивились, и Витгенштейн, вынужденный их поддержать, овладел городом.

Множество примеров из истории убеждают нас в невозможности силою воспрепятствовать неприятелю совершить переправу чрез реку, но затруднить ее по возможности — всегда во власти военачальника противной армии. Чичагов, которому приходилось наблюдать по течению Березины на расстоянии восьмидесяти верст от Веселова до Нижнего Березина, был введен в заблуждение следующими обстоятельствами: действием Удино́, расположившего свои посты на тридцативерстном пространстве выше и ниже Борисова и занявшего отрядом Ухолоды, где делались приготовления для переправы, известиями о приближении австрийцев со стороны Сморгони и, наконец, намеками Кутузова, убежденного, что Наполеон направится к Нижнему Березину. Все это побудило Чичагова двинуться к Шабашевичам. Между тем Наполеон под прикрытием сорокапушечной батареи, устроенной близ Студенок в узком месте реки, благополучно переправился чрез нее. Слабый авангард Чаплица, не будучи в состоянии оказать сопротивления неприятелю, отступил к Стахову; двинувшись один к Зембину, этот авангард отделился бы от прочих частей армии и был бы неминуемо истреблен. Удино́, переправившись во главе французской армии и расположившись между Брилем и Стаховым, занял небольшим отрядом Зембинское дефиле. Чаплиц, слабо подкрепленный Чичаговым, которого шесть гренадерских баталионов остались далеко назади, не мог даже развернуть всех сил своих, так что одна артиллерийская рота стреляла чрез головы других. Чичагов, выслав Сабанеева с войсками к Стахову, приказал изнуренным отрядам Ермолова и Платова стать там же в резерве. Завязался в лесу кровопролитный, но бесполезный бой; французская кавалерия яростно атаковала нашу пехоту, причем мужественный князь Щербатов едва не был взят в плен.

Вместо ошибочного движения на Игумен, Чичагову надлежало, заняв центральный пункт, выслать вверх и вниз по реке отряды для открытия неприятеля; движение на Игумен ничем не может быть оправдано. Что касается других обвинений, так, например, относительно порчи частей в Зембинском дефиле, Чичагов[1] в этом мало

---

[1] Адмирал Чичагов, названный Наполеоном cet imbécile d'amiral (этот слабоумный адмирал *(фр.)*), был весьма умен, остер и изъяснялся весьма хорошо и чисто на французском и английском языках. Управление его морским министерством было ознаменовано тремя подвигами: истреблением части Балтийского флота (по мнению

виноват; им был послан с атаманским казачьим полком Кайсаров, которому было строго предписано испортить все гати этого дефиле. Кайсаров поднялся вверх по реке Гайне на расстоянии около двадцати верст, с намерением приступить к порче гатей с тыла; глубокие и топкие места, окружающие Гайну, никогда в самую суровую зиму не замерзающие, не дозволили ему привести это предприятие в исполнение. Если б оно удалось, Наполеон нашелся бы вынужденным обратиться на Минск, которым бы вскоре неминуемо овладел. Овладение этим городом было для нас и для французов делом первостепенной важности; здесь были найдены нами богатые магазины с запасами, привезенными из Франции, которыми наша армия воспользовалась. Наполеон, овладев Минском, мог бы здесь остановиться и дать время своим войскам сосредоточиться и отдохнуть. Князь Кутузов, не желая, ве-

---

некоторых, была уничтожена лишь самая гнилая и негодная часть флота) как бесполезного для России, потому что Зунд принадлежит Дании, испрошением адмиралу Сенявину ордена св. Александра Невского вместо св. Георгия 2-го класса за победу при Тенедосе, где им было выказано более мужества, чем искусства, и переменою покроя морского мундира. Оставив министерство, он долго жил за границей и, по возвращении своем был послан в Молдавию, негодуя на светлейшего, лишившего его чести подписать мир с турками, он обнаружил некоторые злоупотребления князя во время командования его молдавскою армиею.

Он вознамерился (по мнению некоторых, вследствие особого приказания) сделать диверсию полумиллионной армии Наполеона, подступавшей уже к Москве, движением своим чрез Кроацию и Боснию в Италию; он для этой цели остановился в Яссах, где, как говорят, приказал убить несколько тысяч волов, из которых ему хотелось сделать бульон на армию. В армии Чичагова господствовала строгая дисциплина, далеко превосходившая ту, которая существовала в армии Витгенштейна. Во время обеда, данного Чичаговым в Борисове, авангард его под начальством графа Павла Палена, выставленный в Неманице, был опрокинут войсками Домбровского, которые преследовали наших до самого города; все устремились к единственному мосту, где столпились в страшном беспорядке. К счастью, неприятель, пришедший сам в расстройство, не мог довершить поражения; однако несколько орудий, много обозов и серебряный сервиз адмирала достались ему в руки. Когда Чичагов, вернувшись из Игумена, решился атаковать французов, он, по мнению некоторых, обратясь к своему начальнику штаба Ивану Васильевичу Сабанееву (отличноспособному генералу, которого Ермолову удалось впоследствии оправдать в глазах императора Александра, почитавшего его пьяницей), сказал ему: «Иван Васильевич, я во время сражения не умею распоряжаться войсками, примите команду и атакуйте неприятеля». Сабанеев атаковал французов, но был ими разбит по причине несоразмерности в силах.

Военный писатель, генерал Водонкур, человек весьма умный, но не храбрый, знавший отлично теорию военного искусства до первого

роятно, подвергать случайностям исход кампании, принявшей для нас столь благоприятный оборот, и постоянно опасавшийся даже близкого соседства с Наполеоном и его гвардиею, не решился бы, без сомнения, его здесь атаковать. Неизвестно, какой бы в этом случае оборот приняли дела?

Хотя я враг правила, предписывающего строить золотой мост отступающему неприятелю, но здесь обстоятельства вынуждали нас не затруднять Наполеону движения чрез Зембинское дефиле по следующим причинам: во-первых, армии, которым надлежало соединиться на Березине для совокупной атаки, были весьма разобщены, и притом они не были, по-видимому, расположены оказать деятельное содействие одна другой, вследствие неприязни и зависти, существовавшей между военачальниками; Витгенштейн не хотел подчиниться Чичагову, которого, в свою очередь, ненавидел Кутузов за то, что адмирал обнаружил злоупотребления князя во время его командования молдавской армией. Во-вторых, Наполеон, занимая центральный пункт относительно наших армий, имел под руками восемьдесят тысяч человек; он мог легко раздавить любую армию, которая, не будучи поддержана другими, решилась бы преградить ему дорогу. Наконец французы, сознавая вполне свое гибельное положение и невзирая на понесенные страшные потери, обнаружили здесь отчаянное мужество. Отряд Ермолова перешел, вопреки приказанию Кутузова, Днепр близ Дубровны по сожженному мосту, на полуобгоревшие сваи которого были набросаны доски, которые были перевязаны веревками. Спутанные лошади перетаскивались с величайшим затруднением по этому мосту с помощью веревок, привязанных за хвосты. Переправившись чрез Днепр, Ермолов встретил жида с донесением Витгенштейна светлейшему; прочитав его, Ермолов писал отсюда Кутузову: «Я из этого донесения заключаю, что неприятель кругом обманул графа Витгенштейна, который потому отстанет от него, по крайней мере, на полтора марша». Прибыв в Лошницы, Ермолов чрез адъютанта Чичагова — Лисаневича — получил приказание поспешить к Березине. Совершив почти два перехода в одни сутки, он прибыл в Бори-

---

выстрела и пользовавшийся долго гостеприимством Чичагова, написал ему похвальное слово. Генерал Гильемино, человек глубоких сведений, ясного ума и блистательной храбрости, бывший начальником штаба 4-го италианского корпуса, артиллериею которого командовал Водонкур, говорил мне, что он во время сражения никогда не мог отыскать Водонкура для передачи ему приказаний.

сов, где представлялся графу Витгенштейну, который с гордостью говорил ему о выигранных им десяти сражениях. Этот рассказ мужественного защитника Петрополя был прерван неуместными аплодисментами гвардии поручика О[кунева], известного впоследствии по своим военным сочинениям.

Это может служить мерилом той дисциплины, которая господствовала в войсках этого генерала. Умный, благородный и почтенный генерал И. М. Бегичев, бывший начальником артиллерии при взятии Праги в 1794 году и называвший графа Аракчеева в эпоху его могущества графом Огорчеевым, увидав здесь Ермолова, закричал ему, невзирая на присутствие Витгенштейна и его штаба: «Мы ведем себя как дети, которых надлежит сечь; мы со штабом здесь, и то гораздо позднее, чем следовало, а армия наша двигается бог знает где, какими-то линиями». Ермолов, явившись к Чичагову, решился подать ему совет не портить Зембинского дефиле; он говорил, что по свойству местности, ему смолоду хорошо известной, это почти неудобоисполнимо по причине болот и топей, окружающих речку Гайну, но если б и удалось испортить некоторые более доступные гати, то они от действия мороза не могли бы затруднить движение неприятеля, который, не будучи обременен тяжестями, мог легко по ним следовать; во-вторых, адмиралу, которого армия была вдвое слабее того, чем полагал князь Кутузов, невозможно было одному, без содействия армии князя и Витгенштейна, бывших еще далеко позади, преградить путь Наполеону. Чичагову пришлось бы выдержать напор восьмидесятитысячной неприятельской армии на местности лесистой, болотистой и весьма невыгодной для принятия боя. На этой местности, в особенности совершенно неудобной для действия кавалерии, он мог противопоставить Наполеону лишь двадцать тысяч человек пехоты; французы же, понимая, что залог спасения заключался для них лишь в отчаянном мужестве, стали бы сражаться как львы. Наконец,— присовокупил он, — если даже удастся испортить дефиле, Наполеон будет вынужден обратиться на Минск, магазины которого были для нашей армии необходимы. Наполеону, сохранявшему присутствие духа в самых трудных случаях, удалось, после переправы чрез Березину, благополучно пройти чрез дефиле; лишь следовавшие позади французские войска были застигнуты нашими. Взятие этих войск, входивших в состав Полоцкого корпуса, свидетельствовало не в пользу графа

Витгенштейна; это ясно доказывало, что они своим присутствием здесь обязаны лишь слабому преследованию этого генерала.

Если б Витгенштейн был проницательнее и преследовал неприятеля с бо́льшею настойчивостью, если бы Кутузов обнаружил более предприимчивости и решительности и оба они, сообразуясь с присланным из Петербурга планом, направили поспешнее свои войска к Березине, если б Чичагов не совершил своего движения на Игумен, был в свое время усилен войсками Эртеля и поспешил к Студенцу, не ожидая дальнейших известий со стороны Нижнего Березина, — количество пленных могло быть несравненно значительнее; быть может, берега Березины соделались бы гробницей Наполеоновой армады; быть может, в числе пленных находился бы он сам. Какая слава озарила бы нас, русских? Она была бы достоянием одной России, но уже не целой Европы. Впрочем, хвала провидению и за то, что оно, благословив усилия наши, видимо содействовало нам в изгнании из недр России новейших ксерксовых полчищ, предводимых величайшим полководцем всех времен. Мы, современники этих великих событий, справедливо гордящиеся своим участием в оных, мы, более чем кто-либо, должны воскликнуть: «Не нам, не нам, а имени твоему!»

Ермолов, очевидец березинских событий, представил светлейшему записку, в которой им были резко изложены истинные, по его мнению, причины благополучного отступления Наполеона. Он поднес ее во время приезда в Вильну князя, сказавшего ему при этом случае: «Голубчик, подай мне ее, когда у меня никого не будет». Эта записка, переданная князю вскоре после того и значительно оправдывавшая Чичагова, была, вероятно, умышленно затеряна светлейшим. Все в армии и в России порицали и порицают Чичагова, обвиняя его одного в чудесном спасении Наполеона. Он, бесспорно, сделал непростительную ошибку, двинувшись на Игумен; но здесь его оправдывает: во-первых, отчасти предписание Кутузова, указавшего на Игумен, как на пункт, чрез который Наполеон будто бы намеревался непременно следовать; во-вторых, если бы даже его армия не покидала позиции, на которой оставался Чаплиц, несоразмерность его сил относительно французов не позволяла ему решительно хотя несколько задержать превосходного во всех отношениях неприятеля, покровительствуемого огнем сильных батарей, устроенных на левом берегу реки; к тому же в

состав армии Чичагова, ослабленной отделением наблюдательных отрядов по течению Березины, входили семь тысяч человек кавалерии, по свойству местности ему совершенно здесь бесполезной; в-третьих, если Чаплиц, не будучи в состоянии развернуть всех своих сил, не мог извлечь пользы из своей артиллерии, то тем более армия Чичагова не могла, при этих местных условиях, помышлять о серьезном сопротивлении Наполеону, одно имя которого, производившее обаятельное на всех его современников действие, стоило целой армии. Относительно порчи гатей в Зембинском дефиле, он виноват тем, что поручил это дело Кайсарову, а не офицеру более предприимчивому и более знакомому с свойствами местности; но так как это предприятие могло иметь невыгодные для нас последствия, оно потому не может служить к обвинению адмирала, который, будучи моряком, не имел достаточной опытности для командования сухопутными войсками.

Из всего этого я вывожу следующее заключение: если б Чичагов, испортив гати Зембинского дефиле, остался с главною массою своих войск на позиции, насупротив которой Наполеон совершил свою переправу, он не возбудил бы противу себя незаслуженных нареканий и неосновательных воплей своих соратников, соотчичей и потомков, не знакомых с сущностью дела; но присутствие его здесь не могло принести никакой пользы общему делу, ибо, по всем вышеизложенным причинам, Чичагову невозможно было избежать полного поражения или совершенного истребления своей армии, что было бы для нас, по обстоятельствам того времени, вполне невыгодно и весьма опасно. Наполеон понес бы, без сомнения, в этом случае несравненно бо́льшую потерю; но она была бы, во всяком случае, ничтожна в сравнении с тою, которой Россия была вправе ожидать от своевременного прибытия трех армий к берегам Березины.

Хотя Наполеон с остатками своего некогда грозного полчища поспешно отступал пред нашими войсками, однако могущество этого гиганта было далеко еще не потрясено. Вера в его непобедимость, слегка поколебленная описанными событиями, существовала еще во всей Западной Европе, не дерзавшей еще восстать против него. Наша армия после понесенных ею трудов и потерь была весьма изнурена и слаба; ей были необходимы сильные подкрепления для того, чтобы с успехом предпринять великое дело освобождения Европы, главное бремя которо-

го должно было пасть на Россию. Нам потому ни в каком случае не следовало жертвовать армией Чичагова для цели гадательной и, по стечению обстоятельств, не обещавшей даже никакой пользы. В то время и даже доныне все и во всем безусловно обвиняли злополучного Чичагова, который, будучи весьма умным человеком, никогда не обнаруживал больших военных способностей; один Ермолов с свойственной ему решительностью, к крайнему неудовольствию всемогущего в то время Кутузова и графа Витгенштейна, смело оправдывал его, говоря, что ответственность за чудное спасение Наполеона должна пасть не на одного Чичагова, а и на прочих главных вождей, коих действия далеко не безупречны. Чичагов поручил генералу Чаплицу благодарить Ермолова за то, что он, вопреки общему мнению, решился его оправдывать. Хотя Наполеон, благодаря своему необыкновенному присутствию духа и стечению многих благоприятных обстоятельств, избежал окончательного поражения, а, может быть, и плена, но тем не менее нельзя не удивляться превосходно соображенному плану, на основании которого три армии должны были, соединившись одновременно на Березине, довершить здесь гибель неприятеля. Хотя успех и не увенчал этого достойного удивления плана, однако же не увенчал по обстоятельствам, совершенно не зависившим от сочинителей, которые при составлении его обнаружили необыкновенную дальновидность и прозорливость. Они могли утешить себя мыслию, что история представляет немало примеров тому, что самые превосходные предначертания не были приведены в исполнение лишь вследствие ничтожнейших обстоятельств.

Шестнадцатого числа дошел до меня первый отголосок о переходе неприятеля чрез Березину[1], и я, немедленно известя о том фельдмаршала, остановился в ожидании дальнейших от него повелений. Я полагал, что, хотя бы дошедшее до меня известие о переправе было и несправедливо, все, однако же, ясно оказывалось, что неприятель обратился уже не на Нижнее Березино, как сего

[1] Так как переправа совершалась 16-го числа, то покажется сверхъестественным, чтобы я мог узнать об оной того же дня, быв удален на сто верст от французской армии. Я сему другой причины не полагаю, как то, что переправа началась 14-го в восемь часов утра, а как известие о том дошло до меня посредством жителей, которым достаточно увидеть мост и десять человек на противном берегу, чтобы заключить об успехе,— то видно, что при появлении первых неприятельских войск на правом берегу распространился слух о переходе всей армии, и этот-то слух дошел и до меня.

вначале ожидали, а прямо на Борисов, почему направление мое к Нижнему Березину ни к чему уже не служило. Расчет мой был верен, ибо 16-го, к вечеру, я получил от генерал-квартирмейстера полковника Толя письмо следующего содержания:

«Нужно уведомить вас о взаимном положении обеих армий: Чичагов 9-го числа в Борисове, авангард его под командою графа Ламберта разбил наголову Домбровского. Витгенштейн после поражения Виктóра, который шел на соединение с Бонапартом, находится в Баранах, что на дороге от Лепеля к Борисову. Авангард наш под командою Милорадовича — в Бобрах, а Платов — в Крупках. Главная наша армия сегодня выступает в Сомры (на карте Хомры), малый авангард оной под командою Васильчикова — в Ухвалы. С своей стороны вся французская армия — на походе к Борисову. Вы очень хорошо сделаете, если немедленно и как можно поспешнее займете Озятичи и откроете лесную дорогу от сего селения к Борисову. Желательно, чтобы сей пункт был занят тщательнее, так как и селение Чернявка, из коей пошлите разъезды на большую Борисовскую дорогу. Орлов послан со ста пятьюдесятью казаками к Чичагову; постарайтесь сделать с ним связь; вы тем угодите фельдмаршалу. Все ваши храбрые будут награждены. Карл Толь. На походе в Сомры, 16-го ноября»[1].

---

[1] Полковник Толь, добрым расположением которого я всегда пользовался, был человек с замечательными способностями и большими сведениями. Он получил воспитание в одном из кадетских корпусов во время командования ими Михаила Илларионовича Кутузова, покровительством которого он всегда пользовался. Во время Отечественной войны он был еще молод и мало опытен, а потому он нередко делал довольно значительные ошибки. Так, например, во время отступления наших армий к Дорогобужу он за несколько верст до этого города нашел для них позицию близ деревни Усвятья. Во время осмотра этой позиции, которая была весьма неудобна, потому что правый фланг отделялся от прочих частей армии болотом и озером, князь Багратион, в присутствии многих генералов, сказал Толю: «Вы, г. полковник, своего дела еще не знаете, благодарите бога, что я здесь не старший, а то я надел бы на вас лямку и выслал бы вон из армии». Не дождавшись неприятеля, обе армии, вопреки уверениям Барклая, отошли к Дорогобужу, где Толем была найдена другая позиция, которою князь Багратион также не мог остаться довольным. Во время осмотра новой позиции Ермоловым граф Павел Строганов указал ему на следующую ошибку Толя: его дивизия была обращена затылком к тылу стоящей позади ее другой дивизии. Трудно объяснить себе, каким образом столь искусный и сметливый офицер, каков был Толь, мог делать столь грубые ошибки; почитая, вероятно, невозможным принять здесь сражение, он не обратил должного внимания на выбор позиции. Несмотря на записку, поданную

Видя по письму сему разобщение Витгенштейна с Чичаговым, между коими протекала Березина и находилась неприятельская армия, простиравшаяся, по крайней мере, до восьмидесяти тысяч человек, я хотя не совсем верил известию о переправе, но не сомневался в том, что Наполеон, пользуясь малосилием Чичагова, перейдет реку в каком-нибудь пункте украдкой или силой; по переходе же Березины я предполагал направление неприятельской армии из Борисова к Минску, потому что путь сей есть самый кратчайший из путей, идущих к Варшаве; что на нем она имела в виду соединение с корпусами Шварценберга и Ренье, отчего армия его могла снова возвыситься до ста тридцати тысяч человек; что посредством пути сего она могла избежать бокового преследования нашего, столь для него до Березины пагубного, и идти краем, несравненно менее опустошенным, нежели Виленский, чрез который проходили обе воюющие армии и по которому кругообращались все транспорты оных с начала войны. Вследствие чего я решился, несмотря на предложение полковника Толя, переправиться немедленно чрез Березину и идти на Смолевичи, что между Игумном и Минском.

За таковое ослушание я достоин был строжайшего наказания. Партизан должен и необходимо должен умствовать, но не перепускать, как говорится, ум за разум. Конечно, соединение Чичагова с Витгенштейном на правом берегу Березины умножило бы затруднения неприятелю при переправе; однако нельзя было решительно заключить, чтобы и один Чичагов не смог с ним управиться. Березина, окраеванная болотами, не была еще схвачена льдом, и правый берег ее, господствующий над левым и защищаемый тридцатью тысячами войска, представлял

Барклаю Ермоловым, всегда отдававшим полную справедливость способностям и деятельности Толя, он был выслан из армии. Князь Кутузов, проезжая в армию и найдя Толя в Москве, взял его с собою. Впоследствии он приобрел большую опытность и заслужил репутацию искусного генерала. Он, в качестве начальника главного штаба, принимал участие в войнах 1828, 1829, 1831 годов; эти войны, в особенности первая половина войны 1831 года, богаты немаловажными ошибками. Зная недружелюбные отношения графа Дибича и Толя между собою, невозможно положительно сказать, в какой степени каждый из них здесь виноват; во всяком случае, Толь. по званию своему во время ведения этих войн, не может не принять на себя ответственности за многое, совершенное в эту эпоху. Но венец его славы — это взятие Варшавы; здесь деятельность, мужество и в особенности вполне замечательная решительность Толя достойны величайших похвал.

неприятелю довольно еще затруднений и без Витгенштейна. События доказали, что мне ни к чему не послужил ранний и отдаленный залет мой к Смолевичам, где я всегда успел бы предупредить неприятеля и из Озятичей, в случае переправы Наполеона при Борисове.

Стоило только внимательнее прочесть письмо полковника Толя и взглянуть на карту, чтобы постичь благоразумное его распоряжение.

Полагая неприятеля между селением Начею и Борисовым, извещенный о прибытии Витгенштейна в Бараны, а Чичагова к мостовому Борисовскому укреплению, он считал, что неприятелю ничего не оставалось делать, как, прикрывшись от главной армии речкой Начею, спуститься вдоль по ней к Озятичам и совершить переправу в углу, описываемом означенной речкой и Березиной. Вот причина, почему Толь посылал меня в Озятичи. При всем том я пошел на Смолевичи как будто бы для действия в тыл не неприятеля, а Чичагова армии!!

Однако при достижении Козлова Берега я получил из главной квартиры уведомление, что так как французская армия никакого не имеет средства переправиться чрез сию реку при Борисове, то чтобы я немедленно спешил исполнить данное мне предписание генерал-квартирмейстером. Сия бумага, как и письмо последнего, была от 16-го поутру и, повелевая вторично то же, принудила меня оставить мое безрассудное предприятие, к которому я так привязался, что и при исполнении последнего повеления не мог не уведомить генерал-квартирмейстера, сколь считаю бесполезным предписанное мне направление. На кого греха да беды не бывает? Право, я по сие время не могу постичь причину сему глупому моему упрямству. Уже мы были на половине дороги к Озятичам, как догнал нас посланный ко мне в Козлов Берег курьер с другим письмом от полковника Толя, по которому он извещает меня о переправе французской армии чрез Березину и уведомляет, что главная армия идет на Жуковец, Жодин и Логойск, все на левой стороне неприятеля, и совершенно соглашается со мною в выборе направления партии моей на Смолевичи. Да простит мне генерал-квартирмейстер! В сем случае ошибка уже не на моей стороне. Важность Смолевичевского пункта состояла в том только обстоятельстве, когда бы неприятель избрал направление на Минск; при обращении же его к Вильне сей пункт терял уже свою значимость и ни для чего другого не годился, как для *ночлега* или *привала*. Направление мое долженствовало

быть на Борисовское мостовое укрепление, Логойск и Молодечну; но так как поворот неприятеля с Минской дороги на Виленскую отстранял меня от оного на сто тридцать верст, то и по означенному направлению я не мог уже догнать его прежде Ковны или, по крайней мере, прежде Вильны. Чтобы удостовериться в том, надо знать, что 20-го ноября, когда после переправы моей чрез Березину, я ночевал в Уше, французская армия находилась уже в Илие. Кто взглянет на карту, тот увидит пространство, разделявшее меня от неприятеля; несмотря на то, я решился действовать по предписанию.

Не доходя пятнадцати до Шеверниц верст, я узнал, что прибыла туда главная квартира. Оставя партию на марше, я поскакал один прямою дорогою в Шеверницы. Светлейший в то время обедал. Входя в ворота, повстречался со мною английской службы полковник сир Роберт Вильсон. Он бродил около двора, не смея войти в квартиру светлейшего по причине какого-то между ними взаимного дипломатического неудовольствия. Будучи коротко знаком с ним с самого 1807 года кампании, я спросил его, что он тут делает? «Любезный друг! — отвечал он мне,— жду известия о решительном направлении армии после того несчастия, которое я давно предвидел, но которое при всем том не может не терзать каждое истинно английское и русское сердце!» «Английское сердце» невольно навело на уста мои улыбку, с которою я вошел в сени избы светлейшего, и велел вызвать полковника Толя, чтобы лично от него удостовериться в известии о переправе неприятельской армии чрез Березину и узнать, не будет ли мне какого иного направления? Толь и князь Кудашев вышли ко мне в сени и звали меня в избу. Но я, ненавидя бросаться на глаза начальникам, отказался; тогда они объявили самому светлейшему о моем прибытии. Он приказал от своего имени позвать меня, обласкал меня, как он умел обласкивать, когда хотел, посадил за стол и угощал как сына.

Сколько я тут видел чиновников, украшенных разноцветными орденами, ныне возвышенных и занимающих высокие должности; их в то время возили при главной квартире подобно слонам великого Могола! Сколько я там видел ныне значительных особ, тогда теснившихся в многочисленной свите главнокомандующего и жаждавших не только приветствия и угощения, но единого его взора! Умолчу о подлостях, говоримых ими даже и мне, недостойному!

После обеда светлейший расспрашивал меня о делах при Копысе и при Белыничах, хвалил расчет мой перед нападением на депо и упрямство мое при завладении последним местом, но пенял за лишнюю строгость с Поповым, которого я принял за мэра Копыса, и прибавил с шуткою: «Как у тебя духа стало пугать его? У него такая хорошенькая жена!» Я отвечал ему, что, судя по нравственности, я полагаю, что у могилевского архиерея еще более жен, которые, может быть, еще красивее жены Попова, но я желал бы, чтоб попалась мне в руки сия священная особа; я бы с нею по-светски рассчитался. «За что?» — спросил светлейший. «За присягу французам,— отвечал я, — к которой он приводил могилевских жителей, и за поминания на эктеньях Наполеона. Чтобы в том удостовериться,— продолжал я,— прикажите нарядить следствие. Ваша светлость, можно не награждать почестями истинных сынов России, ибо какая награда сравниться может с чувством совести их? Но щадить изменников столько же опасно, как истреблять карантины в чумное время». С сим словом я подал ему список чиновников, кои присягали и помогали неприятелю. Светлейший взял оный от меня, прочитал и сказал: «Погодим до поры и до время». Я узнал после, что архиерей могилевский был разжалован в монахи, но не знаю, по моему ли представлению или по представлению другого.

Насчет направления моего я только получил повеление догонять французов чрез Ушу, Борисовское мостовое укрепление, Логойск, Илию и Молодечно. А так как партия моя, обремененная двумя орудиями, не могла следовать за мною прямою дорогою к Шеверницам, то и заставила меня ожидать прибытия ее до полуночи.

Между тем флигель-адъютант Мишо (что ныне генерал-адъютант и граф Мишо) пристал ко мне, чтобы под покровом моей партии догнать Чичагова, к армии которого он был командирован. Оставя орудия наши, как обузу слишком тягостную для усиленных переходов, мы выступили к Жуковцу в четыре часа пополуночи.

Переправа совершилась по тонкому льду. Мы прибыли в Ушу к ночи.

Двадцатого партия выступила в поход и ночевала у Борисовского мостового укрепления. В сей ночи полковник князь Кудашев, проездом к Чичагову, пробыл у меня два часа, взял с собою Мишо и отправился далее с прикрытием одного из моих урядников и двух казаков, из коих один только возвратился, прочие два были убиты по-

селянами. Это было лучшее доказательство истинного рубежа России с Польшею и намек в умножении осторожности.

Около сего времени морозы, после нескольkодневной оттепели, усилились и постоянно продолжались. 20-го я получил повеление, оставя погоню, идти прямо на Ковну[1], чтобы истребить в сем месте всякого рода неприятельские запасы. Такое же — было послано и Сеславину; но ни он, ни я не могли исполнить означенного предписания: я— по причине крутого отклонения моего к Нижнему Березину, отчего отстал на сто тридцать верст от неприятельской армии; а Сеславин — оттого, что, сражаясь с головой оной, чрез удаленность свою от главной квартиры, не прежде мог получить повеление сие, как по занятии Вильны и уже раненным.

Пока я шел от Днепра к Березине, все отряды, кроме графа Ожаровского, и все партизаны, кроме меня, следовали за главною неприятельскою армиею.

Армия сия находилась 11-го в Бобрах, имея авангард в селе Наче, 12-го — в Неменице, оставя арьергард в Лошнице. 14-го, в восемь часов утра, авангард оной начал переправляться чрез Березину у Веселова, и 16-го, к вечеру, все силы были уже на противном берегу. С нашей стороны отряд генерала Ермолова, состоявший в четырнадцати баталионах пехоты, в нескольких полках линейной кавалерии и в двух ротах артиллерии, преследовал неприятеля от Орши к Борисову, куда прибыл 16-го числа.

Большой авангард генерала Милорадовича прибыл из Копыса в Глин 15-го, а в Негновище 17-го числа.

Пятнадцатого числа генерал Бороздин сдал отряд свой графу Орлову-Денисову, который 17-го поступил с ним в состав малого авангарда, порученного генералу Васильчикову. Сей авангард был в Ухвале 16-го и в Вилятичах 17-го числа.

Пятнадцатого отряд атамана Платова — в Колпенице, а 16-го — у самой Березины, в пятнадцати верстах выше Борисова.

Пятнадцатого под Кричею Сеславин напал с успехом на польские войска графа Тишкевича, множество поко-

---

[1] Ковна заключала в себе огромные магазины и казну в два с половиною миллиона франков. Местечко сие защищаемо было полутора тысячами человек новобранных немецких воинов и сорока двумя орудиями, из коих двадцать пять имели полную упряжь.

лол, набрал в плен и продолжал путь к Лошнице, где снова имел жаркую схватку с неприятелем.

Шестнадцатого сей отважный и неутомимый партизан, открыв сообщение с графом Витгенштейном, получил от него повеление во что бы то ни стало подать руку адмиралу Чичагову чрез Борисов. Исполнение немедленно последовало за повелением. Борисов был занят Сеславиным; три тысячи человек взято им в плен, и сообщение с Чичаговым открыто[1]. 17-го французская армия тянулась к Зембину, и Наполеон прибыл в Камень. Генерал Ланской, занимавший Белорусским гусарским полком и казаками село Юрово, что на реке Гайне, выступил 16-го числа чрез Антополье и Словогощь к Плещенице, куда прибыл 17-го в полдень.

Он имел благое намерение идти впереди неприятеля к Вильне и преграждать всеми средствами путь головы его колонны, что мог исполнить беспрепятственно, ибо в тот день Плещеницы заняты были одною только при-

---

[1] Когда по совершении сего блистательного подвига Сеславин кормил лошадей и отдыхал за Березиной, казачий генерал Денисов с партиею от Платова отряда перешел чрез пустой город и донес атаману, что он занял оный, а не Сеславин. Платов приказал последнему отдать пленных Денисову и, взяв на себя как славу занятия Борисова, так и открытия сообщения с Чичаговым, донес о том главнокомандующему. Пораженный такою наглою несправедливостью, Сеславин того же дня написал генералу Коновницыну: «Платов отнимает славу моего отряда, усиленного пехотою Чичагова. Неужто надо быть генералом, чтобы быть правым? Спросите обо всем у адмирала, я врать не стану»

Девятнадцатого был сделан запрос от светлейшего Чичагову, правда ли, что Сеславин, усиленный его пехотою, первый занял Борисов, открыл сообщение графа Витгенштейна с его армиею и чрез то был виновником взятия нескольких тысяч пленных? Вот ответ Чичагова: «Иметь честь получить предписание вашей светлости от 19-го сего месяца под № 553, обязанностию поставляю донести, что гвардии капитан Сеславин, действительно, первый занял город Борисов и открыл сообщение со мною генерала от кавалерии графа Витгенштейна, доставя от него в то же время письменное ко мне об его движении и предположениях уведомление; равным образом и сдача в плен нескольких тысяч неприятеля была следствием занятия им сего города и соединенного действия с вверенною мне армиею корпуса графа Витгенштейна. Чичагов. № 1944. Ноября 22-го дня 1812 года. М. Илия».

Я вошел в подробности сего случая для того только, чтобы показать, сколько дух зависти обладать может и воином, свершившим круг, обильный блистательными подвигами, гремевшим в Европе славным именем и коему желать, кажется, ничего не оставалось. Что же должно было ожидать партизанам от тех, кои, удрученные пышными названиями, считают число чинов и крестов своих числом контузий и поклонов, приправленных подарками сочинителям реляций и представлений.

дворною свитою Наполеона и конвоем раненого маршала Удино́. Но в то время обязанности партизана столь мало понимаемы были в нашей армии, что сей известный неустрашимостию и отважностию генерал, быв атакован подходившими от Каменя войсками, вместо того чтобы обратиться на Илие и Молодечну, истребляя магазины и заваливая дорогу, отступил обратно к авангарду Чичагова армии, тянувшейся на Зембин по пятам неприятельской армии, и довольствовался взятием генерала Каминского, тридцати штаб- и обер-офицеров и до трехсот рядовых.

Между тем граф Ожаровский получил повеление наблюдать за армиею князя Шварценберга, находившеюся в Слониме. Вследствие чего он выступил на Воложин, 26-го прибыл в Вишнев и в тот же день пошел на Трабы, Деневишки и Бенякони — в Лиды, куда вступил 1-го декабря. Отряд генерала Кутузова шел от Лепеля на Вышнее Березино и Докшицы, для наблюдения за Баварским корпусом, находившимся в последнем местечке, и для преследования главной неприятельской армии по северной стороне Виленской дороги.

Партизан Сеславин шел на местечко Забреж, которое 22-го ноября он занял с боя. За малым дело стало, чтобы на другой день сам Наполеон не попался ему в руки; во второй раз в течение сей кампании судьба спасла его от покушения казаков, везде и повсюду ему являвшихся как неотразимые вампиры! О случае сем говорено в вступлении сей книги.

Двадцатого партия моя обогнала отряд графа Ожаровского около Антополья, 21-го обошла кавалерию Уварова в Логойске, 22-го прибыла в Гайну, 23-го — в Илию и 24-го — в Молодечну, где догнала хвост Чичагова армии, то есть часть павлоградских гусар и казаков под командою полковника Сталя. Вследствие повеления идти прямо на Ковну, мы свернули 25-го на Лебеду, 26-го пришли в Лоск, 27-го — в Ольшаны, 28-го — в Малые Солешки, 29-го — в Парадомин и 30-го — в Новые Троки. Там я получил повеление остановиться и ожидать нового направления.

Во время моего долговременного и бездейственного похода отряды и партии наши ворвались в Вильну, заваленную несметным числом обозов, артиллерии, больных, раненых, усталых и ленивых.

Впоследствии каждый отрядный начальник приписал себе честь занятия сей *столицы Литовского государства;*

но вот истина: пока Чаплиц жевал и вытягивал периоды витийственной речи к жителям, пока Бенкендорф хо́лился для женщин и пока Кайсаров медлил у неприятельских обозов,— Тетенборн с обнаженной саблею повелел редактору виленских газет *объявить свету,* что он первый покорил город, и смеялся потом возражениям своих соперников.

Сеславин сделал иначе. Чтобы не обезобразить подвиг сей, я представляю читателю донесение его, сколько память мне позволит; пусть различит он самохвальство иноземца с геройским умалением истинного россиянина, едва намекнувшего о жестокой ране своей в описании деяний своих сотрудников. Вот оно:

«Генералу Коновницыну. С божиею помощию я хотел атаковать Вильно, но встретил на дороге идущего туда неприятеля. Орудия мои рассеяли толпившуюся колонну у ворот города. В сию минуту неприятель выставил против меня несколько эскадронов; мы предупредили атаку сию своею и вогнали кавалерию его в улицы; пехота поддержала конницу и посунула нас назад; тогда я послал парламентера с предложением о сдаче Вильны и, по получении отрицательного ответа, предпринял вторичный натиск, который доставил мне шесть орудий и одного орла. Между тем подошел ко мне генерал-маиор Ланской, с коим мы теснили неприятеля до самых городских стен. Пехота французская, засевшая в домах, стреляла из окон и дверей и удерживала нас на каждом шагу. Я отважился на последнюю атаку, кою не мог привести к окончанию, быв жестоко ранен в левую руку; пуля раздробила кость и прошла навылет[1]. Сумского гусарского полка поручик Орлов также ранен в руку навылет. Генерал Ланской был свидетелем сего дела. Спросите у него, сам боюсь расхвастаться, но вам и его светлости рекомендую весь отряд мой, который во всех делах от Москвы до Вильны окрылялся рвением к общей пользе и не жалел крови за отечество. Полковник Сеславин. Ноября 27-го».

По прибытии моем в Новые Троки, я получил повеление от генерала Коновницына следовать на Олиту и Меречь к Гродне, рапорты мои — продолжать писать в главную квартиру, а между тем не оставлять уведомлением обо всем происходящем адмирала Чичагова, идуще-

[1] 1810 года на штурме Рущука, шедший спереди колонны с охотниками, он получил жестокую рану в *правую руку;* пуля раздробила кость и прошла навылет.

го в Гёзну, и генерала Тормасова, следующего к Новому Свержену, что на Немане.

С сим повелением получил я письмо от генерал-квартирмейстера, в котором объявляет он о желании светлейшего видеть войска наши в добром сношении с австрийцами. Сии бумаги были от 30-го ноября. Мы уже сидели на конях, как вслед за сими повелениями получил я другое, по которому должен был не выходить из Новых Трок и прибыть особою моею в Вильну для свидания с светлейшим. Немедленно я туда отправился.

От Новых Трок до села Понари дорога была свободна и гладка. У последнего селения, там, где дорога разделяется на Новые Троки и на Ковну, груды трупов человеческих и лошадиных, тьма повозок, лафетов и палубов едва оставляли мне место для проезда; кучи еще живых неприятелей валялись на снегу или, залезши в повозки, ожидали холодной и голодной смерти. Путь мой освещаем был пылавшими избами и корчмами, в которых горели сотни сих несчастных. Сани мои на раскатах стучали в закостенелые головы, ноги и руки замерзших или замерзающих, и проезд мой от Понарей до Вильны сопровождаем был разного диалекта стенаниями страдальцев... восхитительным гимном избавления моей родины!

Первого декабря явился я к светлейшему. Какая перемена в главной квартире! Вместо, как прежде, разоренной деревушки и курной избы, окруженной одними караульными, выходившими и входившими в нее должностными людьми, кочующими вокруг нее и проходившими мимо войсками, вместо тесной горницы, в которую вход был прямо из сеней и где видали мы светлейшего на складных креслах, облокоченного на планы и борющегося с гением величайшего завоевателя веков и мира,— я увидел улицу и двор, затопленные великолепными каретами, колясками и санями. Толпы польских вельмож в губернских *русских* мундирах, с пресмыкательными телодвижениями.

Множество наших и пленных неприятельских генералов, штаб- и обер-офицеров, иных на костылях, страждущих, бледных, других — бодрых и веселых,— всех теснившихся на крыльце, в передней и в зале человека, за два года пред сим и в этом же городе имевшего в ведении своем один гарнизонный полк и гражданских чиновников, а теперь начальствовавшего над всеми силами спасенного им отечества!

Когда я вошел в залу, одежда моя обратила на меня все взоры. Среди облитых златом генералов, красиво убранных офицеров и граждан литовских я явился в черном чекмене, в красных шароварах, с круглою курчавою бородою и черкесскою шашкою на бедре. Поляки шепотом спрашивали: кто такой? Некоторые из них отвечали: «Партизан Давыдов»; но самолюбие мое услышало несколько прилагательных, от коих нахлынула на меня толпа любопытных. Не прошло двух минут, как я был позван в кабинет светлейшего. Он сказал мне, что граф Ожаровский идет на Лиду, что австрийцы закрывают Гродну, что он весьма доволен мирными сношениями Ожаровского с ними, но, желая совершенно изгнать неприятеля из пределов России, посылает меня на Меречь и Олиту, прямо к Гродне, чтобы я старался занять сей город и очистить окрестности оного более чрез дружелюбные переговоры, нежели посредством оружия. Если же найду первый способ недостаточным, то позволил мне прибегнуть и к последнему, с тем только, чтобы немедленно отсылать пленных в неприятельский корпус не токмо ничем не обиженных, но обласканных и всем удовлетворенных.

Светлейший заключил тем, что, ожидая с часа на час рапорта от графа Ожаровского в рассуждении движения его вперед, он полагает нужным, чтобы я дождался в Вильне сего рапорта, дабы не предпринимать по-пустому ход к Гродне. В случае же, что граф Ожаровский не двинется из Лиды по каким-либо причинам, тогда только я должен буду идти поспешнее к назначенному мне предмету.

Ожидаемый рапорт прибыл 3-го вечером. Граф Ожаровский писал, что 2-го числа он занял Лиду и немедленно послал два полка занять Белицы, сам же остановился в первом местечке. Прочитав донесение, я сел в сани и поскакал в Новые Троки. Сборы мои никогда не были продолжительны: *взнуздай, садись, пошел,* и на рассвете партия моя была уже на половине дороги к Меречу[1].

[1] Кажется, что светлейшего намерение было подстрекнуть графа Ожаровского на следование поспешнее к Гродне, дабы тем облегчить покушение на сей город моей партии, ибо 4-го числа послана была к нему бумага следующего содержания: «Весьма приятны были светлейшему данные вашим сиятельством известия; а как неприятель, вероятно, отступает за границу нашу, то и приказал его светлость по близости вашей к Шварценбергу наблюдать за его движениями и предоставляет вам случай завладеть Гродною. Генерал-лейтенант Коновницын». Означенная бумага разъехалась с рапортом графа

В сем местечке мы успели захватить огромный магазин съестных припасов, который я сдал под расписку прибывшему туда командиру Московского драгунского полка полковнику Давыдову, и продолжал путь вдоль по Неману, препоруча авангард мой маиору Чеченскому и передав ему наставление, данное мне светлейшим, как обходиться с австрийцами.

Восьмого числа Чеченский столкнулся с аванпостами австрийцев под Гродною, взял в плен двух гусаров и, вследствие наставления моего, немедленно отослал их к генералу Фрейлиху, командовавшему в Гродне отрядом, состоявшим в четыре тысячи человек конницы и пехоты и тридцать орудий.

Фрейлих прислал парламентера благодарить Чеченского за снисходительный сей поступок, а Чеченский воспользовался таким случаем, и переговоры между ними завязались. Вначале австрийский генерал объявил намерение не иначе сдать город, как предавши огню все провиантские и комиссариатские магазины, кои вмещали в себе более нежели на миллион рублей запаса. Чеченский отвечал ему, что все пополнение ляжет на жителей сей губернии и чрез это он докажет только недоброжелательство свое к русским в такое время, в которое каждое дружеское доказательство австрийцев к нам есть смертельная рана общему угнетателю. После нескольких прений Фрейлих решился оставить город со всеми запасами, в оном находившимися, и потянулся с отрядом своим за границу. Чеченский вслед за ним вступил в Гродну, остановился на площади, занял постами улицы, к оной прилегающие, и поставил караулы при магазинах и гошпиталях.

<...> Тринадцатого, вечером, я получил повеление идти на Ганьондз.

Партия моя немедленно туда выступила, но я по приключившейся мне болезни принужденным нашелся остаться пять дней в Гродне.

Сего числа прибыла в Гродну кавалерия генерал-лейтенанта Корфа, а на другой день и пехота генерала

Ожаровского, в котором он писал: «В Белице и в окрестностях ее совершенный недостаток в провианте, а особливо в фураже, по долговременному пребыванию там австрийских войск; почему, заняв донскими казаками Белицу и Ищолку, прошу ваше превосходительство позволить мне с остальною частию вверенного мне отряда остаться в Лиде *для удобнейшего продовольствия и поправления кавалерии.* Генерал-адъютант граф Ожаровский». 8-го числа декабря отряд его приказано было распустить.

от инфантерии Милорадовича. Первому из них я сдал магазины и гошпитали, находившиеся в этом городе, и, переехав к нему на квартиру, остался в оной до моего выздоровления.

Не могу умолчать о генерале Милорадовиче. По приезде его в Гродну, все поляки от меня отхлынули и пали к стопам его; но ему было ни до владычества своего, ни до подлости других: он в то время получил письмо с драгоценною саблею от графини Орловой-Чесменской[1]. Письмо это заключало в себе выражения, дававшие ему надежду на руку сей первой богачки государства. Милорадович запылал *восторгом необоримой страсти!* Он не находил слов к изъяснению благодарности своей и целые дни писал ей ответы, и целые стопы покрыл своими гиероглифами; и каждое письмо, вчерне им написанное, было смешнее и смешнее, глупее и глупее! Никому не позволено было входить в кабинет его, кроме Киселе-

---

[1] Сабля эта, осыпанная драгоценными алмазами, была пожалована ее отцу императрицей Екатериной во время каруселя. Письмо графини Орловой было доставлено Милорадовичу чрез адъютанта его Окулова; Милорадович в присутствии своего штаба несколько раз спрашивал у Окулова: «Что говорила графиня, передавая тебе письмо?» — и, к крайнему прискорбию своему, получал несколько раз в ответ: *«Ничего»*. Милорадович возненавидел его и стал его преследовать. Окулов погиб скоро в аванпостной сшибке.

Граф Милорадович был известен в нашей армии по своему необыкновенному мужеству и невозмутимому хладнокровию во время боя. Не будучи одарен большими способностями, он был необразованный и малосведущий генерал, отличался расточительностью, большою влюбчивостью, страстью изъясняться на незнакомом ему французском языке и танцевать мазурку. Он получил несколько богатых наследств, но все было им издержано весьма скоро, и он был не раз вынуждаем прибегать к щедротам государя. Беспорядок в командуемых им войсках был всегда очень велик; он никогда не ночевал в заблаговременно назначаемых ночлегах, что вынуждало адъютантов подчиненных ему генералов, присылаемых за приказаниями, отыскивать его по целым ночам. Он говаривал им: «Что я скажу вашим начальникам; они лучше меня знают, что им следует делать». После Малоярославского сражения Ермолов, которого он всегда называл sa passion (своей страстью *(фр.)*), следуя при его отряде, отдавал приказания именем Кутузова. Впоследствии, будучи С.-Петербургским генерал-губернатором, Милорадович, выделывая прыжки перед богатым зеркалом своего дома, приблизился к нему так, что разбил его ударом головы своей; это вынудило его носить довольно долго повязку на голове. Он был обожаем солдатами, и, невзирая на то, что не только не избегал опасности, но отыскивал ее всегда с жадностью, он никогда не был ранен на войне. Умирая, Милорадович сказал: «Я счастлив тем, что не умираю от солдатской пули». Он был влюблен в госпожу Дюр; когда она занемогла жабой в горле, он всюду рассказывал: «Elle a l'équinoxe à la gorge» (У нее равноденствие в горле *(фр.)*).

ва, его адъютанта, меня и взятого в плен доктора Бартелеми. Мы одни были его советниками: Киселев — как умный человек большого света, я — как литератор, Бартелеми — как француз, ибо письмо сочиняемо было на французском языке. Давний приятель Милорадовича, генерал-маиор Пассек, жаловался на него всякому, подходившему к неумолимой двери, где, как лягавая собака, он избрал логовище. Комендант города и чиновники корпуса также подходили к оной по нескольку раз в сутки и уходили домой, не получа никакого ответа, от чего как корпусное, так и городское управление пресеклось, гошпиталь обратился в кладбище, полные хлебом, сукном и кожами магазины упразднились наехавшими в Гродну комиссариатскими чиновниками, поляки стали явно обижать русских на улицах и в домах своих, словом, беспорядок дошел до верхней степени. Наконец Милорадович подписал свою эпистолу, отверз милосердые двери, и все в оные бросились... но — увы! — кабинет был уже пуст: великий полководец ускользнул в потаенные двери и ускакал на бал плясать мазурку, а я сел в сани и явился 18-го числа в Тикочин, где ожидала меня моя партия.

Переступя за границу России и видя каждого подчиненного моего награжденного тремя награждениями, а себя — забытым по той причине, что, относясь во всю кампанию прямо или к светлейшему, или к Коновницыну, я не имел ни одного посредника, который мог бы рекомендовать меня к какому-либо награждению,— я не счел за преступление напомнить о себе светлейшему и писал к нему таким образом:

«Ваша светлость! Пока продолжалась Отечественная война, я считал за грех думать об ином чем, как об истреблении врагов отечества. Ныне я за границей, то покорнейше прошу вашу светлость прислать мне Владимира 3-й степени и Георгия 4-го класса».

В ответ я получил (в селе Соколах, 22-го числа) пакет с обоими крестами и с следующим письмом от Коновницына: «Получа письмо ваше к его светлости, я имел счастье всеподданнейше докладывать государю императору об оказанных вами подвигах и трудах в течение нынешней кампании. Его императорское величество соизволил повелеть наградить вас орденами 4-го класса св. Георгия и 3-й степени св. Владимира. С приятностью уведомляю вас о сем и проч. Декабря 20-го дня 1812 года. Вильна».

Уверяли меня, что если бы я тогда потребовал Георгия 3-го класса, то, без сомнения, получил бы его так же легко, как и вышеозначенные награждения. Поистине я сделал ошибку, но ошибке сей причиною было высокое мнение, которое я *тогда* имел о сем ордене: я думал, что я еще не достоин третьего класса оного! И как осмелиться было требовать полковнику тот орден, который еще тогда носим был: Остерманом, Ермоловым, Раевским, Коновницыным и Паленом!

В Соколах я принужден был остановиться вследствие повеления генерал-адъютанта Васильчикова. Немедленно после сего получил повеление от генерала Коновницына следовать в Ганьондз для соединения с корпусом генерала от инфантерии Дохтурова и явиться в команду принца Евгения Виртембергского, а вскоре потом дошло до меня и повеление от нового дежурного генерала князя Волконского о том же предмете.

Двадцать четвертого вышло новое размещение войскам, и партия моя поступила в состав главного авангарда армии, препорученного генералу Винценгероде.

Авангард сей состоял из следующих войск:

Корпус генерал-маиора Тучкова 2-го:

			Число людей
Пехота	Запасных баталионов	20	5961
	Рекрутских	4	
	Корабельный экипаж	4	
Кавалерия	Запасных эскадронов	20	1582
	Донских казачьих полков	6	1123
Артиллерия	Батарейная рота	12 орудий	486
	Легких орудий	8 орудий	
	Цесарская	1 орудие	

2-й пехотный корпус:

4-я дивизия: четыре полка по два баталиона		2500
3-я дивизия: четыре полка по два баталиона		
Батарейная рота	12 орудий	400
Две легких роты	24 орудия	
Конная рота	12 орудий	
Два донских полка из авангарда Милорадовича		

Отряд генерала Ланского:

Двадцать эскадронов гусар	1527
Полк уральский казачий	1812
Два уральских казачьих полка	

Отряд мой:

Два полка казачьих: Попова 13-го и 1-й Бугский Команда гусар и сборных казаков	550

Итого: 16 041 человек

Таким образом, поступя в начальники авангарда главного авангарда армии, я сошел с партизанского поприща.

III

МОРОЗ ЛИ ИСТРЕБИЛ ФРАНЦУЗСКУЮ АРМИЮ В 1812 ГОДУ?

Посвящается графу
Карлу Федоровичу Толю *

Два отшиба потрясли до основания власть и господствование Наполеона, казавшиеся неколебимыми. Отшибы эти произведены были двумя народами, обитающими на двух оконечностях завоеванной и порабощенной им Европы: Испаниею и Россиею.

Первая, противуставшая французскому ополчению, одинокому, без союзников и без Наполеона, сотрясла налагаемое на нее иго при помощи огромных денежных капиталов и многочисленной армии союзной с нею Англии. Последняя, принявшая на свой щит удары того французского ополчения, но усиленного восставшим на нее всем Западом, которым предводительствовал и управлял сам Наполеон,— достигла того же предмета без всяких иных союзников, кроме оскорбленной народной гордости и пламенной любви к отечеству. Однако ж все уста, все журналы, все исторические произведения эпохи нашей превознесли и не перестают превозносить самоотвержение и великодушное усилие испанской нации, а о подобном самоотвержении, о подобном же усилии русского народа нисколько не упоминают и вдобавок поглощают их разглашением, будто все удачи произошли от одной суровости зимнего времени, неожиданного и наступившего в необыкновенный срок года.

Двадцать два года продолжается это разглашение между современниками, и двадцать два года готовится передача его потомству посредством книгопечатания. Все враги России, все союзники Франции, впоследствии

предательски на нее восставшие, но в неудачном вместе с нею покушении против нас вместе с нею же разделившие и стыд неудачного покушения, неутомимо хлопотали и хлопочут о рассеивании и укоренении в общем мнении этой ложной причины торжества нашего.

Должно, однако, заметить, что не в Германии, а во Франции возник первый зародыш этого нелепого разглашения; и не могло быть иначе. Надутая двадцатилетними победами, завоеваниями и владычеством над европейскими государствами, могла ли Франция простить тому из них, которое без малейшей посторонней помощи и в такое короткое время отстояло независимость свою не токмо отбитием от себя, но и поглощением в недрах своих всей европейской армады, принадлежавшей ей, ополчившейся с нею и предводительствуемой величайшим гением веков и мира? Нации этой ли, исполненной самолюбия и самохвальства, преследуемой порицаниями и, что еще чувствительнее, карикатурами и насмешками, более всего для нее несносными, ей ли можно было признаться в истинной причине несостоятельности своей в обещаниях славы и добычи увлеченным ею государствам? И когда! Когда, обладая монополиею словесности, проникающей во все четыре части света, завоеванные ее наречием, справедливо почитаемым общим наречием нашего века, она более других народов могла ввести в заблуждение и современников и потомство насчет приключения, столь жестоко омрачившего честь ее оружия, столь насильственно прогнавшего призрак ее непобедимости! Будем справедливы; какая нация решилась бы на пожертвование такого преимущества, какая нация, напротив, не поддержала бы посредством его и кредита своего в общем мнении, и славы своего оружия, потрясенных столь неожиданным злополучием?

Франция не пренебрегла этого преимущества и похвально сделала: священнейший долг всякого народа — дорожить своим достоинством, спасать и защищать всеми мерами и всеми средствами это нравственное бытие свое, неразрывно сопряженное с его бытием вещественным. Но похвально ли для некоторых из нас, еще более для тех из нас, русских, которые, быв свидетелями, даже действовавшими лицами на этом великолепном позорище, знают истинную причину гибели нахлынувших на нас полчищ,— похвально ли им повторять чужой вымысел для того только, чтобы не отстать от модного мнения, как не отстают они от покроя фраков или повязки гал-

стуков, изобретенных и носимых в Париже? И пусть бы разглашали это городские господчики или маменькины сынки, которым известен огонь одних восковых свечей и кенкетов да запах пороху только на фейерверках. Словам, произносимым подобными устами, награда известна. Но грустно слышать эти же слова от тех самых людей, которым знакомы и чугун, и свинец, и железное острие, как хлеб насущный. Грустно слышать, что те, коих я сам видел подвергавших опасности и покой, и здоровье, и жизнь свою на войне Отечественной, что они приписывают теперь лавры ее одной и той же причине с врагами, против которых они так неустрашимо, так ревностно тогда подвизались; что нынче, в угождение им, они жертвуют и собственными трудами, и подвигами, и ранами, и торжеством, и славою России, как будто ничего этого никогда не бывало!

Вооруженный неоспоримыми документами, я опроверг в изданной мною некогда особой книге ложное показание Наполеона, будто *в кампании 1812 года легкие войска наши не нанесли ни малейшего вреда его армии.* Теперь приступаю к другому вопросу, к опровержению того, будто *армия Наполеона погибла единственно от стужи, настигшей неожиданно и в необыкновенное время года*, а не от других обстоятельств; будто она погибла:

Во-первых, не от искусного занятия нашей армией тарутинской позиции, прикрывавшей хлебороднейшие губернии и в то же время угрожавшей единственному пути неприятельского сообщения, позиции, на которой князь Кутузов обещанием мира успел усыпить Наполеона на столько времени, сколько нужно ему было для возрождения нашей армии.

Во-вторых, не от заслонения Калужского пути при Малоярославце, чем принудил он Наполеона обратиться на Смоленский путь, опустошенный и бесприютный.

В-третьих, не от флангового марша армии от Тарутина до Березины, прикрывавшего, подобно тарутинской позиции, все жизненные и боевые наши подвозы, которые шли к нам из хлебороднейших губерний, и вместе с тем угрожавшего заслонить единственную отступательную черту, невольно избранную неприятелем, как скоро бы он малейше на ней замедлил.

В-четвертых, не от усилий, трудов и храбрости наших войск, расстроивших единство неприятельской армии при Малоярославце, Вязьме и Красном.

В-пятых, не от чудесного соединения, почти в определенный день у Борисова на Березине, трех армий, пришедших: одна из-под Москвы, другая из Финляндии и от Пскова, третья из Молдавии и Волыни.

В-шестых, не от истребления подвозов и фуражиров нашими партиями и не от изнурения ежечасными, денными и ночными тревогами и наездами неприятельской армии этими же партиями, которые теснили ее, как в ящике, от Москвы до Немана, не позволяя ни одному солдату на шаг отлучаться от большой дороги для отыскания себе пищи или убежища от стужи.

В-седьмых, наконец, будто армия эта погибла не от неусыпного надзора над нею тех же партий, отчего каждое движение каждой ее части было тотчас известно нашему главнокомандующему и встречало противодействие.

Я уже изложил в «Опыте партизанского действия» мнение мое на этот счет; здесь представлю мнение иностранных писателей, охлажденное от того отвратительного пристрастия, которым ознаменованы все произведения их, касающиеся до военных подвигов французской армии.

Начнем с господина Коха [1]. Он говорит:

«Вообще точность замечаний генерала Гурго достойна похвал; но пристрастие к Наполеону увлекает его к защите мнений совершенно ложных. Таково, например, уверение его, что одна стужа причиною злополучия французской армии. Во время похода от Смоленска до Орши стужа во все четыре дня была слабее, нежели в 1795 году, когда северная армия перешла по льду Вааль и овладела голландским флотом в Зюйдерзе; слабее, нежели в 1807 году, когда огромные толпы конницы неоднократными наскоками сшибались на покрытых льдом и снегом озерах. Следственно, если, по собственному расчету генерала Гурго, французская армия состояла только в сорока пяти тысячах действовавшего войска по прибытии ее на берега Березины, то до́лжно искать иных причин ее уменьшения. Они, как кажется, состоят в недостатке распорядительности относительно продовольствия».

Но тот самый Гурго, на которого восстает господин Кох за то, что он все бедствия французской армии приписывает одной стуже, сам себе противоречит, говоря следующее [2]:

---

[1] Examen critique de l'histoire de Napoléon et de la grande armée par le comte de Ségur et de la critique qu'en a faite le général Gourgaud.

[2] Examen critique de l'histoire de la campagne de 1812 du comte de Ségur, par le général Gourgaud.

«В это время, 22-го октября (3-го ноября нов. ст.), то есть на обратном пути около Вязьмы, французская армия не была еще в том беспорядке и развратном положении, в каком французский историк старается показать ее... До 25-го октября, то есть на обратном пути около Дорогобужа, погода была хорошая и стужа умереннее той, которую мы переносили во время кампании в Пруссии и в Польше в 1807 году и даже в Испании среди Кастильских гор, в течение зимней кампании 1808 года, под предводительством самого императора... Октября 25-го, на обратном пути около Дорогобужа, корпуса армии еще находились в устройстве; они были составлены из дивизий, бригад и полков, хотя урон, понесенный ими в походе, много убавил числительную силу их...

Господин придворный чиновник (граф Сегюр) ошибается еще и в том, будто бы в Орше беспорядок в армии умножился; напротив, найденные в Орше запасы розданы были войскам, а оттепель, после сильных морозов, сделала биваки сносными... Что касается до сильной стужи, то меру ее определить можно тем, что Березина не была еще покрыта льдом во время переправы через нее».

Господин Шамбре представляет нам следующие изменения термометра[1]:

«Октября 15-го ст. ст.— *четыре* градуса стужи». (Это было на обратном пути от Малоярославца.)

«Октября 23-го — снег, следственно, стужа умеренная». (Это было на обратном пути из Вязьмы.)

«Октября 24-го — снег продолжается». (Это на обратном пути между Вязьмою и Дорогобужем.)

«Октября 25-го — снег сильнее, с ветром, следственно, немного холоднее, чем накануне». (Это было там же и уже около Дорогобужа.)

«Октября 28-го — *двенадцать* градусов стужи». (Это было на обратном пути между Дорогобужем и Смоленском.)

«Октября 31-го и ноября 1-го — *семнадцать* градусов стужи». (Это было на обратном пути в Смоленск.)

«Ноября 2-го — стужа гораздо слабее». (Это было на обратном пути, по выступлении из Смоленска к Красному.)

«Ноября 6-го — *оттепель*». (Это было на обратном пути между Красным и Оршею.)

---

[1] Histoire de l'expedition de Russie, par M *** (Chambray) Tome III.

«Ноября 12-го — *оттепель прекращается*». (Это было на обратном пути между Оршею и Борисовым.)

Он же продолжает:

«Не одна стужа расстроила и истребила французскую армию, потому что *второй* и *девятый* корпуса сохранили совершенный порядок, невзирая на претерпение такой же стужи, как и главная армия. Стужа, сухая и умеренная, сопровождавшая войска от Москвы до первого снега, была более полезна, нежели гибельна. Главные причины злополучия, постигшего нашу армию, были: во-первых, голод, потом беспрерывные переходы и кочевья и, наконец уже, стужа, когда она была сопряжена со снегом. Что касается до лошадей, то сытыми они весьма легко переносят стужу, сколь она ни жестока. Они гибли не от нее, а от голоду и усталости...»

Я уже сказал, и еще повторяю: сытые лошади переносят кочевье без затруднения, как бы стужа ни была чрезмерна. Итак, не стужа погубила лошадей французской армии, и их пало не до тридцати тысяч в одну ночь, как сказано в одном из бюллетеней... Самая жестокая стужа, в ноябре месяце, продолжалась от 28-го октября до 1-го ноября ст. ст., то есть на обратном пути между Дорогобужем и Смоленском.

Сам Наполеон говорит[1]: «Еще *три* дня хорошей погоды, и армия совершила бы в устройстве отступление свое».

Генерал Жомини, в последнем своем сочинении[2], заставляет говорить Наполеона: «Главные причины неудачного предприятия на Россию относили к ранней и чрезмерной стуже; все мои приверженцы повторяли эти слова до пресыщения. Это совершенно ложно. Как подумать, чтобы я не знал о сроке этого ежегодного явления в России!.. Не только зима наступила не ранее обыкновенного, но приход ее 26-го октября ст. ст. был позже, нежели как это ежегодно случается. Стужа не была чрезмерна, потому что до Красного она изменялась от *трех* до *восьми* градусов, а 8-го ноября наступила *оттепель*, которая продолжалась до самого прибытия нашего к берегам Березины: один только день пехота могла переходить по льду чрез Днепр, и то до вечера; вечером оттепель снова повредила переправу.

Стужа эта не превышала стужи Эйлавской кампании:

---

[1] Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tome II, page 113.

[2] Vie politique et militaire de Napoléon. Tome IV.

в последней громады конницы носились по озерам, покрытым льдом, и в эту эпоху река была так сильно им схвачена, что могла бы поднять целую армию с артиллериею. Но при Эйлау армия моя не расстроилась, потому что была в крае изобильном и что я мог удовлетворять всем ее нуждам. Совсем противное произошло в 1812 году: недостаток в пище и во всем необходимом произвел разброд войска; многочисленные колонны наши обратились в буйную сволочь, в которой солдаты разных полков были чужды один другому. Чтобы собраться и распутаться, нам надлежало остановиться дней на восемь в укрепленном лагере, снабженном огромными магазинами.

В Смоленске этого нельзя было сделать, и мы должны были погибнуть, потому что оттуда до Вислы не было уже места, довольно безопасного для пристанища, а у Вислы армия уже не существовала... Я прибыл в Смоленск 28-го октября ст. ст. Вся армия собралась 1-го ноября. Она во всем нуждалась. Спеша к Смоленску, как к земле обетованной, как к пределу своего злополучия, что обрела она там? Обрушенные домы, заваленные больными, умирающими, и пустые магазины! Двухмесячное пребывание корпуса маршала Викто́ра вокруг города, гарнизон, пятнадцать тысяч больных и раненых и проходившие команды издерживали в сутки по шестьдесят тысяч рационов.

Армия вступила в Смоленск толпами и непохожая на себя: *трехдневная, вовсе не чрезвычайная стужа* достаточна была, чтобы ее частию расстроить».

В примечании сказано: «Стужа во время кампании в Голландии в 1795 году и в Эйлавскую кампанию в 1807 году была сильнее той, которая продолжалась от Москвы до Березины. Но в этих двух кампаниях войска получали пищу, вино и водку, а не каждые сутки, как в последней кампании, кочевали голодными, с уверенностью, что завтра будет хуже.

Так как уже известно, что стужа до Березины была умереннее, а при всем том по прибытии к берегам этой реки у нас осталось не более пятидесяти тысяч из трехсот тысяч, которые я привел на берега Двины и в Москву, то должны быть другие причины столь ужасному злополучию.

Не в пользу мою действуют те, которые порочат моих противников и унижают их подвиги. Они вместе с тем унижают и мою славу и славу французской армии, состоящую в преодолении преград неожиданных. Как бы то ни было, никто не похитит у русских, что, невзирая на раз-

рыв их линии при первом шаге моего вторжения, они умели избегнуть поражения и отступить тысячу двести верст, сохранив все тяжести и не оставив нам ни одного трофея. Если б мы творили одни чудеса, а неприятели наши одни ошибки, то как Барклай и Багратион, выступившие один из Дриссы, другой из Слонима и отдаленные один от другого тремястами тысячами моего войска,— как могли бы они соединиться наперекор моему старанию не давать им соединиться? Как Витгенштейн, начальствовавший над корпусом, вполовину малочисленнее трех корпусов, действовавших против него, мог бы сохранить угрожательную осанку в течение всей кампании? Не менее сверхъестественно было бы и то, чтоб при непрестанных промахах армия, расстроенная под Бородиным, могла явиться в назначенный час под Красным и схватиться грудь с грудью с нашей армиею, как это случилось. Наконец, мог ли неприятель, если бы он не обладал ни военными качествами, ни дарованиями и при начале кампании разделенный и раздробленный на части,— мог ли бы он сообразить и исполнить наступательное соединение обоих крыл и средины армии своей при Березине и к самой решительной эпохе привести из Финляндии и от берегов Прута войска, долженствовавшие оспаривать нам переправу?

Без сомнения, ему воспомоществовали обстоятельства, а против меня восстало все то, что ему благоприятствовало; но надо быть чрез меру ненавистливым, чрез меру несправедливым, чтобы порицать то, что достойно похвал и подражания.

Конечно, русские действовали не без ошибок. Главнейшие суть: начальное размещение сил на границе, направление к Дриссе и образ отступления от Смоленска; дознано также, что Кутузов мог бы сделать более того, что он сделал, и будь я на его месте, я бы, верно, не упустил случая истребить армию, возвращавшуюся из Москвы; но, несмотря на излишнюю его осторожность, дóлжно признаться, что он дал искусное направление движениям своей армии.

Смешно уверять, будто русские совершено были чужды в нашем злополучии. Правда, злополучию этому причиною не генеральные сражения, выигранные у нас нашими противниками; но как не согласиться в том, что ему способствовало пламенное рвение армии, правительства, народа и генералов, ознаменованное особенно во второй части кампании? Высокопарные ругательства могут иметь

временное влияние на чернь и людей несмыслящих: истина господствует над веками!»

Заключим выписки эти извлечением из известного сочинения сэра Вальтера Скотта [1]:

«Причины такого ужасного события были в ложных расчетах, которые зародились при первых мыслях об этом предприятии и сделались очевидными при первом шаге к приведению их в действие. Мы знаем, что такой способ смотреть на предмет не во вкусе обожателей Наполеона. Веря безусловно словам, которые сам он рассеял, они считают, что их герой ничем не мог быть побежден, разве одними только стихиями. Об этом объявлено и в *двадцать девятом* бюллетене: «До 25-го октября ст. ст., говорят там, успехи его *были одинаковы, но выпавший тогда снег в шесть дней расстроил дух его армии,* отнял мужество у солдат его и, ободрив презрительных казаков, лишил французов артиллерии, фуража и кавалерии и поверг их, хотя русские мало тому способствовали, в то жалкое положение, в каком они вступили в Польшу». Наполеон никогда не выходил из этого уверения, и оно — один из тех пунктов, от которых восторженные его обожатели отступают с крайним нехотением. Но прежде нежели согласиться с их мнением, надобно решить три вопроса: 1) Обыкновенное падение снега или поход чрез страну, покрытую снегом, должны ли непременно сами по себе причинить все те бедствия, которые французы им приписывают? 2) Возможность такого происшествия не должна ли была входить в расчеты Наполеона? 3) Падение ли снега, как бы, впрочем, оно чрезмерно ни было, причиною расстройства армии Боннапарте, или не действие ли климата благоприятствовало скорейшему развитию многих других причин ее гибели,— причин неразлучных с этим походом при самом его зарождении и уже прежде жестокости зимы?

Бесполезно распространяться насчет первого вопроса. Падение снега, сопровождаемое сильным морозом, недостаточно само собою для того, чтобы разрушить до основания отступающую армию. Без сомнения, в этом случае солдаты самые слабые должны погибнуть; но целой армии удобнее производить движение зимою, нежели в дождливую погоду».

Тут знаменитый автор представляет некоторые удобности для военного действия зимою, вознаграждающие

---

[1] Vie de Napoléon Bonaparte, par Sir Walter Scott. Tome IV.

до некоторой степени нужды, причиняемые суровостью времени.

«Перейдем ко второму вопросу. Если мороз и снег в России суть бедствия непреодолимые, властные уничтожать целые армии, то как же эти обстоятельства не вошли в расчеты генерала, столь знаменитого, замыслившего предприятие столь огромное? Разве в России никогда не идет снег? Разве морозы в ноябре месяце там редкое явление? Говорят, что морозы начались ранее обыкновенного; мы уверены, что это оправдание не имеет никакого основания; но во всяком случае величайшее безрассудство — подвергать сохранение и целость всей армии, армии столь многочисленной и употребленной на такое важное предприятие, зависимости от мороза, могущего случиться несколькими днями ранее или позднее.

Дело в том, что Наполеон предвидел, что в октябре настанет стужа, так как он в июле предвидел необходимость собрать съестные припасы, достаточные для продовольствия своей армии; но, увлеченный нетерпеливостью, он ни в том, ни в другом случае не принял меры для преодоления ни голода, ни стужи, которые предвидел.

В *двадцать втором* бюллетене сказано: *«Можно ожидать, что Москва-река и прочие реки России замерзнут в половине ноября»*. Это должно было приготовить императора к снегу и к началу мороза пятью или шестью днями ранее.

В *двадцать пятом* бюллетене признана необходимость зимних квартир, и император представлен с видом самодовольствия осматривающим вокруг себя, где бы ему избрать квартиры: на юге ли России или в приязненных владениях Польши. *«Время прекрасное,*— говорит бюллетень,— *но дóлжно ожидать холода в первых числах ноября и, следственно, дóлжно заботиться о зимних квартирах; особенно кавалерия имеет в них нужду»*. Невозможно, чтобы тот, пред глазами которого составлялись эти бюллетени, или тот, кто составлял их сам, был изумлен выпадением снега 6-го ноября: это такое событие, вероятность которого была предвидена, но против которого не взято было предосторожностей...»

Далее говорит автор о забытии начальством велеть перековать лошадей и запастись подковами.

«В-третьих, хотя, без сомнения, суровость погоды значительно умножала бедствия и потери армии, имевшей недостаток в съестных припасах, в одежде и подвергавшейся всякого рода нуждам, однако ж она не была пер-

вою и ни с какой точки зрения главнейшею причиною этих бедствий. Читатель должен припомнить поход чрез Литву: Наполеон, не быв поражен ни разу, потерял десять тысяч лошадей и около ста тысяч людей уже тогда, когда он проходил страною дружелюбною. Разве эта потеря, случившаяся в июне и в июле, причинена *ранним снегом,* каким называют снег, выпавший 6-го ноября? Совсем нет: причину этому находят, как говорит бюллетень, в неизвестности, в томлении, в маршах и контрмаршах войск, в их усталости, в претерпении нужд, словом, в этой системе усиленных переходов, которая, впрочем, не доставила Наполеону никакой существенной выгоды,— системе, всегда стоившей ему около четвертой части армии, прежде нежели она доводила ее до какого-нибудь сражения[1]. Если предположим, что он оставил на обоих флангах и позади себя силу из ста двадцати тысяч человек, под командою Макдональда, Шварценберга, Удино́ и других военачальников, то он начал настоящее шествие на Россию с двумястами тысячами. Половина этой значительной силы погибла прежде прибытия его в Москву, в которую он вступил с сотнею тысяч человек. Усталость погубила множество, битвы и гошпитали поглотили остальных.

Наконец Наполеон покидает Москву 7-го октября (ст. ст.), как город, где ему нельзя уже было оставаться, хотя выход оттуда, как он предвидел, был сопряжен с значительными затруднениями. Тогда находилось под его начальством около ста двадцати тысяч человек. Армия его умножена была до этого числа присоединением к ней выздоровевших бродяг и команд, прибывших из резервов. Он дал сражение бесполезное, хотя и с честью выдержанное, при Малоярославце; не успел пробить себе дороги к Калуге и Туле и принужден был бежать чрез Бородино по разграбленной и опустошенной Смоленской дороге. На этом пути он дал сражение под Вязьмою, в котором потеря французов была весьма значительна; его колонны были беспрестанно тревожимы казаками, и он лишился многих тысяч пленными. Два сражения, столь кровопролитные, не считая притом разбития Мюрата и беспрестанно возобновляемых стычек, стоили французам убитыми и ранеными — потому что каждый раненый был уже погибшим для Наполеона,— по крайней мере двадцати пяти тысяч человек. Наконец наступило

---

[1] Мнение совершенно ложное (замечание сочинителя статьи).

25-е октября. До того дня еще не видали клока снегу, который в самом деле пошел тогда уже, когда Наполеон испытал бóльшую часть бедствий, потому что в то время фланги его и резерв уже выдерживали жестокие сражения и понесли большие уроны, не получив никакой существенной выгоды. Таким образом, почти три четверти армии, которую он привел в Россию, были разрушены, а остальная четвертая часть приведена была в жалкий беспорядок еще до выпадения снега, которому он потом за благо рассудил приписать неудачу свою.

Конечно, когда наступила чрезмерная стужа, тогда нужды и потери французской армии еще умножились; но зима была только *союзницею русских,* а не как тогда думали, *единственною их защитницею:* отступление Наполеоновой армии совершилось под остриями казачьих пик прежде, нежели морозы Севера понудили ее к отступлению».

Из всех этих выписок можно заключить следующее:

Неприятельская армия, выступив из Москвы 7-го октября ст. ст., шла хорошею погодою, по словам г. Шамбре и г. Жомини, до 28-го октября, то есть *двадцать одни* сутки, а по словам Гурго — до 25-го октября, то есть *восемнадцать* суток. Но от этого числа армия в течение *трех* суток, по словам Шамбре, Жомини и самого Наполеона, или в течение *пяти* суток, по словам Гурго, претерпела стужу, которая, по термометрическому наблюдению Шамбре, простиралась от двенадцати до семнадцати градусов, а по словам Жомини, от трех до восьми градусов. Далее все писатели соглашаются уже в том, что во время переходов французской армии от Смоленска до Орши стужа весьма уменьшилась, и если позволено мне прибегнуть к моей собственной памяти, то смело могу уверить, что тогда морозы простирались от двух до четырех градусов. Наконец, Шамбре, Гурго и Жомини соглашаются в том, что от Орши до Березины продолжалась *оттепель.* Последний упоминает даже об опасности, представлявшейся при переправе через Днепр под Оршею 8-го [ноября]; а мы помним, что, при переходе чрез эту реку корпуса Нея, при Гусинове, бóльшая часть его тяжестей и некоторая часть войска этого отряда обрушилась под лед и погибла.

Итак, во все время шествия французской армии от Москвы до Березины, то есть в течение *двадцати шести дней,* стужа, хотя и не чрезвычайная (от двенадцати до семнадцати градусов), продолжалась не более *трех* су-

ток, по словам Шамбре, Жомини и Наполеона, или *пяти* суток, по словам Гурго.

Между тем французская армия при выступлении своем из Москвы состояла, по списку французского главного штаба, отбитому нами во время преследования, из ста десяти тысяч человек свежего войска, а по словам всех историков кампании, представляла только сорок пять тысяч по прибытии своем к берегам Березины. Как же подумать, чтобы *стодесятитысячная* армия могла лишиться *шестидесяти пяти тысяч* человек единственно от *трех-* или *пятисуточных* морозов, тогда как гораздо сильнейшие морозы в 1795 году в Голландии, в 1807 году во время Эйлавской кампании, продолжавшиеся около двух месяцев сряду, и в 1808 году в Испании среди Кастильских гор, в течение всей зимней кампании, скользили, так сказать, по поверхности французской армии, не проникая в средину ее, и отстали от ней, не разрушив ни ее единства, ни устройства?

Все это приводит нас к тому уверению, что не стужа, а другое обстоятельство — причиною разрушения гигантского ополчения.

Читая представленные мною выписки, можно ясно видеть согласие всех историков кампании насчет причин события. Они полагают, что эти причины состоят: *во-первых,* в голоде, претерпенном французской армиею; *во-вторых,* в беспрерывных усиленных переходах и, *в-третьих,* в кочевье под открытым небом.

Соглашаясь отчасти с ними, я предлагаю вопрос: что обыкновенно производит голод в армиях? Действование или шествие армии по безлюдному или опустошенному краю без обозов, наполненных съестными припасами, или, как технически их называют, без подвижных магазинов?

Казалось, что это двойное несчастье не должно было угрожать французской армии, потому что, при выступлении ее из Москвы, она, по словам самого Наполеона, несла на себе и везла с собою на двадцать дней провианта [1]. Сверх того, как всем известно, она имела намерение и напрягала все усилия, чтобы, прибыв прежде нас через Малоярославец в Калугу, идти оттуда на Юхнов и Рославль к Днепру, по краю невредимому и изобилующему съестными припасами, и быть преследуемой нашей армиею с тыла, *а не сбоку,* как это случилось.

---

[1] Mémoires pour servir à l'histoire de France, par Napoléon, publiés par Montholon. Tome II, page 113.

Таким образом, французская армия никогда бы не имела недостатка в пище; переходы ее могли бы быть производимы без поспешности, потому что никто не угрожал бы пресечением пути ее отступления, и производимы под прикрытием сильного арьергарда, которого войска сменялись бы чрез каждые несколько дней свежими войсками; она была бы в возможности беспрепятственно располагать на квартиры если не все свои корпуса, то по крайней мере бо́льшую часть их, что доставило бы покой ее войскам на ночлегах и укрыло бы их от стужи. Малого недоставало, чтобы не удалось это предприятие. Уже снабженная, как я выше сказал, на *двадцать дней* провиантом, обогнув потаенно оконечность левого фланга нашей армии, занимавшей тарутинскую позицию, французская армия почти касалась до той точки, от которой можно было ей отступать в довольствии всего и никем не тревожимой. Вдруг партизан Сеславин выхватывает солдата из колонн главной французской армии, дает о том знать Ермолову, находившемуся с корпусом Дохтурова в Аристове; тот немедленно извещает Кутузова и сам спешит занять Малоярославец до его прибытия; Кутузов с своей армиею летит от Тарутина туда же и заслоняет Наполеону Калужский путь, отбивает его от изобильного края, по которому он намеревался следовать, и принуждает его предпринять отступление по пути опустошенному. Еще при французской армии находилось на *двадцать дней* пищи, но и это вспомогательное средство вскоре исчезает. Кутузов бросает вслед за нею всю свою легкую конницу, и в трое суток не остается у неприятеля ни одной подводы с провиантом. Наконец представляется последний способ к прокормлению этой армии: в некотором расстоянии от опустошенного пути, по которому прошла она летом, находились еще деревни, не совершенно ограбленные; они могли бы снабдить ее хоть малым количеством пищи. Но и на фуражирование в этих деревнях нельзя было ей решиться с тех пор, как многочисленная легкая конница наша окружила ее своими толпами, истребляя все, что осмеливалось отделяться на один шаг от большой дороги. И вот французская армия идет по опустошенному пути, без обозов, наполненных пищею, и не смеет посылать фуражиров в придорожные деревни. Что же этому причиною? Точка, избранная для лагеря при Тарутине, заслонение Калужской дороги при Малоярославце, отстранение неприятельской армии от края, изобилующего съестными припасами, принуждение его идти по Смоленскому

разоренному пути, взятие нашей легкою конницею неприятельских обозов с пищею, окружение ею французских колонн от Малоярославца до Немана, не дозволившее ни одному солдату отлучаться от большой дороги для отыскания себе пищи и приюта.

В таком положении Наполеону необходимо было спешить к магазинам своим в Литве; но как спешить с войском, у которого нечем подкрепить себя после каждого перехода и которое, следственно, становится с каждым днем неспособнее к физическим усилиям? Как было, между тем, и медлить для отдохновения или делать короткие переходы? Отдохновения, как бы ни продолжительны, переходы, как бы коротки ни были, а все не в состоянии без пищи подкреплять сами собою человека голодного! К тому ж и вот где сказывается превосходство флангового марша Кутузова; чем продолжительнее были бы Наполеоновы привалы и стоянки, чем переходы были бы короче, словом, чем медленнее происходило бы движение до Литвы, тем Кутузов, следуя с своею армиею параллельно французской армии по краю изобильному и никем еще неприкосновенному, по которому вначале намеревался следовать Наполеон, более и более опережал бы его, угрожая бы заслонением единственного пути отступления — по Смоленской дороге. Итак, беспрерывные переходы, которые, по словам иностранных писателей, были, не менее голода, причиною гибели французов, произошли от той же причины, от которой и голод, с прибавлением к ней еще флангового марша Кутузова, грозившего заслонить им путь отступления. Что касается до кочевий под открытым небом, то и они — следствие общей причины, произведшей и голод и беспрерывные переходы: путь, по которому, против воли своей, долженствовала следовать французская армия, разоренный отчасти русскими войсками во время нашего отступления летом и окончательно опустошенный неприятелем, нас преследовавшим, не представлял ни избы, ни сарая для приюта; а беспрерывный надзор и наезды легкой конницы нашей и поспешность, необходимая для достижения края, более изобилующего съестными припасами, не позволяли французам ни отделять малые части войск за черту большой дороги для отыскания себе приюта, ни отстранять большой громады войск от прямого пути, чтоб не увеличить окружными путями расстояния, отделяющего армию от избранной ею меты.

Словом, подведя к одному знаменателю все три причины гибели французской армии, мы видим, что гибель произошла, как я выше сказал, из отстранения неприятельских сил Кутузовым от изобильного края, по которому хотели они следовать; от обращения их на путь опустошенный; от успешного действия легкой нашей конницы, отнявшей у ней обозы с пищею и не позволявшей ни одному солдату уклоняться с большой дороги для отыскания пищи и убежища; наконец, от флангового марша нашей армии, который угрожал Наполеону пресечением единственного пути отступления.

Но неужели можно ограничить гибель французской армии этими причинами? Если б было так, то ни одно ружье, ни одна пушка в русской армии не закоптилась бы порохом; ни одна сабля, ни одна пика не облились бы кровью неприятельской,— а мы помним кровопролитные битвы под Тарутиным 6-го октября, под Малоярославцем 12-го октября и под Красным 5-го и 6-го ноября; я не говорю уже о каждодневных сшибках неприятеля с отдельными отрядами и даже с корпусами нашими.

Соединив три приведенные причины со всеми этими битвами, мы можем подвести приблизительный *итог* урону французской армии, согласить наши исчисления с показаниями историков кампаний и насчет количества неприятельских сил, погибших во время отступления от Москвы до Березины, и насчет того числа, которое прибыло к берегам этой реки, и этим заключить рассуждение.

Вальтер Скотт полагает, что урон французской армии в сражениях при Малоярославце и при Вязьме простирался до двадцати пяти тысяч человек: это чрезмерно! Я считаю, что это число тогда только будет верно, когда мы к двум сражениям при Вязьме и Малоярославце присоединим сражение при Тарутине, сшибку Платова при Колоцком монастыре и другие частные битвы, случившиеся до Смоленска.

Потом, по официальным спискам пленных, которые взяты были под Красным, спискам, составленным при отправлении пленных в недра России,— следственно, в верности не подлежавших ни малейшему сомнению,— мы видим, что число их состояло в двадцать одной тысяче ста семидесяти нижних чинах и трехстах офицерах.

Наконец, полагая слишком восемнадцать тысяч человек, что весьма умеренно, взятых и убитых легкою конницею, взятых и убитых крестьянами, замерзших и погибших на полях сражений от Смоленска до Березины,— мы

удостоверимся, что французская главная армия действительно подошла к Березине в числе сорока пяти тысяч человек и что из ста десяти тысяч, выступивших из Москвы, пропало шестьдесят пять тысяч человек,— но не от одной *стужи,* как стараются в том уверить нас неловкие приверженцы Наполеона или вечные хулители славы российского оружия, а посредством, что кажется, я достаточно доказал, *глубоких соображений Кутузова, мужества и трудов войск наших и неусыпности и отваги легкой нашей конницы.* Вот истинная причина гибели неприятельской армии, не что другое; все прочее есть выдумка, соображенная не без искусства, потому что ее изобретатели знали, что делают, смешивая две эпохи отступления, столь резко различествующие между собою. И подлинно, общее выражение: *«армия Наполеоновская погибла от стужи и мороза»,* это выражение, сливающее в одно и эпоху ее отступления от Москвы до Березины и эпоху отступления ее от Березины до Немана,— самим смешением двух эпох сокрывает истину, облекая ее неоспоримым фактом: *стужею и морозом,* в некотором отношении не чуждым истреблению французской армии. Внимание слушателей и читателей, легко привлекаясь к этому факту, ощутительнейшему и, следовательно, более постигаемому, чем факт отвлеченный, состоящий в соображениях и в разборе движений военных, прилепляется к нему всею силою убедительности, не требующей размышления.

Но чтобы извлечь истину из этого ложного состава, следует только, отделив одну эпоху от другой, прибегнуть к вопросу о времени настижения губительного феномена природы: наступило ли оно в *первую* или во *вторую* эпоху отступления неприятеля, или свирепствовало оно в обе эпохи?

Доказано же, что в течение *двадцати шести* дней, составляющих первую эпоху, мороз от двенадцати до семнадцати градусов продолжался не более *трех* или *пяти* суток, а во второй — мороз достиг от двадцати до двадцати пяти градусов и продолжался *двадцать два дня,* почти беспрерывно.

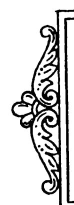
Так, в первой эпохе влияние холода было весьма слабо на неприятельскую армию; во второй — истинно для нее губительно.

Но дело в том, что уже в конце первой эпохи, то есть уже у берегов Березины, армии не существовало: я говорю об армии в смысле военном, об армии, вооруженной, устроенной, твердой чинопослушанием и, следственно,

способной к стройным движениям и битвам. Единая часть ее, еще находившаяся в этом положении, состояла из корпусов Удино́ и Викто́ра, пришедших от Полоцка, совершивших свой переход в одно время с главною армиею, которая бежала от Москвы к Березине подобно ей, перенесших *трех-* или *пятисуточный* мороз и нимало не потерявших от этого ни своего устройства, ни числительной силы, потому что причины, разрушившие и устройство и числительную силу главной армии, не существовали при отступлении корпусов Удино́ и Викто́ра. Когда подошла вторая эпоха, то есть когда все эти войска перешли за Березину и настала *смертоносная стужа,* тогда, как я сказал, армии, в смысле военном, уже не существовало, и ужасное явление природы губило уже не армию, способную маневрировать и сражаться, а одну сволочь, *толпы людей,* скитавшихся без начальства, без послушания, без устройства, даже без оружия; или губило армию, приведенную в такое положение не стужею и морозами, а причинами, которые здесь представлены.

И на все сказанное мною не опасаюсь возражений, — вызываю их; бросаю перчатку: подымай, кто хочет!

Ф. Н. ГЛИНКА
ОЧЕРКИ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

(Воспоминания о 1812 годе)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БОРОДИНО

Смоленск сгорел, Смоленск уступлен неприятелю. Русские сразились еще на Волутиной горе и потом отступали, как парфы, поражая своих преследователей. Это отступление в течение 17 дней сопровождалось беспрерывными боями. Не было ни одного, хотя немного выгодного места, переправы, оврага, леса, которого не ознаменовали боем. Часто такие бои, завязываясь нечаянно, продолжались по целым часам. И между тем как войско дралось, народ перекочевывал все далее в глубь России. Россия сжималась, сосредоточивалась, дралась и горела. Грустно было смотреть на наши дни, окуренные дымом, на наши ночи, окрашенные заревом пожаров. С каждым днем и для самых отдаленных мест от полей битв более и более ощутительно становилось присутствие чего-то чуждого, чего-то постороннего, не нашего. И по мере, как этот чуждый неприязненный быт в виде страшной занозы вдвигался в здоровое тело России, части, до того спокойные, воспалялись, вывихнутые члены болели и все становилось не на своем месте. Чем далее вторгались силы неприятельские, тем сообщения внутренние делались *длиннее,* города разъединеннее; ибо надлежало производить огромные объезды, чтобы не попасть в руки неприятелю: от этого торговля теряла свое общее направление, промышленность становилась местною, стесненною, ход ежедневных занятий и дела гражданской жизни цепенели. Во многих присутственных местах закрыты были двери. Одни только церкви во все часы дня и ночи стояли отворены и полны народом, кото-

рый молился, плакал и вооружался. Около этого времени сделалось известным *ответное письмо митрополита Платона императору Александру*. Копии с него долго ходили по рукам. Любопытно заметить, что первосвященник наш, проникнутый, без сомнения, вдохновением свыше, почти предрек судьбу Наполеона и полчищ его еще прежде перехода неприятельского за Днепр. Он писал: «Покусится враг простереть оружие свое за Днепр, и этот *фараон погрязнет* здесь *с полчищем своим, яко в Чермном море*. Он пришел к берегам Двины и Днепра провести *третью* новую реку: *реку крови человеческой!*» И в самом деле, кровь и пожары дымились на длинном пути вторжения. Французы, в полном смысле, шли по пеплу наших сел, которых жители исчезали пред ними, как тени ночные. Обозы, длинные, пестрые, напоминавшие восточные караваны, избирали для себя пути, параллельные большой столбовой дороге, и тянулись часто в виду обеих армий. Дорогобуж, Вязьма и Гжать уступлены без боя. Если огни в полях, курение дыма и шум от шествия ратей недостаточны были навеять на людей той годины важные и таинственные мысли о *временах апокалипсических*, то всеобщее переставление лиц и вещей — переставление гражданского мира — должно было непременно к тому способствовать. Неаполь, Италия и Польша очутились среди России! Люди, которых колыбель освещалась заревом Везувия, которые читали великую судьбу Рима на древних его развалинах, и, наконец, более сродственные нам люди с берегов Вислы, Варты и Немана шли, тянулись по нашей столбовой дороге в Москву, ночевали в наших русских избах, грелись нашими объемистыми русскими печами, из которых так искусно и проворно умели делать *камины* для Наполеона, превращая избу, часто курную, в *кабинет* императорский, наскоро прибранный. И в этом кабинете, у этого скородельного камина (особливо в эпоху возвратного пути из Москвы) сиживал он, предводитель народов, с видом спокойным, но с челом поникшим, упершись концами ног в испод камина, в шубе, покрытой зеленым бархатом, подбитой соболем. Так сиживал он перед красным огнем из березовых и смольчатых русских дров, этот незваный гость, скрестя руки на грудь, без дела, но не без дум! Стальные рощи штыков вырастали около места его постоя, рати облегали бивак императорский, и рати мыслей громоздились в голове его! Было время, когда князь Экмюльский помещался в селе Покровском: какое стечение имен *Эк-*

мюля с *Покровским!* — Всеобщее перемещение мест, сближение отдаленностей не показывало ли какого-то *смешения языков,* какого-то *особенного* времени.

Солдаты наши желали, просили боя! Подходя к Смоленску, они кричали: «Мы видим *бороды наших отцов!* пора драться!» Узнав о счастливом соединении всех корпусов, они объяснялись по-своему: вытягивая руку и разгибая ладонь с *разделенными пальцами,* «прежде мы были так! (т. е. корпуса в армии, как пальцы на руке, были разделены) теперь мы,— говорили они, сжимая пальцы и свертывая ладонь в кулак,— вот так! так пора же (замахиваясь дюжим кулаком), так пора же дать французу раза: вот этак!» — Это сравнение разных эпох нашей армии с распростертою рукою и свернутым кулаком было очень по-русски, по крайней мере очень *по-солдатски* и весьма у места.

Мудрая воздержность Барклая-де-Толли не могла быть оценена в то время. Его война отступательная была, собственно,— война завлекательная. Но общий голос армии требовал иного. Этот голос, мужественный, громкий, встретился с другим, еще более громким, более возвышенным, с голосом России. Народ видел наши войска, стройные, могучие, видел вооружение огромное, государя твердого, готового всем жертвовать за целость, за честь своей империи, видел все это — и втайне чувствовал, что (хотя было все) недоставало еще кого-то — недоставало полководца русского. Зато переезд Кутузова из С.-Петербурга к армии походил на какое-то торжественное шествие. Предания того времени передают нам великую пиитическую повесть о беспредельном сочувствии, пробужденном в народе высочайшим назначением Михаила Ларионовича в звание главноначальствующего армии. Жители городов, оставляя все дела расчета и торга, выходили на большую дорогу, где мчалась безостановочно почтовая карета, которой все малейшие приметы заранее известны были всякому. Почетнейшие граждане выносили хлеб-соль; духовенство напутствовало предводителя армий молитвами; окольные монастыри высылали к нему на дорогу иноков с иконами и благословениями от святых угодников; а народ, не находя другого средства к выражению своих простых душевных порывов, прибегал к старому, радушному обычаю — отпрягал лошадей и вез карету на себе. Жители деревень, оставляя сельские работы (ибо это была пора косы и серпа), сторожили так же под дорогою, чтобы взглянуть, поклониться и в избыт-

ке усердия поцеловать горячий след, оставленный колесом путешественника. Самовидцы рассказывали мне, что матери издалека бежали с грудными младенцами, становились на колени и, между тем как старцы кланялись седыми головами в землю, они с безотчетным воплем подымали младенцев своих вверх, как будто поручая их защите верховного воеводы! С такою огромною в него верою, окруженный славою прежних походов, прибыл Кутузов к армии. После этого нисколько не удивительно, что начетчики церковных книг и грамотеи, особливо в низшем слое народа, делали различные применения к обстоятельствам того времени, переводили буквы имени Наполеона в цифры и выводили заключения, утешительные для России. Иногда следствием их выкладок, довольно затейливых, бывали слова: «Солнце познает запад свой!» Это относили к народам нашествия и Наполеону; иногда делали толкования на слова: «В те дни восстанет князь Михаил и ополчится за людей своих! (на Гога и Магога) и проч.». Можете вообразить, какую народность, какую огромную нравственную силу давало все это в то время новому главнокомандующему! Зато, как приехал (под Царево-Займище), тотчас обещал он сражение. Все ожило и жило этим великим обетом; и, наконец, 22 августа занята знаменитая позиция Бородинская.

Мы опишем ее.

Наша боевая линия стала на правом берегу Колочи, лицом к Колоцкому монастырю, к стороне Смоленска; правым крылом к Москве-реке, которая в виде ленты извивается у подножия высот бородинских. Перед лицевою стороною (перед фронтом) линии, особенно перед фронтом центра и правым крылом, бежала речка Колоча в реку Москву, составляя с нею угол в полуверсте от высот бородинских. В Колочу впадают: речка Войня, ручьи — Стонец, Огник и другие безыменные. Все эти речки и ручьи имеют берега довольно высокие, и если прибавить к тому много рытвин, оврагов, по большей части лесистых, и разных весенних обрывов, промоин, то понятно будет, отчего позиция бородинская на подробном плане ее кажется бугристою, разрезанною, изрытою. Леса обложили края, частые кустарники и перелески шершавятся по всему лицевому протяжению, и две больших (старая и новая Московские) дороги перерезают позицию, как два обруча, по направлению от Смоленска к Москве. Дорога Смоленская была так же дорога во Францию, по

которой пришла к нам вооруженная Европа, как будто сдвинувшись с вековых оснований своих.

Сказав, что высоты правого русского фланга были лесистые, мы добавим, что они были и утесистые, а потому и составляли оборону прочную. Левое крыло наше также довольно щедро защищено природою, если принять в этом смысле общее протяжение высот бородинских, на которых простиралось оно, впоследствии загнутое до деревни Семеновской. Впереди этого (левого) крыла тянулись и перепутывались глубокие рвы и овраги, опушенные и закрытые частыми кустарниками. Сверх того позиция русская, как мы сказали, прикрыта была: Колочею, Войнею, Огником и ручьями Стонцем и Семеновским.

Искусство поспешило придать то, чего недодала природа для защиты линии. Густой лес на правом фланге, сходивший с вершин до подножия холмов к стороне реки Москвы, был осмотрен, занят, перегорожен засеками и по местам вооружен укреплениями. В этом лесе сделаны три флеши. На лесистое и утесистое местоположение правого фланга можно было опереться надежно. В центре отличался высокий кругляк, может быть, древний насыпной курган. Через него перегибается большая Смоленская (в Москву) дорога. Это округленное возвышение носит название Горки и находится в деревне того же имени. На этом-то кругляке устроили батарею из пушек огромного калибра и заслонили ее еще другою, более скрытою, из 12 пушек, которую поставили в 200 саженях насупротив Бородина, на расклоне высот правого берега Колочи. Идя с правого крыла к левому, вдоль по линии, в средине расстояния от Горок к Семеновскому, вы встретите высокий бугор, далеко повелевающий окрестностями. Этот бугор пришелся на самой важной точке, почти у замка левого крыла с центром. Этим воспользовались, и высота, господствовавшая над другими, увенчана большим окопом с бастионами. Иные называли его большим редутом, другие, и, кажется, правильнее, люнетом. Но солдаты между собою называли это укрепление Раевскою батареею, потому, что корпус его был пристроен к этому люнету и потому, что они любили храброго генерала, о котором так много было рассказов в то время! Из уст в уста переходила повесть о подвиге его под Дашковкою, как он, взяв двух, еще невзрослых сыновей за руки, повел их знакомить с пулями — туда, где всех троих с головы до ног окатило свинцовым дождем!

По всему видно стало, что неприятель направит сильнейшие нападения свои на наше левое крыло: для того-то и обратили все внимание на эту часть линии.

У деревни Семеновской нашлась также выгодная высота; на расклоне ее построили три реданта: их называли и флешами. Эти окопы должны были обстреливать окрестное пространство и поддерживать войска, которые, в свою очередь, поддерживали стрелков, насыпанных в лесах и перелесках перед фронтом и левым крылом нашей линии. Деревня Семеновская впоследствии разорена. Так устроена, вооружена была наша боевая линия в трех основных пунктах своих. Но кипящая отвага, с которою французы привыкли кидаться вперед в их порывистых наступах, требовала еще большей предусмотрительности, большей осторожности. Чтоб удержать неприятеля в почтительном расстоянии от нашего левого крыла, куда он нацеливал все удары, насыпали большой редут на большом и высоком холме, почти на два пушечных выстрела впереди главной линии к левой ее оконечности. Этот редут, стоявший исполином на отводной страже, устроен был саженях во ста за деревнею Шевардино и назывался Шевардинским. Если пожелаете объяснить себе сделанное здесь описание взглядом на плане, то прежде всего отметьте карандашом село Бородино, принадлежавшее тогда гг. Давыдовым, в 10 верстах от Колоцкого монастыря, на 11-й не доходя Можайска, в 111-ти от Москвы. Теперь имеет оно счастие принадлежать порфирородному владельцу — государю цесаревичу. За Бородиным, правее от кургана Горецкого, приищите и подчеркните на большой Московской дороге селение Татариново: там была главная квартира Кутузова. Заметьте там же деревню Князьково. Окружив потом внимательным взглядом наше правое крыло, вы встретите Старое, Малое, Беззубово, Логиново, Новое, Захарьино и, наконец, в лесу, где были окопы, Маслово. Заметьте пока эти селения и перенеситесь по линии к левому нашему крылу. Здесь встретите вы (после Бородина) другую, также роковую точку, деревню Семеновскую. За нею, ближе к Татаринову, заметите Псарево с прилежащим к нему лесом. Там стоял наш главный артиллерийский резерв. Насупротив Семеновского приметьте деревни: Алексеевку, Фомкино, Доронино и, наконец, Шевардино, знаменитое битвою за редут его имени. Левее от этой купы деревень найдете вы Валуево: тут стоял Наполеон. Деревни Ратово и Головино принадлежат к той же категории. Потом перенеси-

тесь к Ельне, следуйте по лесной дороге и в одном месте чрез болото к деревне Утице: это путь Понятовского, остановившегося сперва при деревне Рыкачеве и оттуда следовавшего по так называемой старой Смоленской дороге, которая из Царева-Займища идет чрез Ельню в Можайск. За Можайском связываются обе дороги: старая и новая Смоленская. Туда намеревался Кутузов перевести войско, если б французы стали решительно обходить наше левое крыло. Наполеон угадывал это и хотел разбить нас там, где застал. Поэтому-то не послушался он и Даву, советовавшего послать заранее два корпуса в обход по старой Смоленской дороге. Отметки деревень, на которые я вам указал, будут вам полезны при чтении описания битвы Бородинской в составленных мною очерках.

КАРТИНА ПОЗИЦИИ

Описав позицию нашу в историческом смысле, взглянем на нее, как на картину, издали почти неподвижную, грозно воинственную, вблизи живую, движущуюся. Взглянем — разумеется, более мысленными глазами, ибо обыкновенное зрение, даже вооруженное трубою, не может обнять всей позиции; взглянем на этот город, мгновенно возникший на месте жатв и селений: его домы — шалаши из ветвей и соломы; его длинные улицы протянуты между длинными стальными заборами из ружей и штыков; его площади уставлены молчаливо-грозною артиллериею. Ночью он весь, кажется, слит из стали и огней, потому что огни биваков, повсеместно разведенные, отражаются на стволах ружей, на гранях и лезвиях штыков.

Поставьте себя на одной из высот, не входя в Бородино, где-нибудь на большой Смоленской дороге, лицом к Москве, и посмотрите, что делается за Бородиным, за Колочею, за Войнею, за этими ручьями с именем и без имени, за этими оврагами, крутизнами и ямищами. Примечаете ли вы, что поле Бородинское — теперь поле достопамятное — силится рассказать вам какую-то легенду заветную, давнее предание? О каком-то великом событии сохранило оно память в именах урочищ своих. Войня, Колоча, Огник, Стонец, не ясно ли говорят вам, что и прежде здесь люди воевали, колотились, палили и стонали? Но когда ж было это прежде? сколько столетий наслоилось над этим событием? Может быть (и вероятно), что оно современно той отдаленной эпохе, когда

курганы Горецкий, Шевардинский и другие, встречаемые в каком-то симметрическом порядке в этих окрестностях, были холмами священными, на которых совершались тризны. Народы, утомленные видом зачахшей гражданственности.., ведомые тайным влечением судьбы, покорно следовали за путеводною звездою и текли с дальнего Востока — колыбели рода человеческого — с семенами жизни на девственную почву нашего севера, тогда еще пустынного, задернутого завесою неизвестности. На путях их великого шествия остались *городища и курганы,* на которых возжигали огни и сожигали жертвы. Но когда ж все это было? Человек моложе истории, история моложе событий этого разряда!

Обратимся к нашей позиции. Прежде всего встретите вы большой, высокий кругляк, называемый Горкою. С этого кругляка — кургана Горецкого — одного из роковых холмов бородинских, вся позиция видна как на ладони! Наша линия шла справа от села Нового за деревню Семеновское. Позиция неприятельская тянулась от села Беззубова за Шевардино. На этом кургане, о котором мы начали говорить, вы видите — мелькает деревенька Горки, удостоившаяся даже на несколько часов быть главною квартирою армии и самого Кутузова. Но вы скоро ее не увидите: война все сносит и перемещает. Вот уже взвозят на курган артиллерию: это не так легко, потому что здесь стараются сосредоточить орудия огромного калибра. По мере, как военный быт покрывает своими принадлежностями высоту Горки, солдаты, вы видите, раскрывают крестьянские лачуги и растаскивают бревна. Это точно работа муравьев! Толпа разномундирных кишит, шевелится, торопится; всякий унес, что попало, и деревни не стало! Все пошло в огонь на биваки.

Я забыл сказать, что вы приглашены посмотреть на нашу бородинскую позицию 23 августа. Но ее заняли 22-го. Точно так! Я расскажу вам об этом дне. 22 августа 1812 года армия русская увидела высоты бородинские, и много голосов раздалось в войске: «Здесь остановимся! Здесь будем драться!» Заключение неошибочное! Оно внушено видом высот и стечением речек, ручьев и оврагов у подножия цепи возвышенностей. Тогда же промчалась молва в войске, что Кутузов нарочно посылал вперед Бенигсена отыскать крепкое место, где бы можно было стать и отстоять Москву. Бенигсен, как говорили, избрал Бородино, и Кутузов остался доволен его выбором.

Около 10 часов утра (22 августа) передовые полки и

на челе их[1] Михайло Ларионович с своим штабом прошли Бородино, приостановились на минуту в деревеньке Горки, и главный штаб пошел далее. На большой Московской дороге есть сельцо Татариново. Там стоял уже пустырем сельский господский дом: там поместили Кутузова; Барклай, Бенигсен, принц Виртембергский и другие генералы, люди, имевшие поместья и палаты, разместились в окружных деревеньках и домах, кто как смог, кому где случилось.

Генерал Бенигсен и полковник Толь, большой знаток своего дела, тотчас пустились помогать природе искусством, укреплять позицию. По доверенности, которою пользовался от высшего начальства и по внутреннему своему достоинству, полковник Толь был далеко выше своего чина. В то время, о котором мы говорим, он пользовался двумя славами: славою храброго офицера и ученого военного человека.

23-го, на другой день, пришло из Москвы 12 000 москов<ского> ополчения. Их привел граф Марков. На этом войске было две коренных принадлежности Руси: *борода и серый кафтан;* третья и важнейшая принадлежность Руси христианской был крест. Он блистал на шапке ратников. С офицерами пришли русские кибитки, повозки и роспуски с колокольчиками, заводские лошади, крепостные слуги. В другое время можно бы подумать, что это помещики, съехавшиеся дружною толпою, с конюхами и доезжачими, в отъезжее поле на дальнее полеванье. Но тут предстояло другого рода поле! Отпустив далее в глубь России жен и детей, сестер и невест, дворянство русское, покинув дедовские поместья и, собрав своих домочадцев, село на коней и выехало в поле, которое должно было сделаться полем крови, жатвою смерти! <...>

Любовь к отечеству... вызвала мирных поселян на священное ратование. Нельзя было смотреть без чувства на такой избыток доброй воли. Появление этих войск перенесло нас далеко в старые годы. Один офицер, которого записки остались ненапечатанными, говорит: «Казалось, что царь Алексей Михайлович прислал нам в секурс свое войско!» В числе молодых людей, воспитанников Московского университета, чиновников присутственных мест и дворян, детей первых сановников России, пришел в стан русских воинов молодой певец, который спел нам песнь, песнь великую, святую, песнь, которая с быстротою струи

[1] Здесь: во главе. *(Прим. ред.)*

электрической перелетала из уст в уста, из сердца в сердце; песнь, которую лелеяли, которою так тешились, любовались, гордились люди XII года! Этот певец в стане русских был наш Кернер, В. А. Жуковский. Кто не знает его песни, в которой отразилась высокая поэзия Бородинского поля?» Но обратимся к обозрению нашей позиции. Помните, что мы смотрим на нее 23-го августа 1812 года.

ВИД ПОЗИЦИИ (23 АВГУСТА)

Видите ли вы правый фланг нашей армии? Как он высоко поднят над долиною! Цепь холмов служит ему основанием. Частый лес в виде зеленого ковра накинут на эти холмы и свешивается вниз до самого их подножия, где серебрится Москва. Этот лес, перегороженный засеками, таит в себе укрепления. Высок и крут наш правый берег, и везде, до деревушки Горки, повелевает противным, принизистым. Фронт наш прикрыт (если можно это счесть за прикрытие) речкою Колочею. Но мы, по какому-то предчувствию, любопытствуем обозреть скорее левое крыло. Видите ли вы эту массу дерев, которые огромным зеленым султаном колышатся за нашим левым флангом? Это густой лес, торчащий на рассеянных холмах и спускающийся в низину. Под тенью этого леса виднеются, в правильных линиях, еще свежие насыпи: это вырастающие ретраншементы!

В средине нашей боевой линии заметны и важны два пункта: Горки и деревня Семеновская. Между ними тянется отлогая высота с легким скатом к речке Колоче. Видите ли, как начинают рисоваться бастионы на гребне этой высоты? Это большой люнет (батарея Раевского), оспариваемый с такою славою. Вот и еще окопы! За ручьем, перед деревнею Семеновскою, уже выросли из земли укрепления, наскоро сработанные: это три реданта (или флеши). Защита их поручена графу Воронцову с его сводными гренадерами и 27-й дивизией. Знатоки находят недостатки в этих скороспелых окопах; находят, что они открывают тыл свой французским атакам от ручья и слишком подвержены сосредоточенному огню неприятельской артиллерии с окольных высот. Но стойкая русская храбрость все дополнит, исправит! Следуя глазами за протяжением главной линии к левой стороне, вы упираетесь на левом фланге в болото, покрытое частым лесом. Тут расположена деревня Утица. Через нее, от села

Ельни, идет на Можайск старая Смоленская дорога, уже давно оставленная.

После взгляда на позицию, как она была 23-го августа, вам понятнее будет рассказ о событиях этого дня. 23-го августа французы сделали сильное движение вперед, с места своего расположения от почтовой станции Гриднева. Впереди конницы неприятельской, еще многочисленной, грозной, блестящей, на статном крутом коне, рисовался лучший наездник французской армии. По наряду его, живописно-фантастическому, узнавали в нем короля Неаполитанского. Глубокий ров за станциею Гриднево приостановил его на минуту. За этим рвом стоял сильный арьергард русский. Для совершенной противоположности щегольскому наряду Мюрата, разъезжал за оврагом перед рядами русских, на скромной лошадке, скромный военачальник. На нем была простая серая шинель, довольно истертая, небрежно подпоясанная шарфом, а из-под форменной шляпы виднелся спальный колпак. Его лицо спокойное и лета, давно преступившие за черту средних, показывали человека холодного. Но под этою мнимою холодностию таилось много жизни и теплоты. Много было храбрости под истертой серою шинелью и ума, ума здравого, дельного, распорядительного — под запыленным спальным колпаком. Это был генерал Коновницын, истый представитель тех коренных русских, которые с виду кажутся простаками, а на деле являются героями. Тут (за Гридневым) завязался сильный бой. С обеих сторон дрались превосходно. Удержанные с фронта, французы пролились рекою влево. Мюрат далеко объехал наш правый фланг и думал торжествовать победу. Уже фантастические одежды его развевались у нас в тылу; но генерал в колпаке смотрел на это как на шалость запальчивого наездника и не смутился нимало. Наши загнули фланг, немного отступили и выстояли спокойно. Ночь развязала драку. Пользуясь темнотою, Коновницын отвел свои войска к стенам Колоцкого монастыря, а французы засветили огни там же, где были: Наполеон у Гриднева, Мюрат в Лососне.

24 АВГУСТА

Армия готовилась к бою. Главнокомандующий переехал (ближе к линии) в Горки. День был прекрасный, и с десяти часов утра на ясной дали закудрявились легкие облака дыма и послышалась канонада, которая все более

и более приближалась. Французы, сделав большое движение вперед, подошли под Колоцкий. Коновницын их встретил. Было уже около 4 часов пополудни. Схватились горячо, боролись ровно. Храбро рубились изюмцы и вконец изрубили три неприятельских эскадрона. Но бой не мог долее продолжаться в этом положении. Дело шло не о простой авангардной ошибке. Тут были виды высшей тактики. Вице-король обходил наш правый фланг. Король напирал с лица, вице-король вился с фланга, французы то рекою по большой дороге, то отдельными ручьями, просачиваясь между пригорками и частыми перелесками, лились влево за большою дорогою к подножию высот бородинских. Коновницыну нельзя было оставаться долее на поле. Он прислонил свои войска к защитам Бородинским и ввел их в линию.

ПРИБЛИЖЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ К БОРОДИНУ

С вершин укрепленных и неукрепленных высот бородинских солдаты как простые зрители (я говорю о правом крыле, где сам находился) и офицеры увидели наконец приближение всей французской армии. Три огромных клуба пыли, пронзенные лучами склонявшегося солнца, светлели в воздухе, три стальных реки текли почти в ровном между собою расстоянии. На полянах пестрели люди; над перелесками, немного превышавшими рост человека, сверкала железная щетина штыков. Русское солнце играло на гранях иноземной стали. Все это шло скоро, но мерно. Три линии изредка и только слегка изламывались, уступая неровностям местоположения. Одна артиллерия, казалось, своевольно разгуливала. Пушки переезжали то вправо, то влево, избирая для себя удобнейшие пути и дороги. Французы подступали к Бородину тремя колоннами. Понятовский, с своими поляками, тянулся вправо по старой Смоленской дороге на Ельню; Наполеон — посредине, прямо на Бородино: за ним следовала большая часть армии; вице-король италиянский держал левее от большой дороги, к деревне Большим Садам. Когда все силы неприятельской армии выяснились, заревел редут Шевардинский, ожили овраги и кустарники на правом берегу Колочи и пули засновали с свистом в уровень человека, ядра и гранаты стали описывать дуги над головами наступающей армии. Это русское укрепление, это русские стрелки, которыми

насыпаны были перелески и деревни Алексинки, Фомкино и Доронино; это они встретили неприятеля, тянувшегося по большой дороге.

С прискорбием видя напрасную потерю людей, Наполеон приказал Мюрату перейти с конницею Колочу и присоединить к себе дивизию Кампана из 1 корпуса. Этим войскам предоставлена была участь редута Шевардинского. Дивизия Кампана еще наперед (в 2 часа пополудни) захватила деревню Фомкино и теперь, по первому знаку, живо пошла по направлению к редуту.

Князь Горчаков приготовился встретить напор первого наступа. Он расставил полки 27-й дивизии позади редута, растянув их в линию. Фланги этой линии прикрыты: правый драгунами и конною артиллериею, левый кирасирскою дивизиею в сгущенных полковых колоннах. При этих массах кирасир было немного гусар и несколько орудий конной артиллерии. На самом же Шевардинском редуте поставлены пушки большого калибра для выстрелов дальних. В Доронине, в лесах и кустарниках, наполняющих окрестность до самой дороги в Ельню, сидели стрелки, подкрепляемые легкою конницею. В таком виде были дела с обеих сторон. Но пока начнется знаменитый штурм редута Шевардинского, я опишу одну замечательную сцену.

Перед центром правого крыла большой русской линии, у подножия вооруженных высот, немного левее (если смотреть от Москвы) от села Бородина разъезжал кто-то на маленькой бодрой лошадке (небольшом гнедом клепере); из-под фуражки его, сплюснутой на голове, выливались пряди белых волос. Шарф повешен по-старинному, чрез плечо, на мундирном сюртуке. Ездок был среднего роста, построение тела имел коренное русское: он был дюж, широк в плечах и в это время довольно дороден, особливо в ногах заметен был какой-то отек. За ним ездили два донца, из которых один возил скамеечку. Прибежав дробною рысью на то место, которое мы указали, генерал (это показывали его эполеты), вероятно, только что окончивший объезд линий, потому что клепер его еще дымился, этот генерал начал сходить с лошади. С каким-то болезненным усилием ступил он сперва на скамеечку, которую проворно подставил ему донец, потом на ней же уселся лицом к Шевардину. Солнце, склонявшееся на вторую половину пути, обдало его своими лучами, и я увидел Михаила Ларионовича Кутузова, нашего нового главнокомандующего. Правый глаз его был несколько

прищурен. Всматриваясь внимательнее, вы бы легко заметили, что в нем уже погасла живая точка света. Это следствие раны ужасной, неслыханной, о которой, в свое время, говорили все врачи Европы. Турецкая пуля, ударив близ виска, искосила ось глазную и оставила генерала (одного из прозорливейших полководцев) полузрячим. ...Говоря о нравственных его свойствах, должно сознаться, что он имел обширный ум и отличное образование. Будучи, в одно время, директором 1-го кадетского корпуса и присутствуя на экзамене, он развил такое богатство разнообразных познаний, что все профессора и учителя пришли в изумление. В кругу своих он был веселонравен, шутлив, даже при самых затруднительных обстоятельствах. К числу прочих талантов его неоспоримо принадлежало искусство говорить. Он рассказывал с таким пленительным мастерством, особливо оживленный присутствием прекрасного пола, что слушатели всякий раз между собою говорили: «можно ли быть любезнее его?» Зная это, я часто всматривался в лицо его, отыскивая которая бы из черт этого лица могла оправдывать всеобщую молву (распущенную великим Суворовым), молву о его необыкновенной хитрости. Но посмотрим теперь на него, сидящего на поле Бородинском. Он все еще сидел на своей скамеечке с нагайкою в правой руке, то помахивая ею, то концом ее чертя что-то на песке, а между тем дума полная, высокая сияла на лице его. Если б не легкое механическое движение правой руки, его можно бы почесть за изваяние из бронзы: так был он неподвижен, так углублен в свои мысли, лучше сказать, в одну мысль. Бой, начатый передовыми стрелками левого крыла, притих. С минуту продолжалось молчание по всей линии. Вдруг вздохнуло опять на левом крыле, и этот вздох огласил окрестности. Еще... еще... и все зарокотало... Это началась тяжба за редут Шевардинский; адвокаты с обеих сторон говорили свои гремящие речи и менялись доказательствами. Кутузов сделался весь внимание. Я видел, как он протягивал вперед голову и вслушивался, вслушивался, иногда наклоняя левое ухо к земле, как будто желая угадать — подается пальба или отступает. Но вот во всю конскую прыть прискакал адъютант, сказал слово о Багратионе, другое о французах, и Михайло Ларионович, вспрыгнув с места с легкостию молодого человека, закричал: «Лошадь!»—сел, почти не опираясь на скамеечку, и, пока подбирал поводья, уже мчался вдоль по линии на левое крыло. Скоро огромный клуб свившегося над

окрестностию дыма поглотил главнокомандующего с его великою думою, в которой развивались уже семена предстоящего сражения. Солдаты-зрители, стоявшие группами на скате вершин, говорили: «Вот сам Кутузов поехал на левое крыло!»

ВЗЯТИЕ РЕДУТА

Сначала наступавшие и оборонители разменивались только дальними выстрелами. Но в 4 часа за полдень дивизия Кампана, подкрепясь конницею, кинулась на Доронино и в лес, его окружавший. В это же время и Понятовский, как будто заводя крыло невода справа, выказался с своими из деревни Ельни, вспугнул рои стрелков наших и погнал их, тесня своим наступом из леса в лес, из перелеска в перелесок, отбрасывая все пешее на русскую конницу, которая на первых порах сильно поддержала товарищей. Полковник Эмануель (впоследствии славный генерал) два раза с Киевским драгунским полком налетал на поляков, когда они выказывались из-за кустарников, и Новороссийский полк ходил славно в атаку. Полковник князь Кудашев с кирасирами (синие и желтые воротники) сделал также две блистательных атаки и отбил у французов шесть пушек.

Но все эти великодушные усилия не могли устоять и не устояли против превосходных сил наступающих.

Генерал Кампан стал, наконец, в виду редута, который грозно рисовался в вечереющем воздухе. Он выслал 61-й полк с приказанием: взять редут штурмом! Полк двинулся баталионными колоннами под покровительством своей огромной батареи, при жестоком огне передовых стрелков, которые, захватив ближнее возвышение, палили прямо в амбразуры нашего укрепления. Русские с высоты редута увидели сперва вдалеке три черных точки. Эти точки, головы колонн, близились, близились и росли; наконец они стали в прямую линию. Ясно различили три колонны, и первая, удвоя шаг, пошла на редут. Редут замолчал; но орудия нацелены, ружья наклонены, и дула уставлены прямо в глаза наступающим.

Французы идут, подходят, всходят и почти сталкиваются с нацеленными в них дулами. Вспыхнул залп, блеснул ряд молний, не стало передних... задние взошли на редут.

Но не успел еще рассеяться дым, как русские явились на новый спор. Штык и отвага показали чудеса, но превосходство взяло верх. Редут оставался за французами.

Уже было 8 часов вечера. Полуосенние сумерки сизели на поле, по низинам закурились белые туманы, и красные вспышки огнестрельных орудий сверкали в полусумраке, как огни потешные. В это время князь Багратион, схватя вторую гренадерскую дивизию, выехал сам на бой и велел отнять редут. Две неприятельские колонны хотели обойти гренадер, но жестоко смяты Малороссийскими и Глуховскими кирасирами, которые отняли у них пушки. С другой стороны Харьковские и Черниговские драгуны также изрубили две атакующие колонны. При этих удачах гренадеры вбежали на редут и искололи целый батальон 61-го полка. Но Кутузов, зная, что надобно делать, велел покинуть редут неприятеля. Тогда было уже 10 часов вечера.

25 АВГУСТА

Армия французская, до сих пор подвижная, переходная, начала устанавливаться на прочную стоянку. По всему, и по самому расположению войск, можно было предчувствовать, предугадать, а наконец решительно заключить, что главное нападение произведено будет правым французским на левое крыло наше. И вот как установилась французская армия: a) король Неаполитанский с своими четырьмя корпусами (масса ужасная!) кавалерии стал в перелеске по правую сторону (глядя к Москве) оставленного (т. е. Шевардинского) редута. b) Дивизии Кампана, Десекса и Фрияна из корпуса Давуста, расположенные при деревнях: Фомкино, Алексинке и Доронине, на том самом поле, где дрались накануне. c) Дивизии Жерара и Морана, из Давустова же корпуса, остались на левом берегу Колочи перед деревнею Валуево. d) Вице-король Италиянский (образовавший с своими левый фланг французской армии) с италиянскою гвардиею и дивизиями Дельзона и Бруссье да с кавалериею генерала Гиона установился слева от большой дороги, лицом к лицу с селом Бородиным, имея свою кавалерию за ручьем Войнею. Третья часть войск французских *(corps de bataille)* [1] расположилась так:

a) Императорская гвардия зажгла биваки между Валуевым и Ратовым.

b) Позади этой гвардии, на большой Смоленской, или Московской, дороге, к стороне деревни Головино, расположились корпуса Нея и Жюно.

---

[1] Основных сил французской армии.

с) Князь Понятовский с своим корпусом стал за большим лесом, на правом берегу Колочи, перед деревнею Рогачево. Наполеон почтил личным квартированием своим Валуево. Целый день слегка перестреливались за воду и водопои.

ДВИЖЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ ВПРАВО НАКАНУНЕ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Накануне, т. е. к вечеру 25-го, на всей французской линии последовала общая перестановка войск: полки передернуты как на снурках. С колокольни села Бородина ясно можно было видеть, как линия французская по местам то сгущалась, то разреживалась, и все густоты сливались вправо, к старой Смоленской дороге. Зрелище единственное! Поля, с которых не успели еще снять посева, облиты были слегка волновавшимся золотым морем жатвы и окрашены косвенными лучами понижавшегося солнца. Это золотое море прорезывалось стальною рекою штыков и ружей, которые зеркально сверкали на вечернем солнце. За ростом и густотою жатв людей почти не видно было. Двигалось одно железо.

Король Неаполитанский остался там же, где и был, с своими тремя корпусами. Князь Понятовский, предназначенный к обходу своего русского крыла, стал за Мюратом.

Маршал Даву, долженствовавший бить по оконечности нашего левого крыла, поставил дивизии Кампана, Десекса и Фрияна между Шевардиным и лесом, который, тянется до самой Утицы.

Маршалу Нею предоставлено было пробивать русскую линию в промежутки между левым крылом и центром. У Нея для этого был корпус свой и Жюно. Ней построился между Шевардиным и Алексинским, вытянув 3-й корпус в первой, а 8-й во второй линии.

Вице-король Италиянский с своими образовал левое французское и должен был бить правое крыло наше. При нем были корпуса: его собственный, кавалерийский Груши и дивизии Жерара и Морана из 1-го корпуса. Они назначены противустоять *(contenir)* центру к правому крылу русскому и составлять левое крыло армии французской. Все эти силы расположились было на левом берегу Колочи.

Русские боялись за свое, а французы за свое левое крыло. И те и другие прикрылись окопами. По расчетам

тактики и от напоров правого французского крыла, левое русское несколько загнулось и тем усилилось. Дивизия Морана, а за нею Жерара расположились на большой дороге. Груши стал сзади. Левее и самой дивизии Жерара поставлена дивизия Бруссье, за нею италиянская гвардия в резерве.

Но было войско еще левее — это дивизия генерала Дельзона: она составляла последнее перо левого французского крыла. Ее подкрепляла дивизия легкой кавалерии Орнано.

Гвардия Наполеонова тоже перешла Колочу и стала правее Фомкина.

РАСПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ

Усиление правого французского крыла заставило усилить левое русское, которое легко могло быть обойдено по старой Смоленской дороге. Кутузов распорядился: на левом крыле у нас поставлен стойкий Тучков с его отдельным корпусом и 7000 Московского (приведенного Марковым) ополчения. Туда же наряжен Карпов с шестью полками донцов.

Тучков построил свой корпус за деревнею Утицею в четыре линии. Дивизия Коновницына стояла в двух первых; дивизия гренадерская (графа Строганова) в двух задних.

Сильная цепь из 20-го, 21-го, 11-го и 41-го егерских полков, протянутая по перелескам, запирала ворота (промежуток шириною с версту) между корпусом Тучкова и левым концом главной позиции.

На этом левом конце была деревня Семеновское. Перед нею, как мы видели, насыпаны реданты. Этот пункт защищали сводные гренадеры графа Воронцова, и за ними, во 2-й линии, стояла дивизия храброго Неверовского.

Тут были четыре стены. Гренадеры принца Карла Мекленбургского поставлены в две линии от края Семеновского до самой большой батареи. Этих гренадер поддерживала кавалерия в две линии. Потом корпус графа Сиверса.

И вся эта левая половина, состоя из второй западной армии, была под главным начальством Багратиона.

Центр наш составлен из корпуса генерала Дохтурова. Он стоял против самого Бородина, примыкая своим левым к правому флангу 7-го корпуса, а правым к батарее

близ Горецкого кургана, и Дохтуров стоял в две линии пехотных, которые поддерживались двумя же кавалерии (3-го кавалерийского корпуса) и составляли тоже четыре живые стены!

К правой руке Дохтурова (смотря к Смоленску) примыкал левым локтем корпус Остермана опять в две линии и лицом к Колочи. За ним, все в две линии, кавалерия Корфа; корпус Багговута составлял оконечность правого крыла русского. Этим крылом начальствовал Милорадович, а первою половиною всей линии (1-ю армиею) Барклай.

1-й корпус кавалерии установлен за пехотою правого фланга армии нашей.

Тут же и Платов с 9 Донскими полками. Другие донцы рыскали по течению Колочи до слияния ее с Москвою, оберегая всю ту сторону к Старому и Малому Беззубову.

Итак, вся русская армия расположена была в четыре стены; за двумя пехоты две кавалерии.

Главный же резерв находился за центром боевой линии и состоял из целого 5-го гвардейского корпуса под начальством Лаврова. Этот резерв имел три линии: две передние пехота, задняя кирасиры.

Пять рот конной артиллерии сберегались в резерве за 4-м корпусом кавалерии. Большой резерв артиллерийский стоял перед деревнею Псарево.

ЗАЩИТА ЛИНИИ

Сильные батареи, хотя наскоро сложенные, прикрывали фронт наш, особливо левое крыло. Все егерские полки, огородясь, где можно, засеками, залегли по кустарникам, засели по деревням, захватили дефилеи. Пехота наша в день битвы построилась в баталионные колонны, но кавалерия поддерживала ее развернутым строем. Главная квартира перенесена опять в Татариново.

Армии русской считалось в день битвы Бородинской до 113 500, кроме ополчений. Пушек у нас было 640.

У французов же войск до 188 000 и пушек 1000.

КАНУН БОРОДИНА

Недели за три перед кануном великой битвы Бородинской сражались за обладание Смоленска. Осаждающие зажгли город. Пожар, распространяясь все более и

более, охватил башни, дома, целые улицы. Наконец запылали и церкви с их колокольнями. Огненная буря, с треском и шумом, разливалась в воздухе, раскаляя его. У защитников Смоленска в тесных переулках, под длинными космами огня, не раз волоса на голове трещали; колокола звонили без звонарей и таяли. В это время огня и гибели раздался голос: «Спасайте икону Смоленской богородицы!» Этот голос скоро сделался всеобщим кличем и навел начальство на распоряжение к спасению иконы. С тех пор пресвятая владычица последовала за войском, внимая молитвам готовящихся на славную смерть или умирающих. Русские заняли обратно Смоленск, внесли икону в прежнее место, стали служить молебен, и, когда дошло до слов: «Пребысть же Мариам яко три месяцы и возвратися в дом свой», присутствовавшие перешептывались: было ровно три месяца, как икона вынесена из церкви над вратами в Смоленске и ровно через три месяца возвратилась в дом свой.

Теперь, накануне великого дня Бородинского, главнокомандующий велел пронести ее по всей линии. Это живо напоминало приуготовление к битве Куликовской. Духовенство шло в ризах, кадила дымились, свечи теплились, воздух оглашался пением, и святая икона шествовала... Сама собою, по влечению сердца, стотысячная армия падала на колени и припадала челом к земле, которую готова была упоить до сытости своею кровью. Везде творилось крестное знамение, по местам слышалось рыдание. Главнокомандующий, окруженный штабом, встретил икону и поклонился ей до земли. Когда кончилось молебствие, несколько голов поднялись кверху и послышалось: «Орел парит!» Главнокомандующий взглянул вверх, увидел плавающего в воздухе орла и тотчас обнажил свою седую голову. Ближайшие к нему закричали: ура! — и этот крик повторился всем войском.

Орел продолжал плавать; семидесятилетний вождь, принимая доброе предвестие, стоял с обнаженною головою. Это была картина единственная! Михаил Кутузов, главный повелитель всех воинских сил империи, являлся тут во всей красе военачальника. В простреленной голове его был ум, созревавший в течение 70 лет; в его уме была опытность, постигшая все тайны политической жизни гражданских обществ и народов. Над ним парил орел.., сто тысяч русских кричали: ура! — а судьба завтрашнего дня укладывала жребии в таинственную урну свою...

После дня, слегка пасмурного, и вечера, окропленного холодноватым дождем, после жаркой целодневной перестрелки за право пить воду в Колочи настал темный холодный вечер, настал канун битвы Бородинской. Из всех явлений 1812 года канун Бородина сохранился, конечно, у многих в памяти. Все ожидали боя решительного. Офицеры надели с вечера чистое белье; солдаты, сберегавшие про случай по белой рубашке, сделали то же. Эти приготовления были не на пир! Бледно и вяло горели огни на нашей линии, темна и сыра была с вечера ночь на 26-е августа; но ярко и роскошно чужими дровами освещал себя неприятель.

Удвоенные костры, уставленные в несколько линий, пылали до самого Колоцкого монастыря. Эти не наши огни, стоя огненными полками, сквозили сквозь чащи лесов и кустарников, румянили наше небо и бросали какой-то кровавый отблеск на окрестности ямистые, темные.

Рокот барабанов, резкие звуки труб, музыка, песни и крики несвязные (приветный клик войска Наполеону) слышались у французов. Священное молчание царствовало на нашей линии. Я слышал, как квартиргеры громко сзывали к порции: «Водку привезли; кто хочет, ребята! Ступай к чарке!» Никто не шелохнулся. По местам вырывался глубокий вздох и слышались слова: «Спасибо за честь! Не к тому изготовились: не такой завтра день!» И с этим многие старики, освещенные догорающими огнями, творили крестное знамение и приговаривали: «Мать пресвятая богородица! помоги постоять нам за землю свою!» К утру сон пролетел над полками. Я уснул, как теперь помню, когда огни один за другим уже снимались, а заря начинала заниматься. Скоро как будто кто толкнул меня в бок. Мнимый толчок, вероятно, был произведен сотрясением воздуха. Я вскочил на ноги и чуть было не упал опять с ног от внезапного шума и грохота. В рассветном воздухе шумела буря. Ядра, раскрывая и срывая наши шалаши, визжали пролетными вихрями над головами. Гранаты лопались. В пять минут сражение было уже в полном разгаре. Многие, вскочив от сна ночного, падали в сон вечный. Взрытая выстрелами земля, всклоченная солома, дым и вспышки огня рябили в глазах. Это вице-король Италиянский повел свою знаменитую атаку на Бородино. Таков был канун и начало великой битвы у нас. У французов было иначе.

Обстоятельные обозрения линий происходили 25 числа. Кутузов уже не в первый раз объехал свою армию. Он взглянул на укрепления при деревне Семеновской и внимательно обозревал левое крыло наше. Оно уперто было в большой лес и прикрыто высокоторчащим курганом с 25 пушками. Еще на двух пригорках наброшены венцами укрепления. На центре все мосты разорены, все переправы испорчены, против известных бродов выставлены пушки. Правый фланг, как мы уже сказали, лесистый, дебристый, искрещен засеками, снабжен большими окопами. В общем объеме русские занимали все гребни высот за Колочею, в виде пространного полукруга. Главные наши вооружения были следующие: ретраншемент и флеши в лесу на правом фланге; батарея на кургане Горецком; другая, недалеко от этой, тоже на круглом холме, называвшаяся батареею Дохтурова, 3-й большой люнет с бастионами: его называли батареею Раевского; четыре окопа (флеши или реданты) при Семеновском.

С центральной батареи нашей смотрели в трубу и вдруг засуетились. «Это он! это он!» — закричало несколько голосов. В самом деле, вооруженный глаз мог увидеть человека, которого портрет знаком был всякому. Он выезжал из лесу, от деревни Логиновой, сам-друг с товарищем и направлялся к нашим линиям. Несколько удачных выстрелов с батареи дали почувствовать ему, что он открыт. Это был Наполеон! Рассказывая о рекогносцировках, лично им самим произведенных, мы обратимся немного назад. 24 августа, по взятии Шевардинского редута, Наполеон пожелал видеть пленных. Пленных не нашлось. Император прогневался. Генерал Коленкур (брат герцога Виченцского) сказал при этом: «Русских скорее можно в землю втоптать, нежели в плен взять!» — «Ну, ладно! — возразил Наполеон,— так послезавтра (26 августа) мы всех их втопчем в землю».

25-го выехав, как мы уже заметили, на рекогносцировку, Наполеон взъехал на высоты, где стояли войска вице-короля Италиянского. Эти высоты отделялись от Бородина только мелкою речкою Войнею. Наполеон отдал разные приказания на счет искусственного укрепления серединного пункта, на котором, как на оси, должен был совершиться великий поворот всей французской армии. Хозяйничая, как дома, Наполеон давал разные приказания и хвалил выбор места, где генерал Дантуарт поставил батарею в 60 орудий для обстреливания большого

редута русского. На предложение, не лучше ли сейчас занять Бородино, император возразил живо: «Сохрани меня бог! Русские так спокойно опираются на этот пункт! Овладей им, они всполошатся, подумают, что правое крыло их в опасности, и, чего доброго, уйдут!.. А я разве для того пришел сюда из Парижа, чтоб упустить их из рук?.. Завтра (26 августа) рано Дельзон двинется и займет Бородино. Это дело минуты!» По такому же расчету Наполеон не согласился и на предложение Даву, чтобы обойти русскую армию по старой Смоленской дороге. Неизвестно, вследствие ли искусной стратегической выкладки или некоторого безотчетного предчувствия, Наполеон сберег свою гвардию, без которой неизвестно чем бы кончился для него день Бородинской битвы и как бы отсиделся он в Москве опожаренной? В тот же день, но гораздо позже, обозревая еще раз русские линии (ему все не верилось, что русские принимают сражение), Наполеон остановился у дивизии Гюдена, состоявшей под командою Жерара. Долго расспрашивал он о неприятеле и, наконец убедясь, что русские от сражения не отступаются, весело улыбнулся и запел песню:

От севера до юга,
Военная труба
Час битвы протрубила!

Потом пришпорил лошадь и помчался по линии. Ставка Наполеона находилась по левую сторону большой Московской дороги. Большое каре из пехоты старой гвардии окружало ее. Наполеон провел ночь — канун Бородина— беспокойно: какая-то лихорадка пробегала по жилам его. Это была лихорадка ожидания! «Какова погода?» — спросил он, пробудясь в 2 часа. «Небо выяснилось»,— отвечали ему. «Ну! У нас будет день Аустерлицкий!» И скоро, сопровождаемый дежурными эскадронами, он поехал к редуту Шевардинскому. Молодая гвардия и конница гвардейская уже ожидали его там. Старая гвардия потянулась туда же. Войска эти были в большом параде: одеты как на праздник! Прибыв к линии и объезжая вдоль поля, закипавшего сражением с обер-шталмейстером, герцогом Виченцским, маршалом Бесьером и многими генералами, и всмотрясь вблизи в места, о которых судил прежде только по догадке, издалека, он сказал вслух: «Это сражение можно повторить; иначе я не стал бы его и затевать».

Вот еще слово о рекогносцировке Наполеона — я заимствую его из рассказа французов.

С первыми признаками дня (26 августа), еще в утренних сумерках, Наполеон верхом промчался между обеими линиями и высмотрел вблизи русскую позицию. Он увидел, что неприятели занимали все гребни высот, в виде пространного полукруга, на протяжении двух миль *(deux lieux),* от реки Москвы до старой Смоленской дороги.

Наполеон с первого раза усмотрел, что правое неприятельское крыло неприступно. И так он начал считать чисто боевую линию русских от кургана Горецкого. В этом направлении, правее от Горок (смотря к Москве), стоит круглый холм (по-нашему, батарея Раевского), вооруженный страшным редутом (он был страшен только по храброй обороне) с 21 пушкою.

С фронта и справа окружен этот редут (т. е. люнет) оврагами и Колочею; левая сторона его лежит на скате длинного полого-широкого возвышения, которого подошва защищается тонким оврагом и ручьем, бегущим в Колочу. Гребень этого протяженного холма идет мимо фронта французской армии, утекая к левому русскому крылу до деревни Семеновской. Здесь кончатся два отдела русской армии: войска правого крыла и центра — это войска Барклая. Тут выдавшийся пункт вооружен сильною батареею, прикрытою ретраншементом. Отсюда начинается войско Багратиона.

Гребень высот, уже не столько значительных, занимаемых 2-ю армиею, склоняется к Утице, где кончится собственно боевая линия русских. Два холма с редутами (т. е. три реданта) обороняют фронт Багратиона. На краю левого крыла есть еще Тучков 1-й с его отдельным корпусом и Московским ополчением.

Этот генерал выставил на двух курганах сильную артиллерию. Осмотрев таким образом русскую позицию, Наполеон тотчас понял (совсем не трудно было это понять), что слабейшее место на линии есть левое крыло.

«Евгений будет осью! — воскликнул он.— Бой начнет правое французское крыло. Сбив, что встретит, оно сделает поворот налево и пойдет громить русскую линию, тесня и загоняя ее к правому ее крылу и потом в Колочу». Для этого он велит поставить против левого русского крыла три батареи, каждую в 60 орудий, всего 180 пушек!

26 АВГУСТА

В 2 часа пополуночи Наполеон стоял уже на тех высотах, где за день пред тем было сражение. Он окружил себя фельдмаршалами и важно и громко рассуждал, как и откуда лучше начать предстоявшее сражение. Ночь была холодна. Даже легкий утренник охрусталил по местам увлажненную землю. К рассвету густые туманы поднялись, и в 6 часу утра выступило великолепное солнце. Это явление, вероятно, навело мысли Наполеона на времена былые. Он вспомнил Вену, Моравию и приветствовал подмосковное солнце достопамятными словами: «Это солнце Аустерлица! *(c'est le soleil d'Austerlitz)*». На всех французских биваках ударили подъем, звуки барабанов прокатились по линии, и армия взялась за ружье. Полковники на конях стояли перед полками. Капитаны читали перед ротами приказ:

«Солдаты! Вот битва, которой вы так желали! Изобилие, отдых, все выгоды жизни, скорое примирение и слава ожидают вас в столице русской. От вас зависит все получить, всем воспользоваться, только ведите себя как при Аустерлице, Фридланде, Витебске, Смоленске. Сражайтесь так, чтоб позднейшие потомки могли с гордостию сказать о каждом из вас: «И он был на великом побоище под стенами Москвы!» Этот приказ, нарочно прочитанный на таких местах, где лежало много неубранных русских тел, воспламенил французов.

Теперь, когда уже на роковой шахматной доске Бородинского поля расставили мы все шашки и внимательно рассмотрели положение линий и предстоящие ходы обеих сторон, прежде, чем перейдем к рассказу о великой битве, представим еще читателю беглый панорамический взгляд на местность и некоторые моменты сражения. Делаем это теперь, чтобы после не перерывать уже начатого рассказа без особенной необходимости.

БЕГЛЫЙ ПАНОРАМИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА МЕСТНОСТЬ И НЕКОТОРЫЕ МОМЕНТЫ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Предположим, что один из французских художников делал свои заметки для составления панорамических картин Бородинского сражения. Он, конечно, избрал серединный пункт во французской армии. Станем вместе с ним где-нибудь в центре, например, против деревни Се-

меновской, сперва разрушенной, потом сожженной. Будем смотреть по порядку, вооружаясь по временам зрительною трубою и переносясь иногда с места на место мысленно. Взгляните вправо: вам представляются на краю горизонта березовые рощи, разрезанные вьющеюся полосою: это старая Смоленская дорога. По этой дороге подвигался 5-й корпус. Его вел Понятовский; в нем были поляки. Теперь шли они, может быть, по той же самой дороге, по которой, ровно за 200 лет (в 1612 году), их прадеды и предки проходили к Москве от Смоленска. Но времена переменились! Корпус Понятовского, как мы уже знаем, составлял край правого крыла французского, сражался на краю левого русского.

Все силы и все усилия обратил неприятель на наше левое крыло, утолстив свое правое. Кутузов отрядил генерал-лейтенанта Тучкова 1-го на старую Смоленскую дорогу. Тучков стал и отстаивал... Храбрый, мужественный, он ни на минуту не забывал, что стоит перед Москвою, что дерется за Москву; что Москва, этот сердечный город империи, этот Иерусалим [1] Древней Руси, есть град заветный, град сорока сороков церквей и соборов с золочеными главами и куполами, со множеством крестов, несущихся воздушными городами под самое небо; град, красующийся на семи холмах, занимающий пространство целой области, заключающий в себе целые города, и знаменитый исторический Кремль, с его зубчатыми башнями, святыми воротами; град, где древние храмы от древних лет вмещают в себя сокровища верующих, священные опочивальни честных мощей угодников царя небесного и длинные ряды гробниц, вместилище целых поколений царственных владык земных; град, где сохранились еще терема узорочные и светлицы цариц и царевен русских; где иноземец глядит с любопытством на дворцы императорские (белые чертоги царей) и дивится палатам и садам родового боярства русского.

Генералу Тучкову даны войска: 3-й пехотный корпус, шесть донских полков с генералом Карповым и 7000 Московского ополчения с графом Марковым. Видите ли прекрасное расположение этих войск? Корпус Тучкова поставлен в четыре линии; высокий курган увенчан сильною батареею: донцы и ополчение скрыты в засаде. Они раскроют себя, ударив во фланг неприятелю, когда он, слишком самонадеянный, начнет обходить позицию слева.

---

[1] Выражение Вальтера Скотта. *(Здесь и далее прим. Ф. Глинки. Прим. ред. указаны.)*

Уж запылило в отдаленности... Поляки приближаются, страшные батареи ревут перед ними. Вся окрестность обстреляна. Ядра снуют по воздуху; картечи вихрятся. Но вот стальная река штыков и сабель, вот радужная лента уланских значков склоняются вправо... Неприятель намерен обходить — и вдруг (пишет Вентурини) высокий лес ожил и завыл бурею: 7000 русских бород высыпало из засады. С страшным криком, с самодельными пиками, с домашними топорами, они кидаются в неприятеля, как в чащу леса, и рубят людей, как дрова!..

Оставим Понятовского при его назначении на правом французском крыле, оставим его воевать с отдельным корпусом Тучкова и пойдем все влево, держась параллели с линиею нашей главной армии. На этом пути мы встречаем корпус герцога Абрантесского (Жюно), расположенный по лесам и местам закрытым. Только дым, приметный над лесами и перелесками, обличает присутствие утаенного войска. Видите ли, как этот дым, сперва выстреливаясь вверх струями, кудрявится и вьется между кудрей красных и желтых дерев, которых осень уже коснулась перстом своим. Еще далее, еще левее расположены дивизии Десекса и Кампана, 1-го корпуса маршала Даву. Эти дивизии схватились с войсками князя Багратиона и дерутся на опушке леса. Они опираются на 3-й корпус Нея, стоящего против войск Бороздина. Третий французский корпус рисуется эшелонами подивизионно. Спросите, кто это, в блестящем маршальском мундире, с воинственною осанкою, сидит на белой лошади подле 3-го корпуса? «Это лев, во гневе махающий гривою; это человек, питающийся огнем и порохом — это Ней!» Так скажут вам французы. Недалеко от него ожидает условного знака одна из его батарей.

Посмотрим еще вокруг себя. Вот 1-й корпус кавалерии генерала Нансути; он занимает пространство между войсками Нея и одним пехотным каре против сожженной деревни. Этот корпус (из двух дивизий кирасир, одной легкой кавалерии и бригады Виртембергиевой) бьется с полками кирасир русских, которые еще раз пытаются отнять позицию при деревне Семеновской. Какая картина! Реданты Семеновские на минуту захвачены французами. Кутузов тотчас велит поставить новую боковую батарею в 25 пушек. Она приведена в соединение с другими и, крестя поле, режет французов продольными выстрелами по фронту и в тыл. Ядра пронизывают ряды. Между тем реданты опять в руках русских, и вот Мюрат

мчится впереди, и за ним целый разлив его кавалерии. Он наезжает прямо на реданты, а Голицын с кирасирами объезжает его прямо с боку и в тыл. Как они режутся! Какая теснота! Конница топчет раненых; трупы дробятся под колесами артиллерии. Живые конные стены сшибаются, трещат и, под грозным гулом пальбы, при страшных криках, среди лопающихся гранат, без памяти хлещутся палашами и саблями. И вот (я боюсь, чтобы вы не закричали ура!) наша конница расшибла французские эскадроны: они мешаются, кружатся, бегут... Один между ними не хочет бежать!.. Конь под ним крутится. Блестящий всадник кличет, машет саблею. «Ко мне, французы! ко мне!» Напрасно! Он окружен чужими... Палаш и сабля русские висят над воином в фантастических одеждах, его узнали: это он! Король Неаполитанский! Его ловят, хватают!.. Слышите ли радостный крик: «Он наш! он наш! Король в полону!» Ближняя пушка, разгоряченная пальбою, с страшным треском лопается, осколки и клинья летят дугами вверх, зарядный ящик вспыхивает, и черный клуб дыма с комами взбрызнутой земли застеняют от глаз все частные явления.— Чу! прислушайтесь! в лесу направо загремело. Опять этот лес ожил, опять задымился... Но там нет русских, а там сражаются... Это вестфальцы: сквозь дым и пыль французы показались им чужими; они стреляют по своим! Оставим их в этом смятении и пойдем далее.

Вот здесь, в стороне, видите вы окареенный полк. Это 33-й линейный. Он поднял щетину штыков и дерется с нашею конницею. Кирасиры его и ее императорских величеств кидаются, напирают и жмут это несчастное каре. Но уже спешит, перебираясь чрез овраг, свернутый в колонну 48-й полк (из дивизии Фрияна); он торопится на выручку к 33-му; к Фрияновой же дивизии принадлежит и полк Испанский — Иосифа Наполеона. С роскошных долин Андалузии он перенесен каким-то волшебством на суровые поля подмосковные — и вот, одетый в белые мундиры, этот полк, ярко отличаясь от прочих, идет белою колонною по черным огаркам погорелой деревни.

Но что там подле самого окареенного 33-го полка? Какие-то стройные фигуры в блестящих мундирах. Это он! это опять король Неаполитанский. Он ускользнул из плена и очутился здесь. Рядом с ним престарелый храбрец генерал Фриян и генерал Бельяр, еще один свитский полковник и один из рассыльных ординарцев Наполеона. Все увлечены общим беспорядком, всех загнала сюда бу-

ря скачущих кирасир. Король и генералы торопятся спешиться и замыкают себя в каре. Видите ли вы целую конную колесистую крепость? Это батарея из 80-ти орудий. Шестьсот лошадей готовы двинуть и мчать вперед эти пушки.

Усмотрев всю важность позиции при деревне Семеновской, Наполеон поставил тут громадную батарею под начальством генерала Сорбье и назвал ее *адскою!* Он уверен был, что русские станут жестоко драться за деревню Семеновскую. И в самом деле, смотрите, смотрите! Русские в огромных массах несутся на этот заветный пункт. Но день погас. Красный клуб огня и дыма покатился по полю, и целая буря картечи засвистала навстречу наступающим. Нет мужества, которое могло бы идти против такого урагана! Отпорная сила батарей остановила наших. Но не ожидайте увидеть тыл их!.. Под самыми пушками французскими русские, при невозможности подвигаться вперед и с твердою решимостью не отступать назад, приросли к земле ногами,— как видно, что земля эта им родная! и падают, уничтожаемые неотразимым могуществом артиллерии. Однако ж, и в этих ужасных для нас обстоятельствах, некоторые из пушек французских вправо — сорваны наскоком кавалерии русской.

Пройдем скорее эту громоносную батарею Сорбье, эти метели картечи, эти сугробы мертвых и умирающих!.. Там, еще левее, поставлен корпус (2-й кавалерийский) генерала Коленкура. Блестящ и молод этот генерал! Число битв, в которых он находился, превышает число лет его жизни. Это брат человека, знакомого нам по Петербургу. В этом корпусе была одна дивизия кирасир, с которою Коленкур бросился на главный бастионный редут (люнет, или Раевского батарею), взъехал на редут и не съезжал уже более! Позади его войск стоит 4-й кавалерийский корпус генерала Латур-Мобурга. Боевой порядок в две линии. По правому крылу он сосед белого Испанского полка.

За 2-м кавалерийским корпусом (спускаясь все справа налево по линии) видим три дивизии пехоты из 4-го вице-короля Италиянского корпуса. Ближайшая к ним дивизия Жерара, другая Брусье, третья Морана; а там, насупротив батареи Раевского, толпится длинною колонною дивизия Клапареда. Во всех трех дивизиях первые бригады фрунтом, вторые в колоннах. Этим дивизиям жарко от корпусов Дохтурова и Остермана! Мы все идем влево и встречаемся с войсками Груши. Это 3-й кавале-

рийский корпус. Он в движении. Видите ли, как высоко взвиваются над ним облака пыли? Еще далее, еще левее, за речкою Колочею, которая, спрятавшись в свои крутые берега, бежит под пушками обеих линий, около Бородина поставлена дивизия Дельзона, подпертая батареею в 30 орудий! Ею командует Дантуар. Вы видите густой дым немного в стороне от Бородина: он вьется над этим войском и этою батареею. Наконец на закрайке левого французского крыла, гораздо левее Бородина, стоят на тучных немецких конях баварцы. Это дивизия Орнано. Против нее чернеет масса русской кавалерии Уварова.

Замечали ль вы, проходя по линии, там и там рассеянных русских мужиков с пиками и без пик, с топором за поясом, как будто вышедших на дело сельских работ? Безоружные, они втесняются в толпу вооруженных, ходят под бурею картечи и — вы видели — они нагибались, что-то подымали, уносили... Это 10 000 смоленского ополчения. Распоряжаясь хозяйственно всеми частями битвы, Кутузов приказал смоленскому ополчению уносить раненых из-под пуль сражающихся, из-под копыт и колес конницы и артиллерии. И набожно, добросовестно исполняли смоленцы обязанность свою. Когда ядро визжало над их головою, они снимали шапку, говорили: «Господи, помилуй!», крестились и продолжали свое дело — великое, христианское дело помощи! Вы заметили, может быть, также телеги, расставленные огромными вагенбургами или тянущиеся цепью за нашею линиею. Это 12 000 подвод, которые все он, все тот же хозяин, Кутузов, собрал для отвоза раненых. У французов этого не было; зато их раненые задыхались под мертвыми — и трупы их были растоптаны копытами, раздавлены колесами артиллерии.

Но возратимся на точку, с которой начали. Видите ли вы это возвышение перед деревнею Семеновскою?.. Всмотритесь в него. Это достопамятное место! Вон там на самом краю глубокого оврага, в простой серой шинели, в треугольной шляпе, один, без свиты, только с одним еще человеком, стоит всадник. Недалеко перейдя за черту средних лет, он, кажется, еще пользуется лучшим здоровьем. Он невелик ростом, дороден, сложен плотно и, по привычке или с природы, имеет плечи немного вздернутые кверху; оттого шея кажется короткою. Голова его, видно, по уму, а не по росту, очень велика; лицо широкое. Цвет лица изжелта-бледноватый. Его волосы черные, гладкие; глаза иссера-голубоватые, обогнутые густыми

бровями. Улыбка выказывает ряд прекрасных зубов. Он имел еще что-то прекрасное: это его полные, нежные руки, и, кажется, он любил дорожить этим мелочным преимуществом. Профиль его лица греческий. Его взгляд молния; но черты лица неподвижны, вид молчаливо-задумчив. Только две страсти ярко выражались на этом лице: радость и гнев. Он говорил, как будто все приказывал, отрывисто, сухо. Его речи, фразы сжатые, полные мысли, часто поэзии. Иногда в его разговоре, даже в произношении и поступках, проглядывал корсиканец. Теперь вы догадываетесь, о ком я говорю: это Наполеон! Он носил, и как-то по-своему, мундир одного из своих полков и шляпу трехгранную, низкую, какие нашивали до революции. По этой единственной шляпе и по оригинальной обрисовке его особы армия узнавала императора-полководца издалека. По этой шляпе и обрисовке, спустя 20 лет, когда однажды на одном из парижских театров являлись на сцене океан и скала, и на эту скалу взошел актер небольшого роста в треугольной шляпе, с скрещенными на груди руками, весь партер, все зрители лож вскочили с мест, закипели воспоминанием, и клики восторженных слились в одно: «Это он! Это он!» *(c'est lui! c'est lui)*.

И это был точно он, там, вблизи Шевардинского редута, на возвышении достопамятном, в простой серой шинели (которую надевал в поле) и в своей приметной шляпе.

Теперь, видите ли, он сошел с лошади и, взяв под руку одного из генералов, которого называл своим рупором (слуховая труба у моряков), потому что он всегда верно повторял его слова, его приказания; другие называли его эхом Наполеона,— взяв под руку Бертье (ибо это был он), Наполеон, о чем-то с ним совещаясь, расхаживает по самому краю оврага. На этот раз при стоне поля Бородинского, заботливая нерешительность изображается на лице полководца. Замечаете ли вы поступь его, довольно мерную, но тяжелую? Это тяжелое ступанье по земле, которую он как будто хотел раздавить, замечали в нем издавна. И это-то подавало повод находить черту сравнения с апокалипсическим Аполлионом, которому народное предание придает также ноги крепкие, походку тяжелую. Эта же черта замечается и в описании Мамая, другого предводителя нашествия на Россию! Но обратимся к Наполеону бородинскому. Вот прискакал к нему стройный французский офицер, весь в порохе, лошадь в мыле. Это Готпуль *(Hautpoul)*, посланный Неем за се-

курсом. На его донесение Наполеон отвечает нерешимостью. Он посматривает на Бертье, говорит с ним что-то вполголоса, советуется и все не решается... «Государь! — сказал присланный, — минуты дороги!.. По линиям разбегается молва, что Багратион бьет Нея!» — «Спешите! — сказал Наполеон, — к Клапареду, отведите дивизию его к Нею». Готпуль поворотил лошадь и мчится. Но припадок нерешительности возобновляется. Видите ли? Наполеон делает движение рукою, двадцать адъютантов летят и ворочают посланного. Опять советуются с Бертье и вместо Клапареда велят вести к Нею Фрияна. Французские тактики говорят: «Наполеон, поддавшись раздумью, упустил роковую $^1/_4$ часа и упустил много!..» Ему бы самому (так, как он то сделал позже, и тогда было уже поздно!) помчаться к редантам и магическим появлением своим удвоить силу своих! Он не сделал этого! Однако ж он участвует в переходах боя, в порывистом наезде кавалерии, участвует... издалека! Смотрите! Он весь превратился в зрение и (что это значит?)... Видите? Видите? Наполеон захлопал в ладоши, Наполеон аплодирует? Король Неаполитанский помчался на реданты. Наполеон увидел его и захлопал. Король атакует, император аплодирует: «Ils y vont, ils y vont: ils y sont!» [1] — восклицает, Наполеон и приказывает подать себе (a caisse d'ordonnance) ящик с крестами. Награды сыплются на храбрых. Так орлиным взором следит он за роковыми переходами сражения, которое сам назвал исполинским.

Теперь перенесемся мысленно на противоположную высоту, соседственную с курганом Горецким. Ее легко отыскать у корпуса Дохтурова. Там также есть человек замечательный. Он все на той же маленькой лошадке: все в той же, как мы уже описали, одежде. Он окружен множеством офицеров, которых беспрестанно рассылает с приказаниями. Одни скачут от него, другие к нему. Он спокоен, совершенно спокоен, видит одним глазом, а глядит в оба, хозяйственно распоряжается битвою; иногда весело потирает рука об руку (это его привычка) и по временам разговаривает с окружающими, но чаще молчит и наблюдает. Это Кутузов. К нему подъезжают генералы. Остановимся на одном. Вот он, на прекрасной, прыгающей лошади, сидит свободно и весело. Лошадь оседлана богато: чепрак залит золотом, украшен орденскими звездами. Он сам одет щегольски, в блестящем генеральском мундире; на шее кресты (и сколько крестов!),

[1] Они поехали, они поехали: они уж там! *(фр.)*

на груди звезды, на эфесе шпаги горит крупный алмаз. Но дороже всех алмазов слова, вырезанные на этой достопамятной шпаге. На ней написано: «Спасителю Бухареста!» Благодарный народ поднес этот трофей победителю при Обилейшти. Средний рост, ширина в плечах, грудь высокая, холмистая, черты лица, обличающие происхождение сербское: вот приметы генерала приятной наружности, тогда еще в средних летах. Довольно большой сербский нос не портил лица его, продолговато-округлого, веселого, открытого. Русые волосы легко оттеняли чело, слегка прочеркнутое морщинами. Очерк голубых глаз был продолговатый, что придавало им особенную приятность. Улыбка скрашивала губы узкие, даже поджатые. У иных это означает скупость, в нем могло означать какую-то внутреннюю силу, потому что щедрость его доходила до расточительности. Высокий султан волновался на высокой шляпе. Он, казалось, оделся на званый пир!.. Бодрый, говорливый (таков он всегда бывал в сражении), он разъезжал на поле смерти, как в своем домашнем парке: заставлял лошадь делать лансады, спокойно набивал себе трубку, еще спокойнее раскуривал ее и дружески разговаривал с солдатами. «Стой, ребята, не шевелись! дерись, где стоишь! Я далеко уезжал назад: нет приюта, нет спасения! Везде долетают ядра, везде бьет! В этом сражении трусу нет места!» Солдаты любовались такими выходками и бодрым видом генерала, которого знали еще с италиянских походов. «Тут все в беспорядке!» — говорили ему, указывая на разбитые колонны. «Бог мой! (его привычное слово), я люблю это: порядок в беспорядке!» — повторял он протяжно, как будто нараспев. Пули сшибали султан с его шляпы, ранили и били под ним лошадей, он не смущался: переменял лошадь, закуривал трубку, поправлял свои кресты и обвивал около шеи амарантовую шаль, которой концы живописно развевались по воздуху. Французы называли его русским Баярдом; у нас, за удальство, немного щеголеватое, сравнивали его с французским Мюратом. И он не уступал в храбрости обоим! Один из самых неустрашимых генералов, А. П. Ермолов, писал к нему: «Чтобы быть везде при вашем превосходительстве, надобно иметь запасную жизнь». Это был генерал Милорадович! Вызываемый на служение отечеству нарочными письмами прежнего главнокомандующего Барклая-де-Толли, он за два дня перед великим сражением, с суворовскою быстротою привел или, лучше сказать, привез из Калуги 15 000 набранных им войск.

Другой, подъехавший к главнокомандующему, был росту высокого, лет, приближавшихся к средним. Это был мужчина сухощавый, с темными, несколько кудреватыми волосами, с орлиным носом, с темно-голубыми глазами, в которых мелькала задумчивость, чаще рассеянность. Важные, резкие черты отличали его смуглое, значительное лицо, по которому можно было отгадать характер самостоятельный [1]. На этом лице, воинственно-красивом, приметны следы какого-то внутреннего томления: это следы недавней болезни! Звук трубы военной поднял генерала с одра и ринул его прямо в битву. Осанка и приемы обличали в нем человека высшей аристократии, но в одежде был он небрежен, лошадь имел простую. Он носил в сражении очки, в руке держал нагайку; бурка или шинель свешивалась с плеча его. Отвага не раз увлекала его за пределы всякого благоразумия. Часто, видя отстающего солдата, он замахивался нагайкою, солдат на него оглядывался, и что ж?.. Оказывалось, что он понукал вперед французского стрелка!.. Обманутый зрением, привычною рассеянностию, а еще более врожденною запальчивостию, он миновал своих и заезжал в линию стрелков французских, хозяйничая у неприятеля, как дома. Он командовал под Витебском и велел удерживать один важный пункт. Долго крепились наши; наконец, к нему прислан адъютант, с словами: «Неприятель одолевает; что прикажете делать?» Понимая всю важность удерживаемого пункта, он отвечает не обинуясь: «Стоять и умирать!» Это был граф Остерман! Он командовал корпусом в Бородинском сражении. Беспрерывный прилив и отлив лиц и мундиров происходил около главнокомандующего. Физиономия окружавшей его толпы беспрестанно изменялась.

И вот подскакал какой-то стройный гвардейский адъютант, с легкими рябинами на лице; левою сдержал коня, правою приподнял фуражку и, наклонясь к самому лицу Главнокомандующего, доложил о чем-то тихо и стал наряду с другими. На лице Кутузова мелькнуло легкое сомнение. Но, после минутной задумчивости, он просиял, оборотился к своим, снял фуражку, перекрестился и сказал громко: «Мне донесли, что король Неаполитанский взят в плен!» — прибавил: «Надобно подождать подтверждения». Вот подъезжают два казака и между ними кто-то

[1] Вследствие которого гораздо позднее он предпринял и совершил огромное путешествие по Востоку: видел Иерусалим, проехал в Сирию и обозрел многие земли Оттоманской империи. Его сопровождали ученые и художники — для пользы наук и просвещения

на маленьком крестьянском коньке (которых французы называли коньяк); этот кто-то малорослый, тучный, конечно, не сановитый король Неаполитанский! Это генерал Бон-Ами. В порыве отчаянной храбрости, впереди 30-го линейного полка, он вскочил на большой редут и взят в плен, покрытый ранами. Солдаты, изумленные такою храбростью, почтили его, ошибкою, названием Мюрата. И вот он, в страшном растрепе, подъезжает, пошатываясь то на ту, то на другую сторону от ран или какой другой причины. «Доктора!» — закричал Кутузов и, сказав несколько слов с пленным, велел его перевязать. Под мундиром французского храбреца нашли две фуфайки, а под ними — все тело, исцарапанное штыками. Раны были легки, но многочисленны: их насчитывали более 20-ти.

Кутузов остается все на том же месте. К нему, как к центру, стекаются все нити, все радиусы. Подле него стоят длинные пушки, готовые заговорить. Далее и ниже выставлены еще пушки, которые иногда палят и распугивают толпы французов в Бородине. Красные космы пламени вырываются оттуда из-за дыма. Бородино горит! Люди, с высоты кажущиеся маленькими, шевелятся между распадающихся домов и лопающихся гранат. И так два вождя стояли на двух возвышениях. Оба по положению своему были выше всего, что совершалось под ними! Две воли сильные, две мысли могучие встречались между собою, останавливались, мерили одна другую и потом схватывались и вступали в борьбу небывалую. Движение 300 000 воинов, гром 1600 орудий — бой, какого не видала земля русская после *побоища Задонского,*— были только более или менее близкими развитиями встречи и борьбы этих двух властительных мыслей.

Но пора докончить общее обозрение. Вы видели Наполеона. Он один, с ним только Бертье; немного поодаль за ним, на площадке, взрытой ядрами и гранатами русскими, стоят офицеры его главного штаба.

Несколько правее от этого достопамятного места вы видите дивизию *молодой гвардии* под начальством генерала Роге. Она в движении, она идет поддержать дивизию генерала Фрияна, который и сам, помните, в глазах ваших замкнулся в каре с королем и другим генералом. Там, еще далее, у двух холмов, ограничивающих даль, синеют длинные линии, целый лес железа и стали! Это императорская гвардия! — последний резерв французский! Отсюда вы легко можете увидеть изгибы (новой) Смоленской дороги, по которой пришла французская ар-

мия и по которой теперь тянутся артиллерийские резервы, парки, толпы отсталых, и все это пылит воздух, как будто идет другая армия.

Еще далее, почти на краю горизонта, за двумя округленными холмами, рисуются колокольни Колоцкого монастыря, где Наполеон учредил *подвижной госпиталь* со всеми снадобьями для больных и раненых. Перенесите теперь то, что мы видели и записали, перенесите с бумаги на холст, размалюйте ваши смелые очерки широкою кистью — и вы будете иметь ряд картин, соответственных *ряду моментов* Бородинской битвы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВСТУПЛЕНИЕ К ОПИСАНИЮ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

Мы отметили на плане деревни по категориям, по разрядам, так сказать, *по семействам.* К первому разряду принадлежат деревни, *облегающие* наше правое и французское левое крыло; ко второму — сгруппированные около французского правого и нашего левого крыла, а к третьему, по ту и другую сторону Колочи, приуроченные к нашему и неприятельскому центру. Семеновское — место роковое и славное! — должно отличаться в семействе деревень и селений, прилегающих к *левому крылу.*

Выясняя для себя более и более картину битвы Бородинской, обставьте замеченные деревни и поименованные при них урочища — берега Колочи, Войни, Стонца, Огника; оврагов: Горецкого, Семеновского, Шевардинского и проч.— Обставьте их войсками, руководствуясь прекрасным описанием и планом Д. П. Бутурлина, и вы будете уже иметь две трети из целого, валового понятия о битве Бородинской. Узнав, где стояли и кто *где* стоял, вам останется только узнать, *что делали.*

Итак, остальная часть состоять будет в объяснении *переходов* (так сказать, *переливов* одного протяжного звука) в обрисовке *фаз, видов, эпох самого* сражения. Узнав *места, лица и действия,* вы узнаете все.

Попытаемся ж сказать по одному слову о каждом из этих *переходов* и пронять их общею нитью хотя беглого, летучего рассказа.

Эти переходы, при всей своей неуловимости в их частных подробностях, подходят также, в своем общем объеме, под *три* категории. Бои, троекратно возобновлявшиеся за *реданты* Семеновские, *атака* Бородина и взятие

большого люнета, составляют эти три категории. Война Тучкова 1-го, командира отдельного корпуса, есть *четвертое* действие кровавого драматического представления на поле Бородинском.

Потеря редантов и высот, которые защищал храбрый Тучков; вторичное взятие люнета; выезд Уварова против левого крыла французов и частные распоряжения Кутузова и Наполеона составляют *второй ряд* явлений, сопровождавшихся, как и прежние, непрерывным громом артиллерии и блестящими, часто разрушительными, выездами обеих армий кавалерии. О действиях бородинской артиллерии можно сказать одно и одним словом: во все продолжение битвы я слышал *беспрерывный батальный огонь из пушек.* Батальный или беглый ружейный огонь исчезал в пушечном в этой баталии пушек.

Пройдем нить происшествий.

В продолжение ночи с 25-го на 26-е французские саперы рылись кротами в нашей *русской* земле: делали *эполементы;* топоры стучали в глуши ночной: строили мосты на Колочи.

Армия французская состояла из 11 *корпусов.* Из них 8 сгустились вдоль нашего левого крыла. Это была огромная, плотная масса, которую новый Эпаминонд хотел обрушить на левое наше крыло. Ею-то, как могучим тараном, готовился он бить нас по *крылу,* слегка защищенному.

Наши генералы с их корпусами стояли так, или почти так: Баговут и граф Остерман от Московской дороги (смотря на Смоленск) направо над изгибистою Колочею; Дохтуров возле Остермана — от большой дороги до большой батареи, второй за Горецким курганом, называвшейся его именем или именем его корпуса[1], Раевский после Дохтурова: правым плечом у люнета, а левым у Семеновского. Бороздин и граф Воронцов (оба с гренадерами) назначались к защите редантов Семеновских: войска их *правым* плечом трогали Семеновское, левым упирались в лес. На крайней оконечности левого крыла ратовал и богатырствовал Тучков 1-й. Но ему, этому грозно выказавшемуся Тучкову, надлежало бы исчезнуть, пропасть, *затаиться,* не стоять на страже, но *сторожить.* По примеру прародителей наших, славян, Тучкову с его 3-м корпусом надлежало залечь где-нибудь в лесу в кустах, в траве, *притаить дух, и стеречь...* Таково было намерение Куту-

[1] На большой (новой) Смоленской дороге построили две батареи: одну на самом кургане Горецком, другую в 200 саженях впереди, на скате правого берега Колочи: эту — солдаты называли батареею Дохтурова.

зова! Он хотел употребить *военную хитрость*, сделать *засаду*. Он распорядился, чтоб Тучков 1-й с 3-м корпусом и граф Марков с 7000 ополчения засели, скрылись *за курганом* близ Утицы и ударили бы *неожиданно* во фланг и в тыл, когда неприятель станет обходить нас по *старой* Смоленской дороге. Так было сказано, но не так сделано. Генерал Бенигсен, не вполне уведомленный о намерении Главнокомандующего, выставил войско наружу и тем нарушил тайну засады. Кутузов хотел, может быть, и смог бы обмануть Наполеона; но зоркий глаз Наполеона видел также далеко: он угадал перемещение Тучкова по бивачным огням, угадал и взял свои меры: Понятовскому предписано не обходить Тучкова, а сражаться с ним!

Гвардия составляла резерв — за Дохтуровым и Раевским. За каждым корпусом пехоты стоял корпус кавалерии. Сам Кутузов, с своим штабом, находился при войсках Дохтурова у большой дороги — на видном месте. Начальник всей артиллерии — граф Кутайсов. При Главнокомандующем находился знаменитый генерал Бенигсен. Барклай и Багратион командовали обеими западными армиями, 1-ю и 2-ю, а Милорадович правым крылом. Кутузов был военачальником всех войск.

С французской стороны, сколько известно, сделаны следующие предположения: Понятовский должен был идти по *старой Смоленской дороге* и, взойдя на одну высоту с *редантами Семеновскими*, принять *вправо* для обхода левого крыла русского. Впоследствии, как мы сказали, ему приказано не обходить, а сражаться с корпусом Тучкова.

Даву и Ней имели приказание штурмовать три реданта, на долю вице-короля оставлены Бородино и большой *люнет*. Наполеон надеялся сорвать реданты, оттеснить наши войска и сбить их за *большую дорогу*, овладев ею. Короче, он хотел загнать нашу армию в угол, составляемый Колочею при впадении ее в реку Москву. Намерение дерзкое! Прижав таким образом армию в *тесное место*, он думал отрезать ее от Москвы и полуденной России и заставить положить ружье. Навести *большое* число войск на *меньшее*, рассечь нашу армию надвое и бить *по частям*: вот замысел Наполеона, возможный по расчетам тактики, но трудный в приложении к делу!

Ночные распоряжения неприятеля открылись, когда ободняло. Кутузов, с высокого места, где стоял хозяином, увидел *огромные массы* пехоты и кавалерии, расставлен-

ные против редантов Семеновских. Хвосты колонн терялись в лесу и чрез этот оптический обман представляли армию бесконечную!.. Это столпление войск на правом крыле неприятельском подало мысль послать Баговута с правого на левое крыло наше.

Начнем сначала и постараемся означить *эпохи по часам,* сколько то возможно. Сражение открылось в 6 *часов утра.*

120 орудий загремели со стороны французов. Когда боевые колонны неприятельские во множестве стали видны в поле, было уже 7 часов утра. Неприятель обставил все высоты ужасным количеством артиллерии. Пальба его могла вредить более нашей: он, как зачинщик, действовал откуда и как хотел и действовал *концентрически* (сосредоточенно); мы, как ответчики, действовали, как позволяло местоположение, и потому часто разобщенно, *эксцентрически.* Первый выступ французов был следующий: Понятовский шел около большого леса на Утицу. Даву вдоль *через* лес. Две громадных батареи потянулись прямо на позицию, чтоб бить по редантам. Маршалы Даву и Ней воюют у этих окопов. Головы колонн их то выказываются, то прячутся в лес, не вытерпливая пальбы нашей. Наконец, нападение на реданты начинается: французы бегут в промежутки, чтоб захватить их с тылу. Сводные гренадерские батальоны графа Воронцова отстаивают свои батареи. Но усилиям гренадер не устоять против превосходной силы! Маршалы овладели всеми тремя редантами, а генерал Дюфур захватил Семеновское. И тогда было 9, иные говорят 10 часов утра. Некоторые (это любимое мнение французов), поверившие на слово хвастливому 18-му бюллетеню Наполеона, полагают и хотят уверить, что в 9 или 10 часов утра мы были *в величайшей опасности,* что *линия наша разрезана,* судьба сражения висела на волоске и проч. и проч. Помня ход сражения и быв свидетелем духа и мужества наших, я не могу согласиться в мнении, изложенном выше. О потере *редантов Семеновских* можно сказать то же, что Кутузов сказал о потере Москвы, они не составили бы потери сражения. Но скажут: «Армия могла быть разрезана, линия изломана и проч. и проч.». Отвечаю: опыт показывает, что линия русская, пробитая, разрезанная, изломанная, все еще дерется. В первом периоде сражения несколько конных полков французских вдруг заскакали в тыл 6-му и 7-му корпусам. Линия казалась разорванною, но полки Дохтурова и Раевского нисколько

не смешались: им пришла самая простая, естественная мысль: «Неприятель *сзади,* выворотимся наизнанку, станем бить по передним с передних, по задним с *задних фасов».* И, развернув эти фасы, они открыли такой огонь, что неприятель, неистово-опрометчивый в своих наскоках, сам не знал, что с собою делать! И один ли этот случай в продолжении Бородинского сражения? Около 4-х часов пополудни я находился за последним резервом, где перевязывали раненых. Я проводил раненого брата и был свидетелем, как пилили ногу Алексею Николаевичу Бахметьеву. Вдруг видим вестфальцев. Огромные, как старинные богатыри, они выехали из лесу, их было немного — и стали. На вопрос «что вам надобно?» неприятельские воины, еще *непленные,* отвечали: «Мы ищем короля Неаполитанского, он должен быть здесь». Разумеется, их взяли, как баранов. Разрезать линию русскую можно, и бить русских можно, но разбить и покорить мудрено! Я как теперь помню поле, которое тянулось от Брина к Аустерлицу. Оно усеяно было обломками линии — колоннами разобщенными, раздвинутыми, гонимыми. Но эти колонны наши с утра до вечера дрались и не поддавались, клали головы, не думая положить ружье! Одну, как теперь вижу, бьют, другая, пользуясь минутою, продирается вперед; налягут на ту, третья подвигается; и так все волновалось, мешалось и дралось! подобное было и у редантов Семеновских!..

Подоспел Бороздин, генерал-лейтенант с гренадерами 2-й дивизии, примчался Коновницын, и первый — реданты, а последний — Семеновское отбили.

Маршалы, подкрепясь дивизиями Нансути и Латур-Мобура, опять завладели *редантами* и опять выбиты из них *дивизиею* Коновницына. В это время показывается 8-й корпус Жюно, и Ней отсылает его к Понятовскому с поручением действовать на *промежуток* (между корпусом Тучкова и левым крылом главной линии), не довольно защищенной. Граф Воронцов ранен; маршалы водят на реданты, одну за другой, дивизии Кампана, Дессекса, Фрияна, прибывшего позднее, Ледрю, Маршана, Разу и корпуса кавалерии. На левом крыле генерал Тучков 1-й оттеснен, оттесняет и смертельно ранен. Его атаковали дивизии: Заиончика, Княжевича и конница генерала Себастиани. С нашей стороны лес на *старой Смоленской дороге* и сказанный выше промежуток храбро защищал с стрелками князь Шаховской. Сражение, затихая и возгораясь, продолжается у редантов и за реданты. Тучков 4-й

убит при *среднем.* Мюрат с целою громадою конницы наехал прямо на окопы; князь Голицын объехал его сбоку. Рубка ужасная! Все это деялось еще до *полудня.* Неприятель приутих. Тишина перед бурею!!!

Раздражаясь неудачами, Наполеон сосредоточивает 400 пушек и много пехоты, много кавалерии. С нашей стороны выдвинуты резервы и перед ними тянутся 300 орудий.

Все это на левом крыле, все перед теми же *роковыми редантами!*

Французы дерутся жестоко, дерутся отчаянно, 700 пушек гремят на одной квадратной версте; бой кипит; спорные окопы облиты кровью, переходят из рук в руки и... остаются за неприятелем!

Тогда раздается повсеместное «ура!» на линии русской, сам Багратион ведет свое *левое крыло в штыки.* Бой неимоверный! Люди олютели; пушки лопались от разгорячения; зарядные ящики взлетают на воздух. Кони без седоков ржут и бегают оседланными табунами. Все было кровь и сеча в огненной атмосфере этого сражения. Багратион ранен. Стадо остается без пастыря; но Коновницын собирает войска, это было уже в 1-м часу дня, и уводит на высоты, построив их между Семеновским каре Измайловского и Литовского полков, к которым Васильчиков пристроил остатки своей и Неверовского дивизий.

Тут же собрались остатки дивизий Воронцова и принца Мекленбургского. Измайловский и Литовский полки, став эшелонами в каре, отражают тяжелый натиск железных *людей (gens de fer):* так называл Наполеон своих кирасир; а кирасиры Бороздина (генерал-майора) и Кретова удачною атакою сгоняют с поля неприятеля, расстроенного батальным огнем гвардейских каре. Чтоб дать лучшее понятие о *троекратном* приступе маршалов к редантам, я прилагаю самую краткую записку, из которой можно увидеть последовательный ход предприятий у редантов Семеновских.

ПЕРВОЕ НАПАДЕНИЕ (НА РЕДАНТЫ) МАРШАЛОВ

Между 6-м и 7-м часами утра войска Наполеоновы на обоих крылах начали вступать в сражение.

Главные силы направлены к редантам Семеновским. Маршал Даву изготовил к атаке две дивизии: Кампана и Дессекса, пустя впереди их батареи. Намерение было:

прокравшись чрез леса, ударить на реданты *с тылу*. Переход через лес представлял много препятствий. Наконец войска вышли, кинулись на реданты и овладели *одним*. Но гренадеры Воронцова и дивизия 27-я Неверовского выбили неприятеля.

Наполеон усугубляет силы присоединением Нея к Даву. Дивизия Ледрю идет впереди, Маршан и Разу с своими за нею. 8-й корпус Жюно, из вестфальцев, следует за 3-м. Туда же и Мюрат направляет: Пансути (1-й кавал. кор.), Монбрена (2-й кавал. кор.) и Латур-Мобура (4-й кавал. кор.) вслед за маршалами. Разумеется, все, что ни делалось, делалось с разрешения или приказа самого Наполеона.

Князь Багратион, видя массы неприятельские, спешит подкрепить свое левое крыло. У Тучкова 1-го взята 3-я *дивизия* Коновницына. 2-я кирасирская выдвинута перед дер. Семеновскою. Кутузов, с тою же заботливостью о *левом крыле,* присылает в подмогу ему *три* кирасирских полка и 8 орудий конной гвардейской артиллерии с полковником Козеным. И вслед за этими отряжены туда же полки Измайловский и Литовский, покрывшие себя славою. И 2-й пехотный корпус (Баговута) переведен также на *левое крыло.*

Но все это не помешало трем французским дивизиям, Кампана, Дессекса и Ледрю, подступить и кинуться на *реданты* и завладеть *одним.* Сводные гренадеры идут драться за свой окоп. Граф Сиверс подводит полки: Новороссийский драгунский, Ахтырский гусарский и Литовский уланский, да несколько конных орудий, и неприятель выбит и гоним. Дивизия Маршана и бригада Бермана поддерживают своих. Тут граф Воронцов ранен.

ВТОРОЕ НАПАДЕНИЕ МАРШАЛОВ НА РЕДАНТЫ

Наполеон велит, и маршалы опять приступают к редантам. Дивизия (27) Неверовского несколько раз их отражает. Дорохов, с конницею, рубит и врубается. Но все-таки французы овладевают укреплениями между 10-м и 11-м часами утра. Генерал Дюфур взял деревню Семеновскую. Но Коновницын и Бороздин лишают всех успехов неприятеля. Тогда Ней, пустив вперед дивизию Разу с корпусами Нансути и Латур-Мобура, идет и берет реданты. Но Коновницын наступает и отнимает.

ТРЕТЬЕ НАПАДЕНИЕ МАРШАЛОВ

Колонны неприятельские роились в поле, 400 орудий покровительствовали им. Картечь наших 300 пушек не могла остановить их. Они падали, сжимались и шли! Тогда Багратион ведет все левое крыло в штыки. Сшиблись, освирепели и дрались до упаду! Багратион ранен. Реданты в руках французов. Нансути и Латур несутся, чтобы отсечь левое крыло от средины главной линии нашей. Каре гвардейские отражают атаку. Бороздин и Кретов, уже раненный, с полками громких имен: Екатеринославским и Орденским кирасирскими, прогоняют тучи неприятельской кавалерии за овраг. Кончились атаки маршалов, и *позднее* один Ней, исполняя мысль Наполеона, с двумя корпусами пехоты и двумя кавалерии, повел свою огромную атаку на середину нашей линии. Наши колонны встретились, сшиблись и дрались с Неем отчаянно.

Между тем, отражаемый на левом крыле, и это было уже около 2-го часа пополудни, неприятель, неутомимый в предприятиях, потянулся против нашего центра. Вице-король выслал, с своей стороны, большие силы и, чрез совокупную атаку, захвачен *большой люнет,* важнейший пункт *центра.* Ермолов и Кутайсов, понимая всю важность *серединного пункта,* в котором вице-король хотел прорвать нашу линию, понимая всю опасность положения русской армии, не стерпели потери и, взяв один батальон Уфимского полка, идут и отбивают *люнет.* Генерал Бонами, захвативший укрепление, сам захвачен. Вице-король отвел войска, но навел выстрелы многочисленной артиллерии. Батареи стрелялись с батареями несколько часов сряду. Это был истинный поединок батарей! Желая отвлечь избыток сил неприятельских от левого крыла нашего, что, может быть, должно бы было сделать еще накануне, Кутузов посылает Уварова с своего правого крыла атаковать левое крыло французское. Атака эта не произвела ничего решительного в частном, но последствия ее были весьма важны для целого. Критическая минута выиграна! Наполеон задумался: наше левое крыло *вздохнуло!* Вице-король, отвлеченный на минуту выездом Уварова, спешит опять к своему месту, соединяет огромные силы и батареи против нашего центра, идет и берет большой люнет. Этот полудержавный воин, сам, с своим штабом, со шпагою в руках, вошел в укрепление, которому предлагал сдачу, нашими отвергнутую. Люнет в *другой раз* остается за французами; но войска наши: дивизии Капцевича, Бахметьева 2-го, Бахметьева 1-го и остатки ди-

визий Паскевича и Лихачева стоят за Горецким *оврагом* целы и готовы к бою. Милорадович заменяет Дохтурова, посланного командовать вместо Багратиона, делает приличный обстоятельствам *поворот на оси* и устраивает, на картечный выстрел, батареи, которые режут продольно потерянный *люнет* и толпящиеся около него войска французские. Многие и, с первого взгляда, как будто дельно пеняют Наполеону, почему не подкрепил он частных усилий маршалов всеми силами своей гвардии? Конечно, свежие 25 000 могли бы наделать много шуму; но что же осталось бы тогда у Наполеона? Ровно ничего! Пустив гвардию, он бросил бы в роковую чашу судеб последнюю свою лепту. У нас после дела осталось еще не участвовавших в деле 11 батальонов и 6 артиллерийских рот; наши казаки (более 10 000) с своим знаменитым атаманом были еще свежи и бодры; в наших двух ополчениях (Московское и Смоленское) можно было насчитать до 20 000. Если бы все это с разных сторон, с одним кличем: *«Москва и Россия!»* кинулось в общую сечу, бог знает, на чью сторону склонились бы весы правды? Всего вероятнее, могло случиться, что к Москве не дошли бы ни французы, ни русские, а явились бы, под стенами столицы, обломки двух армий, в толпах, пестрых составом и вооружением. Обе армии, если б дошло до крайности, могли разложиться. Но потеря армии, потеря великая, еще не составила бы потери России, которая могла дать новую армию. И, отступая, мы сближались с нашими средствами, к нашим резервам; а Наполеон?! Пусти он свою гвардию, и сгори эта гвардия в общем разгаре Бородинского пожара, с чем дошел бы он до Москвы и на что мог бы опереться при своих предложениях *о мире?* Не знаю, что после этого должно сделать: порицать ли Наполеона за его нерешительность или хвалить за благоразумное *сбережение резервов.* По крайней мере Кутузов в своем приказе накануне Бородина говорит: «Генерал, умевший сберечь *свои резервы,* еще *не побежден!»* Не подслушал ли Наполеон этих слов мудрого старца?

И ВОТ УЖЕ 4 ЧАСА ПОПОЛУДНИ!..

В это время Наполеон, производя лично обозрение линий, направляет удар на наш фронт *(Une charge de front).* Его кавалерия, большею частию латники, несется на нашу пехоту,— и отбита.

В 5 ЧАСОВ ПОПОЛУДНИ

Все наши реданты и большой люнет решительно и уже не в первый раз захвачены. Французы синим шарфом опоясали позицию от Утицы через Семеновское. Но две массы русских войск еще целы: одна на высотах Семеновских, другая за курганом Горецким.

Барклай и Бенигсен, прискакав еще прежде на место разгрома, загнули наше левое крыло крюком, уперли его в лес, таивший в себе ополчение, и тем усилились и обезопасились от дальнейших обходов и новых покушений Нея. А Ней, пока все это происходит, отправляется добывать себе титул *князя Москворецкого*[1] и, в намерении загнать наших в Москву-реку, берет с собой все, что ни находит под рукою справа и слева. Он успел, как говорили, сосредоточить шестьдесят батальонов пехоты и более 100 эскадронов кавалерии, со множеством пушек. С этою массою, *огромною, как иная армия,* направляется он на центральную нашу батарею, грозя разрезать армию пополам. Не та ли это атака, о которой Наполеон в 18-м бюллетене говорит: «Император велел повести атаку *правым* крылом на *фронте:* сим движением отняли мы $^3/_4$ поля у неприятеля». Войска Нея и наши, уже бежавшие к ним навстречу, сшиблись и расшиблись. Смешанные толпы боролись, резались, уничтожались... Такое взаимное разрушение продолжалось около двух часов.

УЖЕ БЫЛО 6 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Есть люди, которые стараются доказать, что сражение *Бородинское* притихло, зачахло, даже, как они выражаются, *«замерло»* еще в 4 часа пополудни. С того же времени до 9-ти вечера (целых 5 часов!) продолжалась только *пушечная пальба.* На это да позволено будет сделать несколько вопросов: что ж делали войска, если действовали одни батареи? Что ж делал Наполеон? Согласимся с теми, которые говорят, будто *с утра* стоял он (в положении бесстрастном), *скрестя руки на груди.* Но они же сами соглашаются со всеми другими, что в 4 часа пополудни он (Наполеон) лично выехал на линию и обозревал *положение дел.* Продолжаем вопросы: к чему ж был этот выезд? К чему это *обозрение*? Разве он выехал

---

[1] Может быть, эта атака принадлежит не именно к этому периоду сражения; может быть, справедливее приурочить ее к тому часу, когда вице-король собирался (во 2-й раз) штурмовать большой люнет.

для того, чтобы кончить, а не продолжать? Тогда как сам[1] хотел даже *повторить сражение!* Если Наполеон (этот оборотливый, деятельный, пылкий воин) не делал ничего, то что ж делали наши? Ужели, под воздушным поединком батарей, полки и дивизии стояли опустя ружья? Нет! Всякий, кто действительно был и варился в кипятке Бородинского сражения, согласится, что не только 5 часов (от 4-х до 9-ти вечера), но и 5-ти часовых четвертей не было совершенно праздного времени в битве, где дрались почти без передышки. Иначе откуда последовала бы *такая огромная*, с обеих сторон, потеря в людях?.. И зачем Наполеону вдруг прекратить линейное сражение (кроме артиллерии) именно *тогда* (в 4 часа пополудни), когда он оттеснил (польскими войсками) корпус Тучкова 1-го, овладел через посредство маршалов всеми (так дорого стоившими) редантами Семеновскими, обеспечился на счет *левого своего* крыла (после попытки Уварова) и имел за собою наш центральный *люнет?* Наполеон был человек нрава крутого и не имел, кажется, обычая так великодушно останавливаться среди успехов, хотя и не дешево купленных.

Из свода этих вопросов само собою следует, что сражение, в котором умирали тысячи, и после 4-х часов за полдень не замирало и не *замерло,* а продолжалось, разумеется, с большим или меньшим напором с той или другой стороны. Наполеон и Кутузов не уставали соображать, не переставали действовать. Наполеон направлял атаку (*charge de front*) серединную. Ней двигался с огромными силами. А что делал Кутузов? Полководцы встретились на одной мысли. Каждый метил своему противнику в грудь!.. Кутузов (и это было позже 4-х часов пополудни), усмотрев, что пехота французская стянута на крылья, а центр неприятеля разжидел и состоял из одной почти кавалерии, предпринял *нанести удар на этот центр* и нарядил несколько полков пехоты (менее пострадавшей из полков гвардейских) и часть кавалерии для этого дела. Наполеон понял опасность такого предприятия и решился двинуть вперед часть *молодой гвардии.* Удайся это движение, Кутузов превратил бы свое положение оборонительное в *наступательное.* Он уже и сделал было попытку к этому, выслав Уварова, которому велел сказать: *«Напасть и пропасть,* если необходимо!» В то же время к Дохтурову на левое крыло послал собственноручную записку карандашом: *«Стоять до последней край-*

[1] Смотри статью «Рекогносцировка».

ности!» Из таких распоряжений, *твердых, решительных,* видно, что сражение Бородинское было *битва на жизнь или на смерть* и что прекратить ее могло только одно *наступление ночи.* Отчего ж иные пишут: «С 4-х часов пополудни вообще видно было всеобщее изнеможение: выстрелы час от часу редели, и битва *замирала»*? А между тем сами же говорят далее: «Ночь прекратила сражение; оно кончилось в 9 часов вечера». Я, с своей стороны, никак не мог решиться у 15-часового сражения Бородинского похитить *пять часов* великих пожертвований и славы! В доказательство, что схватки, и схватки сильные, происходили на линии *уже на исходе дня,* я предлагаю взглянуть в книгу Любенкова[1]. Сказав: «Уже вечерело»,— он продолжает: «Густая колонна французских гренадер, до 5000 с красными распущенными знаменами, музыкою и барабанным боем, как черная громовая туча, неслась прямо на нас. Казалось, ей велено погибнуть или взять нашу батарею». Таких явлений не бывает, когда сражение замерло!

Около 7-го часа вечера сражение, может быть, за общим изнуром сражающихся, мало-помалу ослабевало, но батареи еще гремели и громили. Под вечер Мюрат делает большую кавалерийскую атаку: это последняя вспышка догоравшего пожара — и французы занимают лес за Семеновским, откуда выбиты финляндцами. Настало 9 часов вечера, и не стало сражения Бородинского!

Оно продолжалось 15 часов.

Это сражение было генеральное и генеральское.

У французов

Генералов	убито	9
	ранено	30
Штаб- и обер-офицеров		1500
Рядовых	убито	20 000
	ранено	40 000

Наша потеря[2]:

Генералов	убито	3
	ранено	12
Офицеров		800
Рядовых	убито	15 000
	ранено	30 000

[1] См. кн. «Рассказ артиллериста о Бородинском деле».

[2] В истории войны, соч. Михайловского-Данилевского, наша потеря показана 57 000 выбывших из строя.

Механизм этой огромной битвы был самый простой. Наполеон нападал, мы отражали. Нападение, отражение; опять нападение, опять отражение —вот и все!

Со стороны французов — порывы и сила; со стороны русских — *стойкость* и *мужество*. Об этой битве можно сказать почти то же, что Веллингтон *позднее* сказал о битве при Ватерлоо: «Наполеон шел *просто, по-старинному* и разбит *просто... по-старинному!»* Мы только должны поставить вместо слова *«разбит»* другое: *«отбит»,* и будет верно. О Кутузове можно сказать то же, что древние говорили о своем Зевсе: «Разбросав все свои громы в сражении с Титанами, он отражал неприятеля *терпением!»* О Наполеоне должно сказать его же собственными словами: «Роковое определение судеб увлекало его!..»

Я хотел было описать Бородинское сражение *по часам,* но слишком разнообразные показания о ходе его не дозволили этого сделать. Всякий описывал *с своей точки зрения,* всякий рассказывал *по-своему*. Я сделал, что мог, согласив несогласных и приведя все по возможности в *одну картину*. Все писатели по крайней мере мне известные, о битве Бородинской соглашаются беспрекословно только в одном, что к *половине дня неприятель приутих* и вслед за тем выдвинул 400 пушек и усугубил жар нападения. В других частях описания одни с другими не согласны. Чтоб уяснить дело и представить в самых простых формах, в самом малом объеме, в нескольких строках *главные виды* Бородинского сражения, я помещаю здесь еще одну уцелевшую в бумагах моих *выписку*.

1

Густой лес, на нашем левом крыле, стал за своих и препятствовал быстроте наступления неприятельского; но в 7 часов утра главные силы его выказались *боевыми колоннами*. Понятовский идет в обход на старую Смоленскую дорогу. Маршалы (Ней и Даву) атакуют со 130 орудиями. Сводные гренадерские баталионы отстаивают батареи. Граф Воронцов ранен. Генерал-лейтенант Тучков отбрасывает поляков от старой Смоленской дороги и смертельно ранен. Неприятель захватывает реданты, Коновницын отбивает их назад. Тучков 4-й убит. Князь Голицын с кирасирами врубается во французскую конницу.

2

ПОЛДЕНЬ

Неприятель приутих. Но вскоре явился с 400 пушками и *новыми* силами. С нашей стороны подвинули резервы и 300 пушек. Картина ужасная, бой ужасный! По жесточайшей пальбе все наше *левое крыло* идет в штыки. Все смешалось и обагрилось кровью.

БАГРАТИОН РАНЕН

Коновницын переводит войска за *овраг* Семеновский. Измайловский и Литовский полки отражают железных людей *(gens de fer)* Наполеоновых.

3

ДВА ЧАСА ПОПОЛУДНИ

Между тем, испытав неудачи на левом нашем крыле, неприятель с великими силами тянется на наш центр и захватывает *люнет*. Генерал Бонами берет это укрепление; генералы Ермолов и Кутайсов отнимают его.

4

ЧЕТЫРЕ ЧАСА ПОПОЛУДНИ

Наполеон атакует линии нашей пехоты своею кавалериею и отбит. Люнет взят (самим вице-королем) во второй раз.

5

ПЯТЬ ЧАСОВ ПОПОЛУДНИ

Почти все укрепления наши захвачены, но войска стоят твердою ногою и бьются до смерти. Ней пытает еще раз счастье: сбирает до 120 эскадронов и, подкрепясь многочисленною пехотою и артиллериею, бьет вразрез на *центральную* батарею.

6

ШЕСТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Наполеон остановил свои порывы и как будто сделал шаг назад; но все еще в разных частях линии французы свирепствовали, *многолюдствовали,* губили и погибали. Многочисленная артиллерия гремела и громила.

7

В 9 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Французы отступают на прежние свои позиции[1]. С своей стороны, в дополнение к сказанному, я могу сказать только одно: битва Бородинская не должна идти в разряд ни с какою другою. В этой битве было по крайней мере 12 боев, и каждый, произведенный отдельно, мог бы перейти на страницы истории. Чтоб убедить вас в этом, я намекнул на самые бои. За Семеновские реданты было (разумеется, более *значительных*) 6 боев; за большой люнет — 2; у Тучкова (более жестоких) два. Выезд Уварова — *одиннадцатый* бой; атака Нея на фронт, с огромными силами,— 12-й и один из самых замечательных боев. Я не хочу испортить четного числа причетом к нему всех кавалерийских выездов и схваток, всех пылких наскоков Мюрата с его 40 000 палашей и сабель[2]. Не причисляю сюда также и знаменитого отпорного боя, который выдержали Измайловские и Литовские каре против (тяжелой французской кавалерии) железных людей Наполеоновых.

Заключая сим *приуготовительные* статьи мои, я приступаю к описанию, в *очерках, самого сражения.* И если в этом описании найдете вы противоречия, найдете много *смешанного,* даже *хаотического* (и могло ли быть это иначе при таком положении дел, когда свои, как, напр., вестфальцы, *стреляли по своим* и неприятель разъезжал и гибнул в тылу некоторых корпусов наших), если найдете *неясность* в целом, *неопределительность* в действиях, нечто лабиринтическое в движениях и переездах: то не соблазняйтесь и верьте, что *все это вместе* составит *истинную физиономию* великой, смею сказать, в наше время беспримерной, *гомерической* битвы между российскою, из всех народов и племен России, и французскою армиею, из войск всех держав Западной Европы, битвы, происходившей 26-го августа 1812-го года, на поле Бородинском, на большой дороге к Москве, за право: быть или не быть Москве и России!

---

[1] И тем кончилось сражение Бородинское, данное с целию великого кровопускания, чтоб ослабить французскую армию. И эта цель достигнута.

[2] Во время сражения под Смоленском на вопрос: «Где король Неаполитанский?» все пленные отвечали: «Il est à la téte de 40 000 chevaux!» [«Он во главе 40 000 всадников!» — *фр.*]

ОЧЕРКИ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ

1

Позиция, в которой я остановился, при селе Бородине, в 12 верст впереди Можайска; *одна* из наилучших, какую только на плоских местах найти можно. *Слабое место* сей позиции, которое находится с *левого фланга,* постараюсь я исправить посредством искусства.

(Слова М. И. Кутузова в донесении его государю императору)

2

Сражение было общее и продолжалось до *самой ночи.*

(Донесение Кутузова)

3

Батареи переходили из рук в руки; неприятель, несмотря на превосходство сил, ничего не выиграл.

(Донесение Кутузова императору)

4

Баталия 26-го была самая кровопролитнейшая из всех, которые в новейших временах известны.

(Донесение Кутузова)

5

Сражение не умолкало ни на минуту, и целый день продолжался беглый огонь из пушек.

(Письма русского офицера)

6

Наши дрались как львы: это был ад, а не сражение.

(Последние слова раненого полковника)

7

Описание Бородинского сражения будет всегда несовершенным, какая бы кисть или перо ни предприняли начертать оное.

(Из книги «Русские и Наполеон Бонапарт»)

8

Сего дня будет сражение; а что такое сражение? Трагедия: сперва выставка лиц, потом *игра страстей,* а там *развязка.*

(Слова Наполеона графу Нарбану перед сражением Бородинским)

26-го августа[1] был великий день битвы, беспримерной в новейшие времена. Великое сражение Бородинское начато в 6 часов утра *правым* крылом французов[2].

Генерал Сорбье, командир страшной батареи на правом фланге, подал *вестовой знак;* 120 орудий отвечали ему — и сражение закипело! В продолжение ночи сделан наскоро полевой окоп *(epaulemant)*. Из-за него торжественно выехала длинная цепь орудий и, направясь прямо на один из редантов, прикрывавших *левое* крыло наше, построилась в батарею и завела с ним жестокий размен пальбы убийственной. Сражение загорелось с обеих сторон. Тридцать орудий под начальством генерала Перисти становится в голове дивизии Кампана, построенной в *две* большие колонны.

Утаивая несколько времени поход свой в густой опушке леса, первая из этих колонн наконец выказалась, кинулась прямо на один из редантов при Семеновском и завладела им сразу[3].

Но сам генерал Кампан ранен; русские, сперва оттесненные, храбро воротились назад, кинулись на схватку и отняли свой редант, проводя французов на штыках до самого леса[4].

Тут-то одна бригада, из дивизии Дессекса, тянувшаяся по кустарникам, имея 108-й полк в голове, ударила на тот же редант сбоку, осыпала жестоким ружейным огнем русских кирасир, захвативших в смелом наскоке часть артиллерии Кампана, и заставила их расстаться со своею добычею. Кирасиры отступили, но тихо, стройно, жертвуя людьми порядку. Генерал Дессекс велел ударить еще раз на редант, и спорный окоп *еще раз захвачен неприятелем*[5]. Но перед глазами войск, выдержавших самый

---

[1] По иностранному стилю 7-го сентября.

[2] Канонада на левом фланге (против Бородина) начнется в ту минуту, как услышится канонада (против Семеновского) на *правом* фланге. *(Слова из диспозиции Наполеона.)*

[3] Первое взятие реданта.

[4] Второй бой за редант.

[5] Третье взятие реданта.

ужасный огонь с батарей русских, не стало и другого генерала: картечь раздробила руку Дессексу. Ашард, полковник 108-го полка, сбит русским ядром. Русские сделали еще один натиск, и *редант опять в руках у своих!..*[1] Множество трупов уже валялось около этого спорного окопа, так быстро из рук в руки переходившего. Тогда-то двинулись дивизии 3-го корпуса. Наполеон приказал Нею пристроиться к левому флангу Даву. Маршал Ней сформировал своих *в колонны к атаке,* а 8-й корпус (Жюно), построенный в *две линии,* следовал за ними поодаль, в виде *подкрепления.* Множество *русских стрелков* сидели по лесам и перелескам. Нелегко подойти к нашему *левому* флангу! Нападающие должны проходить по захолустьям, рытвинам и кустарникам, где нет проложенных дорог, и, выходя из чащи, формироваться под картечью русских! Зато головы колонн французских не раз ныряли обратно в лес. При первом нападении на реданты под Даву убита лошадь и сам он контужен. Мюрат, услышав о том, уже прискакал было занять место маршала; но маршал не сдал команды и продолжал сражаться сам.

Дивизия Ледрю вспугнула все войско наших стрелков и живо оттеснила их назад; потом сама, с отличным мужеством, кинулась на один из *редантов,* который между тем был уже преодолеваем повторным нападением войск из *дивизии* Кампана. Полки 24-й пехотный и 57-й линейный, кучею, кто откуда смог, *ворвались в редант,* за который происходила драка[2].

Русские, после первого изумления, воротились опять отнимать свой окоп; но 25-я дивизия поспешила на помощь к 10-й, и русские опять отражены!..

Удачная атака 14-й кавалерийской бригады довершила успех пехоты.

В это же время дивизия Разу *овладела вторым редантом*[3]. На этом приостановился жаркий спор за реданты на левом крыле нашем. Было уже *семь часов* утра. Весь план неприятельской атаки развернулся; массы его стали видны в поле. Ней, под выстрелами огромной батареи, со стороны Шевардина, протянулся, как мы уже упомянули, мимо левого крыла Даву, имея в голове дивизию Ледрю. За нею шли дивизии Маршана и Разу. Последняя, как пришла, кинулась и овладела редантом!

---

[1] Четвертое взятие реданта.
[2] Пятое взятие реданта.
[3] Шестое взятие реданта.

Притихавшая на минуту на нашем левом крыле битва дозволила яснее расслышать гром другого боя, уже возгоревшего у нас *направо*. На главной батарее опять подан знак. Д'Антуар понял его, и артиллерия левого французского крыла дохнула бурею на наше *правое*. Ядра взвихрились и заскакали на высотах Бородина. Битва началась и на *правом* крыле. Можно бы сказать, что Наполеон хотел заломить вдруг оба крыла у нашего орла! Под кипящими выстрелами своей артиллерии 106-й полк бросился в село Бородино, где ночевали гвардейские егеря (лейб-гвардии егерский полк) под начальством храброго полковника Бистрома. Этот достойный воин, впоследствии названный *первым генералом* и *первым солдатом* [1], по крайней мере с час выдерживал напор неприятеля. Наконец, когда большая часть офицеров переранены, егеря отступили. Бородино горело,— и наши, преследуемые по пятам французами, перебрались за Колочу. В этой страшной схватке убит генерал Плозен. 106-й полк, увлекшись успехом, гонится за русскими, перебегает через мосты на Колоче и, сам не зная как, является под самыми батареями на высотах Горецких. С батареи при Горках осыпали смельчаков ядрами. Между тем русские гвардейские егеря, придя в порядок, воротились, кинулись на дерзких и, подкрепленные 19-м и 40-м егерскими же полками с полковниками Карненковым и Вуичем, разбили в пути и отбросили за Колочу 106-й, принятый на руки 92-м полком, кинувшимся к нему на подмогу. Буасероль утвердился в Бородине. Судя по этому напору, Кутузов мог опасаться несколько и за свое правое крыло. Позднее только осмелился он его ослабить.

И между тем как с таким остервенением дрались на правом и левом крылах, не менее кровопролитный бой возгорался на центре позиции. Вице-король с величайшим трудом выжил стрелков 2-й и 26-й дивизий, которые, рассыпавшись по кустарникам, всемерно затрудняли шествие колонн французских; и вдруг, выхлынув из закрытых мест, появился в поле прямо против большой батареи, или люнета. Он захватил Бородино и по четырем мостам, наведенным генералом Паутвенем в ночи, между Бородиным и Алексинкою, перешел Колочу. С ним перешли и явились в боевом порядке его дивизии. Дивизия Бруссье, переправясь за Колочу и не стерпя огня русского, спряталась в ров, залегла и лежала между

[1] Это выражение принадлежит нашему храброму ветерану и военнонародному писателю генералу Скобелеву.

Бородиным и люнетом. Дивизия же Морана, поддержанная дивизиею Жерара, нынешнего маршала Франции, утвердилась на высоте, против самого люнета. За вице-королем перешел и корпус Груши. Один Орнано с легкою кавалериею оставлен для наблюдения за оконечностию левого крыла, к Захарьину и Новому, за Войнею. Множество колонн засинелось в этом месте поля, и, отделясь от других, дивизия Морана, с удивительною самонадеянностию, пошла вперед под бурею картечи против дивизии Паскевича, которая, отразив двукратно неприятеля, наконец подавлена превосходным числом и не могла выдержать натиска. Тогда генерал Бонами с 30-м линейным вскочил на люнет, размахивая саблею.

И вот 9 часов утра! В таком положении были дела в этом начальном периоде битвы. В 6 часов она началась, в 9 пылала в полном разгаре. Все пружины заведены, все колеса тронуты. Наполеон пустил в ход свою могучую волю, и машина была в полной игре! Даву и Ней жестоко воевали под Семеновским. Поговорим опять о редантах. В продолжение доброго часа маршалы нападали, русские крепились. Сумские и Мариупольские гусары и Курляндские и Оренбургские драгуны с генералом Дороховым выстаивали с честию против всех строптивых наскоков неприятеля. Ничто не помогло! Около 10-ти часов утра все три реданта (или флеши) при Семеновском схвачены так нагло, так быстро, что русские не успели свезти с них пушек. Генерал Дюфур (подкрепленный Фрияном) кинулся через овраг и подошел даже к Семеновскому. Тут можно было подумать, что французы разрезали нашу армию; но это ненадолго! Недолго праздновали неприятели! Полки гренадерские: Киевский, Астраханский, Сибирский и Московский уже ревели ура!.. Четыре стены приближались, неся ружье наперевес!.. Сошлись и кинулись колоться!.. Генерал-лейтенант Бороздин 1-й предводительствовал ими. Гренадеры, работая штыком и прикладом, выжили французов из гнезд, в которых они не успели еще отсидеться. Но тут ранен принц Карл Мекленбургский, которого так любили жители смоленские, когда он был у них на постое с своим прекрасным Московским полком; тут ранен полковник Шатилов; а полковник (Астраханского гренадерского полка) Буксгевден получил три раны и шел все вперед, пока взошел на батарею и лег мертвым, но победителем, со многими другими офицерами. И такая резкая неудача со стороны французов не остановила маршалов. Они выпу-

стили новые колонны пехоты и подперли их конницею Нансути и Мобурга. Мы уже отчасти рассказали и, еще где придется, рассказывать будем о этих напорах масс, этих налетных схватках и наскоках кавалерии, этом беспрерывном гуле артиллерии, громившей с редантов и по редантам. В мятеже такой битвы, как Бородинская, нельзя удержаться в пределах рассказа правильного, безмятежного. Могут случиться и повторения, просим заранее извинить нас! Рассказ, как и самое сражение, невольно увлекаясь обстоятельствами, переносится с места на место и часто запутывается прежде, нежели успеешь то заметить! Итак, французы опять пошли на реданты и опять их захватили, и опять, прежде чем могли натешиться добытым, Коновницын выбил их штыками своей дивизии и прогнал в лес! Тут навалены кучами убитые и раненые. В числе первых лежал начальник корпусного штаба генерал Ромёф.

Видали ль вы, в портрете, генерала молодого, с станом Аполлона, с чертами лица черезвычайно привлекательными? В этих чертах есть ум, но вы не хотите любоваться одним умом, когда есть при том что-то высшее, что-то гораздо более очаровательное, чем ум. В этих чертах, особливо на устах и в глазах, есть душа! По этим чертам можно догадаться, что человек, которому они принадлежат, имеет (теперь уже имел!) сердце, имеет воображение; умеет и в военном мундире мечтать и задумываться! Посмотрите, как его красивая голова готова склониться на руку и предаться длинному, длинному ряду мыслей!.. Но в живом разговоре о судьбе отечества в нем закипала особая жизнь. И в пылу загудевшего боя он покидал свою европейскую образованность, свои тихие думы и шел наряду с колоннами, и был, с ружьем в руках, в эполетах русского генерала, чистым русским солдатом! Это генерал Тучков 4-й. Он погиб близ 2-го реданта. Под деревнею Семеновскою, у ручья, по названию Огника, под огнем ужасных батарей, Тучков закричал своему полку: «Ребята, вперед!» Солдаты, которым стегало в лицо свинцовым дождем, задумались. «Вы стоите? Я один пойду!» Схватил знамя — и кинулся вперед. Картечь расшибла ему грудь. Тело его не досталось в добычу неприятелю. Множество ядер и бомб, каким-то шипящим облаком, обрушилось на то место, где лежал убиенный, взрыло, взбуравило землю и взброшенными глыбами погребло тело генерала. Такого же погребения удостоился, может быть, и Кутайсов, которого остатков не могли до-

искаться! Около этой поры смертельно ранен и старший брат убитого (отличный воин) Тучков 1-й... На этом же месте и в это же время тяжело ранены полковники: Дризен, Ушаков и Монахтин, которого слова поместил я между эпиграфами к моим «Очеркам».

Итак, вот рассказ краткий, неполный о битвах за реданты Семеновские. Скрепим его некоторыми подробностями и еще раз (не пеняйте за повторение) поговорим о делах на этом важном пункте так, как говорят о них французы. Более всего я хотел бы избегнуть упрека в односторонности.

Когда большой редут (Раевского батарея) на правом (или, вернее сказать, в центре) в первый раз и реданты на левом крыле уже по нескольку раз захвачены: «Подоспей Монбрен,— говорили французы, полагая, что успели прорезать нашу линию,— подоспей он с своею кавалериею — и сражение будет наше!» Монбрен подоспел, и провидение подоспело! Едва отдал он приказание ударить на Семеновское, ядро, пущенное с бокового редута, срезало генерала с лошади, и войска остались без предводителя! Им начался длинный ряд тех, которые погибли, добывая страшный редут. Генерал Моран тяжко ранен. Ланаберт занял его место, и Ланаберт убит! Коленкур, гораздо позднее, заступает место Монбрена во всем: в успехе и смерти. Но мы доскажем после о блестящей атаке и роковой судьбе молодого генерала. Прежде всех, здесь названных, как нам уже известно, генерал Бонами, первый, вскочивший в центральный редут, получил, как говорят французы, 21 рану штыками и взят в плен. Солдаты наши, дивясь его храбрости, сочли его за Мюрата.

Большой центральный редут был решительно захвачен. Синие и пестрые толпы французов суетились около пушек; но два человека, постигнув всю важность потери и рассуждая, что отнятое центральное укрепление может, оставшись долее в руках неприятеля, решить судьбу целого дня и отворить ворота в самом центре линии, положили по мере отнять опять редут и с ним ключ позиции. Поле далеко было покрыто рассеянными единицами. Два человека, о которых мы сказали, взяли третий баталион Уфимского полка из корпуса Дохтурова и повели его к цели. Одного из этих храбрых видел я накануне на большой батарее при Бородине. Он был еще в цветущих летах, с привлекательными чертами лица; товарищи и подчиненные не могли налюбоваться его храбростию, его воинскими дарованиями. Глядя на него, так легко было

вспомнить о молодом паладине средних веков! И тем легче, тем естественнее, что великая битва, где ратовало рыцарство, закованное в железо, битва при Креси, происходила в то же самое число, 26 августа 1346 года, как и наша Бородинская! Юность, осанка, мужество, все соединялось в живом, бодром воине: это был граф Кутайсов — командир всей артиллерии при Бородине. Другой, в летах более зрелых, осанистый, могучий, с атлетическими формами, с лицом и мужеством львиным, ехал рядом с названным выше воином. Им был генерал Ермолов, тогдашний начальник штаба. Оба в мундирах конной артиллерии. Не успели они двинуться с места, как пример их начал действовать благотворно. Единицы стали быстро соединяться в десятки, сотни, тысячи, и скоро увидели колонну, которая не уступала в длине и плотности знаменитой колонне в битве Фонтенейской. Но эта самосоставная колонна, из солдат разных служб, разных полков, разных мундиров, не имела никакого единства, никакой правильности. У ней было, однако же, единство цели! Два мужественных вождя, далеко впереди всех, вели эту толпу храбрых. Французы, незаконные владельцы редута, видели приближающуюся бурю и не дремали на своих трофеях. С фасов редута засверкал ужасный огонь. Великодушная колонна редела, волновалась. Была минута, солдаты задумались, остановились. И тут-то Ермолов употребил средство, о котором рассказ и теперь остается в числе любимых солдатских преданий о незабвенном дне[1]. По обдуманному ли намерению или нечаянно у него, как у начальника штаба, случился запас Георгиевских солдатских крестов в мундирном кармане. Воспользовавшись минутою, он вынул горсть крестов, закричал: «Ребята, за нами! Кто дойдет, тот возьмет!» И вслед за тем начал кидать кресты далеко впереди себя. Это средство обаятельно подействовало на солдат: они кинулись к крестам и пошли вперед! Генералы подвигались скоро, кресты мелькали, толпа бежала, «ура!» гремело. И таким образом, от креста до креста, подошли к самому редуту. Редут зевнул дымом и пламенем, выслал бурю картечи, брызнул косым дождем пуль; ряды пали, другие стеснились и ворвались в укрепление. Из двух предводителей не досчитались одного: граф Кутайсов исчез! Россия и товарищи не могли предать земле с честию его тела, которого не доискались под грудами уби-

[1] Я представил это обстоятельство в таком виде, как об нем говорили в армии люди того времени

тых; только верный конь его прибежал к своим. Генерал-майор Ермолов ранен в шею, но продолжал сражаться.

Мы занялись исключительно повествованием о блистательном подвиге двух предводителей огромной самодельной колонны; но историческая верность требует рассказать, из кого и как она составилась. В одно время с Уфимским баталионом генерал Паскевич ударил в левое крыло французов. В то же время генерал Васильчиков с некоторыми полками 12-й дивизии штурмовал редут справа, и в то же время еще один генерал, захватя остальные полки той же 12-й дивизии, обогнул редут сзади.

Этим движением угрожал он отрезать французов от войск Морана, оставшихся на поляне. Генерал, сделавший такое искусное движение, был один из тех, которых воинские дарования расцвели во всей красе в продолжение войны отечественной. Если я скажу, что он, страшный неприятелю и приветливый к своим, пользовался необыкновенною любовию своего Орловского полка, своей 26-й дивизии, то люди XII-го года тотчас угадают, что это был генерал Паскевич... Редут претерпевал осаду и штурм. Соединенные усилия восторжествовали: 30-й линейный полк выбит из окопа, сбит с поля и взброшен на дивизию Морана. В редуте всхолмились кучи убитых и раненых: между последними взят и Бонами. Остатки 30-го полка жестоко преследованы эскадронами Корфа. Их выслал туда вместе с двумя полками драгун, Сибирским и Иркутским, генерал Барклай-де-Толли. Неутомимый неприятель делал разные попытки, которые мы схватим хотя в слабых оттенках.

Усиленная резервами конница французская следовала по пятам за нашею. Вдруг кидается она в промежутки колонн и пехотных каре и является в тылу 4-го и 6-го корпусов. Но храбрые наши не замешались. Задние фасы каре зажглись, и по ним побежал такой батальный огонь, что неприятель, далеко занесшийся, готов был спрятаться под землю. Видя успех пехоты, кавалерия наша бьет неприятельскую и гонит ее неотступно, пока она не скрылась за стенами своей пехоты; но не успело поле отдохнуть и очиститься, как заревели обе артиллерии. И между тем как с обеих сторон валились люди, конница французская раз за разом взбегала на поле и схватывалась с нашею, то расшибая, то расшибаясь, в это время и в этих же местах распоряжался генерал Барклай-де-Толли.

Михайло Богданович Барклай-де-Толли, главнокоман-

дующий 1-ю западною армиею и военный министр в то время, человек исторический, действовал в день Бородинской битвы с необыкновенным самоотвержением. Ему надлежало одержать две победы, и, кажется, он одержал их! Последняя — над самим собою — важнейшая! Нельзя было смотреть без особенного чувства уважения, как этот человек, силою воли и нравственных правил, ставил себя выше природы человеческой! С ледяным хладнокровием, которого не мог растопить и зной битвы Бородинской, втеснялся он в самые опасные места. Белый конь полководца отличался издалека под черными клубами дыма. На его челе, обнаженном от волос, на его лице, честном, спокойном, отличавшемся неподвижностию черт, и в глазах, полных рассудительности, выражались присутствие духа, стойкость непоколебимая и дума важная. Напрасно искали в нем игры страстей, искажающих лицо, высказывающих тревогу души! Он все затаил в себе, кроме любви к общему делу. Везде являлся он подчиненным покорным, военачальником опытным. Множество офицеров переранено, перебито около него: он сохранен какою-то высшею десницею. Я сам слышал, как офицеры и даже солдаты говорили, указывая на почтенного своего вождя: «Он ищет смерти!» Но смерть бежит скорее за теми, которые от нее убегают. 16 ран, в разное время им полученных, весь ход службы и благородное самоотвержение привлекали невольное уважение к Михаилу Богдановичу. Он мог ошибаться, но не обманывать. В этом был всякий уверен, даже в ту эпоху, когда он вел отступательную, или, как некто хорошо сказал, «войну завлекательную!» Никто не думал, чтобы он заводил наши армии к цели погибельной. Только русскому сердцу не терпелось, только оно, слыша вопли отечества, просилось, рвалось на битву. Но предводитель отступления имел одну цель: вести войну скифов и заводить как можно далее предводителя нашествия. В другой стороне был другой человек, которого усвоила себе история, который, без связей и отношений в России, одним личным достоинством, вынудил всеобщее уважение у современников; я не говорю уже о потомстве: оно не смотрит на отношения и ценит одни дела. Не спрашивая, можно было догадаться, при первом взгляде на его физиономию, чисто восточную, что род его происходит из какой-нибудь области Грузии, и этот род был из самых знаменитых по ту сторону Кавказа. Это был один из родов царственных. Но время и обстоятельства взяли у него все, кроме символического герба наследственного. Одно-

му из потомков предоставлено было, в незабвенную эпоху побед суворовских, освежить свое родословное древо прекрасным солнцем и воздухом Италии и окропить для бессмертия корни его своею благородною кровию в день борьбы беспримерной за жизнь и бытие России. Этот человек и был и теперь знаком всякому по своим портретам, на него схожим. При росте несколько выше среднего, он был сухощав и сложен крепко, хотя несвязно. В его лице были две особенные приметы: нос, выходящий из меры обыкновенных, и глаза. Если б разговор его и не показался вам усеянным приметами ума, то все ж, расставшись с ним, вы считали бы его за человека очень умного, потому что ум, когда он говорил о самых обыкновенных вещах, светился в глазах его, где привыкли искать хитрости, которую любили ему приписывать. На него находили минуты вдохновения, и это случалось именно в минуты опасностей; казалось, что огонь сражения зажигал что-то в душе его,— и тогда черты лица, вытянутые, глубокие, вспрыснутые рябинами, и бакенбарды, небрежно отпущенные, и другие мелочные особенности приходили в какое-то общее согласие: из мужчины невзрачного он становился генералом красным[1]. Глаза его сияли; он командовал и в бурке, с нагайкою, на простом донце, несся, опережая колонны, чтоб из начальствующего генерала стать простым передовым воином. Это был наш князь Багратион!

Видя, что неприятель сгустил слишком много войск против нашего левого крыла, он приказал Тучкову подкрепить дивизии Воронцова и Неверовского дивизиею Коновницына. Трое храбрых собрались в этом пункте. В то же время отдал приказание кирасирам Дуки переехать за ручей Семеновский и стать перед деревнею на поляне.

С своей стороны, Кутузов, видя, в чем дело, вывел из резерва кирасирские полки, придал им 8 орудий конной артиллерии и весь отряд направил на Семеновское, где он установился за 2-ю кирасирскою дивизиею. Не довольствуясь одним, прозорливый главнокомандующий послал еще другое подкрепление действующему и вместе страждущему левому крылу. Измайловский и Литовский гвардейские полки, сводная гвардейская бригада и артиллерийские его высочества и Аракчеева роты пущены к концу линии влево, где крутились дымные вихри сраже-

[1] Здесь: великолепным. *(Прим. ред.)*

ния. Чтоб утолстить еще более наше левое крыло, не боясь за правое, Кутузов приказал полковнику Толю перевести весь корпус Багговута и длинную цепь пушек — батарею в 36 орудий — справа налево. Артиллерийский резерв выдвинул туда же многие из своих батарей из Псарева. Все шло, все ехало, все мчалось к Семеновскому; все вихрилось около этого места. Всякий хотел владеть ключом позиции.

Мы уже рассказали, как французы, сначала застенчиво выказываясь из лесов, наконец вынырнули и понеслись на реданты. Но там был Воронцов, генерал молодой, знатный, мужественный; он покорял сердца своих сослуживцев и не хотел дать неприятелю покорить вверенные защите его укрепления. Пехота и артиллерия русская, молча, остолбенев, но взводя курки и подняв фитили, выжидали приближения французов. Страшно идти на неприятеля, который не стреляет!.. Но французы шли... Русская линия брызнула им прямо в лицо целым дождем пуль и картечи!.. Французы облились кровью и не остановились. Как бешеные, кинулись они в промежутки редантов и захватили второй из трех!.. Сводные воронцовские батальоны, слушая голос любимого генерала, сжимались в колонны и кидались на неприятеля с штыком и прикладом. Их подкрепляли полки бесстрашного Неверовского, кирасиры мужественного Дуки. К дивизиям Ледрю и Маршана подвели легкоконную бригаду Бермана и другую Брюера. Тут все схватилось, все обдалось кровью!.. С обеих сторон рубились с каким-то наслаждением, хвастались упрямством и отвагою! Сеча продолжалась, а реданты, переходя, как мы уже видели, из рук в руки, наконец, по-видимому, упрочились за французами.

Но Багратион во что бы то ни стало захотел отнять опять реданты, в которых уже хозяйничали войска Нея и Даву. Он скликнул все свои резервы, даже полки гвардейские. Огромное столпление баталионов и конницы запестрело в поле. Ней, обдержанный в сечах, видит бурю и не колеблется. Оборотясь к ординарцу своему Готпулю, маршал сказал: «Донесите императору, что неприятель собрал слишком значительные силы: не надобно ль меня подкрепить?» Но посланный еще не доехал до места, как поле заговорило под копытами многочисленной кавалерии. Впереди всех несся всадник в своем живописном наряде; за ним волновалась целая река его конницы. Казалось, который-нибудь из средних веков выслал сюда все

свое рыцарство! Могучие всадники, в желтых и серебряных латах, на крепких конях, слились в живые медные стены. Тысячи конских хвостов, пуки разноцветных перьев гуляли по воздуху. И вся эта звонко-железная толпа неслась за Мюратом.

Наполеон велел посмотреть ему, что делается у редантов. Он прибыл, дал знак, и войска французские врываются опять во второй из редантов, откуда их перед тем вытеснили. Русские кирасиры бросаются на отчаянную пехоту, но жестокий ружейный огонь удерживает пыл их, а 1-я бригада из дивизии Брюера оттесняет назад. Между тем реданты все составляют мишень для артиллерии, все цель и предмет для местной войны, и на соседний редант идет пехота русская. Полки Виртембергские, из бригады Бермана, скачут навстречу и не пускают идущую. Весь 1-й кавалерийский корпус понесся и обогнул реданты с тылу. И вот три окопа, как три острова, тонут в живом разливе кавалерии: целая туча конских хвостов плавает по воздуху, тысячи голов толпятся у подножия редантов. Артиллерия французская коронует их! Тут и 4-й кавалерийский корпус получил приказание выдвинуться из линии, перейти овраг Семеновский и ударить на русские пушки в деревне этого имени. Нет пера, которое могло бы передать все сцены при деревне Семеновской!

Оставим еще раз Вентурини сказать несколько слов об этом моменте: «Русские пушкари были примерно верны своему долгу. Брали редуты, ложились на пушки и не отдавали их без себя. Часто, лишась одной руки, канонир отмахивался другою. У подножия редантов лежали русские, немцы и французы. Истекая кровью, они еще язвили друг друга, чем кому было можно. Иные, как говорят, грызлись зубами!»

Артиллерия наша вообще имела почти независимую свою деятельность в сражении Бородинском. И между тем как во рвах, перелесках, у подножия укреплений и на плоских промежутках низменностей полки, колонны, баталионы и толпы рассеянные строились, двигались, смыкались и, как волны, с одного края на другой переливались: ядра, картечь и гранаты, взвиваясь, издавая рассыпчатый визг и, лопнув, вспыхивая синеватым огнем, то пронизывали насквозь сжатые строи, то шипели, несясь по головам и срывая их вихрем полета своего, то, с клохтанием пронося смерть над самыми головами и изменяя своеобычно полет свой, с высоты на высоту пере-

летали. Батареи: большая Горецкая, центральная Раевского и реданты Семеновские менялись убийством с редутами левого французского крыла, с громадными батареями Дантуара и Сорбье; и смерть то дугообразно, то в направлении линейных выстрелов сновала туда и обратно. И все это делалось на воздухе! Земля же между тем, на которой шла битва, в полном смысле слова, заплывала кровью. Тысячи стрелков, таясь под закрытием, толпы конных, выскакивая из засады и закрытий, и колонны, идущие в откровенный бой, палили, резались и в отчаянных схватках пронимали друг друга штыками, дрались, боролись и, умирая, еще грозили друг другу цепенеющими взглядами.

Несмотря ни на какой огонь артиллерии и пехоты нашей, генерал Латур-Мобург едет вперед с Саксонскими кирасирами. Эти панцирщики, так же как и вестфальцы, тук Германии, могучие, длинные, широкие, кони под ними как медведи! Латур с своим медным легионом напирает на русских, косит направо и налево и захватывает спорную позицию, между тем как генерал Нансути, ведя кирасирскую дивизию Сен-Жермена, топчет и рубит все что ни попадется с правой стороны редантов. Он очистил все поле до самого оврага Семеновского.

Пока все это происходило, выказался на высотах 8-й корпус Жюно. Ней, видя, что атаки на реданты не имеют желанного успеха, замышляет другое дело и отправляет корпус направо, к Понятовскому, который сражался на крайней оконечности русской линии.

Время сказать несколько слов и о левом крыле. Это крыло, как мы видели, было уперто в большой лес и прикрыто высоко торчащим курганом с 25-ю пушками. Еще два холма, увенчанные редутами, находились неподалеку оттуда. Тучков стоял грозно. Корпус его построен был перед деревнею Утицею в четыре линии. Четыре егерских полка, с князем Шаховским, рассыпались вправо по кустарникам, чтоб занять промежуток между войсками Тучкова и левым крылом главной линии. Князь Понятовский, пройдя через Ельню, вынырнул из лесов на деревню Утицу, поднял перед собою тучу русских стрелков и вытянулся в поле за Утицею. Сильная артиллерия Тучкова громила его ужасно! Этот наступ Понятовского готовы были подкрепить: Даву, Ней и, ближе всех, 8-й корпус Жюно, составленный из вестфальцев. Расположась длинною лестницею, уступ за уступом, маршалы должны были эшелонироваться справа, чтоб громить и огибать на-

ше крыло левое. В помощь Нею и Даву придан король Неаполитанский с корпусами Нансути, Монбрена и Латур-Мобурга.

Тучков после сильного сопротивления оставил деревню Утицу и отступил левее, на высоту, пристроясь к дивизии графа Строганова; оттуда открыл он ужасную пушечную и ружейную пальбу. Поляки задумались.

При отправлении 8-го корпуса вправо был в виду стратегический замысел. Вестфальцам велено, подав руку Понятовскому, стараться выжить из больших кустарников егерей наших, оборонявших промежуток, важный в смысле военном.

Ней хорошо и удачно предпринял этот опасный замысел. Удайся он — и корпус Тучкова подвергался опасности быть отрезанным от общей боевой линии, и неприятель мог бы разбивать наши реданты с тылу, и наша линия могла быть обойдена.

Но предусмотрительность Кутузова помогла делу. Багговут, заблаговременно назначенный на помощь левому крылу, подоспел теперь со 2-м корпусом и перетянул весы на нашу сторону. Два полка из новоприбывшего корпуса с генералом Олсуфьевым отряжены на помощь Тучкову. В разных периодах, при разных обстоятельствах XII-го года, в сражениях, на трудных переходах, на биваках солдатских, привыкли видеть одного человека всегда первым в сражении, последним в занятии теплой квартиры, которую он часто и охотно менял на приют солдатский. Его искренняя привязанность к бивакам ясно отражалась на его шинели, всегда осмоленной, всегда запудренной почтенною золою походного огня. Он был молод, высок, худощав, белокур, с голубыми глазами, с носом коротким, слегка округленным, с лицом небольшим, очень приятным; в обхождении и одежде прост, стройный стан его небрежно опоясан истертым шарфом с пожелтелыми кистями. Чудесно свыклись солдаты с этим человеком в серой шинели, в форменной фуражке! Он любил с ними артелиться: хлебать их кашу и лакомиться их сухарем. Никто не смел пожаловаться на холод и голод, видя, как терпеливо переносил он то и другое. Трудно было с первого раза, с первого взгляда угадать, что это за человек? Видя его под дождем, на грязи, лежащего рядком с солдатами, подумаешь: «Это славный фрунтовой офицер!» Блеснет крест-другой из-под шинели, и скажешь: «Да он и кавалер! Молод, а заслужил!» И вдруг бьют подъем, встают полки, и этот офи-

цер (уж не простой офицер!) несется на коне, а адъютанты роятся около него, и дивизия (4-я пехотная) его слушает, и более чем слушает: она готова за ним в огонь и в воду! Так это уж не офицер, это генерал, да и какой! Он подъезжает к главнокомандующему, к первым сановникам армии, и все изъявляют ему знаки особенного уважения... Видно, это кто-то больше генерала? Это принц Евгений Виртембергский. Его дивизия и удачно и вовремя подкрепила кирасир. А между тем в том важном промежутке, в тех незапертых воротах, между левым крылом и главною линиею на протяжении целой версты уже давно разъезжал витязь стройный, сановитый. Кирасирский мундир и воинственная осанка отличали его от толпы в этой картине наскоков и схваток.

Всякий, кто знал ближе приятность его нрава и душевные качества, не обинуясь, готов был причесть его к вождям благороднейших времен рыцарских. Но никто не мог предузнать тогда, что этот воин, неуступчивый, твердый в бою, как сталь его палаша, будет некогда судиею мирным, градоначальником мудрым и залечит раны столицы, отдавшей себя самоохотно на торжественное всесожжение за спасение России!! Это был князь Дмитрий Владимирович Голицын! С помощью дивизии принца Евгения он отстоял равнину слева от деревни Семеновской, живые стены нашей конницы заменили окопы, которых тут не успели насыпать. Вестфальцев, замышлявших обойти наших кирасир, прогнали в лес. Все толпы неприятельские разлагались на палашах кирасир и под картечью нашей конной артиллерии. Вестфальцы из дивизии Оксо и Таро начинили было своими колоннами лес, который, опушая левый бок наших кирасир, дозволял обойти их с края. Уже выказали обе колонны из лесу свои головы, но кирасиры князя Голицына отсекли те головы. Колонны отшатнулись обратно в лес. Но Брестский, Рязанский, Минский и Кременчугский пехотные (2-го корпуса) полки, под предводительством принца Евгения Виртембергского, бросились на эти колонны, ущемили их между чащами леса и искололи жестоко, а лесом овладели. Во время таких боев с упрямыми немцами Понятовский велел своим полякам сделать правое крыло вперед и добывать курган с батареею, которую защищала 1-я гренадерская дивизия графа Строганова.

Под покровительством 40 орудий, вправо от Утицы, дивизии Заиончика, Княжевича и конница Себастиани

пошли в атаку и, вопреки всем усилиям русских, овладели курганом. С потерею высокой господственной точки русские должны были сойти со старой Смоленской дороги, и армия подвергалась обходу слева. Вот почему Тучков положил на мере во что бы то ни стало сбить поляков с кургана и завладеть обратно потерянным. Сделано распоряжение. Тучков сам с Павловскими гренадерами идет прямо в лицо полякам: граф Строганов с четырьмя полками гренадеров: С.-Петербургским, Екатеринославским, графа Аракчеева и лейб-гренадерским — атакует их справа, а генерал-лейтенант Олсуфьев, с двумя пехотными, Белозерским и Вильманстрандским, заходит в тыл. Этим сплошным и дружным движением поляки сбиты, и граф Строганов увенчивает опять курган нашими пушками, которые далеко провожают неприятеля. Но среди всех выгод русские искренне опечалились: храбрый воинственный генерал Тучков 1-й смертельно ранен. Его место занял Олсуфьев, пока прибыл Багговут.

Скоро после Тучкова, показавшего столько преданности к делу отечества, приехал на оконечность левого крыла другой генерал. Солдаты узнали его по всему: по видной осанке, по известной в армии храбрости, по телосложению необыкновенному. При росте значительном он был широк в плечах, дюж и тучен. Пространная грудь увешана была крестами. Он разъезжал на вороном аргамаке. Могучий конь гнулся под седоком, который напоминал о древних богатырях древней героической Руси. Проезжая места, где храбрый Воронцов до раны своей отбивал с гренадерами неистовые набеги пехоты и князь Голицын рубил французскую конницу, генерал, о котором мы говорили,— это был Багговут—разговаривал с артиллеристами: «Жарко у вас!» — «Греемся около неприятеля!» — отвечали ему. Вот образчик разговоров между чащами штыков, под бурею картечною. И действительно, там было жарко! Там русские, говоря языком старых преданий, парились в банях кровавых железными вениками!

Представив столько общих больших картин, я заимствую одну частную (из книги «Рассказ артиллериста о деле Бородинском»), в которой как наяву увидим, как и в каком духе сражались наши артиллерийские офицеры: «Достигнув пешком (лошадь под ним была убита),— говорит почтенный сочинитель книги,— достигнув батареи Вейде, я увидел храброго офицера с простреленною рукою. Кровь текла из раны, но он не обращал на это

внимания. «По крайней мере, вели перевязать себе рану; я принес тебе приказание от графа Сиверса». Солдат заложил ему рану паклею и стал перевязывать платком. Но сильный от природы, он вырвался из рук перевязчика и кричал без памяти: «Второе и третье орудие по правой колонне... пли! Хорошо, ребята, мастерски! Выстрелы не даром!»

Храбрый Любенков, ибо это он, сочинитель помянутой книги, сквозь сечи и схватки Малороссийских кирасир с латниками, чрез поле ужасов возвратился к своему месту. Там застал он двух товарищей, окровавленных, умирающих. Поручик Давыдов, раненный (под грозою разрушения), сидел в стороне и читал свою любимую книгу: «Юнговы ночи», а картечь вихрилась над спокойным чтецом. На вопрос: «Что ты делаешь?» — «Надобно успокоить душу. Я исполнил свой долг и жду смерти!» — отвечал раненый. Другой поручик, Норов, прощался с своими глазами, которые уже цепенели, и сказал: «Не оставляйте, братцы, места и поклонитесь родным!» Проговоря это, умер! «Выстрелы,— говорит Любенков,— бывали иногда удивительно удачны. Французское ядро попало в верхнюю часть нашего орудия, отдало его, сбило пушку, сделало впадину и отскочило. Солдаты тут говорили: «Верно, не по калибру пришлось!» Вот образчик остроумия под громом батарей!

Между тем на правом нашем крыле также происходили дела! Вице-король Италиянский короновал за Бородиным высóты сильными батареями, которые, однако ж, не раз замолкали пред батареями русскими. И за всем тем наше правое крыло осыпано было ядрами и гранатами неприятельскими. День Бородинской битвы был праздником артиллерии. «Наполеон,— говорит Барклай-де-Толли,— хотел уничтожить нас своей артиллериею». Мы уже сказали, что дивизии Жерара, Морана и Брусье нагло перешли Колочу. Но там напали они на наших стрелков, которые завязали с ними жестокую перестрелку. С высоты холмов наших и неприятельских высылались тучи ядер и картечь; по долинам летали и жалили пули, как пчелы. Битва кипела и в воздухе и на земле: не было места без смерти!

И вот уже 12 часов утра! Первый вид (*phase*) великого сражения, первый акт кровавой трагедии кончен. Солнце нашего северного августа разработало все тучи в небе, подняло все туманы с земли, поглотило всю ночную сырость в воздухе и стояло высоко и в полном ве-

ликолепии. Это солнце, наше родное солнце, уже одержало победу свою в полуосеннем русском небе; оставалось нам сделать то же на русской земле. Я был на большой батарее и с высоты кургана Горецкого видел картину изумительную. Пахнувший с правой стороны ветер отвеял до половины пелену дыма; правое крыло наше, стоявшее на высотах, облилось солнцем и светом; левое лежало углубленным в синеющий мрак.

Полдень и полночь, казалось, тут встретились вместе. Войска французские, сражавшиеся с нашим левым крылом, густо застланы были темною волнистою тучею. Только по временам беловатые облачка, длинные синие лучи и красные вспышки пробивались сквозь черную дымовую застилку, под которой глухо урчало и перекатывалось сражение внизу, у подножия спорных холмов.

Перед самым лицом правого крыла догорало Бородино. Два света, отблеск близкого пожара и лучи полуденного солнца, окрашивали двойной ряд облаков воздушных и дымовых, беспрестанно густевших от выстрелов неумолкавших.

Позиция Бородинская была длинна и шершава, и потому свет и тень не могли укладываться на ней одинаково: между ними было, может быть, такое же борение, как и между войсками, державшими свой великий спор. Полки делали переходы, чтоб поспевать к местам угрожаемым. И те, которые приходили с свежего воздуха, видели, что над сражающимися лежала черная ночь. Новая твердь, составленная из дыма, отделила землю от неба. Искусственные молнии бегали по искусственным тучам. Входившим в темноту сражения казалось, что их вводили в какой-то черный вертеп! Но рассуждению не было тут места! Двигались по порывам, кидались, куда призывал звук барабанов и труб. Ядра и гранаты далеко пролетали, даже за резерв. Это подало, как мы видели, случай Милорадовичу сказать: «Вот сражение, в котором трусу нет места!»

Вступя в оглушительный треск Бородинского сражения, некогда было рассуждать о времени. Каждую минуту пролетали 120 ядер и 120 смертей; в каждую минуту могло рассыпаться более 4000 картечи: когда ж тут справляться с часами? Однако ж было уже 12 часов, побоище длилось, но весы колебались, и бой около полудня начинал стихать. Но вот Наполеон, уже нетерпеливый, приказывает удвоить жар и напор. Огонь неприятельский, понемногу замиравший, вдруг ожил страшною

жизнию. Со всех сторон потянулись цепи орудий. Батареи мчались, скакали, сдвигались, и 400 пушек явилось пред нашим левым крылом! Под огненною защитою этой огнедышащей артиллерии сильные колонны вновь засинели на поле перед Семеновскими редантами. Видя такие грозные шашки на роковой доске, русские также выдвигают 300 орудий!

Кутузов, сверх того, приказал Милорадовичу подтянуться левым флангом и перевести корпуса Остермана и 2-й кавалерийский за центр армии. Этот центр, истончавший, протертый, требовал надежной подкладки! В то же время Платов и Уваров отряжены на тайное дело в особую экспедицию.

Искра воли Наполеоновой упала на рассыпанный порох, и бой перед Семеновским закипел с силою необычайною, с остервенением беспримерным. 700 орудий, столпясь на одной квадратной версте, почти толкались между собой и, составляя подвижные вулканы, дышали огнем и опустошением! Ядра пронизывали толщи колонн; гранаты, лопаясь, и картечь, рассыпаясь, дождили на них сверху: било черепьем и ивернями. А между тем ружье горело, и перекатный, яркий батальный огонь не умолкал при этом кипятке сражения; многочисленные пешие и конные колонны неприятельские шли на нас с необыкновенным, ужасающим спокойствием. Наша артиллерия пронимала их насквозь, раздирала на части; но, многолюдные, они сжимались и шли далее. Маршалы стояли твердо в своем намерении: солдаты понимали их. Все было стройно и торжественно в этом ужасном разложении масс! По грядам убитых, по трупам товарищей французы шли и штурмовали реданты!

Ужасна была картина той части поля Бородинского, около деревни Семеновской, где сражение кипело как в котле. Густой дым и пар кровавый затмили полдневное солнце. Какие-то тусклые, неверные сумерки лежали над полем ужасов, над нивою смерти. В этих сумерках ничего не видно было, кроме грозных колонн, наступающих и разбитых, эскадронов бегущих. Груды трупов человеческих и конских, множество распущенных по воле лошадей, множество действующих и подбитых пушек, разметанное оружие, лужи крови, тучи дыма — вот черты из общей картины поля Бородинского! Но вот ближе к нам я вижу одного из отличных генералов наших. Тогда еще молодой и сановитый, в красивом ахтырском мундире, он прискакал на самый гребень одного из холмов

Семеновских, и, едва сдержав левою рукою крутого, чалого коня над глубокою рытвиною, правою указывает на бегущего неприятеля. По мановению руки его (это был генерал Васильчиков) батареи скачут, и тяжелые орудия посылают гибель и разгром вслед за бегущими. Даль представляет вид совершенного хаоса: разорванные, изломанные французские эскадроны кружатся, волнуются и исчезают в дыму, уступая место пехоте, выступающей стройно!

Деревня Семеновская пылает, домы оседают, горящие бревна катятся. Бледное зарево во множестве лопающихся бомб и гранат бросает тусклый, синеватый отблеск на одну половину картины, которая с другой стороны освещена пожаром горящей деревни.

Конная артиллерия длинною цепью скачет по мостовой из трупов.

Вот тут-то последовало то важное событие, о котором мы уже слегка говорили. Постигнув намерение маршалов и видя грозное движение французских сил, князь Багратион замыслил великое дело. Приказания отданы, и все левое крыло наше во всей длине своей двинулось с места и пошло скорым шагом в штыки! Сошлись!.. У нас нет языка, чтоб описать эту свалку, этот сшиб, этот протяжный треск, это последнее борение тысячей! Всякий хватался за чашу роковых весов, чтоб перетянуть их на свою сторону. Но окончательным следствием этого упорного борения было раздробление! Тысячи расшиблись на единицы, и каждая кружилась, действовала, дралась![1] Это была личная, частная борьба человека с человеком, воина с воином, и русские не уступили ни на вершок места. Но судьбы вышние склонили чашу весов на сторону французов. Мы вдруг стали терять наших предводителей. После целого ряда генералов ранен и сам князь Багратион.

Видите ли вы здесь, в стороне, у подошвы высоты Семеновской, раненого генерала? Мундир на нем расстегнут, белье и платье в крови, сапог с одной ноги снят; большое красное пятно выше колена обличает место раны. Волосы в беспорядке, обрызганы кровью, лицо, ос-

[1] Я не могу удержаться, чтоб не привести здесь подлинных слов одного старого солдата «Под Бородиным (говорит он) мы сошлись и стали колоться. Колемся час, колемся два... устали, руки опустились! и мы и французы друг друга не трогаем, ходим как бараны! Которая-нибудь сторона отдохнет и ну опять колоться. Колемся, колемся, колемся! Часа, почитай, три на одном месте кололись!»

мугленное порохом, бледно, но спокойно! То князь Петр Иванович Багратион. Его поддерживает, схватя обеими руками сзади, преображенский полковник Берхман. Левая рука раненого лежит на плече склонившегося к нему адъютанта, правой жмет он руку отличного, умного начальника 2-й армии генерала Сен-Приеста и вместе с последним прощанием отдает свой последний приказ. Изнеможенный от усталости и потери крови, князь Багратион еще весь впереди, весь носится перед своими дивизиями. Видите ли, как он, забыв боль и рану, вслушивается в отдаленные перекаты грома? Ему хочется разгадать судьбу сражения, а судьба сражения становится сомнительною. По линии разнеслась страшная весть о смерти 2-го главнокомандующего, и руки у солдат опустились.

Но явился Коновницын; его узнали по голосу. Уступая судьбе и обстоятельствам, он вдруг перевел войска за деревню Семеновскую и расставил их по высотам. Так размежевался он с неприятелем живым урочищем, роковым оврагом, с уступкою спорных редантов и с необыкновенною быстротою устроил сильные батареи, которые неслись и стреляли; строились и стреляли; остановились и громили разрушительными очередными залпами... В этой окрестности, под влиянием Коновницына, находились и прославились полки лейб-гвардии Измайловский и Литовский. Вместе с другими подкреплениями Кутузов послал их на левое крыло. Измайловцами командовал тогда полковник Храповицкий. Он имел еще другое поручение и вверил полк старшему по себе полковнику Козлянинову. Провожаемые губительной пальбою с батарей неприятельских, отраженные полки заняли свое место в величайшем порядке, как на домашнем ученье.

В дыму и ужасах сражения измайловцы стояли мужественно. Но вдруг, как воздушное явление, засветилась вдали медная стена; она неслась неудержимо, с грохотом и быстротою бури. Саксонские кирасиры, под начальством генерала Тилимана, примчались и бросились на правый фланг второго баталиона Измайловского. Но время не упущено: все баталионы построились в каре, стали уступами и открыли такой батальный огонь, что неприятель, обданный вихрем пуль, отшатнулся и побежал назад! Но отпор не остановил напора! Туча медвежьих шапок замелькала в воздухе. Конные гренадеры, несясь по следам кирасир, и также оттолкнуты, и также побежали. Многие, занесшиеся неосторожно вперед, гасли на шты-

ках измайловских. Тут храбрый, осанистый полковник Храповицкий, ставший сам командовать после раненого полковника Козлянинова и заменившего его на время Мусина-Пушкина, также ранен, но не оставил команды.

В это время неслся по полю корпус Нансути. Ему нарочито приказано объехать и сбить с места Измайловский и Литовский полки, чтоб прорваться за левое крыло наше. Ужасен был этот налет французской кавалерии.

В прямом смысле слова можно сказать, что французская конница, громада необозримая, разлилась, как море, и наши каре всплыли посередине, как острова, со всех сторон поражаемые нахлестами медных и стальных волн неприятельских панцирников[1]. Наездники встречены и провожаемы были удачными перекрестными выстрелами каре, и русский дождь свинцовый наконец пронял и отразил этих (*gens de fer*) железных людей: так называл Наполеон кирасир французских.

Генерал Дохтуров, личный свидетель подвигов Измайловских и Литовских каре, загнанный бурею скачущей отовсюду конницы, сам вверил себя одному из этих каре, каре 1-го баталиона, и отстоялся в нем. Три генерала, и между ними король и вице-король, как мы видели, должны были скрываться в каре: вице-король в каре 84-го, Дохтуров в каре Измайловском, король Неаполитанский в каре 33-го полка. По этому судите о бурях и случайностях Бородинского сражения! Маршалы призадумались; но не отстали от своего намерения и продирались вперед.

В самом разгаре битвы за реданты и за редантами видели одного человека длинного роста, с значительным европейским лицом. Он был уже на склоне лет, но все в нем показывало, что в молодых годах своих он был стройным мужчиною и, может быть, храбрым наездником, несмотря на кротость, выражавшуюся в спокойных чертах. Те, которые знали близко этого человека, этого знаменитого генерала, говорят: «Мудрено найти кротость, терпение и другие христианские добродетели, в такой высокой степени соединенными в одном челове-

---

[1] В этом сражении убиты в Измайловском полку: поручик Саврасов, подпоручик Самсонов, и рядовых убито и ранено до 900 человек. Ранены: полковник Храповицкий, Козлянинов, Мусин-Пушкин; обер-офицеры: Мартынов (бывший комендант С.-П.-бурга), Круглов, Моглевицкий, Бахметьев, Быков 1-й, Аргамаков, Евреинов, Васьков, Кавелин, состоящий теперь при особе государя цесаревича, и много других.

ке, как в нем».— «Жаль,— говорит некто в современных Записках своих,— жаль, что мало людей могут чувствовать красоту и величие такого характера!» Под портретом его я видел, позднее, надпись: *«Invictus Victor»* [1]. И в самом деле, он первый начал побеждать дотоле непобедимого. Это был генерал Бенигсен!

Скрыв лучи своей Прейсиш-Эйлауской славы, он заботливо и скромно разъезжал по полю битвы. Я был в числе тех, которые спросили у него: «В какой степени можно сравнивать настоящее Бородинское сражение с Прейсиш-Эйлауским?» Победитель при Эйлау, не задумавшись, отвечал с высокою скромностию: «Верьте мне, что в сравнении с тем, что мы до сих пор видим (а это было в 12-м часу дня, когда 700 пушек на одной квадратной версте еще не гремели), Прейсиш-Эйлауское сражение только *сшибка!*»

Прискакав вместе с Барклаем, оба военачальника ободрили войска левого крыла и, загнув оное, уперли одним концом в лес, занятый Московским ополчением. Это придало силы обессиленным потерями и своим положением.

Незадолго перед ними в пожар и смятение левого крыла въехал человек на усталой лошади, в поношенном генеральском мундире, с звездами на груди, росту небольшого, но сложенный плотно, с чисто русскою физиономиею. Он не показывал порывов храбрости блестящей посреди смертей и ужасов, окруженный семьею своих адъютантов, разъезжал спокойно, как добрый помещик между работающими поселянами; с заботливостию дельного человека он искал толку в кровавой сумятице местного боя. Это был Д. С. Дохтуров.

В пылу самого сражения Дохтуров получил от Кутузова начерченную карандашом записку: «Держаться до последней крайности». Между тем под ним убило одну лошадь, ранило другую. Он все разъезжал спокойно, говоря солдатам про Москву, про отечество, и таким образом, под неслыханным огнем Бородинским, даже, как мы видели, некоторое время в одном из каре своих, пробыл он 11 часов.

Мы не могли, при всем желании, представить здесь так ясно, как бы хотелось, все переходы, все оттенки этой великой битвы маршалов с Багратионом, наконец раненным и отнесенным с поля. Не опасаясь впасть в

---

[1] Победитель непобедимого *(лат.)*. *(Прим. ред.)*

повторения и желая лучше переговорить, чем не договорить, мы расскажем еще и уже более, чем во второй раз, о некоторых чертах упорной битвы за реданты Семеновские и заглянем для этого мимоходом в предания французов.

Уже наступила грустная для нас эпоха, когда все главнейшие препятствия, заслонявшие позицию нашу: речки Война, Колоча, овраг Семеновский и ручей Огник, перейдены!.. От Утицы до Бородина протянулась *синею лентою* линия французская.

В это время Наполеон устраивает атаку серединную (*charge de pont*), о которой он говорит в своем 18-м бюллетене, приготовляясь ударить, как молотом, всею толщею своего правого крыла поперек груди нашей армии. Маршал Ней сжался и с тремя своими и двумя из 1-го корпуса, всего с пятью, дивизиями, стоившими иной армии, пошел теснить и разбивать левое крыло русское, с которым он постоянно бился с мужеством неукротимым. Между тем посланный им Готпуль отослан Наполеоном к дивизии Клапареда и потом к дивизии Фрияна, который, еще незадолго перед тем, от самого Наполеона получил приказание изготовиться к наступу, коль скоро реданты при Семеновском будут взяты. К исходу боя между маршалами и князем Готпуль привел Фрияна и его дивизию прямо к высотам и редантам Семеновским. Эту свежую дивизию жестоко поздравили дождем и градом пуль и картечи с третьего реданта, еще уцелевшего за русскими. Но старый Фриян велит бить во все барабаны и скорым наступным шагом ведет дивизию на приступ. Никакое сопротивление не могло остановить этого отчаянного приступа, и русские отброшены за Семеновский овраг, не успев, как мы уже давно сказали, свести пушек с реданта. Генерал Дюфур, с 15-м легким пехотным полком, как нам уже известно, перемчался за овраг, принял налево, захватил Семеновское (которое, впрочем, наши готовы были уступить) и стал на этой прожженной почве твердою ногою, поддерживаемый остальными войсками дивизии в колоннах по бригадам.

Генерал Фриян попытался было протянуть свое правое крыло, чтоб сомкнуться с Неем, но русские с страшным криком уже неслись ему навстречу.

При виде этой бегущей бури Фриян стеснил ряды, и тут же по его приказанию 33-й полк перешел через овраг, выстроился в каре и заслонил полки 48-й и Ишпанский Иосифа Наполеона.

Под гремящим покровительством своих метких батарей конница русская делала отчаянные налеты на пехоту французскую; но французы (нельзя не отдать им чести) стояли как вкопанные! За что дрались они? Что заставляло их прирастать ногами к русской земле? Мрачные, безмолвные, без пальбы, без крика, линии французские допускали до себя русских на три шага, и вдруг огненная лента бежала по фрунту и за страшным убийственным залпом, сыпался беспрерывный рокот мелкой пальбы. Мертвые и умирающие, кони и всадники русские длинными настилками ложились друг на друга. «Помогите! помогите!» — кричали раненые. «Не до вас, братцы! — отвечали им.— Надо прежде разведаться с неприятелем!» Вот минута, в которую армия русская могла показаться разрезанною: ибо ключевой плечной сустав, соединявший левое крыло с грудью армии, был изломан. Наши линии видимо тончали, позади и впереди их поле пестрелось от трупов и обломков разбитых снарядов, искрошенного оружия. Дивизии маршалов и 1-й кавалерийский корпус, служивший им связкою с дивизиею Фрияна, все подавались вперед упрямо, напористо, грозно, но медленно. Отпорная сила русских не дозволяла развиваться их привычной быстроте.

Оставим на время маршалов с их массами полупросквоженными, полурастерзанными сражаться с остатками наших, полурассеянными, но твердыми на поле, упрямыми в бою, торгующимися за каждый шаг русской земли, оставим их у Семеновского и обратимся к большому люнету, к батарее Раевского. Этот люнет, или большой редут, отнятый Кутайсовым, Ермоловым, Паскевичем и Васильчиковым, все еще оставался в руках законных владетелей. Вице-король направлял на него и войска и огонь разрушительный. 26-я дивизия (Паскевича), истощенная донельзя, вся расстрелянная, требовала перемены. Ее сменили с ужасной стражи дивизиею Лихачева из корпуса Дохтурова. Между тем убылые места предводителей, как мы уже видели, замещены: Дохтуров приехал на место Багратиона, Багговут на место Тучкова. Настало *второе поколение* генералов в Бородинской битве; лица изменились, а тяжба продолжалась.

Принц Евгений уже готовился к решительной атаке, как вдруг отозван к дивизии Дельзона, на которую напал съехавший с нашего правого крыла генерал Уваров с кавалериею. 1-й кавалерийский корпус с генералом Уваровым и казаки Платова переехали через Колочу

при с. Малом, ударили на дивизию Орнано и прогнали ее за Войню. От этого налета донцов и гусар сильно встревожилась и дивизия Дельзона, защищавшая Бородино. Она спешила построиться в четыре каре. Сам вице-король, в происшедшей суматохе, искал спасения в каре 84-го полка. Неизвестно, к чему бы это привело; но Уваров, после нескольких наскоков на кавалерию и пехоту французскую, потеряв довольно людей, уклонился к с. Новому.

Впрочем, эта атака, во всех отношениях необходимая в виду правого русского крыла, остававшегося на некоторые мгновения довольно спокойным зрителем, произведена была вначале с довольным жаром. Между тем как Уваров спускался с высот, Платов распустил несколько полков донских казаков: вся луговая равнина к Колочи вдруг запестрела донцами. Они начали *по-своему давать круги* и щеголять разными проделками. Передовые французские пикеты всполохнулись и дали тыл. Казаки сели им на плечи! Напрасно отмахивались французы и немцы длинными палашами и шпорили тяжелых коней своих: донцы, припав к седлу, на сухопарых лошадках мчались стрелами, кружили, подлетали и жалили дротиками, как сердитые осы. Это сначала походило на заячью травлю. Солдаты русские, стоявшие на высоте Горок и вблизи Дохтуровой батареи, завидя удальство придонское, развеселились: махали руками, хохотали и громко кричали: «Вот пошли! Вот пошли! Хорошо, казак! браво, казак! не жалей француза!» Но это было недолго! Донцы, сделав, что могли, скучились и потянулись стороною, уступая место регулярной кавалерии. Полки 1-го кавалерийского корпуса чинно, важно, густым строем неслись мимо Бородина и, загнувшись дугою, потерялись из вида за деревнею. С огромных французских редутов открылась пальба. Суматоха в Бородине также не укрылась от глаз зрителей. «Смотри! Смотри! Французишки строятся в каре: видно, плохо! Наша берет, ребята!» И многие хлопали в ладоши и ревели: «Ура!» Это освежило на этой точке зной сражения, которое кипело во всей силе.

Если это был отвод, так называемая диверсия, то предприятие достигло своей цели. Но знающие военное дело, может быть, имеют право сказать: «Жаль, что не шли далее!» Если б кавалерия наша (но тогда ей надобно б быть в большем числе), застигшая французов врасплох в их домашнем быту, продолжала натиск свой упор-

нее, кто знает, что бы она наделала. Может быть, левое французское крыло, более и более само на себя осаждаемое, стало бы наконец свиваться в трубку и смешалось в толпу, которую надлежало отбросить за большую дорогу? Какие последствия могли бы открыться, если б казаки получили возможность кинуться вверх по большой дороге, загроможденной обозами, остальными и запасными парками? Конечно, надлежало проскакать под выстрелами редутов и сломить несколько каре; но, всего важнее, могло встретиться препятствие местное: болотистый ручей и тому подобное. Зато сражение приняло бы совсем другой оборот, и Наполеон увидал бы, как *неосторожно разжидил* он свое левое *накопом* войска на правом.

Но вот русские отъехали восвояси; вице-король успокоился и принялся за прежнее: он сгустил свои силы против большого люнета. Король Неаполитанский, как будто разгадывая замысел Евгения, дал повеление графу Коленкуру, начальнику пажей императорских, заместившему Монбрёна, перейти через овраг Семеновский и напасть на редут с другой стороны. Сам же зоркий Наполеон, видя, в чем дело, послал легион Вислы, под начальством генерала Клапареда, чтоб подкрепить атаки, которыми король и вице-король угрожали люнету. Провидя бурю, готовую разразиться над люнетом, прозорливый и мужественный Барклай решился сдвинуть все свои запасные войска на угрожаемое место. В это же время и Кутузов, хозяин битвы, отважился ослабить правое крыло, крепкое по своему положению, и отрядил корпус Остермана. С громким барабанным боем полки остерманские шли скорым шагом позади первой линии и батареи, где находился главнокомандующий. Кутузов напутствовал их несколькими ободрительными словами и осенял знамением креста. Эти полки, еще свежие, сменили корпус Раевского, разбитый и подавленный частыми натисками и бурею пальбы французской. Вместо смененного корпуса Раевского полки Преображенский и Семеновский поставлены за 4-м корпусом. Позади этих двух вытянули 2-й и 3-й корпуса кавалерийские, которые, в свою очередь, подкреплены полками кавалергардским и конной гвардии. Конечно, это столпление войск на одном месте служило огромною мишенью для губительной артиллерии французской, но оно было необходимо для защиты места, слишком угрожаемого.

Вице-король, видя, что все усилия русских обращались на защиту их левого крыла, замыслил, пользуясь сим, завоевать наш большой люнет, стоивший уже столько людей и крови!.. Он соединяет 1-ю, 3-ю и 14-ю дивизии и дает знак. Тихо и торжественно приближаются эти войска; тихо и — на минуту — все бездейственно на русской линии, в окрестностях люнета. Канонеры стояли у пушек, поднятые фитили дымились... Но вдруг все наши батареи грянули, картечь зашумела, и ряды французские, обданные чугунным кипятком, кружились и падали. Только буря, ворвавшаяся в чащу леса, может уподобиться этому действию артиллерии! Ядра, совершая свои рикошеты, прыгали между колонн,— французы призадумались. Но один из самых храбрых и, может быть, благороднейший из предводителей французских — Евгений Богарне (вице-король Италиянский) поднял дух своим присутствием, примером и речью. Каждому полку особо говорил он что-нибудь приятное, что-нибудь ободрительное, напоминавшее его славу. Но 9-й линейный в особенности очарован приветствием: «Храбрые! вспомните, что при Ваграме вы одни были со мною, когда мы рассекли пополам линию неприятельскую!» Полк отвечал криками восторга, и все ринулось вперед. Лично ободряя дивизию Брусье, вице-король был необыкновенно хладнокровен под зноем жесточайшего сражения, под шумом падающих картечных дождей. И вот пехота французская приближалась с лица, а Нансути и Сен-Жермен с тяжелою конницею жестоко напирали сбоку, подметая палашами все поле от Семеновского до люнета.

Об этом боковом действии на люнет огромной французской кавалерии (до 120 эскадронов) расскажем мы после, когда кончим о действиях вице-короля с лица. Боковая атака, страшная, грозная, была та атака Нея, за которую получил он титул князя Москворецкого. Он направлялся с своими громадами на центральный люнет, но имел в виду высшую тактическую цель, цель разрезать нашу линию пополам и, распахнув ее на обе стороны, стать в тылу обеих половин. Подчиняясь закону последовательности, скажем теперь только несколько слов о действиях французской кавалерии справа. Самым блестящим образом исполнила данное ей приказание конница 2-го французского корпуса. С неустрашимостью перемчалась она за овраг Семеновский и кинулась на линии

русских. Многие полки Остерманова корпуса, особливо Кексгольмский, Перновский и 33-й егерский, выдержали храбро отважный наскок и удачно ответили смелым эскадронам губительным батальным огнем. Но, несмотря на это, граф Коленкур, скакавший справа в голове кирасиров Ватье, успел обогнуть редут и через тыловой въезд промчался в самое укрепление. Коленкур убит пулею в лоб, и пятый кирасирский полк, ошеломленный потерею генерала и сильным отпором, ускакал прочь. Так кончил Коленкур! Когда убили Монбрёна и люнет, продольными выстрелами, нещадно резал французскую кавалерию, этот генерал, как мы видели, бросился, чтобы зажать уста люнету, и не возвратился боле! Минута, в которую он въехал на высоту, представляла картину необыкновенно поразительную. Весь холм — подножие окопа,— очешуенный разноцветными латами, стал живою металлическою черепахою! Ясные, желтые и стальные, гладкие и шершавые латы и шишаки зеркально сверкали двойным освещением: лучами солнца и красными пуками огня, вылетавшими из жерл пушечных. Люнет с его холмом, на котором громоздились конники французские, казался вместе горою железною и горою огнедышащею.

2-й и 3-й кавалерийские корпуса русские выпущены на 2-й французский, и полковник Засс с Псковским драгунским, поддерживаемый 4-мя орудиями конногвардейской артиллерии, далеко гнал кавалерию; и многие полки французские, не выдержав наскока наших, дали тыл и взброшены на свою пехоту. «Тут была,— говорит один самовидец,— кавалерийская битва из числа упорнейших, когда-либо случавшихся. Неприятельская и наша конница попеременно друг друга опрокидывали и потом строились под покровительством своей артиллерии и пехоты. Наконец, наши успели с помощью конной артиллерии обратить неприятельскую конницу в бегство».

Между тем как повторялись эти жаркие схватки у люнета, войска вице-короля, как мы уже сказали, грозно к нему приближались. Некоторые полки вытянуты, другие сжаты в колонны.

21-й линейный, из дивизии Жерара, 17-й дивизии Морановой, 9-й и 35-й из дивизии Брусье охватили редут с лица и сбоку. Солдаты дивизии Лихачева, бившиеся до последней крайности, покрытые потом и порохом, обрызганные кровью и мозгом человеческим, не могли долее противиться и защищать люнет. Но мысль о личной сда-

че далеко была от них! Почти все приняли честную смерть и легли костьми там, где стояли. Вице-король с 9-м и 35-м полками обогнул люнет слева и, после ужасной сечи, сопровождаемый своим штабом, торжественно вошел в люнет победителем чрез тыловой въезд. Все канонеры наши побиты на пушках и валялись на опрокинутых лафетах, на искрошенном оружии! Генерал Лихачев, страдавший сильною ломотною болью в ногах и сверх того израненный, во все время обороны сидел в переднем углу редута на складном кожаном стуле и под тучею ядер и гранат, раздиравших воздух, спокойно нюхал табак и разговаривал с ближними солдатами: «Помните, ребята, деремся за Москву!» Когда ворвались французы и все падало под их штыками, генерал встал, расстегнул грудь догола и пошел прямо навстречу неприятелю и смерти. Но французы, заметя по знакам отличия, что это русский генерал, удержали штыки и привели его к вице-королю. Храбрый уважил храброго и поручил полковнику Ассолину проводить генерала к императору.

Большой люнет завоеван; но французы недалеко подвинулись с этим завоеванием: курган Горецкий и батарея Дохтурова еще были целы, и на пространстве, ими обстреливаемом, не стояла нога неприятеля. Корпус Остермана, имея перед собою глубокий овраг Горецкий и на правой руке дивизию Капцевича, представлял опору надежную и вместе отпор грозный. Генерал Груши, провожавший вице-короля, слева, пользуясь минутою расплоха при взятии люнета, кинулся было с кавалериею Шастеля на дивизию Капцевича. Но тут вдруг растворились вздвоенные взводы пехоты, и генерал Шевич выехал с полками конной гвардии и кавалергардским. Шевич и гвардейцы впились в неприятеля. Лагуссе, Тьери, Шастель, Лафон, Бриян, Тальгут, Домангет рубятся с нашими. Тюрень, Грамон и сам Груши ранены, и неприятель дал тыл! При атаках, подобных этой, офицеры французские, часто потомки благородных родов рыцарских, рубились один на один с офицерами первых фамилий русских. Были и другого рода поединки: целые полки, расположась один на одном, другой на другом берегу болотистого оврага, до тех пор стрелялись (чрез овраг), пока ни тут, ни там уже некому было зарядить ружья! На счет личной храбрости офицеров: «Вообще (говорит генерал Сипягин) офицеры наши в Бородинском сражении, упоенные каким-то самозабвением, выступали вперед и падали пред своими баталионами!»

В это же время явился на сцену и генерал Милорадович. С необыкновенною быстротою, скача сам впереди, подвел он сильные батареи на картечный выстрел и начал осыпать завоеванный люнет целыми дождями картечи; уцелевшую ж линию оборотил на оси в косвенное положение и унес фланг ее от неприятеля. Наши выгоды в этом пункте восстановились.

Но обратимся к рассказу, который невольно теряет прямое методическое направление, и мы невольно запутываемся в повторениях. Один из полков, захвативших люнет, именно 9-й, был весь составлен из уроженцев Парижа *(d'enfants de Paris)*. Он исполнил дело с блестящею неустрашимостью. В двухчасовой борьбе этот полк потерял из фронта 1068 рядовых и 42-х офицеров! Полковник полка получил две раны пулями. Вот образчик потерь и храбрости французов!

Пушки (числом 18), вооружавшие люнет (крепкий только одним мужеством защитников, а, впрочем, слепленный наскоро), достались смелым неприятелям. И второй период сражения совершился. В это время Наполеон едет сам посмотреть вблизи на сражающихся. На поле битвы был самый разгар. Около четырех часов за полдень лесок, прежде не замеченный русскими, вдруг запестрел толпою всадников. Этот лесок находился против самого кургана Горецкого. Между людьми сановитыми, на прекрасных лошадях, среди пестрых мундиров, блестевших богатыми эполетами, радужными цветами орденских лент и знаками отличия, отличался один без всякого знака. Он ехал на маленькой арабской лошадке, в серой шинели, в простой треугольной шляпе. Кто не узнал бы Наполеона? Когда большая часть укреплений на линии русских были захвачены, он подъехал на ружейный выстрел к сражению, чтоб взглянуть на ход и положение дел. Тут же хотел он было штурмовать курган Горецкий и батарею Дохтурова, которые только оставались невзятыми. Но его отговорили. Наполеону не совсем нравился ход дел. Правда, что русские теряли много народу, продолжая драку открыто вне ретраншаментов: пушки французские громили беззащитных. Много было мертвых, но живьем не сдавались наши неприятелю, разве кого хватали в одиночку. Русские дрались насмерть! Наполеону очень хотелось разорвать армию нашу пополам и преследовать до уничтожения.

Для этого надобно было завладеть и последнею опорою — курганом Горецким и подручною его батареею, ко-

торые, приурочиваясь к ручью Стонцу, обстреливали всю окрестность до большого люнета, завоеванного вице-королем. С намерением овладеть этою крепкою частью нашей позиции Наполеон доезжал до полета пуль, чтоб осмотреть все ближе и явственнее. Губительный огонь кипел около Горок. Оставя свиту за лесом, Наполеон выехал и показался против самых Горок. Бертье, Коленкур, Дюрок, Бесьер и еще один паж следовали за императором, на одну минуту подъезжал к нему Мюрат. Наполеон стоял под пулями русских стрелков. Упрямо хотел он захватить курган Горецкий. «Где ж наши выгоды? — говорил угрюмо Наполеон.— Я вижу победу, но не вижу выгод!» Все провожавшие императора восставали против атаки.

«Войска наши утомлены до изнеможения! — говорили маршалы.—Одна надежда на гвардию!» — «Мы в 600 милях от Франции! — представлял Бертье.— Мы потеряли до 30-ти генералов. Чтоб атаковать курган, надобно жертвовать новыми войсками, ожидать новых потерь. И что ж будет, если захватим батарею? Получим в добычу еще одну горстку русских — и только! Нет, государь,— продолжал Бертье,— наша цель Москва! наша награда в Москве!» — «Надобно беречь гвардию,— прибавил Бесьер,— вся надежда на гвардию. Она будет отвечать Франции за императора!» Эта достопамятная сцена — отрывок из великой мировой драмы — разыгрывалась на помосте, усеянном трупами, под павильоном ядер и гранат, при трескучем полете картечи. Все единогласно убеждали Наполеона уехать далее с этого опасного места, и всякий порывался скакать вперед для ближайшего осмотра позиции русских. Наполеон упрямился. Но один из генералов взял под уздцы его лошадь и сказал: «Не здесь, государь, ваше место! Смотрите: русские нас заметили, на нас наводят пушки!» Наполеон дозволил себя увести, и тотчас после того картечь русская вспахала землю, на которой стоял император французов. Изменя место, Наполеон не изменил предположение и разъезжал по линии с своею думою.

Направясь к Семеновскому, увидел он столпление резервов русских и массы, готовые двинуться вперед. Эти массы были войска (часть гвардии), посланные Кутузовым. Это была одна из двух попыток Кутузова действовать наступательно. Сперва послал он Уварова на левое крыло французов; потом (около 5-ти часов пополудни), заметив, что центр французской линии почти весь состоит

из конницы, составил плотную массу пехоты, чтоб пробить эту жидкую линию и направил ее левым флангом на Семеновское. Но пехота наша не могла ни собраться, ни выйти довольно скоро, и французы, заметив новое приготовление, не дали созреть и совершиться предприятию. Сорбье даже, как иные говорят, без приказания Наполеона открыл ужасный огонь.

Заиграли органы адских батарей; целыми колесистыми городами съезжаются они с разных мест, конная артиллерия скачет по полю, ядра с визгом бороздят и роют луг и долины, бомбы лопаются, и наши остановились на пути своем, пока наконец скрестили штык с штыком с колоннами наступавшего Нея. Наполеон однако ж дрогнул атаки русских на центр его и решился подвинуть вперед молодую гвардию. Вот лучшая похвала преднамерению Кутузова! Не его вина, что атаки (на левое крыло и центр французов) и военная хитрость на левом крыле нашем не достигли вполне своего назначения. Он приказывал — надобно было исполнить!.. Впрочем, две последние попытки не остались без плода в объективном смысле: та приостановила, эта изумила — и этого уже достаточно!

Другие рассказывают, что Сорбье не сам, а по повелению Наполеона начал ужасную пальбу по колоннам русским. Наполеон, говорят они, махнул рукой и... во весь дух примчалась адская батарея, чтоб поддержать другие многочисленные, расставленные королем Неаполитанским. В подкрепление дивизии Фрияна подвинута, как мы сказали, другая — Ронье, из молодой гвардии, которой начальником был Мортье. В эту минуту выглянула и дивизия Клапареда из-за люнета, которым заслонялась. Она, как и некоторые другие, не раз падала на колени, не стерпя пальбы русской, направленной в уровень человека, другие войска французские по той же причине хоронились по оврагам и за парапетами завоеванных окопов, стоя на коленях. Чтоб дополнить хотя несколько не вполне рассказанное, обратимся опять к событиям, уже промелькнувшим под пером нашим.

«Русские,— говорит французский повествователь,— хотели выполнить сердечный обет, данный накануне перед св. иконою Богородицы, великий обет: «Положить свои головы за веру и отечество!»

И вот ожили и пришли в движение в разных местах темневшие вдали массы! Быстро и отчаянно кинулись эти массы вперед и бегом понеслись чрез поле отбивать свои

окопы. Новый бой взволновался с новым остервенением. Из-за большого люнета дивизии Жерара, Морана и Брусье с криком бросаются навстречу русским, перебегают овраг, которым прикрывались, и являются на противоположной высоте. Направо и налево от них 2-й и 3-й кавалерийские французские борются, как мы уже сказали, с 2-м и 3-м корпусами кавалерийскими русскими. Полки кавалергардские и конной гвардии выдерживают ужасный бой. Некоторые из французских карабинеров побиты или взяты в плен далеко за линиею русскою, куда они промчались, обезумев от запальчивости.

В центре, впереди дивизии Фрияна, 80 пушек громят и останавливают высланные колонны русские. Остановились эти колонны и, терзаемые, разрушаемые с высоты захваченных у них окопов и с подвижных батарей, целые два часа простояли неподвижно под градом картечи, не имея возможности идти вперед, не желая отступить назад.

Кирасиры русские, сильно поддерживавшие свою пехоту, многократно наскакивали на артиллерию, конницу и пехоту французскую и не раз въезжали на самые батареи, топча канониров и рубя лошадей.

Шесть Михаилов[1] воевали на Бородинском поле, и вот один идет с решительным намерением перетянуть весы на свою сторону. Это Михаил Ней! Русские напрасно польстились на минуту надеждою остановить идущего добывать себе титул князя Москворецкого. У него были корпуса генерала Монбрёна, Нансути и Груши (более 120 эскадронов) и пехотные: свой и Жюно, при совокупном с ним действии вице-короля Италиянского. Ней вел тут почти целую армию! Несмотря на огонь батарей наших, эти многочисленные войска все подавались вперед. Тогда (минута ужасная!), огласся воздух страшным криком, все бывшие тут колонны русские двинулись скорым шагом вперед, неся ружье наперевес. Обе линии (можно сказать, обе армии) столкнулись, скрестили штыки и (я употреблю сильное сравнение), как сосуды хрустальные, расшиблись на мелкие части! Все смешалось и перепуталось, но никто не переставал драться! Конные, пешие, артиллеристы, люди разных вер и народов, схваты-

[1] Здесь, разумеется, говорится только о начальниках высших чинов. Эти Михаилы были: Кутузов (Михайла Ларионович), Барклай (Михайла Богданович), Милорадович (Михайла Андреевич), Воронцов (Михайла Семенович), Бороздин (Михайла Михайлович) и Михаил Ней.

вались толпами, в одиночку, резались, боролись и дрались на смерть! [1]

На девяти европейских языках раздавались крики: соплеменные нам по славянству уроженцы Иллирии, дети Неаполя и немцы дрались с подмосковною Русью, с уроженцами Сибири, с соплеменниками черемис, мордвы, заволжской чуди, калмыков и татар! Пушки лопались от чрезвычайного разгорячения, зарядные ящики вспыхивали страшными взрывами. Это было уже не сражение, а бойня. Стены сшибались и расшибались, и бой рукопашный кипел повсеместно. Штык и кулак работали неутомимо, иззубренные палаши ломались в куски, пули сновались по воздуху и пронизывали насквозь!.. Поле усеялось растерзанными трупами! И над этим полем смерти и крови, затянутым пеленою разноцветного дыма, опламенялись красным огнем вулканов и ревели по стонущим окрестностям громадные батареи.

Более двух часов продолжалась эта неслыханная борьба мужества и смерти, борьба народов и России, и никто не знал, на чью сторону склонится победа. Но выгоды, сдавалось, были на стороне французов: центральный люнет завоеван, почти все батареи русские захвачены и с высоты их неприятель громил передовые массы, посылая бомбы до самых резервов наших.

Вообразите рабочую храмину химика, представьте, как из двух фиалов сливает он в один сосуд две неприязненные влаги. Слитые вместе, они шипят, клокочут, вихрятся, пока, обе разложенные, цепенеют, испаряются, не оставя никаких почти следов за собою. Так слились в одну чашу гибели две силы, две армии, русская и французская, и, смею употребить выражение: *разлагались* химически, одна другую уничтожая.

Атаки русской кавалерии, атаки смелые и удачные, не раз приводили в замешательство батареи французские. Так, лейб-кирасиры вскакали на батареи дивизии Фрияна и положили в лоск несколько рот вольтижеров, защищавших пушки. Но в то же время каре 33-го полка, стрелявши почти в упор по коням наших всадников, устилало около себя место пронизанными людьми и конями. Другие кони расседланными табунами носились по полю, обезумев от дыма и курения. Напротив, кони, обуз-

---

[1] Отчего в Бородине дрались так храбро? — «Оттого, сударь, что тогда никто не ссылался и не надеялся на других, а всякий сам себе говорил: хоть все беги, я буду стоять! хоть все сдайся, я умру, а не сдамся! Оттого все стояли и умирали!» (Слова рядового 1812 года.).

данные артиллерийскою упряжью, представляли совсем другое зрелище. Обнаруживая разительным образом врожденный инстинкт, они, казалось, в полной мере понимали опасность своего положения. Понурив голову и опустя ее к коленям, под громом и стуком сражения, они стояли смирно, почти неподвижно, по временам вздрагивая всем телом и едва передвигая ноги. Человек разведывался с человеком; они, бессловесные, были посторонние в этой распре существ, имевших дар слова; но с каким самоотвержением и в деле для них чуждом отдавались они своим поводам и следовали за движением руки, часто бросавшей их в самый разгар гибели и сечи!

Еще один налет русских на 30-пушечную батарею, влево от большой батареи, стоил им дорого. Смелые конники приняты с боку 11-м и 12-м полками егерей, которых привел генерал Пажоль, отражены и потеряли много.

Не раз король Неаполитанский пытался под грозою своей артиллерии произвести общую кавалерийскую атаку, но успеха не было! Трупы, наваленные высокими грядами, не давали разбега коннице. Мертвые и умирающие останавливали успехи смерти! При всяком отражении русские оттесняли ряды и представляли живую толщу, неправильную видом, но крепкую мужеством, непроницаемую. Многие из русских сознавались, что уже не искали способа отражать наскоков французской кавалерии, прерывавших на время действия французских батарей. И кто поверит, что минуты этих разорительных наскоков были минутами отрады и отдыха! Лишь только отклонялась конница неприятеля, батареи его опять начинали бороздить воздух ядрами, напускать целые облака лопающих бомб и варить варом картечи великодушные толпы русских. Приросшие к полю, которое устилали они своими трупами, русские умирали там, где стояли. Треск был повсеместный. Везде брызгами разлеталось изломанное оружие. Некоторые из наших эскадронов, баталионов и даже полков, как бы затерянные в случайностях битвы, жившие одною только жизнию исступления, ничего не видали за дымом, не слыхали за шумом и грохотом. Забытые действительным миром, они были заброшены в какой-то особый мир ужасов, в какой-то вихорь разрушения, в царство смерти и гибели. С запекшеюся кровию в устах, с почерневшими от пороха лицами, позабыв счет времени и все внешния отношения,

они не знали, где находятся; знали только одно, что им надобно стоять и драться,— и дрались беспрерывно, дрались отчаянно! Всадники и кони убитые, обрушаясь на живых, запутывали и подавляли их всею тяжестию своего падения! Живые домирали под мертвыми.

После этой долгой борьбы, в продолжение которой взят центральный люнет и содеялось много дел в разных пунктах линий, многие полки русские, полки центра и левого крыла — обедняли. Где было две тысячи, осталось две, три сотни! И те сиротами прижимались к своему знамени и искалеченными телами защищали полковую святыню! Только 11 баталионов на правом крыле и 6 батарей у Псарева были еще не тронуты; но день вечерел, надлежало кончить это пятнадцатичасовое сражение. Огнедышащий Ней, как один из губительных смерчей Антильских [1], встретив препятствие необоримое, сокрушившее все его напоры, наконец истощился... Наполеон не предпринимал уже ничего более. Тогда было шесть часов вечера. Атака, которой мы сделали очерк, принадлежала к эпохе вторичного завоевания люнета и продолжалась, конечно, два добрых часа. С 6-ти часов, за общим изнуром сражающихся, движения приостановились. Одни только пушки гремели и громили. Но русские, повторим это еще раз, были крепки в двух важных пунктах, за оврагом Горецким и на высотах Семеновских. Между тем полуосенний день уже вечерел. Часы уходили. Ночь более и более вступала в права свои. Солнце закатывалось красным шаром без лучей. В воздухе распространился какой-то кисловатый, уксусный запах, может быть, от большого разложения селитры и серы, может быть, и от испарений крови! Дым огустел и повис над полем. И в этой ночи, полуискусственной, полуестественной, между рассеянных французских колонн, еще двигавшихся с барабанным боем и музыкою, еще развертывавших свои красные знамена, вдруг — и это было уже в последний раз — прозвенела земля под копытами несущейся конницы. 20 000 сабель и палашей скрестились в разных местах поля. Искры сыпались, как от пожара, и угасали, как жизнь тысячей, погибавших в битве. Эта сеча, на минуту возобновленная, была последняя — последняя вспышка догоравшего пожара, затушенного кровью. Это король Неаполитанский бросился с своею кавалериею на

[1] После Бородинского сражения много было толков о храбрости и намерениях Нея в Бородинском сражении. Он был один из главных делателей на этом поле смерти.

линию русскую. Но дня уже не стало, и сражение затихло. Великий вопрос: «Кто победил?» остался неразрешенным.

БОРОДИНО ЧЕРЕЗ 52 ДНЯ ПОСЛЕ БИТВЫ

Наполеон оставил Москву. Войска его, разбитые под Малым Ярославцем, спешили захватить большую Смоленскую дорогу, и некоторые колонны взошли на нее близ Можайска. Наконец приблизились они к полю Бородинскому. Все было пусто и уныло около этого поля, жившего некогда страшною, огненною жизнью; теперь мертвого, оледенелого. Окрестные деревни сожжены; леса, обнаженные осенью и постоями войск, изредели; свинцовое небо висело над холмами полуубеленными.

И в этом могильном запустении лежали трупы, валялись трупы, страшными холмами громоздились трупы!.. Это было кладбище без гробов! Тысячи раскиданы были без погребения.

Пятьдесят два дня лежали они добычею стихий и перемен воздушных. Редкий сохранил образ человека. Червь и тление не прикасались объятым стужею; но явились другие неприятели: волки стадами сбежались со всех лесов Смоленской губернии; хищные птицы слетелись со всех окольных полей, и часто хищники лесные спорили с воздушными за право терзать мертвецов. Птицы выклевывали глаза, волки огладывали кости. В одном месте, к стороне Семеновских редантов, 20 000 тел лежали лоском в виде мостовой! Остовы лошадей, с обнаженными ребрами, искрошенное оружие, разбитые барабаны, каски, сумы, опрокинутые фуры без колес, колеса без осей, оледенелые пятна крови и примерзлые к земле, разноцветные лохмотья мундиров разных войск, разных народов: вот убранство поля Бородинского! Горецкие и Шевардинские курганы и большой центральный люнет стояли, как запустелые башни, ужасными свидетелями ужасного разрушения. В сумерках вечерних и при бледном мерцании луны зрение обманывалось: казалось, что на вершинах оставленных батарей мелькали изредка образы человеческие. Это действительно были люди — мертвые, окостенелые! Захваченные стужею и прижатые грудами трупов к парапетам, они, мертвецы на страже мертвых, стояли прямо и мутными глазами глядели в поле... Ветер шевелил на них пестрые лохмотья одежд и при-

давал неподвижным вид какой-то мгновенной жизни, обманчивого движения. Но на этом поле смерти и уничтожения среди целого народа мертвецов был один живой! Сотни подобных ему несчастливцев, отстонав на берегах Стонца, пошли сетовать и умирать на берега Сетуни. Этот остался верным Бородинскому полю[1]. *«Кто ты?»* — спросили французы, услышав близ большой дороги свой родной язык.— «Я несчастный *половинный человек, половинный мертвец!* За восемь недель перед этим ранен я на великом побоище. Картечь раздробила мне обе ноги. Когда я пришел в себя, была уже ночь и никого не было в поле. Я ползал по берегам ручья, питаясь травою, кореньями и сухарями, которые находил в сумах убитых. На ночь залезал я в остовы лошадей и прикладывал их свежее мясо к своим свежим ранам. Этот пластырь чудесно исцелял мои язвы! Свыкшись с остротою русского воздуха, я окреп и почувствовал в себе некоторую силу. Кровь не текла более из ран моих. Но я был *один,* один живой между тысячами мертвых. По ночам, правда, оживало это поле: какие-то странствующие огоньки блуждали по нем в разных направлениях. Это были баталионы волков, приходивших кормиться остатками баталионов наших. Я бил штыком о кремень, по временам сжигал понемногу пороху и тем отгонял от себя неприятелей. Да зачем им и добиваться меня! У них была богатая трапеза и без моих еще не остывших костей! Отчужденный от мира живого, от людей с теплою кровью, от движения гражданского, я наконец присмотрелся к своим неподвижным товарищам. Для них уже не существовало время, которое тяготело надо мною. С исходом каждого дня я клал по одному штыку солдатскому в *приметное* место, и вот уже их 50 с тех пор, как я здесь одиночествую. Если ночью пугали меня волки, то днем радовало присутствие собак, из которых некоторые удостаивали меня своими ласками, как будто узнавали во мне *хозяина* поля Бородинского. Эти стаи собак набегали из соседственных селений, но людей нигде не видно было!.. Иногда в тишине длинных, бесконечных русских ночей сдавалось мне, что где-то закипало сражение, сыпалась дробью перестрелка; какие-то звуки неясные, отдаленные, какие-то голоса мимолетные, глухой гул из

---

[1] Многие раненые французы отправились с берегов Стонца, с Бородинского поля, чтоб умереть под Москвою, где речка Сетунь впадает в реку Москву. Вникая в события 1812 года, нельзя не заметить какого-то символического значения в самых именах мест и урочищ, бывших на виду в то время.

лесов и звон колокола не знаю откуда, доносились до меня ветром... Но скоро шорох бегающих волков, щелканье их зубами о кости заглушало все. Редко видел я закат солнца на этом вечно сером своде. Но меня радовали красные зори, румянившие рассветное и вечернее небо. Иногда, по ночам, всходили и другие зори: где-то горело. Как охотно уносилось туда воображение мое. «Там есть люди! — думал я,— там живут! там *говорят!*» Вы не поверите, как грустно не слыхать голоса человеческого!.. Я не любил луны: она набрасывала слишком могильную тень на это пространное кладбище безмогильных!.. Между тысячами беспробудных на этом поле последнего сна была одна голова, в которой еще таилась мысль, были одни уста, в которых могло обращаться живое слово, было одно сердце, могущее чувствовать и биться, и как тяжело было этому сердцу!.. Сегодня, на утренней заре, услышал я шум шагов и оружия. Былая жизнь воскресла передо мною: долго прислушивался я, приложа ухо к звонкой, промерзлой земле, и весело вскрикнул: «Это шаги людей!» И вот я, наконец, между живыми!..»

ПОСЛЕДНЕЕ УНИЧТОЖЕНИЕ НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ

К исходу 1812-го года, когда леса и дороги литовские засорены были тысячами замерзлых трупов неприятельских, Москва уже стряхивала пепел с седых кудрей своих, и селения по разоренной (так называли в то время *Смоленскую дорогу) дороге* начинали люднеть и оправляться. Возвратившиеся из засад лесных крестьяне торопились обзаводиться вновь, исправляя по-русски, *какнибудь* свои запустелые избы — длинные ветви елей, называемые лапами, и связки соломы служили на первый раз для составления временных защит, загородок, пристенков и скородельных заборов. Мужики можайские оправили свои деревенские бани, свои черные беструбные печи, сходили в приходскую церковь, наварили браги, стали печь блины, поминая и родителей, и усопшую братию, зажили на авось, по-старинному, как будто француз и не ходил под Москву! Но армия французская еще лежала все там же, на Бородинском поле, все также без погребения! По Смоленской и польским дорогам целые войска скелетов тянулись на запад. Ужасно было состояние отступающей армии! Целые селения вымирали от заразительных болезней, возникших по следам бегущих из

России народов Европы. Правительство озаботилось освободить поля русские от трупов, которые, без сомнения, удвоили бы заразу, если б их оставили до теплых весенних дней. И вот в одну ночь, в одну длинную морозную ночь небо над застывшим полем Бородинским окатилось красным заревом. Жители Валуева, Ратова, Беззубова, Рыкачева, Ельни и самого Бородина, предуведомленные повесткою от земского суда, выползли из своих соломенных нор и, с длинными шестами, топорами и вилами, отправились на поле Бородинское, где уже работали крестьяне окольных волостей.

Длинные ряды костров из сухого хвороста и смольчатых дров трещали на берегах Стонца, Огника и Колочи. Люди с почерневшими от копоти лицами, в грязных лохмотьях, с огромными крючьями, валили без разбора тела убиенных на эти огромные костры. И горели эти тела, и густые облака тучного беловатого дыма носились над полем Бородинским. На тех кострах горели кости уроженцев счастливых стран, Лангедока и Прованса, кости потомков древних французских рыцарей, старинных князей, новых графов и генералов новой империи французской, потомков древних феодалов, сильных баронов германских, кости гренадер, егерей и мушкетеров французских и железных людей Наполеоновых. И горели, прогорали и разрушались кости вооруженных *орд двадцати народов нашествия!* Горели кости людей, которых возврата на родину, в благовонные рощи Италии, на цветущие долины Андалузии, так нетерпеливо ожидали отцы и матери в великолепных замках и невесты у брачного алтаря! Вековечные титулы, отличия, порода, знатность — все горело! И ужели не было существа, которое бы уронило слезу любви на эти кости врагов и соплеменников?

Но вот, под заревом пожара небывалого, при блеске костров, являются два лица на поле Бородинском. То была женщина, стройная, величавая, то был *отшельник,* облаченный в *схиму.* Оба в черных траурных одеждах. У нее блестит на груди крест, на нем везде видны символы смерти — изображения черепа и костей адамовых. Между костров огненных, по берегам молчащего Огника идут они, молчаливые, ночью, под бурею. Она с запасом своих слез; он с фиалом *святой воды* и *кропильницею.* И плачет и молится жена, и молится и окропляет *водою жизни* смиренный отшельник, *живой мертвец,* тех мертвецов безжизненных. И вот чьи слезы, чьи благословения, под ризою черной осенней ночи, под бурею,

раздувающею костры, напутствуют в дальний, безвестный путь тех потомков древних рыцарей, тех генералов и герцогов, тех великанов нашего времени, которые, по какому-то непонятному, обаятельному действию исполинской воли чародея, пришли с своими войсками, с своими колоннами, чтоб положить кости на русской земле и предать те кости на пищу русскому огню, и отдать пепел тех костей на рассеяние ветрам подмосковным. И тот отшельник, схимник соседственного монастыря, и та женщина, вдова генерала Тучкова, среди исполнителей обязанности общественной были единственными *представителями любви,* высокой христианской любви!

На одной из батарей Семеновских (на среднем реданте) Маргарита Тучкова, отказавшись от всех прав (а их так было много!) и *притязаний* на счастье мирское, сняв светлые одежды мирянки и надев черные монахини, построила храм Христу Спасителю и устроила общину, в которой живут и молятся смиренные инокини. Под сводом этого храма, на левой стороне, стоит памятник Александру Тучкову, и в нем сохраняется икона Божией Матери. С этою иконою был он во всех походах до *Бородинского сражения,* и во всех походах сопровождала его супруга, до смерти верная и по смерти с ним неразлучная!

И горели кости князей и герцогов и остатки эскадронов и обломки оружия с зари вечерней до утренней, и солнце застало поле *Бородинское поседевшим* от пепла костей человеческих.

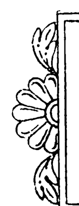
Прошла зима. Теплые весенние дожди напоили окрестности Можайска, и высоко росли травы и прозябения на местах великого побоища. Поселяне говорили между собою: «Земля наша стала *сыта!*» А чиновники местной полиции, сверяя донесения сотских, сельских старост и волостных писарей, выводили валовый итог:

«1812-го года, декабря 3-го, всех человеческих и конских трупов на Бородинском поле сожжено:

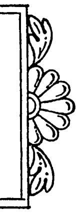
девяносто три тысячи девятьсот девяносто девять».

Конец

С·Н·ГЛИНКА
ИЗ ЗАПИСОК О 1812 ГОДЕ

Согласится каждый из наших соотечественников, что и малейшая подробность о необычайном времени, проявившемся в нашем Отечестве 1812 года, «должна быть драгоценна сердцу русскому»; но я не соглашусь в том, будто бы такая же подробность не обратит на себя внимание чужеземца.

Дивные три года, 1812, 13, 14 и половина 15, не одному принадлежат народу. Провидение послало их в урок всему человечеству; в событиях их высказался весь *мир исторический в объеме обширнейшем не для одного настоящего, но и для всех веков.*

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТ ДВЕНАДЦАТЫЙ ГОД

Из мыслей, слившихся с привычными движениями сердца, душа высказывает и показывает действия человеческие. От 1808 до 1812 года мысль о судьбе Отечества обладала душою моею. Наступила година действия, и та мысль проявилась деятельным стремлением к Отечеству.

Итак, начинаю без оговорки.

ИЮЛЯ 11, 1812 Г., ТРИ ЧАСА УТРА

В достопамятный и бурный 1812 год жил я в переулке Тишине близ Драгомиловского моста. 11 июля на ранней заре утренней разбудил меня внезапный приход хозяйки дома. Едва вышел я к ней, она со слезами вскричала: «Мы пропали! Мы пропали!» — и подала мне печатный лист. То было воззвание к первопрестольной столице Москве от 6-го июля из Полоцка. Прочитав воззвание, я сказал: «Благодарите бога, сударыня! Где заранее предвидят опасность, там примут и меры к отвращению ее. Будьте спокойны и молитесь богу!»

ПЯТЬ ЧАСОВ УТРА ИЮЛЯ 11 1812 ГОДА

Наскоро одевшись, полетел я в Сокольники на дачу к графу Федору Васильевичу Ростопчину, поступившему вместо графа Гудовича на чреду Московского генерал-губернатора. Не слыша еще громкой вести о грозной опасности, исполинская Москва объята была сном и безмолвием. Тишина владычествует на поверхности океана до воскипения волн: то же нередко бывает и с областями земными. Из недр глубокого безмолвия вылетает роковой удар грома; смотрим: откуда он грянул? Слышим новые удары и — теряемся в недоумении. Поэт сказал:

«Кто дышит, не дремли!»

Это теперь излилось из души моей. А тогда спешил с одною мыслию; с мыслию — отдать себя Отечеству за отечество. К графу приехал я в пять часов утра. Все уже в доме было в движении. Перед кабинетом графа застал я тогдашнего губернского предводителя Василия Дмитриевича Арсеньева и Аркадия Павловича Рунича, секретаря графа. Говорю Аркадию Павловичу, что мне нужно видеться с графом. «Нельзя,— отвечал он,— граф занят теперь совещанием с преосвященным Августином и с Петром Степановичем Валуевым[1]».— Позвольте же мне по крайней мере оставить записку». Приветливо Аркадий Павлович подал мне бумагу, перо, и я написал: «Хотя у меня нигде нет поместья; хотя у меня нет в Москве никакой недвижимой собственности и хотя я не уроженец московский, но где кого застала опасность Отечества, тот там и должен стать под хоругви отечественные. Обрекаю себя в ратники Московского ополчения и на алтарь Отечества возлагаю на триста рублей серебра».

Таким образом 1812 года июля 11-го, мне первому удалось записаться в Москве в ратники и принесть первую жертву усердия.

Пишу об этом не из тщеславия, но для сохранения связи в ходе обстоятельств моих. Самоотречение есть порыв, вызываемый из души необычайными событиями. Не верить этому, значит, уничижать и уничтожать благородные движения сердца человеческого.

---

[1] Тогдашним начальником Кремлевской экспедиции. *(Прим. автора.)*

В этот миг показалось мне, что с груди моей спало бремя гробовой тоски, налегшее на нее с 1808 года. В Сокольниках блеснуло солнце в полном сиянии на светлом лазурном небосклоне. «Как очаровательна природа и как злобны люди!» — говорил Жан Жак Руссо. И я в юности моей, вспоминая о том, что с оживлением весенней природы загораются битвы кровопролитные, сказал, обращаясь к людям, вооруженным против людей.

«Иль кровь амврозия для вас?»

Мирите человечество с человечеством, и менее будет злобных и менее будет жажды к крови!

Увлекаясь красотами загородной природы, я как будто бы забыл, что в то самое мгновение гремели битвы и за Днепром, и у Днепра, и на Двине, и за Двиною.

НАРОД ЗА ДРАГОМИЛОВСКОЮ ЗАСТАВОЮ. ТРИ ЧАСА ПОПОЛУДНИ 11 ИЮЛЯ 1812 ГОДА

Около трех часов пополудни, надев в петлицу золотую мою медаль, чтобы свободнее протесняться сквозь бесчисленные сонмы народа, пошел я вслед за ними, желая прислушаться к мнению народному и прибавить новую статью в «Русский вестник».

Не вмещая в стенах своих радости и восторга, казалось, что вековая Москва, сдвинувшись с исполинского основания своего, летела на встречу государя. Все сердца ликовали; на всех лицах блистало веселье. Дух народный всего торжественнее выказывается в годину решительного подвига. В часы грóзной, в часы явной опасности народ русский подрастает душою и крепчает мышцею отважною.

Размышляя о дивном полете духа русского, часу в шестом вечера очутился я на Поклонной горе, где тогда была дубовая роща. Земля как будто бы исчезала под сонмами народа; иные читали воззвание к первопрестольной столице Москве; другие спокойно и с братским радушием передавали друг другу мысли свои. Под шумом бурь исчезает личность и сердца сродняются союзом общей опасности. Речи лились рекою и пламенели рвением любви. Вмешивался и я в разговоры, но еще охотнее прислушивался к живым и, так сказать, самородным изречениям духа русского.

ПОВЕСТКА МОЯ В МОСКОВСКУЮ ПОЛИЦИЮ

В ту же ночь известил я, где следовало, что народ по собственному порыву душ своих двинулся на встречу государя и что разошелся с сокрушением сердечным. А потому и просил, чтобы на другой день напечатать что-нибудь ободрительное для народа. Не знаю почему, приказано было за мною присматривать. Но это не обеспокоило меня. Не отставая усердием от общего дела, я забегал вперед и не заботился о слухах. Идите наряду с необычайными обстоятельствами: они сами укажут вам место. Мелкие происки и увертливые искательства истощают дух. Берегите его для тех случаев, когда он может действовать явно, не уклоняясь со стези, проложенной обстоятельствами, не вынужденными, а вызванными голосом времени и правительством.

13 И 14 ИЮЛЯ 1812 ГОДА

13 и 14 июля быстрым пролетели мгновением. Казалось (повторяю еще), что народ русский подрос душою, ополчившеюся за край родной, и усилился мышцею, торопившеюся к оружию.

С 14 на 15 повещено было в бывшем слободском дворце, сперва принадлежавшем графу канцлеру Безбородко, собрание дворянству и купечеству. Записавшись в ратники по воле и охоте, я думал: «Зачем пойду в Дворянское собрание? Да и вправе ли я говорить о пожертвовании и собственности, вовсе не имея никакой собственности?» Такие упреки и прежде слышал я в Смоленске при вступлении моем в земское войско; то же откликнулось и в Москве 1812 года.

Но обозревая положение мое с другой стороны и зная, что подпал под присмотр, я решился для отстранения предположений и пересудов явиться в собрание с одною неотъемлемою собственностью: с чистою совестью и с самоотречением от жизни. Не было у меня ни милиционного, ни губернского мундира. Последний выпросил я у Г. Васильева, родного брата хозяйки нанимаемого мною дома. Невольно улыбнулся я, взглянув в зеркало и увидя себя в необычном наряде. Улыбки знакомых встретили меня и при входе в собрание. Но тут было не до смеха.

15 ИЮЛЯ 1812 ГОДА. СОБРАНИЕ ДВОРЯНСКОЕ И КУПЕЧЕСКОЕ. СОВЕЩАНИЕ В ДВОРЯНСКОМ СОБРАНИИ

Между тем, когда час от часу более наполнялись залы Дворянского и Купеческого собрания, в комнате, перед залою Дворянскою, завязался жаркий разговор. Один из чиновных бояр сказал: «Мы — должны спросить у государя, сколько у нас войска и где наше войско?» Степан Степанович Апраксин возразил: «Если б мы и вправе были спросить об этом у государя, то государь не мог бы нам дать удовлетворительного ответа. Войска наши движутся сообразно движениям неприятеля, которые могут изменяться каждый час: такому же изменению подлежит и число войск». Вслед за этим мужчина лет в сорок, высокий ростом, плечистый, статный, благовидный, речистый в русском слове и в мундире без эполетов (следственно отставной), о имени его некогда было спросить, возвыся голос, сказал: «Теперь не время рассуждать: надобно действовать. Кипит война необычайная, война нашествия, война внутренняя. Она изроет могилы и городам и народу. Россия должна выдержать сильную борьбу, а эта борьба требует и небывалой доселе меры. Двинемся сотнями тысяч, вооружимся чем можем. Двинемся быстро в тыл неприятеля, составим дружины конные, будем везде тревожить Наполеона, отрежем его от Европы и покажем Европе, что Россия восстает за Россию!»

В пылу рвения душевного раздался и мой голос, я воскликнул: «Ад должно отражать адом. Я видел однажды младенца, который улыбался при блеске молнии и при раскатах грома, но то был младенец. Мы не младенцы: мы видим, мы понимаем опасность, мы должны противоборствовать опасности». Среди общего безмолвия пламенела моя речь. И меня час от часу более вдвигали в залу собрания, где по обеим сторонам стола, накрытого зеленым сукном, сидело более семидесяти чиновных вельмож в лентах. Сжатый отовсюду, я принужден был остановиться за стульями к стене посреди заднего ряда. Не прерывая слов моих, или, лучше сказать, увлекаясь душою, я предлагал различные меры ко внутренней безопасности и к обороне Отечества. Наконец сказал: «Мы не должны ужасаться, Москва будет сдана». Едва вырвалось из уст моих это роковое слово, некоторые из вельмож и превосходительных привстали.

Одни кричали: «Кто вам это сказал?» Другие спрашивали: «Почему вы это знаете?» Не смущаясь духом, я продолжал: «Милостивые государи! Во-первых, от Немана до Москвы нет ни природной, ни искусственной обороны, достаточной к остановлению сильного неприятеля.

Во-вторых, из всех отечественных летописей наших явствует, что Москва привыкла страдать за Россию.

В-третьих (и дай бог, чтоб сбылись мои слова), сдача Москвы будет спасением России и Европы».

Речь мою, продолжавшуюся около часа с различными пояснениями, требуемыми различными лицами, прервал вход графа Ростопчина. Все оборотились к нему. Высвободясь из осады, я поспешил к московскому градоначальнику. Указывая на залу Купеческого собрания, граф сказал: «Оттуда польются к нам миллионы, а наше дело выставить ополчение и не щадить себя».

После мгновенного совещания положено было выставить в ратники десятого.

СОВЕЩАНИЕ В ЗАЛЕ КУПЕЧЕСКОГО СОБРАНИЯ

Между тем в зале Купеческой по отпетии молебствия готовились к пожертвованиям. Государь начал речь, и с первым словом слезы брызнули из очей его. Жалостью сердечной закипели души русского купечества. Казалось, что в каждом гражданине воскрес дух Минина. Гремел общий голос: «Государь! Возьми все — и имущество и жизнь нашу!» Вслед за удалявшимся государем летели те же клики и души ревностных граждан.

ВХОД ГОСУДАРЯ В ЗАЛУ ДВОРЯНСКОГО СОБРАНИЯ

Слезы блистали еще на глазах государя, когда он вошел в залу Дворянского собрания<...>

При выходе государя Петр Степанович Валуев схватил меня за руку и сказал: «Пойдем, Сергей Николаевич! Я представлю вас государю».— «Ваше высокопревосходительство! — отвечал я,— теперь не до меня». И с этим словом вырвав руку, я опрометью бросился с крыльца. Предчувствуя, что до моего приезда долетят рассказы стоустой молвы в семейство мое, я поспешил домой. Сбылось мое предчувствие. Застаю бедную жену мою в страдании и в горьких слезах. Некоторые из ус-

лужливых моих знакомых настращали ее, что мне за отважные мои возгласы в собрании не миновать беды. «Молись богу, мой друг! — сказал я плачущей жене моей,— знаю, что меня позовут, а потому на всякий случай заготовь белый жилет и белую косынку. Когда потребуют, то поеду во фраке. Чужой губернский мундир насмешил и меня и знакомых моих». Неизъяснима была душевная пытка жены моей. Куда ни бросалась она для какой-нибудь отрадной вести, везде убеждали ее ждать участи своей и укрепляться верою: так напугал голос мой, раздавшийся в собрании Дворянском по одному порыву душевному.

ПЕРЕЛЕТ ДВУХ СТОЛЕТИЙ ОТ 1612 ДО 1812 ГОДА

Остановимся здесь и — можно остановиться: два столетия совершили дивный ход. Совершили, или лучше сказать, одно столетие перешло в другое с достопамятными событиями своими, хотя и не в таком исполинском объеме. Отчего это? Кроме солнца и области небесной, кроме земель незаселенных, в России возникла новая Россия с иными нравами, обычаями, мнениями и действием мыслей. Отчего же и в новой России обращались к старинной России, отчего 1812 года вызывали тени Минина и Пожарского? Отчего вместе с ними вызывали и заветную речь русскую?

В мире духовном бог и слово возносятся на одной чреде. Слово скрепило союз вещественной вселенной; слово, слитое с мыслью, образовало общество человеческое. Слово жизни, слово задушевное, сберегло 1612 года бытие России, где бури грозные со всех сторон расшатывали заветное древо, укорененное родным словом в недрах почвы отечественной. «Аще корня не будет, то к чему древу прилепиться?» — так говорили предки наши и летели к Москве и в Москву к поддержанию древа жизни русского Отечества.

Нашествие 1812 года встретило в России Европу. И так не внешнее оружие изменило мысль, что Россия не в Москве. За несколько лет до нашествия громкие раздавались рукоплескания на берегах Невы, когда в трагедии Крюковского не князь Пожарский, но сочинитель, сказал:

«Россия не в Москве, она в сердцах сынов...»

«Но думаете ли вы, что величие города заключается в груде камней и зданий? То есть в памятниках бездушных и безгласных?»[1]

В причудливых изворотах тщеславного света и в вихре суетливости некогда сердцу высказываться сердцу; некогда вдруг и, так сказать, налетом вдохнуть в себя жизнь, исторгнутую из души призраками холодного быта светского.

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ С ГРАФОМ Ф. В. РОСТОПЧИНЫМ 19 ИЮЛЯ 1812 ГОДА

Между тем часу в одиннадцатом возвращаюсь с прогулки. Жена моя почти без памяти сидела на софе. Увидя меня, она вскричала: «От графа Ростопчина приехал ординарец!» «Я ожидал этого; а ты молись богу и вели подать мне косынку и белый жилет». Переодевшись, поспешил я к графу, находившемуся тогда в Москве, а не на даче. С графом был только адъютант его Обресков. Подбежав ко мне, граф сказал: «Забудем прошедшее, теперь дело идет о судьбе Отечества»[2].

ВОЗЛОЖЕНИЕ ОСОБЕННЫХ ПРЕПОРУЧЕНИЙ НА СОЧИНИТЕЛЯ «ЗАПИСОК»

Взяв со стола бумагу и орден, граф продолжал: «Государь жалует вас кавалером четвертой степени Владимира за любовь вашу к Отечеству, доказанную сочинениями и деяниями вашими. Так изображено в рескрипте за собственноручною подписью государя императора. Вот рескрипт и орден». Адъютант бросился улаживать в петлице орден, а граф прибавил: «Поздравляю вас кавалером». С этим словом поцеловал он меня и продолжал: «Священным именем государя императора развязываю вам язык на все полезное для Отечества, а руки на триста тысяч экстраординарной суммы. Государь возлагает на вас особенные поручения, по которым будете совещаться со мною».

---

[1] Тацит. *(Прим. автора.)*

[2] С декабря 1809 до этого времени мы были в личной размолвке с графом. *(Прим. автора.)*

«Благодарю государя,— отвечал я,— но позвольте мне поспешить к жене моей. У нее трое суток отзывается в ушах звон сибирского колокольчика».

Не стану описывать восторга жены моей. Минуло более двадцати лет, но миг нашего свидания все еще в полной свежести живет в душах наших. Ожидая меня, она сидела у открытого окна. Поравнявшись с домом, я взмахнул длинною лентою ордена и сказал: «Вот крест, а не беда!»

ОСОБЕННЫЕ ПОРУЧЕНИЯ. 19 ИЮЛЯ 1812 ГОДА

Немедленно приступил я к тем особенным поручениям, с которыми нередко и в Москве и вне стен ее сопряжена была опасность жизни. Но тогда жизнь была для меня последним условием. Я был счастлив и под грозною тучею, быстро устремлявшеюся к Москве. Провидение помогало мне оживлять души добрых граждан, успокаивать их умы и внушать им меры осторожности, предостерегая их от смущения и торопливой робости. Непрестанное присутствие мое на площадях, на рынках и на улицах московских сроднило со мною взоры, мысли и сердца московских обывателей. Действуя открытою грудью и громким словом, я не прикасался рукою к сотням тысячам, вверенным мне вместе с свободою развязанных уст. Однажды только по записке моей, препровождены были в село Крылатское кушак и шапка крестьянину Никифору, благословившему на брань трех сынов своих. Деньги хороши как средство к оборотам потребностей быта общественного, но беда, где они заполонят общество человеческое; беда, где, говоря словами нашего девятнадцатого столетия, они делаются представителями всех наслаждений и приманкою страстей! При восстании душ действуйте на них силою нравственною, уравнивающею дух народный с величием необычайных обстоятельств.

ПРИЧИНЫ УПАДКА НАРОДНОГО ДУХА 1812 ГОДА

Но — не так было. К поддержанию воскипевшего духа народного надлежало вызывать не одни имена Минина и Пожарского, надлежало вместе с тем вызвать и русский быт их времени. Надлежало возобновить заветное сближение душ, мыслей и слова родного. Надлежало, но этого не было. Почти каждый день заходил я в Комитет ратнический и Комитет пожертвований. В пос-

леднем два главных чиновника (их уже нет в живых), принимая пожертвования, по неугомонной привычке разговаривали по-французски. Добрые граждане, поспешавшие возлагать на алтарь Отечества и сотни, и тысячи, и десятки тысяч, слыша французское бормотанье, с скорбным лицом удалялись и с удивлением поглядывая друг на друга, восклицали: «Господи боже наш! И о русских-то пожертвованиях болтают и суесловят по-французски!» Это был не порыв ненависти к французам: нет! 1812 года мы не питали ненависти ни к одному народу; мы желали только поразить и отразить нашествие: но то был праведный голос сынов России, долженствующей жить словом русским. Недавно читал я индийскую драму «Саконталу», в которой придворный страж укоряет рыбака ремеслом его. Рыбак отвечает: «Не укоряй меня в этом; ремесло мое досталось мне в наследство от отца». Человек русский дорожит и ласковым взглядом и приветливым словом. Пословица — «Слово не стрела, а пуще убивает» — убедительно свидетельствует, что предки наши понимали жизнь и смерть, заключающиеся в выговоре слов. А если у нас не русским словом и не русским обычаем и в годину испытания отталкивали от себя русских в России, то неудивительно, что французы в тогдашних известиях своих писали и печатали, что питомцы модного воспитания готовят для них и лавры и венки? Это не укоризна, а замечание.

ШАТКОСТЬ В КОМИТЕТЕ РАТНИЧЕСКОМ

Возникла шаткость и в ратническом Комитете. Вскоре по установлении оного, он подчинен был Комитету петербургскому, состоявшему под председательством графа Аракчеева. «Я не ребенок,— говорил граф Федор Васильевич,— меня поздно водить на помочах!»

ВЗЯТИЕ СМОЛЕНСКА

Весть о занятии Смоленска Наполеоном, оставленного русскими войсками в пожарном пламени и в дымящихся развалинах, эта весть огромила Москву. Раздался по улицам и площадям гробовой голос жителей: «Отворены ворота в Москве!» Началось переселение из городов, уездов, из сел и деревень. Иные ехали и шли; а куда? Куда бог поведет.

МОЯ ЗАПИСКА О ЛЕСНОМ ВООРУЖЕНИИ

И до тысяча восемьсот двенадцатого года, по какому-то тайному побуждению, предчувствуя грядущую беду на Отечество, я в «Русском вестнике» предлагал различные меры осторожности. А по оставлении Смоленска подал я графу записку о лесном вооружении в лесах смоленских уездов, не занятых еще неприятелем, и о распространении оного до Москвы. У смоленских помещиков множество было псарей, ловчих и стрелков. Я предполагал, чтобы составить из них дружины, укрываться днем в чаще лесов, а в ночь выбегать с ними и стремглав нападать по бокам и в тыл неприятеля.

В день подачи записки, у графа обедали князь Юсупов и Н. М. Карамзин. После обеда пили кофе под липами и, между прочим, Юсупов рассказывал, что он видел во Флоренции доверительную грамоту нашему епископу Исидору, присутствовавшему на Флорентийском соборе.

Между тем пришедший чиновник сказал что-то графу шепотом, и граф пошел в комнаты. Возвратясь оттуда, граф сказал с улыбкою: «Два добрых человека привели ко мне с улицы какого-то испитого немца, уверяя, что он шампинион. Расспрося немца, я сказал: «Ступайте с богом, братцы! Это не шампинион и не мухомор». Гости улыбнулись.

ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ РАСПОРЯЖЕНИЙ ГРАФА РОСТОПЧИНА

Прочитав мою записку, граф препоручил мне явиться к нему на другой день за подорожною для приведения в действие означенного в записке. Часу в восьмом приезжаю к графу на дачу и застаю там князя Щербатова, который спешил в Петербург с донесением о новом успехе Тормасова. Когда князь откланялся, граф повел меня в кабинет и сказал: «Вчера были у меня гости, а потому я не мог с вами объясниться откровенно. Мое главное теперь дело то, чтобы обеспечить и удалить дворян из уездов. Бог знает какой возьмут оборот наши внутренние обстоятельства».

МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ КУТУЗОВ

Назначение Кутузова главнокомандующим произвело общий восторг и в войске и в народе. До этого еще времени без всякой взаимной смолвки, в один и тот же день, то есть июля 15-го, был он избран в начальники ополчения и на берегах Невы и на берегах Москвы-реки. Госпожа Сталь, гонимая Наполеоном за резкие и смелые отзывы, и находясь тогда в Петербурге, явилась к Кутузову, преклонила перед ним чело и возгласила своим торжественным голосом: «Приветствую ту почтенную главу, от которой зависит судьба Европы». Полководец наш ловкий и на поле битв и в обращении светском, не запинаясь, отвечал: «Сударыня! Вы дарите меня венцом моего бессмертия!» Некоторые это иначе высказывают: но тут дело не в словах, а в том, что дочь того Неккера, который 1789 года почитался решителем судьбы Франции, как будто бы свыше вызвана была на берега Невы вестницею о новом жребии и Франции и Европы. Петербург, Москва, Россия ожидали от Кутузова новой славы, новых побед, а усердные родные заранее венчали его и славою и победами. На все приветствия опытный полководец отвечал: «Не победить, а дай бог обмануть Наполеона!».

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ

Кутузов и обманул и провел Наполеона, затерявшегося в прежнем Наполеоне Бонапарте; а на челе Барклая-де-Толли не увяла ни одна ветка лавров его. Он отступал, но уловка умышленного отступления, уловка вековая. Скифы Дария, а парфяне римлян разили отступлениями. Не изобрели тактики отступлений ни Моро, ни Веллингтон. В древности Ксенофонт, вождь десяти тысяч греков, вел полки свои, обдумывая и рассчитывая каждый шаг. Не изобрел этой тактики и Барклай на равнинах России. Петр Первый высказал ее в Желковке на военном совете 30 апреля 1707 года, когда положено было: «Не сражаться с неприятелем внутри Польши, а ждать его на границах России». Вследствие этого Петр предписал: «Тревожить неприятеля отрядами; перехватывать продовольствие; затруднять переправы, истомлять переходами». В подлиннике сказано: «Истомлять непрестанными нападениями». Отвлечение Наполеона от сражений и завлечение его вдаль России, стоило нападений. Предприняв войну отступательную, импе-

ратор Александр писал к Барклаю: «Читайте и перечитывайте журнал Петра Первого». Итак, Барклай-де-Толли был не изобретателем, а исполнителем возложенного на него дела. Да и не в том состояла трудность. Наполеон, порываемый могуществом для него самого непостижимым; Наполеон, видя с изумлением бросаемые те места, где ожидал битвы, так сказать, шел и не шел. Предполагают, что отклонением на Жиздру, Барклай заслонил бы и спас Москву. Но втесняя далее в пределы полуденные войско Наполеона, вместе с ним переселил бы он туда и ту смертность, которая с нив и полей похитила в Смоленске более ста тысяч поселян. Следственно, в этом отношении Смоленск пострадал более Москвы. Стены городов и домов можно возобновить, но кто вырвет из челюстей смерти погибшее человечество? А при том, подвигая Наполеона к южным рубежам России, мы приблизили б его и к Турции, заключившей шаткий мир, вынужденный английскими пушками, целившими на сераль.

Снова повторяю: не завлечение Наполеона затрудняло Барклая-де-Толли, но война нравственная, война мнения, обрушившаяся на него в недрах Отечества. Генерал Тормасов говорил: «Я не взял бы на себя войны отступательной».

Граф Тюрпин в обозрении записок Монтекукули замечает, что перетолкование газетных известий о военных действиях вредит полководцам. Но если это вредно в войну обыкновенную, то в войну исполинскую, в войну нашествия, разгул молвы, судящей по слуху, а не по уму, свирепствует еще сильнее. Напуганное, встревоженное воображение все переиначивало. Надобно было отступать, чтобы уступлением пространства земли обессиливать нашествие. Молва вопияла: «Долго ли будут отступать и уступать Россию!» Под Смоленском совершилось одно из главных предположений войны 1812-го года, то есть соединение армии Багратиона с армиею Барклая-де-Толли. Но нельзя было терять ни времени, ни людей на защиту стен шестнадцатого и семнадцатого столетия: нашествие было еще в полной силе своей. А молва кричала: «Под Смоленском соединилось храброе русское войско, там река, там стены! И Смоленск сдали!» Нашествию нужно было валовое сражение и под Вильною, и под Дриссою, и под Витебском, и под Смоленском: за ним были все вспомогательные войска твердой земли Европы. Но России отдачею земли нуж-

но было сберегать жизнь полков своих. Итак, Барклаю-де-Толли предстояли две важные обязанности: вводить, заводить нашествие вдаль России и отражать вопли молвы. Терпение его стяжало венец. Известно, что в последнюю войну со шведами при Екатерине Второй, принц Ангальт, смертельно раненный под Пардакокскими батареями, даря шпагу свою Барклаю-де-Толли, бывшему тогда майором, сказал: «Эта шпага в ваших руках будет всегда неразлучна со славою!» Барклай-де-Толли оправдал предчувствие принца Ангальта. Римский полководец Фабий, отражая Ганнибала, затеривался в облаках и налетал на африканца с вершин гор, а наш Фабий не на вершинах гор, не скрываясь челом в облаках, но на полях открытых и на праводушных раменах нес жребий войны отступательной. Долетали до него вопли негодования; кипели вокруг него волны молвы превратной, а он, говоря словами поэта:

«И тверд, неколебим Герой наш бед в пучине,
Не содрогаяся, противися судьбине,
Прилив и рев молвы душою отражал».

ПРИБЫТИЕ КУТУЗОВА В АРМИЮ 17-ГО АВГУСТА В ЦАРЕВО-ЗАЙМИЩЕ

Барклай-де-Толли отбивался, затягивал Наполеона, но войско русское алкало битвы валовой. Барклай делал свое дело, и Кутузов с первого шагу принялся за свое дело. Орлиным полетом воспрянул дух русских воинов, а хитрый вождь под размахом крыл его, готовил отступление к Москве, не за отбой Москвы, но чтобы, перешагнув за Москву, заслонить ею Россию и отстаивать Россию. Исполинское нашествие требовало великих жертв: одна принесена была на берегах Днепра, другая ожидала рокового своего часа на берегах Москвы-реки. А потому вследствие обдуманного нового отступления и чтобы не затруднять войска излишнею громоздкостью при отступлении, Кутузов почти за неделю до битвы Бородинской отправил несколько рот конной артиллерии по Рязанской дороге. В том числе была и рота двоюродного брата моего Владимира Андреевича Глинки.

ВЗГЛЯД НА МОСКВУ ДО БИТВЫ БОРОДИНСКОЙ

Каждый день по улицам во все заставы, кроме Смоленской или Драгомиловской, тянулись вереницы карет, колясок, повозок, кибиток и нагруженных телег. Иные

отправляли на барках всякие утвари домашние; иные увозили с собою и гувернеров детей своих. Упоминаю об этом не в укоризну, а скажу только, что такие вывозы и выезды крайне сердили и раздражали народ. Казалось, что Москва выходила из Москвы. Повестить явно и торжественно нельзя было: в таком случае и без входа в нее неприятелей, она сорвана б была с основания своего.

А в это время при буре нашествия и разгроме Москвы тогдашний добрый обер-полицмейстер Ивашкин строил большой деревянный дом под Новинским. С досадою взглядывая на эту стройку, прохожие говорили: «Вот еще и домы затевают строить!»

ВЫСЫЛКА ИЗ МОСКВЫ НЕКОТОРЫХ ИНОСТРАНЦЕВ

В это время, увлекаясь мечтою, граф придумал высылку из Москвы некоторых уроженцев Франции на барке в струи волжские. В послании к ним он сказал: «Взойдите на барку и войдите в самих себя». Это по-французски каламбур или шутка. «Entrez dans la barque, et rentrez dans vous mémes». Но для высылаемых это было не шуткою. Опасались, может быть, что народ, при вторжении Наполеона в Москву, посягнет на них? Я близок был к народу; я жил с народом на улицах, на площадях, на рынках; везде в Москве и в окрестностях Москвы: и, живым богом свидетельствую, что никакая неистовая ненависть не волновала сынов России.

РАЗНОМЫСЛИЕ

Между тем разномыслие час от часу усиливалось в стенах Москвы. Жар рвения, вспыхнувший в душах народа в первой половине июля, хотя и не остыл, но, как будто бы расструивался. Кто видел извержение Этны и Везувия, тот знает, что бурно-кипящая лава, встретясь не с громадою камней, но с каким-нибудь осколком, отпрядывает мгновенно и сворачивает с пути своего. Это можно применить и к стремлению духа народного. Малейшее отклонение от первоначального его направления раздваивает и ослабляет его. К заглушению мысли о предстоящей опасности занимали умы народа сооружением на Воробьевых горах какого-то огромного шара, который, по словам разгульной молвы, поднявшись над войсками Наполеона, польет огненный дождь, особенно на артиллерию. Шутя или не шутя, мне предла-

гали место на этом огненосном шаре. Я отвечал: «Как первый московский ратник, я стану в срочный час в ряды ополчения; но признаюсь откровенно, что я не привык ни к чиновному возвышению, ни к летанию по воздуху. У меня на высоте закружится голова».

ЧАСТНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ДУХА НАРОДНОГО

Но и среди развлечения мыслей дух русский стоял на страже. Появлялись ли в гостинных рядах раненые наши офицеры — купцы и сидельцы приветствовали их радушно. Нужно ли было им что-нибудь купить? Им все предлагали безденежно торопливою рукою и усердным сердцем. «Вы проливаете за нас кровь,— говорили им,— нам грех брать с вас деньги». В селах и деревнях отцы, матери и жены благословляли сынов и мужей своих на оборону земли русской. Поступавших в ополчение называли жертвенниками, то есть ратниками, пожертвованными Отечеству не обыкновенным набором, но влечением душевным. Жертвенники, или ратники, в смурых полукафтаньях, с блестящим крестом на шапке, с ружьями и пиками, мелькали по всем улицам и площадям с мыслию о родине. Тень грусти пробегала на лицах их, но не было отчаяния. Ласка и привет сердечный везде встречали их. И дивно свыкались они и с ружьем и с построениями военными!

ПОРЫВ ВОСПИТАННИКОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Юноши, бывшие в стенах университета и проходившие в недрах его поприще отечественной истории, пылали жаром отечественным. Но и тут сердце встречает горестный камень преткновения, и тут нужен талисман Монтекукулев, то есть деньги! деньги и деньги! Некоторые из юношей-патриотов приходили ко мне с просьбами, чтобы я содействовал рвению их. «Ваш «Русский вестник»,— говорили они,— воспламенил наш дух; помогите нам жертвовать собою Отечеству!»

Сказано выше, что граф Ростопчин, именем государя развязывая мне язык на пользу Отечества, тем же именем развязал мне и руки на триста тысяч экстраординарной суммы. По этому праву я мог бы для нужд других брать из нее, но мне как будто бы стыдно было развязывать себе руки на деньги в то время, когда доверенность развязала мне язык для выражения вдохновений

душевных. Итак, чтобы удовлетворять ревностных просителей, я спешил продавать драгоценные вещи жены моей. Награда за это — провидение и судьба детей: у них останется память родного подвига. Поэт сказал: «Где нет сердца, там нет и приюта». Приют душе — воспоминания. С провидением и с любовью к Отечеству не торгуются.

ПОЖЕРТВОВАНИЯ ДОБРЫХ ГРАЖДАН ИВАНА СЕМЕНОВИЧА РАХМАНОВА И ГЕТМАНА

К пожертвованиям жены моей присоединились пособия Ивана Семеновича Рахманова, занимавшегося суконным издельем. Усердствуя к общему делу, почтенный гражданин доставил мне сукна на двадцать человек, а добрый и честный портной Гетман явился без платы шить ратную одежду. Когда впоследствии отдавал я ему деньги, он сказал: «Не возьму. Я не на вас работал. А об усердии моем напечатайте в «Русском вестнике». Охотно исполнил я его желание. В числе поступивших в Московское ополчение на основании частных пособий был Константин Федорович Калайдович. Был также в числе их и престарелый полковник Козлов-Угринин, служивший в то время комендантом в Камчатке, когда к берегам ее приплыл французский мореходец граф Лаперуз, которому Людовик шестнадцатый дал собственноручное наставление, касательно цели плавания его по морям. Лаперуз без вести пропал на волнах океана, а Людовик погиб на месте казни. Верьте и доверяйте после этого счастию земному!

НЕОБЫЧАЙНОЕ ВОЛНЕНИЕ В ПРИРОДЕ 1812 ГОДА

«Отчего,— говорит Фридерик Второй,— с необычайными явлениями природы сопряжены и необычайные события политические? Мы это видим, а тайна известна тому, кто управляет и природою и судьбою человечества». Со времени нашествия завоевателя бушевали в Москве порывистые вихри, несшиеся от юга, затмевавшие небо пылью, ломавшие заборы и срывавшие кровли с домов. Но ни волнение природы, ни гром пушек, час от часу приближавшийся к стенам Москвы, ничто не могло одолеть неугомонной привычки к картам. Посылали справляться гонцов: «Где и далеко ли неприятель?»

А получа ответ и поговоря несколько минут о военных действиях, опять провозглашали: «Бостон! Вист!» и так далее.

ОСОБЕННЫЙ МНЕ ПРИКАЗ

Исполняя возложенные на меня особенные поручения, я снаряжался и к походу. Ратные мои доспехи были готовы. Заблаговременно приготовил я жену к разлуке. Но в три часа ночи с 14 на 15 число августа получил я записку от полковника Караулова, начальника штаба дружин ополчения, состоявших под предводительством генерал-лейтенанта Василия Николаевича Чичерина. Вследствие неожиданного требования, я поспешил к генералу. «Граф Федор Васильевич,— сказал мне генерал,— именем государя предписывается вам остаться в Москве, где нужна ваша служба». «Жизнь мою,— отвечал я,— безусловно возложил я на алтарь Отечества, а потому делайте из меня что хотите. Но я первый записался в ратники. Итак, не исключайте имени моего из списка ополчения».

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ АВГУСТА: ДОСТОПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ ДВУХ ВЕКОВ

Двадцать третьего августа, за два столетия до нашего тысяча восемьсот двенадцатого года, дружины русские отстаивали в стенах Москвы и Москву и Россию. Битвы их кипели среди храмов божиих, пред лицом святыни отечественной. Весь заветный быт земли русской предстоял очам ополчения русского. Так было в двенадцатый год предков наших, и в день 23 августа 1612 года над Москвою и в Москве засветилась заря избавления Отечества. А в наш двенадцатый год августа 23 русский полководец в двенадцати верстах впереди Можайска при деревне или селе Бородине, принадлежавшем тогда партизану Давыдову, который сам сжег свой дом, тут полководец наш назначал место плоское, способное для битвы валовой. На этом плоском месте, на равнине Бородинской и под Семеновским, после предварительного распоряжения, сделаны были некоторые перемены.

ТАКТИКА ПРОВИДЕНИЯ

Но тактика провидения не изменила первоначальной печати, наложенной на поле битвы: живыми урочищами определило оно ему высказать судьбу двенадцатого го-

да, судьбу России, судьбу Европы и судьбу всего земного нашего шара. Полет веков не заглушил глагола провидения.

На равнине Бородинской, сообразно постепенному ходу ратных движений, струятся четыре речки: Войня, Колоча, Стонец, а под Семеновским, где гремел ад Наполеоновых батарей, течет речка Огник.

День битвы Бородинской, день войны, битвы, стона, огня! Войня, Колоча, Стонец, вливаясь в Москву-реку, как будто бы передавали весть Москве, что около берегов речки Сетуни ударит во дни сетования и скорби роковой, могильный час Москве!

В какой туманной дали соединились гробовые названия поля Бородинского? Не знаю. Но тут вся та битва, на которой, по словам самого Наполеона, он должен был допить чашу вина, налитую в Смоленске. И он испил ее под угасающею звездою прежнего своего счастья. На этом пире кровавом испили чашу смертную девяносто тысяч и сынов России и сынов стран дальних.

МОСКВА ПОСЛЕ БИТВЫ БОРОДИНСКОЙ

Сказывают, что в ночь после битвы Бородинской Барклаю-де-Толли поручено было сделать сильный натиск на полки Наполеона. Прибавляют, что в то самое время, когда Барклай готовился к отчаянному подвигу, получил он приказ отступить и что в пылу негодования изорвал бумагу и двинулся к Можайску. Это молва. Но то не молва, то было видимое зрелище, когда по мере отступления наших войск гробовая равнина Бородинская вдвигалась в стены Москвы в ужасном, могильном своем объеме! Солнце светило и не светило. Улицы пустели. А кто шел, тот не знал, куда идти. Знакомые, встречаясь друг с другом, молча проходили мимо. В домах редко где мелькали люди. Носились вести, что Мюрат взят в плен. Уверяли, будто бы государь в Сокольниках на даче у графа, где Платов имел с ним свидание. Слушали и не слушали: мысль, души, весь быт московский был в разброде.

А между тем под завесою пыли медленно тянулись повозки с ранеными. Около Смоленского рынка, близ которого я жил, множество воинов, раненных под Смоленском и под Бородиным, лежали на плащах и на соломе. Обыватели спешили обмывать запекшиеся их раны и обвязывали и платками, и полотенцами, и бинтами из раз-

резанных рубашек. В тот самый миг, когда я перевязывал раненого, ехал на дрожках тогдашний комендант Гессе. Соскоча с дрожек, он обнял и поцеловал меня.

Люди света большого, света блестящего! Скажите, что такое столицы европейские, если порыв вихря завоевательного, обширные вместилища и театров, и клубов, и ученых заведений, и маскерадов, и гульбищ народных в один миг превращает в безмолвную могилу и полумертвых и живых? А на поверхности нашей мрачной могилы отражались уже огни бивачные.

ПОСЛЕДНЕЕ СВИДАНИЕ МОЕ В МОСКВЕ С ГРАФОМ Ф. В. РОСТОПЧИНЫМ 30 АВГУСТА 1812 г.

Видя роковой час, быстро несущийся на Москву, я поехал поутру августа 30-го на дачу к графу. Встречаю его перед кабинетом и иду с ним в кабинет. Граф был в военном сюртуке, а я в полных ратнических доспехах. Мы сели на софу под картою России.

Вот разговор наш без примеси и в точности исторической.

Я. «Ваше сиятельство! Я отправляю мое семейство».

Граф. «А я уже отправил своих». Тут слезы блеснули в глазах его. Несколько помолчав, он продолжал: «Сергей Николаевич! Будем говорить как сыны Отечества. Что вы думаете, если Москва будет сдана?»

Я. «Вам известно, что я отважился объявить это пятнадцатого июля в зале Дворянского собрания. Но скажите, граф, откровенно: как будет Москва сдана, с кровью или без крови?»

Граф. «Без крови».

При этом слове я привстал и, указывая на карте на Москву и на смежные с нею губернии, сказал: «Сдача Москвы отделит ее от полуденных наших областей. Где же армия к обороне их займет позицию?»

Граф. «На старой Калужской дороге, где и село мое Вороново, я сожгу его». (И Вороново было сожжено собственною рукою графа.)

Граф говорил все это в десять часов утра 30 августа, а совещание о сдаче Москвы происходило 31 августа в ночь на первое сентября. Граф не был приглашен. Следственно, он по собственному соображению указал то место, где русское войско станет твердою ногою и заслонит от нашествия полуденный наш край.

Обращаюсь к рассказу.

Встав с софы, граф присел к столику и летучим пером написал воззвание на три горы. Подавая мне его для напечатания в типографии Семена Аникеевича Селивановского, граф прибавил: «У нас на трех горах ничего не будет; но это вразумит наших крестьян, что им делать, когда неприятель займет Москву».

Итак, граф Ростопчин первый повестил войну московских поселян.

Между тем граф открыл бюро, вынул оттуда довольно полновесный сверток с ассигнациями и, подавая мне его, сказал: «Государю известно, что вы всем жертвовали и все отдали. Вот на дорогу для вашего семейства».

«Я не возьму денег,— отвечал я,— а для скорейшего исполнения государевых препоручений прикажите мне дать дрожки. В пустынной Москве почти до самой вашей дачи я шел пешком. Один добрый гражданин уступил мне волочки».

Приказав заложить для меня дрожки, граф примолвил: «Я переезжаю в воскресенье в свой дом на Лубянку, мы проведем последнюю ночь вместе». Я отвечал: «Ко мне съехались три брата, в том числе и брат мой Григорий Николаевич, раненный под Бородиным».

Граф: «Это ни вам, ни мне не помешает. У меня в доме просторно».

Доложили, что дрожки готовы, и я с посланием графским поскакал в типографию.

Некоторые предполагали, будто бы я участвовал в сочинении посланий графа Федора Васильевича: это неправда. У него был свой ум и свой слог. Мало ли что разглашали на мой счет! Но не заботясь ни о слухах, ни о жизни, я делал свое дело.

ВСТРЕЧА С ПОЛКОВНИКОМ ФЕДОРОМ ФЕДОРОВИЧЕМ МАНАХТИНЫМ

По отпечатании воззвания на три горы около полудня проезжал я Смоленским рынком. Вдруг вижу бричку, а в ней раненого полковника Манахтина, моего корпусного сопитомца и по выходе оттуда бывшего вместе со мною в числе адъютантов Юрия Владимировича Долгорукова. Бросаюсь к нему в бричку. Тяжела, смертельна была его рана, но мужественный его дух преодолевал боль. «Наши дрались, как львы»,— сказал он.— Это был ад, а не сражение. Я повел Петровский полк на возвышение Бородинское и сказал: «Ребята! Пред-

ставьте себе, что это место Россия и отстаивайте его грудью богатырскою! Картечь поразила меня в живот. Знаю удальца! Он ворвется в Москву». «И я в этом уверен,— отвечал я,— но как из нее выйдет? Он найдет в Москве не мир, не славу: он встретит в ней пустыню». «Это все может случиться,— возразил он,— но пора тебе уезжать, ты отец семейства». «Не могу,— отвечал я,— остаюсь в Москве по особенным поручениям».

Хотя мостовая сильно тревожила моего раненого сопитомца, хотя по временам он невольно воздыхал, но мысли его, мимо боли, уносились на поле Бородинское. Огнем блистали глаза его, когда говорил он о юном адъютанте своем Корсакове. «Il sera un militaire distingué,— прибавил он по-французски,— он будет отличным офицером, он оказал чудеса храбрости». При этом слове колесо наткнулось на камень. Манахтин ухватился за рану рукою и вскричал: «Для чего не выпил я чаши до дна?» В таком положении привез я его в дом князя Бориса Владимировича Голицына, который от бородинской контузии томился на смертном одре. Вскоре оба они перешли за предел жизни. Крест Георгия и чин генеральский посетили могилу Манахтина. А неутешная мать воздвигнула ему памятник с надписью: «Единственному моему сыну». Полковник Манахтин приглашаем был на первостепенные совещания. Природный ум его, обогащенный военным искусством, спасал и спас отрезанный в Литве корпус Дохтурова, в котором управлял он штабом. Благодарные его сослуживцы говорили мне: «Он заводил неприятеля, выводил нас и, как будто бы силою волшебною, клал нам в руки продовольствие».

Переменна слава военная, превратны и все другие славы, кроме славы добродетели: сошли с лица земли поколения героев. Нет и сопитомца моего, но дружба его живет в душе моей. Свидясь со мною на берегах Невы 1805 года, он зазвал меня к тогдашнему статс-секретарю Ф. И. Енгелю и почти со слезами убеждал его завлечь меня на поприще службы. «Я знаю,— говорил он,— Сергея Николаевича, его должно оковать и приковать. Он заполонен своим романтизмом». Тогда не в ходу еще был романтизм.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ТУЧКОВ, ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

На убийственном поле Бородинском пал и другой незабвенный друг юности моей, Александр Алексеевич Тучков. Со станом Аполлона Бельведерского соединял

он душу ясную, возвышенную; сердце, дышащее тою чувствительностию, которая влечет и зовет к себе душу; ум, обогащенный всеми плодами европейского просвещения. Уста его цепенели, когда доводилось делать выговор, но громко и отважно отражал он несправедливые притязательства. С отплытия Наполеона к берегам Египта, мы летели мыслию вслед подвигов юного и нового Александра-кесаря; мы думали, что его славою, его душою человечество расцветет новою жизнию. Верх желаний наших был тогда тот, чтоб быть в числе простых рядовых под его знаменами. Но не мы одни так думали, и не мы одни к этому стремились. Кто от зари жизни ознакомился с Леонидами, Эпаминондами, Пелопидами и другими героями Греции и Рима, тот был тогда бонапартистом. Но Наполеон свеял с умов очарование, навеянное на них Бонапартом; на череде самовластителя он гонительною рукою оттолкнул от себя и Древний Рим и Древнюю Грецию: льстило его всемирное римское владычество, но он страшился доблестей Цинцинатов и Регулов. Друг мой был в Париже и в трибунате в тот неисповедимый час, когда пожизненного консула Бонапарта избирали в императоры. «Казалось,— говорил он,— что трибун Карно возразительную речь свою произнес под сверкающими штыками Наполеона. Туманно и мрачно было его лицо, но голос его гремел небоязненно». 1806 года в издаваемых тогда «Французских ведомостях» при главной квартире генерала Беннигсена сказано: «В сражении Голоминском князь Щербатов и полковник Тучков под градом пуль и картечи действовали как будто бы на ученье». Об этом потому только напоминаю, что друг мой никогда не упоминал о своих военных подвигах. Но ни бивачная жизнь, ни походы, ни битвы кровопролитные не пресекали переписки его со мною. В этом заочном свидании мы перекликались по-французски. Любимого нами Жан Жака Руссо называл он: L'homme de la nature, человеком природы. Есть мечты, которые, не вредя никому, золотят бесцветную нашу жизнь. Впрочем, хотя Жан Жака и называли мечтателем, но многие, особенно политические, мечты его осуществились и доказали, что мечтатель видел далее политиков и дипломатов современных. Они кружились в вихре обстоятельств, а он издали наблюдал обстоятельства, вникал в дух века своего и за двадцать лет до 1789 года прочитал в будущем новую судьбу Франции. В последний раз виделся я с другом моим 1809 года, когда он отправлялся

в армию, а я в Смоленск. Мы завтракали вместе. Старшие его братья несколько раз присылали за ним для подписи купчей. В третий раз отвечал он посланному: «Скажи братцам, что я купчую подписать успею, а с Сергеем Николаевичем, может быть, вижусь в последний раз». Я отвечал: «Для сердца и для дружбы нет последнего часа. Кто кого переживет, тот и оживит того жизнию дружбы. Так мыслил Монтаний, говоря о незабвенном друге своем Босси: так думаю и я: для дружбы нет последнего часа!»

Но друг мой предрек свой жребий; он исчез в бурях 1812 года. На батарее у деревни Семеновской, где струится речка Огник и где гремел ад жерл наполеоновых, занимал он люнет. Ударил миг двинуться вперед; Тучков закричал полку своему: «Ребята, вперед!» Полк дрогнул. «Вы дрогнули! — вскричал он,— я один пойду». Схватил знамя, полетел, и в нескольких шагах от люнета роковая картечь поразила его в грудь. В этот самый час брат его генерал-лейтенант Николай Алексеевич ранен был смертельно; в этот самый час пал юный Кутайсов; бежавшая лошадь без всадника возвестила, что его не стало в рядах русских; в этот самый час князь Багратион, питомец битв суворовских в Италии и на вершинах Альпийских, ранен в первый раз и с этою первою раною сошел в могилу. В это самое время Наполеон, наблюдая порывистое стремление конницы своей на наши батареи, ударял в ладони и восклицал: «Ils y vont! Ils y vont! Ils y vont! qu'on me donne ma caisse d'ordonnance! Они летят! Они летят, они там! Скорее походный мой ящик!» И вместе с пулями, ядрами и картечью знаки почетные сыпались на груди сражавшихся.

1812 ГОДА, СЕНТЯБРЯ ПЕРВОГО

Люди и лошади братьев моих, прибывших из Смоленска, помогли мне выпроводить семейство мое из Москвы. В воскресенье, после обеда, сел я на дрожки графа Ростопчина с братом моим Федором Николаевичем и поехал вслед за своими. Верстах в шести от Москвы по Рязанской дороге, прощаясь с женою моею, я сказал: «Если бог велит, то увидимся, а если нет, то свидимся там, где нет разлуки».

Потеряв из виду отъезжавших друзей моего сердца и, по обязанности моей, объехав с братом моим окрестные селения, возвратился я в безмолвную, унылую Моск-

ву, предчувствовавшую, но еще не слышавшую глагола решительного своего жребия. У самых ворот дома, который, как я сказал, нанимал я в Тишине у Драгомиловского моста, сломалось колесо у графских дрожек. Отпуская кучера, я препоручил ему сказать графу, что братья мои и я не будем у него ночевать.

Спросим здесь: был ли бы Наполеон завоевателем, если б с именем Наполеона Бонапарта остался на чреде очередного консула? Но и то был суд божий, когда Бонапарт со степени очередного консула вступил на поприще консула пожизненного, а потом облекся в порфиру императорскую.

Об этом будет далее.

РАСПОРЯЖЕНИЯ КУТУЗОВА К СДАЧЕ МОСКВЫ

К безоборонной сдаче Москвы Кутузов сделал следующие распоряжения:

Во-первых, для удаления обывателей из Москвы Кутузов посылал конных чиновников, которые к вечеру 1 сентября от Драгомиловской или Смоленской заставы, мчась вихрем по улицам, кричали: «Спасайтесь! Спасайтесь!»

Во-вторых, к утаению от неприятеля движений своих в Москве, он вытребовал не у графа Ростопчина, но у тогдашнего обер-полицмейстера Ивашкина опытнейших частных приставов для провождения его дальнейшими дорогами, чтобы, коснувшись различных застав, развлечь внимание неприятеля, а войско русское вывесть на предположенную Рязанскую дорогу.

В-третьих, к уловлению неприятеля за Москвою Кутузов остановил на Владимирской дороге войско, вновь устроенное князем Д. И. Лобановым во Владимире. Главный корпус находился в двадцати, авангард в четырех верстах от Москвы в Новой деревне. А чтобы показать Наполеону, будто бы и войско и обозы движутся к Казани, Кутузов приказал обер-полицмейстеру (также мимо графа Ростопчина): «Пустить по Владимирке весь огнегасительный снаряд»,— к которому прикинул несколько конных отрядов. Я видел оба предписания Кутузова Ивашкину, начертанные карандашом собственною его рукою. Слышал я также, что перед Бородинскою битвою и обозам приказано было повернуть на Владимирскую или Казанскую дорогу.

ОТСТУПЛЕНИЕ КУТУЗОВА ЧЕРЕЗ МОСКВУ ЗА МОСКВУ 2 СЕНТЯБРЯ 1812 ГОДА

Окинув таким образом сетями сдаваемую или, лучше сказать, оставляемую Москву, Кутузов второго сентября в девятом часу поутру стал выступать через Москву за Москву. С возвышенного берега Москвы-реки у Драгомиловского моста мы смотрели на веяние отступавших наших знамен. Кутузов ехал верхом спокойно и величаво. А полки наши, объятые недоумением, тянулись в глубоком молчании, но не изъявляя ни отчаяния, ни негодования. Они еще думали, что сразятся в Москве за Москву. По удалении Кутузова я возвратился домой с братьями, с некоторыми знакомыми офицерами и с генералом Евгением Ивановичем Олениным. На вопрос наш «Куда идет войско?» был общий спартанский ответ: «В обход». Но в какой обход? То была тайна предводителя. Я прочитал генералу Оленину записку мою о лесном вооружении: он жалел, что оно не было приведено в действие.

ВХОД НАПОЛЕОНОВА ВОЙСКА В МОСКВУ, 2 СЕНТЯБРЯ 1812 ГОДА

У предков наших до 1700 года день первого сентября был днем Нового года, днем пожеланий душевных, днем празднества и воспоминания, что этот день — день создания и рождения нашей земной обители. Почему же именно на другой день этого дня провидение послало тысяча восемьсот двенадцатого года могильную весть внешнего перерождения Москвы? Это его тайна. Наступил час вечерень. Колокола молчали. Узнав, что ночные удальцы московские, говоря просто, сбирались ухнуть на добычу и на грабеж, расторопный граф Ростопчин приказал запереть колокольни и обрезать веревки. Вдруг как будто бы из глубокого гробового безмолвия выгрянул, раздался крик: «Французы! Французы!» К счастию, лошади наши были оседланы. Кипя досадою, я сам разбивал зеркала и рвал книги в щегольских переплетах. Французам не пеняю. Ни при входе, ни при выходе, как после увидим, они ничего у меня не взяли, а отняли у себя прежнее нравственное владычество в Москве. Взлетя на коней, мы понеслись в отворенные сараи за сеном и овсом. В один день, в один час в блестящих, пышных наших столицах, с горделивой чреды прихотливой роскоши ниспадают до последней ступени первых нужд, то есть до

азбуки общественного быта. Мелькали еще в некоторых домах и модные зеркала и модные мебели, но на них никто не взглядывал. Кто шел пешком, тот хватался за кусок хлеба; кто скакал верхом, тот нахватывал в торока сена и овса. В шумной, в многолюдной, в роскошной, в преиспещренной Москве завелось кочевье природных сынов степей. В это смутное и суматошное время попался мне с дарами священник церкви Смоленской божией матери. Я закричал: «Ступайте! Зарывайте скорее все, что можно!» Утвари зарыли и спасли. С конным нашим запасом, то есть с сеном и овсом, поскакали мы к Благовещению на бережки. С высоты их увидели Наполеоновы полки, шедшие тремя колоннами. Первая перешла Москву-реку у Воробьевых гор. Вторая, перешед ту же реку на Филях, тянулась на Тверскую заставу. Третья, или средняя, вступала в Москву через Драгомиловский мост. Обозрев ход неприятеля и предполагая, что нам способнее будет пробираться переулками, я уговорил братьев моих ехать на Пречистенку, где неожиданно встретили Петровский полк, находившийся в арьергарде и в котором служил брат мой Григорий, раненный под Бородиным. Примкнув к полку, мы беспрепятственно продолжали отступление за Москву. По пятам за нами шел неприятель, но без натиска и напора. У домов опустелых стояли еще дворники. Я кричал: «Ступайте! Уходите! Неприятель идет». «Не можем уходить,— отвечали они,— нам приказано беречь дома». У Каменного моста, со ската кремлевского возвышения, опрометью бежали с оружием, захваченным в арсенале, и взрослые и малолетние. Дух русский не думал, а действовал. Мы тянулись берегом Москвы-реки, мимо Воспитательного дома. Не доходя Яузского моста, я снял крестоносную свою шапку, оборотился к златоглавому Кремлю, осенился крестом и, быстро поворотясь к Москве-реке, сорвал с себя саблю и, бросая ее в реку, сказал: «Ступай! Погребись на дне Москвы-реки, не доставайся никому!»

МОСКВА ЗА МОСКВОЮ

Русские за Москвою, полки неприятельские в Москве, Наполеон перед Москвою. Кутузов за заставою сидел на дрожках, погруженный в глубокую думу. Полковник Толь подъезжает к русскому полководцу и докладывает, что французы вошли в Москву. «Слава богу,— отвечает Кутузов,— это последнее их торжество». Медленно проходили полки мимо вождя своего. Как переменились ли-

ца русских воинов от утра до вечера! Поутру отуманены были их взоры, но уста безмолвствовали. Вечером гневная досада пылала в глазах их и из уст исторгались громкие вопли: «Куда нас ведут? Куда он нас завел?» Облокотясь правою рукою на колено, Кутузов сидел неподвижно, как будто бы ничего не видя, ничего не слыша и соображая повестку: «Потеря Москвы не есть потеря Отечества!»

В версте от заставы встретил я Якова Ивановича Десанглена, служившего при армии военным чиновником по особенным поручениям. Поздоровавшись со мною, он сказал: «Поедем в главную квартиру. Там должны быть теперь все усердные сыны Отечества».— «Не поеду,— отвечал я,— до оставления Москвы я порывался стать перед Москвою не на месте чиновном, но наряду с ратниками. Я был остановлен и оставлен в Москве, дело мое кончилось с Москвою. А за стенами Москвы я бесприютный отец бесприютного семейства».

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР ЗА МОСКВОЮ

Между тем угрюмо сгущался сумрак вечерний над осиротевшею Москвою; а за нею от хода войск, от столпившихся сонмов народа и от теснившихся повозок, пыль вилась столбами и застилала угасавшие лучи заходящего солнца над Москвою. Внезапно раздался громовой грохот и вспыхнуло пламя. То был взрыв под Симоновым барки с комиссариатскими вещами, а пламя неслось от загоревшегося винного двора за Москвою-рекою. Быстро оглянулись воины наши на Москву и горестно воскликнули: «Горит матушка Москва! Горит!» Объятый тяжкою, гробовою скорбью, я ринулся на землю с лошади и ручьи горячих слез мешались с прахом и пылью. Приподнимая меня, брат Федор Николаевич говорил: «Вы сами предсказали жребий Москвы, вы ожидали того, что теперь в глазах ваших».— «Я говорил о сдаче Москвы,— отвечал я,— я предвидел, что ее постигнет пожарный жребий. Но я мечтал, что из нее вывезут и вековую нашу святыню и вековые наши памятники. А если это все истлеет в пламени, то к чему будет приютиться мысли и сердцу?»

БИВАКИ ЗА МОСКВОЮ

В ночь с 31 августа на первое сентября бивачные огни отсвечивались перед Москвою, а в ночь второго сентября на третье они засверкали за Москвою, сливаясь с

первым отблеском зарева пожарного. Русский арьергард остановился по Рязанской дороге верстах в четырех от заставы. Обыватели втеснялись в ряды воинов, обозы сталкивались, отшатнувшиеся отряды от полков отыскивали полки свои. Я полагал, что если б в это расплошное время Наполеон бросил полка три конницы, он сильно бы потревожил нас. Но в Наполеоне не было уже полководца Бонапарта. За Драгомиловскою заставою он ждал послов: и — никто не откликался. Он требовал к себе и графа Ростопчина, и коменданта, и обер-полицмейстера: и никто не являлся. Кутузов ввел его в Москву и провел, то есть обманул. А Наполеон, затерявшись в недоумении, в первых своих военных известиях повестил, что будто бы русские в расстройстве бегут вслед за обозами и сокровищами по Казанской дороге. Часов до двух спал я на биваках сном крепким. На другой день вместе с братьями пристали мы к корпусу генерала Дохтурова. Тут же был и граф Ростопчин, но я с ним не видался. Ночью, кажется, с третьего на четвертое сентября дан приказ к боковому движению. Подполковник Букинский, очень хороший офицер, заступивший место Манахтина при штабе Дохтурова, сказал нам, что по всем поименованным в приказе селениям армия сближается с Москвою. Множество было предположений и догадок, но никто не попадал на настоящую цель Кутузова. На другой день около полудни мы оставили армию в десяти верстах от Бронниц.

СОСТАВЛЕНИЕ ОТРЯДОВ ВОИНОВ-ПОСЕЛЯН

Зная твердо историю, Наполеон должен был знать, что необычайные обстоятельства вызывают и необычайные усилия к защите жизни и родных пепелищ. Он мог припомнить, что при нашествии Ксеркса, а потом Мардония, вызвав в помощь всю природу, греки превратили в сторожевые повестки и горы, и холмы, и буераки, и вершины лесов. Перекликаясь таким образом посредством предметов безгласных, в один день на двух отдаленных местах, при Платее и Микале, они поразили и огромили персов. Появились и у нас в годину необычайную отряды поселян с своими вестовыми и условными знаками, с своею народною тактикою, которая часто расстроивает ученую тактику. Быстро разлетевшееся воззвание на три горы скликивало и соединяло московские дружины поселян.

ПОЖАР МОСКОВСКИЙ

Между тем, когда Мюрат ощупью отыскивал русское войско, исполинская Москва в обширном объеме своем тонула в море огненном.

«Палаты трещат;
Повозки спешат,
Осями толкаясь...
Народы толпятся;
Все бежит гурьбой;
Улицы струятся
Огненной рекой».

Это описание заимствовал я из стихов, изданных в Париже 1832 года.

Бланшар, сочинитель стихов, назвал их огнем небесным. Кому, чем и как было гасить в Москве огонь небесный? Кто жег Москву? Никто. В «Правде» графа Ростопчина, напечатанной им на французском языке в Париже, в этой правде все неправда. Полагают, что он похитил у себя лучшую славу, отрекшись от славы зажигательства Москвы. Если можно угадывать неисповедимые судьбы провидения, то эта слава, без всякого исключения, принадлежит Москве, страдавшей и отстрадавшей и за Россию и за Европу. Как владелец села Воронова, граф мог его сжечь, а при Наполеоне Москва отдана была на произвол провидения. В ней не было ни начальства, ни подчиненных. Но над нею и в ней ходил суд божий. Тут нет ни русских, ни французов: тут огнь небесный. Горели палаты, где прежде кипели радости земные, стоившие и многих и горьких слез хижинам. Клубились реки огненные по тем улицам, где рыскало тщеславие человеческое на быстрых колесницах, также увлекавших за собою быт человечества. Горели наши неправды, наши моды, наши пышности, наши происки и подыски: все это горело, но — догорело ль? А отчего за два столетия, то есть 1612 года, в земле русской все стремилось к Москве и в Москву; и отчего 1812 года все выселялось из Москвы и за Москву? Отчего 1612 года заключали спасение России в стенах Москвы и отчего о той же Москве 1812 года торжественно повещено было, что сдача Москвы не есть потеря Отечества? Это решит история, когда созреют события и когда она вызовет перо историка. Но я замечу только, что сдачи Москвы не было. По правам народным сдача происходит на положительных и определительных взаимных условиях. Милорадович просто сказал начальнику авангарда французов, что

если он завяжет при переходе наших войск на улицах московских бой, то он зажжет Москву. Это угроза, а не условие. Итак, еще повторяю: Москва была не сдана Наполеону, а отдана на суд божий.

ОСОБЕННОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Генерал Бутурлин в записках или в Истории своей о 1812 годе увенчивал графа Ростопчина славою римского героя, отдавшего Москву в жертву пламени пожарного. Это было сказано в первом издании, а во втором сочинитель объявляет, что он давал читать рукопись свою графу и что граф не предъявил никакого возражения касательно пожара московского. «Но,— продолжает сочинитель,— увидя «Правду» графа Ростопчина, напечатанную на французском языке в бытность его в Париже, я предположил, что при нем был какой-нибудь человек решительный, совершивший великий подвиг пожара московского».

Это смысл, а не перевод. Подлинника у меня нет.

1835 года в сентябре месяце приехал я из Смоленска в Москву и посетил одного из наших литераторов, приятеля моего. Увидя меня, он вскричал: «Отыскал, отыскал того, кто сжег Москву: это вы. Вы были у графа Ростопчина при особенных поручениях, и я передам потомству в записках моих, что пожар московский ваше дело». «При особенных поручениях 1812 года я был, духу народному давал направление, но Москвы не жег и не сжег». Я говорил, что если над Москвою ударит роковой час, то, подобно афинянам, обрекшим пламени Афины при нашествии Ксеркса, и мы, сыны России, не усумнимся подвергнуть Москву такому же жребию. Снова и теперь повторяю: Москву жег огонь небесный. Провидение окинуло в очах Наполеона гробовою завесою и прошедшее и настоящее и будущее. Он действовал отдельно от войска своего, отдельно от политических событий.

От Смоленска до Москвы Наполеон шел через огненное море, как же было ему мечтать, что в огненном потопе пожара московского он вынудит мир? Война 1812 года, война скифская все отдавала в жертву разрушения. Но, еще повторяю: в России Наполеон затерялся в Наполеоне. Все шло не по нем и мимо него. А потому солгал бы граф Ростопчин, если б на свой отчет взял пожар московский, несправедливо укорять в том и Наполеона. Москва, брошенная круглою сиротою на ратном распутье,

Москва горела и сгорела. Потомство не станет из пучины пожара московского выкликивать имен. Взглянув на объем 1812 года, оно скажет: «Москва горела и должна была сгореть. Трубы были вывезены, огни бивачные пылали по улицам, гасить их никто не подряжался. В стенах Москвы воевали и голод, и страх, и огонь, и пожар».

КОЛОМНА

Ночью под обширным разливом пламени пожара московского, днем среди общего смятения, продолжали мы путь свой и приехали в Коломну шестого сентября поутру, где было семейство мое у двоюродного брата моего В. А. Глинки, начальника артиллерийской роты. Весь город был в тревоге от молвы, будто бы к нему приближается неприятель. Казалось, что и камни улиц сбирались бежать. Обгоняли, толкали друг друга. Спрашиваем, где артиллерийская рота нашего родственника. Никто не останавливается, никто не слушает. У всех одна мысль: спасаться и спасать жизнь. Печально скитаемся из улицы в улицу, знаю, что мое семейство тут, и не знаю, как найти? Между тем загноившаяся рана брата моего Григория Николаевича требовала пособия. К счастию, на одном перекрестке встречаем лекаря. Идем снова разведывать, где рота и где мое семейство? Слышим, что какая-то артиллерийская рота будет переправляться через Оку. Ждем, стоим прикованными к берегу. Проходит полдень: нет никого. Наступает сумрак вечерний, нет никого. Гаснет в волнах Оки последний луч заходящего солнца: нет никого. Из Москвы выехал я с скорбью об Отечестве, из Коломны выехал с скорбью о семействе, выехал отцом — искателем семейства. И сколько отцов и матерей с горькими слезами отыскивали тогда малюток своих, затерявшихся между бесчисленными рядами сонмов народа и повозок обозных! Сколько раздавалось жалобных возгласов: «Где ты? Где он? Мы здесь!» За Окою встретила нас луна в полном блеске. Но и картина лунной ночи не веселила меня. Видя чрезмерную мою грусть, брат мой Федор Николаевич вызывался съездить в Коломну. «Не езди, братец! — сказал я,— умнее провидения не будем: отдаюсь на волю его!» Всю почти ночь не смыкал я заплаканных глаз, а если на один миг забывался, то, казалось, вижу милых моих, просыпался — и их не было!

ОСЕНЬ — ЛЕТНЯЯ.— ОТРЯДЫ ПЛЕННЫХ

Под шумом бури грозного нашествия осенняя природа отсвечивалась ясными летними днями. Известия Наполеона не обманывали Европу, что с ним «вступила в Россию весна Италии». Но человечество знает, как дорого заплатил он за мечты весны итальянской! С берегов Оки раннею зарею пустились мы по Рязанской дороге, сами не ведая и куда, и зачем, и где приютимся? Да и что было придумывать в быстром разгроме общественного нашего быта? Вихрь обстоятельств уничтожил переписку и возможность предпринимать что-либо с целью определенною. Давно сказано, что жизнь есть странствование, а тысяча восемьсот двенадцатого года мы узнали, что жизнь может быть кочевьем и там, где века утвердили заселение и поселение. Тянувшиеся отряды пленных, хотя и в малом объеме, но разительно представляли кочевье почти всех народов европейских. Тут были и французы, и итальянцы, и германцы, и испанцы, и португальцы, и голландцы, и все отрывки двадцати народов. Мы встретили один из отрядов, провожаемый нашими ратниками. Подъехав к пленным, спрашиваем по-французски, всем ли они довольны? Французский пленный отвечал: «Нас нигде не обижали, но мы с трудом находим пищу». «Что делать? — отвечал я,— и мы, русские, в Отечестве своем с трудом добываем кусок хлеба. Нашествие вашего императора все вверх дном перевернуло. У нас теперь у самих только два хлеба, и мы дорого за них заплатили. Но вы братья нам и по человечеству, и по христианству, а потому мы делимся с вами и по-братски и по-христиански». Мы отдали один хлеб, и у пленных навернулись на глазах слезы. «Нас обманули! — вскрикнули несколько голосов,— нас обманули! Нам говорили, что русские варвары, волки, медведи. Зачем нас привели сюда?» — «Может быть,— отвечал я,— бог это сделал для того, чтобы вы увидели, что и мы люди, что и мы умеем любить людей и уважать человечество». Чудное дело! Все это доводилось видеть и говорить в девятнадцатом столетии.

Мы жалели, мы и теперь скорбим о жребии злополучных жертв войны. Но гибельно было прохождение разноплеменных отрядов и для них и для нас. Вместе с ними вступили болезни тлетворные и распространились по следам их. Что же было бы с Россией, снова повторяю: если б отклонением войск к полуденным рубежам нашим, предположили защищать и заслонять Москву? Один из добрых моих приятелей напечатал, что я

несправедливо говорю, будто бы стратегия есть и искусство делать основное или общее предначертание войны и искусство действовать на души и умы жителей той земли, куда вносим оружие. Но я и теперь то же утверждаю, ибо надобно знать из вековых опытов, куда идешь, зачем идешь, с кем будешь иметь дело и как и с чем выйдешь? Надобно все это сообразить не только на основании штыков и пушек, но и на основании нравственном. «Без светильника истории,— сказал Суворов,— тактика потемки». Великий тактик Наполеон это знал, но провидение ввело его в те потемки, которые не осветлились даже и пожаром московским. Отдадим справедливость его полководцам, они не льстили ему. Князь Понятовский предостерегал его в Париже, а другие предостерегали его и в Витебске, и в Смоленске. Но мысль о Москве обхватила Наполеона бурным вихрем и вринула его в стены Москвы. Война-нашествие не есть война обыкновенная. Подобно скале гранитной, Москва противупоставлена была нашествию, и оно, приразясь к ней, раздробилось и обессилело. Тут дымом рассеялись и все замыслы стратегические и все извороты тактические.

МОСКОВСКИЕ ВЫХОДЦЫ

Есть пословица: «Кто на море не бывал, тот не знает, как молятся богу». Тысяча восемьсот двенадцатого года мы испытали, что «кто не видал горя московского, тот и не испытал, как радостно встретиться с москвичами!» В Зарайске, между прочими московскими выходцами, встретил я знакомца моего Ферапонтьева, старца маститого и страстного любителя и собирателя русской печатной и письменной старины. Летали вопросы за вопросами. Казалось, будто бы годы не видались, а прошло только несколько дней! Но в эти дни Москва отдана, Наполеон в нее вошел, и Москва загорелась. Так рассуждали мы, и почтенный старец в доброе напутствие благословил меня старинными святцами.

НАРОДНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Кто видел переправы через реки тысяча восемьсот двенадцатого года, тот видел переселение народа и народов. От бесчисленного скопления повозок, карет, колясок, телег, кибиток, дрожек иногда дожидались переправы по двое суток и более. Днем на пространстве нескольких

верст пылали прибрежные огни для приготовления пищи, а ночью для освещения. Это были переселенные биваки. Тут дружески сходились и наши раненые двадцати народов; тут были колыбели младенцев; тут раздавались вопли рожениц и пение погребальное. Тут в одни сутки проявлялись все переходы житейские, кроме хождения к алтарям брачным.

К счастью выходцев и переселенцев, осень лелеяла нас и роскошью лета и ясностью майской весны. Три времени года сливались в одно время. Проезжая зеленеющиеся поля рязанские, видя в летнем блеске рощи и дубравы, казалось, что природа переменила ход свой. Но под личиною запоздалого блеска какие грозные таились бури!

ПУТЕВЫЕ МЕЧТЫ

Доколе скитаемся на земле до заветной могилы, дотоле для нас, странников различных разрядов, настоящее промелькивает быстрым отлетом, а мысль залетает в то будущее, которое едва ли увидим. «Nous ne vivons jamais, nous espérons de vivre»,— сказал Паскаль и повторил Вольтер.

«Живя, мы не живем; надежде жизнь вверяем».

Продолжая наше странствие верхом и любуясь природою, мы сходили с лошадей и, ведя их под повода по опушке рощей и дубрав, рассуждали и мечтали о будущем жребии Отечества. «Если, сверх чаяния,— говорили мы,— Наполеон остановится зимовать в Москве, надобно будет броситься в леса смоленские, собрать новые дружины из крестьян и составить такое же лесное ополчение и в сопредельных губерниях. Безоборонною сдачею Москвы мы доказали Европе, что не приковываем независимости Отечества ни к улицам городов, ни к стенам столиц. А потому леса должны быть жилищем нашим до вытеснения завоевателя из земли русской. Мы, может быть, одичаем, но когда ударит час избавления Отечества, мы выйдем из глубины лесов с освеженными, с обновленными душами. Они умирали, они исчезали в вихре так называемого большого света. В общем кружении забывали и жизнь личную, и жизнь Отечества. Странное дело! Добрый Жан Жак Руссо уверял, что, когда Европа и Россия изнемогут под бременем роскоши, тогда полудикие племена горные и степные нагрянут на Россию и на Европу и повергнут их в оковы свои. Но что бы он сказал, если б при жизни его выхлынуло нашествие из недр образован-

ной и роскошной Европы?.. Наш век, вместивший в себя несколько веков, есть поверка столетий прошедших и указатель на будущее. Гордыня и тщеславие все переиначили, все исказили. Нет задушевного быта человеческого ни в России, ни в Европе. Но необычайные события производят и необычайные преобразования общественные. На этом основании мы предполагали:

во-первых, что сближение дворян с крестьянами к взаимной обороне Отечества сблизит их и на поприще жизни нравственной и что, не посвящая их в философы, они, по крайней мере, уступят им чреду людей.

Во-вторых, мы думали, что владельцы тысячей душ, бросят прихоти мод столичных и городских, заживут в поместьях своих, чтоб от различных управлений [1] не гибли имущества и не страдали наши почтенные питатели рода человеческого и Отечества, то есть земледельцы.

Наконец, мы воображали, что уничтожение всепожирающих мод и перемена безжизненного воспитания сроднят души всех сословий и вдохнут в них новое бытие».

Утопия! Утопия! Мечта! Мечта! Но Суворов наш и в ставке своей, и под стенами крепостей, и в раздумьях о славе, по собственному признанию, был в непрестанной мечте! А мечте и мечтам еще более разгула под открытым небом и в виду природы, цветущей без всякой примеси дел человеческих.

РЯЗАНЬ

По приезде в Рязань застали мы там несколько артиллерийских рот, отправленных, как мы видели, до сражения Бородинского. Из всех роскошей жизни вещественной я привык к ежедневной перемене белья. А потому тяжело мне было мчаться верхом от Москвы до Рязани в одной полуистлевшей рубашке. В Рязани заплатил я три рубля за ратническую рубашку и почитал это драгоценною находкой. На дороге к Рязани встретил я покойного Ф. Ф. Кузмина, известного математическими сведениями, и учителя Рахманова, издателя «Военного журнала», убитого под Лейпцигом. С ним ехал приятель его И. А. Двигубский, также и математик, и физик, и естествоиспытатель. Оба они признались мне, что запаслись кучею романов, чтобы чем-нибудь рассеивать горе и кручину. Читали мы в печатных записках, что и Кутузов чтением

[1] Слова из собственноручных записок князя Юрия Владимировича Долгорукова.

Жанлисовых романов рассеивал глубокую свою думу под Тарутиным, откуда рыцарским французским слогом писал к супруге своей: «Фортуна — женщина утомилась приголубливать угрюмого Наполеона; она оттолкнула его и подала руку мне, старику, присяжному обожателю прекрасного пола».

В это необычайное время исторических событий и живые романы странствовали и бродили, пускаясь на произвол судьбы и куда глаза глядят. Из Рязани два брата мои, Федор и Григорий, отправились к армии, а я остался как будто бы в пустыне.

КАСИМОВ. ПОЖЕРТВОВАНИЯ РОССИИ

До входа неприятеля в Москву расстался я с семейством, за Москвою потерял его из виду, из Рязани выехал странником-сиротою. Под Касимовым встретился я с тогдашним московским гражданским губернатором Н. В. Обресковым. К нему и дорогою приезжали из московских уездов чиновники для принятия наставлений касательно рекрутского набора. В одно время было и ополчение, и набор рекрутский, и необыкновенные поставки для армии или реквизиция. В одно время действовало войско; сражались дружины поселян, и составлялась резервная или запасная армия, служившая неистощимым рассадником в войну заграничную. Исполинская Россия обладала и исполинскими средствами. Скажу мимоходом, что Н. В. Обресков чрезвычайно был речист и в кругу прекрасного пола остроумно витийствовал о прелестях той лени, которую эпикурианец Монтаний называл убаюкательною подушкою умной головы. Кажется, однако, что проповедник лени не был тогда ленив. В Касимове застал я несколько раненых наших офицеров, в том числе и полковника Букинского, корпусного моего сопитомца. Он вышел в свет почти вовсе безграмотным, а тут удивил меня и знанием языков и другими сведениями. Говорящая корпусная садовая стена, на которой граф Ангальт начертал всю область мысли человеческой, споспешествовала, при удобном случае, к быстрому развитию понятия, не загнанного школьными указками. Сотоварищ мой был взят в плен французами 1799 года под Цюрихом в тот почти самый час, когда в стенах города смертельно был ранен Лафатер, пламенный друг человечества и великий романтик в духовном полете. Пробыв во Франции около года, Букинский возвратился оттуда с обильным запасом просвещения.

ПОЕЗДКА В НИЖНИЙ

В сиротстве страинническом грусть о семействе еще более западала в душу мою. Предполагая, что найду его в Нижнем, куда переселился почтенный дом Архаровых, близкий нам по воспитанию в нем жены моей, я решился туда ехать. Но с чем? На пути денежном я, в полном смысле, дожил до черного дня. Итак, я принес чистую исповедь в чахоточном бытии моего кармана Николаю Васильевичу Обрескову. Его уже нет в живых, но я живо помню, какою готовою рукою подписал он мне беспошлинную подорожную и дал двадцать пять рублей на дорогу. Спешу в Нижний, но чуть было не столкнулся с новою бедою на второй станции. Переменяя лошадей, я забыл в избе мешок с деньгами. Мы проскакали уже с полверсты, вдруг слышу голос: «Постой! Постой! Барин!» Останавливаемся, и крестьянин, гнавшийся за мною верхом, подал мне мешок, который был для меня тогда дороже Язонова руна золотого. Возбуждайте и пробуждайте нравственное чувство, природа засеяла в нем семена свои.

НИЖНИЙ

Завидя вдали Нижний с возвышения, мне показалось, что он тонет в яме. Тогда носился слух, будто бы он заменит сгоревшую Москву. От этой ли гробовой мысли или от горя сердечного, не знаю? Но знаю только то, что вид Нижнего не поразил меня. Один Минин заветным голосом откликался в душе. В стенах города спешу в гостеприимный дом Архаровых: увы! О семействе моем не слышу никакой вести, и не было никакой вести.

МОСКОВСКИЕ ВЫХОДЦЫ В НИЖНЕМ

Казалось, что все поприще московской словесности переселилось в Нижний. Тут был наш историограф Н. М. Карамзин, тут был любитель русского и французского парнаса В. Л. Пушкин, тут был А. В. Малиновский, начальник Московского архива, тут был и Константин Федорович Батюшков, переходивший попеременно от Граций к громам Беллоны и Марса. Тогда еще блистал он и весенней жизнью и прелестью ума. Узнав, что я приехал в Нижний с одной рубашкой, он от безымянного прислал мне различного белья. Он теперь об этом не припомнит,

пережив и себя и очаровательные думы свои. Я где-то читал, что волшебный воздух Италии действует на мозг непривычных. Так ли это или нет, но поэт наш из-под ясного небосклона Италии возвратился с унылой душой. Паскалю, испуганному падением кареты, почти непрестанно мечталась отверстая бездна, но он мог мыслить и передал потомству мысли, с которыми Вольтер и Кондорсе сочетали замечания свои. Батюшков злополучнее Паскаля. Ему кажется, что бездна могильная поглотила всех друзей его и что мимо глаз его идет новое поколение людей, чуждых душе его и сердцу. Умереть в душевной жизни и жить в пустынном сиротстве: мечта горестная и убийственная! Но Батюшков живет в творениях, дышащих весенним бытием ума и чувствительности. Он очень извинялся передо мной в Нижнем в том, что в рукописных своих стихах подшучивал в Москве над моим «Русским вестником». «Обстоятельства,— сказал он,— оправдали вас и ваше издание». Батюшков, А. Ф. Малиновский и другие вызывали меня издавать ежедневные листки, я отказался. Тоска сердечная отбивала у меня охоту от перьев и чернил.

Поэта нашего Жуковского не было в Нижнем. С пламенной душой поспешил он к развевающимся знаменам русским. Парение духа его усиливалось полетом необычайных событий. Он видел сподвижников новой, небывалой дотоле войны на лице земли. Он вник в душу каждого из них и в песнях своих передал им блеск их доблестей, в тех песнях, которые сливались с громами пушечными. Пылкая душа окрылялась, видя сотоварищей юных дней своих, летевших на смерть или к победе. Мы не завидуем заграничным поэтам, вступившим в ряды новоополченных воинов. Пал и у нас на лаврах юный Кайсаров, обменявший кафедру русской словесности Дерптского университета на шум грозных битв. Батюшков, питомец сердца и Граций, был под градом пуль, картечей, был ранен и снова готовился под знамена ратные. Князь П. А. Вяземский шел по следам своих друзей, и был на битве Бородинской. Тогда самоотречение было живою поэзиею души.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ И ВЕСТИ

Предполагали, что в Нижнем устроится главное ополчение и двинется к Москве мининскими путями. Предполагали также, что наш историограф будет сопровождать

его. В то же время из писем графа Ростопчина видно было, что он негодовал на Кутузова. Уверяли, что некоторые генералы подавали голос, чтобы пригласить на совещание о Москве графа Ростопчина; Кутузов не согласился. Как бы то ни было, но графу нечего было делать на совещании и не для чего было обнажать шпаги. По уставу действующей армии, изданному 1811 года, главнокомандующий войск при первом шаге в какую бы то ни было губернию уполномочивался и во всех внутренних распоряжениях того места. Из этой подведомственности не был изъят и граф Ростопчин. А потому, как мы видели, мимо его выпровожден из Москвы пожарный снаряд. Есть также печатное известие, что партизан Фигнер по сдаче Москвы оставался в Москве, что у него на квартире было множество фейерверочных припасов и что, когда он явился в стан Тарутинский, то Кутузов в виду армии обнимал таинственного выходца из сожженной Москвы. В Нижнем также разбегалось по рукам французское письмо, упомянутое мною. В Нижний донеслась и молва, что русское Тарутино превратилось в каламбур французский. В уста Наполеона влагали следующее признание Кутузову: Ta routine m'a déroulé; то есть: «Твой навык сбил меня с толку». Думало ли когда-нибудь русское Тарутино, что по выговору своему перейдет в замысловатый французский каламбур? Но — чего на свете не бывает.

ПОДВИГИ ПОДМОСКОВНЫХ ВОИНОВ-ПОСЕЛЯН

Личная безопасность и дух рвения, возбужденный необычайными событиями 1812 года, поощряли подмосковных поселян составлять дружины и отражать отряды неприятельские, рассыпавшиеся в окрестностях Москвы.

К дополнению исторической картины 1812 года предлагаю некоторые из подвигов воинов-поселян.

ДЕЛА ВОИНОВ-ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ПО ЗВЕНИГОРОДСКОЙ ОКРУГЕ

Приближаясь к Москве, неприятель занял почти весь Звенигородской уезд, кроме малой части селений к стороне за упраздненный город Воскресенск, который и при приходе всех его сил, не был захвачен. Жители окрестные, жители Воскресенска и жители тех селений, которые или захвачены были, или сожжены, собрались к общей обороне. Призывая на помощь бога, они единодушно по-

ложили защищать Воскресенск и не перепускать за него врагов. Предприятия свои основали они не на слепой отважности, но на благоразумии и осторожности. Они учредили денную и ночную стражу, расставили караулы по лесам и по всем местам, откуда скрытно можно наблюдать неприятелей; часто влезали для наблюдения на вершины дерев, хотя, может быть, и не слыхали, что Суворов то же делал. В перелесках, за буераками, везде осторожные воины-земледельцы расставляли недремлющую стражу. Сверх того установили, чтобы по звону колокольному сбираться им немедленно верхами и пешком, где услышат первый звон. На повестку сбегалось множество осторожных воинов-земледельцев: иные были вооружены ружьями, другие копьями, топорами, вилами и косами. Сколько побуждений оживляли воинов-поселян! В глазах их горели родные их пепелища, пылали верхи храмов божиих; в лесах далеко от них укрывались их жены, их младенцы, их старики, не могущие поднять ни оружия, ни рук!

Вооруженные поселяне неоднократно прогоняли неприятельские отряды, приходившие от Звенигорода и со стороны от Рузы; часто отражали их от самого Воскресенска, неоднократно бывали в сражениях одни и с казаками; поражали, брали в полон и доставляли пленных казацким караулам. В Звенигородской округе убито, ранено и взято в плен неприятелей вооруженными обывателями более двух тысяч. Таким образом воинами-поселянами защищен город Воскресенск, спасен монастырь, Новым Иерусалимом называемый, и охранена некоторая часть селений.

В делах воинов-поселян особенно отличились голова экономической Вельяминовской волости Иван Андреев и села Лучинского графа Голохвастова сотенной Павел Иванов. Голова Вельяминовской волости снаряжал, поощрял поселян, сам выезжал на сражение, часто бился с врагами, много способствовал благоразумными советами и распоряжениями и когда поселяне его благодарили, он говорил: «Благодарение бога! Он нас вразумляет». Сотенный Павел Иванов привел с собою всех своих сынов; снаряжал людей, бывал в сражениях, был ранен и сам перевязывал одного раненого сына.

Кроме двух упомянутых воинов-поселян, и другие немало способствовали к защите Воскресенска, монастыря и некоторых селений. Звенигородский мещанин Николай Овчинников, живший в Воскресенске, выезжал неодно-

кратно на битву, мужественно сражался и ранен в руку. Воскресенский купец Пентюхов, звенигородский мещанин Иван Горяинов, дворовый человек князя Голицына Алексей Абросимов, гр. Колошина служители Алексей Дмитриев, Прохор Игнатьев; помещика Ярославова Федор Сергеев, вотчинный староста графа Остермана села Ильинского Егор Яковлев, гр. Ардалионова сельца Ивашкова Устин Иванов, и того ж сельца крестьянин Егор Алексеев. Все мужественные защитники Воскресенска и сами храбро бились и других одушевляли.

ДЕЛА ВОИНОВ-ПОСЕЛЯН ПО ВЕРЕЙСКОЙ ОКРУГЕ

В исходе августа и в начале сентября неприятельские отряды, томимые голодом, непрестанно нападали на Вышегородскую волость графини Головкиной. Расторопные старосты Никита Федоров и Гаврила Миронов с сельскою своею дружиною отважно и неустрашимо отражали нападения.

Бегущие отряды неприятельские покушались перейти Протву реку, на которой была мукомольная мельница о пяти поставах. В руки их мог бы достаться запасной каменный амбар, в котором хранилось более пятисот четвертей ржи.

Два писаря Вышегородской волости Алексей Кирпишников и Николай Усков немедленно бросились в селение. «Друзья! — воскликнули они,— в последний раз докажем нашу верность, враги бегут из Москвы; вооружимся! Бог нам помогал, бог нам поможет». Мгновенно собралось до пятисот воинов-поселян, и полетели против отряда неприятельского, состоявшего из трехсот человек. Между тем, когда мужественные крестьяне отражали отряд неприятельский, бывший в то время на мельнице работник Можайской округи, экономической Ретайрской волости, Ильинской слободы крестьянин Петр Петров Комоланов и товарищ его из деревни Лобованой графини же Головкиной Емельян Минаев, дав друг другу крепкое слово или умереть или отбить врагов; под частыми ружейными выстрелами разрушали валы плотины и спускали воду, разбрасывая оплоты, которыми удерживалась она в пруду. Спустя воду, остановили они неприятельский отряд, спасли дом, хлебный запасной амбар, дворы и имущество набережной слободки, состоящей из сорока восьми домов, церковное жилье, наконец, отстояли вотчинную церковь Успения божией матери. Мужест-

вом воинов-поселян при том же случае спасены села Доброво и Понизовье. Служители алтарей господних, благословенные святейшим Синодом на оборону Отечества, также ревностно участвовали в защите селений и храмов божиих. Иоанн Скабеев, верейский соборный священник села Дубровы, прилежащего к селу Вышегороду, с рвением пастырским возбуждал крестьян непоколебимо стоять за веру и родную землю! Успенской церкви пономарь Василий Семенов, находясь тогда в селе Дуброве и животворясь примером усердного пастыря, участвовал в его общеполезных подвигах и неоднократно с оружием в руках встречал и гнал неприятеля.

ПОДВИГ ГРАЖДАН ГОРОДА ВЕРЕИ

Воины-поселяне действовали в округе Верейской, а мещане верейские действовали при освобождении первого из русских городов, занятых 1812 года неприятелем, то есть Вереи. Этот лавр стяжал генерал Дорохов. На трудный, убийственный приступ вели его четверо верейских мещан. Не щадя жизни открытою грудью бросались они на валы крепостные и на груди их блеснули военные знаки Георгия-победоносца.

Храня в незабвенной памяти подвиг граждан верейских, Дорохов, уклонясь за болезнию с поприща военного, писал к жителям Вереи: «Если вы слышали о генерале Дорохове, который освободил ваш город от врагов Отечества нашего, то в воздание дайте мне три аршина земли для вечного моего успокоения при той же церкви, где вместе с храбрыми вашими гражданами я взял приступом укрепление неприятельское. Дети мои будут вас благодарить, а я и в могиле награжден буду любовью вашею».

ДЕЙСТВИЕ ПРИРОДЫ. ПЕРВОЕ ОКТЯБРЯ 1812 ГОДА

Упомянул я, что никакие сношения, существовавшие до нашествия, не могли известить меня о семействе моем, но тут природа взяла свои права. А как, увидим.

Наступил день первого октября. Наступил день, в который угодно было провидению назначить первые движения Наполеону к выходу из Москвы, а мне, горестному страннику, назначить первую встречу с семейством.

Расскажу сперва о последнем обстоятельстве.

Первого октября с мыслями туманными в десять часов утра вошел я в спальню Ивана Петровича Архарова.

Радушный мой гостеприимец лежал еще в постели, а подле него сидел незнакомый мне человек в мундире морской службы. Завязался общий разговор. Незнакомец пристально всматривается в меня и прислушивается к моему голосу. Порывисто встает он и говорит: «Позвольте спросить, как вас зовут?» Я откликнулся вполне, а незнакомец продолжал: «Извините, что не зная вас, я отнесся к вам. Голос ваш сходен с голосом вашего братца Ивана Николаевича, который теперь с князем Лобановым в городе Горбатове, где и семейство ваше». Вестником по сходству голоса был мичман Сущов.

Перекрестясь в восторге душевном, я поспешил за подорожною и полетел в Горбатов. Быстро мчалась моя тройка, еще быстрее сердце стремилось к милым. Сердце и мысли мои были у колыбели дочери и с матерью ее. Молнией примчался я в Горбатов в шестом часу вечера, то есть в тот самый час, когда за месяц перед тем выехал от неприятеля из Москвы. Был еще только четвертый год нашего супружества. Мы пошли к алтарю брачному не по расчетам и не по уставам светским, нас вели к нему сердце и любовь. Что же чувствовала подруга моя в продолжении целого месяца, слыша, что я был и при армии и в тех местах, куда ожидали неприятеля? Тут говорят одни слезы, а что они говорили, того не выскажет перо.

Вот повесть о разлуке нашей.

В то самое время, когда в Коломне пошли мы перевязывать рану брату нашему Григорию Николаевичу, ехавший с нами полковник Кочубей отыскал роту двоюродного брата нашего Владимира Андреевича Глинки и известил обо мне мое семейство. Немедленно разосланы были гонцы отыскивать меня и братьев моих. Тщетны были все их поиски. Между тем весть о приближении неприятеля в Коломну час от часу усиливалась. Родственник мой, получив приказ следовать с артиллерийскою своею ротою в Орел, присоветовал семейству моему ехать по Владимирской дороге. Под покровом одного провидения прибыло оно к темной ночи в городок Егорьевск. Карета, занятая в Москве, остановилась на пустой улице. Накрапывал дождь. Мрак ночи сгущался. Престарелая родственница жены моей, выехавшая с нею, готовила из истолченного хлеба пищу для нашей дочери-младенца, оставленной бежавшею кормилицею под Москвою. Вопли младенца и гробовая тоска истомляли душу ее матери. Вдруг слышит она голос: «Поезжайте в богадельню, там вас примут». Быстро выглянув из кареты, жена моя уви-

дела старика у кареты, опершегося на костыль с непокрытою головою. Ветер развевал седины его. Жена моя готовилась его благодарить, но он исчез как призрак скоротечный. Следуя внушению старика, семейство мое направило путь к богадельне и принято было с христианскою готовностью. Есть пословица, что беда беду следит. Случается, что и отрада идет вслед за отрадою. На другой день пришли в Егорьевск полки князя Лобанова; на другой день брат мой Иван Николаевич, бывший при князе квартирмейстером, встретил мое семейство и сопровождал его до Горбатова, где неожиданная судьба и меня соединила с ним.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ДОБЛЕСТИ 1812 ГОДА

Не посягая на чужое, предложу только то, что непосредственно было сообщено мне. Много предъявлено и много еще не высказано доблестей, ознаменованных тем парением духа, который показывает свойства народные и жизнь душевную. Мы видели времена необычайные; видели их и другие народы: и если собрать и соединить все то, что в них совершилось, то убедятся, что самоотречение вполне выражает жизнь душевную. В предъявлении жизни народной или, лучше сказать, жизни человечества, есть собрания вековых преданий поэтических. Соберите все события самоотречения народного, и вы представите деятельную поэзию духа человеческого.

А я предлагаю здесь о своих и из своего.

Июля 17 Западная армия вступила в город Поречье. С выходом оттуда полков наших выходили и обыватели, с живою горестью прощаясь с семейными приютами своими. «В это время,— говорит офицер, сообщивший известие в «Русский вестник»,— забежал я в дом, где был мой ночлег. И какое зрелище поразило глаза мои! Престарелый мой хозяин стоял на коленях и молился. По сторонам его стояли также на коленях жена его, невестка и пятеро внуков. Углубленный в молитву душевную, он не заметил прихода моего, встал быстро, вынул из киота образ спасителя, благословил им всех и каждого, отдал образ жене и сказал: «Возьмите все нужное на путь дальный. Бог с вами! Ступайте! А я останусь. Я стар: вам и без меня будет тяжело. Убьют: будь воля божия!»

В последние дни до оставления Смоленска у всех была одна мысль: бог и Отечество. Воины и жители с брат-

ским радушием ходили по церквам, а когда 26 июля отдан был приказ идти вперед, обыватели, вооружаясь чем кто мог, спешили за войском. Снова возвратились полки наши в Смоленск, и упорный горел бой трехдневный. С четвертого на пятое число Наполеон с грозным напором всех сил своих порывался перехватить московскую дорогу, в удержании которой состояла главная цель вождя русского войска. А для этого нужно было удерживать и защищать несколько времени город. В стенах его Дохтуров сменил корпус Раевского, который и выдерживал и отражал сильные нападения неприятеля. Сменя Раевского, Дохтуров продолжал мужественные его подвиги. Каждый шаг был оспориваем, и каждое мгновение увенчивалось отважностью. Около трех часов пополудни Дохтуров и генерал Коновницын летят к Молоховским воротам. От яростного и жестокого напора сил неприятельских один из полков наших дрогнул. Вожди русские вскричали: «Ребята! Вы сражаетесь на родной земле за царя и Отечество! Вы храбро разили, новая слава вас ждет!» Загремело: «Ура!» Заблистали штыки, неприятель отступил. Англичанин Вильсон, очевидец битвы смоленской, говорил, что одни русские так сражаются, как сражались они в стенах Смоленска. Русские достигли цели своей: дорога московская удержана. Началось отступление войск, и обыватели с ними только стали выходить из города. Но как описать то мгновение, когда из стен разгромленных, когда при пламени пожарном, поднята была икона Смоленской божьей матери! Не вопль отчаяния, но среди плача и рыдания, раздавался жалобный голос благоговейного умиления: «Заступница наша оставляет нас!»

Смоленск вышел из Смоленска, и быстрая весть о том разлетелась из уезда в уезд, из села в село, из деревни в деревню и донеслась до Москвы. Подмосковные отцы-поселяне спешили благословлять в ополчение жертвенное сынов своих и, прощаясь с ними, говорили: «Умирайте, а не сдавайтесь!» Подмосковного села крестьянин Никифор Михайлов трех сынов благословил на дело ратное.

Трудно воевать с душами.

За несколько дней до битвы Бородинской убит был под Колоцким монастырем донских войск генерал-майор Иван Кузмич Краснов первый, который за отъездом М. И. Платова в Москву, занял место его.

Объяснимся об этом.

Опытные полководцы орлиным взглядом высматривают свойства ума и дарования сподвижников своих. Суворов вполне разгадал тонкий, проницательный ум Кутузова и своими намеками передал и другим мнение свое о нем. «Кутузова,— говорил он,— и де Рибас не обманет. Я не кланяюсь Кутузову, он поклонится раз, а обманет десять раз». Сбылись слова Суворова. Отправляясь к войску, Кутузов ни себя, ни других не обольщал славою будущих побед, он желал только обмануть Наполеона, который и в свою очередь называл его старою лисицею. Но против льва завоевательного надлежало употребить все оружия. К числу хитростей, уловивших Наполеона, Кутузов прикинул и мнимую ссору с Платовым. Коленкур, который (как увидят в записках моих) жаловался на меня за статью, помещенную в «Русском вестнике» после Тильзитского мира и в которой явно высказано было то, что постигнет Наполеона, если посягнет на спокойствие России; Коленкур и себя и властелина своего обманывал: «будто бы война турецкая истощила войско Донское и будто бы Дон опустел и обессилел». Кутузов и Платов знали об этой молве и разыгрывали притворную ссору. Чуждаясь самонадеяния, я, может быть, предлагаю это и как догадку, но то истинно, что когда донской атаман за несколько дней до битвы Бородинской прискакал в Москву на дачу к графу Ростопчину, разнеслась громкая весть о размолвке его с Кутузовым. Предполагали тогда же (как выше упомянуто), будто бы на даче находился и государь. Был ли там государь или нет и нужно ли было личное его присутствие для распоряжений касательно донских полков, которые быстрым прилетом под Тарутино были первыми вестниками победоносного преследования нашествия? Не входя об этом в исследование, обращаюсь к генералу Краснову.

За отсутствием Платова Краснов начальствовал в авангарде Донскими полками на высотах у Колоцкого монастыря. Жестоким огнем действовали неприятельские и русские батареи; Краснов молниею перелетал с одного крыла на другое под тучею пуль, картечи и ядер. Его приметили с французской батареи и направили роковой удар.

Умирающий герой, увидя внука своего, есаула Гладкова, недавно прибывшего с Дона, с ласкою сказал: «И ты здесь, очень рад, ты будешь мне нужен». В стенах монастыря тотчас отыскали лекаря. Но раненая нога

так была раздроблена и измята, что невозможно было перевязать.

Между тем конница неприятельская усилилась с левого крыла, по малолюдству полки наши поотдалились. В то же время с ближайших батарей густо летели ядра. Надлежало спасать раненого не от смерти, но от плена. По дороге к Бородину дали отдохнуть Краснову, где, встретясь с генералом Иловайским пятым, сдал ему начальство и сказал: «Отражай! Гони неприятеля, и я радостно умру!»

Немедленно препоручено было есаулу Гладкову препроводить Краснова в главную квартиру и отыскать знаменитого врача Виллие. Отнятие ноги сделано под открытым небом в присутствии Барклая-де-Толли и Платова, возвратившегося из Москвы. Войска двигались к Бородинским батареям. Раненый Краснов страдал и терпел. Один только раз, несколько поморщась, сказал Гладкову, который поддерживал его голову: «Скоро ли это кончится?» — «Скоро!» — ответил Гладков.— «А нога где?» Внук замолчал. На окровавленном ковре перенесли Краснова в квартиру Барклая-де-Толли.

Между тем пушки гремели непрестанно. Как будто бы пробуждаясь от тяжкого сна, умирающий герой спрашивал: «Что делают наши?» Гладков отвечал: «Дерутся».— «Кто кого бьет?» — «Наши!» — «Хорошо ли?» — «Как русские!» Вдруг гусарский офицер вбежал в комнату с ложной вестью и сказал: «Даву убит!» — «Слава богу! — воскликнул Краснов,— он был злой человек!» «Приподнимите меня,— продолжал он,— я сам хочу посмотреть, что делают наши». Ему отвечали: «Наши бьют французов».— «Слава богу! Дай бог!» Тут хотел он перекреститься, но правая рука уже была неподвижна. Краснов скончался через четырнадцать часов после раны. Внук препроводил тело его в Москву. Погребение происходило 27-го числа, когда носились неявственные слухи о кровавой битве Бородинской. Народ отовсюду стекался в Донской монастырь, где отпевали Краснова и где предан земле прах его. Вместе с ним сходили в могилу и последние дни Москвы, которой на поле Бородинском принесена была душою и кровью русской последняя за нее жертва.

На заре прекрасной жизни в исполинскую могилу битвы Бородинской пал и юный Павлов.

Едва разнеслась молва, что будет бой валовой, Василий Александрович Павлов, подпоручик гвардейской

артиллерии, пылая восторгом благоговейным, исповедался и причастился в Колоцкой обители. Перед лицом даров господних он заранее отрекся от весенней жизни своей!

На рассвете гробового и великого дня Бородинского Павлов нарядился, как будто бы на какой-нибудь торжественный смотр. Отдавая пыльную одежду верному служителю своему, он простился с ним навсегда. Добродушный слуга порывался вслед за юным господином своим. Павлов сказал: «Оставайся здесь, там наше место».

При первых вестовых выстрелах грозной битвы Павлов с душевным восхищением сказал сотоварищам своим: «Вера говорит, что самая большая любовь полагать душу за братий своих!»

Павлову было еще только девятнадцать лет. Щадя юношу, начальник хотел поместить его там, где, казалось, будет безопаснее. Павлов возразил: «Никому не уступлю своего места; мы во ста верстах от Москвы; там моя родина, там моя мать!.. Время ли теперь мыслить о личной своей безопасности? Я отдал жизнь мою богу, царю и Отечеству!»

Не успевала парить смерть в громах пушечных! У воинов русских была одна мысль: за нами Москва, мы сражаемся за Москву! Один только раз оглянулись они назад, когда, мысленными очами взирая на блестящие главы храмов московских, осенились крестом на жизнь или на смерть за Москву!

Под тучею смертною юный Павлов меткими выстрелами взорвал на воздух одиннадцать неприятельских ящиков. Генерал Ермолов, свидетель непоколебимого мужества Павлова, обнял его и приветствовал с царскою милостью. А юный герой, он — с приветом Алексея Петровича в четыре часа пополудни при громах и молниях убийственных отошел в вечность — досматривать оттуда конец боя.

Осиротевшая мать юноши, прочитав о нем известие в «Русском вестнике», препроводила к издателю следующее письмо: «Горячими слезами оросила я те страницы, в которых напоминание оживило для меня моего сына! Плачу и теперь. Не величаюсь твердостью духа матерей спартанских. Знаю, чего лишилась и что потеряла. Он произносил имя мое в последние часы жизни своей: не могу его забыть! Но как христианка смиряюсь перед судьбами провидения; а как мать россиянка, и в чрез-

мерной горести моей нахожу ту отраду, что любезное отечество наше не забудет моего юного, неоцененного сына».

Ни оружие сынов России, ни молитвы и слезы матерей не спасли Москвы. Видели мы вход в нее полков завоевателя, видели пожар московский, видим и горе исполина нашего века. Он просит и перемирия и мира. Лористон, посол его, совещается с Кутузовым. А умный наш вождь, забавляя посла Наполеонова мечтами о мире, ждет вспомогательного войска, высылаемого северною природою, ждет морозов и бурь зимних. Ждет он также с берегов тихого Дона и новых полков.

Морозы и бури зимние впереди, полки донские летят в стан Тарутинский.

И какие полки! Сыны заветной славы донской; двадцать полков, отслуживших по тридцати и по сорок лет. Вся ратная жизнь Дона устремилась с ними с родных пепелищ на новые труды, на бой и смерть. Думают, будто бы Кутузов не знал о походе тех полков. Он знал, но молчал о том, чтобы нечаянность распространила и приятное изумление и новое ободрение духа. Так и сбылось. Появление ветеранов донских было праздником в стане русском. Начальники и рядовые говорили друг другу: «Как не постоять нам за себя, как не прогнать врага? И старики донские поднялись!»

НЕКОТОРЫЕ ПОДРОБНОСТИ О ГЕНЕРАЛЕ ДОХТУРОВЕ

26 августа 1812 года в день достопамятной битвы Бородинской Дохтуров начальствовал сперва серединою войск, а потом левым крылом. Учинясь преемником князя Багратиона, оставившего поле сражения за раною, поддержал он славу его и усугубил сияние своих подвигов. Вскоре по прибытии на левое крыло Дохтуров получил от князя Кутузова записку, чтобы держался до тех пор, пока не будет повеления к отступлению. Оживотворяясь любовью к Отечеству, честью и долгом, Дохтуров был везде, где была опасность. Ободряя примером своих воинов, он говорил: «За нами Москва, за нами мать русских городов!» Смерть, встречавшая его почти на каждом шагу, умножала рвение и мужество его. Под ним убили одну лошадь, а другую ранили. На грозном поприще смерти провидение охраняет героев в то самое время, когда они, отрекаясь от самих себя, полагают

жизнь свою в жизни и славе Отечества. Дохтуров одиннадцать часов выдержал сильный и необычайный напор французских войск; он мог сказать по всей справедливости: «Я видел своими глазами отступление неприятеля и полагаю Бородинское сражение совершенно выигранным». Это слова Дохтурова. Относя все к другим, он молчал о себе. Скромность была с ним неразлучна.

12 октября 1812 года Дохтуров отмстил Наполеону за пепел Москвы, любезной его сердцу: он первый встретил французов под Малым-Ярославцем, первый вступил с ними в бой; тридцать шесть часов удерживал их от упорных покушений ворваться в полуденные области России. Семь раз штыки русские наносили врагам смерть и поражение, но силы их, непрестанно умножавшиеся, угрожали новою опасностью. При одном отчаянном натиске Дохтуров воскликнул: «Наполеон хочет пробиться, он не успеет, или пройдет по трупу моему». Штыки и груди воинов, одушевленные голосом отца-начальника, удержали стремление врагов до прибытия подкрепления. Малый-Ярославец сделался венцом славы Дохтурова, и грудь его украсилась орденом Святого Георгия второй степени.

В то уже время, когда Дохтуров уклонился с поприща службы, сослуживцы его, сохраняя живое воспоминание о подвигах его под Малым-Ярославцем, препроводили к нему следующее письмо через генерала Капцевича: «Третий корпус, служивший с честью и славой под вашим начальством в знаменитую 1812 года кампанию, подносит чрез меня Вашему высокопревосходительству в знак признательности табакерку с изображением подвига Вашего при Малом-Ярославце и просит принять оную как памятник признательности».

ПУТЕВЫЕ МОИ ЗАПИСКИ С СЕМЕЙСТВОМ 1812 ГОДА. ГОРБАТОВ

В числе выходцев из Смоленска встретил я в Горбатове и родственников, которые до приезда моего познакомились с семейством моим. Повторяю и здесь, что в переселении тысяча восемьсот двенадцатого года жизнь душевная и возобновлялась и обновлялась. За потерю имуществ и разорение услаждались сердечными свиданиями и напоминаниями о счастливых днях родственных. Тут сердце и мысли вызывали всех и все; в разговорах задушевных быстро улетало время.

Из Горбатова переход полку, состоявшему в запасном войске князя Д. И. Лобанова, назначен был сперва в село Павлово, а потом в город Арзамас.

Свидание с семейством вывело мысли мои из оков тяжкой скорби. Снова судьба Отечества заняла всю душу мою. Во весь переезд от Горбатова до села Павлова по непривычке моей к карете и по охоте к прогулке я шел пешком. Ока, Волга и события минувшего напоминали о тех временах, когда Россия стонала под вековым игом монголов или татар. «Но,— думал я,— как исчезла Орда Золотая, потрясавшая царства и порабощавшая народы? Кто сдвинул се с лица земли русской? Одна земля русская без помощи заемной. Тяжело было России и 1612 года, но кто и тогда вытеснил сопротивников и отстоял Москву Москвою? Одни русские. Следственно, сила Отечества — в Отечестве. Рим ускорил падение свое захватом обладания всемирного; он тогда пал под секирами дикарей, когда силе нравственной не на что было опереться в обширном разгроме римского владычества и когда имя римлян, некогда изумлявшее народы, превратилось в оглашение уподления духа, корысти, лжи и разврата. Много,— прибавлял я в мыслях моих,— доставалось мне за такие возгласы в «Русском вестнике». Но если возвращусь в Москву, то опять примусь за то же». Совесть моя удостоверяет меня, что я был прав в моих предчувствиях. Пусть заглянут в книжки «Русского вестника» от 1808 до половины 1812 года; я шел одной дорогой, теперь перед нами раскинулось много дорог. Но и у провидения много своих путей, оно не раз спасало Россию Россией.

СЕЛО ПАВЛОВО

В таких и подобных этому рассуждениях я дошел, а мои доехали до села Павлова. Россия — край дивный! Взгляните на это село; какие красивые дома каменные с садами и со всеми привольями жизни, а это все на роскошном берегу Оки, обогащающей прибрежных жителей. И какие жители! На лицах — цветет здоровье, в домах — изобилие. Тут не встретите ни одного нищего. А вот отчего? Благодаря умной, деятельной промышленности мужей своих жены богатых поселян или купцов (как угодно назовите) сами на себя работают. «У нас,— говорили они нам,— свое дело. Мы смотрим за детьми и за домашним обиходом, а одежду и все прочее заготовляют для нас наши бедные. Нам нет в семье помехи, да и они кор-

мят свои семейства, оттого и не шатаются по чужим сторонам». А когда жены зажиточных мужей выедут в праздничные дни для прогулки: какие телогреи, какие головные уборы! кипят бисером и жемчугом. Это и село и город, и, должно прибавить, что тут жители, занимающиеся железным издельем, заготовляли все нужное для исправности ружей. За работу запроса и в помине не было, спрашивали только: «Что надобно? Что нужно?»

Я стоял в доме чрезвычайно зажиточного поселянина или купца. Старик, отец его, человек весьма грамотный в старине, любил заводить со мною прения. Иногда соглашался, а иногда приговаривал: «Оно бы и так! Да дай сердцу волю, так и заведет в неволю».

Москва, старинная очаровательница духа русского, и в пожарных развалинах своих отовсюду манила к себе мысли. Из села Павлова непрестанно летали в нее расторопные гонцы за вестями. Тут услышал я весть о выходе из Москвы полков Наполеоновых. Рассказ был следующий: «Отряд генерала Винцегероде, находившийся сперва в Клину и потом сблизившийся к Москве, октября 12-го вступил в Москву. Остановя отряд на Тверской, генерал поскакал к Иверской божией матери для переговоров, но его захватили и привели в Кремль к маршалу Мортье. Наш генерал жаловался за задержание его вопреки законов войны. Маршал отвечал: «Делать нечего! Я должен спасать своих. Отсутствие ваше приведет ваших в недоумение, а я, между тем, выйду с моими безопасно». При взрыве под Кремлем маршал двинулся в поход в Калужскую заставу на Воробьевы горы и далее.

ВЫХОД ИЗ СЕЛА ПАВЛОВА

Выход запасного полка из села Павлова был новым торжеством духа народного. Все ружья исправлены были павловскими работниками железных изделий; всем рядовым розданы были рукавицы и все нужное для охранения от зимних непогод. Дары гостеприимные и хлеб-соль провожали полк от села Павлова до города Арзамаса.

АРЗАМАС

Вслед за полком отправился и я с семейством моим в город Арзамас. Приближаясь к Арзамасу, глазам моим представился как будто бы новый Кремль. Зодчество ба-

шен, слияние красок, а еще более волшебство воображения выводили подорванный Кремль московский из могильных его развалин. Там гулял я каждый день, оттуда мелькал в глазах моих Кремль арзамасский, оживляя Кремль московский.

«И дым отечества нам сладок и приятен!» —

1812 года это высказывалось не в одном «Русском вестнике», а везде.

В порыве усердия Арзамас не уступал ни одному из городов русских. Тогда городским головою был Иван Алексеевич Попов. У него ум основательный и сердце нежное и сострадательное. Я говорю у него в настоящем времени, желая, чтобы он был жив и расцветал жизнью. Часто, очень часто судьба не щадит и лучших из людей! Смерть, как будто бы избрав в целом городе особенною жертвою семейство добродетельного гражданина, поразила истребительной косой и супругу его и детей, но не исторгла из души его любви к страждущему человечеству. В воспоминание душевных друзей своих благодушный городской голова арзамасский устроил, во-первых, дом для училища; во-вторых, страннoприимный дом для бедных; в-третьих, приют сиропитательный. В то же время общим рвением граждан арзамасских сооружался велелепный собор. При буре нашествия, поражавшего Россию, пожертвования частные сливались с общими. Длань русская, движимая душою, готова была все отдать Отечеству.

В Арзамасе встретил я полковника Бобаедова, пришедшего туда до нас с прочими запасными полками князя Д. И. Лобанова. В лице полковника обнял я избавителя моего семейства.

Вот как это было.

Карета наша прибыла к одной переправе, наскоро сделанной на Оке. Я сказал уже, что семейство мое, присоединясь к войску в Егорьевске, не отлучалось от него. Брат мой Иван Николаевич советовал жене моей выждать переправу всего войска, чтобы потом спокойнее переправиться. Но как шатки бывают предосторожности человеческие и в большом и в малом объеме существования нашего! По какому-то сердечному побуждению жена моя решилась переправиться до удаления войска, и это спасло ее. Берег был крутой, ветер пронзительный бушевал над рекою. Нельзя было выйти из кареты с младенцем, едва дышащим. И так, сидя в ней, съехали на

плот, и вдруг в нескольких шагах от берега задние колеса скатились с плота и увлекали за собою карету. Грозила гибель неизбежная. Но тут был полковник Бобаедов. «Ребята! — закричал он полку,— спасайте карету!» Быстро несколько человек бросились в воду, воскликнули: «Братцы, дружнее!» И в одно мгновение поставили карету на плот. Не стану повторять сердечного излияния при свидании с избавителем моего семейства. Скажу только, что во времена рыцарские полковник Бобаедов шел бы по стопам Боярдов, чистых славою и душою. С умом просвещенным соединилось в нем сердце, полное тех ощущений, которые везде дарят жизнь новою жизнью. Совершал он полет с Суворовым на цветущих полях Италии и на грозных вершинах Альпийских. Страстно любил он героя своего, но и говоря о Кутузове, прибавлял: «Михаил Илларионович не выдаст ни себя, ни славы русской. Досадно, что я попал в полки запасные: что делать? Дойдет очередь и до нас. Мы гоним Наполеона, а он поведет нас за собою. Будем и мы в числе его провожатых. Суворов обвивал славою штыки русские в стране древних римлян; кажется, что они в сиянии той же славы блеснут и в пределах древней Галлии. Наша запасная молодежь не уступит полкам действующим. Дух русский скоро обстреливается и созревает под свистом пуль и градом картечным».

Думаю, что великодушного полковника нет в живых. Он уже 1812 года богат был и летами доброй жизни и ранами. Но доколе не кончится наше земное странствие, он будет жить в сердцах моего семейства.

В Арзамасе прочитал я первое печатное известие об освобождении Москвы от плена нашествия. В тех же «Московских ведомостях» помещен был и рескрипт, данный мне за любовь к Отечеству, за деяния и сочинения. Я пламенно любил Отечество, но если б 1812 года и не горела бы эта любовь в сердце моем, то она запылала б от жарких и повсеместных проявлений самоотречения; и признаюсь, что весть о Москве заполонила во мне все то, что могло мне напомнить о личности моей. В источнике любви общей — жизнь Отечества и человечества.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК. ВЫЕЗД ИЗ АРЗАМАСА

Под бурями зимы суровой, зимы, которая как будто бы несколько лет зарождалась в сокровенной храмине вьюг и метелей, выехал я из Арзамаса.

Ужасная година поражала тогда нашествие! Содрогается сердце от одного напоминания о тех бедственных днях. Такой скорби никогда не было на лице земли. Не было и такого завоевателя, какой явился в девятнадцатом столетии. Ужасно было бегство горестных его жертв! Уныло и мы, странники тысяча восемьсот двенадцатого года, скитались в Отечестве.

Ужасно было бегство из России и для нашествия и для жителей России. От прихода пленных и в пределах Нижегородских зарождались болезни повальные. А что было в Смоленске и в уездах его! Горе было тому, кто прикасался или к добыче, или к пленному. Смерть морозная везде встречала Наполеоновы полки, а за ними смерть тлетворная пожинала жертвы свои. Едва новая беда не постигла и семейство мое. Мы съезжали с одной горы, а с другой быстро мчавшиеся зимние повозки задели одну из наших кибиток и опрокинули. Я ехал впереди в открытых санях. Увидя падение повозки, стремглав бегу туда и кричу: «Все ли живы?» Один бог спас младенца нашу дочь, которая едва не погибла под опрокинувшейся повозкой. Сколько раз над младенческой ее колыбелью витало злоключение! То брошена она была кормилицей, то смерть предстояла ей в волнах Оки, то гибель угрожала на скате горы.

Дорог и младенец!

А между тем по областям европейским разлеталась гробовая весть, изреченная завоевателем: «Пехота потеряна! Пушки растеряны! Конница погибла!»

И сколько изливалось слез! Сколько раздавалось рыданий! Сколько изрывалось могил!

БОГОРОДСК

В день двадцать пятого декабря, в тот самый день, когда на снежных равнинах России исчез последний след нашествия, приехал я с семейством в Богородск, в окрестностях которого месяца за три перед тем стоял маршал Ней. А зачем? Об этом можно спросить и по распоряжениям тактическим, и они скажут: за тем только, что везде были потемки и везде было недоумение.

В Богородске семейство мое остановилось в доме доброго городничего, а я пустился в Москву для обозрения, где можно приютиться на пожарном ее пепле.

Что чувствовал я при въезде в могилу пожарную? Не высказываю и высказать не могу. Впоследствии взглянем

на эту картину. А здесь упомяну только, что, отыскав приют для семейства, я тотчас схватил перо и написал речь в воспоминание воинов, павших на родных полях.

Вот из нее отрывок.

«Вместе со слезами, льющимися на пепле первопрестольного русского града, льются слезы и на ваш прах, великодушные русские воины! Скорбь оковала бы уста, но благодарность оживляет сердце, мысли и душу. Если мы насладились еще радостным свиданием с супругами, если мы насладились взорами и улыбкой скитавшихся наших младенцев, если ступаем еще по родной земле и дышим воздухом, очищенным от бедоносного нашествия: вам, вам обязаны тем, мужественные защитники Отечества! Ваша вера и верность спасли нас от плена и оков.

О стыд Европы мнимо-просвещенной! Какими мрачными чертами в летописях всемирных изобразится неблагодарность ее народов к сынам России! Давно ли русские воины в различных европейских странах проливали кровь за независимость, за собственность их жителей?.. Лилась кровь русская на песчаных берегах Голландии; обагрились русской кровью цветущие долины Италии; на ледяных вершинах, на каменистых утесах гор Альпийских, под мрачными и громовыми тучами парили орлы российские; гремел гром россиян, сверкала их молния, и там, с неугасимой славой сынов полночи, багреет кровь русская,— кровь единственных в мире воинов, которые с такой же верностью защищали чужие пределы, с какой сражаются за безопасность родных стран.

Жители Голландии, Италии, Германии, Пруссии, Швейцарии! Вы зрели русских воинов, пришедших не для себя, но для вас; вы их приглашали; вы поручали им свое спасение, вы видели их раны, их смерть... и вы с исполином нашего века восстали на родных, на друзей, на братий ваших защитников! На вас самих ссылаемся: из стран ваших принесли ли что-нибудь русские воины, кроме печальных вестей о братьях, за вас умерших?

Горестные воспоминания, промелькните как сон мгновенный!»

«Мы не величаемся славою тысяча восемьсот двенадцатого года: мы приносим чувствования признательности на алтарь провидения, охранившего Отечество. Русские не величаются силою победоносного оружия; они рады, что им защищен край родной; и они льют слезы о бедствиях, постигших человечество.

Не выставлю здесь ни одного из имен сынов России,

сражавшихся за Россию и венчавших жизнь свою в Отечестве смертью за Отечество. Все имена их слились в сердцах наших в одно святое чувство, в чувство благодарности.

Вас нет!..

> Но слава тех не умирает,
> Кто за Отечество умрет;
> Она так в вечности сияет,
> Как в море ночью лунный свет.
>
> *Державин*

ПРОЯВЛЕНИЕ СОБЫТИЙ 1812 ГОДА

В исходе 1806 года оружие завоевателя, угрожавшее рубежам России, предвестило 1812 год. Громоносная его колесница, коснувшись рубежам, рано или поздно должна была прорваться внутрь нашего Отечества. Так думали наблюдатели тогдашних обстоятельств. Но и какой урок предстал тогда завоевателю! По воззванию Александра Первого возникло ополчение Земских войск. Шестьсот тысяч земледельцев от сохи пришли к оружию. Золото, серебро, вещи драгоценные отовсюду летели на алтарь Отечества. Доходили о том вести до Наполеона, он изумлялся и едва верил.

В политической картине 1805 года и первых трех месяцев 1806 года сказано было: «Несправедливо думают, будто бы для укрощения властолюбивых порывов завоевателя всегда и во всяком случае нужно по пятисот тысяч войск». Заграничные политики угадали, что в России, и кроме существующих войск, найдутся новые силы.

Мир Тильзитский был временным перемирием. Наполеон час от часу более усиливался полками разноплеменными, а Россия, отыскивая в недрах своих родные пособия, в лоно девятнадцатого века призывала на помощь семнадцатое столетие. Около того времени производилась подписка на памятник гражданину Минину и князю Пожарскому. Память доблестей заветных воскресала в душах всех сословий и приготовляла дух русский на великие подвиги за Отечество. Наступил новый тысяча восемьсот двенадцатый год; наступил, повторим и здесь, ровно через два столетия; загремели имена Минина и Пожарского, и, как будто бы заслоня собою от нас осьмнадцатое столетие, кликом призывным разнеслись по обширным пределам нашего Отечества.

Тысяча восемьсот двенадцатый год разделяю на четыре периода.

Период первый:
Распоряжение войск.

Период второй:
Отбытие государя от войска и составление ополчений.

Период третий:
Прибытие Кутузова к войску и оставление Москвы.

Период четвертый:
Тарутино и далее.

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ. ВОЙСКО

Россия предприняла войну оборонительную. Наполеон ли уверял или за него уверяли, что в Отечестве нашем будет только перегон людей (подлинное выражение смягчаю); не было перегона людей, войска русские сражались, обороняясь, соединяясь по предварительному предначертанию и отступая, чтобы отступлением и уступлением пространства земли истомлять нашествие. Не летал тогда и Наполеон молнией и не громил перуном внезапным. Он ко всему присматривался и все старался сообразить. Тогда еще не пришла очередь и зоркому его взгляду смотреть и не видеть. Но и тут не удалось ему отрезать ни одного отряда при соединении русских корпусов, а корпус Дохтурова, находившийся в положении затруднительном, к двадцать первому июня, преодолев все трудности, вышел из опасности. Не зная или утаивая истину, заграничные ведомости об этом обстоятельстве говорили следующее: «Корпус генерала Дохтурова казался отрезанным; он встречался с колоннами Карди, Сульта, Пажуля и Нансути. Одно бурное волнение природы, ополчившееся в дождях проливных на полки французской армии, спасло корпус русского генерала».

В русских «Военных известиях» от июля шестого из Полоцка сказано: «После изложенных успехов, первая армия следует быстро левым флангом к Полоцку, соображая действия свои с движениями неприятеля. Происшествия с тех пор не представляют никакой перемены со стороны военного положения обеих армий».

Военное положение армий час от часу более устремлялось к цели своей. Армии сближались, граф Витгенштейн защищал псковскую дорогу.

Простой взгляд на печатные известия о военных действиях российской армии против французов 1812 года представит важное событие. Бури нашествия бушевали в России около семи месяцев, а известия о том едва ли не целой половиной превосходят известия о военных действиях 1813 и 1814 годов. На триста тридцати шести страницах стесненной печати предложены семимесячные известия о военных действиях внутри России. Так много и в такой короткий срок завоеватель девятнадцатого столетия, скажем без оговорок, дал труда и работы и войску и всему русскому народу и всему нашему Отечеству.

Заметим также, что в наших известиях (как увидим далее) явно и откровенно объяснялись и о главной цели движения русских войск и о причине уклонения их от главной битвы. Весьма вероятно, что все известия, помещаемые у нас в различных ведомостях, были и в руках Наполеона и в руках его полководцев. Весьма вероятно, что ему могли в точности переводить наши известия: отчего же он не верил им и отчего не предпринимал надежных мер к ниспровержению заранее предпринятых и соображенных движений и действий русских войск? Об этом было выше упомянуто в обозрении полководца-Бонапарта, затерявшегося в Наполеоне-завоевателе.

ВОЙСКО И НАРОД. ГЛАВНЫЕ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ДО ИЮЛЯ ПЯТНАДЦАТОГО

От июля девятого снова повещено было, что соединение армий есть главнейший предмет всех движений. Государь был в пути к победам над сердцами народа; полки русские мужественно сражались и непоколебимо стояли там, где должно было или стоять или умирать, чтобы совокупными душами огромлять и разрушать нашествие. Дивен был полет духа полководцев русских. Июля девятого Раевский из Бобруйской крепости вышел с тринадцатью тысячами; десятого числа встретился при Дашковке с первыми неприятельскими войсками, напал и отразил на семь верст до деревни Султановки. Тут стеклось до сорока тысяч неприятелей, защищенных речкой и лесом, а к этой твердыне пролегала только большая дорога, огражденная по сторонам деревьями, и обороняемая батареями. Бестрепетной мыслью сообразя очевидную опасность, Раевский извещает о том князя Багратиона. Приказ от него: «Нападать!» Под тучею

пуль и картечи русские идут по большой дороге на явную смерть. Раевский и Васильчиков быстро бросаются с лошадей. Они в рядах под огромлением полков наших. Неприятель усиливает напор свой. Раевский хватает за руки двух юных сынов своих и восклицает: «Вперед, ребята! Я и дети мои откроем вам путь!»

Посвящая одному из юных сынов Раевского своего «Кавказского пленника», Пушкин сказал:

«В поля кровавыя, под тучи вражьих стрел,
Младенец избранный, ты гордо полетел;
Отечество тебя ласкало с умиленьем
Как жертву милую, надежды верный цвет»

Полки Раевского, одушевленные отцовским его самоотречением, пролагают Платову путь к Смоленску для соединения с первой армией.

В то же почти время, то есть июля тринадцатого, граф Остерман, за болезнию графа Шувалова приняв в начальство свое четвертый корпус, отряжен был для нападения при Островне на два соединенные французские корпуса, предводимые Мюратом и принцем Евгением Богарне. Нужно было прикрыть движение главной армии и облегчить соединение ее с армией Багратиона. Яростно гремела неприятельская артиллерия и вырывала целые ряды храбрых полков русских. Трудно было перевозить наши пушки, заряды расстреляли‌сь, они смолкли. Спрашивают графа: «Что делать?»—«Ничего,— отвечает он,— стоять и умирать!»

Русские стояли непоколебимо и отстояли новый путь к соединению армий.

Часть войск неприятельских порывалась на корпус Дохтурова, стоявший для наблюдения около Бешковичей. Хотя быстрыми движениями Дохтуров замедлял ход его, но корпусу надлежало перейти Двину, чтобы соединиться с армией при Витебске на левом берегу реки. Необходимость требовала задержать и удержать неприятеля там, где накануне сражался граф Остерман. Дивизия Коновницына сменила корпус графа Остермана. Целый день горел бой упорный, и тринадцатое июля слилось с четырнадцатым июля в день нераздельный, день нового мужественного подвига полков русских. Получив приказание, Коновницын ночью двинулся на то место, где предложено было дать главное сражение.

ДЕЙСТВИЯ ДУХА НАРОДНОГО. МОСКВА, ТВЕРЬ, НОВГОРОД, ПЕТЕРБУРГ

До устроения еще общего ополчения Екатерина Павловна изъявила желание вооружить дружину на берегах Волги. А июля пятнадцатого в один день, в один час, и на берегах Москвы-реки и на берегах Волхова и на берегах Невы гремел единодушный голос: «Отдадим все! Готовы идти поголовно!»

Того же июля пятнадцатого, когда Россия на родных полях своих восстала за Россию, Тормасов разбил сильный отряд саксонских войск и вытеснил его из Кобрина, где за двенадцать лет перед тем отдыхал Суворов от итальянского и альпийского своего похода и где, страдая на одре болезни, сказал: «Семьдесят лет гонялся я за славою: мечта! Покой души у престола всемогущего!»

ПРИЧИНЫ, ПОЧЕМУ ГЛАВНАЯ БИТВА НЕ СОСТОЯЛАСЬ ПОД ВИТЕБСКОМ

Невзирая на частные успехи полков русских, для общего охранения войска князь Багратион по занятии Могилева, переменя прежнее направление на Оршу, двинулся на Мстиславль и Смоленск. А Барклай-де-Толли отменил главную битву под Витебском и решился идти к Смоленску, куда маршал Даву мог устремиться со всеми силами своими. Первая армия двинулась в тот самый час, когда арьергард был в жарком сражении и совершала движение свое перед лицом неприятеля. Прикрывая отступление, граф Пален каждый шаг ознаменовывал мужеством, прозорливостью и блистательным искусством. Сильный, упорный бой кипел на берегах речки Лугесы, главное войско в стройной безопасности продолжало путь свой.

ТРЕХДНЕВНАЯ БИТВА НА ДВИНЕ 18, 19 И 20 ИЮЛЯ

Барклай-де-Толли вел полки свои на берега Днепра, а на берегах Двины загремели битвы трехдневные. Из недр нашествия тысяча восемьсот двенадцатого года в имени одного из французских полководцев как будто бы возрождался тысяча семьсот девяносто девятый год с великими своими напоминаниями; тот полководец — Макдональд. На полях Италии, на берегах Требии, громкой именем Ганнибала-Карфагенского, Макдональд три

дня боролся с Суворовым. До битвы трехдневной спешил он на помощь Моро и — не поспел, вождь полков северных предупредил его. На берегах Двины, по показанию пленных, Макдональд спешил соединиться с Удино и — не поспел. Одинаковые события проявились в различные времена. Но где Требия и где Двина? У завоевателя свой объем и размер земного мира: мир земной был в одной его мысли, в мысли всесветного обладания. Нил, Иордан, Рейн, Неман для него — перелет мысли. Мыслью его убыстрялся и ход его полководцев. Слышно было, будто бы Удино сказал Наполеону: «Поздравьте меня! Вы не дойдете еще до Москвы, а я в Петербурге буду». Мысль о Неве исчезла на берегах Двины. Три дня кипели битвы кровопролитные.

Бежал Удино, заслоняя бегство свое лесами и сжигая мосты на речках. А в полках русских на второй день Двинской битвы трехдневной пал незабвенный Кульнев. Сказывают, что за миг до смерти своей, опасаясь, чтобы труп его не был захвачен в плен, он сорвал с шеи Георгия и бросил в руки храброго полка своего. Грозен был он в боях, но в дни мирные был кроток, как добродетель. Грозно было лицо его, затемненное густыми усами, но в груди его билось сердце, дышавшее всеми нежнейшими ощущениями души человеческой. Под знойным небом Турции и на громадах льдов Балтийских, везде побеждал он и саблей и любовью. Он воспитывался в Сухопутном кадетском корпусе при графе Ангальте и по выходе оттуда обрек себя доблести и стоической жизни Суворова. В чине еще майора в Сумском гусарском полку он был душою полка. Нежный сын матери, обремененной семейством, он уделял ей половину своего жалованья: не жизнь, смерть высказала эту тайну. Когда сослуживцы назывались к нему на солдатский обед, он говорил: «Горшок щей и горшок каши готовы, а серебряные ложки берите с собой». В бытность мою в Сумском уезде, я, сочувственник Кульневу по корпусному воспитанию, коротко ознакомился и с полетом его мыслей и с полетом прекрасной его души. Окинувшись плащом современным его службе и летая на простой повозке, он парил в веках с Плутархом и Тацитом: творения их были неразлучными его спутниками. Не Рим, окованный цепями роскоши всемирной, но Рим земледельческий, Рим Цинцинатов и Фабрициев призраком радужным витал перед мысленными его очами. Называя бедность древнего Рима величием Рима, он прибавлял: «Я умру в величии древних

римских времен». И он умер в величии времен, в величии самоотречения духа русского. Поэт говорит:

«Где колыбель его была,
Там днесь его могила».

Но сажень родной могилы приняла в себя пол-Кульнева, обезноженного ядром роковым. К нему можно применить то, что сказано было о полководце Ранцо: «Du corps du grand Rantzo tu ne vois qu'un départ».

«Здесь храброго Ранцо ты видишь половину:
Другую зреть ступай на Марсову равнину» [1].
«Заслуги в гробе созревают» [2].

Кульнев был в гробу, а память о добродетелях его цвела и созревала. В восьмидневные ночные поиски за Двиною, Кульнев взял в плен раненого французского генерала Сен-Жение. Услыша о смерти Кульнева, пленный генерал пролил слезы и сказал: «Русские лишились человеколюбивого героя, он платком своим и собственной рукой перевязал рану мою».

По необычайному сближению двух двенадцатых годов, то есть 1612 и 1812, англичане первые вызывались в союзники русским. В первый двенадцатый год предки наши не приняли двадцати тысяч англичан, приплывших в Архангельск. Тогда Россия теснее была в пределах своих и приморье Балтийское не было еще присоединено к ней. Наш двенадцатый год требовал сугубой обороны: и на суше и на волнах. 1812 года в июле месяце, когда в России бушевало нашествие, а Россия ополчалась против нашествия, англичане, призывая к такому же подвигу и другие области европейские, говорили и мечтали: «Англия и Швеция, соединенные твердым союзом, при сильном ополчении русских, могли бы ободрить унылых жителей немецкого края. Швеция подкрепит их войсками, Англия оружием, деньгами и огнестрельными запасами. Мы не могли помочь Пруссии 1806 года при Иенском сражении, но теперь Балтийское море открыто».

1812 года море не оглашалось громами военными. Но на реке Ае, по распоряжению Ессена, действовали шесть английских ботов под начальством капитана Стюарта и канонерские и бомбардирские лодки под начальством русского капитана 1-го ранга Развозова. Совокупными их действиями вытесняем был неприятель из занятых им местечек и уничтожались береговые его батареи.

---

[1] Перевод Захарова.
[2] Державин.

Между тем голод, сумрачный предвестник гибели вооруженного человечества, распространял грозное свое владычество в рядах нашествия. Для отыскания продовольствия, устремлялись конные неприятельские отряды на дороги, ведущие к Северной столице. Носилась молва, будто бы Наполеон туда же был намерен устремить войска свои, но то была одна молва, чтобы огромить страхом места дальние. С главными силами своими завоеватель стоял еще у Витебска.

О битвах, происходивших в краю Литовском, где в числе разноплеменных войск, находился и корпус князя Шварценберга, генерал Тормасов от августа второго из селения Новоселок доносил государю пространным известием о сшибках и упорных сражениях. Несколько полных страниц об отдельных действиях отдельной армии как будто бы представляют объем целой отдельной войны. А в семь или шесть месяцев 1812 года сколько было в России таких войн отдельных, войн беспримерных в летописях военных! В войну 1799 года военные действия французов в один день гремели от истока Рейна до впадения его в море, но то было действием мимолетным. А сколько было таких исполинских дней 1812 года на пространствах, которые и быстрейшая мысль едва успевала обнимать? «Неприятель,— сказано в известиях генерала Тормасова,— защищался отчаянно и в укреплениях, и за каменной стеной монастырской, и на подъемном мосту в самом городе на реке Муховце». Завоеватель не мог жаловаться на слабость оружия полков разноплеменных. В пределах России они были его полками. Не они его оставили, его оставила счастливая его звезда.

Августа пятого накануне того дня, когда на берегах Днепра решалась судьба Смоленска, граф Витгенштейн выдерживал бой четырнадцать часов против маршала Удино, подкрепленного и усиленного новыми войсками. Неприятеля было втрое более русских, сила русских умножалась видом и голосом родной страны. Гремел бой под Полоцком, гремел и на стогнах градских. Темнота ночи глубокой прекратила бой упорный и кровопролитный.

ОСТАВЛЕНИЕ СМОЛЕНСКА

Выше сказано было о мужественной обороне Смоленска Раевским, Дохтуровым, Коновницыным и другими. Достопамятно и отступление генерала Неверовского, который с юными и малочисленными полками выдерживал

и выдержал сильный и порывистый напор Мюратовой конницы. Судьба и до 1812 года обрекала Смоленск первою жертвою за Отечество. Митрополит Платон за несколько лет до нашествия, проезжая через Смоленск в Киев, сказал: «Древние стены Смоленска достаточны были в свое время к обороне города, но по нынешним обстоятельствам им нужны новые укрепления». Проницательный взор Платона на стенах Смоленска прочитал будущий его жребий. Не содрогнулась Россия, но сильной была поражена скорбью, когда заветные ее врата распахнулись в даль России. Жалостью кипели сердца русские, уступая пожарные развалины родного города. Но от стен Смоленска до стен Москвы, час от часу более, пролегались могильные пути нашествию. Пламя горящих селений сливалось с ночными огнями сторожевыми, и каждый поселянин и каждый сын России вооружался к защите родного края.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД 1812 ГОДА. ПРИБЫТИЕ КУТУЗОВА К ВОЙСКУ, БИТВА БОРОДИНСКАЯ И УСТУПЛЕНИЕ МОСКВЫ

Напечатал я в моей «Истории жизни Александра Первого», что благовременное прибытие Кутузова к войску было общим торжеством. На гибель нашествия уступали ему пространство земли, но в тех быстролетящих обстоятельствах трудно было обозревать и соображать цель великих пожертвований. На героя отступления, на праводушного вождя, который в стройной непоколебимости вел, охранял и сдал русские полки Кутузову, сильное восставало негодование. Но в ясной душе своей герой отступления крепился совестью и богом. Полагают, что мысль Барклая-де-Толли была та, чтобы затянуть нашествие на берега Волги; слышно было, что уже и отправлены были туда чиновники для заготовления всего нужного. Пишу об этом предположительно. Но из соображения тогдашних обстоятельств явствует, что главное дело состояло в том, чтобы скрыть от Наполеона, каким путем пойдет русское войско по оставлении Москвы. Ибо и при первом шаге и до нашествия Москва стояла обреченною жертвою за Отечество. А к заслонению ею военного пути, как выше упомянуто, приняты были предварительные меры: по отдельной ли своей мысли или по сношению с мыслью предместника своего? Все равно. Главное то, что Казанская или Владимирская дорога и Волга запо-

лонили на несколько дней мысли завоевателя глубоким неведением о русском войске. Если б Барклай-де-Толли и вовсе в этом не участвовал, то, снова повторяю, и тогда бы не мог никто оспорить ни одной ветки из бессмертных его лавров. Обдуманным и стройным отступлением Барклай-де-Толли осекал порыв нашествия и побеждал его. Очевидец и сочинитель книги о походе Наполеона в Россию говорит: «Слепо доверяя Наполеоновым бюллетеням, мы воображали, что будто бы одна большая армия не пострадала. Но по всему течению Двины от Витебска до Риги и всем пространстве между верхним Неманом, Припятью и Днепром, везде остались горестные, несомненные памятники злоключения большой армии. Обольщая нас блеском мнимых побед, бюллетени разглашали, что наши дивные победы стоили нам малого числа людей, а это малое число и до Бородинской битвы простиралось до ста двадцати тысяч!»

Приближаясь к Москве и готовясь к главной битве, вождь отступления писал к Милорадовичу: «Мы можем быть несчастливы, но мы русские, мы будем уметь умереть, и победа врагам нашим достанется плачевною». В день главной битвы, летая перед рядами полков на белом коне в полном мундире и в блеске всех почетных знаков, Барклай-де-Толли смотрел смерти в лицо и как будто бы вызывал ее. Но смерть, разя тысячи, обходила его.

Вступая на землю московскую, дух русских воинов алкал, требовал битвы валовой перед Москвою и за Москву. Жизнь становилась им бременем тяжким; они горели нетерпением отдать ее за жизнь России; кровью своею порывались они искупить каждый шаг отступления.

И запылал бой Бородинский! Гремел ад, но в душах русских воинов еще громче гремел голос: «За вами Москва!»

С обеих сторон смерть пировала так, как не удавалось ей пировать со дней звучания жерл медных.

Сказывают, что Наполеон перед битвой Бородинской, обращаясь к Нарбону, сказал: «Сегодня и мирному дипломату доведется блеснуть в эполетах. Сегодня будет бой. А что такое бой? Трагедия. Сперва выставка лиц, потом игра страстей, а, наконец, развязка». Но видя, что трагедия Бородинская в сильный пошла разгром, он прибавил: «Сегодня развязка затянулась».

Сказывают, что на убийственное поле Бородинское Наполеон посылал Коленкура осмотреть, нет ли там и трупов воинов гвардейских полков? Коленкур донес, что

из рядов гвардии пали русские воины. Eh, bien! l'armée Russe est a'sonagonie; marchong! «Войско русское,— вскричал Наполеон,— умирает, вперед!»

НАПОЛЕОН В МОСКВЕ

Кто-его гонит? Наполеон внутренний гонит Наполеона внешнего, он раб самого себя, в нем урок вселенной.

И Наполеон вогнал себя в Москву: зачем? Досмотреть неразыгранную трагедию Бородинскую.

Он в Москве, и какое новое, сильное небывалое на лице земли ополчение встретило Наполеона и перед Москвой и в стенах Москвы; ополчение, не существовавшее со времени бытия столиц и великолепия человеческого: то грозное ополчение было — гробовое безмолвие исполинской столицы. В первый день Наполеон бежал от ополчения безмолвного: он прислушивался за заставой, что скажет древняя русская столица? Он ждал! Чего? Чтоб Россия поникла пред ним челом просительным, он мечтал, что вся Россия там, куда он торопил, куда он гнал себя.

Наполеон в Москве, Наполеон в Кремле!

И среди безмолвия гробового, на унылых стогнах московских, какой гремящий раздается глагол? Ужели для выезда завоевателя летит торжественная колесница? Уже ли громы пушечные и звучащие трубы приветствуют его при всемирных плесках народов земных? На что это все? Он из широкой груди своей выводит, вызывает свою победоносную вселенную; он сам себя приветствует в орлином парении мечтаний своих. На что ему видимое? Для него нет существенности. Он весь во всесветной мечте: и вот что изрекает из очаровательной области своей.

«Солдаты! Каждый шаг ваш — торжество.

В три месяца вы истребили три войска, собираемые неприятелем три года.

Ваши головы поникли под бременем лавров.

Победоносные ваши длани водрузили знамена на челе башен московских.

Ваша беспримерная слава удивит потомство.

Вы в столице России, где триста тысяч жителей умоляют вас о пощаде.

Итак, ваш жребий — всегда побеждать!

Здесь за подвиги ваши ожидала вас награда.

Побежденные русские — жертвы ярости своей.

Отвергая выгоды и не внемля рассудку, они летят на смерть неизбежную.

. . . .

Бывший московский градоначальник, враг французов, теперь присутствует в совете: он глава приверженцев Англии.

Солдаты! Мы преодолеем все препоны. Россия будет побеждена. Я с вами. Вооружитесь мужеством, терпением и повиновением.

Не забывайте, что вы победители Египта, Маренги, Сарагоссы, Иены, Аустерлица и Можайска.

Уничижите гордыню мучителей морей, пятый раз соединившихся против нас с утеснителями Европы.

От громоносных ваших ударов не восстанет страшная русская пехота. Войско русское бежит; оно рассеялось и не повинуется начальникам.

Солдаты! Вы достигли до пределов той славы, которая увековечит имена ваши; в летописях французских прогремят ваши подвиги в даль веков...»

Достопамятнее всего в этом воззвании то, что Наполеон ни слова не промолвил о мире. Нет также никакого намека о мире и в речи его перед битвой Бородинской.

При бое барабанном, при звуках труб, едва появился Наполеон, загремело: «Vive L' Empereur!». «Это восторг Аустерлицкий,— воскликнул он,— читайте воззвание!»

Вот оно.

«Солдаты!

Вот сражение, которое вы ожидали с таким нетерпением. Победа в руках ваших. Она доставит вам изобилие, хороший зимний постой и скорое возвращение в отечество. Будьте тем, чем вы были под Аустерлицем, Фридландом, Смоленском, и пусть отдаленнейшее потомство величается вашими новыми подвигами; пусть о каждом из вас скажут: «Он был в великой битве под стенами Москвы!»

Летя в Москву в восторге аустерлицком, Наполеон воображал, что в чертоги кремлевские поспешат с берегов Невы послы с мольбой о мире. Но когда и Москва, тонувшая в огненном потопе, не вызвала мира, тогда поэт-завоеватель, у которого в воображении были неистощимые пособия вспомогательные, сам придумал необходимость мира для русских и для России; он сам хотел взять на себя посредничество в мире и быть спасителем России от нового и грозного нашествия татар. Спросят, как это и что это такое? Истина историческая мысли Наполеоновой; мысли дивного поэта-завоевателя. И эта мысль естественным образом родилась в плодовитом его

воображении. В Испании он мельком взглянул на дух самоотречения; в России, увидя вполне самоотречение русских от всей вещественной собственности, он представил себе, он уверил себя, что не он воюет с Россией, но что русские на пожарное опустошение России сами накликали беду, призвав к себе на помощь татар, неукротимых своих врагов.

Вот его слова:

«При самом вступлении нашем в Россию русские призвали татар, и убийственные длани их простерлись к разорению прекрасного и обширного государства. Ни слезы, ни стоны москвитян не смягчали опустошителей. В несколько недель сожгли они более четырех тысяч деревень и пятьдесят городов. Татары утоляли древнюю свою ненависть к России, показывая, будто бы для того все предают огню, чтобы окружить нас пустыней» [1].

История Наполеона, история его мыслей.

Как бы то ни было, но провидение в лице Наполеона, просящего в Москве мира, послало свету великий урок, урок смирения силы человеческой, и какой силы? Наполеоновой!

Не запискам, не частной истории, но общей истории человечества предлежит решение вопросов. Во-первых, отчего в девятнадцатом столетии, отчего при блеске образования европейского Наполеону нельзя было дать мир?

Во-вторых, отчего в мире политическом возникают обстоятельства, препятствующие давать мир?

Это дело истории вековой.

Но и в записках можно взглянуть на то, что способствовало Наполеону заполнить умы народа французского?

Дюкло, живописец нравов восемнадцатого века, сказал: «Le Français est L'enfant de L'Europe. Главный его недостаток — быть всегда юным. Для него нет зрелых лет, у него от юности шаг к старости».

Отчего же существовало такое детство?

«Кто не знает истории своего отечества,— говорит Цицерон,— тот живет в вечном ребячестве».

Ужели французы XVIII века не знали своей истории?

Вольтер отвечает: «Ce que les Français suvent le moins, l'est l'histoire de France». «Французы восемнадцатого века менее всего знали историю Франции».

---

[1] Из речи, произнесенной Наполеоном в законодательном собрании.

В том же упрекал и семнадцатое столетие Бальзак-старший. «В пресыщении,— говорил он,— недужного века мы не посетовали б, если б бездна времени поглотила подлинные истории: мы любим басни, сказки, мы гоняемся за погремушками воображения».

Французы восемнадцатого столетия не знали и законов. 1790 года Деландин перед лицом целой Франции сказал: «Le dix-huitième siècle a eclairè les sciences et les arts mais il n'a rien fait pour la lègislation».

«Восемнадцатое столетие озарило науки и искусства, но ничего не сделало для законодательства».

Говоря о политиках восемнадцатого века, Даржансон, бывший иностранных дел министром 1755 года, сказал: «Наша политика сплетена из козней, изобретенных богинею раздора; она не ведает ни Реи, ни Астреи».

Возмужали ль французы, «младенцы европейские» [1], от 1789 до 1804 года, когда пожизненный консул Бонапарт стал императором Наполеоном? Не вхожу об этом в исследование. Но они были тогда на той чреде, когда сильной руке всего удобнее владычествовать. Монтескье в книге своей о величии и падении Римской державы, сказал: «Властелин, которому достается в наследство республика, вместе с нею захватывает власть беспредельную».

Под ничтожным управлением Директории республика, по тогдашнему мнению, перешла в армию. В мощную длáнь свою Наполеон захватил в армии республику ратную, превратил ее в подвижную ратную империю и очутился с нею в пределах России.

До времени, от Наполеона, взглянем на величественное, единственное зрелище в летописях всемирных, взглянем на Отечество, которое с спокойным самоотречением трудится и работает для избавления России дланью ревностной и душой неутомимой.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ ТЫСЯЧА ВОСЕМЬСОТ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА

Битва Бородинская — пир смерти и могила исполинская праха жертв нашествия и сынов России. Торжество Кутузова — переход через Москву за Москву, венец рус-

[1] Дюкло.

ского полководца — Тарутино, где, как увидим, обновилась двенадцатого года жизнь Отечества нашего.

Но гробовое поле Бородинское и в наше время будет вызывать мысль человеческую на заветные равнины свои. Сын Альбиона, Джиферлей, три года сряду в летние месяцы навещал поле Бородинское. Приплыв к берегам Невы и не останавливаясь в северной столице, спешил на равнины Бородинские и Семеновские. Под открытым небом был ночлег его. Мысль его прислушивалась и к громам, оглашавшим те равнины, и к кликам и воплям народов нашествия, и к порывам духа русского. На поле Бородинском и под Семеновским писал он поэму «Битва Бородинская». Не знаю, вышла ли она в печать и жив ли поэт битвы Бородинской, знаю только, что года три тому назад доставил он ковры для помоста храма Христа-Спасителя, воздвигнутого, как упомянуто было, на батарее под Семеновским.

Обходя равнины битвы и увлекаясь мечтами, я думал: «Под Семеновским, на левом крыле битвы исполинской, есть уже памятник священный, есть церковь и созидается обитель, откуда и ежедневно и ежечасно будут возноситься моления за сынов России, павших в день двадцать шестого августа. Что, если б и на правом крыле воздвигся храм во имя Адриана и Наталии, празднуемых в день битвы Бородинской, и если б по одну сторону его был странноприимный дом для убогих, а по другую для престарелых воинов с садом и другими привольями хозяйственными? Что, если б устроилась и часовня на том месте, где стоял кивот и где совершалось молебствие перед иконой Смоленской божьей матери, сопутствовавшей войску до выручения Смоленска из рук неприятельских?»

Так мечтал я и в перелете мечтаний представлялся мне памятник у того рва, за теперешним садом общинной обители, где Наполеон, отуманенный недоумением, спрашивал у наших пленных чиновников: «Как идет у русских война с Турцией?»

Повторяю об этом обстоятельстве с некоторыми подробностями.

Когда русская гвардия выдержала и отразила троекратные усилия конных французских гренадер и кирасиров, названных Наполеоном «железным войском», и когда русская конница в очередь свою угрожала левому крылу его, тогда Наполеон громаду войск своих опрокинул на середину русских полков, стоявших на кургане. Граф

Остерман-Толстой вступил в первые ряды. Гвардия двинулась ближе и к смерти и к пагубе врагов. Валовой напор устремляется на укрепление, где начальствовал генерал Лихачев в отсутствие раненого Ермолова. Отражен первый порыв. Гуще стесняет Наполеон ряды свои и яростнее нападает. По трупам павших его полков летят новые: укрепление захвачено. Лихачев, обагренный кровью, текущей из ран, с потерей укрепления, отбросив от себя жизнь, ворвался в ряды неприятельские на явную смерть. Он захвачен в плен и представлен Наполеону. Но в России и на поле Бородинском и везде, даже и мимолетные удачи обращались к огромлению его мыслей. Спрашивая Лихачева о войне русских с Турцией, он узнает, что война уже кончена и что полки русские из пределов Турции выступили в Россию.

Наполеон и не знал и не верил этому!

Какой переход от всеведения к недоумению! И какой переход быстрый! Казалось, что в первых числах июня 1812 года политическая судьба областей европейских была в мощной руке его; едва промелькнули два месяца и где великий ум великого политика?

Непрязнь человеческая останавливается у могилы странников мира, перешедших в лоно земли, в лоно общей нашей матери. И так, мне представлялось, что у того рва, где так разительно проявилось политическое недоумение исполина нашего века, возносится памятник с надписью: «Мир праху двадцати народов нашествия тысяча восемьсот двенадцатого года!»

Мир! и да будут равнины Бородинские и Семеновские примирением человечества европейского! На лице, их по неисповедимым судьбам провидения, в один день, в один час и на одном месте, почти все народы европейские испытывали силы и борьбу мужества с мужеством: пусть же после опыта кровавого равнины битвы Бородинской будут уравнением взаимного уважения народов и да исчезнут тщеславные прения о превосходстве сил вещественных! Русский полководец поле битвы Бородинской назвал «местом гладким». Тут ни холмы, ни вершины гор не заслоняли полков сопротивников; все смотрели в лицо друг друга и в лицо смерти! Тут негде и некогда было действовать ни хитростям, ни уверткам военным; тут была борьба явная, открытая; тут шумел дождь ядер и картечей убийственных; тут порывались на взаимный перехват батарей, как будто бы на взятие крепостей, отверзаю-

щих путь в области обширные. Тут был пир смерти! И нигде и никогда не была она так упитана с тех дней, когда человечество узнало порох и медяные жерла, в громах своих заглушающие вопли жертв пораженных.

Равнины битвы Бородинской гладки, как ток, на котором из уложенных снопов вымолачивают питание человечества, а по лицу их и по узким расщелинам у кустарников разлетелся пепел девяноста тысяч воинов!

Батареи, бренные нагромождения земли мертвой, кажется, пережили дни целых веков. Целые поколения воинственного человечества при переходе с берегов Нары и с берегов Москвы-реки до берегов Сены перешли в сон могильный. Тут блеснули в памяти моей разительные мысли, высказанные путешественником при взгляде на развалины горы, разрушившейся 1751 года в пределах древней Гельвеции. «Так,— говорит он,— так разрушаются и замыслы блистательные и замыслы кичения властолюбивого! Громом падения своего огласила дальние окрестности гора разрушившаяся, с таким же шумом протекают грозные нашествия и на стезях своих оставляют гробовые развалины! Но правда и любовь, подобно солнцу, сияющему на лазури небесной, блестят и не угасают на вершине столетий».

День битвы Бородинской! Будь общим днем воспоминаний! В один с нами день да льются общие слезы всех народов твердой земли Европы! Наполеон не завещал себе памятника на стогнах парижских, но перед битвой Бородинской он дал слово, что о каждом из них будет вечная память о том, что он был на великой битве под стенами Москвы. Народы европейские! С именами ваших родных, ваших друзей душевных означьте полными буквами: «Бородино, Семеновское, Москву, Россию». Мы не упрекнем вас за то: громы ратные сближали все народы, да превратятся они в пальмы вечного мира!

Нам, сынам земли, или, лучше сказать, сынам мира роскошного, нужно по временам исторгаться из вихря рассеяния и, сближаясь с душою своей, сближаться с судьбой человечества. Шум веселий земных заглушает в душе память о бедствиях человечества. А когда более двенадцатого года девятнадцатого века, когда более было бедствий и злоключений на лице земли европейской?

Источники слез лились из глаз моих, когда в первый раз въехал я на равнины битвы Бородинской. Мне казалось, что каждый оборот колес моей повозки попирает развеянный прах тысяч жертв битвы Бородинской...

Для меня продолжается еще тысяча восемьсот двенадцатый год.

Спасение Отечества успокоило мое сердце, но я отжил для радостей земных. Двадцать четыре года далек я от всех увеселений общественных. Не порицаю их и не положил я на себя зарока. Но с двенадцатого года скольких не стало друзей моих юных, весенних дней! Напоминание о них, напоминание о бедствиях человечества и до могилы — часто сводит меня в могилу. Не ропщу на провидение. Для меня глубокая скорбь душевная — вестница новой жизни.

НАПОЛЕОН, ОСАЖДЕННЫЙ РУССКИМИ В МОСКВЕ

Кутузов движениями по Тульской дороге прикрывал пособия обильнейших областей русских; соблюдал неразрывную связь с армиями Тормасова и Чичагова; охранял свои полки и принимал в операцию со всеми силами линию, посредством которой, начиная с дорог Тульской и Калужской, готовился отрядами пересекать всю линию неприятельскую, растянутую от Смоленска до Москвы.

Лишенный таким образом всех пособий с тыла, Наполеон при первом шаге в Москву (повторяю и здесь), не затерявшись в самом себе, увидел бы угрожавшую ему опасность за мнимое торжество над Москвою, а если б в то время сетование и недоумение не оковали уст древней русской столицы, то она могла бы сказать с русским полководцем: «Потеря стен моих, не потеря Отечества».

По Тверской дороге перед Москвой стоял барон Винценгероде под ямом Черной грязи. Передняя его застава, находившаяся в восьми верстах от Москвы, каждый день приводила пленных. Сторожевые отряды по дороге С.-Петербургской, Дмитровской, Ярославской и Владимирской бодрствовали на страже неусыпной. Сентября девятого казачий отряд Иловайского двенадцатого открыл и разбил неприятеля в селении Соколове. В то же время сильный отряд отправлен был через Воскресенск и Рузу для воспрепятствования действиям неприятеля по дороге Можайской.

А при начале новой войны за Москву под Москвой Наполеоновы полки, сражавшиеся с графом Витгенштейном и утомленные неоднократными поражениями, коснели в бездействии.

Но не дремали ни силы, ни дух русский.

Успешное действие и непрестанное движение русских военных отрядов под Москвой вызывали на борьбу с неприятелем и дружины поселян подмосковных. Главное, отличительное качество людей русских, дух бодрости в опасностях явных, где они могут действовать в виду друг друга и соревнуя друг другу. «Не посрамим земли русской! Не выдадим себя!» Вот заветный отклик честолюбия русского народа. Не заглядываясь на безделицы и не суетясь о пустом, русские жарко принимаются там за дело, где дело требует дела. А потому и живо и дружно шло вооружение сельских дружин.

От сентября второго до сентября одиннадцатого, то есть десять дней по оставлении Москвы, были важнейшими днями и потому, что главное русское войско разило неприятеля без оружия и потому, что дух русский отуманивался еще недоумением. Движениями скрытными, искусными, действуя по разным направлениям, Кутузов не только завлекал в сети неприятеля, но изумлял и своих. Глубоко обдумав и сообразив великую тайну бокового движения, русский, опытный полководец говорил: «Дело идет не о том, чтобы успокоить Отечество, но чтобы спасти его».

Сказал я выше, что при разгроме недоумения, поразившего жителей Коломны, я не мог даже отыскать и семейства моего, ожидавшего меня там. Встревожены были жители и других мест, но то было заторопление мимолетное. Яснее блестит солнце после перелета туч, яснее светилась и мысль русская после мгновенного недоумения. Около четырех месяцев странствуя по различным краям России и один и с семейством, я мог наблюдать дух народный и по внутреннему убеждению совести говорю, что Наполеон везде бы встретил такую же борьбу с дружинами поселян, какую встречал в окрестностях московских и в смоленских уездах.

Между тем движения главного русского войска по Калужской дороге час от часу более прикрывали и Тулу и Калугу и Орел. Завоеватель порывистым пером своим водружал орлы французские наверху башен Кремлевских, а Кутузов из глаз его увел русское войско. Не видя русских полков и смущаясь недоумением, неприятель посылал сильные отряды отыскивать русских в России и — везде встречал неудачу.

К дальнейшему обеспокоиванию тыла неприятельского, к стороне Можайска, отправлен был сильный отряд с Дороховым, а подполковник Давыдов, как сказано в

военных известиях, «давно уже жил между Гжатском и Можайском».

Час от часу более кипел разгул малой войны. Ударил час малой войне истомлять, раздроблять и огромлять исполинскую войну нашествия. Силы малой войны высказывают и опыты прошедшего столетия. Тахмас-Кули хан, то есть раб Тахмаса, вступя на чреду властелина с именем шаха Надира, или победителя, потрясая Персию и Индостан, смирялся перед дружинами лезгинцев.

Войско Кутузова, не теряя своих, в продолжение десяти дней захватило в плен пять тысяч рядовых, множество чиновников и в том числе генерала Ферье, начальника штаба, короля Неаполитанского. В том же известии сказано о новых успехах Тормасова и о соединении с ним Дунайской армии Чичагова.

Отряды Дорохова, непрестанно тревожа неприятеля по Можайской дороге, перехватывали добычу, курьеров и препятствовали всем подвозам. Русские отдельные отряды в различных местах как будто бы смолвясь душами, везде разили неприятеля внезапными нападениями и везде зоркими очами подстерегали его. Можно сказать, что и леса и овраги и все воевало вместе с ними.

Непрестанно огромляем был тыл войск Наполеоновых под Москвой и далее; то же претерпевали и полки, сражавшиеся с графом Витгенштейном. Тщетно заваливали они тропинки даже и в глубокой чаще лесов; тщетно укрывались за болотами; мужество русских везде их отыскивало.

В день семнадцатого сентября охотники из ополчения, находившегося в авангарде Милорадовича, бросясь отважно в штыки и кипя мужеством, выгнали неприятеля из деревни Чириковой. Вышеупомянутый генерал Ферье и адъютант князя Понятовского граф Потоцкий захвачены были в плен.

Ополчение торжествовало на поле битв, торжествовало ополчение и на берегах Невы, на Петербургском театре. Я говорю о драме Висковатова, игранной в Отечественную войну под названием «Ополчение». Те, которые видели это представление, и теперь еще воспоминают о том с душевным восхищением. И действительно, казалось, что тогда все возрождалось новой жизнью. Иван Афанасьевич Дмитревский, соперник Гаррика и Лекеня, неся на раменах своих почти целое столетие, вышел на театр в виде заслуженного воина, видевшего славу Румянцева-Задунайского и полководца Италийского. Бле-

стящий ряд знаков доблестей военных сиял на груди его. Он снимает с себя медали, возлагает их на алтарь Отечества и говорит: «Что дано мне за старую службу, то отдаю для новой службы за Отечество!» Тут благословляет он на брань и на смерть внука своего, которого представлял В. М. Самойлов. Возложа трепещущую руку на голову юноши, Дмитревский не по заданным словам, но по вдохновению души своей, голосом любви к Отечеству, любви пламенной, вещал живую речь русскую, завидуя в юноше не весне лет его, но тому, что он полной, отважной жизнью может служить и умереть за родную землю русскую, за любезное Отечество!

В начале и продолжении войны 1812 года главная цель была соединение войск и проложение к тому путей. К сей важной цели содействовало и упорное сражение, продолжавшееся 19 сентября, двенадцать часов под начальством генерал-майора Вельяминова при корчме Гаросен, где сходятся четыре дороги: Бауска, Митавы, Петергофа и Экау. Дороги были соблюдены; неприятель, превосходивший числом наших, не выиграл ни одного шага. «Войско,— говорит в донесении своем генерал-лейтенант Эссен,— оказало беспримерное мужество, отражая пять раз неприятеля, нападавшего на наш левый фланг».

Вследствие претерпенных неприятелем поражений войска Макдональда оттянулись от прежнего своего положения, что и доставило еще более удобства успешным действиям графа Витгенштейна, а графа Штенгейля ввело с ним в сообщение.

ТАРУТИНО И БЕРЕГА НАРЫ

Между тем, когда русские войска с различных краев России как будто бы мощной цепью опоясывали полки нашествия; между тем, когда рассеянные наши отряды и дружины поселян разили неприятеля боем налетным, на берегах Нары расцветала и жизнь войска и жизнь Отечества. Слышал я, слышали и многие то, что души престарелых русских крестьян говорили и повещали жаркой молодежи своей: «Дети! Ребята! Ступайте в Тарутино, там старый наш дед-богатырь, посланный богом и царем, думает думу крепкую, как оборонить родную нашу землю и как выгнать ястреба хищного из нашей матушки Москвы, уж не белокаменной, обесчещенной, да беда ж тому, кто опозорил ее!»

И русские ребята-молодцы, поклонясь святым иконам

и приняв благословение отцов и матерей, кто на коне, кто пешком не едут, не идут, а стрелой летят к деду старому проситься не на жизнь, а на смерть. Лаской русскою, речью умною их приветствовал полководец наш, как своих родных. Раздают им и копья и ружья, и они кричат: «Спасибо, наш отец! За царя и край родной не пожалеем голов своих!»

Дух русский вполне ожил во второй заветный двенадцатый год. Переменялся вид городов и селений наших; изменялось внешнее бытие России; но коренной, самобытный дух русский хранил жизнь свою в глубине души своей. Заветное свойство русское не рассыпная радость, подобная, говоря просто, перелетным пернатым. Оно на бессменном постое задушевном. Прислушиваясь к звукам русских наших самородных песен, чувствуем, что даже и в самых разгульных и удалых напевах откликивается какая-то грусть, какое-то уныние. Но это не ропот на судьбу. В этой грусти и полнота веселья и сладость слез и прелесть бытия. Если плачут очи русские, то верно заодно плачут с душой. Дремлют и орлы парящие, дремлет в обыкновенное время и свойство народное. Громы нашествия вызвали из души русской грусть по Отечеству, и вместе с нею излетело из нее самоотречение, безусловное, беспредельное, дело шло тогда «быть или не быть земле русской на лице земли». В наш двенадцатый год и в голову не приходило никому никакого условия, было одноличное условие: или умереть за Отечество или жить для Отечества и все отдать Отечеству. В первый двенадцатый год, в год наших предков, были условия не о сбережении личной жизни, но о том, кому сберечь бытие России? А нам бог дал в наш двенадцатый год одну мысль: «Как сберечь Отечество?» Из сей мысли возникли и оборона и избавление Отечества.

Тарутино цвело полной жизнью и стана воинского и бытия общественного. Войска освежались и усиливались полками запасными. «Крестьяне,— говорит Кутузов,— горя любовью к родине, устраивают между собой ополчения. Случается, что несколько соседних селений ставят на возвышенных местах и колокольнях часовых, которые, завидя неприятеля, ударяют в набат».

На берегах Нары был и мир политический; туда от берегов океана донеслась весть о том, что испанцы и англичане с победоносными знаменами вступили в Мадрид. Светлая заря освобождения древней русской столицы разливалась с берегов Нары и на могильный пепел

стогн московских. Певец и питомец Москвы, Жуковский, на лире, оглашаемой громами ратными, пламенные звуки песен своих сливал с жаром, пылавшим в сердцах воинов. Вергилий писал, что под шумом оружия молчат музы. И Ломоносов говорил, что мирные занятия муз не променяет и на золотое Язоново руно. Но поэт наш, не страшась ни трудов, ни походов, ни борьбы с непогодами и вьюгами зимними, обменял все на то, чтобы дышать боевой жизнью сподвижников за Отечество. В печальную годину плена московского Жуковский на берегах Нары был представителем полета русской мысли и заветной души слова русского. Поэт Пушкин вслушивался еще тогда в юный гений свой и прислушивался к песням Жуковского. Историограф Карамзин витал мыслью в вековой дали отечественного бытописания. В необычайный наш год и под пером баснописца нашего Крылова живые басни превращались в живую историю. Гнедич на берегах Невы протекал поприще Гомеровой Илиады, которая в объеме исполинском возрождалась не на берегах журчащей Скамандры, но на берегах рек величавых и у берегов морей обширных. Итак певец войны тысяча восемьсот двенадцатого года, предстоя самолично знаменам русским, сочетал лиру свою и с лаврами орлов русских. Все в дивном проявлялось соединении в дивный наш год. «Вестник Европы» появился на берегах Москвы-реки в те дни, когда пожизненный консул Бонапарт простирал длань к порфире императора французов; «Сын Отечества» среди безмолвия и «Вестника Европы» и всех вестей московских возник на берегах Невы при вторжении в пределы нашего Отечества императора французов, простершего длань не на один престол, но устремлявшего ее на обладание всемирное. Счастливая мысль Н. И. Греча увенчалась блистательным успехом. Не выражу того пером, что ощутили выходцы московские в Нижнем Новгороде и что ощутил я, кочующий издатель «Русского вестника», увидя в первый раз на берегах Волги, на родине Минина, первую книжку «Сына Отечества». Название, достойное благородного сердца издателя и проявлявшее тогда чувство россиян, обрекших себя в жертву сыновнюю за Отечество, сбереженное в первый двенадцатый год самоотречением предков наших и вновь сохраненное самоотречением потомков их.

О «Сыне Отечества» будет еще предложено в дальнейших моих записках, а здесь по отношению к общему семейству человечества выскажу мысль мою о самоотречении.

Что такое самоотречение? Разрыв души со всеми выгодами, ожиданиями и наградами земными. Самоотречение — бескорыстная стезя вдаль веков и горе, если на эту лучезарную стезю упадет хотя пылинка своекорыстия. Пытливый и зоркий взор истории отыщет ее и укажет потомству.

«Христофор Колумб,— говорит сочинитель нового его жизнеописания,— был человек прямодушный и набожный, но две мечты очаровывали его воображение: блеск почестей и страсть к сокровищам. Проторговывая королю Фердинанду новый свет, отысканный его мыслью, он забыл о пользе человечества, населявшего тот свет, а для себя выговорил и наследственный сан адмирала над океаном и королевское наместничество и десятую часть доходов с островов и со всех отыскиваемых стран твердой земли».

Сочинитель прибавляет: «Своекорыстие Колумба все предусмотрело, кроме мечты блеска земного и призрак обладания. Был он в цепях, и цепи нового света легли с ним в гроб».

Чего искал и Наполеон в изобретаемой им политической вселенной? Обладания и преобладания для себя и для своих. И... как быстро промелькнула его вселенная!..

Кроме самоотречения, изъявленного сынами России в два двенадцатые года, летописи вековые свидетельствуют, что человечество на Севере вдыхает в крепкую грудь свою и упорный дух неуступчивости, противоборствующий внешнему гонению.

Вот указания исторические.

«Насилие римлян, потесня народы с полудня на Север, нагнало на колебавшееся свое владычество бурные их потоки.

Спустя несколько веков, Карл, за внутреннее управление названный великим, в строптивых порывах своих отталкивавший народы с полудня на Север, отдал державу свою в жертву их набегов.

А если в наше время кто из властелинов европейских умыслит опустошать области и перегонять народы к Северу, то они, примкнув к крайним рубежам вселенной, стояли бы непоколебимо».

А что далее? — О том прочитайте в шестнадцатой главе сочинения Монтескье под заглавием «Рассуждения о причинах величия и падения римлян».

Возлагая все на алтарь Отечества тысяча восемьсот двенадцатого года, сыны России и на алтарь провидения

возложили целые два столетия событий русского бытописания. Громкие подвиги от 1612 до 1812 года как будто бы смолкли в вековом пространстве. Вызвав из заветной старины имена Минина и Пожарского, мы не выкликивали ни Задунайского, ни Рымникского, ни великолепного князя Таврического. В наш двенадцатый год Россия, подав руку первому двенадцатому году, и среди туч бурного нашествия, взглянув ясным оком на небо, опоясалась мечом или на жизнь за Отечество или на смерть за него.

А между тем, когда берега счастливой Нары час от часу более расцветали жизнью отечественной, печальная Москва и истомлявшееся нашествие час от часу более умирали.

Бедная Москва! И бедное человечество! Чем оно питалось там? Блистательные полки завоевателя уже и на стогнах московских начинали утолять голод пищей народов кочевых.

Бедная Москва! И давно ли за роскошными столами твоими уроженцы всех стран европейских пировали, ликовали и нередко первенствовали? Мы на то не сердились. Русь гостеприимная в мирном поле и на пирах радушных не считается чинами.

Бедная Москва! А теперь при сумраке вечернем, при отблесках унылой луны и родные твои дети роются в грядах истощенных огородов, отыскивая безжизненные остатки полуистлевших растений земных.

Бедная Москва! Куда из стен твоих гонят десятками тружеников бледных, избитых горем, согбенных под тяжкой ношей? Куда их гонят и понукают оружием? Их гонят в стан нашествия с кульками сокровищ огородных и, может быть, последних! Не пеняйте на сынов стран изобильных; не пеняйте на ратников нашествия. Бедная Москва! Не пеняй им! На стогнах твоих им сулили и сокровища Индии и обладание всемирное и дали! Один твой дым пожарный!

НОЧЬ НАКАНУНЕ ПЕРВОГО ОКТЯБРЯ

А в дыме пожарном наступала ночь гробовая, предвестница могильного жребия нашествия. Изредка мелькали в окнах огни, вился дым из развалин пожарных, где в глубине рвов и погребов укрывались и обогревались страдальцы московские у истлевавших костров. Огни сторожевые пылали на улицах. В домах уцелевших

не смели и не умели производить отопления обыкновенного. При исполине нашего века, при созидателе и разрушителе царств земных, некому было в Москве чистить трубы. Так быстро разрушается быт человеческий и так трудно его устраивать!

Среди глухого гула, бродящего по стогнам московским, завязалась сильная перестрелка у Троицкой заставы по Ярославской дороге. В стенах Москвы в различных местах раздаются выстрелы. По краям Москвы рассыпалось несколько казаков с смелыми узниками плена московского и забежавшими в нее людьми посмотреть, что делается в Москве?

У ворот Никитских, в доме, принадлежавшем тогда Позднякову, еще не кончилось представление. В театре почти вся Европа в малом объеме. В доме насупротив театра множество гвардейских французских офицеров. При звуках нескольких фортепиан они танцуют экосез или вальсируют. И вот какой-то счастливец вбегает с двумя или тремя бутылками отысканного где-то вина. Загремело Vivat! Зачокались стаканами. Раздались слова песни военной:

«Attendant la gloire
Prenons le plaisir:
Sans lire au grinoire
Du sombre avenir!»

Тогда еще юношество французское на лету ловило радость, тогда еще не было теперешней задумчивой юности.

Голоса умолкают, юность усаживается, слухом внимательным вслушивается в какие-то новые для нее звуки: то звуки русских песен. По временам раздаются восклицания: mais c'est charmant! C'est admirable! И это правда. Печальный узник плена московского, горестный отец, оставшийся у колыбели младенцев, ученик славного Сартия, управлявшего некогда огромной музыкой князя Таврического, скорбь душевную изливает в звуках унылых. Однажды просили его сыграть вальс. Он отвечал Тассовыми словами: «У меня теперь одна скорбь в душе». «Мы заплатим». «Я беру деньги за уроки, а не продаю себя». «Bravo! — вскричали юноши французские,— c'est un brave homme!» Данила Никитич Кашин отстоял в плену московском русские песни, далее увидят, что и мой «Русский вестник» не был в плену у Наполеона. С Кашиным знаком я от юных лет моей жизни и едва узнал его, встретясь с ним в первый раз после нашествия. Каждый день трепетать и за себя и за колыбели младенцев, не

знать, как и куда укрыться? Особливо кто привык к жизни тихой и каждый день идет за временем рассчитанными шагами. Перелом такой жизни смерть без смерти. Томился и я целый месяц безвестием о семействе, но, свыкнувшись с бурями жизни, я тревожился, а не пугался бурями нашествия. Впоследствии расплатился я с ними тремя горячками, одною за другою. Плен московский и нашествия у многих укоротали жизнь. Это было бы ничего, нередко и сам человек просится в могилу на покой. Но с двенадцатого года не в одной душе моей живет тоска унылая, как будто бы на бессменном постое. Сперва тяготила скорбь по родной стране, а на дальнейшем пути воспоминаний изнывает сердце и по судьбе человечества.

И какие воспоминания!

Из богатого дома Дурасова голландский генерал Ван-деден перешел на мельницу у Пресненских прудов. Там чуть мелькают огоньки и струится густой дым трубок.

Ужасное зрелище, могильнее всех гробовых зрелищ веков средних представляется под стенами дворца Петровского. С краской зубчатого его зодчества сливались огни сторожевые, у которых грелись разноплеменные воины и пламя от костров, на которых в котлах!.. кипящая вода, как будто бы упорствуя взваривать пищу неевропейскую, с ропотными брызгами выплескивается из котлов. В девятнадцатом столетии при высшей степени внешнего образования что такое входило в питание человеческое!..

Но то было еще начало беды гробовой, беды, не выражаемой словом человеческим. Кроме голода вещественного, голод душевный истомлял сердца жертв нашествия. Все отнято у глаз, у слуха, у души. Чем напитать ее? Одни далеко были от того небосклона, который так весело смотрится в волны берега Неаполя! А для других, где очаровательная Андалузия? Где волшебная Севилья? Где романтические берега Рейна? Где реки, веселые рощи и поля Франции? Как сироты бесприютные, сходятся в различные кружки воины разноплеменные, каждый из них летит в страну родную:

«В страну, где пламенную младость
Он гордо начал без забот;
Где первую познал он радость;
Где много милого любил...»

А в тоскливые ночи туманной осени все еще сильнее откликнется в думе унылой.

Шумит холодный ветер над кучами одежд, набросан-

ных по городским улицам и на площади от ворот Спасских до Воскресенских. С фонарями в руках витают около них ратники, дрожащие от стужи ночи октябрьской, витают как призраки могильные. Расхватывают тулупы, шинели, сюртуки, капоты, салопы, а иные... Тут все, тут и утварь храмов божьих.

Но что это такое! Какая пестрота! Какая дикая несообразность в одеждах! Что это на головах! Во что обуты ноги? Что это такое?.. Что такое? В пожарной Москве маскарад Европы разноплеменной? Живые явления из Шекспировых трагедий. А кто зритель? Кто? Око провидения! Оно поверяет успехи просвещения европейского.

Бедное человечество!

На башне Спасской пробило полночь. Огни тусклые не угасали еще в стенах дворца кремлевского. Завоеватель на страже у самого себя. Потупя взоры на помост палат кремлевских, притиснув руки к груди широкой, то медленно, то быстро ходит, то, порывисто оторвав руку от груди, заваленной бременем обладания всемирного, ударяет себя в чело и восклицает: «Итак, должно бежать! А Европа!.. Она еще под пятою моей! Ужасно! Отказывают! Кому?.. Отказывают Наполеону! Я просил, ...просил Наполеон! Просил, чтоб отступить в Вязьму. И оттуда договариваться о мире! Просил... Отказ! Ужасно! Кто звал меня в Россию? Где Москва? В могиле!.. Ужасно!.. Бросить столицу как ничтожную, пустую деревню! Бросить столицу без условий, без договоров, превратить императора французов в сторожа Москвы! И ее нет! Потомство не поверит, а Европа!»

Тут туманное чело завоевателя несколько прояснилось. «Европа! Она говорила и повторит: «Лицо вселенной переменилось! Новый возраст мира стремится из заветной бездны времен и в обширном разлете парит над нами. Двадцать столетий втеснились в одно столетие. Великий ум, герой единственный, посол и орудие провидения, словом, явился Наполеон!» Вот что говорила и что снова провозгласит Европа! А это было сказано, когда венчали лаврами мой лик в одном из древних вольных германских городов в те дни, когда Смоленск пал к стопам моим. Но зачем я не остановился там, зачем не остановился в Витебске! Мне советовали... Советовать Наполеону! Явись другой Наполеон, и ему не поверю, и он должен прислушиваться к мысли моей. Мое я огненными чертами врезалось в грудь мою, оно жжет меня как пламя жерла огнедышащего. Я говорю в себе! Я...»

Дневальный чиновник извещает императора о приходе Лесепса, начальника продовольствия.

На что вырывать из летописей всемирных уроки провидения? Предлагайте их на скрижалях нетленных перед лицом потомства. Дело идет о гибели человечества; дело идет о том, как и от чего оно гибнет? Завоеватель девятнадцатого столетия в стенах подрытого Кремля и в чертогах, тонувших в пожарном пламени нашего двенадцатого года, пропел не песнь лебединую, но песнь погребальную ратным сонмам двадцати народов. Спросят: «Откуда я заимствовал слова его?» Отвечаю: «Если б тысяча восемьсот двенадцатого года на развалинах Москвы онемело слово человеческое, но остались и слух и зрение, то и тогда бы и воздух и прах дымящийся и могильный вой бурь зимних, тогда все события высказали б песнь погребальную, которую не вымышляю, а предлагаю по слуху, по памяти и по скорбному соображению слов с действием.

Лесепс входит.

Наполеон. Eh bien! Ну!

Лесепс. Ничто не помогло.

Н. Ничто!

Л. Стучал по столу из мешков вашими наполеондорами, сулил все, а мужики наотрез мне сказали: «Хоть головы снимешь с нас, мы не отыщем ни хлеба, ни круп, ни мяса, ни овса, ни сена». И государь! Они протягивали головы свои.

Н. Чудный народ!

Л. «Куда же,— спросил я,— все это делось?» Мужики отвечали: «У нас, видишь, батюшка! Такая земля, что если велит бог, так все спрячет и запрячет. Затаила она все и от нас: и мы, помолясь господу богу, прогнали жен, детей и стариков наших в леса, на волю божью».

Н. Русские мужики рассуждают!

Л. У них смысл простой, но удивительный. Однажды при мне, ваши воины, государь, думали, что выманят у них что-нибудь кучей беленьких бумажек. Они взглянули, покачали головами и, не дотрагиваясь до них, сказали: «Не русские это бумажки, господа честные, а французские».

Н. Коленкур! Коленкур! Чего ты смотрел? Дурачился, давал детские балы! Коленкур! Сам ты ребенок! Несмысленный! Не умел он взглянуть на крестьян.

Л. Русских трудно разгадать. Долго жил я в России,

но никак не мог ожидать того, что вижу теперь. Мы, иностранцы, особенно французы, были из первых гостей в столицах. А теперь!..

Н. Русское дворянство разбежалось от татар, которых правительство призвало на помощь и которые теперь все опустошают и все жгут...

Л. Государь, осмелюсь доложить, в русских полках есть и татары, и мордва, и черемисы, и чуваши: это обыкновенный ход службы. Но, государь! Русское правительство не могло призвать никакого целого племени татар.

Н. Как? Что?

Л. Клянусь богом!

Н. Не клянись, а в Париже об этом ни слова. Мои ветрогоны французы всему поверят, что скажу им. Я подарил их именем «великого народа»... Итак, ты думаешь, Лесепс, что все русские вооружились за Россию?

Л. Все. Я встретил тут родственника одного из почтеннейших петербургских коммерческих домов. Разговариваю с ним и слышу, что один из членов этого богатого и уважаемого дома, отправя семейство в Ярославль, закинул ружье за плечо и полетел в армию Кутузова.

Н. Перед сражением Бородинским я говорил Раппу, что Кутузов в Браунау просидел три недели, не выходя из комнаты. Он и теперь засидится...

Л. Не думаю, государь!

Н. Как!

Л. Я слышал еще в царствование Екатерины Второй самые лестные об нем отзывы и Суворова и других тогдашних полководцев.

Н. Кутузов не Суворов.

Л. Не смею спорить. La querre est votre elémént. Война ваша стихия. Но императрица Екатерина употребляла Кутузова в делах военных и политических. 1794 года он совершил знаменитое посольство в Константинополь, и сказывают, что остроумием своим развеселил и султана и весь важный диван. А при том, государь, снова отваживаюсь доложить: дух русский дивно воспылал. Вообразите себе, государь, когда я с графом Лаперузом был в Камчатке, тогда находился там комендантом полковник Козлов-Угринин. Ему теперь лет девяносто, и, я слышал, что и он, как пылкий юноша, полетел в Московское ополчение.

Н. Ужасно! Это тот самый русский, которому, по приказанию моему, отправлено великолепное издание Лаперузова путешествия.

Л. Тот самый.

Н. Неблагодарный! Итак, Лесепс, ты думаешь, что нет никаких средств достать продовольствия.

Л. Никаких, государь! При переходе через Неман вы изволили приказать запастись продовольствием только на тринадцать дней...

Н. В Италии я в две недели одержал шесть побед и преобразил области...

Л. Государь! В Италии. Какое там небо! А слышите ли, какой ревет ветер под небосклоном московским? Но и это только приступ к бурям зимним в России!..

Н. Коленкур! Коленкур!.. Неправда, не он звал меня в Россию. Наполеон звал туда Наполеона и — я в Москве... Но, Лесепс, еще раз спрашиваю, уже ли нет никаких средств!

Л. Никаких.

Н. Итак, армия погибнет. Поди! Я обдумаю.

Два исторических свидетельства о изнурении и погибели многочисленных войск, вдаль заведенных, существовали в семнадцатом и восемнадцатом столетиях и предложены двумя великими французскими писателями. «Рим,— говорит Боссюэ, историк,— сберегал легионы свои, сражаясь с неприятелем, пришедшим с берегов Африки. Римляне знали, что и одно время истребит Ганнибаловы полки в чужой стране, угрожавшей им нуждою и голодом».

«И флоты многочисленные и войска исполинские,— говорит Монтескье,— никогда не успевали. Они истощают области походом дальным и если даже и не подвергнутся какому-нибудь особенному злоключению, то все однако не найдут пособий».

Времена переменяются, но уроки Истории неизменны. То, что говорил Вегеций за несколько веков до Боссюэ и Монтескье, то же самое повторил и Кутузов 1812 года. «Расстроенные силы неприятеля не позволяют ему делать против нас покушений. Удалением от пределов своих лишен он всех пособий».

А между тем, когда в недрах нашего Отечества полки завоевателя час от часу более истощались от голода и болезней, нераздельных с ополчением разноплеменным, о чем выше показано из правил умного Вегеция, между тем в России составлялось новое ополчение, кроме того, которое начало устраиваться в июле месяце; ополчение непобедимое, ибо силу свою заимствовало из непреодоли-

мой силы душевной. То было ополчение русских крестьян, названных нашим полководцем «истинными сынами Отечества». Вещали уроки истории, как пагубно полагаться на одну внешнюю силу, пренебрегая или не зная могущества силы нравственной. «Карл Пятый, исполин — обладатель своего века, в политических соображениях своих ошибался оттого, что не умел исчислить действия сил нравственных и почитал мечтою мужество бескорыстное, то есть самоотречение».

А разве Наполеон забыл, что 1790 года, в год кончины бессмертного Франклина, Франция, в лице представителей своих, облекшись в печальную одежду, торжественно повестила, что никогда не будет воевать в духе завоеваний? Эта повестка смолкла в громах победы Маренгской.

Но неужели Наполеон не знал уроков истории? Знал и много знал до тех дней, когда наступил суд божий.

А тогда! Тогда тот, кто почитает других недальновидными, тот сам низвергается в мрак еще густейший. К ниспровержению смысла его нужно только долговременное счастие» [1].

«Великие мира, протекшие обширный театр летописей всемирных, чем вы славились? Тем ли, что вы повелевали судьбою и по произволу своему управляли переменами, изменяющими лицо земного шара? Нет, вы были только орудием воли непреодолимой; вы исполняли только веления определения невидимого распорядителя вселенной, который по неисповедимым судьбам своим управляет жребием человечества» [2].

И как неисповедимы судьбы провидения! Кто думал из политиков европейских, что Англия в блеске и на заре девятнадцатого столетия должна будет ополчиться самоотречением предков наших семнадцатого века и в тот самый год, когда предки нынешних англичан подавали им длань дружественную? Кто это знал? Ни сир Вальполь, ни Шатам, ни Пит: никто того не знал, кроме провидения. Оно повелело, и англичане девятнадцатого столетия воскликнули: «Нам грозит война упорная или порабощение позорное. Жизнь ничто, когда дело идет о чести и независимости. Дорого будет нам стоить война, но мы готовы на все пожертвования. Тяжелое подъемлем мы бремя, но мы подъемлем его за Отечество. Мы обрекли себя на все опасности за свободу Англии, за

---

[1] Боссюэ — историк.
[2] Историк Иоанн Миллер.

сохранение гробов отцов наших, за храмы божии, за славу Отечества. Для Англии одна беда — поникнуть челом перед властолюбцем».

Ужели Наполеон не слышал и этого громкого глагола самоотречения? И не слышал и по усугублению суда небесного не мог прислушиваться даже и к собственной своей мысли. «В военных обстоятельствах,— говорил Наполеон года за три до нашествия,— в военных обстоятельствах предусмотрительность — качество важнейшее. Она ведет нас к тому только, что в силах выдержать, и не предпринимать того, что сопряжено с величайшими препонами».

Так говорил завоеватель 1809 года и что же проявилось в Наполеоне 1812 года? Забвение себя и всего.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ 1812 ГОДА ОТ ОКТЯБРЯ ПЕРВОГО ДО ДЕКАБРЯ ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО

С берегов Урала спешат новые полки на берега Двины. Они уже на берегах Волги. Часть запасных полков ждет призыва в Туле. В Верее соборный священник Иоанн Скабеев с сильной дружиной поселян срывает неприятельские укрепления. Кудашев действует по Серпуховской и Калужской дороге. От полков Тормасова и Чичагова везде быстро отступают полки неприятельские. Кутузов твердою ногою стоит на берегах Нары. Вся Россия в движении, в движении и прежних и новых сил.

Из затерявшейся думы завоевателя исходит общее забвение и огромляет нашествие забвением сокровищ и военного человечества. Ней бежит из-под Богородска и на пороховом заводе Беренца забывает кошелек с наполеондорами. Маршал Ней с чистыми руками вышел из страны московской. В тот же день, то есть октября первого, генерал Дельзон бежал из Дмитрова, и, как сказано в военных известиях, забыл передовую свою цепь, укрывшись в лес под завесою ночи. Поспешно вбежал Дельзон в Дмитров и, едва вступя, еще поспешнее бежал оттуда. Недоумевая о перелетном входе и выходе его, Винценгероде в донесении своем предъявил, что ему неизвестны причины, побудившие французского генерала с такою торопливостью оставить Дмитров.

Не знал и Наполеон, зачем он двигал и передвигал полки по земле московской. Огромляя Россию нашествием, он и сам поник мыслью под разгромом нашествия. А не далек был от него урок в том, что один неосторож-

ный шаг может расстроить исполинский объем военный. 1796 года генерал Бонапарт, действуя по предначертанию Карно, летел в Италии от победы к победам. Ласкались успехами и другие французские полководцы, бывшие на Маасе, Рейне и на общей черте, но генерал Журдан переступил черту действий обеих армий, и ошибка его уничтожила все огромное предначертание войны 1796 года.

Октября пятого сражались у Тверской заставы. Октября шестого кипел бой на берегах Нары. Граф Строганов движением из лесу, а граф Орлов-Денисов налетом в тыл произвели, как сказано в донесении Беннигсена, «видимое изумление в неприятеле, при затруднительном выходе из укреплений». Кипели битвы и на берегах Двины. Граф Штейнгель, развязанный в действиях своих жарким авангардным боем, выдержанным и одержанным девятнадцатого сентября Вельяминовым-старшим, довершил торжественную выручку Полоцка из рук сопротивников, опрокинув октября седьмого полки их по ту сторону Двины у селения Болонии. Генерал-майор Сазонов первый устремился в стены Полоцка. Сенатор Бибиков с дружинами С.-Петербургского ополчения сражался с отважностью воина, обстрелянного боями. «С.-Петербургское ополчение,— сказано в донесении,— приводило всех в восторг; дрались храбро, отчаянно; дружины его львами летали на батареи и окопы». И речью ломоносовскою прибавим, что в честь его рукоплескали и берега Двины и берега Невы.

Бой Тарутинский был приступом к новой войне. Начало шестимесячной войны называю оборонно-отступательным. Оружие русских отражало оружие нашествия и уступлением земли заполоняло его.

Вторая война, война отрядная и отдельных корпусов.

Войне третьей после Малого-Ярославца не найдем названия ни в каких тактиках. То была, с одной стороны, война изгнания, а с другой — война бегства, война с грозными бурями убийственной зимы, война с смертью голодной, война, изрывавшая повсюду могилы нашествию.

Сильный, упорный гремел бой под Малым-Ярославцем. Русские, повторяю, и здесь отстаивали жизнь полуденных областей России, Наполеон отстаивал жизнь остального нашествия.

Приостановимся здесь.

При начале нашествия полководцы наши дружескими воззваниями не переманивали, а приглашали полки сопротивников в гостеприимные недра России, предлагая

им союз братский и любовь, чтобы они для спасения всех оставили одного.

Но тогда нашествие было олицетворенною славою военною. Блеск доспехов его спорил с блеском солнечным. Зачем двинулось оно? Для обладания над земной вселенной. Кто вождь его? Исполин своего века, под ярким сиянием счастливой своей звезды, гремевший в трех частях света.

Но то было! А теперь одному надобно не выдать себя, поотдать себя за всех.

И как это легко!

Сильвио Пелико сказал: «Люди часто смущаются ненавистью оттого, что не знают друг друга. Им стоит только обменяться несколькими словами, и они подадут руку друг другу».

Посол Наполеона уговаривался под Тарутиным условно, уговаривался, чтобы Наполеону отступить в Вязьму и оттуда договариваться о мире. Прошло время условий! Под Малым-Ярославцем должно было простереть руку безусловно. Наполеоновы полки стоили этой жертвы: они бились как будто бы при блеске счастливой звезды завоевателя.

Один путешественник, обозревая горы Швейцарии, услышал, что жестокосердые сопутники, оставя утомленного своего товарища, подвергли его смерти, в порыве негодования воскликнул: «Как вздохнешь, как содрогнутся и тело и душа, когда помыслить, что люди, что дети одного отца до того каменеют в бесчувствии, что оставляют среди льдов побледневшего своего брата! Он изнемогает; они могут исторгнуть его из челюстей смерти и — они бегут от него. Какое уничижение душевное! Какое сопричисление к диким зверям, которые в глубине лесов заняты только собою».

Небосклон под Малым-Ярославцем засветился пламенем пожарным. Огонь на стогнах его, огонь все пожирает. Кутузов отступает на высоты. Бьет полночь, бьет тот роковой час, который в ночь на первое октября прогремел в Москве на башне Спасской, когда Наполеон узнал, что смерть голодная предстоит его войску.

А от октября первого до тринадцатого сколько человечества битвы и голод вырвали из рядов нашествия!

Мечтаю!

Что, если б завоеватель, завоевав в бездне исполинской души своей чувство сожаления, сам, один, при звуке мирных кликов, устремился возвестить русскому пол-

ководцу, что бой кончен! Что он один отдает себя за всех. И с каким бы восторгом престарелый полководец преклонил чело не перед Наполеоном, императором французов, но перед человеком, отдающим себя за человечество.

И на том месте воздвигся бы памятник, благословляемый небом и землей.

Но он не движется!

Еще миг!..

Миг исчез! И нашествие отражено на путь могильный. Оно бежит мимо поля битвы Бородинской, где сорок пять тысяч жертв, павших под знаменами завоевателя, тлеют на поверхности равнин, где вскоре застелит их завеса снегов и где пламень костров превратит их в пепел пожара московского!

Мысль человеческая! Что ты изобрела в девятнадцатом столетии? Нашествие.

Сбылась клятва русских воинов Бородинских: Москва освобождена. Питомец Дона тихого, Иловайский, возвещает октября пятнадцатого о расторжении ее плена.

И любовь небесная со свода горнего взирает на Москву! Первая в ней жертва воскурилась в жертву спасения человечества. К пленным и раненым французам и другим воинам разноплеменным приставлены врачи. Обеднела Москва в пособиях продовольствия: летят с ним повозки из Клина, и Клин, первый из русских городов дарит хлебом-солью и русских и братьев наших по человечеству. Пленных поручают в охранение того самого Владимира Ивановича Оленина, корпусного моего сопитомца, о котором выше упомянуто и который 1805 года после Аустерлицкого сражения сам от ран пользовался у французских врачей.

Кто знает из нас, сынов земли, где и чем кто кому будет одолжен? Да живет же в нас сердце, торопливое на добро! «Когда правитель вселенной,— говорит глагол Востока,— повелел солнцу осветить небо беспредельное и оплодотворить лицо земли, он рассеял людей и на Север и на Юг и на Восток и на Запад, вещая: наслаждайтесь и дарами душевными и дарами природы! Сходитесь на пир любви, тогда и львы и тигры будут благоговеть перед вами!»

В наш девятнадцатый век сходились со всех сторон сыны земли не на пир любви, а на пир смерти.

Князь Багратион, рану свою бородинскую почитавший раной за Москву, умер, не дождавшись освобождения ее. Прах его покоится во владимирском поместье графа Во-

ронцова, который, за раной бородинской уклонясь под кров сельский, радушной лаской и готовой рукой всем нашим раненым предлагал гостеприимство. В стихах, напечатанных по сему случаю в «Русском вестнике», сказано:

«И отдых русского героя
Отечеству — святая дань!»

Прибавим: «и дань человечеству».

Кто благотворения свои облекает радужной завесой тайны, тот подлинный друг человечества; тот знает, как тяжело иногда принимать и руке и сердцу!

Князь Багратион сердечно любил Москву, и она усыновила его любовью. Всем известно, что 1805 напечатано было в ведомостях, что при отступлении от Браунау к Ольмюцу Багратион оставлен был на жертву для охранения отступавших русских войск. Ему угрожала целая армия Мюрата. Но тут догадка русская и язык французский спасли наших. Все офицеры, знавшие по-французски в то самое время, когда Багратион проманивал Мюрата мнимыми переговорами и пользуясь темнотой ночи, став перед рядами, двинулись сквозь ущелья и на вопрос французов: «Кто идет? — вскрикнули по французски: «наши! Laissez-nous passer; пропустите! Отклик французский выручил русских из беды. Раздалось в обеих столицах:

Велик На-по-ле-он;
то есть: на поле.
Баг-ра-ти-он;
то есть: вождь побед.

А когда герой 1806 года приехал в Москву, тогда Английский клуб, избрав представителем своим Ивана Петровича Архарова, барина радушного и речистого, и присовокупя к нему несколько почетных членов, отправил их к князю послами приглашать на пир любви и благодарности. И был пир! И гремело ура! И как с тех дней оно со многими отгремело? Багратион, богатырь суворовский, не выдержал бы предводительства отступления. Жалость боролась в сердце его с отвагой. Он плакал по Смоленску, плакал по Москве и после битвы Бородинской писал к своим: «Мы не выдадим Москвы». Для перенесения бремени отступления бог послал Барклая-де-Толли. И у Барклая жалостливое было сердце. Но он скрепил его, отдал себя на суд провидения и довел полки до Кутузова.

Между тем неприятель предупрежден на всех дорогах.

Усиленный отряд Милорадовича спешит к Вязьме. Все войско Донское летит опережать нашествие, истреблять мосты, переправы и усеивать гибелью каждый его шаг.

В то же почти время полки, бывшие сперва в Сербии, а потом расположившиеся в Дубно, с генералом Лидерсом шли на Владимир.

В то же почти время сближаясь с Гродно и Вильно, адмирал Чичагов приготовлял легкий отряд к открытию войска графа Витгенштейна. Все или разило или соединялось. Отряды Шепелева и графа Ожаровского спешили к Ельне.

Октября восемнадцатого быстрым, отважным, дружным искусным действием графа Орлова-Денисова и партизанов Сеславина, Давыдова и Фигнера взят был в плен целый французский корпус. «Победа сия,— сказано в военных известиях 1812 года,— тем более знаменита, что в первый раз в продолжении нынешней войны неприятельский корпус сдался нам».

Громки были подвиги наших русских и истинно русских партизан! Громки были подвиги и других отрядов, но отряды, действовавшие под Ригой, как будто бы заслонены были завесой, тем более, что главное их действие началось в годину плена московского. Из сих отрядов достопамятнейший отряд Вельяминова-старшего, первоначально составлявший авангард корпуса графа Штейнгеля. На равнинах Курляндии не способно было действовать многочисленной коннице, а потому корпусу графа Штейнгеля, выступившему из Риги, и предназначено было пройти по правому берегу Двины к Друе. А для успешного в том действия, надлежало занять неприятеля и выдержать авангарду сильный, упорный бой, продолжавшийся двенадцать часов на соединении четырех дорог. Вельяминов и мужественные его сотрудники, поименованные в военных известиях, выдержали его. Давно сказано и доказано, что от первого решительного и успешного шага зависят дальнейшие успехи. Корпус Штейнгеля, отстоянный грудью авангарда, содействовал, как выше сказано и как означено в военных известиях, к исторжению Полоцка из рук неприятеля. Тем же корпусом ровно через месяц, то есть октября девятнадцатого, для свободного действия войска Витгенштейна, оттянут был маршал Виктор. Наконец Вельяминов, неусыпно наблюдая с отрядом своим за всеми движениями неприятеля, зоркою предусмотрительностью своей споспешествовал к обороне рубежей Лифляндии.

Во время еще плена московского маршал Виктор в быстром перелете от стен Смоленска как будто бы с облаков упал на поприще действий графа Витгенштейна. Был я тогда на берегах Волги и слышал молву разгульную. Одни говорили: «У Виктора сто тысяч!» Другие предполагали, что другой Наполеон подоспел к Наполеону. Но октября девятнадцатого подлинный и мнимый Наполеон более и более, говоря выражением Карамзина, «заходили в туманную область небытия».

22 октября Милорадович под Вязьмой, Паскевич и Чоглоков гонят оттуда неприятеля штыками. Перновский полк входит с распущенными знаменами и барабанным боем. Если не ошибаюсь, то Чоглоков был корпусным сопитомцем и храброго и добродетельного Кульнева.

Вязьма! Эривань! Эрзерум! Варшава! тут целая область истории.

Воспоминание о добре освежает душу и в великом горе жизни. Сердце отдохнуло. Снова иду вслед за полетом русских полков 1812 года.

Загремел бой и на высотах Дорогобужа, бой упорный. Милорадович ряды свои принужден был усилить новыми рядами. Наполеоновы полки кипят мужеством, кладут за него головы, а он бежит.

А между тем занимается заря кровавая битвы Березинской. Наступает развязка той великой трагедии, о которой Наполеон говорил Нарбону перед битвой Бородинской. С пятыми ноябрями наступило четвертое действие той трагедии.

Первое пятое ноября. Битва под Красным.

Под Малым-Ярославцем Кутузов усматривал искусные и хитрые распоряжения Наполеона, но завоевателю и в мысль не приходило о боковом движении русских войск от Ельни на Красное.

О трехдневном бое под Красным много писано, и впоследствии обращусь к нему.

Второе пятое ноября.

В тот самый день, когда гремел бой под Красным, Чернышев, полковник двенадцатого года, принес новое одушевление полкам графа Витгенштейна, известя его о войске адмирала Чичагова, бывшего дотоле в безвестии, о битвах, кипевших на берегах Двины. Этот день был днем заочного свидания двух русских армий, в пределах Отечества безвестием друг о друге. Быстрыми переходами Чернышев истребил все переправы, тревожил неприятеля внезапным появлением и воспрепятствовал Швар-

ценбергу прервать связь полков Сакена с полками Чичагова. С благородной откровенностью называл он майора Пантелеева неутомимым помощником своим.

Ноября седьмого граф Ламберт занял Борисов.

«А девятого числа на рассвете,— говорит в донесении своем государю адмирал Чичагов,— граф Ламберт, разделив войска на три колонны, атаковал редуты, занятые корпусом Домбровского, который прибыл накануне форсированными маршами из Березина. Сопротивление было сильное, а сражение жестокое и продолжительное; но вы имеете, государь, в храбром и искусном графе де Ламберте генерала, который не знает препятствий и который почувствовал всю важность поста, где неприятель твердо решился, что б ни стоило удержаться. Сражение продолжалось во весь день, и я с армией уже приближался, когда получил известие, что редуты взяты штурмом».

После поражения под Красным, получив отряд, Ермолов соединился на Орше с Платовым. Ноября одиннадцатого Милорадович, переправясь через Днепр в Копысе, спешил к Томочину соединиться с Ермоловым. Тут сошлись отвага, гром и быстрота. Милорадович, Платов, Ермолов. Под шумом зимних бурь три орла взвились к гоньбе Наполеоновых орлов. Кутузов говорил в военных известиях: «Велик бог! Казаки делают чудеса!» А Платов восклицал: «Ура! Ваша светлость!» Меч Орлова Чесменского сверкал тогда в руках Милорадовича. Имя Ермолова громко откликалось и 1796 года в поход персидский, когда юному графу В. А. Зубову вручил ключи тот самый персиянин, который подносил их Петру Первому. В тот же год на вершине гор Альпийских блеснула слава юного Бонапарта. Но тогда имя его едва долетало до слуха света рассеянного. Тогда в стенах Москвы заняты были модной женой И. И. Дмитриева Юлией и посланием к женщинам Н. М. Карамзина. Тогда на груди женщин большого московского света блистали золотые цепи к уловлению гордого красавца, объявившего войну купидоновым стрелам. Тогда один только Суворов, окинувшись родительским плащом, высылал из ставки к Екатерине возгласы: «Матушка! Вели идти на французов!.. О, как шагает юный Бонапарт!» — То было 1796 года, а в 1812 французы пришли в Москву. На все время и — все на время. И Наполеон в Москве был гостем мимолетным. С именем Бонапарта он долее гремел в таинственном Египте и в пределах Азии. Тогда обхвачен он был лучами славы летописей всемирных, тогда оживали с ним Александр, Цезарь, Ганнибал.

Дальнейшие военные действия предначертаны были самим Александром Первым. Так означено в донесении Кутузова от ноября пятнадцатого.

Душа русская полнотою жизни своей отстаивала землю русскую. Московского полка застрельщик Степан Еременко от ран за Смоленск лечился у помещика Кречетова. Выздоровев и услышав, что отряд неприятельский пробирался через села Млекино и Ползино, собрал дружину поселян, семь человек, как сказано в военных известиях, истребил, а других перевязал и отослал к передовой цепи русских войск. Почетный военный знак и чин унтер-офицера были ему наградой.

В то же время Шепелев доносил из Рославля, что голова Полозов и сто человек мещан, порываясь на оборону родного края, составили отряд, вооружились пиками, саблями и ружьями, бились с неприятелем, переносили раны и охраняли родину.

Уже знамена русские развевались перед Березиной. Войска неприятельские отделяли Кутузова от Чичагова. Нужно было дать весть и войти в сношение. На этот отважный подвиг дан был флигель-адъютанту поручику Орлову отряд казаков. Объем стесненный занимали полки Наполеоновы, а должно было пролететь сквозь всю черту. Орлов ночевал среди стана Наполеонова. Умом сметливым все преодолел, все исполнил и отправлен был к государю с донесением и с двумя знаменами, взятыми Чичаговым.

А между тем ополчения соединялись, выступали в поход, и семьдесят тысяч ратников шли к войску под начальством графа Гудовича.

Березина! Последнее действие Бородинской наполеоновской трагедии.

С берегов Березины в полной пагубе засвирепствовало бегство злополучного нашествия. Ввело оно с собой войну в дни ясного лета и гибло. Томилось оно на стогнах московских под градом огненным, гибнет в скоротечном бегстве на снежных равнинах.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГАВРИЛА РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН (1743—1816) — поэт; учился в казанской гимназии, в 1762—1777 гг. на военной службе, в 1784—1788 гг. правитель Олонецкой, затем Тамбовской губерний. Статс-секретарь Екатерины II, позже сенатор, министр юстиции в 1802—1803 гг. С 1803 г. в отставке. В 1812 г. принимал участие в организации ополчения в Новгородской губернии. Первые стихи опубликованы в 1773 г. Являлся крупнейшим представителем русского классицизма, хотя в то же время его творчество во многом уже выходило за пределы этого литературного направления.

Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества (с. 13). *Свет с эмпира* — в представлении древних греков, эмпир или эмпирей — самая высокая часть неба, наполненная огнем и светом и являющаяся местом пребывания богов. Здесь: небо. *Вторым став Навходоносором* — Навуходоносор — царь Вавилонии (605—562 гг. до н. э.), дважды разорял Иерусалим. *Полки, как класы, посекала* — класы (церксл.) — колосья. *Тамерлан* (1336—1405) — среднеазиатский полководец, завоеватель. *И вы, Гесперья, Альбион* — древние названия Испании и Англии. *...холмы, быв внутрь жуплом наполненны* — вулканы (жупел — горячая сера, смола). *Рымникский, Таврский, Задунайский* — А. В. Суворов, Г. А. Потемкин и П. А. Румянцев. *Желковский* — С. Жолкевский (1547—1620) — великий коронный гетман, канцлер Польши. Во время польско-шведской интервенции занял Москву, добился свержения с престола Василия Шуйского и избрания царем сына польского короля. *Превысил Фабия он в чести* — Квинт Фабий Максим Кунктатор (то есть, Медлитель) (ум. 203 г. до н. э.) — римский полководец и государственный деятель. Во время войны с Карфагеном придерживался тактики выжидания, истощения армии Ганнибала, вторгшейся в Италию, уклонялся от решительных сражений. *Витгенштейн* П. Х. (1768—1842) — князь генерал-фельдмаршал русской армии. В 1812 г.— генерал-лейтенант, командовал первым пехотным корпусом, прикрывавшим Петербург. *Тристаты* (греч.) — военачальники.

Ода на смерть фельдмаршала князя Смоленского (с. 19). М. И. Кутузов получил титул князя Смоленского 6(18) декабря 1812 г. за успешное преследование неприятеля. Скончался он в силезском городке Бунцлау (ныне г. Болеславец, ПНР).

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КАПНИСТ (1758—1823) — писатель, поэт. Родился в семье образованного помещика, выходца из Греции. С 1770 г. на службе в гвардейских полках, где сближается со многими литераторами, в частности с Г. Р. Державиным. По выходе в отставку работал контролером Главного почтового правления, в 1799—1801 гг. служил «по репертуарной части» в Дирекции императорских театров. В 1812—1818 числился по министерству народного просвещения. Большую часть жизни провел на Украине, был губернским предводителем в Киевской и Полтавской губерниях. В творчестве Капниста сильны сатирические и обличительные мотивы, глав-

ным произведением стала комедия «Ябеда», пользовавшаяся широкой известностью у современников.

Видение плачущего над Москвою россиянина (с. 21). *На берег Псла* — имение Капниста Обуховка лежало на берегу р. Псел. *Явор* — дерево чинара. *Нагие горны* — остовы печей. *Поднялся призрак...* — поэту явилась тень Гермогена, патриарха всероссийского в 1606—1612 гг., то есть в разгар польско-шведской интервенции. Гермоген был видный деятель сопротивления захватчикам и изменникам. Был заключен поляками в Чудов монастырь в Москве и, по свидетельству некоторых современников, уморен там голодом предателями-боярами. *Сарданапал* — по неточным сведениям античных авторов, имя последнего из ассирийских царей (VII в. до н. э.), который якобы отличался склонностью к безмерной роскоши и страстью к удовольствиям. *Пенязь* — деньги, монета. *Лепта* — мелкая монета, грош в Библии. *Талант* — древнегреческая весовая и денежно-счетная единица, равнялась приблизительно 26 кг. *Мудрейший меж царей, потомок Филарета* — Петр I. Филарет (до монашества Ф. Н. Романов) (ок. 1554—1633) — патриарх всероссийский (с 1619 г.), отец первого царя из династии Романовых — Михаила. *Сляченна* — согбенного.

На смерть Наполеона (с. 29). Наполеон I скончался на о. св. Елены 5 мая 1821 г. *Вретищами* — дерюгой, грубой тканью.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ШАТРОВ (1767—1841) — поэт, один из наиболее последовательных противников новшеств, вносившихся в русскую литературу Н. М. Карамзиным и его последователями. Писал преимущественно стихи духовного содержания. Известность ему принесла песнь «Праху Екатерины великой» (1805 г.). «Подражания псалмам» во многих своих частях воспринимались современниками как отзыв на события Отечественной войны.

Пожар Москвы в 1812 году (с. 32) *Китай* — Китай-город, район Москвы, древнейшая часть посада. *Стогны* (црксл.) — площади, широкие улицы. *Тени с Стиксовых брегов* — согласно древнегреческой мифологии, Стикс — это река, окружавшая подземное царство мертвых. *...под содомскою грозой* — по библейскому мифу, бог, возмущенный греховностью жителей городов Содом и Гоморра, «пролил... дождем серу и огонь... с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и все произрастания земли...».

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ (1769—1844) — баснописец, драматург, журналист. Родился в семье армейского офицера, с 9 лет был зачислен на службу в тверской губернский магистрат. В 1783 г. пишет первое драматическое произведение, в 1788 г. печатает первые басни, в 1789 г. начинает издавать журнал «Почта духов», затем «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий», вызвавшие неудовольствие двора. Славу Крылову принесла вышедшая в 1809 г. первая книга его басен. В 1812 г. поступил на службу в Публичную библиотеку помощником библиотекаря, где и проработал до 1841 г. 50-летний юбилей литературной деятельности Крылова в 1838 г. стал праздником, какого не знала до этого литературная Россия.

Волк на псарне (с. 36). Басня написана в связи с получением в Петербурге известий о попытке Наполеона вступить в переговоры о мире с Кутузовым через Лористона.

Обоз (с. 37). В басне оправдывается осторожная тактика Кутузова, вызвавшая недовольство двора. *А примешься за дело сам,*

так напроказишь вдвое хуже — возможно, здесь содержится намек на Аустерлицкое сражение 1805 г., когда император Александр, фактически отстранив Кутузова от руководства войсками, привел русскую армию к серьезнейшему поражению.

Щука и Кот (с. 38). В басне высмеиваются неудачные действия при Березине адмирала Чичагова, командовавшего Дунайской армией, которая должна была отрезать французам пути отступления.

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ (1783 — 1852) — поэт, один из создателей русского романтизма. Во время Отечественной войны вступил в ополчение, участвовал в Бородинском сражении. В Тарутинском лагере написал патриотический гимн «Певец во стане русских воинов», впервые опубликованный в декабре 1812 г. и принесший широкую известность его автору.

Певец во стане русских воинов (с. 40). *Святослав* Игоревич (ум. 972) — киевский князь, выдающийся полководец. *И ты... Донской, с четой двух соименных* — московский и великий князь владимирский Дмитрий Иванович Донской (1350—1389), князь Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский, а также брянский князь Дмитрий Ольгердович (ум. 1399). *...наш бодрый вождь, герой под сединами!* — М. И. Кутузов. *Нестор-Бенигсон* — Беннигсен Л. Л. (1745—1826) — граф, генерал от кавалерии на русской службе. В 1812 г. начальник главного штаба армии (с августа до ноября). Удален за интриги против М. И. Кутузова. Назван В. А. Жуковским Нестором по имени старейшего и мудрейшего из царей, отправившихся на завоевание Трои, одного из героев «Илиады». *Остерман-герой* — Остерман-Толстой А. И. (1770 — 1857) — граф, генерал от инфантерии. В 1812 г. командовал корпусом. *Тормасов* А. П. (1752—1819) — граф, генерал от кавалерии, в начале 1812 г.— главнокомандующий 3-й Западной армией, с сентября руководил внутренним управлением войсками при главной квартире. *Багговут* К. Ф. (1761 — 1812) — генерал-лейтенант, в 1812 г. командовал корпусом, погиб в Тарутинском сражении. *...твердый Воронцов... страждет, братскою толпой увечных окруженный* — Воронцов М. С. (1782—1856) — князь, генерал-фельдмаршал, новороссийский генерал-губернатор, наместник на Кавказе. В 1812 г., будучи командиром сводно-гренадерской дивизии, был ранен в Бородинском сражении. Отправляясь на излечение в свое имение Андреевское, он пригласил туда около 50 офицеров и более 300 солдат своей дивизии, раненных, как и он, на Бородинском поле. *Щербатов.. сетует душой о трате незабвенной* — Щербатов А. Г. (1777 — 1848) — впоследствии генерал от инфантерии, незадолго до Бородинского сражения лишился жены, бывшей сестрой поэта П. А. Вяземского. *Пален* П. П. (1778—1864) — граф, генерал от кавалерии, в 1812 г. командир кавалерийского корпуса, командовал арьергардом 1-й Западной армии при ее отступлении к Смоленску. *Строганов* П. А. (1772—1817) — граф, сенатор, с 1807 г. перешел на военную службу. В 1812 г. командир гренадерской дивизии, затем пехотного корпуса. *Кудашев* Н. Д. (1784—1813) — князь, адъютант и зять М. И. Кутузова. В 1812 г.— полковник, затем генерал-майор. Командовал партизанским отрядом. Убит в сражении при Лейпциге. *Чернышов* — Чернышев А. И. (1785 — 1857) — князь, сенатор, военный министр, председатель Государственного совета (1848—1856). В 1812 — 1815 гг. командовал летучим кавалерийским отрядом. *Кайсаров* П. С. (1783 — 1844) — адъютант М. И. Кутузова, в 1812 г. дежурный генерал армии, позже командир летучего партизанского отряда, впоследствии генерал от ин-

фантерии. *Кульнев наш... где жизнь судьба ему дала, там брань его сразила...*— Кульнев Я. П. (1763—1812) — генерал-лейтенант, командовал арьергардом корпуса Витгенштейна. «Кульнев убит в 30 верстах от местечка Люцина, где жила его мать и где провел он свое младенчество» (примечание В. А. Жуковского). *Кутайсов* А. И. (1784—1812) — граф, генерал-майор. Начальник артиллерии 1-й Западной армии. Погиб в Бородинском сражении. *О радость древних лет, Боян!* — имя древнего певца Бояна, воспевавшего воинские подвиги, упоминается в «Слове о полку Игореве». *Певец — податель славы* — Феофан Прокопович (1681—1736) — видный деятель культуры петровской эпохи, поэт, драматург, оратор. *Честь Задунайскому — Петров* — одописец В. П. Петров (1736 — 1799) прославлял победы над турками, одержанные под руководством фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского. *...вестовой Перун по холмам грянул* — ударила вестовая пушка.

Бородинская годовщина (с. 59). Стихотворение посвящено торжествам в связи с открытием памятника на Бородинском поле в 27-ю годовщину Бородинского сражения и переносом праха П. И. Багратиона на Бородинское поле. *И серебряной медали...*— все участники кампании 1812 г. получили медаль «В память Отечественной войны 1812 года». *Вихорь-Атаман* — М. И. Платов (1751—1818). *И тебя мы пережили* — далее говорится об Александре I, скончавшемся в 1825 г. в Таганроге. *Наш Роланд и наш Баярд* — Роланд— герой рыцарского эпоса о подвигах Карла Великого. М. А. Милорадович, подобно Роланду, командовал арьергардом армии. Баярд (1476 — 1524) — знаменитый французский «рыцарь без страха и упрека», свято соблюдавший нормы рыцарской чести. *Сен-При* Э. Ф. (1776—1814) — граф, французский эмигрант на русской службе. В 1812 г.— начальник штаба 2-й Западной армии, погиб в сражении при Реймсе. *Ланской* С. С.— сенатор, член государственного совета, погиб в сражении при Краоне в 1814 г. *Неверовский* Д. П. (1771 — 1813) — генерал-майор, командир дивизии, прославившейся под Смоленском и при Бородине. Погиб в Лейпцигском сражении. *Ланжерон* А. Ф. (1763—1831) — граф, генерал от инфантерии, француз на русской службе. В 1812 г. командир корпуса, отличился в кампаниях 1813—1814 гг. Позже начальник Новороссийского края. *И боец, сын Апполонов* — Д. В. Давыдов, поэт и партизан, выступил инициатором перенесения праха П. И. Багратиона из деревни Симы Владимирской губернии на Бородинское поле. Умер за четыре месяца до юбилейных торжеств.

ДЕНИС ВАСИЛЬЕВИЧ ДАВЫДОВ (1784—1839) — поэт, с 1801 г. на военной службе, с этого же времени начал писать стихи, порой оппозиционного правительству содержания. Участвовал в ряде войн, но особую известность приобрел в 1812 г., когда создал партизанский отряд, успешно сражавшийся с французами. После войны отправлен служить в глухую провинцию на незначительные должности. Был близок с поэтами пушкинского круга и будущими декабристами, но вступить в тайное общество решительно отказался. Творчество Давыдова оказало заметное влияние на русскую поэзию, в частности на Пушкина.

Партизан (с. 65). *На высях, за преградной Нарой* — Тарутинский лагерь был расположен на реке Наре и прикрыт ею с фронта.

Бородинское поле (с. 66). *Невольным пахарем...*— В 1823 г. Д. Давыдов, не выдержав притеснений и обид, вышел в отставку. *Вождь гомерический* — подобный героям Гомера.

ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ ГЛИНКА (1786—1880) — поэт, драматург, прозаик. Воспитывался в кадетском корпусе, участвовал в войнах против Наполеона в 1805—1806 гг. как адъютант графа Милорадовича, впоследствии по состоянию здоровья вышел в отставку. В 1812 г. снова вступил в армию, участвовал в Бородинском сражении и заграничном походе. В 1816—1821 гг.— активный член тайных декабристских организаций. В 1826 г. был арестован и сослан в Олонецкую губернию. В 1835 г. вернулся в Москву, затем в Петербург. С 1862 г. окончательно обосновался в Твери.

«Добрый воин, что с тобой?..» (с. 70). *Бойницы* — здесь: орудийная батарея.

Авангардная песня (с. 74). *Над дунайскими брегами слава дел его гремит* — М. А. Милорадович командовал корпусом в русско-турецкой войне 1806—1812 гг. 13 декабря 1806 г. он освободил Бухарест. *Вязьма* — во время Вяземского боя 22 октября 1812 г. важную роль сыграл авангард русской армии, которым командовал Милорадович.

Партизан Сеславин (с. 75). *Кто так искусно нам дает правдивы вести?..* — отряд А. Н. Сеславина первым донес о выходе французской армии из Москвы и движении Наполеона в направлении к Калуге.

1812 год (с. 77). *Своих голов мы не щадили за икону Владычицы...* — речь идет о считавшейся чудодейственной иконе Смоленской божьей матери (см. «Очерки Бородинского сражения», с. 320). *Седой орел с детьми засел* — подразумевается М. И. Кутузов и его сподвижники.

Славное погребение (с. 81). *Черепом бомб и гранат...* — осколками бомб и гранат.

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ БАТЮШКОВ (1787—1855) — поэт, член «Арзамаса», участвовал в русско-шведской войне 1808 г. и в войнах с Францией 1807 и 1813—1814 гг. Был адъютантом у Н. Н. Раевского, участвовал в Лейпцигском сражении и взятии Парижа.

К Д<ашко>ву (с. 83). *Дашков* Д. В. (1788—1839) — государственный деятель, литератор, один из основателей и самых активных членов «Арзамаса». *...голос мирныя цевницы* — цевница — свирель. *Армида* — коварная волшебница, заманившая рыцаря-крестоносца, в поэме Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», в переносном смысле хитрая обольстительница. *Цирцея* — в древнегреческой мифологии волшебница с о. Эя, целый год удерживавшая у себя Одиссея; иносказательно — обольстительная красавица. *...с израненным героем* — Батюшков был назначен адъютантом к генералу А. Н. Бахметеву, потерявшему ногу в Бородинском сражении. *Хариты* — в древнегреческой мифологии богини красоты, женской прелести.

Переход через Рейн (с. 84). *Германа кочующих племен* — Арминий (Армин, Герман) (18 или 16 г. до н. э.— 19 или 21 г. н. э.) предводитель восстания германских племен против римлян. *Здесь Кесарь бился, побеждал* — Гай Юлий Цезарь разбил в 57 г. до н. э. германские племена у Везонтия, недалеко от Рейна. Кроме того, Юлий Цезарь был первым римским полководцем, перешедшим в 55 г. на правый берег Рейна. *Улея* — р. Оулу в Финляндии. *...ангел мирный, светозарный* — Елизавета Алексеевна (Луиза Мария Августа) (1779—1826) — российская императрица, жена Александра I с 1793 г. *Маккавеев* — Маккавеи — вожди еврейских восстаний во II в. до н. э. против сирийских правителей Селевкидов.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ МИЛОНОВ (1792—1821) — поэт, автор ряда гражданских сатир, расходившихся в списках, а также элегий, посланий и переводов. Из семьи небогатого помещика Воронежской губернии. В 1810—1812 гг. служил чиновником министерства внутренних дел и юстиции. В 1812 г. принимал участие в деятельности комиссии по помощи московскому населению. После 1815 г., оставив службу, последние годы прожил в нищете.

К патриотам (с. 89). *персть* — пыль, прах, земля. *Бельт* — Бельтские проливы соединяют Северное море с Балтийским.

ПЕТР АНДРЕЕВИЧ ВЯЗЕМСКИЙ (1792—1878) — поэт, сенатор, член Государственного совета, товарищ министра просвещения (1856—1858), возглавлял Главное управление цензурой. Либеральные взгляды молодости, приведшие поэта к опале в 1821—1830 гг., сменились после французской революции 1848 г. консервативными убеждениями. В 1812 г. Вяземский вступил в ряды Московского ополчения, участвовал в Бородинском сражении, позже находился в Вологде, где очень болезненно переживал разорение Москвы французами и мнимое бездействие русской армии.

Эперне (с. 92). *Эперне* — город во Франции, славившийся виноделием. *Не виноград, а кипарис,* — в поэзии виноград — символ жизненного веселия, кипарис — смерти и посмертной памяти Вяземский, вернувшийся в Россию в 1839 г., не застал в живых Д Давыдова, умершего за два месяца перед тем. *Про льды Финляндии суровой, про огнедышащий Кавказ* — Давыдов участвовал в войне с Швецией в 1808 г. и в войне с Персией в 1826 г.

К старому гусару (с. 97). Стихотворение посвящено Д. В. Давыдову. *Будто дружеской артели...* — членами «артели» были: Вяземский, Давыдов, Жуковский, Батюшков, В. Пушкин, Ф. Толстой. *Моэт* — марка шампанского.

КОНДРАТИЙ ФЕДОРОВИЧ РЫЛЕЕВ (1795—1826) — поэт-декабрист. Родился в семье небогатого помещика, шести лет был отдан в 1-й кадетский корпус в Петербурге. Выпущен из корпуса в чине прапорщика артиллерии в начале 1814 г., принимал участие в военных действиях в 1814 г. Вышел в отставку в 1818 г. В 1821 г. избран заседателем Петербургской уголовной палаты. В 1823 г. был принят в Северное общество декабристов, одним из руководителей которого он вскоре стал. Совместно с А. Бестужевым издавал альманах «Полярная звезда». Автор ряда свободолюбивых песен, дум и поэм.

Любовь к Отчизне (с. 100). *Термопилы* — то есть Фермопилы — горный проход, в котором спартанский царь Леонид с небольшим отрядом спартанцев и их союзников преградил в 480 г. до н. э. путь огромной персидской армии, шедшей на завоевание Греции. *...изгнанный Камилл римлянин* — Марк Фурий Камилл (ум. 365 до н. э.) — знаменитый римский полководец. Незадолго до нашествия галлов на Рим был изгнан и присужден к крупному штрафу по обвинению в неправильном распределении воинской добычи. Тем не менее разгромил галльское войско, возвращавшееся с большим выкупом из сожженного Рима.

Князю Смоленскому (с. 102). *Алкид* — по некоторым мифам, настоящим именем героя Геракла было Алкид.

ВЛАДИМИР ФЕДОСЕЕВИЧ РАЕВСКИЙ (1795—1872) — поэт, видный деятель ранних декабристских обществ. Принимал участие в Отечественной войне и Заграничном походе, сражался при Бородине.

Награжден золотой шпагой «за храбрость» и орденом Анны 4-й степени. Арестован в 1822 г., позже лишен дворянства и чинов и сослан в Сибирь на поселение, где и остался до конца жизни.

Послание Г. С. Батенькову (с. 108). *Батеньков* Г. С. (1793—1863) — декабрист, поэт и критик. В мае 1812 г. выпущен прапорщиком артиллерии из 2-го кадетского корпуса. Отличился в Заграничном походе. После подавления восстания декабристов с 1827 по 1846 г. в одиночном заключении в Алексеевском равелине. До 1856 г. в Сибири. *Атропа гибельным резцом Едва нить жизни не прервала* — в древнегреческой мифологии Атропа — одна из мойр — богинь человеческой судьбы, прядущих нить человеческой жизни. Атропа (букв. неотвратимая), перерезая нить, обрывает жизнь. В сражении при Монмирале в 1814 г. Батеньков получил десять штыковых ран и попал в плен. *К Гиперборейским берегам* — гипербореи — мифический народ, обитавший, в представлении греков, на крайнем севере. Здесь подразумевается Северный Ледовитый океан. *Декарт* Р. (1596—1650) — выдающийся французский философ, физик и математик. *Кант* И. (1724—1804) — немецкий философ. *Гершель* У. (1738—1822) — выдающийся английский астроном, открыл планету Уран.

Песнь воинов перед сражением (с. 110). *Ксеркс* (486—465 до н. э.) — персидский царь, возглавил третий завоевательный поход персов в Грецию, закончившийся их разгромом.

АНТОН АНТОНОВИЧ ДЕЛЬВИГ (1798—1831) — поэт, лицейский товарищ А. С. Пушкина. Из обрусевших немецких баронов Эстляндской губернии. По окончании Лицея служил в департаменте горных и соляных дел, в министерстве финансов, в Публичной библиотеке. Первое стихотворение опубликовано в 1814 г. В 1819 г. вступил в члены «Зеленой лампы» — «вольного общества» декабристского «Союза благоденствия», однако революционные идеи не оставили глубокого следа в творчестве Дельвига. В 1824—1829 гг. Дельвиг издавал альманахи «Северные цветы» и «Подснежник». Участвовал в основании «Литературной газеты».

«Дщерь хладна льда!..» (с. 112). *Порфира* — царская регалия — длинная пурпурная мантия.

Русская песня (с. 113). *...при Требио* — на р. Треббии в Северной Италии 6—8 (17—19) июня 1799 г. русско-австрийские войска под командованием А. В. Суворова нанесли поражение французской армии генерала К. Макдональда.

Отставной солдат (с. 114). *В Николин день да около Крещенья* — Николин день по старому стилю 6 декабря, Крещенье — 6 января.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН (1799—1837).

Воспоминания в Царском Селе (с. 118). *Минерва* — латинское наименование Афины Паллады — богини мудрости, в данном случае говорится о Екатерине II. *Элизиум* (Элисий, Елисейские поля) — поля блаженных, загробный мир, куда, по верованиям древних греков, попадают души праведников. *Вознесся памятник* — Чесменская колонна, воздвигнутая в честь блестящей победы русского флота над турецким в 1770 г. в Чесменской бухте. *Воздвигся памятник простой* — Кагульский обелиск в ознаменование победы русской армии на р. Кагуле 21 июля 1770 г. *Орлов* А. Г. (1737—1807), граф, главнокомандующий русской эскадрой в Чесменском сражении. *Беллона* — италийская богиня войны. *О скальд России вдохновенный* — В. А. Жуковский. Скальд — древнескандинавский поэт и певец.

А л е к с а н д р у (с. 122). Стихотворение предназначалось для торжественной встречи Александра I при его возвращении из Парижа в 1815 г. Оно было заказано Пушкину директором департамента министерства народного просвещения. *...и вновь восстал...* — подразумеваются «Сто дней». *...о кульмские герои!* — 17 — 18 (29—30) августа 1813 г. русские войска в чрезвычайно трудном арьергардном бою у деревни Кульм (ныне Хлумец, ЧССР) разбили корпус маршала Вандама. *Янус* — италийское божество входа и выхода, покровитель дороги и путешественников, бог времени, решал вопросы войны и мира.

Н а п о л е о н (с. 124). Стихотворение написано по получении известия о кончине Наполеона. *Когда на площади мятежной Во прахе царский труп лежал* — Пушкин описывает Французскую буржуазную революцию 1789—1794 гг. и, в частности, казнь короля Людовика XVI по приговору революционного Конвента 21 января 1793 г. *Тильзит* — после ряда побед наполеоновских войск 25 июня (7 июля) 1807 г. в г. Тильзите был подписан мирный договор России и Франции, по которому Россия признавала все завоевания Франции и обязывалась разорвать дипломатические отношения с Англией. *Немезида* — богиня судьбы и возмездия в древнегреческой мифологии.

В о с п о м и н а н и я в Ц а р с к о м С е л е (с. 127). *Тот отрок Библии* — подразумевается притча о блудном сыне в Новом завете (Лука, 15, 11—32). *Глядите: вот герой...* — речь далее идет о генерал-фельдмаршале П. А. Румянцеве-Задунайском, Ф. Г. Орлове (1741—1796), отличившемся под Чесмою, при о-ве Гидра, в Морее, его старшем брате А Г. Орлове-Чесменском и И. А. Ганнибале (ум. 1801), взявшем в 1770 г. крепость Наварин.

К л е в е т н и к а м Р о с с и и (с. 130). *Волнения Литвы* — речь идет о национально-освободительном восстании в Польше в 1831 г. *Прага* — укрепленное предместье Варшавы. Поводом для стихотворения послужили речи во Французской палате депутатов, призывавшие к вооруженному вмешательству Франции в русско-польские военные действия.

«П е р е д г р о б н и ц е ю с в я т о й...» (с. 131). М. И. Кутузов был захоронен 13 июня 1813 г. в Казанском соборе в Петербурге

П о л к о в о д е ц (с. 132). Стихотворение посвящено М. Б. Барклаю де Толли. *Доу* Дж. (1781—1829) — английский портретист. С 1819 г. работал в Петербурге вместе с русскими живописцами над галереей портретов русских генералов, участвовавших в войнах с Наполеоном.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ЯЗЫКОВ (1803—1846) — поэт, сын богатого помещика, учился в Горном кадетском корпусе, затем в Институте инженеров путей сообщения и на философском факультете Дерптского университета. В 1831—1833 гг. на службе в Межевой канцелярии. Прославился дерзкими вольнолюбивыми стихами 20-х годов, впоследствии сблизился со славянофилами и постепенно перешел на консервативные позиции.

Д. В. Д а в ы д о в у (с. 136). *Знать, Суворов справедливо Грудь тебе перекрестил* — А. В. Суворов был крестным отцом Д. В. Давыдова. *Ты ходил с войной кровавой на Дунай...* — Давыдов участвовал в войне с турками в 1809 г., был адъютантом командующего Задунайской армией П. И. Багратиона.

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ КАТЕНИН (1792—1853) — поэт, драматург, литературный критик и теоретик В 1810 г. вступил в Преображенский полк портупей-прапорщиком, участвовал в Отечественной

войне. Был в Бородинской битве, в Кульмском и Лейпцигском сражениях, участвовал во взятии Парижа. В 1816 г. стал членом и одним из руководителей декабристского «Союза спасения», однако с 1818 г. порвал всякие связи с тайными обществами. В 1820 г. уволен в отставку, в 1822 г. сослан на два с половиной года в деревню. В 1833 — 1838 гг. снова на военной службе в войсках Кавказского корпуса и в г. Кизляре. Первые литературные опыты относятся к 1809 г. Главное произведение — трагедия «Андромаха». Поэтические новации и искания Катенина оказали существенное влияние как на современников, так и на последующие поколения русских литераторов.

Инвалид Горев (с. 139) — одно из последних произведений Катенина. *Цезарь* — австрийский император. *Тут легло людей, что в жатву колосьев* — Аустерлицкое сражение. *Мир заключили* — Тильзитский мир. *С сыном король не ладил* — испанский король Карл IV (1788—1808) во время народного выступления отрекся от престола в пользу своего сына Фердинанда, ранее содержавшегося под арестом. Через несколько дней Карл IV взял свое отречение обратно и обратился с жалобой на сына к Наполеону. Тот заманил обоих претендентов на испанский престол во Францию, где заставил их отречься в пользу своего брата Жозефа Бонапарта, сохранявшего титул короля Испании до 1813 г. *Пусть лягут на приступах тьмами* — тьма — старинное название отряда в 10 000 человек. *Падерой конской...* (бранное) — падалью. *Преемник Фридриха* — прусский король Фридрих Вильгельм III (1770—1840, король с 1797) с февраля 1813 г. вновь вступил в военный союз с Россией против Наполеона. Внук короля Фридриха II Великого (1712—1786). *Меткий Ростбиф хватил его под Тулузой* — Ростбиф — здесь: презрительное прозвище англичан. 10 апреля 1814 г. у г. Тулузы произошло кровопролитное сражение между англичанами и французами. *Новый король из Бурбонов* — Людовик XVIII (1755—1824), занявший при помощи союзников французский престол после падения Наполеона.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ (1803—1873) — поэт. Происходит из старинного дворянского рода. Окончил словесное отделение Московского университета. Семнадцать лет находился на дипломатической службе в Мюнхене и Турине. С 1844 г. на родине. С 1858 г. председатель комитета иностранной цензуры. Первое опубликованное стихотворение относится к 1819 г. Большой цикл стихов Тютчева был помещен в «Современнике» А. С. Пушкиным. Однако широкую известность творчество Тютчева получило только в 50-е годы. Позже, вплоть до второй половины 90-х гг., интерес к его лирике несколько угас. И только с рубежа веков имя Тютчева заняло место среди крупнейших классиков русской поэзии.

АПОЛЛОН НИКОЛАЕВИЧ МАЙКОВ (1821—1897) — поэт. Родился в семье известного художника. После окончания Петербургского университета и поездки за границу поступил библиотекарем в Румянцевский музей, в 1852 г. перешел в комитет иностранной цензуры, где проработал около 45 лет. Первый сборник стихов вышел в 1842 г. и был замечен В. Г. Белинским. Прославился пейзажной лирикой, так называемыми «историческими картинами», античными антологиями.

Сказание о 1812 годе (с. 145): *В пошевнях* — широких санях, обшитых лубом. *Тюльери* (Тюильри) — королевский дворец в Париже, построен в XVI в.; главная резиденция Наполеона. Сгорел в дни Парижской коммуны. *Лишь один стоит посланник* — русским

послом во Франции в 1808—1812 гг. был князь А. Б. Куракин (1752—1818). *Вспомнил он дворец Петровский, Где бояр он ждал с поклоном* — А. Майков ошибся, возможно, неверно поняв строки из седьмой главы «Евгения Онегина». В Петровский дворец Наполеон переехал из Кремля, когда в Москве вовсю бушевал пожар. «Бояр» же он ожидал еще до своего вступления в древнюю русскую столицу.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА ПАВЛОВА (1807—1893) — поэтесса, родилась в семье врача, получила прекрасное домашнее образование, в литературных салонах А. П. Елагиной и З. А. Волконской познакомилась со многими крупными представителями русской мысли и литературы. Литературную деятельность начала со второй половины 20-х годов, писала на русском и немецком языках. С 1856 г. с перерывами жила за границей. Умерла в одиночестве и нищете неподалеку от Дрездена.

ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ БАРАТЫНСКИЙ (Боратынский) (1800—1844) — поэт. Родился в небогатой дворянской семье. В начале 1812 г. был помещен в один из частных петербургских пансионов, а в декабре того же года поступил в Пажеский корпус. В 1819 г. начал военную службу. Несколько лет провел в Финляндии. С 1825 г. в отставке. Умер в Неаполе во время путешествия. Одно время был близок с будущими декабристами, особенно с К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым. Творчество Е. А. Баратынского высоко оценивал А. С. Пушкин, принимавший в нем дружеское участие.

ИВАН САВВИЧ НИКИТИН (1824—1861) — поэт. Родился в Воронеже в зажиточной мещанской среде. Учился в духовном училище, затем в семинарии. После разорения отца Никитину пришлось стать содержателем постоялого двора. Спустя некоторое время Никитин открыл книжный магазин, ставший важным центром литературной жизни Воронежа. Первый же сборник стихов (1856 г.) был замечен Н. Г. Чернышевским. Демократическая поэзия Никитина посвящена тяжелой жизни крестьян и городских тружеников, в ней отчетливо выражены мотивы социального протеста.

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ ВОЕЙКОВ (1779—1839) — поэт, журналист и критик. Родился в дворянской семье, учился в Благородном пансионе при Московском университете. В 1796 г. вступил в конную гвардию, но скоро был вынужден уйти в отставку. Приобрел репутацию вольнодумца после произнесения нескольких тираноборческих речей в «Дружеском литературном обществе» в Москве. В 1812—1813 гг. находился в действующей армии. В 1814—1820 гг. занимал кафедру русской словесности в Дерптском (Тартуском) университете. Со второй половины 20-х и в 30-е годы перешел в лагерь политической реакции. Автор ряда сатир, наиболее известная из которых «Дом сумасшедших» при жизни не публиковалась.

К Отечеству (с. 160). *...и Крымский...*— князь Г. А. Потемкин-Таврический. *Денница* — здесь: утренняя звезда Люцифер (Венера). Фраза означает, что Кутузов сверг демона (Наполеона) в ад. *Царица скифская, рассеяв персиян, Несытного кровей главу отъемлет Кира* — основатель персидской державы Кир (559—530 до н. э.) погиб во время похода против среднеазиатских кочевых племен массагетов. Согласно одной из легенд, царица массагетов отрубленную голову Кира велела бросить в мешок с кровью со словами «Ты жаждал крови, так пей же ее всласть». *Опустошителю Персеполя и Ти-*

ра — Александр Македонский занял столицу персов Персеполь в 330 г. до н. э., а финикийский город Тир взял после долгой осады за два года перед тем. Александр встретил очень большие трудности при покорении Бактрии и Согдианы в Средней Азии. *С полками Салтыков едва выходит к бою* — генерал-фельдмаршал граф П. С. Салтыков (1698—1772). Разбил армию прусского короля Фридриха II при Кунерсдорфе в 1759 г.

Князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому (с. 162). *Не в лыстех мужеских* — лысто (устар.) нога, голень. *Сеннахериб* — ассирийский царь (705—680 гг. до н. э.), вел постоянные войны против Вавилонии и союзных с ней государств. Разрушил Вавилон.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ О ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Привиделся бессчастный сон (с. 167).— Творчески переосмыслена песня, относящаяся ко времени ордынского ига. *Бессчастный* — несчастный, бедственный.

Платов у французов (с. 170). *Загуменная карга* — загуменный — ленивый (тот, кто прячется от работы, спит за гумном), карга в собственном значении ворона.

ВОСПОМИНАНИЯ

Д. В. ДАВЫДОВ. 1812 год

II. Дневник партизанских действий 1812 года.

С. 180. *...письмо... от графа Ростопчина* — Растопчин Ф. В. (1763—1826) — в 1812 — 1814 гг. генерал от инфантерии и главнокомандующий Москвы. Автор «Записок» и других сочинений.

С. 206. *...известился я о кончине... Петра Ивановича Багратиона* — Багратион умер 12 (24) сентября в дер. Симы.

С. 213. *Аякс* Великий — у Гомера храбрейший и прекраснейший из греков после Ахилла.

С. 217. *...атаковать вице-короля Италианского* — Евгений Богарне (1781—1824) — пасынок Наполеона, принц, вице-король Итальянский. В 1812 г. командовал 4-м корпусом французской армии.

С. 225. *Вторым Спартакием* — Спартак — вождь римских рабов в восстании 73—71 гг. до н. э., выдающийся полководец.

С. 228. *Орлов-Денисов* В. В. (1775—1843) — граф, генерал от кавалерии, в 1812 г. генерал-майор. Командовал лейб-гвардии казачьим полком и партизанскими казачьими отрядами.

С. 229. *Ожаровский* А. П. (1776—1855) — граф, генерал-адъютант, сенатор, член государственного совета.

С. 230. *Палуб* — платформа, на которой устанавливалось артиллерийское орудие.

С. 231. *Протектора Рейнского союза* — Рейнский союз 1806—1813 гг.— конфедерация германских государств под протекторатом Наполеона, использовавшаяся для обеспечения французского господства в Германии. *Фланкеры* — застрельщики, высылавшиеся перед фронтом либо на фланги для разведки и завязывания боя с противником.

С. 241. *...слова Кесаря* — Юлия Цезаря.

С. 243. *Соименный мне покоритель Индии* — Дионис (Вакх) в классической Греции бог виноградарства и виноделия. Считалось,

что Дионис прошел по всей Европе и Азии вплоть до Индии, учреждая свой культ. Давыдов сближает имя Денис и имя бога Дионис (Дионизий).

С 247. *Сталь* А. Л. Ж. де (1766—1817) — французская писательница. В 1812 г. находилась в России, скрываясь от Наполеона.

С. 256. *Это был мой Аркольский мост!* — 15 ноября 1796 г. генерал Бонапарт в сражении при Арколе с австрийцами шел со знаменем в руках впереди одной из колонн.

С 265. *«Не нам, не нам, а имени твоему!»* — цитата из Библии, выбитая на медали «В память Отечественной войны 1812 года».

С. 271. *Вильсон* Р. Т. (1777—1849) — английский генерал, с сентября 1812 г. находился в качестве представителя английского командования при М. И. Кутузове, был в то же время неофициальным осведомителем Александра I. *...подобно слонам великого Могола!* — великими Моголами европейцы называли династию индийских правителей, стоявшую у власти с 1526 по 1858 г.

С. 272. *...на эктеньях* — эктения или ектения — заздравное моление во время службы о государе и доме его.

С. 276. *Бенкендорф* К. X. (1785—1828), генерал, в 1812 г. майор, состоял в партизанском отряде Винценгероде, отличился в 1813—1814 гг. Младший брат начальника III отделения. *Тетенборн* Ф. К. (1779 — 1845) — барон, генерал австрийской и русской (в 1812 — 1818 гг.) службы. В 1812 — 1814 гг. командовал летучими отрядами.

С. 277. *...человека, за два года перед сим и в этом же городе имевшего в ведении своем один гарнизонный полк...*— М. И. Кутузов, бывший в опале после Аустерлицкого сражения в 1809—1811 гг., занимал второстепенный пост виленского военного губернатора.

С. 280. *Орлова-Чесменская* А. А. (1785—1848) — графиня, дочь А. Г. Орлова-Чесменского.

III. Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году? (с. 283).

С. 283. *Два отшиба* — отпоры, встреченные французской армией.

С. 285. *Кенкет* — комнатная лампа.

С. 288. *Жомини* А. (1779—1869) — генерал французской, а с 1813 г. русской службы. Известный теоретик военного дела и военный писатель. В 1812 г. был французским губернатором Смоленска.

Ф. Н. ГЛИНКА. Очерки Бородинского сражения

С. 301. *...на Волутиной горе* — 7 (19) августа после оставления Смоленска произошло ожесточенное столкновение русского арьергарда с французами у Валутиной горы и дер. Лубино. *Как парфы* — парфянская держава, постоянно воевавшая с Римской империей, часто использовала тактику отступления и заманивания противника.

С. 302. *Платон* (Левшин) (1737—1812) — митрополит Московский, крупный теолог, историк церкви, педагог. *...фараон погрязнет здесь...*— по библейской легенде (Исход, 14), воды «Чермного» (Красного) моря отступили, дав дорогу бежавшим из египетского плена евреям, но вновь сомкнулись, поглотив бросившееся в преследование войско фараона. *...князь Экмюльский* — Даву.

С. 305. *...три флеши* — так называемые Масловские флеши, не сыгравшие в сражении никакой роли. Флешь (*фр.* стрела) или редант — земляное укрепление в виде тупого угла, обращенного вершиной в сторону противника. *Люнет* — в отличие от редута незамкнутое, открытое с тыльной стороны укрепление. *...под Дашковкою* — 11 (23) июля под дер. Дашковкой Н. Н. Раевский пошел в атаку во

главе своего корпуса, ведя за руки обоих юных своих сыновей. Впоследствии Н. Н. Раевский отрицал достоверность этого эпизода.

С. 309. *Принц Виртембергский* — герцог Александр Фридрих (1771—1833), брат жены Павла I Марии Федоровны. В 1811 г. был белорусским губернатором. Генерал от кавалерии, член государственного совета. *Марков* И. И. (или Морков) (1750—1829) — граф, генерал-лейтенант, командовавший Московским ополчением. *Полеванье* — охота. *В секурс* (фр.) — в помощь, на подмогу.

С. 310. *Кернер* К. Т. (или Кёрнер) (1791—1813) — немецкий поэт, герой войны за освобождение Германии от французского ига. Погиб в партизанском отряде. *Ретраншементы (фр.)* — укрепления.

С. 313. *Горчаков* Андр. И. (1776—1855) — князь, генерал от инфантерии, командовал русским отрядом, оборонявшим Шевардинский редут, был тяжело ранен в Бородинском сражении. *Клепер* — немецкая порода лошадей.

С. 314. *Турецкая пуля... оставила генерала... полузрячим...* — М. И. Кутузов был ранен в голову в 1774 г. под Алуштой.

С. 318. *Тучков* Н. А. (1765—1812) — генерал-лейтенант, командир 3-го пехотного корпуса.

С. 319. *Лавров* Н. И. (ум. 1822) — генерал от инфантерии, с июля 1812 г. командовал в чине генерал-лейтенанта гвардейским корпусом. *Армии русской считалось...* — историки приводят различные сведения о численности обеих армий на Бородинском поле. Обычно называются такие цифры: русская армия — 120 тыс. человек (из них — 10 тыс. ополчения) и 640 орудий, французская — 135 тыс. человек и 587 орудий.

С. 322. *...брат герцога Виченцского* — А. О. Коленкура (1772—1821), герцога Виченцского, французского дипломата, бывшего долгое время посланником в Петербурге и министром иностранных дел Франции в 1813 и 1815 гг.

С. 331. *Аполлионом* — в новозаветном «Откровении Иоанна» («Апокалипсисе») упомянут «ангел бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески — Аполлион», что означает «Губитель».

С. 333. *Лансады* — крутые и высокие прыжки верховой лошади. *Амарантовая шаль* — амарантовый — оранжевый.

С. 335. *...после побоища Задонского* — после Куликовской битвы 1380 г.

С. 337. *Эполемент* (фр.) — бруствер, окоп. *Эпаминонд* (ок. 418—362 до н. э.) — древнегреческий полководец и государственный деятель; применял боевое построение, при котором против одного из флангов противника концентрировалось особенно много отборных войск.

С. 347. *...В книгу Любенкова* — Любенков Н. Рассказ артиллериста о деле Бородинском.— СПб., 1837. В 1812 г. автор был прапорщиком.

С. 354. *Скобелев* И. Н. (1778—1849) — генерал от инфантерии, военный писатель. Участник многих войн. В 1812 г.— адъютант М. И. Кутузова, отличился в Бородинском сражении. С 1839 г.— комендант Петропавловской крепости, способствовал освобождению декабриста Г. С. Батенькова. Автор ряда произведений: «Подарок товарищам, или Переписка русских солдат в 1812 году», «Переписка и рассказы старого инвалида», пьеса «Сцены в Москве в 1812 году» и др.

С. 358. *Паладин* — то же, что рыцарь. *Битва при Креси* — одно из главных сражений Столетней войны между Англией и Францией, в котором отборное рыцарское войско французов потерпело сокрушительное поражение. *В битве Фонтенейской* — 25 июня 841 г. при

Фонтене внук Карла Великого император Лотарь потерпел сокрушительное поражение от своих братьев Карла и Людовика.

С. 364. *Ту́к Германии* — здесь: сила, цвет Германии.

С. 366. *Принц Евгений Виртембергский* (1788—1857) — племянник жены Павла I. Генерал от инфантерии. В 1812 г. командовал сначала дивизией, затем корпусом.

С. 370. *...било черепьем и ивернями* — и в е р е н ь — осколок.

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГЛИНКА (1775 или 1776—1847) — писатель, родился в дворянской семье в Смоленской губернии, брат Ф Н. Глинки. С семи лет в Сухопутном кадетском корпусе. С 1795 по 1800 г. на службе в Москве. Вышел в отставку майором. 3 года провел учителем на Украине, затем вернулся в Москву и поступил в литературную часть театра. В 1807 г. вступил в ополчение. В 1808 г. основал ежемесячный ультрапатриотический журнал «Русский вестник». Автор множества патриотических пьес, поэм и повестей в стихах, рассказов. С 1827 г.— цензор. Главный интерес представляют Записки С. Глинки, разбросанные по разным изданиям.

Из «Записок о 1812 годе».

С. 394. *Воззвание к первопрестольной столице* — Воззвание Александра I к жителям Москвы от 6 (18) июля 1812 г. призывало московское дворянство и купечество выступить инициаторами созыва народного ополчения.

С. 395. *Августин* (А. В. Виноградский) (1766—1819) — епископ Дмитровский, с 1804 г. управлял Московской епархией; *Валуев* П. С. (1743—1814) — действительный тайный советник, сенатор, обер-церемониймейстер, начальник московского дворцового управления и Кремлевской экспедиции.

С. 396. *Амврозия* (амброзия) — в древнегреческой мифологии пища богов. *Золотую мою медаль* — офицеры земского ополчения 1806—1807 гг. были награждены золотыми медалями с надписью «За веру и Отечество».

С. 397. *...разошелся с сокрушением сердечным* — Александр I, опасаясь народных волнений, отложил свой въезд в Москву.

С. 398. *Апраксин* С. С. (1747—1821) — граф, генерал от кавалерии, в 1812 г. в отставке, член 1-го комитета Московского ополчения.

С. 399. *Десятого* — каждого десятого крестьянина из тысячи.

С. 400. *Крюковской* М. В. (1781—1811) — драматург, автор пользовавшейся огромной популярностью трагедии «Пожарский» (1807 г.).

С. 401. *Тацит* Корнелий (ок. 55 — ок. 120 г.) — известный древнеримский историк.

С. 403. *Индийскую драму «Саконталу»* — знаменитая драма индийского поэта Калидасы (кон. IV — нач. V в.) «Шакунтала». Первый частичный перевод на русский язык принадлежит Н. М. Карамзину.

С. 404. *На Флорентийском соборе* (1438—1445) была заключена уния между католической и православной церквами. Последний русский митрополит из греков *Исидор* подписал постановления собора, но был по возвращении в Москву заключен в темницу и низложен. *Бог знает, какой возьмут оборот наши внутренние обстоятельства.*— Растопчин подразумевает возможность восстания крестьян.

С. 405. *...дочь того Неккера* — Н е к к е р Ж. (1732 — 1804) — французский министр финансов в 1776—1781 и 1788—1790 гг. Отставка и ссылка Неккера в 1789 г. стали поводом к народному вос-

станию в Париже, приведшему к взятию Бастилии, что стало началом Великой Французской буржуазной революции. *Моро* Ж. В. (1763—1813) — французский генерал, был одним из лучших полководцев Французской республики. *Веллингтон* А. У. (1769 — 1852) — выдающийся английский полководец и государственный деятель. *Ксенофонт* (ок. 430—355/354 гг. до н. э.) — древнегреческий писатель, ученик Сократа. В 401 г. стал одним из руководителей отступления отряда из 10 000 греков из окрестностей Вавилона к Трапезунду. Этот поход описан Ксенофонтом в его произведении «Анабасис».

С. 406. *Граф Тюрпин в обозрении записок Монтекукули* — Л. Тюрпен де Криссе (1716—1795) — французский генерал и военный писатель, автор «Соображений по поводу мемуаров Монтекукули». Монтекукули Р. (1609—1681) — австрийский полководец.

С. 407. ...*в последнюю войну со шведами* — война 1789—1790 гг.

С. 408. ...*увлекаясь мечтою* — Растопчин был убежден, что существует профранцузский заговор, в котором участвуют русские масоны и иностранцы, живущие в Москве. Поэтому часть иностранных граждан, особенно ему подозрительных, Растопчин выслал в Нижний Новгород. ...*какого-то огромного шара* — в 1812 г. под Москвой под руководством изобретателя Леппиха велись работы по созданию воздушного шара, с которого можно было бы нападать на противника.

С. 410. *Лаперуз* Ж. Ф. (1741—1788) — французский мореплаватель. В 1785—1788 гг. совершил кругосветное плавание, побывал на Камчатке. *Фридерик Второй* — прусский король Фридрих II.

С. 411. ...*отстаивали в стенах Москвы и Москву и Россию* — в 1612 г. основные бои за освобождение Москвы от поляков развернулись 21—24 августа.

С. 414. ...*воззвание на три горы* — Ф. В. Растопчин в своей афишке звал московских жителей идти «на три горы», то есть за Трехгорскую заставу сражаться с французами, и обещал сам возглавить вооружившихся москвичей.

С. 415. *Тучков* А. А. (1778—1812) — генерал-майор, в 1812 г. командовал бригадой.

С. 416. *Пелопид* (IV в. до н э) — фиванский полководец и государственный деятель. *Цинцинатов и Регулов* — Цинцинат — римский консул 460 г. до н. э., диктатор в 458 и 439 гг., вел простой образ жизни, сам обрабатывал землю. Регул — римский консул в 267 и 256 гг. до н. э., полководец. Героически погиб в 250 г. во время войны с Карфагеном. *Карно* Л. (1753—1823) — французский ученый и государственный деятель. В годы республики руководил обороной Франции, в 1795 г. вместе с Бонапартом составил план завоевания Италии. В 1804 г. выступил против установления империи. *В сражении Голоминском* — 14 (26) декабря 1806 г. при Голомине (Голымине) русский отряд Д. Б. Голицына выдержал бой против троекратно превосходивших его численно корпусов Ожеро, Даву и Сульта.

С. 417. *Монтаний, говоря о... друге своем Босси* — Монтень М. де (1533—1592) — выдающийся французский философ. Этьен ла Боэси (1530—1563) — поэт, трагик.

С. 419. *общий спартанский ответ* — лаконический ответ. Лаконика — синоним Спарты.

С. 422. *Мардоний* — персидский военачальник, возглавил поход в Грецию в 492 г. до н. э., в 479 г. до н. э. разорил Афины. ...*при Платее и Микале* — битвы, произошедшие почти одновременно в 479 г. до н. э. и решившие в пользу греков исход войны с персами.

С. 423. *В «Правде» графа Растопчина* — подразумевается «Правда о пожаре Москвы» (1823 г.). *Подыски* (от подыскивать) — искать обвинения, подкапываться, стараться навредить.

С. 424. *Бутурлин* Д. П. (1790—1849) — генерал, военный писатель, автор «Истории нашествия императора Наполеона I на Россию в 1812 г.» — СПб., 1823, 1837—1838. В 1812 г. — поручик.

С 428. *Паскаль* Б. (1623—1662) — французский математик, физик и философ.

С. 429. *Долгоруков* Ю. В. (1740—1830) — генерал-аншеф, участник русско-турецких войн. *«Военный журнал»,* издававшийся в 1810—1811 гг. отставным майором Рахмановым. *Двигубский* И. А. (1771—1839) — профессор Московского университета, доктор медицины, преподавал физику и ботанику.

С. 430. *Жанлисовых романов* — Жанлис С. (1746—1830) — французская писательница. *Граф Ангальт* Ф. (1732—1794) — с 1783 г. на русской службе, генерал-поручик, назначен Екатериной II директором сухопутного шляхетского корпуса. *...взят в плен... под Цюрихом* — 15—16 (26—27) сентября 1799 г. под Цюрихом был разбит французами русский корпус генерала Римского-Корсакова. *Лафатер* И. К. (1741—1801) — швейцарский писатель и проповедник, автор «Физиогномики», был смертельно ранен французскими мародерами.

С. 432. *Кондорсе* Ж. А. де (1743—1794) — французский просветитель, ученый, деятель Французской буржуазной революции.

С. 439. *...приказ идти вперед* — в конце июля — начале августа русская армия дважды предпринимала наступательные движения под Смоленском, но быстро отходила назад из-за угрозы обхода Смоленска французами.

С. 440. *Рибас* О. М. де (1749—1800) — адмирал русской службы. Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. овладел крепостями Березань и Хаджибей, на месте последней по его инициативе была основана Одесса.

С. 450. *...на ...берегах Голландии* — в 1805 г. небольшой русский отряд был отправлен в Нидерланды (Батавская республика).

С. 455. *Екатерина Павловна* (1788—1819) — великая княгиня, сестра Александра I, во втором браке королева Вюртембергская. *Макдональд* Ж. Э. (1765—1840) — маршал Франции. В 1812 г. осаждал Ригу. *...на берегах Требии* — в 218 г. до н. э. на р. Требии Ганнибал разбил римские войска, в 1799 г. русская армия А. В. Суворова разбила при Требии Макдональда.

С. 456. *Фабрициев* — Гай Фабриций Лусцин — римский консул в 282, 278 гг. до н. э., дипломат и военачальник. Был известен честностью и неподкупностью.

С. 463. *Дюкло* Ш. П. (1704—1772) — французский историк и писатель.

С. 464. *Бальзак-старший* — Бальзак Ж. Л. де (1594—1654) — французский писатель, член академии, королевский историограф. *Даржансон* — д'Аржансон М. П. (1696—1764) — французский военный министр. *Директория* — французское правительство в 1795 — 1799 гг. Было разогнано Бонапартом во время переворота 18 брюмера.

С. 465. *Адриан* — христианский мученик IV в., *Наталья*—его жена, перенесшая мощи Адриана в Византию.

С. 467. *...Гельвеция* — старинное название Швейцарии.

С. 470. *с именем шаха Надира* — Надир-шах Афшар (1688—1747) — шах Ирана. В 1726 г. поступил военачальником на службу к шаху Тахмасну, которого низложил в 1732 г., а с 1736 г. объявил себя шахом. *...о драме Висковатова «Ополчение»* — Вискова-

тов С. И. (1786—1831) — драматург, в 1807 г. офицер псковского ополчения. Автор ряда трагедий, в том числе и «Всеобщего ополчения». *Дмитриевский* И. А. (Дьяконов) (1734—1821) — знаменитый русский актер, драматург и режиссер. 30 августа 1812 г. в последний раз вышел на сцену (в пьесе Висковатова). *Гаррик* Д. (1716—1779) — знаменитый английский актер, выдающийся исполнитель шекспировских ролей, драматург. *Лекен* А. Л. (1728—1778) — величайший французский трагик.

С. 471. *Самойлов* В. М. (1782—1839) — известный оперный актер, основатель театральной династии Самойловых.

С. 472. *...вступили в Мадрид* — армия Веллингтона заняла Мадрид 12 августа 1812 г., но была вынуждена вновь его оставить.

С. 473. *Гнедич* Н. И. (1784—1833) — русский поэт и переводчик, перевел «Илиаду» Гомера. *...на берегах Скамандры* — Скамандр — река, протекавшая, согласно Гомеру, рядом с Троей. *«Вестник Европы»* — журнал, выходивший с 1802 по 1830 г., в первые годы редактировался Карамзиным, с 1811 г. постепенно становится консервативным изданием. *«Сын Отечества»* — начал издаваться в Петербурге в октябре 1812 г. Выходил до 1852 г. Был самым передовым и гражданственным изданием в годы Отечественной войны и Заграничного похода.

С. 474. *Карл* (Великий) — франкский император (800—814).

С. 476. *...ученик славного Сартия* — Сарти Дж. (1729—1802) — известный итальянский композитор. В 1784 г. занял в России, куда был приглашен, место придворного капельмейстера. *Кашин* Д. Н. (1773—1844) — русский композитор, автор многих романсов, пьес, двух опер. Происходил из крепостных.

С. 480. *Кутузов в Браунау* — во время кампании 1805 г. М. И. Кутузов расположил русскую армию в окрестностях австрийского города Браунау и не торопился идти на соединение с австрийской армией Макка, оказавшейся в безнадежном положении.

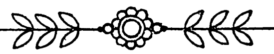
С. 481. *Боссюэ* Ж. Б. (1627—1704) — французский церковный деятель, богослов и историк. *Вегеций* Флавий Ренат (к. IV — начало V в.) — римский военный писатель.

С. 482. *Карл Пятый* (1500—1558) — король Испании (1516—1556), император Священной Римской империи (1519—1555). *Франклин* Б. (1706—1790) — американский политический деятель и ученый. В 1776—1785 гг. дипломатический представитель США во Франции. *...в громах победы Маренгской* — 14 июня 1800 г. у деревни Маренго в Северной Италии Наполеон разбил австрийскую армию. *Иоанн Миллер* — Мюллер И. (1752—1809) — швейцарский историк, его «Швейцарская история» пользовалась огромной популярностью. .. *Сир Вальполь* — граф Орфорд (1676—1745), первый лорд казначейства в 1715, 1721 — 1742 гг. *Шатам* — Уильям Питт-старший, граф Чатам (1708—1778) — глава английского правительства в 1757—1761 и 1766—1768 гг. *Пит* — Уильям Питт-младший (1759—1806) — премьер-министр Англии в 1783—1801 и 1804—1806 гг.

С. 484. *генерал Журдан* Ж. Б. (1762—1833) — маршал Франции, в 1796 г. потерпел неудачу против австрийского эрцгерцога Карла.

С. 485. *Сильвио Пелико* (1789—1851) — итальянский писатель, драматург, мемуарист, 10 лет провел в заключении.

С. 489. *Вязьма! Эривань! Эрзерум! Варшава!* — перечислены основные этапы военной деятельности И. Ф. Паскевича (1782—1856), генерал-фельдмаршала, в Отечественной войне командовавшего дивизией.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ О ВОЙНЕ 1812 ГОДА

ВОСПОМИНАНИЯ

Т 93 **1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников** /Сост. Н. Н. Акоповой и В. В. Бережкова; Вступ. ст. О. Н. Михайлова; Прим. М. А. Бойцова.— М.: Правда, 1987.— 512 с.

В сборник включены произведения видных мастеров русской классической поэзии, посвященные героическим событиям Отечественной войны 1812 г., а также воспоминания очевидцев и участников событий тех далеких лет (Д. В. Давыдова, Ф. Н. Глинки, С. Н. Глинки).

Т $\frac{4702010100-1387}{080(02)-87}$ 1387—87 84 Р 1

1812 ГОД В РУССКОЙ ПОЭЗИИ И ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Составители
Наталья Николаевна Акопова
Владимир Владимирович Бережков

Редактор Е. М. Кострова

Оформление художника Г. В. Котляровой

Художественный редактор И. С. Захаров

Технический редактор Т. Б. Слизун

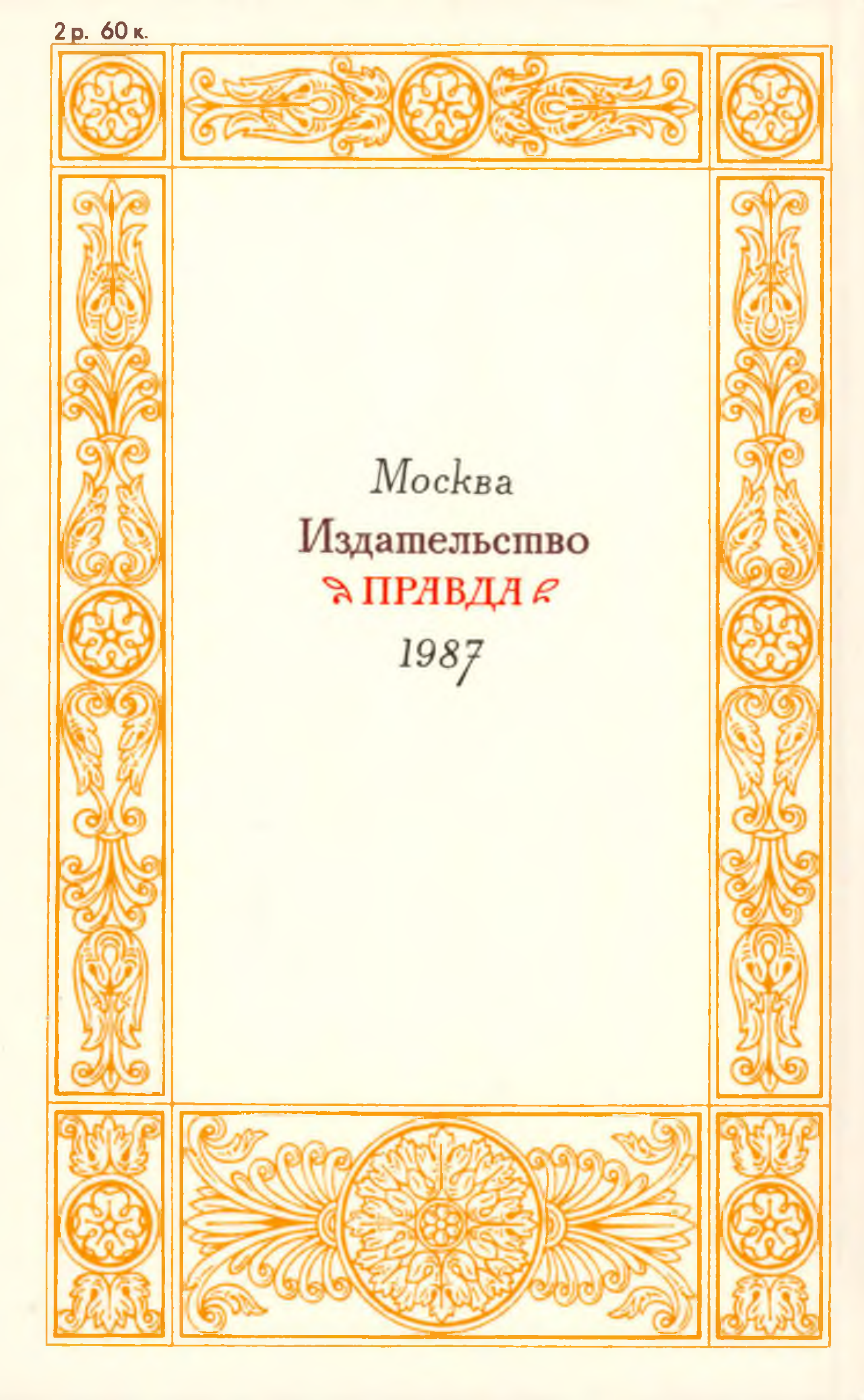
ИБ 1387

Сдано в набор 29.12.86. Подписано к печати 23.03.87.
Формат 84Х108 1/32. Бумага газетная.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 26,99. Усл. кр.-отт. л. 28,36. Уч.-изд. л. 29,42.
Тираж 300 000 экз. 2-й завод: 50 001—100 000).
Заказ № 3931. Цена 2 р. 60 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва,
Заказ № 3930. Цена 2 р. 60 к.

Отпечатано в типографии «Курская правда».
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.

2 р. 60 к.

Москва
Издательство
ПРАВДА
1987